

Общественная
организация
«Межрегиональная
ассоциация
образовательных
организаций высшего
образования»
(ОО «МАООВО»)

Некоммерческое партнерство
«Южно-Российский Университет»

☀ **БИЗНЕС** ☀ **ОБРАЗОВАНИЕ** ☀ **ПРАВО** ☀
ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ИНСТИТУТА БИЗНЕСА

☀ **BUSINESS** ☀ **EDUCATION** ☀ **LAW** ☀
BULLETIN OF THE VOLGOGRAD BUSINESS INSTITUTE

Выпуск № 4 (29) ноябрь

Волгоград 2014

Журнал представляет интересы российских и иностранных ученых, бизнесменов, политиков, докторантов, аспирантов, магистров, студентов, занимающихся исследованиями в области знаний «Экономические науки», а также исследующих проблемы в области знаний «Педагогические науки» и «Юридические науки».

Редакция журнала и редакционный совет активно сотрудничают с научным сообществом вузов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, входящих в структуру НП «Южно-Российский Университет», и с Межрегиональной Ассоциацией образовательных организаций высшего образования (ОО «МАООВО»).

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6).

<http://vestnik.volbi.ru>

E-mail: meon_nauka@mail.ru

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

— оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;

— развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;

— предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;

— формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;

— привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;

— поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;

— налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;

— развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;

— пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of economics (main trends), law and pedagogics.

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

— operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;

— promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;

— providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;

— establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;

— attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;

— search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;

— establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;

— development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;

— promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

География подписчиков, авторов и партнеров рецензируемого научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса» представлена партнерами в ближнем и дальнем зарубежье (более 20 стран) и в Российской Федерации (более 60 городов).

Geography of subscribers, authors and partners of the peer-reviewed Scientific journal «Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute» is presented by the partners in CIS countries and Abroad (more than 20 countries) and in the Russian Federation (more than 60 cities).

- Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Двухлетний импакт-фактор РИНЦ — 0,296
- Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования — 0,030
- Пятилетний импакт-фактор РИНЦ — 0,192
- Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования — 0,042
- По рейтингу SCIENCE INDEX — 1628-е место из 3621 журнала
- По двухлетнему импакт-фактору РИНЦ — 663-е место из 2654 журналов

- The journal has been included into the Russian index of scientific citation (RISC)
 - Biennial RISC impact-factor — 0.296
 - Biennial RISC impact-factor without self-citing — 0.030
 - Five-year RISC impact-factor — 0.192
 - Five-year RISC impact-factor without self-citing — 0.042
 - According to SCIENCE INDEX rating — 1,628-th place out of 3,621 journals
 - According to biennial RISC impact-factor — 663-th place out of 2,654 journals
-

Бизнес. Образование. Право.
Вестник Волгоградского института бизнеса

Учредитель – Волгоградский институт бизнеса

№ 4 (29), ноябрь 2014

ISSN 1990-536X

Научный журнал издаётся с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» – 38683

Редакционный индекс – P8683

Business. Education. Law.
Bulletin of the Volgograd Business Institute

Founder is Volgograd Business Institute

№ 4 (29), november 2014

ISSN 1990-536X

Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Subscription index in the catalogue of «Mail of Russia» – 38683

Editorial address – P8683

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор —

Ващенко Александр Николаевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ВИБ.

Заместители главного редактора:

Кабанов Вадим Николаевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ВИБ, куратор направления «Экономические науки»;

Анисимов Алексей Павлович, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ВИБ, куратор направления «Юридические науки»;

Васильева Светлана Ивановна, канд. социол. наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством ВИБ, куратор направления «Педагогические науки»;

помощник главного редактора –

Сибирякова Татьяна Борисовна, канд. биол. наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления ВИБ.

Анисимов П. В., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права ВИБ;

Белоненко М. Б., д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры информатики и математики ВИБ;

Ростовщиков И. В., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права ВИБ;

Сибиряков С. Л., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса ВИБ;

Алпатов А. В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и. о. зав. кафедрой информатики и математики ВИБ;

Изюмова О. Н., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой финансово-экономических дисциплин ВИБ;

Клеткина Ю. А., канд. экон. наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин ВИБ;

Миронова С. М., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и административного права ВИБ;

Михайлова Е. В., канд. экон. наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин ВИБ;

Нарушкевич С. В., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права ВИБ;

Полтавская М. Б., канд. социол. наук, доцент кафедры экономики и управления ВИБ;

Филиппов М. В., канд. техн. наук, доцент, зам. зав. кафедрой информатики и математики ВИБ;

Шамрай Л. В., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и управления ВИБ.

Выпускающий редактор — Крыхтина Светлана Николаевна

Ответственный секретарь — Арькова Ирина Евгеньевна

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС 9-0878 от 27.07.2006 г., перерегистрирован:

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-33692 от 03.10.2008 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief — *Vashchenko Alexander Nikolayevich*, doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of VBI.

Deputies of the editor-in-chief:

Kabanov Vadim Nikolayevich, doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of VBI, curator of economic sciences school;

Anisimov Aleksey Pavlovich, doctor of law, professor, professor of the department of the civil law of VBI, curator of legal sciences school;

Vasilyeva Svetlana Ivanovna, candidate of sociology, assistant professor, pro-rector in charge of training activity and quality management of VBI, curator of pedagogical sciences school;

deputy of the editor-in-chief – *Sibiryakova Tatyana Borisovna*, candidate of biological sciences, assistant professor of the department of economics and management of VBI.

Anisimov P. V., doctor of law, professor, head of the department of the theory and history of state and law of VBI;

Belonenko M. B., doctor of physics and mathematics, professor of the department of computer science and mathematics of VBI;

Rostovshchikov I. V., doctor of law, professor, professor of the department of entrepreneurial law of VBI;

Sibiryakov S. L., doctor of law, professor, head of the department of criminal law and proceedings of VBI;

Alpatov A. V., candidate of physical-mathematical sciences, acting head of the department of computer science and mathematics of VBI;

Izyumova O. N., candidate of economics, head of the department of financial-economic disciplines of VBI;

Kletkina Yu. A., candidate of economics, assistant professor of the financial and economic disciplines of VBI;

Mironova S. M., candidate of law, assistant professor, head of the department of constitutional and administrative law of VBI;

Mikhailova E. V., candidate of economics, assistant professor of the department of financial-economic disciplines of VBI;

Narushkevitch S. V., candidate of law, assistant professor, head of the department of the civil law of VBI;

Poltavskaya M. B., candidate of sociology, assistant professor of the department of economics and management of VBI;

Filippov M. V., candidate of technical sciences, assistant professor, deputy of the head the department computer science and mathematics of VBI;

Shamray L. V., candidate of economics, assistant professor, head of the department of economics and management of VBI.

Executive editor — Krykhtina Svetlana Nikolayevna

Secretary in charge — Arkova Irina Evgenyevna

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications and protection of cultural heritage PI № FS 9-0878 dated 27.07.2006, re-registered: Certificate of registration PI № FS 77-33692 dated 03.10.2008.

The journal is included in the Russian index of scientific citation (RINTs).

Редакционный совет журнала

Председатель редакционного совета – Сазонов С. П., д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН, ВГТУ (г. Волгоград);
сопредседатель редакционного совета – Вашенко А. А., д-р экон. наук, доцент, ректор, ВИБ (г. Волгоград);
зам. председателя редакционного совета по международным связям – Желтухина М. Р., д-р филол. наук, профессор, академик РАЕН, ВГСПУ (г. Волгоград);
Агапцов С. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН, аудитор Счетной палаты РФ (г. Москва);
Балашова Н. Н., д-р экон. наук, профессор, ВолГАУ (г. Волгоград);
Галушкин В. И., д-р экон. наук, профессор, зам. председателя Правительства Волгоградской области (г. Волгоград);
Герасимова В. В., д-р экон. наук, профессор, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС (г. Саратов);
Дудов А. С., д-р экон. наук, профессор, ректор, КИЭП (г. Кисловодск);
Киреев А. П., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе, БГУЭП (г. Иркутск);
Ковалев В. Р., д-р экон. наук, профессор, ректор, ГИЭФПТ (г. Гатчина);
Ковалева Т. М., д-р пед. наук, профессор, МПГУ (г. Москва);
Козенко З. Н., д-р экон. наук, профессор, ВолГАУ (г. Волгоград);
Кузнецова З. М., д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ» (г. Набережные Челны);
Лисс Э. М., д-р социол. наук, профессор, ректор, РМИЭУ (г. Ростов-на-Дону);
Ломовцева О. А., д-р экон. наук, профессор, НИУ БелГУ (г. Белгород);
Набиев Р. А., д-р экон. наук, профессор, АГТУ (г. Астрахань);
Перекрестова Л. В., д-р экон. наук, профессор, ВолГУ (г. Волгоград);
Сизов Ю. И., д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАЕН, зам. председателя Правительства Волгоградской области (г. Волгоград);
Тинякова В. И., д-р экон. наук, профессор, РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева (г. Воронеж);
Чернов С. С., канд. экон. наук, доцент, НГТУ (г. Новосибирск);
Шихвердиев А. П., д-р экон. наук, профессор, СГУ (г. Сыктывкар);
Штурба В. А., д-р ист. наук, профессор, КубГУ (г. Краснодар);
Шульгина Л. В., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия» (г. Воронеж);
Байматов А. А., д-р экон. наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра УШОС ТГУ ПБП (Таджикистан);
Джезус Грасиа Санс, д-р экономики, бизнеса и финансов, Университет Camilo José Cela (Испания);
Чиладзе Г. Б., д-р юрид. наук, д-р экон. наук, д-р инж. наук, проф. факультета экономики, бизнеса и управления ТГУ (Грузия);
Маркина И. А., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента и администрирования ПолтНТУ им. Кондратюка (Украина);
Морин Минелли, д-р философии, доцент Колледжа Кингсборо, Университета Нью-Йорка (США);
Плыгавка Л. Л., д-р филол. наук, доцент (Литва);
Козубцов И. Н., канд. техн. наук, профессор (Украина);
Чаба Фёльдеш, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языкознания Эрфуртского университета (Германия);
Яблочников С. Л., д-р пед. наук, канд. техн. наук, профессор (Украина).

Editorial board of the journal

Chairman of the editorial board – Sazonov S. P., doctor of economics, professor, academician of RAEN, VSTU (Volgograd);
co-chairman of the editorial board – Vashchenko A. A., doctor of economics, associate professor, rector, VBI (Volgograd);
deputy chairman of the editorial board for international cooperation – Zheltukhina M. R., doctor of philosophy, professor, academician of RAEN, VSSPU (Volgograd);
Agapsov S. A., doctor of economics, professor, academician of RAEN, Auditor of the RF Accounts Chamber (Moscow);
Balashova N. N., doctor of economics, professor, VolSAU (Volgograd);
Galushkin V. I., doctor of economics, professor, deputy head of the Government of Volgograd region (Volgograd);
Gerasimova V. V., doctor of economics, professor, Povolzhsky Institute of management named after P. A. Stolypin, branch of RANEPa (Saratov);
Dudov A. S., doctor of economics, professor, rector, KIEP (Kislovodsk);
Kireyenko A. P., doctor of economics, professor, pro-rector in charge for scientific activity, BSUEL (Irkutsk);
Kovalev V. R., doctor of economics, professor, rector, GIEFPT (Gatchina);
Kovaleva T. M., doctor of pedagogical sciences, professor, MPSU (Moscow);
Kozenko Z. N., doctor of economics, professor, VolSAU (Volgograd);
Kuznetsova Z. M., doctor of pedagogical sciences, professor, FSEI of HPE Volga Region SAPCSaT (Naberezhnye Chelny);
Liss E. M., doctor of sociology, professor, rector, RMIEU (Rostov-on-Don);
Lomovtseva O. A., doctor of economics, professor, NRU BelSU (Belgorod);
Nabiev R. A., doctor of economics, professor, ASTU (Astrakhan);
Perekrestova L. V., doctor of economics, professor, VolSU (Volgograd);
Sizov Yu. I., doctor of economics, professor, correspondent member of RAEN, deputy head of the Government of Volgograd region (Volgograd);
Tinyakova V. I., doctor of economics, professor, RSAU-MSHA named after K. A. Timiryazev (Voronezh);
Chernov S. S., candidate of economics, associate professor, NSTU (Novosibirsk);
Shikhverdiev A. P., doctor of economics, professor, SSU (Syktyvkar);
Shturba V. A., doctor of history, professor, KubSU (Krasnodar);
Shulgina L. V., doctor of economics, professor, editor-in-chief of the journal «FES: Finances. Economics. Strategy» (Voronezh);
Baimatov A. A., doctor of economics, professor, Director of scientific-research Center TSU LBP (Tadzhikistan);
Jesus Grasia Sana, doctor of economics, business and finances, University Camilo José Cela (Spain);
Chiladze G. B., doctor of law, doctor of economics, doctor of engineering sciences, professor of the department of economics, business and management of TSU (Georgia);
Markina I. A., doctor of economics, professor, head of the department of Management and administration of PoltNTU named after Kondratyuk (Ukraine);
Morin Minelli, doctor of philosophy, associate professor of Kingsborough College, New-York University (USA);
Plygavka L. L., doctor of philosophy, associate professor (Lithuania);
Kozubtsov I. N., candidate of technical sciences, professor (Ukraine);
Chaba Feldesh, doctor of philosophy, professor, head of the department of German science of language of Erfurt university (Germany);
Yablochnikov S. L., doctor of pedagogical sciences, candidate of technical sciences, professor (Ukraine).

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ
МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
«БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО. ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ИНСТИТУТА БИЗНЕСА»**

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы — научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 08.00.00 — Экономические науки; 12.00.00 — Юридические науки; 13.00.00 — Педагогические науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

— текст статьи на русском или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

— анкета автора (и соавторов);

— заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

— рецензия доктора наук, заверенная в отделе кадров организации, в которой работает рецензент;

— справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию:

— в печатном виде по адресу: 400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, д. 63, каб. 107;

— в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru

Телефон для справок (8442) 22-35-47, <http://vestnik.volbi.ru/>

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

— индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

— индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

— фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

— ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

— аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

— должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

— e-mail;

— название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);

— аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание — курсив, выравнивание по ширине, не менее 600—800 знаков без пробелов);

— ключевые слова на русском и английском языках (10—12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание — курсив, выравнивание по ширине);

— введение, где формулируются актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;

— основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;

— методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;

— результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней с помощью обобщения и анализа данных автором доказываются рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;

— заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;

— библиографический список. В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

**REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS
SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC PEER-REVIEWED
JOURNAL «BUSINESS. EDUCATION. LAW.
BULLETIN OF THE VOLGOGRAD BUSINESS
INSTITUTE»**

1. The author's materials – scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 08.00.00 – Economic sciences; 12.00.00 – Legal sciences; 13.00.00 – Pedagogical sciences, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

— text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);

— author (or team of authors) questionnaire;

— application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;

— review of the doctor of sciences certified by the human resources department of the institution, where reviewer works;

— certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office:

— hard copy to the address: 400010, Volgograd, Kachintsev Street, building 63, office 107;

— electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru

Telephone for enquiries: (8442) 22-35-47, <http://vestnik.volbi.ru/>

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

— UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);

— LBC index (to be located at the top left-hand corner of the scientific article);

— last name, name and patronymic in the Russian and English languages;

— scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;

— department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;

— position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;

— e-mail;

— title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);

— abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface — italics, full justification, minimum 600—800 characters without spaces);

— keywords in the Russian and English languages (10—12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface - italics, full justification);

— introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;

— main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;

— methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;

— results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;

— conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;

— references. References shall contain only the literature that quoted in the article.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	13
08.00.01 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ.	13
Бачурин Д. Г. Коррекция методологии применения математических методов в экономических исследованиях в контексте изменения модели экономического развития	13
Моисеенко Е. Н. Взаимодействие государственной власти и предпринимательских структур в условиях институциональных преобразований в Украине	20
08.00.05 ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ.	24
Сазонов С. П., Пеньков П. Е., Мамедов Ф. Н. Оценка экономической эффективности инвестиционных проектов	24
Маркина И. А. Проблемы детенизации в контексте экономической безопасности Украины	27
Цыганков В. А. Особенности нормирования труда в торговле и общественном питании	32
Долгая А. А. Показатели планирования и контроля в горизонтальном управлении организацией	37
Касьянов В. С., Баластрова К. Н. Анализ принципов кадровой политики ИТ-предприятия на основе компетентностного подхода	42
Сметанина Т. В. Процесс распространения международной стандартизации менеджмента от активных к менее активным системам	47
Лаврентьева Е.В., Комаров О. К., Черкасов В. Е. Бюджетная политика муниципальных образований как фактор развития человеческого капитала	53
Невоструев П. Ю., Каптюхин Р. В. Влияние трансформации поведения потребителей на формирование контент-стратегии.	58
Сметанина Т. В. Значение международной стандартизации менеджмента в деятельности предприятий машиностроительного комплекса	63
Зубков С. А., Косолапов Г. Н. Профсоюзное движение как фактор укрепления экономического и социального пространства независимых государств	68
Валуйский А. В., Манылова О. С. Оценка влияния отдельных внутренних факторов на финансовый результат деятельности организации малого бизнеса в сфере профессиональных услуг	73
Демушина О. Н., Коваленко Н. В. Корпоративная социальная ответственность в России: особенности российской модели.	80
Тультаева И. В., Каптюхин Р. В., Тультаев Т. А. Воздействие социальных сетей на коммуникационные процессы в современном обществе	84
Адамчук С. В. Нормирование адекватной самооценки государственных служащих	89
Мартасов Д. А., Невоструев П. Ю. Бренд-менеджмент как адаптивный инструмент дифференциации на потребительских рынках	92
Камалиев Р. Р. Экономическая сущность оборотного капитала и его роль в деятельности промышленных предприятий	96

Примуш Р. Б. Психолого-профессиональная селекция персонала в сфере государственного управления	101
Сенченко Е. В. Электронная коммерция в рамках всемирной сети Интернет: социокультурный и общеэкономический аспекты.	107
Тультаева И. В. Возможности применения поисковых систем для оптимизации сбора информации в сети Интернет.	111
КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»	117
Ахмедуев А. Ш., Абдулаева З. З. Методы оценки и состояние теневой экономики в Республике Дагестан	117
Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Разработка эффективной системы мотивации персонала в территориально распределенных организациях как научная и практическая проблема менеджмента	122
Коростышевская Е. М., Плотников В. А. Региональная политика: к вопросу о выборе приоритетов.	128
Сазонов С. П., Сорокина О. В., Вайсбейн К. Д. Маркетинговое исследование уровня бюджетной обеспеченности как основной фактор формирования узнаваемого имиджа территории.	135
Ахунов Р. Р. Конкурентоспособность региона как результат реализации его воспроизводственного потенциала.	140
Беликова Е. В. Специфика формирования региональной структуры управления сферой туризма	144
Михайлова Е. В. Оценка экономической эффективности использования городской территории.	150
Тельнова Н. Н., Шаталова О. И., Шеховцова С. Р. Особенности функционирования домашних хозяйств в аграрноориентированной региональной экономике	155
Шаринова Г. А. Состояние рынка труда в современных условиях на примере Республики Калмыкия	158
Беляков А. В., Лучина И. В. Экономические аспекты и тенденции развития АПК Волгоградской области.	161
Дроздова Ю. А. Имидж региона: коммуникативные аспекты определения, структурирования и продвижения.	165
Полтавская М. Б., Васильева Е. Н. Формы проявления социально-экономической и инновационной активности молодежи: опыт регионального социологического исследования	172
Путилова Н. Н. Эффективность схем государственно-частного партнерства в реализации программ по модернизации систем теплоснабжения	178
Чернявская Е. Ю. Современное состояние детства как фактор, формирующий воспроизводство человеческих ресурсов на территории Волгоградской области.	182
Кондралев А. П. Некоторые теоретические аспекты прогнозирования регионального рынка труда.	186
Купчинский А. В. Оценка системообразующих факторов, влияющих на развитие малых бизнес-структур Ростовской области	192
Матина Е. С. Туристско-рекреационный комплекс региона: характеристика состояния, преимущества и проблемы развития.	196

Мироседи Т. Г. Особенности систем инфраструктурной поддержки малого и среднего предпринимательства в зарубежных странах	201
Чумакова Е. А. Классификация рабочих мест на рынке труда по видам экономической деятельности (на примере Волгоградской области)	204
08.00.10 ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, КРЕДИТ	210
Будаева М. С. Проблемы и пути решения инвестиционной политики посредством лизинговой формы финансирования учеными Иркутской области	210
Акиньшин М. В. Особенности и условия функционирования финансового менеджмента сектора государственного управления	214
Акиньшин М. В. Эффективность как источник развития финансового менеджмента, премущественность моделей управления государственными финансами	218
08.00.12 БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА	223
Дюкина Т. О., Солдатенкова О. В. Анализ распределения спроса на мобильные приложения в России	223
08.00.13 МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ	226
Ганичева А. В., Ганичев А. В. Принятие решений на основе рискованных ситуаций и процессов	226
Бойков С. А. Модели и методы оценки функциональной полноты информационных систем для государственных учреждений в социальной сфере	231
08.00.14 МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА	236
Калмыкова Т. Н., Зарубежный опыт формирования государственных корпораций в структуре современной экономики	236
12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	236
12.00.02 КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	240
Кургузиков М. С. К вопросу о совершенствовании конституционного судебного контроля в России	240
Курганов Н. А. О некоторых проблемах правового регулирования поступления на муниципальную службу (по материалам Южного федерального округа)	244
12.00.03 ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	248
Квициния Н. В. Новые тенденции развития института юридических лиц в свете изменений современного гражданского законодательства	248
Шаронов С. А. Средства правового регулирования охранной деятельности: понятие, необходимость применения и классификация	251
12.00.06 ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	255
Анисимов А. П. Развитие эколого-правовой культуры в России: проблемы и перспективы	255

Рыженков А. Я.	
Правовое регулирование развития экологического туризма в России: проблемы и перспективы	259
12.00.08 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	265
Боханов А. В.	
Проблемы исполнения принудительных работ как одного из альтернативных лишению свободы видов наказания.	265
12.00.09 УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	268
Трифорова К. А.	
Правовой институт возвращения уголовного дела прокурору через призму решений Конституционного Суда РФ	268
12.00.10 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	273
Солнцев А. М.	
Международно-правовая защита экологических прав человека: региональная специфика.	273
Халед Миари	
Степень применимости принципов и норм международного гуманитарного права на оккупированных палестинских территориях	280
13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	286
13.00.01 ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА; ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	286
Лепав Р. О.	
Научные подходы к исследованию процесса формирования лидерской позиции студентов в системе среднего профессионального образования.	286
13.00.08 ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.	289
Днепров С. А., Зарева Т. В.	
Структурная модель формирования конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения в социальном партнерстве вуза и малых инновационных предприятий.	289
Цой А. И.	
Бизнес-коммуникация в аспекте эмотиологии (на примере коммуникативных ситуаций в сфере сервиса)	294
Лескова И. А.	
Когнитивно-информационный компонент содержания образования как семантически закрытая и семантически открытая система знаний	297
Ганичева А. В.	
Оценка эффективности процесса обучения	301
Лобызенкова В. А., Коваленко Н. В.	
Социологический подход к методическим проблемам анализа гендерных различий в образовании людей с ограниченными возможностями	305
Севостьянов Ю. О.	
Изменение психосемантической структуры готовности работать в команде у студентов направлений «Технология» и «Сервис»	309
Широких А. Ю.	
Типология ошибок и систематика аспектов учебной ситуации по изучению английского языка.	312
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ.	316
Ващенко А. А., Ладаускас С. В.	
Обзор совместного заседания Межрегиональной ассоциации образовательных организаций высшего образования и Ассоциации негосударственных вузов России.	316

CONTENT

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES	13
08.00.01 ECONOMIC THEORY	13
Bachurin D. G. Correction of the methodology of mathematical methods application in economic researches in the context of the economic development pattern change	13
Moiseenko E. N. Cooperation between state powers and business structures in the conditions of the institutional transformations in Ukraine	20
08.00.05 ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY	24
Sazonov S. P., Penkov P. E., Mamedov F. N. Evaluation of economic efficiency of investment projects	24
Markina I. A. Problems unshadowing in the context of economic security of Ukraine	27
Tzygankov V. A. Features of labor rating in trade and public catering	32
Dolgaya A. A. Planning and controlling indicators in horizontal management of an organization	37
Kasyanov V. S., Balastrova K. N. Analysis of principles of HR policy of IT company based on the competence approach	42
Smetanina T. V. Process of spreading of the international management standardization from active systems to less active ones	47
Lavrentieva E. V., Komarov O. K., Cherkasov V. E. Fiscal policy of municipal entities as a factor of the human capital development	53
Nevostruyev P. Yu., Kaptyukhin R. V. Influence of consumers behavior transformation on the content strategy creating	58
Smetanina T. V. Importance of the international standardization of management in the activity of the machine-building complex	63
Zubkov S. A., Kosolapov G. N. The trade union movement as a factor of strengthening of the economic and social environment of the independent states	68
Valuyskiy A. V., Manylova O. S., Assessment of impact of certain internal factors on the financial performance of small business of professional services	73
Demushina O. N., Kovalenko N. V. Corporate social responsibility in Russia: peculiarities of the russian model	80
Tultaeva I. V., Kaptyukhin R. V., Tultaev T. A. Impact of social networking on communication processes in modern society	84
Adamchuk S. V. Rationing of the adequate self-appraisal of the civil servants	89
Martasov D. A., Nevostruyev P. Yu. Brand management as an adaptive tool of differentiation on consumer markets	92
Kamaliev R. R. Economic essence of the working capital and its role in the activities of industrial enterprises	96

Primush R. B. Psychological and professional selection of personnel in the area of public administration	101
Senchenko E. V. Electronic commerce within the frame of Internet: socio-cultural and general economic aspects.	107
Tultaeva I. V. Potentials of application of search systems for optimizing of information collection in the Internet	111
ROUND TABLE «REGIONAL ECONOMICS: ISSUES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT»	117
Akhmeduev A. S., Abdulaeva Z. Z. Methods of assessment and condition of shadow economy in the Republic of Dagestan	117
Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S. Development of the effective system of personnel motivation in the territorial distributed organizations as a scientific and practical issue of management	122
Korostyshevskaya E. M., Plotnikov V. A. Regional policy: the problem of choosing priorities.	128
Sazonov S. P., Sorokina O. V., Vaysbeyn K. D. Marketing research of the degree of fiscal capacity as the main factor of establishing a recognizable image of the territory.	135
Akhunov R. R. Competitiveness of the region as a result of implementation of its reproductive potential	140
Belikova E. V. Specificity of formation of the regional structure for tourism management	144
Mikhailova E. V. Assessment of economic efficiency of using the urban area	150
Telnova N. N., Shatalova O. I., Shekhovtsova S. R. Features of functioning of the households in agrarian-oriented regional economics.	155
Sharinova G. A. The labor market status in the modern conditions on the example of the Republic of Kalmykia	158
Belyakov A. V., Luchina I. V. Economic aspects and tendencies of development of the agro-industrial complex of Volgograd region.	161
Drozdova J. Yu. Region image: communicative aspects of the definition, structuring and promotion.	165
Poltavskaya M. B., Vasiljeva E. N. Forms of socio-economic and innovative activity of youth: the experience of regional sociological research.	172
Putilova N. N. Effectiveness of public-private partnership schemes in implementation of the programs of the heat-supply systems modernization.	178
Chernyavskaya E. Yu. Current status of childhood as a factor forming reproduction of human resources in Volgograd region	182
Kondralev A. P. Some theoretical aspects of the regional labor market forecasting.	186
Kupchinsky A. V. Assessment of systemic factors influencing development of small businesses in Rostov region.	192

Matina E. S. Regional tourist and recreational complex: status, advantages and problems of development	196
Mirosedi T. G. Features of systems of infrastructure support of small and medium business in foreign countries	201
Chumakova E. A., Classification of work places at the labor market by the types of economic activity (on the example of Volgograd region)	204
08.00.10 FINANCES, MONEY FLOW, CREDIT.	210
Budaeva M. S. Issues and solutions of the investment policy by means of leasing-type financing proposed by the scientists of Irkutsk region.	210
Akinshin M. V. Features and conditions of functioning of financial management of the general government sector	214
Akinshin M. V. Efficiency as a source of financial management development, succession of the models of public financial management	218
08.00.12 ACCOUNTING, STATISTICS.	223
Dyukina T. O., Soldatenkova O. V. Analysis of distribution of demand for mobile applications in Russia.	223
08.00.13 MATHEMATICAL AND INSTRUMENTAL METHODS OF ECONOMICS	226
Ganicheva A. V., Ganichev A. V. Decision-making on the basis of risk situations and processes.	226
Boykov S. A. Models and valuation methods of the functional completeness of information systems for the state institutions in the social sphere	231
08.00.14 GLOBAL ECONOMICS.	236
Kalmykova T. N. Foreign experience of establishing public corporations in the structure of the modern economics.	236
12.00.00 LAW SCIENCES	240
12.00.02 CONSTITUTIONAL LAW; MUNICIPAL LAW	240
Kurguzikov M. S. On improvement of constitutional judicial control in Russia	240
Kurganov N. A. On some issues of the legal regulation of entering on municipal duty (based on materials of the Southern federal district)	244
12.00.03 CIVIL LAW; ENTREPRENEURSHIP LAW; FAMILY LAW; INTERNATIONAL PRIVATE LAW.	248
Kvitsiniya N. V. New tendencies of development of legal entities institution in keeping with the changes of the contemporary civil legislation.	248
Sharonov S. A. Means of legal regulation of security service: concept, need of application and classification.	251
12.00.06 LAW OF NATURAL RESOURCES; AGRARIAN LAW; ECOLOGICAL LAW.	255
Anisimov A. P. Development of ecological-legal culture in Russia: problems and prospects	255

Ryzhenkov A. Ya. Legal regulation of the ecological tourism development in Russia: problems and prospects	259
12.00.08 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW	265
Bohanov A. V. Problems of execution of compulsory labor as one of the alternatives to imprisonment	265
12.00.09 CRIMINAL PROCESS, CRIMINALISTICS; CRIMINAL INVESTIGATION	268
Trifonova K. A. Legal institution of return of the criminal case to the prosecutor through the prism of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation	268
12.00.10 INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW	273
Soltsev A. M. International legal protection of the environmental human rights: regional specifics	273
Khaled M. M. Miari Applicable principles and norms of the international humanitarian law at the occupied palestinian territories	280
13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES	286
13.00.01 GENERAL PEDAGOGIC; HISTORY OF PEDAGOGIC AND EDUCATION	286
Lepaev R. O. Scientific approaches to examination of the formation process of the students' leadership position in the secondary professional education	286
13.00.08 THEORY AND METHOD OF VOCATIONAL EDUCATION	289
Dneprov S. A., Zareeva T. V. Structural model of formation of competitiveness of the future teachers of vocational training in social partnership of the university and small innovative enterprises	289
Tsoy A. I. Business-communication in emotiology (on communicative situations in service)	294
Leskova I. A. Cognitive-information component of the education content as a semantically closed and semantically open system of knowledge	297
Ganicheva A. V. Assessment of the training process effectiveness	301
Lobyzenkova V. A., Kovalenko N. V. Sociological approach to the methodical issues of analysis of gender differences in the education of disabled people	305
Sevostianov Yu. O. Change of psycho-semantic structure of willingness to work in a team of students of schools «Technology» and «Service»	309
Shirokikh A. Yu. Typology of errors and systematization of English classroom aspects	312
SURVEYS. REVIEWS	316
Vashchenko A. A., Ladauscas S. V. Review of the joint meeting of the Interregional association of the higher education institutions and the Association of non-governmental higher educational establishments of Russia	316

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

08.00.01 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

08.00.01 ECONOMIC THEORY

УДК 338.24.01

ББК 65.01:65В631

Bachurin Dmitriy Gennadyevich,
candidate of law, assistant professor
of the department of finance, monetary circulation
and credit of Tyumen State University,
Tyumen,
e-mail: 01ter@mail.ru

Бачурин Дмитрий Геннадьевич,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
финансов, денежного обращения и кредита
Тюменского государственного университета,
г. Тюмень,
e-mail: 01ter@mail.ru

КОРРЕКЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

CORRECTION OF THE METHODOLOGY OF MATHEMATICAL METHODS APPLICATION IN ECONOMIC RESEARCHES IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT PATTERN CHANGE

В статье рассмотрены проблемы экспериментального применения математических методов в современных экономических исследованиях. Показана практика математических методов в экономических исследованиях в период со второй половины XX века по настоящее время. Сделаны выводы о возникновении предпосылок для формирования фундаментальной базы получения экономических знаний на основе синтеза методологии гуманитарных и математических исследований с использованием вербального анализа. Предложены методологические подходы в общегуманитарном определении контуров будущей модели экономического развития, сделан прогноз в отношении ее основных характеристик: переход к сбережению ресурсов, отказ от сверхпотребления, стимулирования спроса, промышленного роста как основного ценностного экономического ориентира.

This article focuses on the problems of experimental implementation of mathematical methods in the modern economic research. The article reviews implementation of mathematical methods in economic researches since the second half of the XX century up to now. The paper represents conclusions about prerequisites for establishing the fundamental basis of obtaining economic knowledge based on the synthesis of methodology of humanities and mathematical researches using verbal analysis. The paper also presents methodological approaches in the general humanitarian definition of the outlines of the future model of economic development and makes the forecast regarding its main characteristics: transition to resources saving, refuse of overconsumption, stimulation of demand, industrial growth as the major economic valuable benchmark.

Ключевые слова: математические методы исследования, модель экономического развития, информационные техно-

логии, экономический рост, методологический институционализм, добавленная стоимость, неократическая власть, вербальное моделирование, валовой внутренний продукт, принцип неопределенности.

Keywords: mathematical methods of research, model of economic development, information technologies, economic growth, methodological institutionalism, added value, neotocratic power, verbal modeling, gross domestic product, uncertainty principle.

Проблематика статьи рассматривается в следующей последовательности:

1. Проблема несостоятельности экспериментального применения математических методов в современных экономических исследованиях.

2. Выдвижение математических методов исследования в авангард экономической науки в связи с революционными новациями в цифровых технологиях.

3. Методологические подходы в общегуманитарном определении контуров будущей модели экономического развития.

1. Проблема несостоятельности экспериментального применения математических методов в современных экономических исследованиях

Последнее столетие характеризуется тем, что по рекомендациям экономистов предпринимаются попытки масштабных изменений в жизни социума, каких еще не знала история современной цивилизации. В связи с грандиозностью таких преобразований логично должны вставать вопросы ответственности экономической науки за качество своих рекомендаций.

К сожалению, в реальности такого не происходит. Положительные результаты от следования экономической теории крайне редки. Наоборот, имеется множество примеров раз-

рушительного влияния экономической теории. В качестве примеров достаточно назвать разрушение экономики стран бывшего СССР с более чем 50%-ным падением объемов в обрабатывающей промышленности и полную ликвидацию обрабатывающих производств в Монголии, ставшие прямым следствием выполнения рекомендаций МВФ и МБРР. Господствовавшие представления, почерпнутые из учебников, в духе «новой» либерализма, «ожидания, что либерализованная экономика все установит, сгладит, поправит, были драматическим образом развенчаны» [1, с. 64]. Многочисленные расхождения предложений экономических экспертов с реалиями экономической практики поставили в повестку дня заявления о кризисе и тупике сегодняшней экономической науки, который заключается в следующем. Есть множество разных методов. Их представители ожесточенно спорят друг с другом об основных теоретических показателях, о том, как интерпретировать те или иные наборы фактических данных. Есть очень богатый технический арсенал, который растет с каждым днем, есть большое разнообразие подходов и авторитетных мнений и общий прогресс в понимании механизмов. При этом результаты работ более или менее сопоставимы друг с другом, а демонстративная академичность ряда подходов, погруженных во внеученные контексты, зачастую очень обманчива.

В частности, один из ведущих представителей неоклассической экономической школы лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 года американский экономист Пол Кругман представляет экономическое исследование как набор формальных моделей, позволяющих воспроизводить результаты в прозрачной форме, и внутри экономической науки другого способа выражения, кроме формального моделирования, не признает.

Однако сложилась парадоксальная ситуация. Оказалось, что зачастую экспериментально применяемые методы бесцельны, поскольку текущая экономическая реальность включает в себя слишком много значимых переменных, а исследование зависимости одних переменных от других ограничено пятью-шестью переменными, тогда как социально-экономическая ситуация обычно включает в себя намного большее количество параметров, часто не поддающихся определению. Например, в 1992 году для расчета регрессии экономического роста было выявлено и охарактеризовано 145 «существенных» переменных [2, с. 852].

Не вполне удалась и попытка использования среднеарифметических значений по теореме Томаса Байеса для сужения круга переменных, сохраняющих устойчивость в большинстве регрессионных рядов, поскольку исследования показали, что такое усреднение дает для подобных моделей различные наборы значимых переменных [3, с. 942].

Используя по аналогии применяемый в квантовой механике принцип неопределенности Гейзенберга (принцип, устанавливающий предел точности одновременного определения характеризующих систему квантовых наблюдаемых, сформулирован Вернером Гейзенбергом в 1927 году), можно сделать выводы и в отношении степени неопределенности результатов экономических исследований на основе математических и нематематических методов.

Не случайно Василий Леонтьев, выступая перед Американской экономической ассоциацией с докладом «Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты», ведя речь о методологической базе современного экономического исследования, утверждает, что новейшая экономическая наука непрактична и антиэмпирична в своем предпочтении гипотетическим математическим моделям, а не кропотливому труду по системати-

зации массивов статистических данных для анализа проблем реального мира [4].

Очевидно, что, используя методологию гуманитарных исследований, можно получить самые общие выводы в отношении достаточно большого, зачастую неопределенного множества объектов. Полагая в основе проводимого исследования математические методы в пределах узких параметров, можно получить достоверные результаты лишь для небольшого конкретно определенного круга объектов. Увеличение множества исходных параметров исследования влечет расширение круга объектов исследования и снижает его обоснованность. Таким образом, можно наблюдать следующие зависимости в определенности результатов экономических исследований:

1. Точные и определенные результаты достижимы с использованием математического инструментария, но в отношении узкого круга наблюдаемых явлений.

2. При исследовании широкого круга явлений, в том числе современной глобальной экономики, региональных и национальных экономик, применение математических методов не позволяет добиться желаемой результативности, и наблюдаемая практика экономического прогнозирования с использованием сверхмощной вычислительной техники убедительно свидетельствует об этом.

3. Невозможно предсказать те или иные экономические события, как невозможно получить конкретную величину путем комбинации неопределенного множества переменных, описывающих направления и величины политических, технологических и инновационных процессов, действий инвесторов, потребителей, финансовых и производственных структур, перемещений капиталов, потоков экспорта и импорта, реакций со стороны населения, бизнеса и государства.

Достаточно определенно по этому поводу выразился американский экономист Джон Кеннет Гелбрейт: «Будущие экономические достижения, переход от хороших времен к рецессии либо к депрессии и наоборот предсказать невозможно. Есть более чем подробные прогнозы, но нет твердого знания» [5, с. 57].

Бытие с торжествующими идеями толерантности, политкорректности и священными ценностями демократии также обуславливает значительное усиление социальных и информационных доминант в современных экономических процессах.

Видимые и скрытые воздействия социальных, политических и культурных факторов на экономические процессы и экономическую науку выявляют многочисленные коррекционные мотивации, обусловленные, в том числе:

- 1) различными социальными порядками в культурах разного типа;
- 2) традиционными и исторически сложившимися представлениями об экономической практике;
- 3) влиянием правящей бюрократии на экономические процессы;
- 4) расширением повседневной экономической проблематики.

В связи с этим можно говорить сегодня об экономике как о науке, находящейся на предварительной стадии. Кроме того, поскольку современная экономическая модель больше не обеспечивает устойчивого экономического роста, то значительным корректировкам вплоть до полного их отрицания и вероятного ниспровержения должны быть подвергнуты идеологические основы, обуславливающие соответствующий данной модели миропорядок, а ревизия и разрушение таких идеологических основ, в свою очередь, являются дополнительными

факторами социально-экономической ситуации. И эти факторы не поддаются формализации методами математического моделирования.

В частности, исследовательская деятельность специалистов МВФ, которые не в силах разрешить проблему определения причин различных проектных результатов при кредитовании сопоставимых экономик стран со сходными условиями развития, была охарактеризована следующим образом: «всюду, где достигаются хорошие результаты роста, приходится углядывать нечто предельно расплывчатое и затем теоретически разворачивать его для «объяснения» успеха» [6, с. 155] — способом, который Шахид Юсуф дипломатично именуется «эклетицизмом отбором доказательственного материала», когда комплектуемые наборы фактов встраиваются в заранее определенную логику результата.

«Результат» такого моделирования впоследствии предьявляется в качестве авторитетного экспертного мнения, учитываемого при создании программ развития для отдельных стран и регионов.

Идеологизация экономических теорий выдвинула в фарватер экономической науки постулаты неолитерализма подобно тому, как в СССР доминировала экономическая теория социализма. При этом само следование официально принятым догмам уже освобождает от всякой ответственности за последствия экономических решений. Нельзя согласиться с мнением А. Сена о том, что экономическая наука должна выполнять лишь три задачи: предсказание будущего и причинное объяснение событий прошлого; выбор приемлемых описаний состояний и событий в прошлом и настоящем; осуществление нормативной оценки состояний, институтов и политики [7, с. 585].

Фактически с такой установкой можно наблюдать подмену живого интереса к феноменологии повседневной реальности построением и расчетами экономических моделей с набором ситуативных параметров по принципу: «Мы определим параметры и посчитаем. Если получим не то, что хотели, то поменяем параметры».

Легко установить, что отправной основой подавляющего большинства современных экономических исследований выступает пожелание заказчика. Безусловно, имеется и обратная связь — идея и выводы будущего исследования выбираются заказчиком из вариантов, предложенных экономическими консультантами.

При этом основным методологическим принципом, присутствующим в сущностной основе категориального аппарата экономического мейнстрима и используемым в таких исследованиях, является принцип методологического индивидуализма.

Однако сложность в том, что часто невозможно определить в конкретных поведенческих предпочтениях индивидуумов. И в этом смысле экономика как наука об обобщении результатов намеренного или спонтанного индивидуального экономического поведения часто становится справедливой мишенью критиков, указывающих на неочевидность предложенных правил и рекомендаций. Для «научного» основания таких обобщений авторам приходится изобретать фантом-человека (иногда употребляют термин «аватар»), человека-производную, человека среднестатистического, среднеквадратичного, логарифмического и т.д. в зависимости от степени сложности применяемого математического аппарата или намеренно упрощать предмет исследования, наделяя рассматриваемый поведенческий субъект определенными и заранее известными характеристиками, «совершенной информации

и безграничными счетными способностями» [8, с. 67].

Значительное число исследователей (среди которых прежде всего маржиналисты и неолитеральные экономисты), упорно полагая природу человека неизменной и устремленной к максимуму удовлетворения с минимумом издержек, ставят в основу своих моделей «человека экономического», что, безусловно, не учитывает не только современных социально-экономических реалий, но и цивилизационную реальность предшествующих времен. Неслучайно еще А. Смит, рассматривая «человека экономического» вместе с «человеком нравственным», полагал, что последний заслуживает большего внимания. Результаты экспериментальной практики бихевиористов также свидетельствуют, что фактическое поведение людей имеет мало общего с поведением главного персонажа неоклассической теории — крайне рационального «человека экономического». Даже предварительная попытка определения типологий человеческого поведения в экономических отношениях уже в первом приближении выявляет множество разноориентированных в поведенческом отношении групп экономических субъектов.

Так, отдельного внимания заслуживает «человек инновационный» (термин предложен Э. Хагеном в 1962 году и описан М. Крозье в работе «Феномен бюрократии», опубликованной в 1964 году), которым, по образному выражению Й. Шумпетера, движет не прибыль, а мечта и воля, радость творчества, борьба и победа [9, с. 210].

Можно говорить и о многочисленных феноменах современности. В частности, третий миллениум вывел на общественную арену тип «человека креативного», который также своим особым образом формирует собственные материальные предпочтения и обеспечивает свое материальное существование, создавая в основном нематериальные блага. По мере того как инновационные компании креативной экономики выдвигаются на позиции доминирующих бизнес-акторов, можно констатировать появление нового ядра в общественной элите — так называемой нетократии. События минувшего десятилетия с момента появления термина «нетократия» все более убеждают в правоте его авторов, утверждавших, что эта новая «все более маргинальная буржуазия будет использовать свой контроль над парламентской системой и полицию для легитимизации и защиты важнейших компонентов в конструкции нетократической власти: патентов и авторских прав» [10, с. 14].

Признание очевидной проблематичности применения методологического индивидуализма в сочетании с имеющимися ограничениями в получении информации об индивидуальных субъектах, возможной и достаточной для обработки данных математическими средствами, логично обусловило переход на качественно иной уровень исследований — от индивидуального к институциональному. Переход к исследованиям в рамках системной парадигмы предполагает обретение собственной методологии научного поиска, которая соответственно получает название «методологический институционализм» (не путать с методологическим институционализмом в науковедении). Но если индивидуализм известен человечеству более 6 тысячелетий (со времен Протагора (V век до н.э.), которому приписывают философскую максиму о том, что «человек есть мера всех вещей»), то история институционализма насчитывает лишь более 100 лет и научное осмысление его методологии пока находится на начальном этапе. Предтечей институционализма можно считать К. Маркса, указавшего в декабре 1847 года, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [11, с. 142],

и далее утверждавшего в идейной парадигме исторического материализма, что такие общественные институты являются основой объективной социальной реальности, складывающейся в процессе развития производительных сил.

Методологический институционализм направлен на рассмотрение особых связанных свойств общественных структур как систем человеческих взаимодействий, повышающих определенность в обществе на основе таких интегративных способов, какими являются обмен, реципрокность (перемещение), редистрибуция (перераспределение) с соответствующими им структурами институциональной поддержки [12, с. 56—63].

Трудность математической формализации экономической науки обусловлена значительным усложнением экономических структур, которые в условиях глобализации являются открытыми системами, динамично развивающимися в разнонаправленных и разноразмерных режимах во взаимодействии с практически неограниченным числом субъектов, активно влияющих на внутренние процессы исследуемых объектов.

При этом такие модели априори весьма формальны, не затрагивают большую часть человечества и не могут иметь в виде конечной цели улучшение жизни людей. Следование этим путем выявляет неспособность объяснить новые экономические реальности, что совершенно ошибочно позволяет вести речь о кризисе экономической науки. Кризиса в экономической науке нет. Есть лишь необходимость применения познавательных средств, адекватных складывающейся многофакторной картине повседневности. Такими альтернативными экономическому моделированию как методу исследования можно полагать словесный и вербальный анализ.

Возвращение к вербальному моделированию, широко применявшемуся авторами в докейнсианский период экономических исследований, предполагает выстраивание логических рядов очевидных положений с часто неопределенными допущениями и, безусловно, проигрывает в части конкретности выводов в сравнении с математическим моделированием с четко сформулированными допущениями и выверенным доказательственным аппаратом. Однако такое возвращение обещает и качественно новую перспективу будущего синтеза структурно организованного вербального экономического содержания и математической обработки, обусловленной таким содержанием практически неограниченной цифровой информации, поступающей как в агрегированном виде, так и от индивидуальных субъектов материального мира в режиме реального времени.

Необходимо учитывать, что сложная и многообразная феноменология развития производства и общества, создания и перераспределения собственности рождает мощный социальный контекст, пронизывающий значимое экономическое исследование. Соответственно эффективной экономической теория может быть только тогда, когда она идет от человека во всей его многогранности, от социума с его нравственно-политическими идеями. Теория живет и не теряет своей интеллектуальной силы лишь до тех пор, пока существует ее базисный социальный контекст.

Развитие экономической науки ведет в тупик при отрыве экономических знаний от жизненной реальности. Более того, нельзя не согласиться с утверждением о том, что контекст повседневности имеет верифицирующее значение для натуралистической программы в экономической науке [13, с. 81—83].

В аспекте верификации нельзя не упомянуть идеи фальсификационизма 70-х годов XX века К. Поппера, предложившего принцип принятия через отрицание: «Положение, которое нельзя опровергнуть возможными фактами или аргументами,

не удовлетворяет критерию научности». Иначе говоря, положение, которое не может быть сфальсифицировано, не может принадлежать к научному знанию. Подобным парадоксальным образом Поппер предпринимает изысканную попытку и предлагает тест для возвращения экономической науки в реальность из мира абстрактных математических моделей, поскольку абсолютно очевидно, что абстракцию нельзя фальсифицировать.

Полагаем, что в применяемой методологии получения экономических знаний необходимо предусмотреть:

1) преодоление кризиса в понимании субъекта экономической деятельности с переходом к описанию субъекта исследования в множественных конфигурациях, соответствующих фактичности имеющейся реальности. В частности, возможно использование дихотомии, когда на полюсах находятся пары:

- человек экономический и человек нравственный;
- человек инновационный и человек традиционный;
- человек-предприниматель и человек наемного труда;
- человек потребляющий и человек создающий;
- человек креативный и человек инертный;
- гедонист и человек достаточный;
- человек общественный и изоляционист;

2) использование культуроцентрической составляющей для получения научного знания в экономике. Приходится признать, что исключительно экономическая методология в соединении с математическим инструментарием недостаточны для объяснения огромного множества феноменов социальной реальности, таких, например, как исчерпание эффективности механизма создания добавленной стоимости, определение условий экономического роста, изменение в характере труда и мотивациях, современный экономический кризис;

3) включение объемно-временных и исторических подходов во избежание статичности и уподобления объекта исследования некой картинке-срезу кратко существующего ситуативного состояния экономической системы;

4) преодоление идеологизации экономического знания. Экономическая наука должна иметь целью улучшение жизни, а не обслуживание интересов власти;

5) определение стандартов научности экономического знания с учетом ревизии уже используемых и «изучение принципов, регулярно применяемых при формулировке и обосновании экономических теорий» [14, с. 53];

6) междисциплинарность как использование методологических коммуникаций между отдельными отраслями знания (прежде всего социальными науками: философией, социологией, политологией, демографией, антропологией, психологией, географией) с погружением познаваемой проблематики в различные практические и социокультурные контексты.

Соответственно критично значимым является своевременное определение и корректировка базовых посылов экономического знания, в особенности в условиях нарастающего кризиса доминирующей модели экономического развития, основанной на механизме добавленной стоимости и нарастающих потоках фиктивного финансового капитала.

2. Выдвижение математических методов исследования в авангард экономической науки в связи с революционными новациями в цифровых технологиях

Можно наблюдать, что контуры новой экономической модели уже смутно угадываются в тумане меняющейся многоукладной экономической реальности, где вместе с частью человечества, включенной в современный технологический уклад, соседствуют все предшествующие общественно-экономические типы организации труда. В основе этих измене-

ний грядущие технологические прорывы. Уже сегодня нас окружает 4 млрд устройств, подключенных к Интернету, и эти устройства умеют опознавать своих пользователей. Старт шестой версии протокола IP, которая пишется сейчас и заменит существующую четвертую версию, вызовет взрывной рост числа IP-адресов соединений с бесконечным числом подключений, означает запуск процессов принятия решений с высокой степенью информированности во всех областях человеческой деятельности: все, во что можно установить процессор: от зубной щетки до летательного аппарата, будет соединяться и общаться между собой. Совершенно очевидно предполагать, что последуют революционные изменения в экономике, обусловленные максимально широким мониторингом информации, получение которой в обычных условиях запретительно дорого или просто технически невозможно: появление экономики продукта с индивидуальными характеристиками, при которой корпорации начнут общаться напрямую с потребителем, совместное использование вещей, расширение лизинга вместо покупок и интернет-банкинга вместо традиционных банков.

В условиях новой геополитической ситуации, сложившейся после распада СССР, начинается новый виток использования военной силы как средства достижения коммерческих целей. На первый план в современных локальных войнах выходит информационная составляющая, когда сутью военных операций становятся не территориальные захваты, а получение сведений о поле боя, силах и средствах противника в режиме реального времени, что соответственно меняет спрос на вооружение и военные технологии, переориентируя его с производства боевых платформ (корабли, самолеты, танки и т.д.) на разработку и совершенствование боевого применения информационных технологий. Безусловно, внушительные средства, вкладываемые в военную электронику, значительно ускоряют развитие цифровых технологий, которые в последующем находят применение в гражданских отраслях.

Можно только предполагать, что несет человечеству создание такой реальности: процветание или всеобъемлющую несвободу и зависимость, но при выдвижении подобных предположений необходимо учесть, в частности, следующие фактические обстоятельства:

— отсутствие знания о том, что будет изобретено далее и как это повлияет на мир, означает фактическую утрату контроля общества над технологической инфраструктурой современной цивилизации;

— технологическая инфраструктура матрицы строится на военных системах (NSI, NSPP), разработанных для военного применения, а не для индивидуального бытового использования, при этом стоит особо отметить, что с начала 90-х годов военная электроника становится единственным растущим сектором в производстве вооружений и военных технологий США (более 40% от общего бюджета вооружений);

— нет препятствий для использования тела в качестве ключа или индивидуального штрихкода: вены на тыльной стороне ладони, лицо, почерк, голос, губы, уши, электроэнцефалограмма, ДНК — все это можно использовать для кодирования и распознавания.

Важно, что при смене аналогового мира с дискретными друг от друга вещами на единую всепроникающую матрицу

цифрового мира с взаимосвязанными вещами речь идет уже не о простом возвращении в основы экономической науки, а о подлинном триумфе математических методов исследования новой экономической реальности.

Не трудно утверждать, что уже в самом ближайшем будущем подобное возвращение во многом станет возможным в связи с:

1) получением каналов доступа к информационным полям с миллиардами лиц, включенных в тотальную цифровую матрицу современной цивилизации системами интегративного взаимодействия и участвующих в накоплении данных о себе в режиме реального времени;

2) выработкой принципиально новых подходов в использовании статистических данных на основе перехода от способов использования отдельных массивов экономической информации о прошедших событиях в деятельности ограниченного числа лиц к способам обработки и использования информации о подавляющем количестве экономических объектов и лиц в режиме реального времени с возможностью ее сопоставления в неограниченно задаваемых конфигурациях;

3) преодолением трудностей математической формализации экономических структур, совершенствованием технологий создания моделей и оптимизацией самого вычислительного процесса их реализации.

3. Методологические подходы в общегуманитарном определении контуров будущей модели экономического развития

Любая экономическая модель — это люди и идеология, которая описывает будущее этих людей. Очевидно, что элементы этой новой экономической модели можно найти уже сегодня. Весь вопрос в том, какая именно идея станет стержнем нового социально-экономического завтра. Точно определить этого нельзя. Известная нам история человечества почти целиком состоит из примеров подчинения масс воле отдельных личностей. От набора творцов нового времени, безусловно, и сейчас будет зависеть палитра картин грядущего общественного устройства.

Подобно тому, как в IV веке н.э. императором Константином из существующей реальности были взяты и институционально оформлены две основополагающие составляющие грядущего феодализма (принятие христианства в качестве государственной религии Рима в 313 году и юридическое оформление колоната в 332 году¹), так и в наше время идеи, сформулированные новыми идейными лидерами, постепенно создадут каркас нового мироустройства.

При этом основной вектор рисуется вполне отчетливо. В условиях ограниченности планетарных ресурсов неминуем переход к их сбережению, отказу от сверхпотребления, стимулирования спроса, промышленного роста как основного ценностного экономического ориентира.

В личной жизни должно постулироваться стремление к достижению качества жизни в условиях разумно достаточного потребления.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но аналогии уже очевидны: идеи позднеантичного императора Константина предельно современны. С учетом итогов последующего развития человечества актуальные сегодня изменения качественно отличаются от предложенных в начале IV века,

¹ Сам процесс оформления христианства как основной религии позднего Рима шел постепенно и был завершен в течение 10 лет. В 311 году в Никомедии вместе с Галерием и Лицинием Константином подписан указ о веротерпимости, в котором христианам предписывается молиться своему богу за благо императора. В 313 году в Милане вместе с Лицинием Константином издан указ, в котором христианство объявлялось равноправной с древним язычеством религией. В 320 году особым указом Константина христианской церкви дано право принимать завещанные ей наследства. В 321 году Константином созван Никейский собор, где он выступил в теологическом споре об единственности Христа богу-отцу [15, с. 760—762].

но сущностно вполне синонимичны и могут быть охарактеризованы как предложение менее агрессивной модели экономического развития с соответствующей ограничительной идеологией потребления.

Пожалуй, наиболее важная проблема на этом пути есть проблема мотивационных приоритетов. Необходимо найти достойную замену весьма сильной индивидуальной мотивации к получению экономической прибыли или каким-то образом приспособить ее к новым условиям.

Социалистический проект при всех неоспоримых достоинствах в контексте разумного планетарного потребления не смог предъявить сравнимую по силе индивидуальную мотивацию и был завершён почти сразу же после окончания его инерционной стадии (1953—1989), которая в логике механики оказалась равной по времени (36 лет) мобилизационной стадии проекта (для Советской России этот период совпадает с временем руководства страной В. И. Лениным и И. В. Сталиным — 1917—1953 годы).

Очевидно, что идейно и институционально ближе всех к проблематике нового проекта сегодня страны Западной Европы. Одна из важнейших причин такой прогрессивной близости является и большой проблемой Европы — длительное развитие в условиях дефицита природных ресурсов. В идейном аспекте народы Европы могут быть вполне идентифицированы как народы с исторической памятью о преобразованиях императора Константина как прологе мрачного Средневековья и последующем тысячелетии феодализма.

Важно учитывать, что в ситуации усиления ограниченности ресурсов, когда ведущие цивилизационные акторы разрешают вечную дилемму: отобрать-отвоевать у соседа посредством грабежа и победоносной войны или сохранить-приумножить в ходе медленного системного развития, до сих пор выбор преимущественно делается в пользу первого варианта. Все «прелести» такого выбора многократно, и в особенности во времена Средневековья, на себе испытали народы Европы, начиная с поражающей воображение страшной эпидемии чумы середины VIII века, унесшей жизни половины населения Европы.

США — единственная из ведущих развитых стран, которая не имеет в своей истории феодальной стадии развития. Напротив, исторически в память американцев впечатано, что и первая, и вторая, и даже третья (холодная — против СССР) мировые войны придали США мощные экономические и технологические импульсы, выведя из статуса периферийной державы в XIX веке в мировые лидеры в конце XX века. Ведение войны за ресурсы не воспринимается американской элитой как трагедия, а скорее как обычная внешнеполитическая и военно-экономическая практика и ассоциируется не с вероятными тяготами и лишениями, но более с получением страной дополнительных возможностей и преимуществ. (Последние примеры: агрессия США в Югославии, война в Ираке и Ливии, вторжение в Афганистан, попытка вторжения в Сирию.)

В предлагаемом контексте и Китай, и США находятся в разных позициях, но почти одинаково далеки от разрешения проблемы создания новой экономической модели.

США объявили «крестовый поход» за увеличение ВВП и соответствующее ему предъявление спроса, для чего могут быть использованы все средства вплоть до ударных авианосцев.

Китайским руководством, напротив, выдвинута принципиальная установка о том, что увеличение размеров ВВП не является важнейшим показателем в оценке деятельности управляющей партийной и государственной бюрократии.

Таким образом, продекларирован отказ от увеличения темпов экономического роста, но каких-либо иных мер не предложено.

Крайне серьезный характер будущих угроз, подъем международной конкуренции вызывают предложения о смене интеграции приемами силового соперничества. Все это требует преодоления узкой специфики, в которой пребывают экономисты, и, безусловно, указывает на то, что экономической науке требуются новые формы знания, основанные на тесных контактах с социальными, прикладными и техническими дисциплинами, на необходимость аналитических, синтетических и междисциплинарных подходов.

Проблематика цивилизационного развития требует от экономической науки соответствующего осмысления и активной выработки оптимальной вариативности необходимых решений. Точно так же, как многие экономические вопросы конца XIX — начала XX века были описаны русскими исследователями и использованы в создании социалистической экономики, так и результаты труда современных экономистов могут найти свое применение в условиях грядущей смены парадигмы социально-экономического развития.

Исторический опыт подсказывает, что изменения уже начались и далее будут только нарастать. Вполне вероятно силовое противостояние старой и новой модели — «новое Средневековье» как новая эпоха религиозных войн и крестовых походов. С учетом информационного характера современного мира хочется предположить, что чем продуктивнее будут результаты интеллектуального труда современных экономистов в идейном поиске и актуализации новой модели экономического развития, тем более вероятны эволюционно-мирный характер и успешность грядущих преобразований.

Очевидно, что уже в самое ближайшее время произойдет много перемен, которые неминуемо актуализируют необходимость обретения нового качества экономической науки в синтезе не только с отдельными отраслями знания, как это было до сих пор, а теперь практически уже со всеми областями человеческой деятельности. Важным условием преодоления препятствий на путях обретения объективности экономического знания является ответственное определение и декларирование индивидуальных ценностных убеждений экономистов-исследователей.

Однако, пока не будет придумана новая экономическая модель, пока эта экономическая модель не вступит в свои права, которые, в свою очередь, будут подтверждены новыми мировоззренческими ориентирами и идейными установками, до тех пор экономическая наука будет пребывать в дискомфортном состоянии в попытках приложения имеющейся методологии к описанию, объяснению и прогнозированию социально-экономической реальности.

Выводы по статье

1. Практика математических методов в экономических исследованиях в период со второй половины XX века по настоящее время выявила возможность их профессионального применения лишь в отношении узкого круга наблюдаемых явлений.

2. Сложная математическая формализация в связи с неопределенностью знаний в отношении широкого круга экономических субъектов обуславливает необходимость использования в современной экономической науке прежде всего методологии гуманитарных исследований.

3. Уже в ближайшем будущем при переходе от аналогового мира с дискретными друг от друга вещами к новой цифровой реальности с взаимосвязанными вещами и всеобъемлю-

щим информационным мониторингом экономических субъектов можно уверенно прогнозировать кардинальные изменения в методологии экономических исследований на основе преобладания математических методов в связи с возможностью получения и обработки данных о неограниченном количестве индивидуальных объектов.

4. Складываются предпосылки для фундаментальной базы получения экономических знаний на основе синтеза методологии гуманитарных и математических исследований в условиях выявления определяющих закономерностей и категорий с использованием вербального анализа и параллельной кор-

рекцией результатов при проверке цифровой информации, поступающей от субъектов материального мира в режиме реального времени.

5. Новая цифровая реальность, погруженная в проблематику планетарного развития в условиях нарастающих ограничений в ресурсах, неминуемо вызовет ускорение изменений в парадигме социально-экономического развития и способе общественного производства. Результатом таких изменений должна стать новая экономическая модель с менее агрессивными параметрами развития и ограничительной идеологией индивидуального потребления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Habermas J. Der Konstruktionsfehler der Währungsunion // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2011. № 5. S. 64—66.
2. Ciccone, Antonio and Marek Jarocinski Determinants of Economic Growth: Will Data Tell? // *European Central Bank, Frankfurt am Main*. 2008. 852 p.
3. Levine, Ross and David Renelt A Sensitivity Analysis of Cross-Country Growth Regressions // *American Economic Review*. 1992. № 82 (4). P. 942—963.
4. Леонтьев В. В. Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты. Доклад на 83-й сессии Американской экономической ассоциации 29 декабря 1970 года // *США — экономика, политика, идеология*. 1972. № 9. С. 101—104.
5. Гелбрейт Джон Кеннет Экономика невинного обмана. М.: Европа, 2009. 88 с.
6. Истерли У. Непреклонность в погоне за необъяснимым: провал решительных попыток Докладов о мировом развитии постичь экономический рост в 1978—2008 годах. Комментарии. Экономика развития сквозь десятилетия. М.: Весь мир, 2012. 240 с.
7. Sen A. Methodology: Heterogeneity and Relevance // *Social Research. An International Quarterly of the Social Sciences*. 2004. V. 71. № 3. P. 585—589.
8. Капелюшников Р. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Вопросы экономики*. 2013. № 9. С. 66—90.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. 455 с.
10. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. 107 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Политическая литература, 1985. 607 с.
12. Поланьи К. Избранные работы. М.: ИД КДУ: ИД «Территория будущего», 2013. 199 с.
13. Колпаков В. А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. М.: Изд-во КАНОН+, 2008. 208 с.
14. Блауг М. Несложный урок экономической методологии // *Thesis*. 1994. № 4. С. 53—68.
15. Егер О. Всемирная история. Т. 1. СПб.: Специальная литература, 1997. 821 с.

REFERENCES

1. Habermas J. Der Konstruktionsfehler der Währungsunion // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2011. № 5. P. 64—66.
2. Ciccone, Antonio and Marek Jarocinski Determinants of Economic Growth: Will Data Tell? // *European Central Bank, Frankfurt am Main*, 2008. 852 p.
3. Levine, Ross and David Renelt A Sensitivity Analysis of Cross-Country Growth Regressions // *American Economic Review*. 1992. № 82 (4). P. 942—963.
4. Leontiev V. V. Theoretical assumptions and unobserved facts. Report of the 83rd session of the American Economic Association on December 29, 1970 // *USA — economics, politics, ideology*. 1972. № 9. P. 101—104.
5. Galbraith John Kenneth. Economy of innocent deception. M.: Publisher of Europe, 2009. 88 p.
6. Easterly's W. Intransigence in the pursuit of inexplicable: the failure of the determined efforts of the World Development Reports to comprehend the economic growth in 1978—2008. Comments. Development Economics through the decades. M.: The whole world, 2012. 240 p.
7. Sen A. Methodology: Heterogeneity and Relevance // *Social Research. An International Quarterly of the Social Sciences*. 2004. V. 71. № 3. P. 585—589.
8. Kapelyushnikov R. Behavioral economics and «new» paternalism // *Problems of Economics*. 2013. № 9. P. 66—90.
9. Schumpeter J. Theory of Economic Development. M., 1982. 455 p.
10. Bard A., Zoderkvist J. Netokratiya. The new ruling elite and the life after capitalism. St. Petersburg: Stockholm School of Economics, 2005. 107 p.
11. Marx K., Engels F. Manifest of the Communist Party. Selected Works. B. 3. M.: Political Literature, 1985. 607 p.
12. Polanyi K. Selected Works. M.: KDU ID: ID «Territory of the Future», 2013. 199 p.
13. Kolpakov V. A. Social and epistemological problems of modern economic knowledge. M.: Publisher CANON+, 2008. 208 p.
14. Blaug M. The simple lesson of economic methodology // *Thesis*. 1994. № 4. P. 53—68.
15. Jaeger A. The World History. V. 1. St. Petersburg: Publisher Special Books, 1997. 821 p.

УДК 658.114+342.5
ББК 65.290.31+67.400.6

Moiseenko Elena Nikolaevna,
post-graduate student of the department of economics
and management of the Kharkov University of Humanities
«People's Ukrainian Academy»,
economist of the legal company «SYNTHESIS» LLC,
Kharkov, Ukraine,
e-mail: lexelit@gmail.com

Моисеенко Елена Николаевна,
аспирант кафедры экономики и менеджмента
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»,
экономист ООО «Юридическая фирма «СИНТЕЗ»,
г. Харьков, Украина,
e-mail: lexelit@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ

COOPERATION BETWEEN STATE POWERS AND BUSINESS STRUCTURES IN THE CONDITIONS OF THE INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN UKRAINE

В статье рассмотрена проблема сотрудничества государственной власти и предпринимательских структур в условиях институциональных преобразований в Украине. Обоснована актуальность данной проблемы с точки зрения теории, приведены аргументы в пользу использования механизма государственно-частного партнерства в условиях радикальных изменений. Автором выделены ключевые проблемы, которые касаются развития государственно-частного партнерства. Также определены направления совершенствования функционирования механизма государственно-частного партнерства в Украине. В данной статье автором предложена структурная модель государственно-частного партнерства, также приведена схема финансирования инвестиционных проектов с участием государства и бизнеса, определен порядок распределения прибыли между участниками партнерства.

The article examines the problem of cooperation between the state powers and business structures in the conditions of the institutional reforms in Ukraine. The urgency of this problem from the point of view of the theory is substantiated; arguments in favor of using the mechanism of public-private partnership in the conditions of radical changes are provided. The author highlights the key issues that related to the development of public-private partnerships; identifies areas of improving functioning of the mechanism of public-private partnerships in Ukraine. The author of this article has suggested structural model of public-private partnership, as well as the scheme of financing the investment projects with participation of the state and business; and has determined the procedure of profit distribution between participants of the partnership.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, ресурсы, ограниченность, власть, бизнес, проблемы, экономический рост, инвестиции, инновации, модель.

Keywords: public-private partnership, resources, limitation, authorities, business, problems, economic growth, investments, innovations, model.

Введение. Современная экономика представляет собой сложный механизм взаимодействия органов государственной власти и бизнеса, что находит воплощение в многообразии различных форм и направлений такого сотрудниче-

ства. При этом значимость и актуальность взаимовыгодных отношений между властными и предпринимательскими структурами возрастет в периоды радикальных институциональных преобразований, которые осуществляются в экономической, политической и социальной жизни общества, когда со всей очевидностью встает вопрос о необходимости коренного пересмотра властных отношений в экономике на основе использования механизма государственно-частного партнерства.

Проблемы, связанные с развитием государственно-частного партнерства, рассматривали В. Варнавский, А. Клименко, В. Королев [1], М. Дерябина [2], Л. Ефимова [3], В. Кнюпфер [4], Д. Матвеев [5], В. Сильверстов [6].

Анализ работ указанных авторов дает возможность констатировать, что развитие эффективных институтов взаимодействия государства и бизнеса во всем мире выступает одним из важнейших условий формирования эффективной экономической политики, повышения инвестиционной и инновационной активности, роста конкурентоспособности страны, а также развития производственной и социальной инфраструктуры [7].

Как указывает А. Каданя, в современных условиях государства ориентируются на взаимодействие государственного и частного капиталов, пытаясь решить проблему инвестирования в условиях ограниченности ресурсов, находящихся в распоряжении органов власти. Данная проблема особо актуальна для Украины, которая в настоящее время находится в сложной экономической ситуации, испытывает хронический недостаток ресурсов для проведения широкомасштабных экономических реформ [8].

Таким образом, целью данной статьи является анализ механизма взаимодействия государственной власти и предпринимательских структур в условиях институциональных преобразований в Украине, а также внесение предложений по его совершенствованию.

Изложение основного материала. Современное украинское государство, имея достаточно большие экономические, природные, трудовые ресурсы, все же в силу различных обстоятельств, вызванных в основном политическими причинами, высоким уровнем коррупции, а также непрофессионализмом управленцев высшего звена, в настоящее время ищет пути пополнения своей ресурсной базы, в основном обращаясь к внешним заимствованиям. В то же время в распоряжении государства имеется и институцио-

нальный механизм, до сих пор фактически не задействованный, — государственно-частное партнерство.

С точки зрения институциональной теории данный механизм имеет целью прагматическую экономическую основу: ресурсы государства, как бы велики они ни были, всегда ограничены, потому власть при реализации своих целей и интересов стремится к их увеличению за счет привлечения дополнительных ресурсов [9].

В частности, речь идет о том, что власть стремится включить в механизмы экономического роста предпринимательские структуры, которые в состоянии за счет собственной ресурсной базы обеспечить экономический рост. На этой основе возникает система взаимоотношений власти и бизнеса, которые являются ключевым фактором экономического развития и при этом отражают объективные потребности органов государственной власти и интересы предпринимательства.

Ученые-институционалисты [10; 11; 12] указывают, что система взаимодействия властных и предпринимательских структур должна быть открытой и способной адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды и рыночной конъюнктуры. При этом эффективность взаимодействий зависит от того, насколько властные и предпринимательские структуры подготовлены к интеграции совместных усилий для достижения экономического роста, заинтересованы в налаживании отношений, стремлении создать атмосферу доверия.

Следует отметить, что государственно-частное партнерство (ГЧП) имеет общие черты с другими формами распределения функций и передачи государством отдельных функций для выполнения другим организациям, среди которых государственные закупки, аутсорсинг и т. д.

Отличительной особенностью проектов ГЧП является то, что их взаимовыгодность базируется на общей заинтересованности партнеров в эффективном использовании общественного ресурса на всех стадиях жизненного цикла проекта: проектирования, строительства и эксплуатации.

В настоящее время в Украине актуализировались объективные обстоятельства для внедрения механизмов ГЧП: для реализации масштабных проектов в различных секторах экономики нужны значительные инвестиционные ресурсы, мощным источником которых может стать частный бизнес.

Широкое внедрение ГЧП предусмотрено Программой экономических реформ на 2010—2014 годы «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство» [13], Программой развития инвестиционной и инновационной деятельности в Украине [14], хотя при этом следует признать, что в практической сфере реализация такого партнерства фактически не вышла за уровень деклараций о намерениях.

Об этом свидетельствуют данные Всемирного банка, согласно которым с 1992 года было реализовано всего 25 проектов, в которые инвестировано всего 12 млн долл. США, из них около 11,5 млн долл. США — в сфере телекоммуникаций [15] (табл.).

Таблица

**Проекты ГЧП в Украине за годы независимости
(по оценке Всемирного банка)**

Область реализации проекта	Количество проектов, ед.	Объем инвестиций, млн долл. США
Энергетика	12	225
Телекоммуникации	10	11416
Транспорт	1	130
Водопотребление и канализация	2	202
Всего	25	11973

Приведенные данные дают основания утверждать, что практическое применение ГЧП не получило достаточного развития в Украине, примеров успешных инвестиционных проектов на принципах ГЧП до сих пор нет.

Существенным препятствием для практической реализации инвестиционных проектов на принципах ГЧП, особенно на региональном и местном уровне, являются противоречия в институциональном обеспечении ГЧП (нет определенности относительно единого регулирующего институционального центра ГЧП, напротив, характерным является дублирование функций в этой сфере), отсутствие кадрового обеспечения с соответствующим уровнем методологической и методической подготовки.

Деятельность работников структурных подразделений, отвечающих за сферу инвестиционной деятельности, направлена прежде всего на перераспределение бюджетных средств, выделенных на инвестиционную деятельность, а не на создание благоприятных условий для привлечения частного капитала в реальный сектор экономики.

Мы соглашаемся с тем, что обеспечение механизма партнерства государства и бизнеса в инвестиционной сфере Украины в целом можно определить как двухуровневое — на государственном и региональном уровне.

На государственном уровне главным координирующим органом выступает Кабинет Министров Украины, который должен обеспечить создание Центра государственно-частного партнерства Украины в инвестиционной сфере при профильном министерстве, например, при Министерстве экономического развития и торговли Украины.

К другим исполнительным органам власти, в компетенцию которых можно включить функцию содействия и координации развития партнерства государства и бизнеса в инвестиционной сфере, можно отнести Государственное агентство по инвестициям и управлению национальными проектами Украины, Государственное инновационное финансово-кредитное учреждение, Государственную инвестиционную компанию, а также профильные министерства.

Вместе с тем, по нашему мнению, важным структурным элементом в модели реализации инвестиционных проектов с использованием механизмов ГЧП должны быть научно-аналитические центры (НАЦ), которые представляют собой инициативную группу ученых и специалистов в определенной сфере. Такие группы ученых могут быть непосредственно задействованы в процессе разработки и реализации инвестиционных проектов на основе договоров гражданско-правового характера в качестве руководителей и консультантов реализации данных проектов, государственных и региональных инвестиционных программ.

Таким образом, под научно-аналитическими центрами мы предлагаем понимать общественные организации, объединяющие ученых и специалистов-практиков с целью разработки и реализации инвестиционных проектов, направленных на проведение структурных изменений в экономике региона и укрепление его самоуправляемости (авторское определение).

На региональном уровне участниками ГЧП должны стать облгосадминистрации, которые имеют в своей структуре экономические отделы, а также местные органы государственной власти, наделенные хозяйственной компетенцией; бизнес в качестве партнера в инвестиционной сфере является частным, а сам механизм такого партнерства определяется действующим законодательством Украины [16].

На основе вышесказанного можем смоделировать структуру ГЧП в инвестиционной сфере (рис. 1).

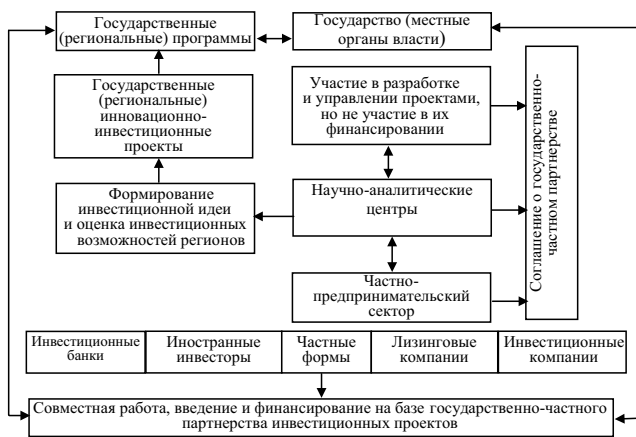

Рис. 1. Механизм реализации инвестиционных проектов на основе государственно-частного партнерства в Украине (разработка автора)

На основе предложенного выше механизма реализации инвестиционных проектов в рамках государственно-частного партнерства (рис. 1) предлагаем модель распределения финансовых потоков между участниками данного партнерства, которая представлена на рис. 2.

Как демонстрирует модель на рис. 2, обе стороны ГЧП, и государство, и частные инвесторы, вкладывают инвестиции в финансирование инвестиционных проектов, при этом в распределении прибыли участвуют и научно-аналитические центры, отвечающие за разработку таких проектов.

Между основными участниками распределение прибыли (инвестиционный доход) осуществляется в соответствии с вло-

женными первоначальными инвестициями и долей владения акционерным капиталом (если это акционерное общество) или долей в уставном капитале созданного предприятия.

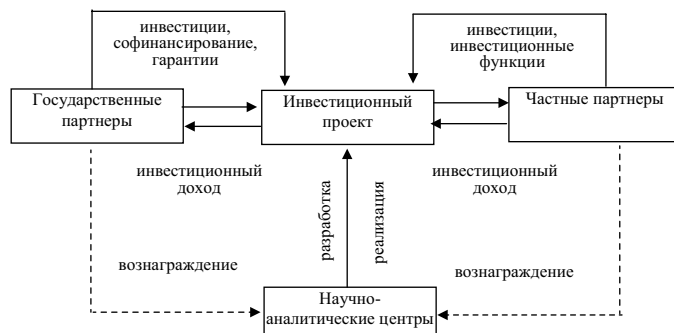

Рис. 2. Модель распределения финансовых потоков между участниками государственно-частного партнерства

Выводы. В целом совместная работа бизнеса и власти в реализации проектов ГЧП способствует развитию экономики в условиях недостаточного количества ресурсов, находящихся в распоряжении государства.

Именно реализация инвестиционных проектов в рамках государственно-частного партнерства, по нашему мнению, даст положительный эффект экономике благодаря сочетанию ресурсов частного бизнеса, научно-аналитического потенциала и регулирующих функций государства, позволит не только обеспечить расширенное воспроизводство в различных областях экономики, но и достичь синергетического эффекта, обеспечит переход к инвестиционно-инновационной модели развития украинской экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство. Теория и практика / В. Г. Варнавский, А. В. Клименко, В. А. Королев. М.: Высшая школа экономики, 2010. 287 с.
2. Дерябина М. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 61—77.
3. Ефимова Л. И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eatu.ru/?gstrAction=DOC&gintDocID=71> (дата обращения: 23.03.2014).
4. Кнупфер В. Государственно-частные партнерства (ГЧП) в контексте использования современных форм управления комплексами недвижимости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duma.gov.ru/sobstven/analysis/corporation/161007/5knupfer.htm> (дата обращения: 23.03.2014).
5. Матвеев Д. Б. Государственно-частное партнерство: зарубежный и российский опыт. СПб.: Наука, 2007. 171 с.
6. Сильверстов С. Партнерство государства и частного сектора // Экономика России: XXI век. 2005. № 18. С. 18.
7. Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнерства: общая характеристика и организационно-институциональные основы / А. В. Гладов, А. М. Исупов, С. А. Мартышкин, Д. В. Прохоров, А. В. Тарасов, Н. М. Тюкавкин, В. М. Цлав // Вестник СамГУ. 2008. № 7 (66). С. 36—55.
8. Каданя (Кеслер) А. Я. Экономические основы государственно-частного партнерства: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 155 с.
9. Милосердов В. В. Свобода, бизнес и власть [Электронный ресурс]. URL: <http://vladimir.miloserdov.name> (дата обращения: 23.03.2014).
10. Клишова Е. В. Институциональная среда: в контексте теории экономической реальности // Научные труды ДонНТУ. Сер. Экономическая. 2006. Вып. 103—2. С. 35—43.
11. Курбатова М. Деформализация правил взаимодействия власти и бизнеса // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 119—125.
12. Эгертсон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с.
13. Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство: Программа экономических реформ на 2010—2014 годы от 02.06.2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MUS14838.html (дата обращения: 23.03.2014).
14. Программа развития инвестиционной и инновационной деятельности в Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/389-2011-p> (дата обращения: 23.03.2014).
15. Ukraine — Private Infrastructure Projects — The World Bank & PPIAF [Электронный ресурс]. URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreCountry.aspx?countryID=97 (дата обращения: 23.03.2014).

16. О государственном-частном партнерстве: Закон Украины от 02.02.2011 года // Ведомости Верховного Совета Украины (BBC). 2010. № 40. Ст. 524.

REFERENCES

1. Varnavskiy V. G. Public-private partnership. Theory and practice / V. G. Varnavskiy, A. V. Klimenko, V. A. Korolev. M.: State University-Higher School of Economics, 2010. 287 p.
2. Deryabin M. A. Public-private partnerships: theory and practice // Issues of economics. 2008. № 8. P. 61—77.
3. Efimova L. I. Some models of public-private partnerships: trends and international experience [Electronic resource]. URL: <http://www.eatu.ru/?gstrAction=DOC&gintDocID=71> (date of viewing: 23.03.2014).
4. Knupfer V. Public-private partnerships (PPP) in the context of use of the modern forms of management of the real estate complexes [Electronic resource]. URL: <http://www.duma.gov.ru/sobstven/analysis/corporation/161007/5knupfer.htm> (date of viewing: 23.03.2014).
5. Matveev D. B. Public-private partnership: foreign and Russian experience. SPb.: Nauka, 2007. 171 p.
6. Seliverstov S. Partnership of the state and the private sector // Economics of Russia: XXI century. 2005. № 18. P. 18.
7. International experience in implementing public-private partnership: General characteristics and organizational-institutional framework / A. V. Gladov, A. M. Isupov, S. A. Martishkin, D. V. Prokhorov, A. V. Tarasov, N. M. Tyukavkin, V. M. Clav // Bulletin of Samara State University. 2008. № 7 (66). P. 36—55.
8. Kadiana (Kesler) A. Ya. Economic basis of the public-private partnership: dissertation of the candidate of economy sciences. M., 2007. 155 p.
9. Miloserdov V. V. Freedom, business and government [Electronic resource]. URL: <http://vladimir.miloserdov.name> (date of viewing: 23.03.2014).
10. Clisova E. V. Institutional environment: in the context of the theory of economic reality // Scientific works of Donetsk National Technical University. Series: Economics. 2006. Vol. 103—2. P. 35—43.
11. Kurbatova M. De-formalization of rules of interaction between authorities and business // Problems of Economics. 2005. № 10. P. 119—125.
12. Eggertsson T. Economic behavior and institutions. M.: Business, 2001. 408 p.
13. Rich society, competitive economy, effective state: An economic reform program for 2010—2014 dated 02.06.2010 [Electronic resource]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MUS14838.html (date of viewing: 23.03.2014).
14. The program of development of investment and innovation activity in Ukraine [Electronic resource]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/389-2011-п> (date of viewing: 23.03.2014).
15. Ukraine — Private Infrastructure Projects — The World Bank & PPIAF [Electronic resource]. URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreCountry.aspx?countryID=97 (date of viewing: 23.03.2014).
16. On public-private partnership: the Law of Ukraine dated 02.02.2011 // Bulletin of the Supreme Council of Ukraine (USC). 2010. № 40. Article 524.

08.00.05 ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

08.00.05 ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 330.322
ББК 65.263

Sazonov Sergey Petrovich,
honored economist of the Russian Federation,
State advisor of the Russian Federation class 2,
doctor of economics, professor,
academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
head of the department of economics
and finances of the companies
of Volgograd State Technical University,
Volgograd,
e-mail: sazonovsp@mail.ru

Penkov Pavel Evgenevich,
post-graduate student of the department
of economics and management
of Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law,
Volgograd,
e-mail: www.pavelpenkov90@mail.ru

Mamedov Famil Nazim ogly,
post-graduate student of the department
of the economics and finance of the companies
of Volgograd State Technical University,
Volgograd,
e-mail: familmamedov@rambler.ru

Сазонов Сергей Петрович,
заслуженный экономист Российской Федерации,
Государственный советник
Российской Федерации 2-го класса,
д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН,
зав. кафедрой экономики и финансов предприятий
Волгоградского государственного
технического университета,
г. Волгоград,
e-mail: sazonovsp@mail.ru

Пеньков Павел Евгеньевич,
аспирант кафедры экономики и управления
Волгоградского института экономики,
социологии и права,
г. Волгоград,
e-mail: www.pavelpenkov90@mail.ru

Мамедов Фамиль Назим оглы,
аспирант кафедры экономики и финансов предприятий
Волгоградского государственного
технического университета,
г. Волгоград,
e-mail: familmamedov@rambler.ru

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

EVALUATION OF ECONOMIC EFFICIENCY OF INVESTMENT PROJECTS

В статье рассматривается понятие экономической эффективности в обобщенном ракурсе, то есть сравнение результатов хозяйственной деятельности с затраченными на эту деятельность ресурсами: трудовыми, материальными, природными, а также трактуются методы, применяемые для оценки рентабельности инвестиционных проектов и их компонентов, исследуются показатели эффективности инвестиционных проектов. Эти методы рассматриваются с социальной и коммерческой точки зрения. Данный подход позволит оценить экономические выгоды и соотнести их с общественной пользой от реализации проекта на практике. Акцентируется внимание на экономической выгоде от реализации проекта, которая может быть отрицательной либо окупающей себестоимость, что позволяет говорить о необходимости эффективной разработки и реализации социально ориентированных проектов для исключения нерационального расхода бюджетных средств.

This article discusses the concept of economic efficiency in the most general perspective, i.e. the comparison of results of the economic activity with the resources used for such activity: labor, material, and natural ones; as well as interprets the methods used for assessment of profitability of investment projects and their components; examines the performance indicators of investment

projects. These methods are discussed from the social and commercial points of view. Such approach allows evaluating economic benefits and correlating them with the public benefit of the project practical implementation. The attention is focused on the economic benefits of the project implementation, which may have negative or payback cost price, which suggests the need for effective development and implementation of the socially-oriented projects in order to avoid irrational use of the budget funds.

Ключевые слова: инвестиционный проект, экономическая эффективность, общественная эффективность, регион, управление, инновации, инновационная активность, себестоимость, капитал, практическая значимость проекта, бюджетные средства, уровень эффективности.

Keywords: investment project, economic efficiency, social efficiency, region, management, innovations, innovation activity, cost price, capital, project practical value, budget finds, efficiency level.

В 90-е годы, в момент приватизации, отечественная государственная экономическая структура претерпевала необратимые изменения. Данный феномен привел к тотальной дезинтеграции и снижению мощностей производства. Как отмечает

Т. Н. Калмыкова, «в процессе приватизации структура государственного сектора экономики была существенно дезорганизована, а предприятия госсектора утратили свою конкурентоспособность за счет снижения финансирования и дезинтеграции. Из интегрированных производственных цепочек в процессе приватизации выпали важные звенья» [1, с. 232].

В данной ситуации были необходимы меры, способные не только исправить существующий порядок вещей, но и закрепить полученные положительные результаты, сводя к минимуму возможные негативные тенденции. Наиболее рациональным способом улучшения текущего положения было создание благоприятных условий для инвестирования в наиболее важные сектора отечественной экономики; целенаправленное технологическое перевооружение секторов производства, а также диверсификация и развитие экспортно ориентированных отраслей [2, с. 186].

На современном этапе конкурентная среда достаточно разнообразна, при этом широта предлагаемых товаров и услуг пестрит своим многообразием, что вынуждает российские фирмы-производители не только использовать материальную базу, отвечающую требованиям времени, но и расширять список выпускаемой продукции с одновременным сокращением всех возможных издержек. Как правило, при планировании основных мероприятий по модернизации производства рассматривается несколько возможных вариантов, которые различаются друг от друга по характеру изменений, временным периодам, необходимым для модернизации, и по капитальным затратам [3, с. 43].

При оценке инвестиционных проектов с точки зрения их экономической выгоды применяются две группы методов — простые и сложные [4, с. 184].

Под простыми понимаются методы, при использовании которых учитываются конкретные значения изначальных данных, но не берется во внимание длительность проекта, поступления денег и т. д. Данные методы просты в расчетах, их легко представить в виде графиков или диаграмм, что позволит максимально быстро проанализировать проект на ранних стадиях.

Под сложными методами понимается использование различных числовых рядов, а также определенных математических формул, что позволяет максимально точно определять различные потенциальные отклонения и подсчитать приближенную выгодность с учетом самых разных факторов.

При использовании простого метода наиболее часто используется расчет простой нормы прибыли и периода окупаемости. Простая норма прибыли — это соотношение, схожее с понятием рентабельности капитала, с отличием в том, что простая норма прибыли рассчитывается как отношение годовой прибыли к общему объему инвестиционных затрат:

$$ROI = \frac{P_2}{I}$$

где: ROI — простая норма прибыли;

P_2 — годовая прибыль;

I — общий объем инвестиционных затрат.

Основной целью данного метода является оценка инвестиционных затрат относительно прибыли в определенный временной интервал. При сравнении расчетной величины простой нормы прибыли с минимальным или средним уровнем доходности инвестор может сделать предварительные выводы о целесообразности данной инвестиции, а также о том, следует ли продолжать проведение анализа инвестиционного проекта [5, с. 156].

Сложные методы необходимы для максимально полной оценки возможных издержек с учетом всех вероятных негативных аспектов, а также чтобы получить максимально точную

информацию о привлекательности объекта инвестирования. Иными словами, данный метод позволит учитывать уровень инфляции в совокупности временных отрезков и для всех сопутствующих данному процессу операций. Осуществить данные подсчеты возможно при сведениях показателей цены и других различных величин к масштабу настоящего времени, то есть методом дисконтирования. При помощи данного метода можно получить наиболее точную оценку относительно простых методов. Кроме того, данный метод является наиболее научным из всех приведенных выше.

На практике эффективность инвестиционных проектов рассчитывается по определенным рекомендациям, согласно которым инвестиционный проект на предприятии должен пройти определенные этапы:

- разработка инвестиционного предложения и декларации о намерениях;
- разработка обоснования инвестиций;
- разработка ТЭО (проекта);
- осуществление инвестиционного проекта (экономический мониторинг) [Там же. С. 158].

К методическим рекомендациям по оценке продуктивности инвестиционных проектов относятся:

- экономическая продуктивность проекта;
- выгодность участия в данном проекте.

Экономическая продуктивность представляет собой совокупность данных, которые определяют экономическую привлекательность проекта и возможность нахождения денежных средств для его реализации. Показатели, учитываемые при данной экономической рекомендации, могут быть технологического, технологического и организационного толка.

Эффективность проекта в целом складывается из следующих элементов:

- общественная (социальная) эффективность;
- коммерческая эффективность.

Эффективность участия в проекте предусматривает:

- эффективность инвестиционных проектов для предприятий-участников;
- эффективность для акционеров;
- эффективность участия в проекте структур более высокого уровня, в том числе региональную и отраслевую эффективность;
- бюджетную эффективность инвестиционных проектов [6, с. 267].

Для удобства расчета экономической выгоды от инвестиционного проекта следует использовать определенные показатели (см. рис.).

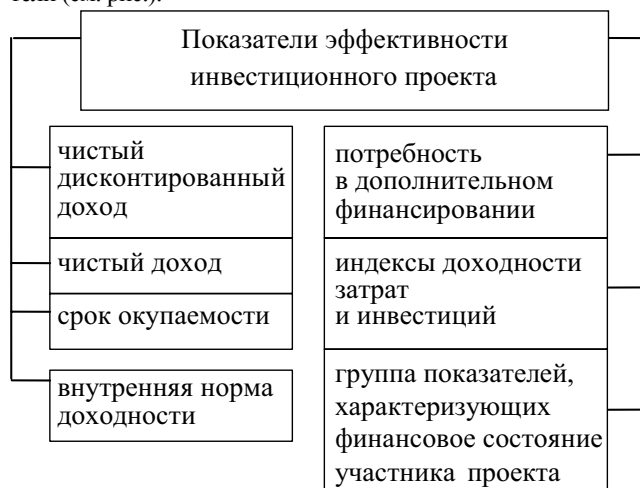

Рис. Показатели эффективности инвестиционного проекта

Немаловажным фактором является оценка эффективности проекта относительно нужд территориального образования. На региональном уровне эффективность инвестиционного проекта выражается в ряде показателей: состояние социальной среды, влияние на экологическую составляющую региона, возможности бюджета.

Рассчитывая эффективность инвестиционного проекта, не стоит ограничиваться лишь общими или региональными оценками надобности такого проекта, стоит принимать в расчет и отраслевую значимость данного начинания. Оценка эффективности по отраслям производится аналогично эффективности участия в проекте с той лишь разницей, что учитываются некоторые особенности:

— возможность использования денежных средств не зависит от их состава и структуры;

— в расчетах учитываются денежные потоки от всех видов деятельности [7, с. 126].

Помимо этого учитываются выгоды от реализации данного проекта в той степени, в какой он будет полезен всем предприятиям, задействованными в данной отрасли. Но в то же время необходимо исключать из анализа отраслевой эффективности проекта следующие особенности:

— договоренности между фирмами, занятыми в одной отрасли;

— издержки на кредиты и другие траты, связанные с реализацией проекта, бремя которых несут участники.

Относительно бюджетной составляющей следует обратить внимание на различие в самих бюджетах, то есть в их уровнях. Это различие очень важно, так как с его помощью можно проанализировать влияние результатов проекта на бюджеты различных уровней. Любое вложение средств имеет определенную цель, а именно получение прибыли сверх того, что было потрачено. Именно поэтому очень важно анализировать бюджет с той точки зрения, что до получения прибыли придется вывести из оборота часть средств. Поэтому любые вложения должны быть максимально обоснованы.

Притоки инвестиционных капиталов одинаково важны как предпринимателям, так и государству.

Основные доходы при анализе бюджетной эффективности проекта представляют собой:

— налоговые сборы, всевозможные пошлины, не противоречащие законам;

— прибыль с лицензирования, сэкономленные при помощи государственных закупок средства;

— сдачу в аренду объектов, задействованных в проекте;

— различные платежи и взносы участников проекта.

Бюджетные расходы представляют собой следующие траты:

— расходы бюджета, связанные с материальным обеспечением проекта;

— средства, которые выделили на ликвидацию возможных непредвиденных ситуаций, а также при возникновении таковых — на реализацию программ по устранению последствий.

Когда происходит реализация любого инвестиционного проекта, требуется учет не только конечного результата, но и оценки возможных изменений, затрагивающих иные сферы жизнедеятельности общества. Занимаясь данным анализом, следует обратить внимание на следующие составляющие, а именно: изменения в налоговых сборах, потенциальные риски, связанные с потерей рабочих мест или поиском необходимых трудовых ресурсов. Как показывает опыт, оценка критериев бюджетной эффективности является одним из ключевых факторов спонсирования инвестиционного проекта. Кроме того, состояние бюджета после внедрения проекта будет служить определенным отправным пунктом в дальнейшей реализации инвестиционных проектов, так как при распределении денег на региональном уровне учитывается приток или отток бюджетных средств. Но зачастую случается такое, что бюджетный эффект оказывается в антагонизме не только с материальными интересами участников проекта, но и с социальным.

Резюмируя вышесказанное, можно вывести необходимую закономерность об обязательном положительном социальном эффекте, при том что финансовая сторона вопроса может быть положительной не для каждого участника, а бюджетный эффект в таком случае может быть или нулевым, или (реже всего) отрицательным, если учесть, что правительство региона посчитает такие бюджетные расходы приемлемыми, когда во главе угла стоит общественная польза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калмыкова Т. Н. Формирование корпоративных структур в государственном секторе российской экономики в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 231—234.
2. Морозова Н. И. Инновационно-инвестиционная политика как ключевой элемент экономического роста и повышения качества жизни населения России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 186—191.
3. Курченков В. В., Овшинов С. А. Определение оптимального варианта модернизации производства на промышленном предприятии // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3 (16). С. 43—50.
4. Авдеев С. В., Замедлина Е. Н. Основа бизнеса. М.: Юрайт, 2011. 190 с.
5. Виленский П. Л., Лившиц Н. Н., Смоляк С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. М.: Дело, 2010. 884 с.
6. Дамодаран А. Инвестиционная оценка. Инструменты и методы оценки любых активов. М.: Альпина бизнес букс, 2012. 1316 с.
7. Лимитовский М. А. Основы оценки инвестиционных и финансовых решений. 4-е изд. М.: ДеКА, 2011. 232 с.

REFERENCES

1. Kalmykova T. N. Establishing the corporate structures in the public sector of the Russian economics in modern conditions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 231—232.
2. Morozova N. I. Innovation-investment policy as the key of growth and increase of the Russian population life quality // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 186—191.
3. Kurchenkov V. V., Ovshinov S. A. Definition of the optimum option of production modernization at the industrial facility // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 3 (16). P. 43—50.

4. Avdeev S. V., Zamedline E. N. The core of business. M.: Uright, 2011. 190 p.
5. Vilenskiy P. L., Livshits N. N., Smolyak S. A. Estimation of efficiency of investment projects: theory and practice. M.: Business, 2010. 884 p.
6. Damodaran A. Investment evaluation. Tools and methods for evaluation of any assets. M.: Alpine business books, 2012. 1316 p.
7. Limitovskiy M. A. Fundamentals for assessment of investment and financial decisions. 4 edition. M.: DeKA, 2011. 232 p.

УДК 330.101

ББК 65.209.1

Markina Irina Anatolievna,
 doctor of economics, professor,
 vice-rector in charge of research and educational activities
 and international collaboration,
 head of the department of management and administration
 of Poltava National Technical University
 named after Yuri Kondratyuk,
 Ukraine, Poltava,
 e-mail: iriska7@ukr.net

Маркина Ирина Анатольевна,
 д-р экон. наук, профессор,
 проректор по научно-педагогической деятельности
 и международному сотрудничеству,
 зав. кафедрой менеджмента и администрирования
 Полтавского национального технического
 университета им. Юрия Кондратюка,
 Украина, г. Полтава,
 e-mail: iriska7@ukr.net

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

PROBLEMS UNSHADOWING IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SECURITY OF UKRAINE

В статье определены проблемы тенизации Украины, установлена динамика уровня ВВП Украины и уровня теневой экономики. Определены основные факторы тенизации экономики страны, к которым относятся политическая неопределенность, неэффективность управления государственной собственностью, недостатки налоговой политики и несовершенство бюджетной политики, деформация структуры занятости населения, рейдерство, несовершенство судебной власти, образование теневой инфраструктуры. Предложен комплекс мер по стимулированию детенизации экономики постсоциалистических стран, в том числе Украины, который включает следующие группы: мероприятия по детенизации экономики, мероприятия по декриминализации экономики, меры по защите субъектов хозяйствования от рейдерства, мероприятия по детенизации политического процесса, меры по предотвращению непродуктивного оттока капиталов из Украины.

The article identifies the problems of shadowing of Ukraine; the dynamics of GDP level of Ukraine and the level of shadow economics is established. The main factors of the country economics shadowing are determined that include political uncertainty, ineffective management of the state property, deficiencies of the tax policy, imperfection of the budget policy, deformation of the population employment structure, raiding, imperfection of the judicial power, formation of the shadow infrastructure. The set of measures for stimulating unshadowing of the economics of post-socialist countries, including Ukraine, was proposed, which includes the following groups: measures for economics unshadowing, measures for economics discrimination, measures for protection economic entities against raiding, measures for unshadowing of political process, measures for preventing nonproductive capital outflows from Ukraine.

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, тенизация экономики, детенизация экономики, декриминали-

зация, политика, экономическая безопасность, рейдерство, отток капитала, иллегализация, теневой сектор, предприятие.

Keywords: gross inner product, shadowing of economics, unshadowing of economics, decriminalization, politics, economic security, raiding, capital outflows illegalization, shadow sector, enterprise.

Постановка проблемы. Время радикальных социальных, политических и экономических изменений в любой из стран мира характеризуется, помимо всего прочего, активизацией теневых проявлений в экономической деятельности. Не стал исключением и трансформационный процесс в постсоциалистических странах, в том числе в Украине. Как показывают исследования, теневая экономика — явление не новое. Подобный экономический феномен присущ всем странам независимо от уровня и модели экономического развития. Но, по оценкам экспертов, именно в постсоциалистических странах теневой сектор практически на равных конкурирует с официальной хозяйственной деятельностью во многих отраслях экономики. Сегодня детенизация экономики входит в стратегические принципы государственной политики Украины, что подтверждает Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины», согласно статье 7 которого тенизация национальной экономики признана одной из угроз национальным интересам и национальной безопасности Украины в экономической сфере.

Масштабы теневой экономической деятельности существенно влияют на объемы и структуру ВВП, приводят к искажению официальных данных о его величине. Теневая экономика создает реальную угрозу национальной безопасности и демократическому развитию государства. Высокий уровень тенизации экономики крайне негативно влияет на имидж страны, ее конкурентоспособность, эффективность структурных и институциональных реформ. Поэтому

тенизация экономики в контексте экономической безопасности Украины остается крайне актуальной проблемой.

Целью статьи является исследование процессов детенизации в контексте экономической безопасности Украины и разработка комплекса мер, направленных на стимулирование детенизации с учетом положительных и отрицательных результатов ее воздействия на население и национальную экономику.

Анализ основных исследований. Изучению вопросов противодействия оффшорному бизнесу и детенизации оттока капитала посвящены труды многих зарубежных и отечественных ученых. Так, среди ученых значительный вклад в исследование этого вопроса сделали Э. Де Сото, Дж. Д. Сакс, Г. Абадински, П. Гутманн, Б. Даллаго, А. Базилук, С. Варналий, А. Засанский, И. Мазур, В. Попович, А. Горбунова, Л. Грязнова, Т. Данько, Н. Кузнецова, А. Мещерякова, С. Окрут, В. Островский, Дж. Пеппер и др. Несмотря на большое количество проведенных исследований, остается открытым вопрос формирования комплекса мер, направленных на стимулирование детенизации.

Изложение материала. Тенденции развития мировой экономики свидетельствуют о том, что теневой сектор характерен для любой страны независимо от типа экономической системы или уровня развития национальной экономики. Однако существенным, решающим аспектом этой проблемы можно назвать определение допустимого уровня теневой экономики, при котором теневой сектор не препятствует экономическому росту. Рост размеров теневой экономики в постсоциалистических странах и во всем мире стал вызывать обеспокоенность международного экономического и политического сообщества. В исследовании, проведенном Всемирным банком и Университетом Иоганна Кеплера из австрийского города Линц [1], приводится рейтинг стран по уровню теневой экономики за 1999—2013 годы. В ходе исследования были проанализированы данные 162 стран. Результаты выборочно представлены на рис. 1.

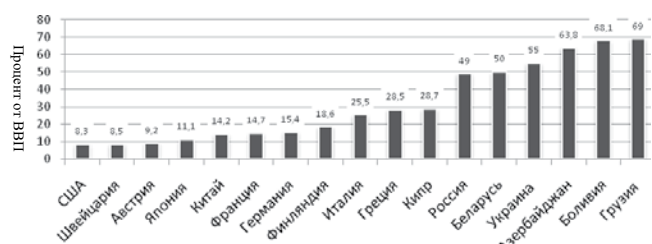

Рис. 1. Рейтинг стран по среднему значению уровня теневой экономики за 1999—2013 годы

Исследование показывает, что среди развитых стран теневая экономика имеет наибольшие размеры в ряде государств Западной Европы, относительно средние — в Японии, минимальные — в таких странах, как США, Швейцария.

В результате получилось, что в среднем в 1999—2013 годах доля теневой экономики составила 34,5%. На одном полюсе оказались страны с «тенью» в размере 9—10% ВВП (США, Швейцария), на другом — Грузия, Боливия, Азербайджан (60—70% ВВП). Не очень далеко от них ушли Украина, Беларусь и Россия.

На сегодня объемы теневой экономики в Украине, даже по официальным подсчетам, чрезвычайно велики (рис. 2) [2].

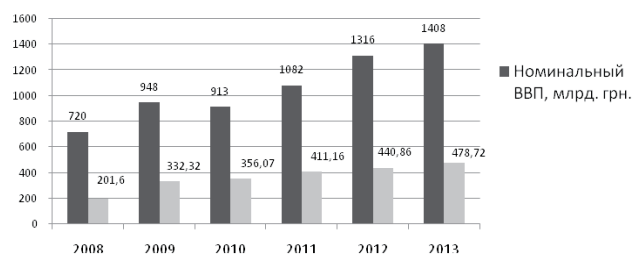

Рис. 2. Динамика уровня ВВП Украины и уровня теневой экономики согласно интегральному показателю, млрд грн [2]

Это связано с тем, что, во-первых, экономические и социальные условия на макро- и микроуровне нельзя точно и правильно оценить, если значительная часть основной экономической деятельности не отражена в официальной статистике. Во-вторых, теневая экономическая деятельность приводит к потере доходов государственного бюджета, поскольку субъекты теневой деятельности уклоняются от уплаты налогов и взносов в фонды пенсионного и социального страхования. В-третьих, распространение такого явления, как теневая экономика, снижает эффективность функционирования официального сектора [3].

Теневая экономика включает в себя такие виды экономической деятельности, которые осуществляются без внимания государственных органов. Эти нарушения обычно подразделяются на две категории. Первая категория, которая составляет примерно две трети теневое сектора, включает незадекларированную заработную плату. Такая неофициальная работа распространена в сферах строительства, сельского хозяйства и бытовых услуг. Треть приходится на занижение официальных результатов деловых операций для тех сфер деятельности, которые связаны с расчетами наличными. Так, небольшие магазины, бары, такси показывают только часть своих доходов, чтобы избежать значительного налогового бремени. Таким образом, теневой сектор преимущественно существует благодаря таким основным взаимосвязанным факторам, как преобладание наличного расчета, отсутствие прозрачности операций и несоблюдение законодательства.

Исходя из наличия проблем тенизации в Украине, можно определить основные факторы тенизации экономики страны, к которым относятся:

- политическая неопределенность, недоверие к действиям власти и высокий уровень бюрократизма;
- недостаточность институционального обеспечения экономической политики в Украине;
- неэффективность управления государственной собственностью и защиты прав собственников;
- недостатки налоговой политики и несовершенство бюджетной политики;
- несбалансированность государственной регуляторной политики;
- деформация структуры занятости населения;
- рейдерство, которое связано с последующими факторами;
- слабость и несовершенство судебной власти;
- образование теневой парадержавы;
- непродуктивный отток капиталов и другие факторы тенизации [4].

Теневой сектор постоянно укрепляет связи с легальным сектором экономики, конкурирует с ним и вытесняет его из крупнейших сфер хозяйствования. Теневая экономика

создает реальную угрозу национальной безопасности и демократическому развитию государства, негативно влияет на все стороны общественной жизни: экономику, политику, управление, социальную и гуманитарную сферы, общественное сознание, международные отношения с другими странами и т. д.

В частности, следует выделить следующие риски со стороны теннизации экономики:

1. Сохранение высокого уровня теннизации финансовых потоков грозит достижению целей стабилизации государственного бюджета и снижает потенциал реформирования финансовой системы.

2. Недостаточная надежность отечественного фондового рынка и страховых институтов, вызванная их интегрированностью с теневыми схемами, является риском для внедрения новой пенсионной системы и перехода на страховую модель здравоохранения.

3. Искажение механизмов конкуренции вследствие значительных масштабов теннизации деятельности экономических субъектов и недостаточная надежность отечественного фондового рынка из-за высокого уровня теннизации финансовых потоков негативно сказываются на результативности реформ, направленных на улучшение бизнес-климата и привлечение инвестиций.

4. Неформальная занятость и теннизация заработных плат отрицательно влияют на размеры страховых взносов в Пенсионный фонд, фонды социального страхования и объемы поступлений в бюджет, что отрицательно воздействует на стабильность системы государственных финансов и солидарной пенсионной системы, сдерживает накопление средств накопительной составляющей пенсионной системы и развитие ее инвестиционного потенциала.

Учитывая указанные риски, стратегическими приоритетами детенизации экономики следует считать:

- детенизацию финансовых потоков;
- легализацию рынка труда;
- детенизацию земельных отношений.

Все это требует активного влияния государства, в частности осуществления конкретных мероприятий по детенизации экономики. Теория и практика свидетельствуют, детенизация экономики — это целостная система действий, направленных прежде всего на преодоление и искоренение причин и предпосылок теневых явлений и процессов [5]. Как отмечает З. Варналий, стратегической целью детенизации экономики должно стать существенное снижение уровня теннизации путем создания благоприятных условий для привлечения теневых капиталов в легальную экономику и приумножение национального богатства [6].

С целью преодоления негативных последствий процесса теннизации экономики Украины, значительного уменьшения его уровня необходимо разработать и реализовать ряд мероприятий по противодействию теннизации. В частности, это меры по детенизации и декриминализации экономики, предотвращение непродуктивного оттока капитала, защита субъектов хозяйствования от рейдерства и детенизация политического процесса.

К основным мероприятиям по противодействию теннизации нужно отнести следующие:

1. Мероприятия по детенизации экономики:

— «амнистия» капиталов некриминального происхождения, в первую очередь тех, которые направляются в инновационную сферу и другие общественно значимые и приоритетные сектора;

— введение налоговых стимулов к накоплению и инве-

стированию средств в инновационный сектор юридическими лицами, которые предлагается предоставлять по фактическим результатам деятельности;

— сужение базы теневого хозяйствования путем уменьшения уровня налогообложения физических лиц на величину документально подтвержденных средств, потраченных на развитие человеческого капитала (образование, повышение квалификации и т. д.);

— реальное и радикальное упрощение согласовательных и разрешительных процедур относительно осуществления предпринимательской деятельности;

— внедрение имеющихся теоретических разработок по выявлению полулегальных финансово-промышленных групп и ликвидации выявленных схем иллегализации капитала;

— обязательное обоснование источников происхождения денежных средств при покупке товаров, стоимость которых превышает заранее определенную сумму (жилье, земельные участки, транспортные средства и предметы роскоши);

— привлечение к реализации стратегии легализации представителей международных организаций, специализированных на противодействии нелегальному хозяйствованию;

— внедрение в учебных планах всех экономических специальностей дисциплин «Теневая экономика» и «Экономическая безопасность предпринимательской деятельности».

2. Мероприятия по декриминализации экономики:

— отнесение незаконного обогащения в перечень уголовных преступлений, что предусмотрено ст. 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности;

— ратификация Конвенции о коррупции в контексте уголовного права;

— создание Национального бюро расследований;

— реформирование системы отчетности правоохранительных органов в соответствии со стандартами развитых стран;

— согласование полномочий и контрольно-ревизионных функций Государственного комитета финансового мониторинга, правоохранительных органов (МВД, Служба безопасности Украины, Генеральная Прокуратура, Министерство доходов и сборов Украины) в сфере легализации теневых капиталов;

— разработка комплексной теоретико-методической базы определения объемов и противодействия криминальной и теневой активности;

— активизация участия в международной системе противодействия иллегализации экономической деятельности на разных уровнях международного сотрудничества.

3. Меры по предотвращению непродуктивного оттока капиталов из Украины:

— обеспечение действенной защиты и государственных гарантий прав собственников и инвесторов;

— обеспечение стабильности, прозрачности и однозначности норм законодательства в сфере налогообложения и валютного регулирования, улучшения инвестиционного и предпринимательского климата;

— преодоление теневых явлений в сфере внешнеэкономической деятельности, в частности в системе регулирования;

— ускорение развития финансовых рынков и корпоративного сектора в соответствии с европейскими стандартами;

— существенное повышение эффективности борьбы с коррупцией и организованной преступностью (в частности, в финансовой сфере).

4. Меры по защите субъектов хозяйствования от рейдерства:

— создание при Министерстве внутренних дел Украины соответствующего подразделения, которое занималось бы вопросами преступных действий по отношению к субъектам хозяйствования (рейдерство) с регулярной отчетностью о количестве преступлений в этой сфере и проценте их раскрытия;

— создание при областных государственных администрациях рабочих групп для координации деятельности правоохранительных органов и негосударственных охранных структур по экономической и физической защите предпринимательства, основными задачами которых должны стать: координация деятельности правоохранительных органов, предпринимательских объединений, негосударственных охранных структур по экономической и физической защите предпринимательства; выработка предложений по формированию законодательной и нормативной баз по вопросам безопасности предпринимательства;

— признание и доведение до общественности, что функционирование предприятий в теневом секторе рынка, а также преступные действия по отношению к субъектам хозяйствования являются несущими угрозой развитию общества и интересам государства, и повысить уровень наказания за их совершение, а также наладить систему осведомленности общественности о ходе раскрытия такого рода преступлений;

— проведение регулярных форумов, посвященных сотрудничеству властных структур и бизнеса, первоочередная задача которых — освещение практики защиты предпринимательства в Украине от преступных посягательств, рейдерства [7].

5. Мероприятия по детенизации политического процесса:

— мониторинг собственности государственных служащих и депутатов всех уровней путем добровольного декларирования ими недвижимого имущества и финансовых активов и обязательного декларирования имущества и доходов участников предвыборных кампаний (кандидатов на выборные должности) до и после выборов;

— запрет анонимных пожертвований, взносов иностранных компаний и неприбыльных организаций в пользу субъектов избирательного процесса;

— опубликование ежегодных финансовых отчетов деятельности политических партий;

— проведение официального и общественного финансового мониторинга использования средств избирательных фондов, обеспечения возможности финансирования предвыборных кампаний только со специально созданных счетов и исключительно в безналичной форме;

— снятие ограничений по размеру избирательного фонда при одновременном усилении контрольно-ревизионных мероприятий по источникам поступления средств;

— усиление контроля за выполнением запрета на осуществление предпринимательской деятельности государственными служащими, введение полной имущественной ответственности через механизм конфискации собственности государственных служащих, причастных к процессу отмыкания денег и хищению государственного имущества и бюджетных средств;

— введение прогрессивного налога на недвижимое имущество;

— реформирование судебной власти Украины.

Реализация указанных и других мероприятий по дальнейшей детенизации экономики будет способствовать не только формированию полноценной рыночной среды, развитию экономики, легализации капитала, процессу демократизации экономики и общества в целом, но и значительному повышению конкурентоспособности экономики и устранению реальных угроз национальной безопасности государства [8].

С учетом анализа имеющейся доступной информации о состоянии противодействий украинской экономики для прекращения отдельных теневых схем и ограничения теневой экономики на современном этапе предлагается ряд мероприятий, в частности:

— реформирование национальной системы финансового контроля за осуществлением противозаконной деятельности в направлении разработки конкретных инструментов ограничения теневых систем перераспределения финансовых ресурсов по каждому конкретному случаю;

— формирование специального реестра и общего перечня деклараций с заявленными к возмещению суммами НДС, которые считаются сомнительными;

— применение минимальных цен на высоколиквидные импортные товары (прежде всего подакцизные) для расчетов и уплаты налогов;

— создание института представителей таможенной и налоговой службы в зарубежных странах (для обмена информацией о налогообложении внешнеэкономической деятельности украинских субъектов предпринимательства);

— введение мониторинга за внутрифирменными ценами в пределах холдинговых компаний;

— изменения в организационной структуре государственных холдинговых компаний (в частности, лишение предприятий права юридического лица) и др. [9].

Комплексное применение вышеуказанных мер будет стимулировать процесс детенизации экономики и обусловит процесс легализации доходов. Проблема легализации теневых капиталов комплексная. Легализация доходов, полученных незаконным путем или необлагаемых, лишь небольшая составляющая проблемы теневой экономики, один из способов детенизации экономики в целом [10]. Ключевым фактором детенизации должно стать формирование мотивационного механизма нормативно-правовой среды, что обеспечивает высокоэффективную и прибыльную работу легальной экономики. При этом устойчивость экономического развития должна обеспечиваться исключительно средствами рыночного регулирования. Это будет способствовать достижению политической и социально-экономической стабильности в стране при условии повышения престижа Украины среди других стран и международных организаций.

Выводы. Реализация указанных мероприятий по дальнейшей детенизации экономики будет способствовать не только формированию полноценной рыночной среды, развитию экономики, процессу демократизации общества в целом, но и обеспечению возрождения и эффективного развития отечественного предпринимательства.

Стимулом детенизации экономики должно стать как продолжение широкомасштабной налоговой реформы, направленной на снижение и выравнивание налогового бремени, упрощение налоговой системы, усиление налогового контроля за уровнем издержек производства, поощрение инвестиционной деятельности и накопления амортизационных фондов предприятий, минимизации затрат на выполне-

ние и администрирование налогового законодательства, так и формирование мотивационного нормативно-правового механизма, что будет целью дальнейших научных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Friedrich Schneider. Size and Development of the Shadow Economy of 31 European and 5 other OECD Countries from 2003 to 2013: Some New Facts — Johannes Kepler University // Johannes Kepler University [Электронный ресурс]. URL: http://www.econ.jku.at/members/Schneider/files/publications/2013/ShadEcEurope_31_Jan2013.pdf (дата обращения: 02.10.2014).
2. Тіньова економіка в Україні: масштаби та напрями подолання: аналіт. доп. / Т. А. Тишук, Ю. М. Харазішвілі, О. В. Іванов; за заг. ред. Я. А. Жаліла. К.: НІСД, 2011. 96 с.
3. Тінізація економіки та шляхи її подолання: Мат-ли засідання «круглого столу». К.: НІСД, 2003. 64 с.
4. Стельмаш А. О., Цветнова О. В. Детінізація економіки в контексті економічної безпеки України. 2013. Т. 2. С. 122—125.
5. Жабина С. Б. Структурные преобразования рыночной модели экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 10. С. 34—39.
6. Варналій З. Детінізація економіки як чинник забезпечення фінансової безпеки держави // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. ЕКОНОМІКА. 2004. № 69. С. 38—49.
7. Теневая экономика и экономическая преступность: электрон. учеб. / А. К. Бекряшев, И. П. Белозеров, Н. С. Бекряшева, И. В. Леонов; Омск. гос. ун-т; Центр Интернет. Web-лаборатория [Электронный ресурс]. URL: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/contents.htm.1> (дата обращения: 27.06.2014).
8. Абубакиров Р. М. Коррупция как институциональный конструкт современной экономической системы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 293—299.
9. Купрещенко Н. Криміналізація економіки і економічна безпека держави // Аудит і фінансовий аналіз. 2007. № 4. С. 14—31.
10. Новиков Д. В. Особенности теневой экономики в условиях ОЭЗ (на примере Калининградской области) // Российское предпринимательство. 2010. № 1. С. 24—30.

REFERENCES

1. Friedrich Schneider. Size and Development of the Shadow Economy of 31 European and 5 other OECD Countries from 2003 to 2013: Some New Facts — Johannes Kepler University // Johannes Kepler University [Electronic resource]. URL: http://www.econ.jku.at/members/Schneider/files/publications/2013/ShadEcEurope_31_Jan2013.pdf (date of viewing: 02.10.2014).
2. The shadow economics in Ukraine: scope and directions of response: analytical attachment / T. A. Tyshchuk, Y. Harazishvili, A. V. Ivanov; edited by Y. A. Zhalila. K.: NISS, 2011 96 p.
3. The shadow economics and its possible solutions: materials of the round table meeting. K.: NISS, 2003. 64 p.
4. Stelmash A. A., Tsvyetnova A. V. Shadow Economics in the context of the economic security of Ukraine. 2013. Vol. 2. P. 122—125.
5. Zhabina S. B. Structural changes of the market economy model // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2009. № 10. P. 34—39.
6. Varnaliy Z. Shadow economy as a factor of ensuring the financial security of the state // Bulletin of Kyiv National University named after Taras Shevchenko. Economy. 2004. № 69. P. 38—49.
7. The shadow economy and economic criminality: electronic textbook / A. K. Bekryashev, I. P. Belosero, N. S. Bekryasheva, I. V. Leonov; Omsk State University; Internet Center. Web-Laboratory [Electronic resource]. URL: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/contents.htm.1> (date of viewing: 27.06.2014).
8. Abubakirov R. M. Corruption as an institutional construct of the modern economic system // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 293—299.
9. Kupreschenko N. Criminalization of economics and economic security of the state // Audit and financial analysis. 2007. № 4. P. 14—31.
10. Novikov D. V. Peculiarities of the shadow economy in terms of SEZ (on the example of Kaliningrad region) // Russian Entrepreneurship. 2010. № 1. P. 24—30.

УДК 331.103.3:339.35:642.5

ББК 65.242:65.42:65.431

Tzygankov Vladimir Alekseyevich,
 doctor of economics, professor, head of the department
 of the scientific production arrangement and management
 of Omsk State Technical University,
 Omsk,
 e-mail: mvt54@list.ru

Цыганков Владимир Алексеевич,
 д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой организации
 и управления наукоемкими производствами
 Омского государственного технического университета,
 г. Омск,
 e-mail: mvt54@list.ru

ОСОБЕННОСТИ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА В ТОРГОВЛЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ ПИТАНИИ

FEATURES OF LABOR RATING IN TRADE AND PUBLIC CATERING

В статье рассматриваются особенности нормирования труда в сфере торговли и общественного питания, обусловленные спецификой организации труда, требованиями к обслуживающему и торгово-оперативному персоналу, современными изменениями технологических и трудовых процессов. Акцентируется внимание на выборе норм труда и предпочтительных методов нормирования в данной сфере. Статья основана на сравнительном анализе возможностей применения существующих способов нормирования в промышленном производстве и сфере оказания торговых услуг. Содержит выводы и рекомендации автора, учитывающие особенности нормирования в торговле и общественном питании именно в условиях интенсивного развития торговли как самостоятельной сферы деятельности человека.

The article discusses the features of the labor rating in trade and public catering conditioned by the specifics of labor arrangement, requirements to the service and trade and operational personnel, modern changes of technological and labor processes. Attention is focused on selection of labor standards and preferable methods of labor rating in this area. The article is based on comparative analysis of the possibilities of application of existing methods of rating in the industrial production and in the trade services area. The article contains the author's conclusions and recommendations taking into account peculiarities of rating in trade and public catering specifically in the conditions of intense development of trade as an independent area of human activity.

Ключевые слова: принципы нормирования труда, методы нормирования труда, трудовая регламентация, обслуживающий персонал, нормативы численности, нормы обслуживания, нормированное задание, интенсивность покупательских потоков, современные методы торговли, нестабильные (случайные) работы, метод укрупненных нормативов, нормы управляемости.

Keywords: principles of labor rating, methods of labor rating, labor regulation, service personnel, size standards, norms of service, rated task, intensity of consumer streams, modern methods of trade, unstable (casual) works, method of integrated standards, standards of controllability.

Эффективность деятельности предприятия выражается через экономические и финансовые показатели. В условиях рыночных отношений не существует унифицированной системы показателей, охватывающей все стороны деятельности фирмы. Каждый участник конкретного рынка товаров и услуг самостоятельно определяет эту систему, исходя из особенностей инвестиционного проекта, стоящих перед фирмой целей

и задач, профессиональных возможностей персонала и т.д. Однако в любом случае при анализе эффективности использования ресурсов, как правило, оцениваются эффективность использования основных фондов, эффективность использования оборотных средств и эффективность использования трудовых ресурсов предприятия.

Повышение эффективности труда в торговле и общественном питании связано в первую очередь с улучшением качества обслуживания потребителей и достижением конечных результатов деятельности. Следовательно, эффективность труда на конкретном предприятии определяется количеством и качеством предоставляемых услуг, степенью удовлетворения потребительского спроса, быстротой обслуживания, ростом прибыли на один рубль трудовых затрат, величиной доходов, приходящихся на одного работника, ростом производительности труда.

Как отмечается в работе под редакцией Т.И. Николаевой и Н.Р. Егоровой, в экономической литературе, посвященной сфере торговли, «нет единого подхода к комплексному измерению эффективности труда на предприятиях, а принято измерять отдельно производительность труда, качество обслуживания и доходность живого труда» [1, с. 262].

Следует отметить, что в научной и учебной литературе, посвященной оценке эффективности труда в непроизводственной сфере, в системе показателей эффективности деятельности торгового предприятия показателю производительности труда часто отводится вспомогательная роль, поскольку он характеризует только одну сторону эффективности — уровень использования персонала. Такой подход мотивируется тем, что рост производительности труда может сопровождаться снижением эффективности использования других видов ресурсов и, как следствие, снижением суммы и уровня прибыли.

С подобной точкой зрения можно не согласиться, если рассматривать показатель производительности труда во взаимной связи с затратами на реализацию товаров и оказанием услуг, а также учитывать связь производительности труда с увеличением объема товарооборота, услуг как основных источников увеличения прибыли.

Проведение даже укрупненного анализа содержания факторов роста производительности труда свидетельствует о том, что они часто оказываются одновременно и факторами, влияющими на нормирование труда либо зависящими от содержания последних.

Если учитывать то, что все факторы, влияющие на величину норм затрат труда в промышленности, традиционно делятся на пять основных групп: технические, организационные, психофизиологические, экономические, социальные, то представляется целесообразным рассмотреть связь этих факторов с факторами ресурсосбережения, факторами роста производитель-

ности труда и оценить их взаимное влияние на нормирование труда в торговле, то есть на выбор норм затрат труда и предпочтительный выбор методов нормирования в этой сфере.

Исходя из общепринятых принципов нормирования труда и содержания основных функций норм труда, можно сформулировать основную задачу нормирования труда на предприятиях торговли в современных условиях. Эта задача должна заключаться в том, чтобы на основе системного исследования организации труда с учетом всех основных факторов, оказывающих реальное влияние на затраты живого труда, устанавливать необходимые затраты рабочего времени на выполнение различных технологических операций, трудовых, торговых и производственных процессов.

В любой экономической и организационной системе факторы, учитывающие развитие техники и технологии, следует рассматривать как приоритетные, поскольку они создают материальную основу для использования влияния других факторов. Крупные современные торговые предприятия, как правило, отличаются высокой фондовооруженностью, оснащены современным оборудованием, имеют возможность повышать уровень механизации и автоматизации большинства выполняемых работ. Все это в сочетании с современной технической базой для транспортировки и хранения товаров, применяющимися на таких предприятиях технологиями товародвижения и производства позволяет на научной основе изучать затраты времени и осуществлять нормирование труда с применением различных видов норм так, как это делается на промышленных предприятиях.

Высокий уровень технической оснащенности и технологической подготовки работы торгового предприятия предопределяет необходимость учитывать факторы организационного характера, роль которых в современных условиях, несомненно, возрастает. Кроме того, следует учитывать тот факт, что организационные мероприятия, как правило, не требуют значительных финансовых затрат, а результаты от их внедрения чаще всего дают значительный экономический и социальный эффект. Высокий уровень организации труда и производства также создает условия для нормирования труда на торговом предприятии. При этом, несомненно, должно учитываться влияние таких организационных факторов, как система организации и обслуживания рабочих мест, распространенность в торговле бригадной формы организации труда, совмещение профессий и функций, условия труда различных категорий работающих, режимы труда и отдыха, специфика подготовки и переподготовки персонала на торговом предприятии.

В зависимости от типа торгового предприятия, величины товарооборота в значительной степени зависят не только издержки торгового предприятия, но и его прибыльность и рентабельность. Такие экономические факторы, как эффект масштаба, финансовое состояние и финансовые результаты текущей деятельности, форма собственности, цели и задачи управляющей торговым предприятием компании, во многом определяют возможности предприятия в повышении технического и организационного уровней, а следовательно, необходимость и целесообразность нормирования труда, охват нормированием конкретных групп работников.

Социальные факторы оказывают существенное влияние на качество трудовой жизни работников, особенно в части повышения трудовой активности, удовлетворенности трудом, развития трудовой демократии. Культурно-образовательный уровень персонала, качество трудовых коллективов и уровень их развития, социальный и демографический состав работающих, система идейно-корпоративных ценностей, возможность

повышения квалификации и карьерного роста отражаются на результатах трудовой деятельности. Факторы этой группы должны учитываться при нормировании труда, а устанавливаемые нормы и нормированные задания предполагают творческое начало в работе и возможность развития человека.

Специфика торговой деятельности, работа с покупателями, возможность возникновения конфликтных ситуаций, высокие современные законодательно установленные требования по защите прав потребителей требуют учитывать влияние значительного количества психофизиологических факторов. К числу наиболее значимых факторов этой группы следует в первую очередь отнести:

- психологический портрет личности каждого работника, который, как правило, находится в банке данных службы управления персоналом торгового предприятия или управляющей им компании;

- психофизиологические характеристики сотрудников, работающих на предприятии, отражающие динамику их профессионального и карьерного роста;

- антропометрические данные торгового персонала;

- прохождение начальной психологической подготовки по соответствующей программе и периодические тренинги по общению с покупателями, имеющими различный склад характера, а также психологические тренинги по совместной трудовой деятельности в коллективе.

Обучение торговой этике, нормам поведения торгово-оперативного персонала становится основой высокого качества обслуживания покупателей. Таким образом, принятие во внимание влияния психофизиологических факторов при организации труда и его нормировании в условиях торгового предприятия становится не только необходимым, но и обязательным.

Комплексное влияние рассмотренных выше факторов, формирующих внутрипроизводственную среду для нормирования труда, позволяет определиться с содержанием работ по нормированию труда в различных типах торговых предприятий, а также с предпочтительными методами нормирования труда и трудовой регламентации.

Торговые предприятия и предприятия общественного питания самостоятельно определяют общую численность работников, их профессиональный и квалификационный состав, плановую сумму средств на оплату труда. Для планирования численности, как правило, используются результаты экономико-статистического (экспертно-статистического) анализа, в результате которого устанавливается статистическая зависимость между численностью персонала и влияющими на нее факторами. Зависимости, полученные в результате проведенного регрессивного анализа, часто корректируются при помощи экспертных оценок специалистов. Как отмечает в своей работе Б.М. Генкин, «результаты таких расчетов чаще используются не столько для определения численности персонала, сколько для планирования средств на оплату труда. Распределение этих средств по группам персонала и сотрудникам осуществляется с учетом особенностей конкретных трудовых процессов» [2, с. 260].

Аналогичной точки зрения, вполне оправданной, на наш взгляд, придерживается группа авторов коллективной работы под редакцией Т.И. Николаевой и Н.Р. Егоровой, посвященной экономическим аспектам работы предприятий торговли и общественного питания. По их мнению, прогнозирование общей численности основных категорий работников может производиться укрупненными статистическими методами, связанными с непосредственным использованием показате-

лей товарооборота и производительности труда [1, с. 281].

Данное предложение сопровождается вполне обоснованными рекомендациями, суть которых заключается в том, что экономическую правильность прогнозных расчетов среднесписочной численности работников необходимо проверить на предмет обеспечения оптимального соотношения между темпами роста товарооборота, численностью работников и производительностью труда. С этой целью определяют темпы изменения показателей по труду, по значениям которых находят оптимальный вариант прогноза среднесписочной численности работников предприятия при условии, что прогнозная численность работников позволит обеспечить высокое качество обслуживания.

Прогнозные расчеты численности персонала используются для планирования расходов на оплату труда, исходя в конечном итоге из возможностей предприятия, определяемых его прибыльностью и рентабельностью.

Анализ конкретного трудового процесса, проектирование рациональной организации труда, нормирование трудоемкости работ по каждой группе персонала и установление численности на этой основе характерны для нормативно-аналитического метода, который преимущественно применяется при возможности учета как конкретной производственной ситуации, так и особенностей организации труда различных групп персонала.

Применительно к условиям работы торговых предприятий этот метод наиболее приемлем на узкоспециализированных предприятиях (например, заготовительных, комбинатах школьного питания, кондитерских производствах и т. д.), то есть там, где целесообразно планировать производительность труда нормативным методом. Данный метод планирования предполагает наличие хорошо поставленного учета и нормирования.

Определение численности работников служит основой для составления штатного расписания и последующей разработки плана по труду. При составлении штатного расписания на планируемый период исходят из сложившейся численности и структуры штатов, учитывают прогнозируемые объем и структуру товарооборота, изменения материально-технической базы предприятия, режима работы, обеспеченность всеми видами ресурсов, результаты анализа. Сложившуюся численность и структуру персонала пополняют новыми должностями только при условии, что это продиктовано хозяйственной целесообразностью или изменившимися условиями работы.

Численность персонала и структура штатов разрабатываются для отдельных типов магазинов и предприятий общественного питания с учетом их торговой площади, специализации, режима работы, форм обслуживания и объема товарооборота. При этом в структуре персонала торгового предприятия (руководители, специалисты, торгово-оперативный персонал, МОП, охрана, ученики) обязательно выделяют обслуживающий персонал, то есть тех работников торгового предприятия, которые непосредственно участвуют в торговом обслуживании граждан.

Все сотрудники, относящиеся к обслуживающему персоналу, должны не только удовлетворять требованиям к конкретным должностям и профессиям данной группы персонала, представленным в стандарте, но и соответствовать общим требованиям, предъявляемым к обслуживающему персоналу в целом (ГОСТ Р.51305—99) [3].

Функции, права и обязанности обслуживающего персонала должны быть изложены в должностных инструкциях, которые разрабатываются с учетом требований действующих в сфере торговли стандартов, тарифно-квалификационных справочни-

ков работ и профессий рабочих, особенностей работы данного предприятия, определяемых с учетом представленных выше факторов, действующих законодательных и нормативных актов.

Наиболее значимые требования к обслуживающему персоналу:

- умение и способность обеспечивать безопасность оказываемых услуг и технологических процессов для жизни и здоровья покупателей, сохранность их имущества и окружающей среды;

- обладание необходимой профессиональной подготовкой и соответствие профессионально-квалификационным требованиям, установленным для данной профессии;

- знание и умение правильно применять действующие законы и нормативные документы, касающиеся профессиональной деятельности персонала, должностные инструкции, правила внутреннего распорядка предприятия, приказы и распоряжения непосредственного руководства;

- знание и соблюдение санитарно-гигиенических норм и правил;

- соблюдение правил эксплуатации оборудования, охраны труда и техники безопасности;

- обеспечение безопасной совместимости материала упаковки и реализуемого товара, их взаимозаменяемости.

Следует отметить, что при определении численности продавцов и кассиров и т. д. рекомендуется учитывать такие факторы, как интенсивность покупательских потоков, спрос населения, его сезонность, использование современных технологий продажи товаров и методов торговли.

На любом торговом предприятии есть работники, которые в промышленном производстве определяются термином «вспомогательный рабочий». Основной особенностью труда большей части работников этой категории является большое разнообразие, нерегулярная повторяемость и сложность измерения количества и качества затрачиваемого труда. Оценка их деятельности самым непосредственным образом связана с результатами работы торгово-оперативного и обслуживающего персонала, то есть с основной деятельностью, поэтому методы установления норм труда для данной категории персонала, работающего в торговле, имеют свои особенности.

Если в промышленности для нормирования труда вспомогательных рабочих рекомендовано применение следующих видов норм и нормативов в различных сочетаниях: нормативы численности; нормы обслуживания и нормы времени обслуживания; нормы времени и нормы выработки [4, с. 231], то на предприятиях торговли, как правило, ограничиваются применением нормативов численности и норм обслуживания.

На торговом предприятии к данной категории работающих относят машинистов холодильных установок, уборщиков помещений, слесарей-ремонтников, сотрудников, занятых работами по приемке, хранению и выдаче материальных ценностей, занятых обслуживанием и ремонтом зданий и сооружений, наладчиков торгового оборудования, работников охраны, грузчиков и т. д.

Нормативы численности этих рабочих разрабатываются (или разработаны) в централизованном порядке нормативно-исследовательскими организациями в расчете на типовые условия рациональной организации вспомогательных работ. Разработка осуществляется по видам и группам вспомогательных работ путем определения общей трудоемкости и объема каждого вида работ, выполняемых за определенный период времени. Как правило, такие нормативы численности для перечисленных групп работников определяются по результатам

предварительных исследований численности рабочих, выполняющих тот или иной вид работ на различных предприятиях или в их подразделениях. По получаемым при этом формулам корреляционной зависимости между численностью и величинами факторов, определяющих объем выполняемых работ, рассчитывается нормативная численность групп рабочих. При практическом нормировании на конкретном предприятии в формулы подставляются количественные значения факторов, определенные для данного предприятия.

По нормам обслуживания определяется количество единиц оборудования или производственных площадей и других обслуживаемых объектов, которые необходимо закрепить за одним или группой рабочих. Норма обслуживания зависит от сменного фонда рабочего времени, численности рабочих в группе или бригаде, нормы времени обслуживания одного объекта.

Нормы времени обслуживания могут рассчитываться как дифференцированным, так и укрупненным методами. Первый используется в случаях, когда в работах по непосредственному обслуживанию могут быть выделены основные, регулярно повторяющиеся элементы, время которых может быть определено путем проведения хронометражных наблюдений. Второй метод используется при значительных колебаниях времени выполнения основных функций на единицу работ, а его отличие заключается в том, что деление функций на основные и дополнительные функции отсутствует.

На работах, связанных с обслуживанием производства и повременной оплатой труда, в том числе в торговле, наиболее широко применяются нормированные задания. Нормированные задания представляют собой установленный методом технического нормирования состав и объем работ, который должен быть выполнен одним или группой рабочих-повременщиков за определенный период времени с соблюдением установленных требований к качеству продукции или работ. Нормированные задания могут устанавливаться обособленно или применяться в сочетании с используемыми на торговых предприятиях нормами обслуживания и нормами численности и выражаться в трудовых или натуральных показателях.

Для определенных категорий работников торгового предприятия нормированное задание может устанавливаться на основе межотраслевых или отраслевых норм и нормативов времени (например, для занятых на погрузочно-разгрузочных и складских работах). При отсутствии таковых они могут устанавливаться с помощью местных нормативов или на основе материалов фотографий рабочего времени, хронометражных наблюдений и данных оперативного учета затрат времени.

В зависимости от характера выполняемых работ и организации торгового и технологического процессов нормированные задания могут устанавливаться на смену, месяц, период полного выполнения заданного объема работ. Выбор методики установления нормированных заданий должен соответствовать характеру трудовых процессов, выполняемых рабочими.

Для рабочих-повременщиков, выполняющих постоянную по содержанию работу в течение длительного времени, нормированные задания устанавливаются с помощью набора работ на основе норм времени, рассчитанных методами технического нормирования на каждую из выполняемых работ. Для ремонтно-строительных бригад целесообразно установление месячного нормированного задания на основе плана-графика проведения ремонтных работ и межотраслевых норм времени на конкретные виды работ, рекомендованных Госстроем РФ.

Рабочие-повременщики, выполняющие нестабильную работу, в соответствии с рекомендациями В.В. Бо-

родиной [5, с. 58] могут быть разделены на две группы:

— выполняющие как плановые (стабильные), так и неплановые работы;

— выполняющие в основном нестабильные по составу и времени выполнения работы.

Для первой группы рабочих нормированное задание целесообразно устанавливать на основе анализа данных оперативного учета и материалов фотохронометражных наблюдений, определяя примерный объем случайных работ и время, необходимое для их выполнения. Зная время, необходимое для выполнения плановых работ, время, определяемое графиками работ, определяют объем дополнительных работ, поручаемых рабочему (бригаде).

Рабочие второй группы, занятые преимущественно выполнением нестабильных (случайных) работ (дежурные электрики, дежурные слесари-ремонтники и т.д.), выполняют незначительный объем плановых работ. В нормированное задание этой группы включается перечень работ, определяемых на основе изучения фактических затрат рабочего времени и периодичности выполнения возможно большего числа случайных работ. Как правило, все выполняемые работы фиксируются в специальном журнале, что упрощает проведение анализа. Исходя из фактической загруженности рабочего случайными работами, в нормированное задание включаются дополнительные плановые работы, которые он должен выполнить.

Поскольку установление нормированных заданий на основе дифференцированных нормативов времени и материалов хронометражных наблюдений являются трудоемкими в сфере торговли для рабочих-повременщиков на работах, нестабильных по составу элементов и объему, целесообразно применять метод укрупненных нормативов. Суть этого метода заключается в определении объема работ в условных единицах (например, единицах ремонтной сложности). Зная трудоемкость работ, приходящуюся на условную единицу при заданном объеме работ, можно определить: трудоемкость всех работ, величину заданий в условных единицах, необходимую численность рабочих, уровень выполнения заданий за установленный период времени.

В современной учебной и учебно-методической литературе по нормированию труда достаточно четко и последовательно сформулированы рекомендации по организации работ, связанных с подготовкой и выдачей нормированных заданий и последующим учетом их выполнения.

Нормирование труда руководителей, специалистов и служащих на торговом предприятии хотя и не имеет принципиальных отличий от нормирования их труда в других сферах материального и нематериального производства, но имеет отдельные особенности, которые заслуживают рассмотрения.

Содержание труда этих категорий работников определяется сущностью выполняемых ими функций по координации, планированию, контролю, подготовке, организации и управлению производственными и торговыми процессами. В данном случае основным объектом нормирования являются функции управления, каждая из которых характеризуется определенным составом работ, объединяемых общностью факторов целевого направления в системе управления и трудоемкостью выполнения [6].

Разнообразие выполняемых работ, отсутствие единых алгоритмов их выполнения, субъективные особенности процесса мышления при переработке информации и принятии решений обуславливают применение различных методик нормирования и видов норм [7].

При определении численности руководящих работников

и специалистов исходят, как правило, из хозяйственной целесообразности введения той или иной должности в штатное расписание. Так, должность директора магазина целесообразно вводить в штаты магазина с торговой площадью более 250 кв. м., заместителя директора — при режиме работы в полторы-две смены либо круглосуточной работе, в односменных непродовольственных магазинах, не имеющих секционного деления, при численности работников торгового зала (обслуживающий персонал) более 100 человек. Существуют рекомендации относительно численности работников, занятых на руководящих должностях, которых на торговом предприятии можно отнести к линейным руководителям (заведующие отделами, заведующие секциями, администраторы торгового зала и т. д.) [Там же. С. 280—281]. Численность этих руководителей может определяться по нормам управляемости:

— в подразделениях с высоким удельным весом нестандартной работы и разными функциями — до 5—7 человек;

— в подразделениях с относительно устоявшимся характером работ и стандартными процедурами — норма 10—12 человек;

— в подразделениях с однородными функциями — 30—50 человек.

Приведенные выше рекомендации могут служить ориентиром при формировании штатного расписания, как и рекомендации по определению численности торгово-оперативного персонала (продавцов, кассиров, кассиров-контролеров). Эти рекомендации основаны на использовании показателя условного рабочего места (продовольственная торговля — 20 кв. м, непродовольственная торговля — 21,5 кв. м).

Для отдельных категорий работников торговли, труд которых нельзя нормировать с помощью нормативов, может применяться аналитическо-исследовательский метод, в основе которого лежит разработка процедур работ. За основу берется маршрутная технология выполнения работ, содер-

жащая перечень выполняемых операций и их последовательность, внешние и внутренние информационные связи, формы документов, используемые технические средства, программное обеспечение, информационная база данных. Путем разработки процедур проектируется рациональное содержание трудового процесса специалиста с разделением его на отдельные элементы. Это позволяет использовать для определения времени их выполнения хронометражные наблюдения и фотографию рабочего времени. Таким способом можно нормировать труд работников, занятых стабильными по содержанию работами: бухгалтеры, экономисты, товароведы и т. д.

При пересчете явочной численности персонала в списочную численность следует максимально учесть все возможные факторы, позволяющие обходиться меньшей численностью персонала. Прежде всего необходимо учитывать возможность выполнения в определенных случаях работы продавцов заведующими отделами, их заместителями, учениками на рабочих местах, практикантами, прикрепленными к предприятию торговли.

Следует отметить, что из-за высокой трудоемкости и необходимости использования труда высококвалифицированных специалистов-нормировщиков на торговых предприятиях расчет норм на основе данных специальных исследований не находит широкого распространения и применяется преимущественно только в производственных подразделениях.

В то же время в торговле широко применяются опытно-статистические методы нормирования, основанные на использовании данных отчетных периодов и опыте менеджеров предприятия, что, по нашему мнению, в современных условиях является сдерживающим фактором роста производительности труда в торговле и отражается на экономической эффективности как отдельных торговых предприятий, так и всей отрасли в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономика предприятий торговли и общественного питания: учеб. пособие / Кол. авторов; под ред. Т. И. Николаевой и Н. Р. Егоровой. 2-е изд., стер. — М.: КНОРУС, 2008. 400 с.
2. Генкин Б. М. Экономика и социология труда: учеб. для вузов. 7-е изд., доп. М.: Норма, 2007. 448 с.
3. Розничная торговля. Требования к обслуживающему персоналу: ГОСТ Р. 51305-99.
4. Пашуто В. П. Организация, нормирование и оплата труда на предприятии: учеб.-практ. пособие. 3-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2007. 320 с.
5. Бородина В. В. Нормирование труда: учеб.-практ. пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2005. 192 с.
6. Ващенко А. Н. Экономические интересы и закономерности формирования мотивации труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). С. 72—82.
7. Цыганков В. А. Эволюция подходов к оценке эффективности труда в современной экономике // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 110—112.

REFERENCES

1. Business economics of trade and public catering: textbook / Team of authors; edited by T. I. Nikolaeva and N. R. Egorova. 2 edition, stereotype. M.: KNORUS, 2008. 400 p.
2. Genkin B. M. Economics and sociology of labor: textbook for higher schools. 7 edition, revised and amended. M.: Norm, 2007. 448 p.
3. Retail trade. Requirements to the service personnel: GOST R. 51305—99.
4. Pashuto V. P. Labor arrangement, rating and remuneration at the enterprise: training and practical guidelines. 3 edition, stereotype. M.: KNORUS, 2007. 320 p.
5. Borodina V. V. Labor rating: textbook. M.: Publishing House 'Gorodets', 2005. 192 p.
6. Vashchenko A. N. Economic interests and appropriateness of establishing the labor incentives // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). P. 72—82.
7. Tzygankov V. A. Evolution of approaches to evaluation of labor efficiency in the modern economics // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 110—112.

УДК 65.015
ББК 65.240.5

Dolgaya Angelina Alekseyevna,
candidate of economics, associate professor
of the department
of production management
of Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad,
e-mail: dolgaya@dialoglan.ru

Долгая Ангелина Алексеевна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры управления производством
Калининградского государственного
технического университета,
г. Калининград,
e-mail: dolgaya@dialoglan.ru

ПОКАЗАТЕЛИ ПЛАНИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

PLANNING AND CONTROLLING INDICATORS IN HORIZONTAL MANAGEMENT OF AN ORGANIZATION

В статье рассматривается возможность использования показателей оценки эффективности бизнес-процессов для роста управляемости бизнеса по горизонтали, то есть максимального вовлечения процессных команд в деятельность по планированию и контролю. Автором рассмотрено понятие метрик бизнес-процессов, то есть набора показателей для каждого процесса, отражающих не только стоимость осуществления процесса, но и качество первичного результата, ожидаемого от него. В статье также предложен алгоритм формирования метрик и представлен пример показателей эффективности процессов розничной сети. Как основной фактор взаимодействия процессов используется обратная связь в системе контроля и планирования в горизонтальном управлении. Кроме того, представлена роль метрик процессов в организации самоуправления команд процессов и совершенствования их деятельности.

The article examines the possibilities of using indicators of assessment of business processes effectiveness for business management growth in horizontal plane, i.e. for maximum involvement of the process commands in the planning and monitoring activity. The author has investigated the concept of business processes metrics, the set of indicators for every process reflecting the cost of the process implementation, as well as the quality of primary result anticipated. The article also proposes algorithm of metrics formation and presents example of indicators of the processes effectiveness in the retail network. The feedback in the monitoring and planning system in the horizontal plane is used as the main factor of the processes interaction. Besides, the role of the processes metrics in arrangement of self-governance of the processes commands and improvement of their activity is demonstrated.

Ключевые слова: горизонтальная организация, метрика, показатели эффективности, бизнес-процессы, процессная структура, управление бизнес-процессами, планирование, контроль, самоуправление, организационное взаимодействие.

Keywords: horizontal organization, metrics, performance indicators, business processes, process-oriented structure, business process management, planning, monitoring, self-governance, organizational interaction.

Тенденции, преобладающие в управлении организацией сегодня: повышенная гибкость в целях приспособления к постоянным изменениям бизнес-среды, клиентоориентированность, возрастающая ценность персонала как носителя компетенций и его обучения, роль информации в управлении организацией и технологий, позволяющих эффективно использовать максимальный ее объем, понимание роли лидерства в управлении организацией. Эти и другие тенденции позволяют утверждать о нарастании значения горизонтальных элементов в системе управления организацией, что было сделано автором в ранних публикациях [1]. Моделирование процессов на предприятии для самых разных целей, как то: внедрение информационных систем, стандартизация по требованиям ИСО, тиражирование бизнес-модели — создает новые возможности для повышения самоуправления организации и ее клиентоориентированности.

Настоящая статья является результатом практической работы автора в управлении предприятием розничной сети, а также исследования теории управления бизнес-процессами и организационного развития. Были разработаны и внедрены методология создания горизонтальной организационной структуры и алгоритм совершенствования организационного взаимодействия на ее основе [2], методы совершенствования систем учета и планирования. Моделирование бизнес-процессов по предложенной методологии позволяет применить горизонтальный подход к системам планирования и контроля, поскольку задействует в полном объеме внутреннюю связь «поставщик — клиент» между структурными подразделениями компании.

Метрики и их использование в самоуправлении процессов

Процессная организация управления предприятием обладает целым рядом серьезных преимуществ перед любой иной известной системой организации бизнеса. Одним из таких достоинств является возможность оценки эффективности отдельных структурных элементов организации, которыми являются процессы. Действительно, трудно и порой невозможно измерить эффективность подразделений иерархической организационной структуры, в то время как при ориентации на процессы специалисты имеют дело с такими четко оцениваемыми характеристиками, как стоимость, сроки, результат с его качественными и количе-

ственными характеристиками и степень удовлетворенности клиента.

В современной научной литературе широко освещаются вопросы моделирования бизнес-процессов организации, внедрения процессного подхода к управлению и даже методы оценки эффективности той или иной процессной модели. Но проблемы оценки эффективности самих бизнес-процессов рассматриваются только как часть глобальных концепций развития и совершенствования — Шесть Сигм, Системы Сбалансированных Показателей, Бережливого Производства. Стандартом ИСО 9001 предусмотрена оценка системы качества, но отсутствует понятие показателей эффективности процессов организации. Как основная характеристика качества рассматривается соответствие требованиям. Это исключительно важный показатель эффективности процессов, но он не исчерпывает всех потребностей и возможностей ее оценки. А при этом процессное управление предприятием создает привлекательные возможности для интеграции вертикального и горизонтального направлений планирования и контроля.

Можно выделить несколько целей оценки бизнес-процессов на предприятии.

Реализация стратегических задач развития. С этой целью отлично справляется Система Сбалансированных Показателей, предлагающая оценивать только те процессы, которые непосредственно работают на выполнение стратегических задач.

Совершенствование конечного продукта. И для этой цели концепция Шести Сигм предлагает измерять входы и выходы процесса и сам процесс как этап сбора данных о состоянии проблемы.

Рост самоуправляемости организации. Горизонтальное управление предприятием позволяет снизить административные издержки, совершенствовать мотивацию персонала, увеличить гибкость и скорость взаимодействия между подразделениями, а следовательно, и реакции на требования внешней среды.

Однако достижение последней цели возможно только при создании комплекса показателей, оценивающих работу процесса, в том числе качество и своевременность результата, затраты на осуществление процесса [3]. Так возникает потребность в создании метрики бизнес-процесса.

МЕТРИКА бизнес-процесса — это комплекс показателей для оценки деятельности процесса как структурного элемента организации.

В контексте горизонтального управления метрику процесса следует рассматривать как набор показателей, индивидуальный для данного процесса и характеризующий затраты на его осуществление, продолжительность его осуществления, качество и удовлетворенность клиентов его результатом. При этом показатели, составляющие метрику, являются значимыми именно для конкретного предприятия и для системы оценки эффективности, принятой на этом предприятии.

Таким образом, задачи метрик бизнес-процессов при горизонтальном управлении:

- оценивать деятельность процессов и процессных команд;
- управлять взаимодействием процессов;
- являть основу для улучшения процессов;
- служить базой для мотивации сотрудников.

Однако на практике формулирование метрик сталкивается с рядом трудностей, что часто не позволяет создать

четкую и управляемую систему оценки деятельности процессов. Ниже представлена процедура создания системы метрик, выработанная автором на опыте управления несколькими проектами оптимизации управленческого учета.

Алгоритм разработки метрик бизнес-процессов

1. Формулирование показателей группы «Клиент».

a. Определить результаты процессов и их потребителей-клиентов. Клиентами могут быть как конечные потребители продукции, так и смежные с измеряемым процессом процессы. Организационная диаграмма процессов является в этом случае необходимым инструментом.

b. Выявить набор показателей, пригодных для измерения результатов оцениваемых процессов.

c. Описать потребности процессов-клиентов.

d. Выявить критерии их удовлетворенности методом интервьюирования.

e. Сформулировать показатели удовлетворенности клиентов или удовлетворения требования процессов-клиентов.

f. Установить шкалу удовлетворенности в баллах.

2. Формулирование показателей группы «Ресурс».

a. По каждому процессу в существующей системе управленческого учета выявить возможность получения информации о затраченных прямых материальных ресурсах, человеко-часах, финансовых ресурсах.

b. По методологии ABC определить драйверы для косвенных затрат [4]. Однако создание показателей этой группы всегда осложняется вопросом стоимости сбора информации по каждому показателю.

c. Окончательное решение принимается соотношением целесообразности создания показателя и стоимости его учета.

3. Определение источника информации по каждому показателю.

Источником для показателей группы «Клиент» должен быть либо сам конечный клиент организации, либо процесс — клиент для оцениваемого процесса. В таком случае обеспечивается обратная связь во взаимодействии и работа мотивационного механизма для поддержания стандартов и совершенствования процессов.

Наименее затратным способом получения информации по показателям затрат является бухгалтерский учет, однако его данных не бывает достаточно и сбор данных требует создания специального порядка разнесения и группировки затрат по процессам.

4. Оценка затрат по сбору информации для каждого показателя на регулярной основе. Сопоставление затрат и эффекта от внедрения показателя.

Оптимально созданные показатели планирования и контроля функционирования процессов обязательно основаны на обратной связи от клиентов и процессов-клиентов. На рис. представлен фрагмент схемы процессов и их оценки в форме обратной связи на примере предприятия розничной торговли. Не всегда первичный процесс-клиент может оценивать работу своих коллег. Как в указанном случае, процесс «Формирование товарного портфеля» оценивается процессом «Продажа», формирующим отчет о динамике средней покупки в магазине.

Именно такая организация взаимной оценки процессов создает условия для роста самоуправляемости процессов, поскольку взаимодействие и его регулирование выстраиваются строго по горизонтали.

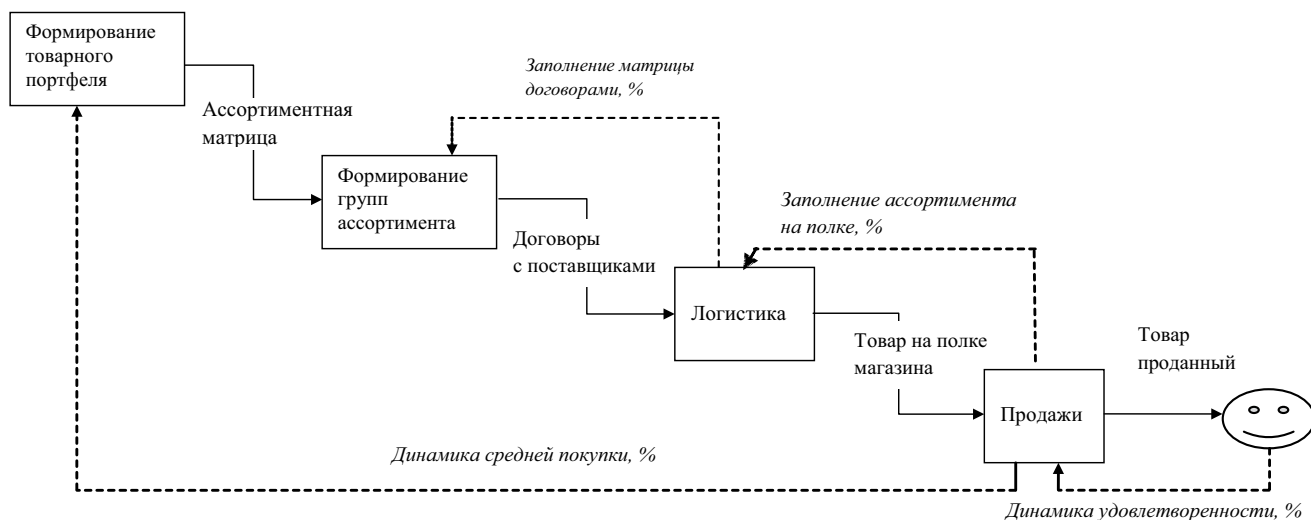

Рис. Взаимная оценка процессов в форме обратной связи по цепочке добавленной стоимости

Регулярное формирование учетных данных по множеству показателей эффективности всех процессов организации серьезно увеличивает трудоемкость управленческого учета [5]. И, несомненно, составление окончательного набора показателей для метрик процесса включает в себя сопоставление затрат на сбор информации с ожидаемым эффектом от внедрения каждого показателя.

В табл. 1 представлены метрики некоторых процессов сетевой розничной компании, торгующей продуктами питания.

Часть показателей, формирующих метрики, полностью соответствуют предложенным критериям. Процессы логистики, формирования товарного портфеля, продажи в магазине состоят из набора показателей, оценивающих как удовлетворенность клиентов (процессов-клиентов), так и затраты ресурсов. Процессы же ценообразования и взаимодействия с налоговыми органами не оцениваются по затратам ресурсов на их осуществление, поскольку стоимость учета таких затрат будет превышать выгоды, полученные от их оценки.

Таблица 1

Показатели эффективности основных процессов сетевой розничной торговли

ПРОЦЕСС	РЕЗУЛЬТАТ	МЕТРИКА ПРОЦЕССА
Логистика	Товар на полке в соответствии с ассортиментом	1. Заполнение ассортимента на полке, % от матрицы 2. Оборачиваемость запасов 3. Затраты процесса по каждой категории на 1 паллету
Продажи в магазине	Товар проданный	1. Издержки магазина к товарообороту магазина 2. Удовлетворенность покупателей уровнем обслуживания в динамике 3. Среднедневная посещаемость по отношению к торговой площади
Формирование товарного портфеля	Ассортиментная матрица	Динамика средней покупки по формату
Формирование категорий	Договоры с поставщиками подписанные	1. Процент заполнения ассортиментной матрицы договорами 2. Маржинальный доход по категории
Ценообразование	Цена	Уровень соответствия ценам конкурентов поформатно, %
Мерчандайзинг	Планограмма	1. Товарооборот с 1 кв. м торговой площади 2. Наличие работающей планограммы в каждом магазине
Обеспечение финансами	Фактический БДДС	1. Исполнение БДДС по выбытию, % 2. Стоимость привлеченного капитала, %
Мониторинг внешней среды	Рекомендации	1. Точность прогнозов 2. Своевременность предоставления информации
Формирование и поддержание стандартов	1. Экономические и финансовые стандарты 2. Типовые договоры	1. Для экономических и финансовых стандартов — выполнение стратегического плана 2. Для типовых договоров — статистика исков и размера санкций

ПРОЦЕСС	РЕЗУЛЬТАТ	МЕТРИКА ПРОЦЕССА
Обеспечение отношений с налоговыми органами	Налоговое бремя (включая штрафы и связанные издержки)	Удельный вес налогового бремени в товарообороте
Управленческий учет	Отчет по требуемой форме	1. Соблюдение графика документооборота 2. Достоверность информации
Обеспечение кадрами	Персонал в необходимом количестве и качестве	1. Процент укомплектованности кадров 2. Динамика стандарта Ракера, % снижения
Обеспечение безопасности	Сохранность товара	Динамика результатов ревизий
Техническое обеспечение	Работающее оборудование и системы обеспечения	1. Выполнение заявки на устранение неисправностей, балл 2. Затраты технического обеспечения к товарообороту, руб/руб
Информационное обеспечение	Работающее информационное оборудование и связь	1. Непрерывность информационного обеспечения 2. Затраты информационного обеспечения на 1 руб. товарооборота
Продвижение	1. Реализованная рекламная акция 2. Оформленный магазин	1. Динамика узнаваемости марки, % 2. Динамика лояльности клиентов, %

Часто после такого анализа массив изначально избранных показателей претерпевает серьезное изменение. Так, замечательной метрикой для процесса «Информационное обеспечение» является показатель времени простоев других процессов по причине неисправности оборудования, связи или программного обеспечения (ПО). Но сбор данных о фактическом времени простоев без внедрения специализированного ПО — отдельный трудоемкий процесс, требующий больших затрат на внедрение и последующую реализацию. В представленном случае решение видоизменить показатель оценки процесса «Информационное обеспечение» до «Выполнение заявки на устранение неисправности» (в баллах по оценке директоров магазинов) было принято после анализа затрат на сбор информации.

Основные проверочные вопросы для формирования метрики процесса:

— Создают ли показатели, составляющие метрику, законченный комплект для измерения процесса?

— Стимулируют ли они желаемое поведение?

— Основаны ли показатели на принципе обратной связи от клиентов и процессов-клиентов?

— Насколько просто получать данные по каждому показателю?

Введение показателей в систему планирования и контроля бизнеса предполагает формирование регулярного информационного сообщения для лиц, исполняющих эти операции. Горизонтальная форма сообщения подразумевает создание учетных данных, как и согласование плановых значений показателей в рамках процессов-клиентов. В табл. 2 представлена логика формирования учетных данных для целей взаимного контроля и совместного планирования процессных команд.

Таблица 2

Взаимное формирование показателей контроля эффективности процессов

ОЦЕНИВАЕМЫЙ ПРОЦЕСС	ПОКАЗАТЕЛЬ	ПОРЯДОК РАСЧЕТА	ПРОЦЕСС-ОЦЕНЩИК
Продажа	Среднедневная посещаемость к торговой площади	Среднедневная посещаемость/торговая площадь (по вышедшим на проектную мощность), чел./кв. м	Управленческий учет
	Дневной товарооборот к торговой площади	Товарооборот по магазинам, вышедшим на проектную мощность/торговая площадь, руб./кв. м	Управленческий учет
Формирование товарного портфеля	Средняя покупка по формату	Среднедневной товарооборот/среднедневная посещаемость, руб.	Формирование категорий
Техническое обеспечение	Выполнение заявки на устранение неисправности, баллы	Средний балл за месяц по оценкам в еженедельных отчетах директоров	Продажа
Информационное обеспечение	Выполнение заявки на устранение неисправности, баллы	Средний балл за месяц по оценкам в еженедельных отчетах директоров	Продажа
Обеспечение кадрами	Текучесть кадров, %	Количество увольнений/среднесписочная численность персонала x 100 %	Продажа
	Укомплектованность штатного расписания, %	Среднесписочная численность персонала/штатная численность персонала x 100 %	Продажа

ОЦЕНИВАЕМЫЙ ПРОЦЕСС	ПОКАЗАТЕЛЬ	ПОРЯДОК РАСЧЕТА	ПРОЦЕСС-ОЦЕНЩИК
Обеспечение безопасности	Результат ревизий, %	Отношение недостатков в стоимостном выражении/товарооборот x 100%	Управленческий учет
Логистика	Уровень дистрибуции в магазине, %	Количество позиций из ассортиментной матрицы по остаткам товаров в магазинах/количество позиций в ассортиментной матрице x 100%	Продажа
	Оборачиваемость запасов, дни	Средняя сумма товарных запасов (товарные остатки по себестоимости на начало месяца + товарные остатки по себестоимости на конец месяца)/2) x (количество дней в периоде/себестоимость реализованных товаров за отчетный период)	Продажа
Формирование категорий	Маржинальный доход к товарообороту, %	Маржинальный доход по дивизиону/товарооборот по дивизиону	Управленческий учет

Этап контроля, то есть оценки фактически достигнутого уровня показателей, выявляет необходимость либо движения по управляющему циклу, то есть планирования показателей на следующие периоды времени, либо совершенствования процесса. При этом совершенствование процесса должно осуществляться силами команды процесса. Так реализуется принцип самоуправления в горизонтальной организации.

Таким образом, горизонтальная организация управления предприятием предполагает обязательную оценку эффективности функционирования процессов. Такая оценка выполняется по показателям, отражающим разные аспекты деятель-

ности процесса: как с точки зрения клиента, так и с точки зрения ресурсов, потребляемых процессом. Планирование и контроль функционирования процессов как структурных подразделений организации должны осуществляться по возможности процессами-клиентами, потребляющими результат оцениваемого процесса. Такая конфигурация оценки позволит оптимизировать взаимодействие процессов между собой, создаст мотивационный механизм для поддержки стандартов и совершенствования процессов и, что немаловажно, не потребует значительного увеличения издержек на учетные процедуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долгая А. А. Эволюция системы управления организацией — к горизонтальным формам // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 1. С. 116—121.
2. Долгая А. А. Оценка влияния процессного структурирования на эффективность организационного взаимодействия // Научное мнение. 2014. № 6. С. 108—114.
3. Сотникова Т. В. Особенности формирования команд в сбытовых подразделениях предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 124—128.
4. Мелихов В. А., Перепелкина Е. Ф. Организация учетно-контрольной системы управления сегментами деятельности перерабатывающих предприятий АПК на основе системы ABC (activity-based costing) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 197—200.
5. Солоненко А. А. Вопросы увеличения учетной проводимости информационной системы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 120—123.

REFERENCES

1. Dolgaya A. A. Evolution of the company management systems — towards the horizontal forms // Regional issues of transformation of economics. 2013. № 1. P. 116—121.
2. Dolgaya A. A. Assessment of the process structuring impact on the organizational interaction // Scientific view. 2014. № 6. P. 108—114.
3. Sotnikova T. V. Peculiarities of the team building in the sales departments of the company // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 1 (18). P. 124—128.
4. Melikhov V. A., Perepelkina E. F. Arrangement of accounting and control system of management of components of activity of processing companies of agricultural complex on the basis of ABC (activity-based costing) system // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 197—200.
5. Solonenko A. A. Issues of increasing accounting conductivity of the information system // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 120—123.

УДК 331.108.2
ББК 65.291.6-18

Kasyanov Vasily Sergeevich,
 candidate of economic sciences,
 associate professor, associate professor
 of the department of business informatics
 of the Institute of Economics and Management of NCFU,
 head of the department of scientific publications
 of the research administration department of NCFU,
 Stavropol,
 e-mail: Kas.VS@mail.ru

Balastrova Ksenia Nikolaevna,
 undergraduate of applied informatics
 of the 1 year of NCFU,
 editor of the department
 of scientific publications
 of the research administration department of NCFU,
 Stavropol,
 e-mail: Balastrova@yandex.ru

Касьянов Василий Сергеевич,
 канд. экон наук, доцент,
 доцент кафедры бизнес-информатики
 Северо-Кавказского федерального университета,
 начальник отдела научных изданий
 управления организации научных исследований
 Северо-Кавказского федерального университета,
 г. Ставрополь,
 e-mail: Kas.VS@mail.ru

Баластрова Ксения Николаевна,
 магистрант 1-го курса
 Северо-Кавказского федерального университета,
 редактор отдела научных изданий
 управления организации научных исследований
 Северо-Кавказского федерального университета,
 г. Ставрополь,
 e-mail: Balastrova@yandex.ru

АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ИТ-ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

ANALYSIS OF PRINCIPLES OF HR-POLICY OF IT COMPANY BASED ON THE COMPETENCE APPROACH

В статье анализируются современные тенденции в управлении человеческими ресурсами в ИТ-компаниях в условиях становления экономики знаний. На основе проведения социологического опроса респондентов Ставропольского края определен перечень наиболее значимых факторов, влияющих на карьеру ИТ-специалистов: кадровая стабильность; эффективное стимулирование; «подстраховка» кадров; обмен знаниями; обучение. Сравнительный анализ выделенных факторов показал, что все они оказывают системное воздействие на кадровую политику организации и, как следствие, на развитие специалиста. Приведены актуальные тренды в развитии кадровой политики наукоемких организаций в современных условиях.

The article analyzes modern trends in HR-management in IT-companies in the conditions of developing knowledge economics. Based on performed sociological research of responders in Stavropol region the list of main factors influencing IT-specialists' carrier was determined: HR-stability; effective incentives; staff support; knowledge exchange; training. Comparative analysis of determined factors demonstrated that all of them have systematic effect on the HR-policy of the company, hence, on the expert development. Actual trends in HR-policy development of high-tech modern companies are provided.

Ключевые слова: кадровая политика, ИТ-предприятие, ИТ-персонал, управление персоналом, компетенция, компетентность, компетентностный подход, стимулирование, знания, интеллектуальный потенциал, развитие персонала.

Keywords: HR-policy, IT-company, IT-personnel, HR-

management, competency, competitiveness, competency-based approach, stimulation, knowledge, intellectual potential, personnel development.

Эффективность деятельности современных предприятий всех форм и типов в наибольшей степени зависит от того, насколько успешно ими управляют. В условиях всеобщей глобализации и повышения уровня конкуренции фактор компетентности кадрового персонала становится ключевым. Предпосылки к данному утверждению уходят корнями в 469—399 годы до н. э., когда Сократ основной своих трудов определил мысль: «Главная задача — поставить нужного человека на нужное место и добиться выполнения своих указаний» [1].

С того времени управленческие идеи прошли сложную эволюцию под влиянием формирующихся государственных структур, изменяющихся социально-экономических и психологических взглядов на труд, но мысль о необходимости грамотного подбора персонала и эффективного использования его труда на соответствующем его качествах месте остается актуальной и в настоящее время.

Наиболее острыми проблемами в организации и проведении кадровой политики отличаются предприятия сферы информационных технологий (ИТ-предприятия) или ИТ-службы в рамках образовательных, производственных и других предприятий. Наивысшая проблематичность подбора персонала и работы с ним объясняется прежде всего тем, что сфера информационных технологий в настоящее время признана одной из самых динамично развивающихся отраслей мирового рынка. Генезис фактора высокой динамичности развития отрасли заключается в нарастающих объемах информации, касающейся сферы информационных технологий. А с учетом того, что вектор современной экономики сместился к категории «зна-

ние» как основе постиндустриального общества, ускоренная обработка объемов информации становится основной задачей в сфере информационных технологий.

Если 10—20 лет назад предприятию средних масштабов для обеспечения компьютерной обработки информации достаточно было принять на работу одного специалиста по информационным технологиям, то в настоящее время эта мера в большинстве случаев будет малоэффективна потому, что объемы информации ИТ-сферы давно достигли того уровня, на котором отсутствует возможность аккумуляции в пределах комплекса знаний и навыков одного специалиста, даже высшей квалификации. Этот факт отражен в структурах высших учебных заведений, как многопрофильных, так и специализирующихся конкретно на подготовке ИТ-специалистов. Так, в Северо-Кавказском федеральном университете, имеющем в своем составе Институт информационных технологий и телекоммуникаций, насчитывается восемь кафедр, занимающихся подготовкой специалистов различных областей ИТ-знаний. Таким образом, априорная сложность подбора соответствующего персонала любого профиля для ИТ-предприятия дополняется проблематичностью выбора среди представителей разнородного рынка труда специалистов в данной области. И это не касается исключительно отбора и приема персонала на работу — кадровая политика значительно шире, и на следующих этапах ее реализации ИТ-предприятия также сталкиваются с дополнительными проблемами, объясняющимися спецификой их сферы функционирования.

Термин «кадровая политика» имеет широкое и узкое толкование. В первом случае это система правил и норм (которые должны быть осознаны и определенным образом сформулированы), приводящих человеческий ресурс в соответствие со стратегией фирмы (отсюда следует, что все мероприятия по работе с кадрами: отбор, составление штатного расписания, аттестация, обучение, продвижение — заранее планируются и согласовываются с общим пониманием целей и задач организации) [2]. В рамках такого понимания часто формируется неверная точка зрения, отождествляющая кадровую политику с управлением персоналом. Стоит помнить, что категория «управление персоналом» гораздо шире и кадровая политика является одним из ее элементов. В узком толковании кадровая политика — это набор конкретных правил, пожеланий и ограничений (зачастую неосознанных) во взаимоотношениях людей и организации: в этом смысле, например, слова «кадровая политика нашей фирмы состоит в том, чтобы брать на работу людей только с высшим образованием», могут использоваться в качестве аргумента при решении конкретного кадрового вопроса [Там же].

Такое толкование является наиболее распространенным и реализуемым с практической точки зрения. Однако при этом не учитываются навыки, мотивы и прикладные знания специалиста, которые выражаются в его компетенциях. Рост объемов знаний в области информационных технологий и широкое разнообразие направлений образовательной подготовки, предполагающие уход от понятия универсального ИТ-специалиста, становятся предпосылкой внедрения идей компетентностного подхода в кадровую политику предприятия.

Исследователи в области компетентностного подхода в образовании (И. А. Зимняя, А. Г. Каспржак, А. В. Хуторской, М. А. Чошанов, С. Е. Шишов, Б. Д. Эльконин

и др.) отмечают, что отличие компетентного специалиста от квалифицированного в том, что первый не только обладает определенным уровнем знаний, умений, навыков, но способен реализовать и реализует их в работе [3]. Понятие компетентного специалиста конкретнее отражает интересы ИТ-предприятия при наборе персонала и управлении им, так как динамичность развития сферы информационных технологий предполагает, что специалист должен не просто обладать определенным набором знаний и умений, полученным им в процессе приобретения квалификации, но и использовать его, углублять и наращивать в темпах, соответствующих росту объема знаний в выбранном им направлении. К тому же в процессе развития информационных технологий некоторые знания, умения и навыки могут отойти на второй план, а часть из них и вовсе исчезнуть из области деятельности, что предполагает необходимость умения специалиста реагировать на такие изменения и ускоренно адаптироваться к ним.

Для того чтобы определить степень соответствия кандидата предполагаемой должности, необходимо четкое определение набора компетенций для этой должности. Ранее для описания спектра компетенций использовали слово «профессиограмма», сейчас же все чаще говорят о компетентностном профиле специалиста. Таким образом, сопоставление набора требуемых для исполнения должностных обязанностей и имеющихся компетенций кандидата позволяет сделать достаточно обоснованное предположение о том, насколько успешной будет его деятельность [4].

В настоящее время еще не сформирован окончательно единый подход к определению понятия «профессиональная компетентность». Все исследователи, изучавшие природу компетентности, обращают внимание на ее многосторонний и разноплановый характер [5]. Компетентность обычно рассматривают как совокупность компетенций, сосредоточенных в одном лице, умеющем их применять в условиях функционирования предприятия, наращивать комплекс знаний и навыков и быстро переучиваться при наличии такой необходимости.

Построение модели компетенций для должностей предприятия и регулярная проверка ее актуальности также входят в реализацию кадровой политики большинства успешных современных предприятий. Помимо процессов отбора персонала существует необходимость внедрения постулатов компетентностного подхода и в дальнейшей работе с ним: в поддержке, управлении, контроле, обучении.

В процессе изучения соответствующей отечественной и зарубежной литературы и знакомства с практическими методами управления персоналом на наукоемких предприятиях Российской Федерации был выделен ряд принципов, на которых может быть построена кадровая политика ИТ-предприятия на основе идей компетентностного подхода:

- кадровая стабильность;
- эффективное стимулирование;
- «подстраховка» кадров;
- обмен знаниями;
- обучение.

Для оценки степени влияния каждого из выделенных факторов было проведено пилотное исследование, целью которого является выделение наиболее значимого

фактора, влияющего на построение карьеры молодого ИТ-специалиста. В рамках анализа выделенных принципов был произведен социологический опрос, респондентами которого являлись студенты ИТ-специальностей. Он позволил дать оценку степени важности каждого принципа с точки зрения настоящих и будущих представителей персонала ИТ-предприятий. В дальнейшем планируется провести комплексное исследование с учетом эффективности карьерного роста различных категорий ИТ-специалистов в масштабах Российской Федерации.

В ходе пилотажного исследования применялись три ступени выбора: на первой ступени выделили вузы, осуществляющие подготовку ИТ-специалистов, на второй ступени в каждом вузе делался случайный непропорциональный отбор. Третья ступень — в отобранных вузах определяются группы студентов старших курсов, которые будут опрошены. Единицей опроса является отдельный студент. Объем выборки составил 105 респондентов из четырех вузов города Ставрополя.

Рис. Данные опроса «Оценка важности принципов кадровой политики ИТ-предприятия»

На построенной по результатам опроса гистограмме мы видим, что все выделенные нами принципы в той или иной степени отмечены респондентами как необходимые элементы реализации кадровой политики. Наивысший результат получил принцип эффективного стимулирования (27%). Большинство современных предприятий видят основу эффективного стимулирования в выделении финансовых средств для предоставления регулярных премиальных выплат, руководствуясь не всегда верным убеждением «высокооплачиваемый сотрудник — качественный сотрудник». Безусловно, не стоит ожидать большой самоотдачи от сотрудника, если оплата его трудового времени объективно или с его точки зрения пропорционально не соответствует затраченным им усилиям. Неверное решение заключается в такой ситуации не в самом решении выплачивать стимулирующие денежные средства, а в выборе времени выплаты премий. Стимулирование посредством выделения дополнительных премий по факту выполнения особенно сложного задания или предложения наиболее выгодной для предприятия технологии будет более эффективным. Такое решение повысит заинтересованность персонала в инициации новых рабочих проектов и усовершенствовании уже имеющихся. За регулярный, определенный должностными инструкциями труд персонал должен получать фиксированный оклад или определенные по времени или количеству выполненных работ и услуг выплаты. Что касается нематериального стиму-

лирования ИТ-персонала, ему, как правило, необходимо уделять больше внимания, чем премиальным выплатам. В большинстве случаев работа ИТ-персонала имеет творческий характер, особенно это относится к специалистам по проектированию и разработке информационных систем. Поэтому ожидаемый эффект стимулирования может быть достигнут при распределении работы между сотрудниками таким образом, чтобы каждый решал тот тип задач, который ему наиболее интересен. Многие руководители отмечают, что при достаточной для поддержания комфортных условий жизни заработной плате гораздо сильнее сотрудника мотивирует интересный проект, нежели дополнительные выплаты.

ИТ-проекты, характеризующиеся сложностью в объеме обрабатываемой информации и необходимостью применения разнородных знаний ИТ-сферы, в большинстве своем предполагают командную работу. На этом руководству ИТ-предприятия тоже нужно акцентировать свое внимание при планировании нематериальной мотивации персонала к более эффективному выполнению своих обязанностей. Если предполагается командная работа над проектом, то и роли в команде должны быть распределены в соответствии с личностными и профессиональными качествами сотрудника, что повышает уровень комфорта и заинтересованности в успешном выполнении своей работы над проектом.

Разработка планов нематериального стимулирования имеет более короткий исторический путь, нежели элементы материального стимулирования, корни которого уходят в истоки зарождения человеческого общества. Тем не менее уже известны многие компании, достигшие репутации наиболее эффективно реализующих кадровую политику на основе нематериальных стимулов. Примером такой компании может стать компания HeadHunter в Москве. Управляющий директор компании Михаил Жуков рекомендует помнить, что «любой Ваш сотрудник постоянно чего-то хочет. И когда достигнуто желаемое, то потребности переходят на более высокий уровень» [6]. Также, подчеркивая эффективность нематериальных стимулов, Владимир Каменецкий, генеральный директор и владелец ГК «СофтБаланс», в статье «Как повысить эффективность персонала: 5 неочевидных рекомендаций» предложил способы нематериальной мотивации: мотивирующие совещания, конкурсы и соревнования, поздравления со знаменательными датами, скидки на услуги, информирование о достижениях, поощрительные командировки, оценки коллег, помощь в семейных делах [7].

Как показывает практика указанных выше и многих других крупных и средних компаний, планирование мероприятий по материальному и нематериальному стимулированию должно происходить при непосредственном содействии руководителей ИТ-служб и подразделений. В настоящий момент в большинстве средних и крупных ИТ-предприятий функции мотивации переданы в ведение отдельных управленческих подразделений, что редко является успешным решением, так как управленческие структуры, отделы менеджмента и управления персоналом могут руководствоваться лишь общими теоретическими подходами и практическими методами стимулирования персонала. Этим обоснована необходимость участия руководителя ИТ-подразделения, имеющего возможность содействовать планированию стимулирования с учетом знания особенностей работы,

личностных и профессиональных качеств ИТ-персонала.

Вторым по значимости в результате опроса является принцип обмена знаниями. Как уже было указано, один ИТ-специалист не может усвоить весь объем необходимой информации для работы даже в узкой области на современном этапе развития информационных технологий и тем более постоянно наращивать знания с учетом непрерывных изменений. Это предполагает особую роль работы представителей ИТ-персонала в команде. Для того чтобы посредством объединения усилий поддерживалось общее успешное функционирование, необходим налаженный механизм обмена знаниями.

Создание и организация работы команды единомышленников представляет собой совершенно необходимое условие для успешного развития информационных технологий и является длительной, сложной и тонкой психологической работой, которая должна проводиться при поддержке со стороны руководства предприятия и службы персонала [8].

Обмен знаниями возможен только при свободной и благоприятной творческой атмосфере. Обеспечение благоприятного социально-психологического климата — одна из важнейших задач кадровой политики в частности и управления персоналом в целом.

Наряду с принципом обмена знаниями (21%) практически те же результаты в опросе получили принципы кадровой стабильности (20%) и «подстраховки» кадров (19%). На практике эти принципы зачастую взаимосвязаны. Структурам, реализующим кадровую политику, в своей работе необходимо обеспечивать максимально низкий уровень текучести кадров. Представители ИТ-персонала, имеющие большой стаж работы на предприятии, в данном случае составляют наибольшую ценность для поддержания эффективного его функционирования, нежели молодые специалисты, несмотря на то что знания и навыки соответствующей квалификации были получены ими на более современном этапе развития сферы информационных технологий. Проблемы, возникающие при увольнении сотрудников, проработавших на предприятии относительно долгий срок, связаны с тем, что в ходе работы ими были получены специфические знания, умения и навыки, необходимые для обеспечения функций конкретного предприятия. Приобретенный опыт, адаптированный под специфику деятельности, «неписанные» способы и методы различных видов труда практически невозможно передать за двухнедельный срок, в период которого обычно принимается новый специалист и проходит первичное обучение при участии увольняющегося сотрудника или специально выделенного для этих целей специалиста подразделения. Несмотря на то что большинство высших и средних специальных учебных заведений активно занимаются планированием и организацией прохождения производственных практик студентами, обучающимися на 4—5-м курсе, проблема подготовки молодых специалистов к работе в реальных условиях функционирования ИТ-подразделений в настоящее время остается острой.

Во многих учебных заведениях, особенно это касается высших учебных заведений федерального масштаба, успешной практикой является долговременное сотрудничество учебного заведения и предприятий различных форм. Это сотрудничество рассматривают также с точки зрения инвестиций. Достаточно результативным направлением движения инвестиционных потоков, которые

предназначены для подготовки специалистов, является «предприятие — учебное заведение», что обеспечивает сбалансированность спроса и предложения на рынке трудовых ресурсов и уменьшает время окупаемости инвестиций в этот проект [9]. Таким образом, предприятие обеспечивает себя трудовыми и инвестиционными ресурсами одновременно.

Одним из наиболее ярких примеров успешно построенного взаимодействия с потенциальными работодателями является Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ). Большинство молодых ИТ-специалистов, вчерашних выпускников СКФУ, на момент присвоения квалификации уже являются сотрудниками ИТ-предприятий и ИТ-служб различных организаций Ставропольского края. Организация трудоустройства осуществляется посредством взаимоотношений, регламентированных коллективными договорами, на основе которых реализуется прохождение практик, собеседований и стажировок. При тесной связи с высшими учебными заведениями предприятие получает возможность «воспитывать» молодых специалистов с учетом специфики собственного функционирования. При оптимистичном варианте развития событий такие предприятия всегда имеют ряд кандидатур, зарекомендовавших себя как подготовленных специалистов для работы. В реальности же зачастую требуется определенное количество времени на отбор кандидатуры. И даже в случаях, когда поиск и подбор реализуются в ускоренном режиме, рабочее место остается незанятым от нескольких дней до нескольких недель. На большинстве предприятий короткий срок отсутствия необходимого специалиста не является критичным фактором. Что касается предприятий ИТ-сферы, динамичность работы, быстрота появления прогрессивных изменений и большие объемы обрабатываемой информации предполагают серьезные затраты в связи с отсутствием работника и необходимость в почти моментальном трудоустройстве нового специалиста. И если руководство предприятия не было готово к увольнению сотрудника и не может обеспечить быстрой замены его подходящей кандидатурой, какой-то период времени функции, оставшиеся без исполнителя, должны быть распределены между персоналом. В этом находит отражение принцип «подстраховки» кадров. Чтобы принять на себя функции отсутствующего специалиста временно и без потери качества производимых товаров и услуг, необходимо, чтобы персонал в той или иной степени был знаком с реализацией этих функций. Поскольку прогнозировать увольнение сотрудника за длительный период времени невозможно, предприятие должно обеспечивать возможность такой «подстраховки» заблаговременно. Обеспечение возможности взаимной замены сотрудниками ИТ-подразделения реализуется в выполнении следующего принципа качественной кадровой политики.

Принцип обучения, получивший 13% голосов в результате опроса, требует значительных финансовых вложений предприятия и временных ресурсов персонала, за что нередко отвергается руководящими лицами, что недопустимо для успешного функционирования предприятий сферы информационных технологий. К сожалению, не каждое предприятие находится на том уровне финансовой стабильности, на котором оно могло бы обеспечить развитие профессионального потенциала сотрудника в рамках собственной квалификации, чего требует ком-

петентностный подход, и дополнительно приобретение навыков, позволяющих им заменять любого отсутствующего сотрудника своего структурного подразделения. В этом случае существует альтернативное решение в виде временной передачи освободившихся функций в ведение временно нанятого подрядчика. Многие ИТ-предприятия в настоящее время практикуют передачу собственных сотрудников для осуществления временных работ в рамках других предприятий или проектов. Принятие решения по поводу того, что будет для предприятия экономически более обоснованным (использование услуг подрядчика при возникновении проблемы, что требует также серьезных затрат, или заблаговременное обучение сотрудников собственными усилиями и в специализированных заведениях), остается за руководством предприятия.

В результате анализа принципов успешного функцио-

нирования кадровой политики на основе компетентностного подхода, выделенных нами и определивших основу социологического опроса, был сделан вывод об относительной равнозначности каждого принципа с точки зрения его роли в обеспечении сильного кадрового потенциала ИТ-предприятия. Ускоренное развитие ИТ-сферы и зачастую творческий характер решаемых персоналом задач предполагают глубокую зависимость функционирования ИТ-предприятия от того, насколько успешно осуществляется кадровая политика. Кроме того, в процессе анализа были прослежены зависимости и между принципами. Так, обучение зачастую становится орудием стимулирования, кадровая стабильность невозможна без стимулирования, «подстраховку» кадров гарантирует обеспечение обучения сотрудников, а кадровая стабильность обеспечивается выполнением всех принципов в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобрышев Д. Н., Семенов С. П. История управленческой мысли: учеб. пособие. М.: АН СССР, 1987. 138 с.
2. Гавренкова В. И., Гудин Ю. Г. Управление персоналом: учеб. пособие. Владивосток: ВГУЭС, 2003. 96 с.
3. Мединцева И. П. Компетентностный подход в образовании // Педагогическое мастерство: мат. II междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 215—217.
4. Касьянов В. С., Баластрова К. Н. Применение компетентностного подхода для комплексной оценки специалистов организации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6. С. 256—259.
5. Ларина Е. В. Оценка профессиональной компетентности руководителей через анализ их способностей к осуществлению управленческих функций // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 73—77.
6. Жуков М. Нематериальные стимулы: что может быть лучше высокого оклада [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gd.ru/articles/3361-nematerialnyye-stimuly> (дата обращения: 03.10.2014).
7. Каменецкий В. Как повысить эффективность персонала: 5 неочевидных рекомендаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gd.ru/articles/3268-kak-povysit-effektivnost-personala> (дата обращения: 03.10.2014).
8. Аллахвердов А. А. Кадровая политика в ИТ подразделениях предприятий и организаций [Электронный ресурс]. URL: http://www.cfin.ru/management/people/dev_val/it_personnel.shtml (дата обращения: 03.10.2014).
9. Беликова Е. В., Сырбу А. Н. Система мероприятий повышения качества трудовых ресурсов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 151—153.

REFERENCES

1. Bobryishev D. N., Sementsov S. P. History of managerial mind. M.: AS USSR, 1987. 138 p.
2. Gavrenkova V. I., Gudyn Yu. G. Personnel management. Vladivostok: VSUES, 2003. 96 p.
3. Medintseva I. P. Competence-based approach in education // Pedagogical art: issues of II international conference (Moscow, December 2012). M.: Buki-Vedi, 2012. P. 215—217.
4. Kasyanov V. S., Balastrova K. N. Competence-based approach for system staff evaluation in an organization // Bulletin of the North Caucasian Federal University. 2013. № 6. P. 256—259.
5. Larina E. V. Evaluation of professional competence of managers through the analysis of their abilities for carrying out their managerial functions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 73—77.
6. Zhukov M. Non-material incentives: what may be better than high salary [Electronic resource]. URL: <http://www.gd.ru/articles/3361-nematerialnyye-stimuly> (date of viewing: 03.10.2014).
7. Kamenetskiy V. How to improve personnel effectiveness: 5 non-obvious tips [Electronic resource]. URL: <http://www.gd.ru/articles/3268-kak-povysit-effektivnost-personala> (date of viewing: 03.10.2014).
8. Allahverdov A. A. Personnel policy in IT-departments of organizations [Electronic resource]. URL: http://www.cfin.ru/management/people/dev_val/it_personnel.shtml (date of viewing: 03.10.2014).
9. Belikova E. V., Syrbu A. N. System of measures for labor forces quality improvement // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 151—153.

УДК 338.24:006.07

ББК 65.291.21

Smetanina Tatiana Vladimirovna,
 candidate of economic sciences, associate professor
 of the department of management of Saint-Petersburg
 State University of Technology and Design,
 Saint-Petersburg,
 e-mail: smetdipdok@mail.ru

Сметанина Татьяна Владимировна,
 канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента
 Санкт-Петербургского государственного университета
 технологии и дизайна,
 г. Санкт-Петербург,
 e-mail: smetdipdok@mail.ru

ПРОЦЕСС РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА ОТ АКТИВНЫХ К МЕНЕЕ АКТИВНЫМ СИСТЕМАМ

PROCESS OF SPREADING OF THE INTERNATIONAL MANAGEMENT STANDARDIZATION FROM ACTIVE SYSTEMS TO LESS ACTIVE ONES

*Статья посвящена изучению вопросов интеграции междуна-
 родной стандартизации в деятельность экономических
 субъектов России. Рассмотрено взаимодействие между ак-
 тивными и менее активными интегрирующими системами
 на примере Финляндии и России. Для обоснования степени ин-
 теграции применена теория гравитационных моделей, исполь-
 зуемая в экономике. В основу изучения проблематики интегра-
 ции положена теория организации, теория межотраслевого
 баланса. Обоснование эффективности интеграционных про-
 цессов сделано на основании взаимосвязи процессов, происхо-
 дящих внутри экономических субъектов и между суверенными
 территориями. Для определения степени активности инте-
 грирующихся систем выполнены расчеты показателей системы
 национальных счетов.*

*Article is devoted to the study of integration of the international
 standardization into the activities of the economic entities in Russia.
 The interaction between active and less active integrating systems is
 examined on the example of Finland and Russia. In order to justify
 the degree of integration, the theory of gravitation models used in
 economics was applied. The study integration is based on the theory
 of organization, theory of inter-industrial balance. Justification of
 the integration processes effectiveness was based on the interaction
 of processes occurring inside the economic entities and between the
 sovereign territories. In order to determine the degree of activity of
 the integrative systems, the calculations of indicators of the system
 of national accounts were made.*

*Ключевые слова: стандартизация менеджмента, орга-
 низация, экономический субъект, предприятия, активные
 системы, наименее активные системы, наиболее активные
 системы, олицетворенный продукт, суверенная территория,
 сопряженная территория, интегрированные системы.*

*Keywords: standardization of management, organization,
 economic entity, facility, active systems, the least active systems,
 the most active systems, embodied product, sovereign territory,
 adjacent territory, integrated systems.*

Стандартизация менеджмента — это процесс, происходя-
 щий на уровне унификации систем управления дефицитными
 ресурсами экономических систем под влиянием интеграцион-
 ных аспектов, совпадающие агрегаты.

В принятии решения в отношении организации — эконо-
 мического субъекта — предприятия важно оценивать реальное
 развитие системы. Теория дистортности как естественнонауч-
 ная теория (методологическая основа теории проникновения

международных стандартов менеджмента) лежит в основе
 снижения уровня предпринимательского риска при внедре-
 нии западных стандартов менеджмента в экономическую де-
 ятельность организации — предприятия — экономического
 субъекта.

Объективные законы развития организации, в частности
 закон самосохранения, лежат в основе расчетов предельности
 значений рискованных показателей деятельности организации —
 экономического субъекта — предприятия.

Выработка приоритетных стратегических действий при со-
 ставлении стратегических карт должна быть основана на сни-
 жении рисков участия в управлении человеческого фактора,
 причем не только внутренними ресурсами организации — эконо-
 мического субъекта — предприятия, но и внешними состав-
 ляющими комплекса маркетинга с позиций клиентов организа-
 ции — экономического субъекта — предприятия.

Применение графических методов, экономико-математи-
 ческого моделирования лежит в основе разработки программы
 деятельности организации — экономического субъекта —
 предприятия, реализующей стратегическую карту развития.

Алгоритмизация стандартизации деятельности в отноше-
 нии внедрения наиболее общего из стандартов менеджмента —
 стандарта качества — является основой для детализации
 практического внедрения теории проникновения стандартов
 менеджмента в деятельность российских организаций — эконо-
 мических субъектов — предприятий.

Для определения степени влияния международной стан-
 дартизации на предприятия необходимо рассматриваемую со-
 вокупность поделить на адаптационные группы.

**Группа добывающих, обрабатывающих и социальных
 организаций.** Роль социальных организаций преобладающая.
 К ним относится и образовательная отрасль. Она готовит тру-
 довые ресурсы для обрабатывающих и добывающих отраслей.
 Трудовые ресурсы являются наиболее влиятельными в систе-
 ме дефицитных ресурсов организаций.

Выработка порядка последовательных действий по оценке
 состояния системы менеджмента дает возможность предприя-
 тиям сократить время подготовки решений по вопросам инте-
 грации и избежать риска ошибок.

Группировка предприятий по адаптационным группам
 позволяет в дальнейшем организовать сравнительный анализ
 интеграции стандартов менеджмента по выделенным совокуп-
 ностям.

Предприятия, принадлежащие к одной и той же адаптаци-
 онной группе, могут использовать одни и те же методы инте-
 грации МСМ (международные стандарты менеджмента), по-
 следующего анализа и контроля.

Результатом анализа и оценки методических подходов интеграции МСМ может стать разработка проекта руководства по внедрению интегрированной системы менеджмента для предприятий обрабатывающих, добывающих и социальных групп отраслей.

НАПС — нематериальные активы производственной системы. Положительная деловая репутация организации — устойчивое финансово-экономическое состояние объекта исследования. Это ключевое понятие в экономико-математическом моделировании определяет оценку экономического эффекта. Постановка задачи для вопросов интеграции является актуальной. В результате интеграции мы не только систематизируем процессы внутри системы, но и повышаем эффективность ее функционирования в целом. Важную роль

при интеграции играют делегирование полномочий и подбор персонала. Этот ресурс в любом системном изменении является первостепенным.

В системе суверенных территорий можно выделить наиболее активные, активные и наименее активные системы. Если рассматривать степень интеграции международной стандартизации, сравнивая территорию Финляндии и России, то территория Финляндии с расположенными на ней организациями может быть представлена как активная в области интеграции международной стандартизации. Россия менее активна.

Этот вывод можно сделать на основе сравнительного анализа соответствия международных стандартов качества внутренним стандартам в России и Финляндии (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие стандартов менеджмента Финляндии и России международному уровню

Определение производственного цикла (полнота и обеспеченность)	Распространяется на услуги, ове­ществ­лен­ный про­дукт, сырье и полуфабрикаты, интеллектуальный продукт	Неполный интеллектуальный продукт, ове­ществ­лен­ный, но без сервиса и разработки (эти этапы невозможны)	Интеллектуальный продукт, ове­ществ­лен­ный без разработки и сервиса	Ове­ществ­лен­ный про­дукт, свя­зан­ный с испы­та­ни­ями изделий	Для предприятий, оказывающих услуги
Россия	отсутствует	ГОСТ Р ИСО 9001	ГОСТ Р ИСО 9002	отсутствует	отсутствует
Финляндия	SFS-ISO 9000	SFS-ISO 9001	SFS-ISO 9002	SFS-ISO 9003	SFS-ISO 9004

В нашем исследовании мы учитываем результат расширения теории организации в отношении международной стандартизации. В исследовании на основании разработанной методики расчета скорости реакции системы на интеграцию, определении отраслевых показателей запасов прочности, скорости реакции индивида, входящего в различные отрасли, методики определения волновой зависимости реальных значений показателей, векторной направленности интеграции, которые в конечном итоге могут определить величину деловой репутации системы и оценить кумулятивный эффект от международной стандартизации, графически было определено место синергетического эффекта, в котором стандартизация в равной степени присутствует во всех адаптационных группах предприятий.

Если рассматривать Финляндию, то она более активно за-

нимается стандартизацией, чем Россия. Причем Финляндия использует именно стандарты, соответствующие международным требованиям.

В России стандартизацией занимается Госстандарт России. Существует целый ряд классификаций действующих стандартов:

— государственные стандарты (ГОСТ); отраслевые стандарты (ОСТ); республиканские стандарты (РСТ); стандарты предприятий (СТП); стандарты общественных объединений (СТО); технические условия (ТУ);

— международные стандарты (ИСО/МЭК); региональные стандарты; межгосударственные стандарты; национальные стандарты.

Долевое распределение влияния этих стандартов на деятельность организаций в России представлено на рис. 1.

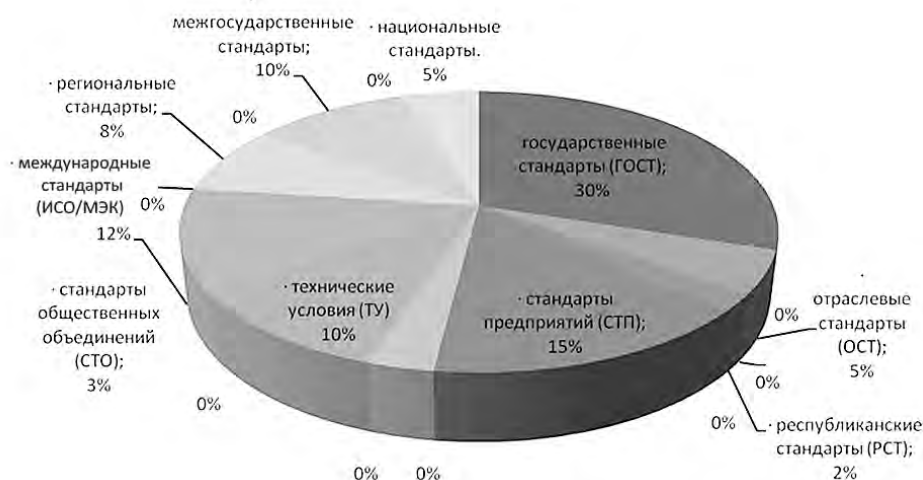

Рис. 1. Качественная структура стандартизации

В Финляндии стандартизацией занимается Finnish Standards Association SFS, которая является членом International

Organization for Standardization (ISO) and the European Committee for Standardization (CEN).

Уровень стандартизации соответствует наиболее передовому развитию стандартизации в мире и в Европе. Международным уровнем стандартизации охвачены все отрасли. Большое внимание уделяется экологическим стандартам (FFCS (Finnish Forest Certification System) — стандарт, действующий в лесном хозяйстве). Каждое третье предприятие с внутренним аудитом и поддерживаемой системой ISO 14001. На всех предприятиях действуют стандарты ISO 9000 с соответствующей направленностью. Действует интегрированная система энергоэффективности ЕТJ (финская модель), европейский стандарт — системы управления энергией SFS-EN 16001, международный стандарт — системы управления энергией ISO 50001. Разрабатываются стандарты машиностроения и металлургии в Финляндии (SFS 5976 (E265), Стандарты ассоциации текстильной и швейной промышленности (SFS 5687), Финская ассоциация строительной продукции (SFS 7036).

Уровень стандартизации менеджмента влияет на состояние индивидов, проживающих на рассматриваемой территории. Чем он выше, тем более интегрирован сам индивид в эти процессы. Образовательная отрасль представляет собой механизм интегрирования индивидов в стандартизацию.

Вузы, которые обучают индивидов сопряженной территории, являются поставщиками интегрированных систем.

Интеграция зависит и от внутреннего экономического состояния суверенной территории.

Интеграция подтверждается динамикой изменения ВВП сопряженных территорий, ВНП, уровнем экспорта.

Финляндия является одним из активных участников деловых экономических отношений, осуществляемых в направлении России.

Для оценки степени взаимодействия сопряженных территорий необходимо провести анализ совпадающих агрегатов.

В данном случае мы имеем дело с ВВП и ВНП сопряженных стран.

Проанализируем динамику изменения ВВП России и ВВП Финляндии за последние 20 лет. Выявим направления роста. Выделим в этом процессе долю ВВП услуг, торговли. Эти сферы экономической деятельности характеризуют направленность взаимодействия экономик суверенных территорий. Они зависят от подготовки специалистов, капитальные вложения в эти отрасли имеют меньший срок оборачиваемости активов, являются более гибкими в изменениях стандартов, могут быть представлены как носители информации.

Для установления направленности динамики ВВП России и Финляндии необходимо совместить графики по ВВП обеих стран (см. рис. 2)

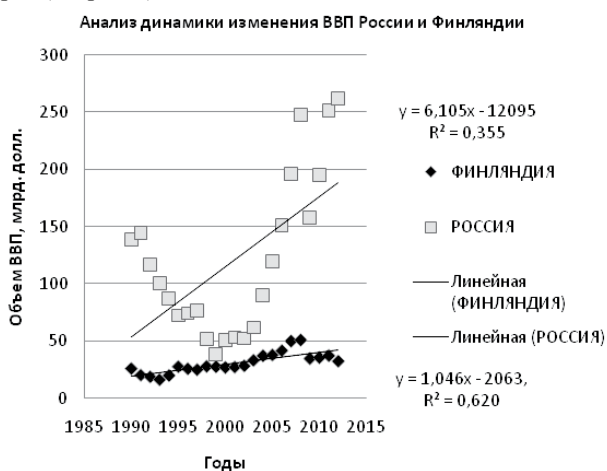

Рис. 2. Совместная динамика изменения ВВП перерабатывающей промышленности России и Финляндии

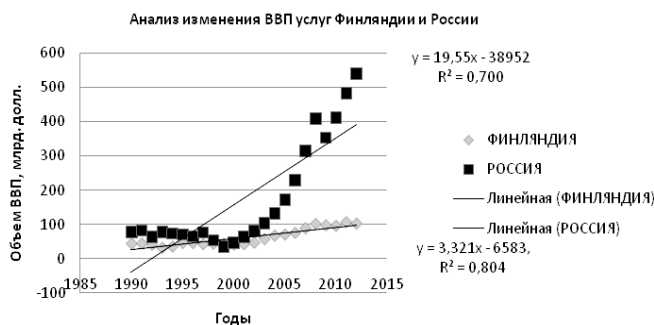

Рис. 3. Совместная динамика изменения ВВП услуг России и Финляндии

За последние 20 лет наблюдается более активное развитие экономики России по сравнению с Финляндией. Восходящая составляющая по услугам у России примерно в 17 раз выше, чем у Финляндии. По перерабатывающей промышленности восходящая составляющая примерно в 9 раз выше у России по сравнению с Финляндией. Причины ясны. Россия имеет наиболее устойчивую динамику экономического развития, связанную в первую очередь с территориальными и сырьевыми преимуществами. Поэтому развитие экономики и уровня стандартизации для России проходит более динамично. Естественно, что в стандартизации более высокого уровня Россия заинтересована значительно. Имеются дополнительные средства для осуществления данных мероприятий. В этой связи вопросы интеграции, стандартизации и адаптации имеют ключевое значение.

На рис. 4 показано, как отражается уровень активизации производства на уровне ВНД на душу населения.

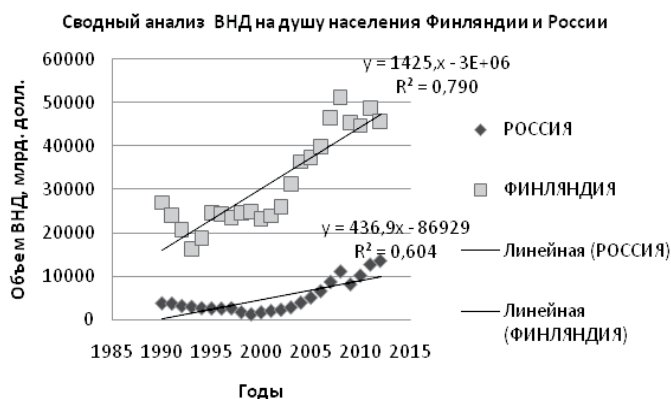

Рис. 4. Сводный анализ ВНД на душу населения Финляндии и России

Однако, несмотря на такую разницу в динамической составляющей услуг и перерабатывающей промышленности России по сравнению с Финляндией, ВНД на душу населения в Финляндии меньше во восходящей динамике лишь на 0,2.

Еще интереснее соотношение между Россией и Финляндией по расходам правительства на душу населения.

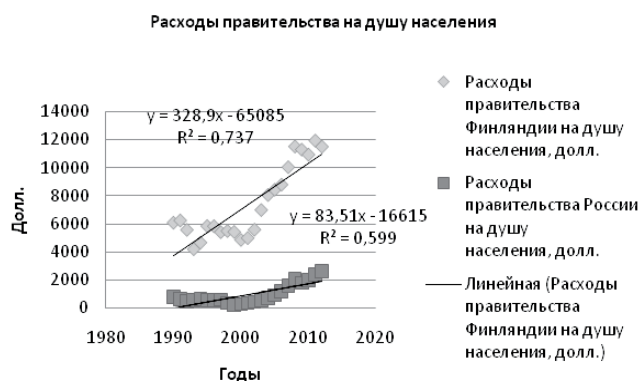

Рис. 5. Динамика изменения расходов правительства на душу населения

Восходящая динамика по Финляндии примерно в 4 раза выше, чем по России.

Причина — социальная направленность экономической политики Финляндии. Конкурентный уровень продукции, услуг, работ, интегрированных в международное сообщество.

Что касается Финляндии, то она за счет гибкой социальной политики имеет достаточно высокий уровень образования и образовательного стандарта, опыт которого необходим для использования в России.

Образование является источником квалифицированных кадров для всех отраслей экономики [1], источником ресурсов для повышенного уровня конкурентоспособности.

Данные экономические процессы интересны с точки зрения интеграции. Одной из экономико-математических моделей, описывающих прогноз взаимодействия экономических систем сопряженных территорий, являются гравитационные модели.

Смысл гравитационной модели заключается в том, что величина (сила) взаимодействия сопряженных территорий пропорциональна произведению показателей численности населения районов и обратно пропорциональна расстоянию между ними.

$$M_{ij} = k \frac{p_i \cdot p_j}{d_{ij}^2}, \quad (1)$$

где: p_i, p_j — численность населения районов i и j ;

d_{ij} — расстояние между районами i и j ;

M_{ij} — показатель взаимодействия между районами i и j (например, количество поездок);

k — нормирующий параметр [2].

Для расчета значения нормирующего параметра используем усредненное значение коэффициента миграции в России и Финляндии в 2012 году. Это значение составило 0,46. Положительное значение коэффициента свидетельствует о притоке мигрантов на данные территории.

Показатели взаимодействия между Финляндией и Россией, рассчитанные по формуле, показывают количество поездок граждан между территориями.

Для расчета можно использовать расстояние между городом на Западе Финляндии Икаалинен и городом на Востоке РФ Южно-Сахалинском. Для расчета можно использовать расстояние между городом на Западе Финляндии Икаалинен и городом Барнаулом, который является географически центром синергетического эффекта. Значения 6 и 7 столбцов в табл. 2 показывают, с какой силой или с какой частотой посредством индивидов может быть осуществлена интеграция с территории Финляндии на территории

России, так как носителем стандартов в той или иной степени является каждый индивид.

Таблица 2

Расчет силы взаимодействия между Россией и Финляндией [3]

Год	Численность населения, Россия	Численность населения, Финляндия	Расстояние максимальное от Финляндии до России	Расстояние до синергетического центра	Сила взаимодействия максимальная	Сила взаимодействия с учетом синергетического центра
1	2	3	4	5	6	7
1990	148394000	4986431	10492	4614	3092057	15988540
1991	148394000	5029002	10492	4614	3118455	16125040
1998	147671000	5160000	10492	4614	3184096	16464463
1999	147215000	5171000	10492	4614	3181031	16448612
2000	146597000	5168595	10492	4614	3166204	16371944
2001	145976000	5194901	10492	4614	3168838	16385564
2002	145306496	5199900	10492	4614	3157340	16326108
2003	144648624	5219732	10492	4614	3155032	16314177
2004	144067312	5229600	10492	4614	3148293	16279332
2005	143518816	5246879	10492	4614	3146670	16270936
2006	143049632	5275486	10492	4614	3153483	16306166
2007	142805120	5238460	10492	4614	3125998	16164045
2008	142742368	5302375	10492	4614	3162748	16354075
2009	142785344	5339870	10492	4614	3186072	16474679
2010	142849472	5353197	10492	4614	3195458	16523214
2011	142960908	5401267	10492	4614	3226667	16684592
2012	143201700	5421827	10492	4614	3244405	16776311
2013	143502097	5429894	10492	4614	3256049	16836517

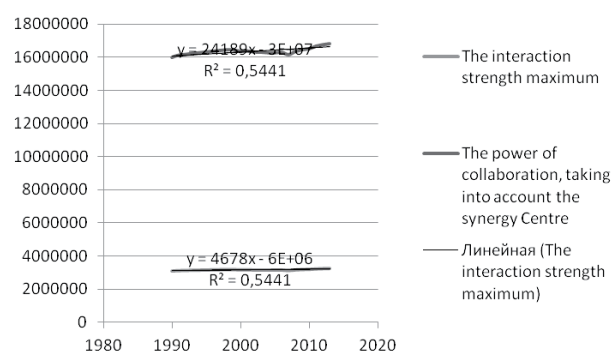

Рис. 6. Динамика изменения величины взаимодействия

Существует незначительная положительная динамика изменения. Величина воздействия через индивидов в отличие от роста деловой активности незначительна.

Скорость воздействия в 2013 году возрасла по сравнению с 1990 годом примерно на 5% (см. табл. 2).

Финляндия является активной страной, воздействующей на уровень стандартизации и качество трудовых ресурсов, а главное, качество отношения со стороны государства к трудовым ресурсам.

Двигатель торговли, посредством которой происходит интеграция.

Двигатель услуг (в том числе образовательных).

Ускоритель скорости интеграции стандартов от суверенной территории к отраслям, предприятиям и индивидам и обратно.

На карте (см. рис. 7) представлена направленность интеграции от городов Финляндии, в которых расположены основные учебные заведения, к центру синергетического эффекта. С учетом возрастающей силы воздействия за последние 20 лет примерно на 5% усилилась теоретическая интеграционная составляющая данного обмена (с центром синергии).

Выводы:

1. Развивать отношения в области понимания и осознания стандартизации систем менеджмента.
2. Увеличивать количество образовательных направлений по этому сектору образования. Делать гибкие курсы обучения для всех групп населения.
3. Вести мониторинг развития силы воздействия.
4. Просчитывать возможные совместные программы интеграционного взаимодействия с учетом географического расположения места синергетического эффекта.

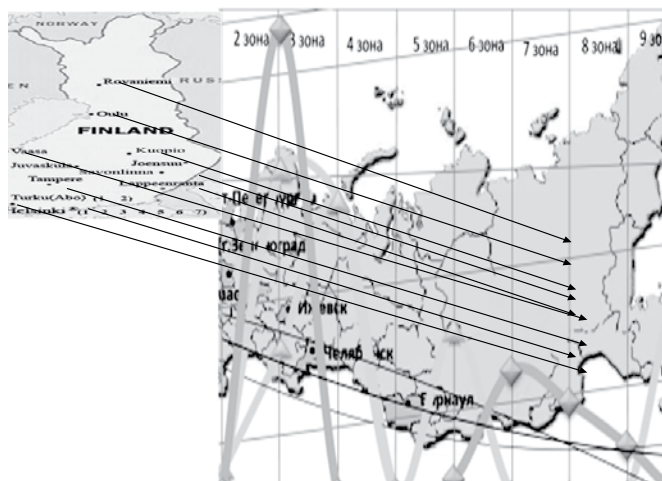

Рис. 7. Направленность возможной интеграции стандартизации от Финляндии к России через образовательные учреждения

На основании рис. 7 можно определить направленность возможной интеграции стандартизации МСМ от Финляндии

к России посредством влияния образовательных учреждений.

Мы в своем исследовании определили место синергетического эффекта в Российской Федерации от влияния процессов стандартизации. В основе теоретического исследования была положена теория организации и теории и модели экономического цикла. В основу принципа деления групп предприятий на адаптационные была положена теория МОБ (межотраслевой баланс).

При расчете синергетического эффекта мы должны выбрать уравнения преимущественных зависимостей, описывающие тренды изменения показателей деятельности адаптационных групп предприятий (обрабатывающие, добывающие и социальные) [4; 5; 6; 7]. Далее мы производим визуальное слияние данных трендов с учетом расчета коэффициентов по зонам интеграции. В результате данного наложения получаем области синергетического эффекта.

Это место экономически может быть определено как место максимального синергетического эффекта.

Оно может быть воспринято в теории проникновения международных стандартов менеджмента как точка отсчета для запуска системы интеграции. Ее можно использовать в стратегических планах развития системы в целом при условии интеграции системы в Европу. Для предприятий это определение уровня финансовой поддержки стандартизации менеджмента: либо это предприятие является лидером данного процесса, либо аутсайдером.

Данная методика может быть использована не только при интеграции в Европу, но и по другим географическим направлениям международной экономической интеграции.

Почему при рассмотрении наиболее активных и наименее активных систем была выбрана взаимосвязь через систему образовательных учреждений? Трудовые ресурсы, подготовленные в соответствии с МСМ и МСФО, являются носителями новых условий функционирования экономических субъектов [8]. Через них осуществляется доставка стандартов до места их фактической адаптации. Взаимосвязь между трудовыми ресурсами различных уровней менеджмента дает возможность в будущем снизить риски результатов предпринимательской деятельности в условиях требований международного экономического разделения труда.

Интеграция МСМ и МСФО в экономику предприятий России должна поддерживаться интегральной кадровой политикой, проводимой в регионах [9]. Данное положение должно быть закреплено в нормативно-правовом поле деятельности экономических субъектов. Как вариант — направление развития регионов может быть поддержано стратегией институтов регионального развития [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сметанина Т. В., Юшков М. В. Особенности использования международных стандартов качества в деятельности экономических субъектов России, предлагающих интеграционные услуги // Вестник Балтийской педагогической академии. Вып. 103. Проблемы и перспективы практической психологии и социальных технологий. С. 56—64.
2. Власов М. П., Шимко П. Д. Моделирование экономических систем и процессов: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. 336 с.
3. Прикладной сайт для расчета удаленности рассматриваемых географических точек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.della.ru/distance/?cities=0,1469> (дата обращения: 01.06.2014).
4. Сметанина Т. В. Формирование теоретических подходов использования теории дистортности в теории проникновения международных стандартов менеджмента в систему управления экономическими субъектами России. Ереван: отпеч. ООО «АМИКУС», Авторское издание, 2011. 130 с.
5. Сметанина Т. В. Стратегические основы развития эффективной экономической деятельности организации — экономического субъекта — предприятия России в условиях международной интеграции. СПб.: Изд-во ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2012. 165 с.
6. Сметанина Т. В., Образцова Н. А., Розанова И. Н. Теория дистортности и теория проникновения международных

стандартов менеджмента в систему управления экономическими субъектами. СПб.: ЭКИДА, 2013. 143 с.

7. Сметанина Т. В., Лысов И. А., Розанова И. Н. Основы взаимосвязи эффективной деятельности организации с системой стандартов менеджмента. СПб.: ЭКИДА, 2013. 184 с.

8. Яхварова Е. В. Конкурентоспособность человеческих ресурсов в системе отношений «человек — производство» // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 145—151.

9. Снегирева Т. В. Интегральная кадровая политика как форма управления человеческим капиталом региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 62—66.

10. Бухвальд Е. М., Сазонов С. П., Мордвинцев А. И. Региональные институты развития и усиления роли регионов в инновационной модернизации экономики России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 180—185.

REFERENCES

1. Smetanina T. V., Yushkov M. V. Peculiarities of application of the international quality standards in the activity of the economic entities of Russia rendering integration services // Bulletin of Baltic pedagogical academy. Issue 103. Issues and prospects of practical psychology and social technologies. P. 56—64.

2. Vlasov M. P., Shimko P. D. Modeling of economic systems and processes: textbook. M.: INFRA-M, 2013. 336 p.

3. The application site to calculate the distance to the geographical points under consideration [Electronic resource]. URL: <http://www.della.ru/distance/?cities=0,1469> (date of viewing: 01.06.2014).

4. Smetanina T. V. Formation of theoretical approaches to the use of distortion theory in the theory of the international management standards penetration into the economic entities of Russia management system. Erevan: printed by AMICUS LLC, Author's edition, 2011. 130 p.

5. Smetanina T. V. Strategic fundamentals of development of effective economic company – economic entity – facility in Russia in the conditions of the international integration. S. Petersburg: FSBEI HPE «SPSUTD», 2012. 165 p.

6. Smetanina T. V., Obraztsova N. A., Rozanov I. N. Distortion theory and the theory of the international management standards penetration into the economic entities management system. S. Petersburg: EKIDA, 2013. 143 p.

7. Smetanina T. V., Lysov I. A., Rozanov I. N. Fundamentals of interaction of the company effective activity with the management standards system. S. Petersburg: EKIDA, 2013. 184 p.

8. Yahvarova E. V. Competitiveness of human resources in the «human being – production» relations system // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 1 (18). P. 145—151.

9. Snegirev T. V. Integral HR policy as a form of human capital management in the region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 1 (18). P. 62—66.

10. Buchwald E. M., Sazonov S. P., Mordvintsev A. I. Regional institutions of development and strengthening of the role of the regions in the innovation modernization of Russian economics // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 180—185.

УДК 332.142.2:331.108
ББК 65.261.783:65.240-94

Lavrentieva Elena Viktorovna,
 candidate of economics, assistant professor
 of the department of economics and management
 of Volgograd Business Institute,
 Volgograd,
 e-mail: mir1207@mail.ru

Komarov Oleg Konstantinovich,
 professor of the department of economics
 and customs business, of Povolzhsky Institute of Management
 named after P. A. Stolypin (branch of the RPANE&PD),
 Saratov,
 e-mail: kafeconom@piuis.ru

Cherkasov Vasily Evdokimovich,
 professor of the department of finance and credit,
 of Povolzhsky Institute of Management named
 after P. A. Stolypin (branch of the RPANE&PD),
 Saratov,
 e-mail: kafeconom@piuis.ru

Лаврентьева Елена Викторовна,
 канд. экон. наук., доцент кафедры экономики и управления
 Волгоградского института бизнеса,
 г. Волгоград,
 e-mail: mir1207@mail.ru

Комаров Олег Константинович,
 профессор кафедры экономики и таможенного дела,
 Поволжского института
 управления им. П. А. Столыпина
 (филиал РАНХиГС)
 г. Саратов,
 e-mail: kafeconom@piuis.ru

Черкасов Василий Евдокимович,
 профессор кафедры финансов и кредита,
 Поволжского института управления им. П. А. Столыпина
 (филиал РАНХиГС)
 г. Саратов,
 e-mail: kafeconom@piuis.ru

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

FISCAL POLICY OF MUNICIPAL ENTITIES AS A FACTOR OF THE HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

В статье обосновывается необходимость увеличения индекса развития человеческого потенциала как показателя эффективности деятельности органов местного самоуправления. Авторы применяют в качестве значения человеческого капитала интегральный показатель ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала), который отражает ключевые аспекты (продолжительность жизни — оценка здравоохранения; уровень образования — оценка шаговой доступности к образовательным услугам; доходы населения — экономическая ситуация). В работе проведена оценка расходов местного бюджета в расчете на одного жителя. Найдена зависимость показателя ИРЧП от расходов местного бюджета в расчете на одного жителя. Проведен анализ расходов бюджетов муниципальных районов Волгоградской области на развитие частных индикаторов в структуре ИРЧП.

The article substantiates the necessity of increasing the index of human potential development as an indicator of efficiency of activity of local authorities. Authors use HDI (human development index) as the value of human capital integrated index, which reflects the key aspects (life expectancy — health care assessment; level of education — assessment of accessibility of educational services; income of population — economic situation). The work evaluates the local budget expenditures per capita. The dependence of HDI on the local budget expenditures per capita is revealed. Analysis of expenses of the budgets of municipal districts of Volgograd region for development of the individual indicators in the structure of the HDI is conducted.

Ключевые слова: местное самоуправление, автономность местного самоуправления, уровень жизни, человеческие ресурсы, человеческий потенциал, расходы бюджета,

структура расходов, эффективность управления, продолжительность жизни, уровень образования.

Keywords: local self-government, local government autonomy, standard of living, human resources, human potential, budget expenses, cost structure, management efficiency, life expectancy, level of education.

В период динамичного развития технологий большое внимание уделяется человеческому потенциалу как двигателю научного прогресса. Рассматриваются такие направления, которые способствуют накоплению и развитию человеческого потенциала и дальнейшей его реализации, превращающей «потенциал» в «капитал». Государственные и местные органы власти должны создавать условия для своих граждан, способствующие развитию интеллектуальных, творческих, физических способностей [1, с. 143].

Для оценки качества работы органов местного самоуправления используются следующие факторы: «качество муниципальных правовых актов, разрабатываемых муниципальными служащими и принимаемых органами местного самоуправления; систему планирования и принятия решений; механизм ответственности и профессионализм работников муниципальной службы; открытость и прозрачность бюджетной и финансовой политики; использование современных методов менеджмента, информационных технологий с учетом передового отечественного и зарубежного опыта; систему управления изменениями (реформами и инновациями) на уровне местного самоуправления, программ и проектов» [2, с. 12].

К расходам местного бюджета (бюджета муниципального образования) применительно к решению задачи об эффективности местного самоуправления следует относить все расходы. Совершенно очевидно, чтобы осуществить

расходы, необходимо иметь в наличии финансовые ресурсы (доходы). Основными источниками формирования расходов местного бюджета являются собственные (налоговые и неналоговые) доходы, а также безвозмездные поступления (из федерального или регионального бюджета, от юридических или физических лиц). Необходимо обратить внимание на тот факт, что расходы муниципальных районов (городских округов) относятся к официальной информации и ежегодно утверждаются представительным органом местного самоуправления. В этой связи показатель расходов бюджета муниципального образования имеет высокую степень достоверности.

При вычислении расходов бюджетов муниципальных образований на одного жителя фактическая величина расходов в рублях делится на значение численности населения (статистический показатель, давно и успешно наблюдаемый на территории РФ). В результате сравнения этого показателя выявлено весьма существенное различие расходов местных бюджетов на одного жителя для территории

Волгоградской области (а также для муниципальных образований ЮФО). Значения, полученные для Волгоградской области, приводятся в табл. 1.

Анализ статей расходов бюджетов муниципальных районов за период 2009—2012 годов, а также изучение законов о бюджете Волгоградской области на 2009—2012 годы позволяет утверждать, что ни один из сельских районов, рассмотренных в качестве примера, не способен самостоятельно сформировать доходную часть бюджета в объеме, достаточном для исполнения обязательств, возложенных действующим законодательством РФ на местное самоуправление. Кроме того, следует предположить, что распределение дотаций (финансовой помощи) из регионального бюджета не имеет более или менее ощутимой закономерности. В этой связи рекомендуется применять в качестве основания для выравнивания бюджетов сложившуюся зависимость качества жизни населения (ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала) от расходов бюджета, приходящихся на одного жителя.

Таблица 1

Значение индекса развития человеческого потенциала и расходов местного бюджета на одного жителя для сельских муниципальных районов Волгоградской области (2009—2012)

Районы	ИРЧП (относительные единицы от 0 до 1)				Расходы местного бюджета в год на 1 жителя (тыс. руб.)			
	2009	2010	2011	2012	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Алексеевский	0,73	0,75	0,79	0,78	14,36	21,01	19,94	22,69
Быковский	0,75	0,74	0,79	0,77	10,14	13,62	14,77	16,18
Городищенский	0,80	0,81	0,83	0,85	9,75	11,44	12,89	14,07
Даниловский	0,73	0,74	0,77	0,76	11,94	18,73	20,94	20,96
Дубовский	0,73	0,74	0,78	0,78	9,63	11,92	13,33	13,17
Еланский	0,77	0,77	0,80	0,78	9,19	12,38	14,60	14,93
Жирновский	0,83	0,82	0,82	0,83	10,35	15,03	14,89	19,29
Иловлинский	0,76	0,77	0,81	0,81	8,91	12,09	13,09	13,47
Калачевский	0,79	0,80	0,82	0,81	8,95	12,46	12,47	12,91
Камышинский	0,78	0,79	0,82	0,79	9,20	12,25	13,11	15,02
Киквидзенский	0,74	0,75	0,79	0,77	10,94	15,51	16,29	17,61
Клетский	0,72	0,73	0,75	0,74	10,26	13,70	15,05	15,53
Котельниковский	0,75	0,76	0,83	0,85	9,49	17,38	19,39	17,37
Котовский	0,85	0,83	0,84	0,85	10,51	14,27	13,76	17,45
Кумылженский	0,75	0,76	0,79	0,77	12,71	15,71	17,05	23,53
Ленинский	0,73	0,75	0,78	0,78	8,46	11,92	13,33	13,51
Михайловский	0,73	0,75	0,77	0,75	11,94	17,71	15,85	14,82
Нехаевский	0,74	0,75	0,78	0,76	13,27	17,18	17,14	16,71
Николаевский	0,74	0,75	0,78	0,79	9,48	12,42	13,25	13,92
Новоаннинский	0,76	0,77	0,78	0,78	9,66	15,03	17,39	18,02
Новониколаевский	0,74	0,75	0,77	0,76	9,62	15,84	16,13	17,15
Октябрьский	0,75	0,76	0,77	0,76	11,87	14,95	16,93	19,63
Ольховский	0,79	0,78	0,81	0,79	11,96	15,79	15,82	15,65
Палласовский	0,74	0,77	0,79	0,79	9,74	14,96	14,96	14,49
Руднянский	0,72	0,73	0,77	0,75	9,78	13,18	15,29	20,35
Светлоярский	0,80	0,81	0,81	0,81	13,35	16,15	15,22	18,43
Серафимовичский	0,76	0,74	0,78	0,77	9,92	13,83	16,40	16,91
Среднеахтубинский	0,79	0,81	0,81	0,80	8,42	12,14	12,96	13,51
Старополтавский	0,72	0,74	0,77	0,75	12,76	17,48	17,25	18,03
Суровикинский	0,75	0,76	0,79	0,78	8,43	12,89	14,60	15,87
Урюпинский	0,74	0,73	0,77	0,77	9,93	13,28	14,62	16,37
Фроловский	0,76	0,78	0,80	0,77	12,30	18,55	19,33	18,15
Чернышковский	0,75	0,75	0,79	0,79	13,39	16,09	17,63	17,57

Из данных, представленных в табл. 1, видно, что в большинстве случаев высокие расходы местного бюджета в расчете на одного жителя не обеспечивают высокого показателя ИРЧП. Удивительным является тот факт, что при низких расходах местного бюджета на одного жителя уровень ИРЧП достигает высоких значений. Так, например, в Алексеевском районе в 2012 году расходы местного бюджета на одного жителя составили 22,69 тыс. руб., при этом уровень ИРЧП за тот же год имел значение 0,78. А в Чернышковском районе за тот же период данные показатели составили: расходы местного бюджета в расчете на одного жителя — 17,57 тыс. руб.,

ИРЧП — 0,79. Если рассматривать одни значения ИРЧП данных районов, то можно говорить о том, что различия данных показателей зависят от множества факторов, таких как численность населения, число обучающихся, и прочих присущих конкретным районам. При рассмотрении зависимости ИРЧП от расходов местного бюджета на одного жителя на примере Алексеевского и Чернышковского районов следует вывод о неэффективном использовании денежных средств бюджета.

Всю структуру расходов местного бюджета можно разбить на три основные составляющие: расходы на здравоохранение, образование, экономику. Такое укрупнение объясняется тем,

что все расходы так или иначе направлены на развитие и поддержание этих трех направлений. Наибольший удельный вес в 2009 году занимали расходы на экономику. В последующие годы наблюдается динамика к снижению данных расходов. Расходы на образование и здравоохранение отличаются относительным постоянством.

Более наглядно структура расходов местных бюджетов графически показана на рис. 1, 2, 3, 4.

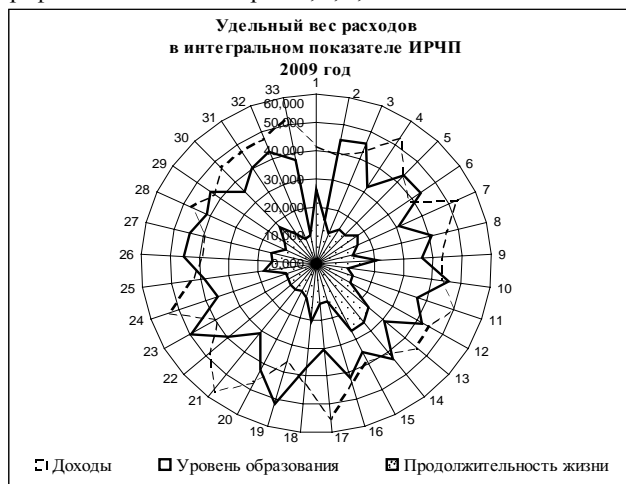

Рис. 1. Удельный вес расходов в интегральном показателе ИРЧП 2009 года [3, с. 88]

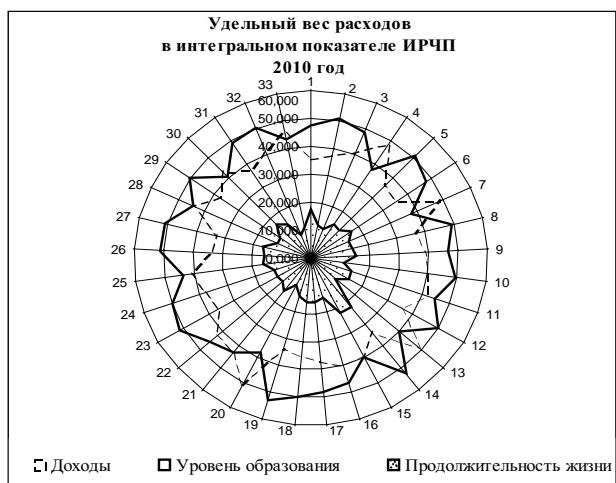

Рис. 2. Удельный вес расходов в интегральном показателе ИРЧП 2010 года [3, с. 88]

Рис. 3. Удельный вес расходов в интегральном показателе ИРЧП 2011 года [3, с. 89]

Рис. 4. Удельный вес расходов в интегральном показателе ИРЧП 2012 года [3, с. 89]

Лепестковая диаграмма дает более наглядное представление о структуре расходов по каждому муниципальному району Волгоградской области. Так, можно сказать, что наибольший удельный вес расходов на экономику в 2012 году был в Быковском (2) и Жирновском (7) районах; на образование — в Николаевском (19) и Палласовском (24) районах; на здравоохранение — в Алексеевском (1), Городищенском (3), Иловлинском (8), Суровикинском (30), Урюпинском (31), Фроловском (32) районах. Например, подтверждением высоких расходов на здравоохранение в Алексеевском муниципальном районе является завершение в 2012 году строительства районной больницы.

Ранжирование по расходам местных бюджетов позволяет провести оценку деятельности органов местного самоуправления (табл. 2, 3, 4, 5).

Таблица 2

Ранжирование муниципальных районов Волгоградской области по критерию «Расходы на экономику» [3, с. 90]

№ п/п	Районы	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6
1	Алексеевский	9	6	28	25
2	Быковский	7	14	20	32
3	Городищенский	10	22	29	17
4	Даниловский	30	31	22	20
5	Дубовский	11	9	7	10
6	Еланский	3	8	8	8
7	Жирновский	29	30	31	33
8	Иловлинский	20	11	23	5
9	Калачевский	13	17	10	31
10	Камышинский	16	19	26	21
11	Киквидзенский	27	24	27	26
12	Клетский	18	7	3	6
13	Котельниковский	19	32	24	29
14	Котовский	8	4	15	15
15	Кумылженский	2	18	33	30
16	Ленинский	17	20	21	11
17	Михайловский	32	13	4	23
18	Нехаевский	14	5	9	22
19	Николаевский	1	3	2	2
20	Новоаннинский	22	33	5	16
21	Новониколаевский	33	27	17	27
22	Октябрьский	26	25	30	28
23	Ольховский	4	10	12	7
24	Палласовский	31	16	14	3
25	Руднянский	15	21	32	24
26	Светлоярский	5	2	13	18
27	Серафимовичский	6	1	16	9
28	Среднеахтубинский	23	28	18	19
29	Старополтавский	12	15	1	1

Окончание табл. 2

№ п/п	Районы	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6
30	Суровикинский	21	26	25	4
31	Урюпинский	24	12	11	13
32	Фроловский	25	23	6	12
33	Чернышковский	28	29	19	14

Авторская позиция состоит в рассмотрении развития экономики через призму занятости трудоспособного населения. В этой связи возникает вопрос: в каких видах экономической деятельности создание (сохранение) рабочих мест оказывает наиболее существенное влияние на темпы роста экономики города? Для доказательства состоятельности предложений, сформированных в настоящей работе, следует привести некоторые результаты исследований, выполненных для экономики Российской Федерации. Основные тенденции, характеризующие занятость в экономике России, характерны для крупных городов, поскольку складываются в большинстве случаев из показателей, описывающих городские экономики на территории РФ [4, с. 57].

По рангу можно определить, на каком месте по расходам в конкретном направлении (экономика, образование, здравоохранение) находится тот или иной муниципальный район. Ранжирование произведено по возрастанию, от наименьшего к большему.

Таблица 3

**Ранжирование муниципальных районов
Волгоградской области по критерию
«Расходы на образование» [3, с. 91]**

№ п/п	Районы	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6
1	Алексеевский	5	15	5	2
2	Быковский	28	27	22	27
3	Городищенский	30	18	16	26
4	Даниловский	6	1	6	4
5	Дубовский	24	28	26	22
6	Еланский	25	17	18	18
7	Жирновский	3	3	2	8
8	Иловлинский	17	22	13	21
9	Калачевский	10	14	17	25
10	Камышинский	31	20	9	19
11	Киквидзенский	12	11	8	7
12	Клетский	19	24	27	28
13	Котельниковский	2	5	15	9
14	Котовский	22	32	14	12
15	Кумылженский	7	4	1	1
16	Ленинский	21	13	10	23
17	Михайловский	1	16	25	10
18	Нехаевский	11	23	28	11
19	Николаевский	33	33	31	32
20	Новоаннинский	20	2	30	17
21	Новониколаевский	4	7	12	5
22	Октябрьский	15	12	4	6
23	Ольховский	32	31	29	29
24	Палласовский	9	21	24	33
25	Руднянский	14	9	3	3
26	Светлоярский	29	30	23	15
27	Серафимовичский	27	29	11	20
28	Среднеахтубинский	18	10	19	14
29	Старополтавский	26	25	33	31
30	Суровикинский	8	6	7	16
31	Урюпинский	16	19	21	13
32	Фроловский	23	26	32	30
33	Чернышковский	13	8	20	24

В ранжировании по общим расходам все муниципальные районы Волгоградской области на протяжении четырех лет (2009, 2010, 2011, 2012 годы) занимают относительно постоянное место. Колебания составляют минимальное значение в пределах трех позиций. Если же рассматривать

ранжирование расходов местного бюджета по каждому направлению (экономика, образование, здравоохранение), то там наблюдаются существенные изменения. Например, Нехаевский район по расходам местного бюджета на экологию в течение четырех лет занимал 14, 5, 9, 22-е места.

Таблица 4

**Ранжирование муниципальных районов
Волгоградской области по критерию
«Расходы на здравоохранение» [3, с. 92]**

№ п/п	Районы	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6
1	Алексеевский	31	31	26	31
2	Быковский	23	7	8	9
3	Городищенский	10	3	2	5
4	Даниловский	18	16	33	32
5	Дубовский	20	13	23	21
6	Еланский	25	29	31	25
7	Жирновский	22	15	19	1
8	Иловлинский	13	19	13	30
9	Калачевский	29	23	32	2
10	Камышинский	3	4	7	8
11	Киквидзенский	15	20	24	19
12	Клетский	16	21	28	22
13	Котельниковский	30	5	6	4
14	Котовский	32	32	4	26
15	Кумылженский	33	33	5	27
16	Ленинский	17	18	17	17
17	Михайловский	19	24	29	20
18	Нехаевский	28	26	15	18
19	Николаевский	11	14	22	10
20	Новоаннинский	5	2	12	12
21	Новониколаевский	9	22	21	15
22	Октябрьский	7	9	1	7
23	Ольховский	6	11	10	14
24	Палласовский	4	12	16	6
25	Руднянский	27	27	9	24
26	Светлоярский	21	25	18	13
27	Серафимовичский	24	28	27	23
28	Среднеахтубинский	8	8	14	16
29	Старополтавский	14	10	20	29
30	Суровикинский	26	30	30	33
31	Урюпинский	12	17	25	28
32	Фроловский	1	1	3	3
33	Чернышковский	2	6	11	11

Показатель «Продолжительность жизни» комплексно отражает не только состояние системы здравоохранения и последние достижения науки о жизни, но и зависит от уровня доходов человека, от ощущения индивидуумом прочности связей с современным обществом. Если исходить из факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на продолжительность жизни, то большинство исследователей склонны рассматривать: во-первых, предупреждение наиболее часто встречающихся заболеваний, во-вторых, применение современных технологий диагностики и лечения [Там же].

Таблица 5

**Ранжирование муниципальных районов
Волгоградской области по критерию
«Расходы всего» [3, с. 92]**

№ п/п	Районы	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6
1	Алексеевский	13	8	10	9
2	Быковский	18	19	19	20
3	Городищенский	31	33	32	32
4	Даниловский	8	9	8	8
5	Дубовский	10	14	13	11
6	Еланский	20	24	21	24
7	Жирновский	29	27	33	30
8	Иловлинский	21	21	20	21
9	Калачевский	33	32	31	31

Окончание табл. 5

№ п/п	Районы	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6
10	Камышинский	26	25	27	25
11	Киквидзенский	4	5	6	7
12	Клетский	3	3	3	4
13	Котельниковский	28	28	24	28
14	Котовский	25	23	26	27
15	Кумыженский	11	12	30	16
16	Ленинский	16	20	17	17
17	Михайловский	23	13	7	13
18	Нехаевский	2	1	1	1
19	Николаевский	19	17	15	18
20	Новоаннинский	27	29	25	26
21	Новониколаевский	14	10	11	10
22	Октябрьский	9	15	18	12
23	Ольховский	5	4	2	2
24	Палласовский	32	30	29	33
25	Руднянский	1	2	9	3
26	Светлоярский	22	22	22	23
27	Серафимовичский	12	16	16	15
28	Среднеахтубинский	30	31	28	29
29	Старополтавский	15	11	12	14
30	Суровикинский	24	26	23	22
31	Урюпинский	17	18	14	19
32	Фроловский	6	6	4	5
33	Чернышковский	7	7	5	6

По результатам анализа данных таблиц, диаграмм видно, что оценка расходов местного бюджета каждого муниципального района — это сложный процесс, требующий оценки множества внешних и внутренних факторов деятельности органов местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева С. И., Тихомирова Е. В. Роль местного самоуправления в развитии человеческого потенциала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 142—147.
2. Кабанов В. Н., Михайлова Е. В. Экономика труда в докторских диссертациях 2007—2010 годов (Обзор авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (08 — Экономика труда) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 10—19.
3. Тихомирова Е. В. Регулирование инвестиций в развитие человеческого капитала на муниципальном уровне: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2013. 158 с.
4. Кабанов В. Н. Потенциал стратегического развития Волгограда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 54—61.
5. Чумакова Е. А. Исследование распределения субъектов Российской Федерации по уровню бюджетных расходов на душу населения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 184—189.

REFERENCES

1. Vasilieva S. I., Tikhomirova E. V. The role of local government in development of human potential // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 142—147.
2. Kabanov V. N., Mikhailova E. V. Labor economics of in doctoral dissertations of 2007—2010 (Review of dissertation abstracts for the scientific degree of doctor of economics on a specialty 08.00.05 — Economics and Management of National Economy (08 — Labor economics) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 10—19.
3. Tikhomirova E. V. Regulation of investments in human capital development at the municipal level: dissertation of the candidate of economics. Volgograd, 2013. 158 p.
4. Kabanov V. N. Potential of strategic development of Volgograd // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 54—61.
5. Chumakova E. A. Study of distribution of the entities of the Russian Federation by the level of budget expenses per capita // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 184—189.

В рейтинге субъектов по расходам консолидированного бюджета области за 2012 год среди субъектов Российской Федерации Волгоградская область занимает 69-е место, за 2011-й — 70-е место, за 2010-й — 69-е место, за 2009-й — 63-е место, за 2008-й — 58-е место, то есть регион постоянно теряет свои позиции в рейтинге субъектов РФ. Среди субъектов Южного федерального округа по расходам консолидированного бюджета региона Волгоградская область стабильно занимает 3-е место из 6, пропуская вперед Краснодарский край и Ростовскую область и оставляя за собой Астраханскую область и республики Адыгею и Калмыкию. Показатель на уровне бюджета города Волгограда несопоставимо мал по сравнению с показателем на федеральном и региональном уровне. В среднем на одного жителя Волгограда из бюджета города тратилось 15537 руб. в 2012 году. Самые высокие показатели среднедушевых бюджетных расходов среди городов у двух столиц — официальной и Северной, отставание Волгограда от Москвы — 8-кратное, от Санкт-Петербурга — 5-кратное [5, с. 188].

Для обеспечения должного уровня расходов местного бюджета на одного жителя, который обеспечит рост качества жизни, необходимо достижение высоких показателей доходной части бюджета и эффективности использования данных денежных средств. Так как в настоящее время все муниципальные районы Волгоградской области являются дотационными, то помимо налоговых статей доходов бюджета им необходимо обеспечивать неналоговые поступления в свои бюджеты.

УДК 339.138
ББК 65.290.34

Nevostruyev Petr Yuryevich,
candidate of economics, assistant professor
of the marketing and commerce department
of Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: pnevostruev@mesi.ru

Каптюхин Роман Викторович,
assistant professor of the marketing and commerce
department of Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: rvkaptyukhin@mesi.ru

Невоструев Петр Юрьевич,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: pnevostruev@mesi.ru

Каптюхин Роман Викторович,
доцент кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: rvkaptyukhin@mesi.ru

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕНТ-СТРАТЕГИИ

INFLUENCE OF CONSUMERS BEHAVIOR TRANSFORMATION ON THE CONTENT STRATEGY CREATING

В статье рассмотрены вопросы контент-маркетинга, формирование стратегий контент-маркетинга на основе информационного потока, а также рассматриваются различные формы генерации последнего с учетом эффективности данного процесса. Особое внимание уделяется рассмотрению ролей потребителя при формировании и распространении информационного потока (активная и пассивная роли). На основе выявленных ролей потребителей в статье предложена авторская матрица выбора контент-стратегий, включающая четыре стратегии: стратегия вовлечения, стимулирования активности, качественного контента и помощи выбора. В статье рассмотрены характеристики различных форм контента (видео, аудио, изображения и текст) с точки зрения применимости предложенных контент-стратегий. Выводы сводятся к рекомендациям по применению различных форм контента в зависимости от выбранной стратегии и ролей потребителей.

The article examines the issues of content marketing, creation of strategies of content marketing based on the information flow, as well as discusses various forms of generation of the latter taking into account effectiveness of the process. Special attention is paid to the role of the consumer in the formation and dissemination of the information flow: active and passive roles. Based on the identified roles of consumers, the author proposes matrix for selection of content strategies, including four strategies: strategy of involvement, activity stimulation, high-quality content and selection support. The article reviews the characteristics of different forms of content (video, audio, images and text) from the point of view of applicability of proposed content strategies. The conclusions obtained can be reduced to recommendations for the use of various forms of content depending on the selected strategy and the role of consumers.

Ключевые слова: Интернет, стратегия коммуникации, контент-маркетинг, контент-стратегия, трансформа-

ция поведения, рейтингование, комментирование, формы контента.

Keywords: Internet, strategy, communication, content marketing, content strategy, behavior transformation, rating, commenting, forms of content.

Современные информационные технологии позволяют пользователям и компаниям моментально обмениваться контентом друг с другом, рейтинговать и комментировать его. Потребители устали от огромного количества рекламной информации, которая стремится завоевать их внимание. Современный потребитель научился безошибочно выявлять и игнорировать рекламную информацию, что снижает эффективность традиционной концепции продвижения товаров и услуг. На смену устаревшей концепции приходит концепция контент-маркетинга, суть которой заключается в предоставлении потребителю полезной информации без прямого упоминания о товаре.

Контент-маркетинг — совокупность маркетинговых приемов, основанных на создании и/или распространении полезной для потребителя информации с целью завоевания доверия и привлечения потенциальных клиентов. Контент-маркетинг подразумевает подготовку и распространение высококачественной, актуальной и ценной информации, которая не является рекламой, но которая косвенно убеждает аудиторию принять необходимое распространителю решение, выбрать его услугу. Преимущества контент-маркетинга состоят в том, что он эффективно привлекает внимание аудитории, помогает завоевать доверие и ненавязчиво продвигает товар или услугу на рынке [1].

Существуют различные подходы к определению контента. Так, под контентом (от английского content — содержание) понимают абсолютно любое информационно значимое либо содержательное наполнение информационного ресурса [2]. Американские исследователи характеризуют контент как содержание, которое отвечает глубинным потребностям и желаниям потребителей, делает жизнь насы-

шеннее, помогает решить проблемы пользователей, обучает и даже развлекает [3]. В любом случае контент определяет формирование информационного потока любого медиа, а также любого ресурса в целом.

Информационный поток представляет собой совокупность текстовой, фото-, аудио- и видеoinформации, создаваемой в рамках информационного ресурса и распространяемой его создателями или потребителями в информационном пространстве [4].

Существует несколько форм генерации информационного потока в Интернете:

- в рамках собственных сайтов (ресурсов) компании;
- с использованием популярных социальных сетей;
- интегрированная модель — использование собственных ресурсов компании с дополнением в виде социальных медиа.

Первая форма подразумевает создание блога или форума на корпоративном сайте компании или других информационных ресурсах. Эта форма имеет ограничения, поскольку наблюдать за формированием информационного потока будут в первую очередь посетители сайта компании, а привлечение их на сайт — трудоемкая и высокочувствительная задача.

Важно понимать, что даже в этом случае полностью невозможно контролировать весь создаваемый информационный поток о компании. Помимо корпоративного сайта сотрудники могут писать неформальные сообщения о компании в личных блогах. Даже при существующих рычагах воздействия на сотрудников и их блоги более весомым и значимым для формирования информационного потока о компании являются блоги пользователей. Таким образом формируется комплексная система генерации информационного потока.

В связи с этим не следует ограничиваться только корпоративным сайтом и корпоративным блогом. К формированию информационного потока нужно привлекать потребителей. Именно потребители сегодня играют наиболее важную роль при формировании информационного потока, притом независимо от того, какую форму выбрала компания. Однако важно учитывать роли потребителя при формировании контентной стратегии [5].

По признаку формирования информационного потока выделяют пассивную и активную роль потребителя контента.

Пассивная роль. При выполнении пассивной роли потребителя контента человек не прилагает дополнительных усилий для формирования контента, который он потребляет. Медиа не требуют от потребителя ответных действий. Так, традиционное телевидение предлагает вниманию потребителей сформированный заранее информационный поток, влиять на который сам потребитель не может.

Можно выделить условно пассивную роль, когда потребитель прилагает минимальные усилия для выбора нового контента. Например, просмотр телевизионных каналов предполагает выбор между различными информационными потоками конкурирующих между собой телевизионных каналов, то есть максимальные усилия, которые прилагает потребитель, — переключение с одного информационного потока на другой.

Активная роль. При выполнении активной роли от потребителя требуется формирование информационного потока, который он планирует потреблять. Так, сервис YouTube предлагает посетителям несколько миллиардов видеороликов, сгруппированных по 15 категориям, однако

только сам пользователь сервиса решает, какие именно ролики он будет смотреть, а по завершении ролика потребителю предстоит снова делать выбор в пользу следующего ролика, то есть информационный поток зависит от самого потребителя.

Активная и пассивная роли могут присутствовать во всех типах медиа, начиная с наиболее популярного телевидения, заканчивая Интернетом (табл. 1).

Таблица 1

Роли потребителей контента в соотношении с различными типами медиа

Типы медиа	Пассивная роль	Активная роль
Телевидение	Традиционное телевидение	Телевидение «по запросу» (on-demand)
Радио	Традиционное радиовещание	Подкасты, iTunes-радио
Пресса	Традиционные печатные СМИ: газеты и журналы	Интернет-версии печатных СМИ, агрегаторы новостей
Интернет	Агрегаторы новостей, подборки видеоконтента, агрегаторы контента (fishki.net)	Видео-хостинг YouTube, социальный контент

Глобальные тенденции оказывают решающее влияние на переход потребителей к активной роли при формировании информационного потока. Среди наиболее значимых глобальных тенденций можно выделить:

1. Ускорение проникновения Интернета, среды, в которой сам потребитель чаще выполняет активную роль, по сравнению с другими медиа. В этой связи потребление всего контента из традиционных форматов переходит в Интернет.

2. Развитие информационных технологий и, как следствие, возрастание мобильности как потребителя, так и устройств, которые могут использоваться для потребления контента. В этой связи потребители стремятся контролировать не только способ получения контента, но и сам контент.

3. Моральное устаревание традиционных медиа, что приводит к возрастанию моды на новые медиа, требующие выполнения активной роли при формировании информационного потока.

После потребления информационного потока потребители могут рейтинговать и комментировать контент, а также распространять контент среди своих друзей или иных представителей социума, что также является проявлением одной из активностей потребителей.

Под рейтингованием контента понимается процесс выражения мнения пользователя относительно качества и содержания контента, высказываемый в прямой или косвенной форме. В традиционных СМИ этот процесс осуществляется, как правило, косвенно, через мнение, высказанное своим друзьям или знакомым. В социальных сетях этот процесс может заключаться в использовании кнопки «Мне нравится», в сервисе YouTube пользователь может оставить положительную оценку (палец вверх) или отрицательную (палец вниз), в сервисе «Яндекс.Видео» пользователь составляет рейтинг по 5-балльной шкале.

Процесс комментирования контента заключается в выражении развернутого описательного комментария относительно единицы контента целиком или любого из его элементов. В упрощенном виде комментарии можно разделить по тональности на позитивные, негативные и нейтральные. В некоторых сервисах, например в YouTube, комментарии других пользователей также можно рейтинговать.

Распространение контента подразумевает процесс обмена ссылками или описанием контента среди других пользователей. Каналами распространения ссылки на контент могут являться социальные медиа, электронная почта, сервисы обмена мгновенными сообщениями и пр.

По признаку рейтингования и комментирования контента выделяют пассивную и активную роль потребителей.

Пассивная роль при рейтинговании и комментировании контента заключается в том, что потребитель не рейтингует контент и не оставляет комментариев, а также не распространяет контент дальше среди социальной сети своих друзей, то есть после потребления контента не следуют никакие дальнейшие действия.

Активная роль потребителей заключается в активном написании комментариев, выставлении рейтингов и распространении контента. Например, после просмотра видеоролика пользователь выставляет положительную оценку видео, а также оставляет комментарий под ним, при этом не так важно, позитивный, негативный или нейтральный комментарий оставил пользователь.

Учитывая две функции потребителей (формирование информационного потока и рейтингование и комментирование контента), а также два возможных состояния потребителя при выполнении каждой описанной функции (активное и пассивное), можно разрабатывать различные контент-стратегии, которые будут положены в основу продвижения товаров и услуг.

Контент-стратегия — это процессы планирования, разработки и управления контентом в различных формах, видах и типах [6].

В зависимости от роли потребителя и его желания рейтинговать и комментировать контент можно выбрать одну из четырех контент-стратегий (рис. 1).

		<i>Роль потребителя при формировании информационного потока</i>	
		<i>Пассивная</i>	<i>Активная</i>
<i>Роль потребителя при рейтинговании и комментировании</i>	<i>Пассивная</i>	«Наблюдатель» Стратегия вовлечения	Активный зритель Стратегия стимулирования активности
	<i>Активная</i>	«Комментатор» Стратегия качественного контента	«Пожиратель» контента Стратегия помощи выбора

Рис. 1. Матрица выбора контент-стратегии в зависимости от ролей потребителя при формировании информационного потока и рейтинговании и комментировании

Стратегия вовлечения применяется в случае, когда потребитель контента выполняет две пассивные роли: пассивно формирует информационный поток, пассивно рейтингует и комментирует контент. Представителя подобного сегмента называют наблюдателем. Данная стратегия предполагает применение инструментов вовлечения в процесс потребления контента, интегрируя новый контент в существующий, тем самым облегчая процесс выбора нового контента. Например, создание плейлистов на YouTube облегчает потребителю просмотр всех роликов на канале.

Стратегия стимулирования активности используется в случае, если целевая аудитория пассивна в вопросах рейтингования и комментирования контента, но выполняет активную роль при формировании информационного потока. Представителя подобного сегмента называют активным зрителем. В рамках подобной стратегии следует стимулировать активность с помощью поощрения за рейтингование и комментирование или прямо указывать на необходимость оставить комментарий и рейтинг. Например, в конце каждого выпуска +100500 ведущий просит: «Подписывайтесь на новые видео, ставьте лайки...», что является проявлением описанной стратегии.

Стратегия качественного контента применяется для потребителей, которые пассивно формируют информационный поток, но активно комментируют и рейтингуют. Часто суть комментирования сводится к поиску негативных моментов в контенте, на что представитель описанной целевой аудитории не забудет указать. Представителя подобного сегмента называют комментатором. Реализация данной стратегии предполагает создание качественного, часто уникального контента для потребителей, основанного на уникальной концепции с использованием качественных творческих и технических инструментов.

Стратегия помощи выбора применяется для аудитории, которая активно формирует информационный поток, а также активно комментирует и рейтингует его. Представителя подобного сегмента называют пожирателем контента. Стратегия предполагает создание механизмов, обеспечивающих рекомендации по выбору следующей единицы контента для потребления. Например, в сервисе YouTube существует система похожих видео, которая учитывает просмотренные пользователем ролики и рекомендует похожее видео для просмотра.

Выбор одной из указанных стратегий не исключает выбора любой другой, более того, среди аудитории любого контента могут встречаться представители всех четырех сегментов [7], включая комбинирование элементов всех четырех стратегий.

Для разработки контент-стратегии необходимо учитывать форму контента, которая преобладает в информационном потоке. Так, если основной формой является видеоконтент, то формирование потребителем видеопотока может быть затруднительным или с низким качеством содержания.

При выборе конкретной формы контента следует руководствоваться характеристиками особенностей потребления, качеством взаимодействия с потребителем, условиями потребления, необходимой степенью концентрации внимания и способности повлиять на запоминаемость (табл. 2).

Таблица 2

Характеристики форм контента

	<i>Видео контент</i>	<i>Аудио контент</i>	<i>Изображения</i>	<i>Текстовый контент</i>
Объем (электронные носители)	Очень большой	Средний	Меньше среднего	Минимальный
Качество взаимодействия с потребителем	Очень высокое	Высокое	Среднее	Среднее
Количество носителей информации, поддерживающих форму	Среднее	Высокое	Высокое	Очень высокое
Наиболее активная потребительская аудитория	Без ограничений	Чаще молодежь и люди среднего возраста	Чаще молодежь	Без ограничений
Условия потребления контента	Специальные места (например, дом, работа)	Потребление контента часто происходит по пути, иногда в качестве фона	Потребляются от случая к случаю	Потребление в специальных ситуациях, требующих высокой концентрации внимания
Концентрация внимания со стороны пользователя	Высокая	Средняя	Средняя	Максимальная
Запоминаемость	Высокая	Очень высокая за счет создания собственных аналогий в сознании потребителя	Средняя	Как правило, максимальная за счет создания собственных аналогий в сознании потребителя

Стоит отметить, что форма контента определяется в зависимости от задействованных органов чувств в процессе усвоения:

— видеоконтент воздействует на зрение и слух в динамике, то есть кадры видео сменяют друг друга, сопровождая смену звуковыми эффектами;

— аудиоконтент воздействует только на слух, при том выделяют подвиды аудиоконтента: музыкальный, голосовой;

— изображения воздействуют на зрение, но являются статичным контентом, выделяют фотоконтент и иллюстративный контент;

— текстовый контент, несмотря на то что воздейству-

ет на зрение, требует большей концентрации внимания для восприятия.

В практике встречаются смешанные формы контента, когда в видео отображается текст, а закадровый голос читает его. Подобные смешанные формы не рассматриваются в рамках данной работы.

Любая из описанных разновидностей контента обладает рядом преимуществ и недостатков [8], однако часто использование единственной формы является неэффективным, поскольку именно дублирование содержания в различных формах контента позволяет охватить максимальное количество сегментов потребителей, а также в большей степени удовлетворить потребности одного сегмента.

Таблица 3

Преимущества и недостатки форм контента

	<i>Преимущества</i>	<i>Недостатки</i>
Видео контент	Воздействует на несколько органов чувств одновременно. «Модная» форма контента. Позволяет концентрировать внимание потребителей	Требует значительного времени для усвоения. Высокая стоимость производства. Поддерживается не всеми устройствами. Процесс потребления требует больших затрат со стороны потребителя
Аудио контент	Потребление не требует полной концентрации внимания. Потребление возможно на ходу. Наличие возможности ускоренного проигрывания аудиозаписей	Требует значительного времени для усвоения. Поддерживается не всеми устройствами
Изображения	Является универсальным языком, не требующим перевода. Минимальное время на усвоение	Поддерживается не всеми устройствами
Текстовый контент	Удобен для усвоения всеми сегментами потребителей. Позволяет индивидуализировать скорость усвоения материала	Большие объемы текстового контента отталкивают потребителей

В заключение стоит отметить, что направление контент-маркетинга является новой дисциплиной и требует особого внимания со стороны исследователей, поскольку и ее изучение предъявляет особые требования в условиях трансформации поведения потребителей [9]. Важно отсле-

живать тенденции и прогнозировать их быстрее, чем происходит сама трансформация поведения. В противном случае изучение данной предметной области представляется крайне затруднительным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Невоструев П. Ю., Каптюхин Р. В. Контент-стратегия интернет-маркетинга в контексте глобализации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 275—278.
2. Глоссарий. Что такое контент [Электронный ресурс]. URL: <http://glossary.ccteam.ru/k/kontent.html> (дата обращения: 28.03.2014).
3. Стелзнер М. Контент-маркетинг. Новые методы привлечения клиентов в эпоху Интернета. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 161 с.
4. Василенко И. В. Возникновение и развитие сетевой экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 191—196.
5. Невоструев П. Ю. Маркетинговые коммуникации: учеб. пособие. М.: ЕАОИ, 2011. 199 с.
6. Маркетинг в социальных медиа. Интернет-маркетинговые коммуникации / Под ред. Л. А. Данченко. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
7. Ласковец С. В., Каптюхин Р. В., Жидкова О. Н. Применение методов анализа ассортимента в целях совершенствования товарной политики компании // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 141—145.
8. Каптюхин Р. В., Мхитарян С. В., Тультаев Т. А. Трансформация классификационной модели маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 120—124.
9. Невоструев П. Ю., Каптюхин Р. В. Подходы к определению оригинальности контента в рамках контент-маркетинга // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 65—69.

REFERENCES

1. Nevostruev P. Yu., Kaptyukhin R. V. Content strategy of Internet marketing in the context of globalization // Theory and practice of social development. 2014. № 3. P. 275—278.
2. Glossary. What is the content [Electronic resource]. URL: <http://glossary.ccteam.ru/k/kontent.html> (date of viewing: 28.03.2014).
3. Stelzner M. Content Marketing. New methods of attracting customers at the Internet epoch. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2012. 161 p.
4. Vasilenko I. V. The emergence and development of the network economy // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 191—196.
5. Nevostruev P. Yu. Marketing communications: textbook. M.: EOI, 2011. 199 p.
6. Marketing in social media. Internet communications / Ed. by L. A. Danchenok. SPb.: Piter, 2013. 288 p.
7. Laskovets S. V., Kaptyukhin R. V., Zhidkova O. N. Application of methods of analysis for improving the range of commodity policy // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 141—145.
8. Kaptyukhin R. V., Mkhitaryan S. V., Tultaev T. A. Transformation of the classification model of marketing communications in the Internet space // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 120—124.
9. Nevostruev P. Yu., Kaptyuhin R. V. Approaches to the definition of original content within content marketing // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 65—69.

УДК 338.24:621
ББК 65.291.21:34.4

Smetanina Tatiana Vladimirovna,
candidate of economics, assistant professor
of Saint Petersburg State University
of Technology and Design,
Saint Petersburg,
e-mail: smetdipdok@mail.ru

Сметанина Татьяна Владимировна,
канд. экон. наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета технологии и дизайна,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: smetdipdok@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

IMPORTANCE OF THE INTERNATIONAL STANDARDIZATION OF MANAGEMENT IN THE ACTIVITY OF THE MACHINE-BUILDING COMPLEX

Данная статья посвящена применению методики определения географической направленности интеграции международных стандартов менеджмента и финансовой отчетности на примере предприятий машиностроительного комплекса (приборостроение). Результат применения методики определяет направленность развития МСМ (международные стандарты менеджмента) и МСФО (международные стандарты финансовой отчетности) в данной отрасли. Уровень стандартизации в этой отрасли влияет на развитие инвестиционной политики. Для определения направленности интеграции в статье были выделены основные показатели, совокупность изменения значений которых позволила определить возможную направленность интеграционных процессов. Цель определения направленности интеграции МСМ и МСФО — привлечение инвестиций и, как следствие, повышение конкурентоспособности предприятий отрасли.

This article is devoted to application of the method of determination of the geographical focus of integration of the international standards of management and financial reporting on the example of the machine-building complex facilities (instrument-making). The result of the methodology application determines the direction of development of the IMS (international management standards) and IFRS (international financial reporting standards) in the industry. The level of standardization in the industry affects development of investment policies. To determine the direction of integration, the article highlighted major indicators, the total change of value of which allowed determining the possible direction of the integration process. The purpose of identifying the direction of IMS and IFRS integration is to attract investment and, consequently, to improve the competitiveness of the industry.

Ключевые слова: машиностроительный комплекс, приборостроение, конкурентоспособность, коэффициент погрешности, инвестиции, международные стандарты менеджмента, ключевые показатели, уровень аппроксимации, коэффициент корреляции.

Keywords: machine-building complex, instrument-making, competitiveness, rate of error, investment, international standards of management, key performance indicators, level of approximation, correlation coefficient.

Машиностроительный комплекс является ведущим среди межотраслевых комплексов и отражает уровень научно-техни-

ческого прогресса и обороноспособности страны, определяет развитие других отраслей хозяйства. Это обусловлено несколькими причинами: машиностроительный комплекс — крупнейший из промышленных комплексов, на его долю приходится почти 25% стоимости произведенной продукции и около 29% всех работающих в мире людей, а также почти 23% стоимости всех основных промышленных производственных фондов. В экономически высокоразвитых странах на продукцию машиностроительного комплекса приходится 35—40% стоимости промышленного производства и 25—35% занятых, в развивающихся странах чуть меньше. Приборостроение является далеко не последней по важности из всех отраслей машиностроения. Приборостроение — это область науки и техники, включающая исследования, разработки и технологии, направленные на развитие теории, производство и применение приборов и систем, предназначенных для получения, регистрации и обработки информации об окружающей среде, технических и биологических объектах.

На сегодняшний день российский рынок приборостроительных заводов представляет достаточно сильную ветвь в машиностроительной отрасли. В наше время российская приборостроительная отрасль представлена более 40 предприятиями [1].

Необходимо дальнейшее ее развитие, но для это надо создать благоприятный инвестиционный климат в стране. Ведущую роль в механизме привлечения инвестиций имеет международная стандартизация объектов инвестирования. При этом учитывается не только стандартизация систем управления, но и стандартизация финансовой отчетности. Ее отсутствие или неполное соответствие требованиям международного сообщества является отрицательным фактором инвестиционной политики, проводимой внутри страны.

Вышеизложенное определяет актуальность выбранной темы.

Цель — проведение анализа развития приборостроения с учетом развития международной стандартизации и разработка предложений, в частности связанных с направлением интеграции стандартизации систем управления и МСФО в эту отрасль, влияющую на уровень экономической эффективности функционирования комплекса предприятий в целом.

Объектом исследования являются предприятия машиностроительного комплекса.

Область исследования — уровень стандартизации систем менеджмента на рассматриваемых предприятиях.

География размещения приборостроительных предпри-

ятий в нашей стране чрезвычайно широка. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга предприятия приборостроения находятся в огромном количестве городов, среди которых их больше всего в Челябинске, Самаре, Калуге, Рязани, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Краснодаре, Астрахани, Таганроге, Ульяновске, Воронеже и т. д.

Все заводы этой отрасли производят продукцию достаточно широкого номенклатурного ряда.

Потребителями данной продукции являются крупнейшие отрасли промышленности: нефте- и газодобыча, транспортировка ресурсов, обогатительная, химическая, металлургическая, горнодобывающая, пищевая промышленности, медицинская отрасль.

Для оценки развития международной стандартизации на предприятиях приборостроения необходимо определиться с теми ключевыми показателями, которые будут характеризовать данное явление. К ним следует отнести:

1. Зональность — всю территорию России с запада на восток мы предлагаем разбить на 10 частей, присвоив каждой из них соответствующий порядковый номер.

2. Реальные значения ключевых показателей деятельности организаций, рассчитанные в соответствии с выбранной методикой, от трех влияющих на их величину факторов.

2.1. $P_{\text{реальн. значения}}(K_{\text{погрешности}})$ — определение реального значения ключевого показателя деятельности организации в зависимости от коэффициента погрешности.

2.2. $P_{\text{реальн. значения}}(K_{\text{стандартизации}})$ — определение реального значения ключевого показателя деятельности организации в зависимости от коэффициента стандартизации.

2.3. $P_{\text{реальн. значения}}(K_{\text{цикличности}})$ — определение реального значения ключевого показателя деятельности организации в зависимости от коэффициента цикличности.

Степень реализации принципа однозначности на уровне организации при оценке системы менеджмента может быть определена через значения основного ключевого показателя деятельности организации [2].

Итак, скорость интеграции в суверенную территорию ниже, чем на уровень предприятия. Отставание составляет 1—2 года. Это значение мы берем за основу расчета реального значения ключевого показателя деятельности организации в зависимости от коэффициента цикличности.

Задача следующего шага исследования — определение степени корреляции ключевых показателей, характеризующих реализацию адаптации международных стандартов менеджмента в экономику предприятий.

На основании данных, представленных в табл. 1 определяем $P_{\text{реальн. значения}}(K_{\text{погрешности}})$. По рис. 1 определяем удаленность и проявление уровня цикличности в изменении реального значения показателей, характеризующих деятельность предприятий $P_{\text{реальн. значения}}(K_{\text{цикличности}})$. На основании данных Росстата определяем $P_{\text{реальн. значения}}(K_{\text{стандартизации}})$. Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Таблица 1

Анализ приборостроительных предприятий России

Показатели	ЗАО Промышленная группа «Метран»	ОАО «Алтайский приборостроительный завод «Ротор»	ОАО «Приборостроительный завод «ВИБРАТОР»	ОАО «Арзамасский приборостроительный завод им. П. И. Пландина»	ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг»	ООО НПФ «ЭЛЕМЕР»	ООО «Зарайский завод металлоконструкций»	ЗАО «Завод «Энерго-кабель»	ОАО «Ревдинский кирпичный завод»	ООО «Волжский завод текстильных материалов»
1. Веб-сайт	www.metran.ru	www.arzrotor.ru	www.vbrspb.ru	www.oaoarzh.com	www.motozavod.ru	www.elemer.ru	www.zzmk.su	www.energokab.ru	www.revkdz.ru	www.vatvzm.com
2. Год основания	1992	1959	1929	1957	1933	1992	1998	2000	1935	2007
3. Территориальное расположение	г. Челябинск	Алтайский край, г. Барнаул	г. Санкт-Петербург	Нижегородская обл., г. Арзамас	Удмуртская Республика, г. Ижевск	Москва, г. Зеленоград	Московская обл., г. Зарайск	Московская обл., Ногинский р-н, г. Электроугли	Свердловская обл., г. Рева	Волгоградская обл., г. Волжский
4. Длительность технологического цикла	Полный цикл	Полный цикл	Полный цикл	Полный цикл	Полный цикл	Полный цикл	Полный цикл	Оказывающие услуги	Полный цикл	Оказывающие услуги
	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,5	1,0	0,5
5. Влияние размера организационно-управленческой структуры	крупное	крупное	крупное	крупное	крупное	крупное	крупное	крупное	крупное	среднее
	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,67

Окончание табл. 1

Показатели	ЗАО Промышленная группа «Метран»	ОАО «Алтайский приборостроительный завод «Ротор»»	ОАО «Приборостроительный завод «ВИБРАТОР»»	ОАО «Армавирский приборостроительный завод им. П. И. Пландина»	ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг»»	ООО НПЗ «ЭЛЕМЕР»	ООО «Зарайский завод металлоконструкций»	ЗАО «Завод «Энерго-кабель»»	ОАО «Ревдинский кирпичный завод»	ООО «Волжский завод текстильных материалов»
6. Размер организационно-управленческой структуры (численность)	700	1800	303	7000	8000	420	250	350	1000	110
7. Отношение собственности к ОПФ (основные производственные фонды)	0,07475	1	1	0,04888	1	1	1	0,98	0,97	0,6504
8. Наличие учетной политики по финансовому учету	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
9. Наличие учетной политики по налоговому учету	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
10. Наличие учетной политики по управленческому учету	Да	Да	Да	Да	Да	Нет	Нет	Да	Нет	Да
11. Полнота интегрированного документооборота. Коэф. погрешности по стандартам (отличие междунар. от внутр. стандартов)	1	1	1	1	1	2/3	2/3	1	2/3	1
	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,67	0,67	1,00	0,67	1,00
12. Стандарты менеджмента	ГОСТ Р ИСО 9001—2001	ГОСТ РВ 15.002—2003, ГОСТ Р ИСО 9001—2008	ГОСТ Р ИСО 9001—2001 и ГОСТ РВ 15.002—2003	ИСО 9001—2000	ГОСТ ISO 9001—2011, ГОСТ РВ 0015—002—2012, Положениям РК, ОСТ 134—1028—2012, ISO 13485:2003	ГОСТ Р ИСО 9001—2008	ГОСТ Р ИСО 9001—2000	ГОСТ Р ИСО 9001—2011, ГОСТ РВ 15.002—2012	ГОСТ Р ИСО 9001—2000	ГОСТ Р ИСО 9001—2008
	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
13. Объем валовой продукции за 2013 год, тыс. руб.	1775,16	941,00	406357,00	Нет данных	Нет данных	Нет данных	104262,00	2895,47	1075,39	110934,00
Показатель 2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,48	0,01	0,00	0,51
Зона	3	5	2	2	3	2	2	2	3	1

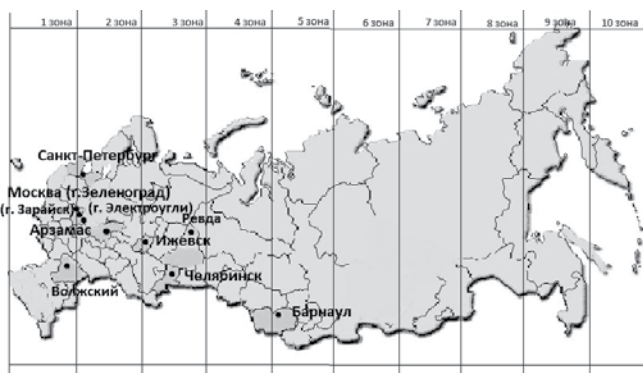

Рис. 1. Определение зональности предприятий адаптационной группы

Таблица 2

Расчет значений реального основного ключевого показателя деятельности предприятий обрабатывающей промышленности

	ООО «Волжский завод текстильных материалов»	ОАО «Приборостроительный завод «ВИБРАТОР»	ОАО «Арзамасский приборостроительный завод им. П. И. Пландина»	ООО НПП «ЭЛЕМЕР»	ООО «Зарайский завод металлоконструкций»	ЗАО «Завод «Энергокабель»	ЗАО Промышленная группа «Метран»	ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг»	ОАО «Ревдинский кирпичный завод»	ОАО «Алтайский приборостроительный завод «Ротор»
$P_{(K_{погрешности})}$ реальн. значения	3,17	5,00	3,05	4,67	4,67	4,48	4,07	5,00	4,64	5,00
$P_{(K_{стандартизации})}$ реальн. значения	0,51	0,00	0,00	0,00	0,48	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00
$P_{(K_{цикличности})}$ реальн. значения	0,20	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,50	1,50	1,50	2,50

Предприятия выстраивают по возрастающей зональности и определяют средневзвешенное значение показателей по каждой из 10 зон.

Таблица 3

Средневзвешенное значение ключевых показателей оценки интеграции стандартов менеджмента в экономику предприятий обрабатывающей промышленности по каждой зоне

	Зона 1	Зона 2	Зона 3	Зона 4	Зона 5	Зона 6	Зона 7	Зона 8	Зона 9	Зона 10
Показатель 1	0,08	0,50	0,30	0,00	0,11	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Показатель 2	0,50	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Показатель 3	0,02	0,41	0,37	0,00	0,20	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

В рассматриваемом примере количество наблюдений $n=10$, количество объясняющих переменных $t=3$. Для проведения корреляционного анализа используем инструмент Корреляция (Анализ данных в Excel). В результате мы получим матрицу коэффициентов парной корреляции (табл. 4).

Таблица 4

Результат корреляционного анализа

	Показатель 1	Показатель 2	Показатель 3
Показатель 1	1		
Показатель 2	-0,38701601	1	
Показатель 3	0,574325166	-0,565498994	1

Анализ матрицы коэффициентов парной корреляции

(см. табл. 4) начинаем с анализа ее первого столбца, где расположены коэффициенты корреляции, отражающие тесноту связи зависимой переменной $P_{(K_{погрешности})}$ реальн. значения с включенными в анализ факторами. При оценке значимости коэффициента корреляции приходим к выводу, что данный показатель зависит от уровня цикличности в большей степени, чем от уровня стандартизации. Уровень стандартизации обратно пропорционально связан с показателем погрешности: чем выше уровень погрешности, тем ниже уровень стандартизации.

При оценке тесноты связи зависимой переменной $P_{(K_{стандартизации})}$ реальн. значения с включенными в анализ факторами приходим к выводу, что этот показатель вторично связан с цикличностью. Учитывая значения коэффициентов парной корреляции и их степени приближенности к 1,

можно сделать вывод о приоритетности факторов, влияющих на уровень проникновения международных стандартов менеджмента. Первичность — цикличность, то есть третий показатель, который в большей степени влияет на уровень погрешности значений ключевых показателей деятельности

предприятий, участвующих в оценке деловой репутации.

В результате определяем графическим способом уровень аппроксимации для обоснования приближения совокупности к одному из стандартных видов математической зависимости (табл. 5).

Таблица 5

Результат определения уровня аппроксимации

Показатели	Уровень аппроксимации при логарифмической зависимости	Уровень аппроксимации при полиномиальной зависимости	Уровень аппроксимации при линейной зависимости	Приближение	По результатам корреляционного анализа приближенность
Показатель 1	0,3331	0,4168	0,3999	полиномиальная зависимость	
Показатель 2	0,5342	0,5839	0,2819	полиномиальная зависимость	
Показатель 3	0,2027	0,318	0,3157	полиномиальная зависимость	полиномиальная зависимость

Полиномиальная зависимость покажет направленность интеграции стандартов через обрабатывающие отрасли. На рис. 2 представлена полиномиальная зависимость направленности по показателю 3.

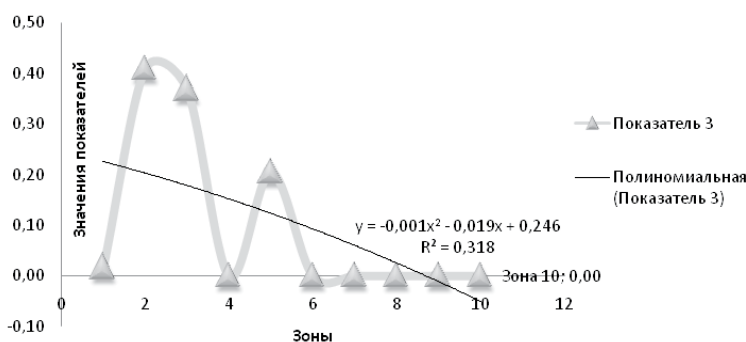

Рис. 2. Направленность распространения МСМ через предприятия обрабатывающих отраслей

Данный тренд представляет собой направленность интеграции международной стандартизации для предприятий обрабатывающих отраслей, в частности предприятий приборостроения.

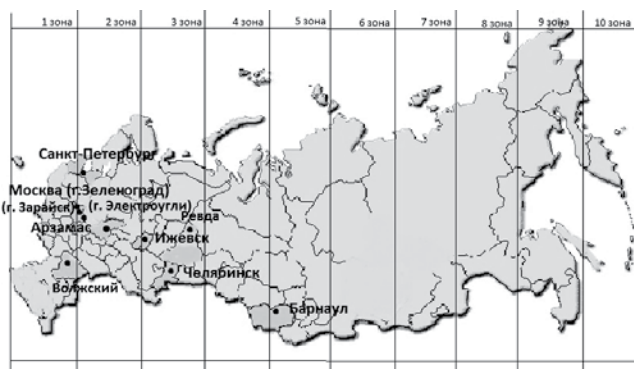

Рис. 3. Территориальное размещение рассматриваемых приборостроительных предприятий на карте РФ

Это характеризует направленность международной стандартизации менеджмента в системе предприятий наиболее прогрессивной части обрабатывающих отраслей с длительным технологическим циклом производства. Может быть использовано в качестве новых подходов к региональному планированию [3].

Направление интеграции может быть взято за основу в выборе места и времени государственной поддержки этой отрасли в части повышения уровня стандартизации

систем управления и, как следствие, улучшения инвестиционной привлекательности данных предприятий.

Важнейшим условием развития предприятий отрасли должна служить государственная промышленная политика, которая могла бы обеспечивать создание благоприятного климата для привлечения в отрасль как внутренних, так и внешних инвестиций для проведения технологического перевооружения предприятий отрасли [4]. В нашем случае этой политике необходимо развиваться с учетом

МСМ и МСФО, а также определения вектора направленности интеграции международной стандартизации в отрасли. Необходимость этих действий связана с конкурентоспособностью суверенной территории в целом [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Портал КИП и Автоматика. Приборостроительные заводы России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kipexpert.ru/component/content/article/131-produkciya/485-priborostroitelnye-zavody-rossii.html?directory=1> (дата обращения: 20.03.2014).
2. Современная экономика: анализ состояния и перспективы развития: монография. Кн. 3 / Под общ. ред. Н. С. Клунко. Ставрополь: Логос, 2013. 155 с.
3. Максимова И. В. Направления совершенствования регионального социально-экономического планирования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 84—89.
4. Качалин Д. С. Построение структуры источников и направлений использования финансовых ресурсов предприятий реального сектора // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 58—64.
5. Сметанина Т. В. Эскалация стандартов менеджмента в экономику организаций России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 160—164.

REFERENCES

1. Portal of instrumentation and automation. Instrument engineering facilities of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.kipexpert.ru/component/content/article/131-produkciya/485-priborostroitelnye-zavody-rossii.html?directory=1> (date of viewing: 20.03.2014).
2. The modern economy: analysis of current state and perspectives of development: monograph. Book 3 / Edited by N. S. Klunko. Stavropol: Logos, 2013. 155 p.
3. Maximova I. V. Directions of improvement of the regional socio-economic planning // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 84—89.
4. Kachalin D. S. Building of the structure of the sources and trends of use of the funds of the real sector companies // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 58—64.
5. Smetanina T. V. Escalation of management standards into economics of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 160—164.

УДК 331.105.44

ББК 66.72

Zubkov Sergey Alexandrovich,
 doctor of philosophy,
 professor of the department of political science,
 history and social technologies
 of Moscow State University of the Ways of Communication,
 Moscow,
 e-mail: l@mail.ru

Зубков Сергей Александрович,
 д-р филос. наук, профессор кафедры
 политологии, истории и социальных технологий
 Московского государственного университета
 путей сообщения,
 г. Москва,
 e-mail: l@mail.ru

Kosolapov Gennady Nikolaevich,
 general secretary of the International Confederation
 of the trade unions of the railway-men
 and transport builders (МСПИ),
 Moscow,
 e-mail: icturwtb@yandex.ru

Косолапов Геннадий Николаевич,
 генеральный секретарь Международной Конфедерации
 профсоюзов железнодорожников
 и транспортных строителей (МКПЖ),
 г. Москва,
 e-mail: icturwtb@yandex.ru

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

THE TRADE UNION MOVEMENT AS A FACTOR OF STRENGTHENING OF THE ECONOMIC AND SOCIAL ENVIRONMENT OF THE INDEPENDENT STATES

Данная статья посвящена исследованию процесса развития профсоюзного движения на евразийском пространстве в постсоветский период, так как данная проблема является актуальной в связи с укреплением его социально-политического статуса и защитных функций, а также с ростом социально-экономической напряженности.

В статье анализируются и систематизируются основные данные по теме, дается интерпретация различных точек зрения на становление и развитие профсоюзного движения на евразийском пространстве, представлены обобщенные выводы об основных его этапах. Сейчас профсоюзные организации на законодательной основе активно участву-

ют в разработке программ занятости, предлагают меры по социальной защите рабочих, уволенных в результате реструктуризации или ликвидации предприятия, осуществляют контроль над занятостью населения и соблюдением законодательства в этой области.

This article is devoted to investigation of the process of development of the trade Union movement at the Eurasian area in the post-Soviet period, as this problem is urgent in connection with the strengthening of its socio-political status and protective functions, as well as with the growth of socio-economic tensions. The article analyzes and systematizes the basic data of the topic, gives interpretation of various points of view on the formation and development of the trade Union movement in the Eurasian area, generalizes conclusions about the main stages. Currently, the trade Union organizations actively participate in the development of employment programs, propose measures for social protection of the workers fired as a result of restructuring or liquidation of the company, monitor employment of population and observance of the legislation in this area.

Ключевые слова: профсоюзное движение, постсоветский период, евразийское пространство, Всеобщая конфедерация профсоюзов, профессиональная организация, социально-политический статус, профсоюзный центр, профессиональный союз, отраслевая профсоюзная организация, гражданское общество.

Keywords: trade union movement, post-Soviet period, Eurasian space, General Confederation of trade unions, professional organization, socio-political status, trade union center, trade union, industrial trade union organization, civil society.

Введение. В конце XX века человечество вступило в эпоху глобализации — процесс, охвативший не только экономику, социально-трудовую сферу, но и культуру в целом — целостную среду обитания человечества, созданную руками и разумом людей разных стран на протяжении тысячелетий исторического развития. Политический процесс на евразийском пространстве в постсоветский период имеет в своем содержании наряду с межгосударственными связями также отношения, участниками которых выступают институты гражданского общества. Анализ этих отношений включает в себя сотрудничество национальных профсоюзных центров стран СНГ, а также международных отраслевых объединений.

Участие профсоюзов в институционализации системы взаимодействия государства и гражданского общества ограничивается рамками деятельности трехсторонних комиссий, что обусловлено зависимостью хозяйствующих субъектов от административных структур и низкой социальной активностью граждан. Роль профсоюзных объединений в двух- и трехсторонних отношениях свидетельствует об отсутствии у них четкой тактики участия в решении вопросов регионального развития.

Среди российских исследователей, занимавшихся данной проблематикой, можно выделить работы Г. Алексева, М. Баглая, В. Борисова и И. Бородиной (стараются на основе анализа деятельности и структурных изменений в профсоюзном движении России ответить на вопрос о том, почему уходят первички. Для того чтобы ответить на этот

вопрос, авторы рассматривают различные причины недовольства первичек деятельностью вышестоящих отраслевых и территориальных профсоюзных структур), В. Заводчикова, М. Карелиной (ставится вопрос о том, насколько взаимодействие социальных партнеров носит действительно партнерский характер; рассматриваются причины слабости профсоюзов в социальном диалоге, дающие возможности работодателям и (в первую очередь) региональным властям устанавливать свои правила игры), И. Козиной (дает обоснование причин, объясняющих тенденцию к все большей автономности первичных организаций в структуре профсоюзной организации), А. Кузнецова (работа автора посвящена проблемам первичной организации и ее месту в структуре профсоюзов России. Говоря о проблемах суверенизации первичных профсоюзных организаций, автор логично формулирует вопрос о том, что саботаж решений вышестоящих профорганов и «разгул суверенитетов» с точки зрения добровольного характера объединения являются нонсенсом и свидетельствуют о серьезном кризисе профсоюзного движения. Анализируя процессы, протекающие в профсоюзном движении, автор пытается прийти к пониманию того, «почему профсоюзное единство все более становится вопросом исполнительской дисциплины, а не солидарности»), В. Носача, Е. Плотноковой (материал посвящен изучению практики колдоговорной работы отраслевых обкомов), Л. Сидоровой, В. Смольникова и др.

В 2001 году вышел первый сборник «Профсоюзное пространство современной России», в котором было дано своего рода введение в суть проблем, с которыми столкнулось профсоюзное движение России. Фокус был сделан на описании и анализе процессов и проблем профсоюзной организации на уровне предприятия и региональном уровне. В сборнике «Профсоюзы России: организация или пространство», как уже видно из названия, исследователи пошли дальше и навели фокус на взаимоотношения уровней профсоюзной организации. Целью такого подхода было стремление понять реальную глубину проблемы и выяснить, насколько профсоюзы являются управляемой, монолитной организацией и насколько это лишь набор многочисленных профструктур, объединенных единым именем.

Таким образом, целью статьи является исследование процесса развития профсоюзного движения на евразийском пространстве в постсоветский период, так как данная проблема является актуальной в связи с укреплением его социально-политического статуса и защитных функций, а также с ростом социально-экономической напряженности.

Изложение основного материала. Профсоюзное движение на евразийском пространстве развивается на основе как двухсторонних, так и многосторонних связей национальных профсоюзных центров стран СНГ в рамках такого международного профсоюзного объединения, как Всеобщая конфедерация профсоюзов (ВКП). Данная организация получила международный статус 16 апреля 1992 года, когда IV пленумом Совета ВКП была принята Декларация о реформировании Всеобщей конфедерации профсоюзов в международное профсоюзное объединение. Декларацию подписали семь национальных профцентров: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана. ВКП создавалась в целях укрепления общего экономического и социального пространства независимых государств, сотрудничества профессиональных союзов по защите прав трудящихся, содействия охране прав и гарантий деятельности профессиональных союзов,

укрепления международной профсоюзной солидарности, исходя из провозглашенных объединениями профсоюзов государств и международными отраслевыми объединениями профессиональных союзов принципов независимости и признавая их право на самостоятельность [1].

В настоящее время ВКП объединяет в своих рядах 10 национальных профцентров стран СНГ и 28 международных отраслевых объединений профсоюзов общей численностью около 50 млн членов профсоюзов. Она имеет широкое признание на межгосударственном уровне в Содружестве Независимых Государств, о чем свидетельствует ее статус наблюдателя в Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ. Также ВКП играет активную роль в работе Экономического совета СНГ, отраслевых и других уставных межгосударственных органов Содружества [Там же].

В условиях острого политического и социально-экономического кризиса, который сейчас происходит на Украине, ВКП выразила свою солидарность с трудящимися этой страны. В опубликованном 5 марта 2014 года заявлении отмечается: «ВКП и ее членские организации выражают твердую поддержку трудящимся и профсоюзам Украины и призывают политические силы страны принять необходимые меры в целях восстановления демократического порядка и обеспечения нормальных условий для труда и достойной жизни народа. ВКП убеждена в том, что все общественно важные вопросы должны решаться с учетом мнения и участием профсоюзов как выразителей интересов широких кругов трудящихся» [2].

Большой вклад в реализацию целей и задач ВКП вносят профсоюзы железнодорожников и транспортных строителей стран СНГ, которые объединены в международную отраслевую профсоюзную организацию «Международная конфедерация профсоюзов железнодорожников и транспортных строителей» (МКПЖ). Она была создана 14 мая 1992 года руководителями отраслевых профсоюзов Армении, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, России, Туркменистана и Узбекистана. В подписанной ими Декларации в качестве основных целей и задач МКПЖ были определены следующие: выработка скоординированной социальной политики на железных дорогах стран региона; обеспечение солидарных действий по защите прав и интересов членов профсоюзов; взаимодействие со специализированными международными организациями и межгосударственными органами Содружества, международными профсоюзными объединениями. С 19 января 1994 года МКПЖ находится в рядах ВКП [3].

Российское профсоюзное движение разделено на два конкурирующих лагеря: официальные профсоюзы, подчиненные Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), наследнице Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), и альтернативные (свободные) профсоюзы, которые никак не связаны с ФНПР. Сегодня в области трудовых отношений доминирует ФНПР. Став преемницей ВЦСПС, она получила все его материальные и финансовые ресурсы. По заявлениям ФНПР, организация объединяет 95% всех состоящих в профсоюзах трудящихся, что составляет 24,2 млн членов, или 45% всех работающих в России. В 1989 году в Москве в качестве альтернативы ВЦСПС был создан «Соцпроф» (Ассоциация социалистических (позднее — социальных) профсоюзов), реформированный в 1991 году. «Соцпроф» занимает автономную позицию в профсоюзном движении,

дистанцируясь как от ФНПР, так и от альтернативных союзов, к числу которых относятся Конфедерация труда России (КТР), Всероссийская конфедерация труда (ВКТ) и ряд более мелких профсоюзных организаций.

Активное участие в работе МКПЖ принимает Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей (РОСПРОФЖЕЛ). Создав эту организацию вместе с другими железнодорожными профсоюзами стран СНГ, РОСПРОФЖЕЛ проявил дальновидность и политическую волю. Он смог этим шагом сохранить традиционное взаимодействие в отраслевом профсоюзном движении, обеспечить координацию солидарных действий профсоюзов.

Первостепенное значение для РОСПРОФЖЕЛа имеет укрепление его связей с железнодорожными профсоюзами стран СНГ, которое достигается в процессе деятельности в рамках МКПЖ. Возможности для этого открывают конгрессы МКПЖ, созываемые не реже одного раза в пять лет, а в период между конгрессами — советы, в ежегодных заседаниях которых принимают участие руководители членских организаций.

Конгрессы МКПЖ проходят под знаком единства и консолидации действий отраслевых профсоюзов железнодорожников и транспортных строителей во имя защиты прав и интересов тружеников отрасли. В период с 1992 по 2012 год делегации РОСПРОФЖЕЛа участвовали в работе четырех конгрессов этой организации.

Особое значение имел II Конгресс Конфедерации, который проходил в Бресте 14 ноября 2002 года. Центральной темой было обсуждение влияния реформирования железнодорожного транспорта на структуру профсоюзов и организацию коллективно-договорной работы. Этому вопросу посвящали доклады руководители профсоюзов. Они отмечали общую точку зрения, которая заключалась в том, что профсоюзы осознают необходимость проведения реформ с целью создания современного, эффективного железнодорожного комплекса, конкурентоспособного на рынке транспортных услуг. Однако это не должно достигаться за счет ухудшения социального и правового положения работников, перекладывания бремени социальных издержек реформирования на плечи трудящихся [4].

Принимая участие в четвертом конгрессе МКПЖ, проходившем в декабре 2013 года в Баку, делегация РОСПРОФЖЕЛа обсуждала вопросы стратегии и тактики совместной работы железнодорожных профсоюзов стран СНГ в условиях социально-экономического кризиса. Делегатами конгресса предложено активизировать работу по защите прав человека и профсоюзных свобод, обеспечение социальной справедливости и достойного труда. При этом отмечено, что общей остается системная проблема — заниженная цена рабочей силы во всех странах. По оценкам, на один доллар заработной платы железнодорожник СНГ производит продукции в 2—6 раз больше, чем, например, работник североамериканских железных дорог.

Общей тенденцией является рост производительности труда. Это достигнуто не только за счет роста объемов перевозок, но и за счет сокращения численности работников. Меняется структура заработной платы, появилась тенденция отказа от выслуги лет. В новых системах оплаты труда стаж работы учитывается в размерах базовых ставок.

В этих условиях актуальной задачей МКПЖ и членских организаций остается борьба за повышение зарплаты, за выведение ее на достойный уровень. Необходимо вести работу по развитию социального диалога, добиваться при-

нятия мер по противодействию распространению наемного труда, по обеспечению социальной защиты лиц, работающих на условиях нестандартной занятости, в том числе заемных работников. А также добиваться включения в отраслевые соглашения и коллективные договоры гарантий развития новых, в том числе страховых, форм социальной защиты — негосударственного отраслевого пенсионного обеспечения, страхования жизни от болезни, от безработицы, несчастных случаев на производстве и профзаболеваний; продолжить уделять внимание состоянию пенсионного обеспечения и положению ветеранов отрасли в странах региона и осуществлять меры для улучшения их социального положения [5].

На конгрессе прошло обсуждение основных направлений деятельности МКПЖ на 2013—2017 годы, среди которых были отмечены такие, как: сохранение единства отраслевых профсоюзов; выработка общего подхода для создания наиболее эффективных форм функционирования железных дорог; инициирование изменения в закон большинства стран СНГ в связи со сменой собственников (по причине продажи акций) отдельных железнодорожных предприятий, дочерних компаний. Делегация РОСПРОФЖЕЛа выступила с предложением наметить выполнение работы по укреплению сферы общественного обслуживания, развитию доступных для всех образования и здравоохранения, профессионально-технического обучения, в целом по увеличению инвестиций в человека [Там же].

Укрепляя братские связи с железнодорожными профсоюзами стран СНГ и Балтии, руководители РОСПРОФЖЕЛа принимают активное участие в работе Совета МКПЖ. Для работников членских организаций проводятся семинары по вопросам социальной защиты, организационной работы, финансовой политики профсоюзов.

Информационному обеспечению членских организаций в первую очередь служит Информационный бюллетень МКПЖ. Создана и поддерживается информационная база, включающая большое количество материала о деятельности профсоюзов, коллективных договорах и соглашениях, принятых на межгосударственном уровне решениях по работе железнодорожной отрасли стран региона. Выпускаются информационно-аналитические материалы о реформировании железных дорог региона. Совет МКПЖ регулярно получает от железнодорожных администраций стран СНГ и Балтии сведения об основных социально-экономических показателях работы железных дорог, на основе которых готовятся аналитические материалы для членских организаций [3].

Благодаря постоянному обмену опытом работы на семинарах, совещаниях многие начинания РОСПРОФЖЕЛа получили широкое распространение. Например, принцип индексации зарплаты, работа с отдельными профессиональными группами профсоюза в секциях и комиссиях центральных органов и дорожных комитетов, развитие информационной деятельности и т. д.

В процессе систематического обмена опытом членские организации МКПЖ приняли важное решение о необходимости выделения такого самостоятельного направления их совместной деятельности, как вовлечение в работу профсоюзных организаций молодежи. Это находит выражение в организации и проведении форумов молодежи при активном участии РОСПРОФЖЕЛа. Целями форумов являются обобщение опыта работы членских организаций МКПЖ в области молодежной политики,

вовлечение молодых людей в активную профсоюзную деятельность, развитие партнерских связей и укрепление сотрудничества между молодыми активистами профсоюзов стран СНГ и Балтии. Не менее важно и то, что в ходе дискуссий, неформального общения участники могут высказаться о том, что, по их мнению, необходимо для того, чтобы сделать участие молодежи в профсоюзах более активным, лучше использовать ее потенциал, привлечь и заинтересовать молодежь работой на железнодорожном транспорте.

Первый молодежный форум состоялся в Москве 26—27 июня 2008 года. Он проходил по инициативе МКПЖ с участием и подготовкой РОСПРОФЖЕЛа. В нем приняли участие 130 молодых работников железнодорожного транспорта — профсоюзных активистов. Основным вопросом форума стал «Опыт работы членских организаций МКПЖ с молодежью» [6].

21—24 сентября 2010 года в Одессе прошел II Международный молодежный форум профсоюзов железнодорожников, на который прибыли делегации из Армении, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, России, Украины и Эстонии — всего около 70 участников.

Главной проблемой, обсуждавшейся на форуме, был поиск и обобщение опыта эффективной работы молодежи в профсоюзном движении. Как отметил в своем выступлении генеральный секретарь МКПЖ Г. Косолапов, одной из важнейших задач молодежного движения Конфедерации является развитие партнерских связей и укрепление сотрудничества между молодыми активистами профсоюзов. «Подобное взаимодействие не может ограничиваться только встречами на форумах или заседаниях молодежной комиссии, — подчеркнул он. — Эти встречи помогают установить прямые связи между профсоюзами, а дальше следует вести обмен информацией и опытом работы, подумать о совместных инициативах и акциях. Надо учиться самим находить формы международного взаимодействия молодежных структур наших профсоюзов» [7].

На форуме обсуждался опыт проведения молодежной политики РОСПРОФЖЕЛа, одним из направлений которой является поддержка молодых профсоюзных лидеров. Для более полного ознакомления участников форума с реализацией молодежной политики РОСПРОФЖЕЛа был продемонстрирован видеofilm.

Большой интерес участников форума вызвала работа секций «Молодежь в профсоюзах: стратегия, мотивация и развитие», «Молодежь в системе социального партнерства», «Роль молодежи в развитии профессиональных и гуманитарных связей между железнодорожниками стран СНГ и Балтии», «Место и роль молодежи в информационной политике профсоюзов». Причем итоги работы последней секции было решено оформить в виде отдельной резолюции форума.

Проанализировав профсоюзное движение на евразийском пространстве на современном этапе, можно выделить тенденцию его развития на многосторонней основе в рамках ВКП при активном участии в деятельности этой международной профсоюзной организации МКПЖ и РОСПРОФЖЕЛа как ее составной части. Вместе с тем этот анализ не будет полным без рассмотрения проблем, с которыми сталкивается МКПЖ.

Данным проблемам было посвящено 45-е заседание Совета МКПЖ, которое состоялось в Сочи 1—3 апреля 2014 года. В частности, отмечалась необходимость вне-

дрения новых форм привлечения работающих в члены профсоюза, в том числе рыночных стимулов мотивации профсоюзного членства, усиления внимания к молодежи. Говорилось также о противодействии «желтым» профсоюзам, которые в ряде стран региона дискредитируют деятельность профсоюзных органов. Выступающие подчеркивали необходимость проявлять осознанность и взвешенность в ходе приватизационных процессов, навязываемых администрациями в ряде государств [8].

Выводы. Прошедшие годы убедительно доказали верность сделанного в начале 90-х годов XX века профсоюза-

ми стран СНГ исторического выбора — образования ВКП. За это время Конфедерация превратилась во влиятельное региональное международное профсоюзное объединение, признанное межгосударственными структурами, органами законодательной и исполнительной власти и предпринимателями постсоветских стран.

Сейчас профсоюзные организации на законодательной основе активно участвуют в разработке программ занятости, предлагают меры по социальной защите рабочих, уволенных в результате реструктуризации или ликвидации предприятия, осуществляют контроль над занятостью населения и соблюдением законодательства в этой области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ВКП вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkp.ru/about.html> (дата обращения: 23.03.2014).
2. Заявление Всеобщей Конфедерации Профсоюзов по поводу событий на Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkp.ru/34/39/56/77.html> (дата обращения: 07.03.2014).
3. Международная конфедерация профсоюзов железнодорожников и транспортных строителей (МКПЖ) [Электронный ресурс]. URL: www.mkpz.org (дата обращения: 03.03.2014).
4. Отчетный доклад Председателя МКПЖ А. Васильева на II Конгрессе Конфедерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mkpz.org> (дата обращения: 01.03.2014).
5. В Баку обсудили направления деятельности железнодорожников на 2013—2017 годы [Электронный ресурс]. URL: 1news.az (дата обращения: 23.03.2014).
6. 1-й Международный молодежный форум профсоюзов железнодорожников [Электронный ресурс]. URL: http://www.mkpz.org/dmdocuments/index.php?option=com_content&task=view&id=45&Itemid=51 (дата обращения: 23.03.2014).
7. 2-й Международный молодежный форум профсоюзов железнодорожников [Электронный ресурс]. URL: http://www.mkpz.org/dmdocuments/index.php?option=com_content&task=view&id=45&Itemid=51 (дата обращения: 23.03.2014).
8. Совет Международной Конфедерации Профсоюзов Железнодорожников и Транспортных строителей собрался в Сочи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkp.ru/news/2014/04/1915.html> (дата обращения: 07.04.2014).

REFERENCES

1. VKP yesterday and today [Electronic resource]. URL: <http://www.vkp.ru/about.html> (date of viewing: 23.03.2014).
2. Statement by the General Confederation of the trade Unions about events in Ukraine [Electronic resource]. URL: <http://www.vkp.ru/34/39/56/77.html> (date of viewing: 07.03.2014).
3. The international Confederation of trade unions of railway-men and transport builders (MKG) [Electronic resource]. URL: www.mkpz.org (date of viewing: 03.03.2014).
4. Report of the Chairman of MKG A. Vasiliev at the II Congress of the Confederation [Electronic resource]. URL: <http://www.mkpz.org> (date of viewing: 01.03.2014).
5. Directions of the railway-men activity for 2013—2017 were discussed in Baku [Electronic resource]. URL: 1news.az (date of viewing: 23.03.2014).
6. The 1st international youth forum of the trade unions of railway-men [Electronic resource]. URL: http://www.mkpz.org/dmdocuments/index.php?option=com_content&task=view&id=45&Itemid=51 (date of viewing: 23.03.2014).
7. The 2nd international youth forum of trade unions of the railway-men [Electronic resource]. URL: http://www.mkpz.org/dmdocuments/index.php?option=com_content&task=view&id=45&Itemid=51 (date of viewing: 23.03.2014).
8. The Council of the International Confederation of trade Unions of Railway-men and Transport builders gathered in Sochi [Electronic resource]. URL: <http://www.vkp.ru/news/2014/04/1915.html> (date of viewing: 07.04.2014).

УДК 658.114:338.468

ББК 65.290.31:65.206

Valuyskiy Aleksey Vladimirovich,
candidate of law, associate professor
of the department of economics and management
of Volgograd State Technical University,
Volgograd,
e-mail: vav3466@yandex.ru

Валуйский Алексей Владимирович,
канд. юрид. наук, доцент кафедры экономики
и управления Волгоградского государственного
технического университета,
г. Волгоград,
e-mail: vav3466@yandex.ru

Manylova Olga Sergeevna,
working on the master degree at the department
of economics and management
of Volgograd State Technical University,
Volgograd,
e-mail: manilovaolga@mail.ru

Маньлова Ольга Сергеевна,
магистрант кафедры экономики и управления
Волгоградского государственного технического
университета,
г. Волгоград,
e-mail: manilovaolga@mail.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ НА ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МАЛОГО БИЗНЕСА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСЛУГ

ASSESSMENT OF IMPACT OF CERTAIN INTERNAL FACTORS ON THE FINANCIAL PERFORMANCE OF SMALL BUSINESS OF PROFESSIONAL SERVICES

В статье рассматриваются два внутренних фактора влияния на финансовый результат организации малого бизнеса — маркетинг и организационная культура; обоснована значимость изучения данной темы с акцентом на сферу профессиональных услуг. Выявлены основные проблемы изучения данных внутренних факторов в современном мире. Анализируются подходы к совершенствованию элементов маркетинга, обосновываются приоритетные и наиболее эффективные из них с точки зрения финансовых показателей. Освещена проблематика рынка профессиональных услуг. Рассмотрена необходимость учитывать взаимосвязь маркетинга и организационной культуры как факторов влияния на финансовые показатели применительно к российским реалиям.

This article examines two internal factors of impact on the financial result of small business: marketing and organizational culture; the value of studying the topic focusing on the professional services is justified. The main problems in studying the data of internal factors in the modern world are identified. Approaches to improving the marketing elements are analyzed; priority and the most effective ones in terms of financial performance indicators are justified. The problems of the professional services market are highlighted. The necessity of consideration the interaction of marketing and organizational culture as the factors influencing the financial performance indicators is examined in terms of the Russian reality.

Ключевые слова: фактор, маркетинг, услуги, малый бизнес, финансовый результат, прибыль, элементы (инструменты) маркетинга, рынок профессиональных услуг, организационная культура, элементы организационной культуры.

Keywords: factor, marketing, services, small business, financial result, income, items (tools) of marketing, market of professional services, organizational culture, elements of organizational culture.

В современных условиях на результат деятельности организации малого бизнеса в сфере профессиональных услуг влияет огромное количество факторов. Фактор [1] рассматривается как движущая сила, влияющая на результат деятельности организации. Стоит различать понятия «фактор» и «причина». Так, фактор представляет собой динамический компонент причины явления или действия, в то время как причина — статический компонент, представляющий собой факт случившегося.

В экономическом анализе факторы в зависимости от общих признаков квалифицируют по различным группам. Это делается для того, чтобы точнее определить значимость каждого фактора, его роль и место в организации.

В зависимости от того, какое влияние (решающее или нерешающее) они оказывают на организацию, они делятся на основные и второстепенные. В зависимости от объективности — на объективные (не зависят от человека) и субъективные (зависят от человека). В зависимости от особенности их влияния — на общие (характерные для всех организаций) и специфические (уникальны для каждой организации). Также делят на экстенсивные (вызывают количественный прирост чего-либо) и интенсивные факторы (качественный прирост), внутренние (зависят от деятельности организации, можно воздействовать непосредственно и в любое время) и внешние (не зависят от деятельности организации).

Существуют и другие группы факторов [2, с. 42], которые, с одной стороны, обеспечивают устойчивое развитие организации, а с другой — представляют для нее дополнительные риски.

Авторы в данной статье ставят цель уделить внимание отдельным внутренним факторам и с точки зрения данной классификации детально исследовать влияние двух взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга факторов на деятельность организации малого бизнеса в сфере профессиональных услуг: организационной культуры как основы организации и маркетинга как специфического внутреннего фактора.

Разделение факторов на внешние и внутренние пред-

ставляет практическое обоснование для руководителя организации. Информация о них позволяет выявить внутренний потенциал организации, ее сильные и слабые стороны, возможности, представляемые внутренними факторами, и угрозы со стороны внешних факторов.

От того, эффективна организация или нет, во многом зависит ее финансовый результат [3].

Финансовые результаты характеризуются суммой полученной прибыли и уровнем рентабельности.

В данной работе авторы рассматривают прибыль (убыток) как финансовый результат деятельности организации, характеризующий абсолютную эффективность работы и образовавшийся в процессе ее хозяйственной деятельности за отчетный период.

Поддержание необходимого уровня прибыльности — объективная закономерность нормального функционирования организации в условиях рыночной экономики, а увеличение прибыли в долгосрочной перспективе — одна из многих целей коммерческих организаций, которую в современных условиях невозможно достичь без детального исследования влияния каждого фактора (как внешнего, так и внутреннего) на деятельность малого бизнеса.

Актуальность исследования оценки влияния организационной культуры и маркетинга на финансовый результат деятельности организации малого бизнеса в сфере профессиональных услуг обусловлена тем, что знание о них позволяет составлять среднесрочные и долгосрочные прогнозы развития и принимать правильные управленческие решения, которые приводят к устойчивому функционированию организации малого бизнеса на российском рынке.

Сфера услуг — быстро развивающийся сектор современной экономики, который на сегодняшний день в условиях рыночного хозяйства России становится все более значимым, так как создает многочисленные рабочие места и вносит существенный вклад во внутренний национальный продукт, а в последнее десятилетие привел к значительному изменению структуры российского валового внутреннего продукта [4].

По данным официальной статистики за 2013 год, около 70% населения РФ работает в сфере услуг [5].

Понятие услуги шире понятия профессиональных услуг, так как, несмотря на огромное разнообразие видов деятельности и коммерческих занятий последних, включают только юридические, налоговые, инженерные, архитектурные виды услуг, бухгалтерский учет, а также прочие услуги, выраженные в виде неограниченных консультаций и широкого спектра технической поддержки с участием в этой деятельности профессиональных высококвалифицированных специалистов на договорных условиях в двустороннем порядке.

По мнению авторов, профессиональные услуги можно определить как предпринимательскую деятельность, носящую нематериальный характер, призванную удовлетворять потребности третьих лиц за вознаграждение.

В этом плане профессиональные услуги обладают рядом свойств:

- 1) влияние личности на результат;
- 2) неотделимость от источника предоставления услуги;
- 3) вариативность — различные виды предоставления услуг, способы предоставления и качество;
- 4) риск со стороны потребителя услуги ввиду неопределенности результата;
- 5) личностный характер выполнения услуги — услуга

выполняется для определенного сегмента рынка;

6) выполняется в условии реального времени — свойство несохраняемости услуги;

7) неосязаемость — можно лишь описывать, предвидеть преимущества, которые появятся в результате оказания услуги;

8) контакт с клиентом.

На протяжении последних 20 лет наблюдается положительная динамика увеличения количества малых предприятий и роста занятости в сервисной сфере, в том числе в сфере профессиональных услуг, по сравнению со сферой материального производства. Это обусловлено несколькими причинами, характерными для данной отрасли экономики: неотделимостью производителя от потребителя, локальным характером услуги, высокой чувствительностью к изменениям рыночной конъюнктуры, спецификой организации производства услуг и самого процесса оказания услуги, ее неотделимостью от потребителя и рядом других.

Малый бизнес объективно существует и развивается как относительно самостоятельный сектор экономики страны, способствует решению социальных и экономических вопросов государства [6, с. 56].

Проблемы, связанные с развитием малого бизнеса, исследовали многие отечественные и зарубежные ученые, которые внесли существенный вклад в теорию и практику становления и развития малого бизнеса, в том числе в сфере профессиональных услуг. Среди них можно выделить В.К. Андреева и его работу «Правовые проблемы малого предпринимательства», А.В. Бусыгина («Предпринимательство»), А.С. Виленского по малому бизнесу и сфере услуг, труд А.А. Шулуса «Совершенствование социально-трудовых отношений в сфере малого бизнеса», работы И. Шумпетера.

Однако многие вопросы теоретического и прикладного характера требуют более детального изучения и проработки. К ним можно отнести:

— особенности развития малого бизнеса в РФ, в том числе в сфере профессиональных услуг;

— выявление основных факторов, влияющих на деятельность организаций малого бизнеса;

— влияние организационной культуры как внутреннего фактора в развитии малого бизнеса;

— особенность маркетинга в сфере услуг от маркетинга в производственной сфере и его влияние на прибыль организации малого бизнеса;

— выявление взаимосвязи маркетинга и организационной культуры организации малого бизнеса в сфере профессиональных услуг.

Исследование этих и других вопросов имеет большое научное и практическое значение.

Вышеперечисленные основные моменты, на наш взгляд, обуславливают актуальность темы исследования.

Российский рынок профессиональных услуг достаточно развит, на нем функционирует множество мелких, средних и крупных организаций, обслуживающих различные сегменты рынка. Они различаются по размерам, выручке, квалификации, опыту работы и т. д. Проблемой такого рынка является разрозненность, сосредоточение наиболее крупных и профессиональных организаций, а также платежеспособных и лояльных клиентов в столице.

Организации, функционирующие на рынке профессиональных услуг в России, схематично представлены авторами на рис.

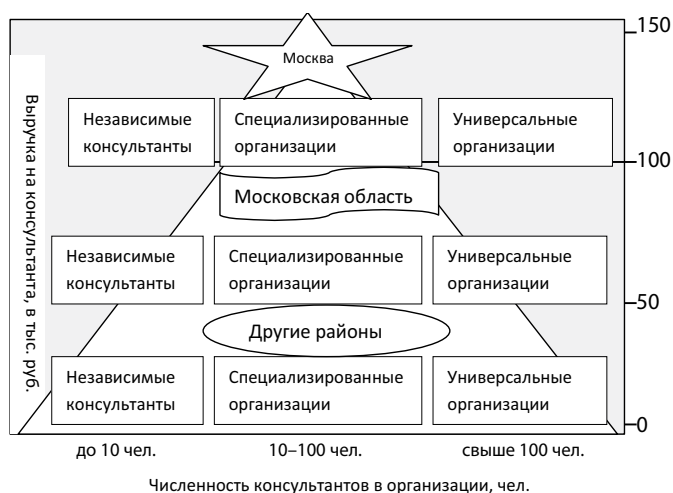

Рис. Организации в сфере профессиональных услуг в России

Согласно данному рисунку, организации в сфере профессиональных услуг раздробляемы: чем дальше от столицы, тем больше мелких, низкоквалифицированных специалистов, которые по требованию рынка во многом отстают от урбанизированного, высокоспециализированного мегаполиса. Каждая организация занимает свой сегмент рынка, конкурирует только по горизонтали, во многом зависит от клиентов с их предпочтениями, пожеланиями и привычками, так как существование трех видов организаций обусловлено потребительским спросом в них.

Авторы подчеркивают, что современная наука сформировала новый подход к проблемам управления, ставя во главу угла существование человека, социальных групп и общества в целом. В условиях возросшей конкуренции для осуществления своих целей организации, в частности в сфере профессиональных услуг, прибегают к маркетингу — важнейшей составляющей любой коммерческой организации, крупной или малой [7, с. 165]. Он необходим не только для формирования положительного финансового результата, но и для улучшения репутации, так как последняя по аналогии с вещами в процессе выполнения услуг может изнашиваться [3, с. 6]. Изнашиваемость, или усталость, репутации — это процесс, вызывающий ухудшение мнения об услугах, предоставляемых организацией, или о самой организации в сфере профессиональных услуг под действием времени.

Маркетинг в сфере услуг имеет особенности от маркетинга в производственной сфере, определяемые спецификой услуг, отличающихся от вещественных товаров, но, в свою очередь, и маркетинг профессиональных услуг отличается от маркетинга услуг в целом. Главное отличие — менеджеры и собственники организаций покупают услуги не для удовлетворения собственных нужд, а для эффективности организации [Там же. С. 3].

Среди научно-экономических исследований, проведенных в России и за рубежом, до сегодняшнего момента нет однозначного толкования понятия «маркетинг». Авторы в данной статье рассматривают его как вид человеческой деятельности, призванный удовлетворять актуальные потребности потенциальных клиентов в неординарном порядке, обладающий рядом характеристик, зависящих и не зависящих от деятельности организации:

1) взаимоотношения с людьми, проявляющиеся в форме обратной связи, то есть имеет свою целевую аудиторию,

обусловленную потребностями потенциальных клиентов в данных предлагаемых услугах. Обратная связь позволяет рассматривать маркетинг как внешний фактор влияния на организацию, стихийный и неуправляемый;

2) оценка конечного результата, выражающаяся как количественно (в виде изменения финансовых показателей), так и качественно (доверие, уважение, престиж), представляет маркетинг как внутренний фактор влияния на организацию;

3) информационное обеспечение — необходимый элемент для установления кратко-, средне- и долгосрочных отношений. Различают информацию на входе (внешний фактор) и на выходе (внутренний фактор) маркетинговой деятельности.

В соответствии с данными характеристиками маркетинг можно рассматривать и как внешний, и как внутренний фактор влияния на финансовый результат и на организацию в целом. Как внутренний фактор — зависит от деятельности организации, связан с такими понятиями, как стиль руководства, имидж, престиж, подготавливает персонал в выборе правильной маркетинговой стратегии, психологической установки, приемов рыночной защиты и нападения, способен преодолевать негативное влияние такого внешнего фактора, как конкуренты, влияет на покупателей и поставщиков и одновременно зависит от них. Как внешний фактор — обращен наружу, функционирует за пределами организации.

Авторы уделяют внимание его уникальности, делают акцент на его управляемости элементами комплекса маркетинга (планирование, продвижение, ценообразование, сбыт), рассматривают как специфический внутренний фактор, оказывающий непосредственное влияние на показатель прибыли (убытка) организации.

Маркетинг как специфический внутренний фактор организации проявляет себя во взаимоотношении с потенциальными клиентами. Так, сделки организации с клиентом могут заключаться (увеличивается выручка, увеличивается и прибыль), а могут и не заключаться (прибыль снижается), но в любом случае заключение сделки никогда не должно происходить за счет ухудшения отношений. Кроме финансового результата на деятельность организации в сфере услуг влияет и правильная психологическая установка в сочетании с рационализмом.

В соответствии с рационализмом (разумностью) нужно экономить как свое время, так и время потенциальных клиентов. Для этого следует определить профиль услуг, исключить из числа потенциальных клиентов не соответствующих профилю и выбрать перспективных. Любой платежеспособный клиент априори перспективен.

Важную роль в увеличении прибыли организации в сфере профессиональных услуг играют ее ведущие специалисты, консультанты и партнеры, которые осознанно или нет, но используют в своей деятельности элементы маркетинга: рекламируют свои услуги в соответствии с потребительскими характеристиками, снижают цены, представляют скидки для увеличения спроса и т. д. Инструментами, или элементами, маркетинга называют средства, используемые организацией для влияния на рынок.

В настоящее время одним из актуальных инструментов маркетинга является интернет-маркетинг в совокупности с телевизионными рекламными роликами и СМС-рассылками. Самый простой пример интернет-маркетинга — собственный сайт, на котором не только представлена вся информация о фирме и об услугах, но и заключаются договоры [8].

Для поддержания репутации и увеличения прибыли необходимы новые клиенты. Поиск потенциального клиента в своем сегменте бывает двух видов — активный (через звонки, личные встречи и переговоры) и пассивный (реклама).

Визитные карточки, буклеты, брошюры, семинары, конференции, паблисити, статьи в периодической печати и тому подобное помогут сделать известными услуги организации в сфере профессиональных услуг. Однако нужно быть готовым к тому, что лишь некоторые организации могут проявить интерес к услугам и, таким образом, превратиться в перспективных клиентов.

Если поиск партнера или заключения договора ни к чему не привели, то нужно извлечь из этого урок: что следует изменить или улучшить. Необходимо понимать, что отрицательный результат — это часть нормального процесса, количество перспективных контрактов, которые в итоге заканчиваются сделкой, обычно очень мало — всего несколько процентов. Согласно результатам исследования [9, с. 47], из 100% заключенных договоров 70% заключаются при первом знакомстве потенциальных клиентов с организацией в сфере профессиональных услуг, 23% — при повторном знакомстве и оставшиеся 7% — при последующих.

Согласно закону Парето большая часть усилий (80%) не дает должного результата, поэтому не стоит впадать в депрессию, если правильно определены перспективные клиенты, несколько сделок будет в итоге заключено.

Во многом на достижение положительного результата влияют уверенность, внимательность, активность, четкое определение того, что нужно клиентами и что — организации. Так, если консультант не в состоянии объяснить содержание предлагаемых услуг, их характер, то маловероятно, что и клиенты поймут информацию, то есть услуги, которые может предложить организация в сфере профессиональных услуг, зависят от квалификации и опыта консультантов.

Существует важный психологический аспект «результативности». Если обещать выполнение результата на 100%, а делать на 80—90%, то клиент будет разочарован, так как ожидания не оправдались. Если обещать 100% и делать 100%, то у клиента будет эффект Пигмалиона (психологический эффект оправданного ожидания), в результате чего клиент, получая то, что ожидал, не будет испытывать никаких эмоций, как положительных, так и отрицательных. А если вы обещаете 80%, а делаете 100%, то он будет просто счастлив [10].

Когда наблюдается заинтересованность в услугах, необходимо расположить потенциального клиента, написав письмо, можно отправить некоторые рекламно-пропагандистские материалы. Конечно, маловероятно, что какая-то сделка будет прямым результатом такой деятельности, здесь главное — реклама и создание возможностей для появления таких сделок. В настоящее время актуальна отправка информации о новых предложениях и акциях посредством электронной почты как наиболее оперативного и удобного инструмента маркетинга.

Важно отметить, что знание и понимание потенциального клиента — главный ключ к успеху любого предприятия рассматриваемой сферы [11].

Правило консалтинга гласит: «Продавайте им то, что им нужно, в том виде, в каком они хотят» [12]. Данное правило универсально для различных организаций в различных сферах. Если говорить о рынке профессиональных услуг, то, как уже говорилось ранее, это достаточно развитый ры-

нок, с многообразием форм собственности и обилием конкурентов. Для реализации своих целей организация в сфере профессиональных услуг может использовать стратегию целевого маркетинга с ориентацией для конкретного потенциального клиента. Если предлагать клиенту услуги, которые ему не нужны, можно разрушить не только отношения с этим клиентом, но и обрести отрицательный имидж в глазах других клиентов, в итоге ошибка в отношениях с одним клиентом может разрушить отношения с другими.

Чтобы не разрушить отношения с потенциальными клиентами, можно отправить электронным письмом или по почте, или даже вручить лично предложение, представляющее собой письменную характеристику работ, которые собирается выполнить организация, и условия, на которых она будет их выполнять. В нем также могут содержаться доводы в пользу проведения таких работ и выгоды, которые может клиент извлечь из этого [12].

На основе систематизированных данных об элементах маркетинга наглядно показано влияние данного специфического внутреннего фактора на финансовый результат деятельности организации в сфере профессиональных услуг (табл.) [3, с. 18].

По мнению авторов, привлекательность услуг для любого перспективного клиента можно представить следующим образом:

1) услуги, рекомендуемые знакомыми. Важным фактором здесь является репутация, имидж, когда новым клиентам рекомендуют уже существующие клиенты или посредники — любые третьи лица. Наиболее часто встречающийся случай, поэтому так важны долгосрочные отношения с клиентами;

2) услуги рекламируемые. Характеризуются тем, что услуги сами себя представляют рынку. Велика вероятность заключения контракта;

3) случайная услуга, когда инициатива целиком и полностью принадлежит клиенту. Клиент методом случайного отбора сам выбирает для себя необходимый вариант. Это достаточно редкий случай, обладающий большой вероятностью срыва договора, ведь ни консультант, ни клиент не знают ничего друг о друге.

Зависимость финансового результата организации в сфере профессиональных услуг от клиентов выражается в их удовлетворенности в оказанных услугах. Если клиент доволен на 90 или 100%, то он не только придет за услугами вторично, но и будет рекомендовать данную организацию своим друзьям и знакомым и, таким образом, привлекать новых потенциальных клиентов. Если клиент доволен на 60% и ниже, то это негативно настроенные клиенты, которые не только больше не придут, но и будут оставлять негативные отзывы, тем самым подрывая престиж организации [13]. В других случаях это одноразовые клиенты, занимающие нейтральную позицию.

Авторы обращают внимание на то, что предприятию в сфере профессиональных услуг не следует стремиться к полному единообразию в использовании элементов маркетинга. Маркетинг — это достаточно творческий процесс, к каждому новому клиенту нужно подходить обособленно, учитывать каждый конкретный случай. Ведь разработка, внедрение и использование комплекса маркетинга в организации в сфере услуг зависит от специфики и задач организации, вида предоставляемых услуг, а также практического опыта [14]. Комплекс маркетинга организации в сфере профессиональных услуг представляет собой совокупность ин-

струментов, методов и практических мер, воздействующих на рынок с целью увеличения спроса на свои услуги, достижения конкурентоспособности и положительного финансового результата.

Таблица

Влияние маркетинга на прибыль организации в сфере профессиональных услуг

Элемент маркетинга	Затраты	Результат	Эффективность
Визитная карточка	Если визитная карточка создается в рекламных целях, то затраты на изготовление таких визиток нужно учитывать в расходах на рекламу. Снижает совокупную прибыль	Дает клиенту характерный (как правило, положительный) признак, отличающий от других организаций в сфере профессиональных услуг, однозначно указывающий на его обладателя	С точки зрения финансового результата не всегда оправданна, приносит дополнительные затраты
Специальный буклет или брошюра	Аналогично визитной карточке учитывается в расходах на рекламу	Дает четкое представление клиенту об услугах, первичное ознакомление с услугами и самой организацией	С точки зрения финансового результата не всегда оправданно, приносит дополнительные затраты
Семинары, конференции	В качестве затрат можно считать человеческий фактор — время	Дают полное представление об услугах и организации, предоставляют возможность обсудить какие-либо актуальные вопросы лично, вызывают заинтересованность	С точки зрения финансового результата оправданно
СМС-рассылки, телевизионные рекламные ролики	Учитываются в расходах на рекламу	Простой способ ознакомления с услугами, акциями, обновлениями	С точки зрения финансового результата не всегда оправданно, приносит дополнительные затраты
Собственный сайт	В качестве затрат можно считать человеческий фактор — время	Вселяет доверие, организация воспринимается как солидная	С точки зрения финансового результата оправдан
Паблицити, статьи в периодической печати	В качестве затрат можно считать человеческий фактор — время	Самый распространенный способ передачи информации, расширяет клиентскую базу	С точки зрения финансового результата оправданно
Неформальные встречи, презентация	В качестве затрат можно считать человеческий фактор — время	Вселяют доверие в услугах, располагают к беседе, открытости	С точки зрения финансового результата оправданно
Предложение	В качестве затрат можно считать человеческий фактор — время	Самый простой и эффективный способ ознакомления с услугами	С точки зрения финансового результата оправданно
Письмо, рекламно-пропагандистские материалы в Интернете	В качестве затрат можно считать человеческий фактор — время	Простой способ ознакомления с услугами	С точки зрения финансового результата оправданно, но надо быть готовым, что будет восприниматься как спам

Глубина влияния маркетинга на финансовый результат деятельности организации в сфере профессиональных услуг обусловлена ее уникальностью: в результате взаимодействий одних людей с другими в процессе маркетинговой деятельности получают различные результаты, неодинаковые и непохожие на предшествующие. Рассмотрение маркетинга как специфического внутреннего фактора влияния — это его особенность и проблематика, оказывающая сильное влияние на управляемость, однородность и стандартизированность услуг, а следовательно, на финансовые показатели [4].

Важный вывод, который вытекает из этого: для любой организации в сфере профессиональных услуг ценность представляет коммуникация [15, с. 121]: сеть взаимоотношений и контактов с ее бывшими и настоящими клиентами, причем роль посредников должна быть сведена к минимуму. Поддержка репутации путем установления долгосрочных контактов с клиентами — это наиболее простой,

эффективный и наименее затратный способ достижения необходимых результатов. А создавать и поддерживать эти связи, способствующие организации открытого, доверительного, профессионального и персонифицированного диалога, — необходимая работа консультанта [12].

О значимости консультантов, менеджеров и других и их комплексной подготовке в процессе обучения говорилось многими авторами [16, с. 247]. Невозможно установить крепкие доверительные отношения с клиентами без высокого уровня мотивации [17, с. 108] и морального духа сотрудников, без общепринятых в организации подходов и представлений о постановке дела, которые не только отличают одну организацию от другой, но и обеспечивают ей достижение определенных результатов деятельности, то есть невозможно без организационной культуры. Поэтому сохранение и поддержание культуры, а также ее изменение и совершенствование являются для руководства важными задачами.

По мнению авторов, организационная культура — это выражение индивидуальности организации, фактор развития, источник внутренней интеграции и внешней адаптации.

Организационная культура как система определяется индивидуальной совокупностью общепринятых в данной организации представлений и подходов к постановке дела, к формам отношений и к достижению результатов деятельности.

Сложность работы с организационной культурой состоит в том, что практически нет четких и измеримых ее проявлений: воздействие на эффективность работы происходит опосредованно, но эффект есть всегда.

Общими элементами организационной культуры организаций малого бизнеса в сфере профессиональных услуг, положительно влияющими на финансовый результат организации, по мнению авторов, являются:

1. Рационально организованная система обучения новичков: прохождение испытательного срока, который в большинстве случаев способствует лучшей адаптации на рабочем месте; закрепление опытных наставников, которые помогают разобраться в специфике работы.

2. Традиция отмечать профессиональный праздник.

3. Комплекс обрядов. Например, обряды по поводу окончания учебы, стажировки (торжественное вручение дипломов, сертификатов).

4. Проведение мероприятий по совместному отдыху, в частности юбилей работников, выезды на природу, посещение группы здоровья или бассейна и др.

Рассмотрение организационной культуры как фактора влияния на прибыль организации малого бизнеса в сфере профессиональных услуг обусловлено тем, что она формирует конкурентные преимущества организации.

В целях дальнейшего развития малого бизнеса в стране в целом и для достижения благоприятных финансовых результатов организации в частности авторы считают целесообразным рекомендовать малым предприятиям в сфере профессиональных услуг следующие направления действия:

1. Разработка и внедрение разнообразных финансово оправданных элементов маркетинга.

2. Создание долгосрочных контактов с клиентами при использовании стратегии целевого маркетинга с ориентацией для конкретного потенциального клиента.

3. Совершенствование организационной культуры. По мнению авторов, процветает та фирма, в которой создан сплоченный коллектив, где нет жестких иерархических перегородок, где каждый заинтересован в общем успехе, поскольку от этого зависят прибыль предприятия и его материальное благополучие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.
2. Сафонов А. А. Классификация факторов в экономическом анализе // Теория экономического анализа: учеб. пособие / Под ред. Л. В. Моисеева [Электронный ресурс]. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/u_ekon_an/page0042.asp (дата обращения: 05.06.2014).
3. Бугаков В. П. Особенности маркетинга услуг // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://mavriz.ru/articles/1998/2/307.html> (дата обращения: 20.05.2014).
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 05.06.2014).
5. Иванов М., Фербер М. Руководство по маркетингу консалтинговых услуг. М.: Альпина Паблишер, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=132140&p=1> (дата обращения: 20.05.2014).
6. Морковина С. С., Зиновьева И. С. Роль и место малого предпринимательства в системе лесного хозяйства малолесного региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 56—59.
7. Согачева О. В., Симоменко Е. С. Использование маркетинговых коммуникаций и PR-менеджмента в современных социально-экономических условиях как инструмента оценки конкурентоспособности организации: практический аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 164—170.
8. Вист А. Основные инструменты маркетинга [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/38769/osnovnyie-instrumentyi-marketinga> (дата обращения: 20.05.2014).
9. Беттджер Ф. Вчера неудачник — сегодня преуспевающий коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=102084> (дата обращения: 20.05.2014).
10. Новоселов Д. Где взять первого клиента и как продать консалтинг? // Бизнес-консалтинг «для чайников». 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://infobusiness2.ru/node/14290> (дата обращения: 20.05.2014).
11. Аронов Г. З. Основы маркетинга в сфере услуг физической культуры // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2012. № 10 (92) [Электронный ресурс]. URL: <http://bmsi.ru/doc/a4dddb03-fcc1-4081-addd-2f3fe55babc> (дата обращения: 20.05.2014).
12. Маркетинг организации продаж и выполнения консалтинговых проектов // Менеджмент в России и за рубежом. 1998. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/1998/5/788.html> (дата обращения: 20.05.2014).
13. Эмоциональная лояльность клиентов. Мониторинг и управление в ритейле и сфере услуг // Технологии программ лояльности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loyalty.info/technology/4517.html> (дата обращения: 05.06.2014).
14. Специфика маркетинга малого бизнеса [Электронный ресурс]. URL: http://uchebniki.ws/17310524/marketing/spetsifika-marketinga_malogo_biznesa (дата обращения: 20.05.2014).
15. Каптюхин Р. В., Мхитарян С. В. Трансформация классификационной модели маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 120—124.
16. Сибирякова Т. Б. Комплексный подход к профессиональной подготовке менеджеров в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 246—249.
17. Ващенко А. Н. Понятие мотивации в XXI веке. Прогнозы и оценки // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 106—109.

REFERENCES

1. Borisov A. B. Large Dictionary of Economics. M.: World of Books, 2003. 895 p.
2. Safonov A. A. Classification of factors in economic analysis // Theory of Economic Analysis: textbook. / Edited by L. V. Moiseyev [Electronic resource]. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/u_ekon_an/page0042.asp (date of viewing: 05.06.2014).
3. Bugakov V. P. Marketing Services Features // Marketing in Russia and abroad. 1998. № 2 [Electronic resource]. URL: <http://mavriz.ru/articles/1998/2/307.html> (date of viewing: 20.05.2014).
4. Federal State Statistical Service [Electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru/> (date of viewing: 05.06.2014).
5. Ivanov M., Ferber M. Guide to marketing consulting services. M.: Alpine Publisher, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=132140&p=1> (date of viewing: 20.05.2014).
6. Morkovina S. S., Zinoviev I. S. Role and place of small business in the forestry sector of the sparsely forested region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 56—59.
7. Sogacheva O. V., Simomenko E. S. Using marketing communications and PR-management in the contemporary socio-economic conditions as a tool for assessing the competitiveness of the organization: practical aspect // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 164—170.
8. Whist A. Key marketing tools [Electronic resource]. URL: <http://fb.ru/article/38769/osnovnyie-instrumentyi-marketinga> (date of viewing: 20.05.2014).
9. Bettdzher F. Loser yesterday — successful businessman today [Electronic resource]. URL: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=102084> (date of viewing: 20.05.2014).
10. Novoselov D. Where can I get the first client and how to sell consulting? // Business consulting «for dummies». 2013 [Electronic resource]. URL: <http://infobusiness2.ru/node/14290> (date of viewing: 20.05.2014).
11. Aronov G. Z. Principles of marketing in the physical culture services // Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft. 2012. № 10 (92) [Electronic resource]. URL: <http://bmsi.ru/doc/a4dddb03-fcc1-4081-4ddd-2f3fe55babcd> (date of viewing: 20.05.2014).
12. Marketing and sales management consulting projects execution // Management in Russia and abroad. 1998. № 5 [Electronic resource]. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/1998/5/788.html> (date of viewing: 20.05.2014).
13. Emotional loyalty. Monitoring and management in retail and service sectors // Technology loyalty programs [Electronic resource]. URL: <http://www.loyalty.info/technology/4517.html> (date of viewing: 05.06.2014).
14. Specificity of small business marketing [Electronic resource]. URL: http://uchebniki.ws/17310524/marketing/spetsifika_marketinga_malogo_biznesa (date of viewing: 20.05.2014).
15. Kaptyuhin R. V., Mkhitaryan S. V. Transformation of classification model of marketing communications in the Internet space // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 120—124.
16. Sibiryakova T. B. An integrated approach to professional training of managers in modern conditions // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 246—249.
17. Vashenko A. N. Concept of motivation in the XXI century. Forecasts and assessments // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 106—109.

УДК 338.242

ББК 65.290.2

Demushina Olga Nikolaevna,
candidate of sociological sciences,
associate professor of the department of corporate
management of Volgograd branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Volgograd,
e-mail: Olga-demushina@yandex.ru

Kovalenko Nadezhda Viktorovna,
candidate of sociological sciences,
associate professor of the department of corporate
management of Volgograd branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Volgograd,
e-mail: nkoval12@mail.ru

Демушина Ольга Николаевна,
канд. социол. наук,
доцент кафедры корпоративного управления
Волгоградского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
г. Волгоград,
e-mail: Olga-demushina@yandex.ru

Коваленко Надежда Викторовна,
канд. социол. наук,
доцент кафедры корпоративного управления
Волгоградского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
г. Волгоград,
e-mail: nkoval12@mail.ru

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN RUSSIA: PECULIARITIES OF THE RUSSIAN MODEL

В статье рассматривается российская модель корпоративной социальной ответственности. Уточняется трактовка данного понятия. Формулируется классификация видов КСО. На основе исследования социальных программ ведущих российских предприятий анализируются особенности российской модели корпоративной социальной ответственности, к важнейшим из которых авторы относят преобладание среди социально ответственных предприятий крупных частных корпораций, слабую вовлеченность в этот процесс государственных компаний, отсутствие системного подхода в реализации КСО, преобладание внутренних социальных инвестиций над внешними, недостаточное информирование общества о социально ответственных предприятиях.

The article presents the Russian model of corporate social responsibility. The authors clarify the meaning of this term and classify the types of corporate social responsibility in their article. On the base of research of social programs in the leading Russian companies the main peculiarities of the Russian model of corporate social responsibility are analyzed. The authors conclude that the most important peculiarities are prevalence of big corporations among socially responsible companies, weak involvement of state companies, prevalence of inward social investment, insufficient notification of the society about the socially responsible companies.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, модель социальной ответственности, гражданское общество, целевая аудитория, социальные издержки, социальные инвестиции, социальный отчет, некоммерческие организации, массмедиа, капитализация.

Keywords: corporate social responsibility, model of social responsibility, civil society, target audience, social costs,

social investments, social report, non-commercial organizations, mass media, capitalization.

Концепция социальной ответственности (КСО) существенным образом меняет представление о роли бизнеса в обществе. Бизнес рассматривается теперь не только в качестве основного катализатора экономического развития, но и в качестве института, принимающего активное участие в поддержании социальной стабильности в обществе.

Под социальной ответственностью в широком смысле слова понимается объективная необходимость отвечать за нарушение социальных норм. Понятие «корпоративная социальная ответственность» не получило в литературе четкой трактовки. Как правило, этим термином называют взаимовыгодное сотрудничество между бизнесом и обществом, в процессе которого бизнес берет на себя выполнение определенных обязательств. К инструментам реализации корпоративной социальной ответственности могут относиться программы развития сотрудников, осуществление социальных инвестиций, природоохранная деятельность, выстраивание взаимоотношений с местным сообществом и другие мероприятия, выходящие за рамки экономической деятельности компании, нацеленной на рост прибыли и повышение ее капитализации.

К корпоративной социальной ответственности относят также мероприятия, связанные с повышением качества жизни и трудовой деятельности работников данного предприятия. Так, некоторые исследователи полагают, что КСО носит многоуровневый характер [1]:

— базовый уровень предполагает выполнение следующих обязательств: своевременная оплата налогов, выплата заработной платы, по возможности предоставление новых рабочих мест (расширение штата работников);

— второй уровень включает в себя предоставление работникам не только оптимальных условий для их трудовой

деятельности, но и повышение качества их жизни: профессиональное развитие работников, лечение, строительство жилья, развитие социальной сферы;

— третий, высший уровень ответственности предполагает благотворительную деятельность.

Рассмотрев определения корпоративной социальной ответственности, можно сделать вывод, что это многоаспектный процесс, включающий в себя не только обязательства перед потребителями услуг и персоналом компании, но и ответственность перед окружающей средой и социальным окружением региона, то есть ответственность перед обществом в целом.

Необходимо подчеркнуть, что определяющей характеристикой КСО является добровольность, то есть частные компании, осознавая ответственность перед внешней и внутренней средой компании, добровольно делятся своими доходами с обществом.

Корпоративную социальную ответственность можно классифицировать на основании разных критериев. Так, в зависимости от целевой аудитории выделяют внутреннюю (ответственность организации в сфере социально-трудовых отношений) и внешнюю КСО (ответственность перед населением в целом и различными группами общественности: потребителями, инвесторами, акционерами, органами власти, общественными организациями, средствами массовой информации). Для того чтобы выстроить логичную систему социально ответственного поведения любой компании, необходимо, чтобы КСО не была однонаправленной, чтобы находила баланс и учитывала интересы и внешних, и внутренних групп.

По критерию длительности КСО подразделяется на краткосрочную (до 6 месяцев) и долгосрочную (от 6 месяцев) деятельность. Долгосрочные программы направлены на решение важных общественных проблем, выбранных компанией в качестве приоритетных. Такие программы, как правило, функционируют на протяжении всего существования организации и дают большой экономический эффект в будущем, способствуют усилению финансовой прочности и повышению конкурентоспособности предприятия, создают ему положительную деловую репутацию. Краткосрочные программы социальной ответственности представляют собой разовую деятельность организации. Причиной краткосрочности ориентирования стратегий развития компаний является отсутствие денежных средств, которое не позволяет предпринимателям инвестировать в долгосрочные проекты. В краткосрочном периоде социальные инвестиции несут дополнительные издержки, и соответственно может наблюдаться некоторое снижение конкурентоспособности. Только в долгосрочной перспективе социальные инвестиции могут принести прибыль, поскольку у потребителей, поставщиков и местного сообщества постепенно формируется более привлекательный образ предприятия. Таким образом, долгосрочное социально ответственное поведение могут позволить себе в первую очередь самые успешные предприятия, имеющие необходимые для этого ресурсы и серьезные конкурентные преимущества. Для распространения в предпринимательской среде долгосрочного социально ответственного поведения оно должно стимулироваться как государством, так и гражданским обществом.

В соответствии с моделью, предложенной М. Портером и М. Кремером, корпоративная социальная ответственность может быть реагирующей и стратегической. Реагирующая КСО направлена на смягчение уже имеющихся проблем

и негативных последствий деятельности компании, стратегическая КСО предусматривает встраивание идеи социальной ответственности в стратегию компании и ориентацию на создание долгосрочных конкурентных преимуществ. Развитие стратегической КСО в наибольшей степени соответствует переходу от логики «социальных издержек» к логике «социальных инвестиций».

По мнению исследователей, формирование корпоративной социальной ответственности в России на современном этапе находится на начальной стадии. В деятельности отечественных организаций можно встретить лишь отдельные попытки проявления КСО: социальные льготы для сотрудников, отдельные примеры благотворительности. Крупнейшие компании вкладывают средства в социальную рекламу (в частности, создают ролики о спасении природы и редких животных). Однако в связи с выходом России на мировую арену, усиливающимися темпами глобализации, желанием отечественных предприятий получения иностранных инвестиций встал вопрос о введении новых стандартов корпоративной ответственности с ориентиром на западную модель.

Следует отметить, что распространению корпоративной социальной ответственности в России препятствуют несколько объективных трудностей.

1. В нашей стране материальную возможность реализовать политику социальной ответственности имеют лишь крупные, общенациональные компании, а также филиалы и дочерние подразделения международных компаний. Средний и мелкий бизнес, преимущественно в провинции, по разным причинам не имеет возможности жертвовать своими доходами ради общества. Корпоративная социальная ответственность таких компаний ограничивается единичными благотворительными акциями или отсутствует совсем [2, с. 112—117].

2. К негативным факторам относятся также географическое положение страны, особенный менталитет ее жителей, а также постоянно меняющаяся экономическая и политическая ситуация в стране. Огромная территория, невысокая плотность населения, слабо развитая инфраструктура, концентрация капитала в крупных городах страны снижают готовность предприятий быть социально ответственными.

3. К барьерам на пути КСО в России можно также отнести социальную пассивность граждан, которая наблюдается во всех сферах общественной жизни. Немногие существующие структуры гражданского общества созданы по инициативе институтов власти, которые они призваны контролировать [3, с. 25]. Сами представители общественности проявляют мало инициативы. На предприятиях работники активно критикуют своих работодателей за их нежелание решать актуальные социальные проблемы, однако сами не готовы к самостоятельным действиям.

4. В России корпоративная социальная ответственность носит на сегодняшний день принудительный характер, что противоречит ее основному принципу — добровольности. В России, отличающейся традиционно высокой степенью управленческого воздействия на все стороны общественной жизни [Там же. С. 24], государство пытается заставить предприятия нести корпоративную социальную ответственность, что вызывает отрицательную реакцию руководства компаний и порождает их безразличие к социальным вопросам.

Рассмотрим особенности российской модели корпоративной социальной ответственности, существующей на сегодняшний день.

1. Как уже было отмечено, деятельность, связанную с корпоративной социальной ответственностью, можно в основном наблюдать в среде крупного бизнеса, который в последнее время начал активный диалог с заинтересованными общественными группами, стал внедрять современные международные стандарты социально ориентированного и экологического менеджмента, опубликовал свои первые социальные отчеты. Однако на сегодняшний день можно говорить о небольшой группе предприятий, которые понимают важность этой работы для повышения эффективности своего бизнеса [4]. Деятельность компаний в этой области направлена также на конструирование прозрачных и эффективных взаимоотношений с институтами власти, а также с гражданским обществом.

Развитие КСО в России идет в соответствии с мировыми тенденциями, но пока что медленно и фактически не охватывает малый и средний бизнес, который ограничивается, как правило, лишь благотворительностью местного масштаба, предьявляя ее как основную форму своей социальной ответственности. Это объясняется низкой капитализацией большинства российских компаний и недостаточностью средств на социальные программы. Есть и исключения из общего правила. Так, волгоградское предприятие ООО «Светозар», занимающееся производством и продажей светодиодных энергосберегающих источников света под маркой «ОгоньОК», относится к среднему бизнесу, однако широко практикует разнообразные формы КСО. К внутренним программам относятся:

- программы охраны здоровья сотрудников;
- социальная поддержка отдельных категорий работников;
- обучение персонала за счет компании;
- развитие системы общественного питания;
- санаторно-курортное лечение и оздоровление сотрудников.

К внешним формам КСО предприятия относятся:

- защита окружающей среды (не только за счет соблюдения мер экологической безопасности производства, но и благодаря регулярному проведению природоохранных мероприятий);
- наличие спортивного клуба (предоставляет услуги жителям города за невысокую цену);
- благотворительность (переоборудование за свой счет школ города).

2. Другой особенностью корпоративной социальной ответственности в России является слабая вовлеченность в этот процесс государственных компаний (а также компаний с преимущественно государственным контролем). Причину этого специалисты видят в непрозрачности российского бизнеса, представители которого не хотят предоставить открытый доступ к информации, касающейся деятельности их компании. Поэтому отечественные крупные компании неохотно публикуют свои социальные или экологические отчеты. По результатам исследований, проводимым в последние годы, уровень прозрачности российского государственного бизнеса значительно ниже частного, хотя все должно быть наоборот: компании, финансируемые государством, а следовательно, народом, должны быть более открытыми для общества и более социально ответственными [Там же].

Наиболее социально ответственными предприятиями с преимущественно государственным контролем являются крупные компании нефтегазовой и металлургической

отрасли. К их числу относятся, в частности, Газпром, ЛУКОЙЛ, Новолипецкий металлургический комбинат, «Норильский никель», Роснефть, Транснефть и некоторые другие. Перечисленные компании известны своей интенсивной работой по повышению эффективности работы персонала, инвестициями в сферу образования своих регионов, а также широким спектром природоохранных мероприятий.

3. Особенностью российской модели корпоративной социальной ответственности является также ориентированность предприятий на краткосрочную прибыль, их нежелание инвестировать в долгосрочные проекты. Таким образом, КСО в России носит в большей степени реагирующий, чем стратегический характер. Так, благотворительные пожертвования музеям, практикуемые некоторыми крупными компаниями, носят нерегулярный характер. Оказание помощи малоимущим происходит бессистемно, от случая к случаю. Внедрение программ, снижающих экологические риски, — это, как правило, реакция на имеющиеся в данном регионе проблемы. Однако отдельные компании, например Роснефть, осваивают и стратегическую КСО, реализуя такие долгосрочные социальные программы, как ипотека и санаторно-курортное лечение для своих сотрудников, отчисления на улучшение условий труда, жилищное строительство на условиях софинансирования муниципальных бюджетов.

4. Большинство исследователей корпоративной социальной ответственности в России констатируют отсутствие системного подхода к ее реализации. Особенно это касается средних и малых предприятий, где функция КСО имеет размытый, организационно не оформленный характер. У многих предприятий отсутствует документ, в котором закреплена стратегия компании в области КСО. Лишь немногие организации практикуют создание специального подразделения, отвечающего за реализацию стратегий в сфере КСО. Чаще всего эта функция переложена на кадровую службу или отдел маркетинга. Иногда в этой работе принимают участие все подразделения в рамках своих функций. Все это свидетельствует об отсутствии единой социальной политики в российских организациях.

5. В России отмечается преобладание внутренних социальных инвестиций над внешними, которые пока не получили должного развития и носят единичный характер. Это объясняется тем, что внутренняя ориентация социальных инвестиций более эффективна экономически, поскольку быстрее окупается. Так, рассматривая структуру социальных инвестиций корпорации «Илим Палм», можно увидеть широкий спектр мероприятий, направленных на персонал организации:

- создание системы дополнительного пенсионного обеспечения сотрудников, гарантирующей выплату пожизненной пенсии работнику в зависимости от его трудового вклада;
- поддержка материнства и детства, включающая в себя ежеквартальную выплату дополнительного пособия матерям, находящимся в отпуске по уходу за детьми до трех лет, оплата детского сада;
- реализация оздоровительных программ;
- организация ежегодных корпоративных соревнований между предприятиями «Илим Палм»;
- программы развития персонала;
- программы финансовой помощи работникам в кризисных ситуациях и т. д.

В корпорации присутствуют также внешние социаль-

ные программы, но их намного меньше и прописаны они не так четко.

6. Недостаточное информирование общества о российских предприятиях, работающих в соответствии с принципами корпоративной социальной ответственности, является также одной из значимых тенденций. Своевременная и объективная информация могла бы повысить доверие к бизнесу и подчеркнуть его вклад в общественное благосостояние [5].

Исследователи выделяют уровни информированности, различающиеся содержанием и подачей материалов. К верхнему уровню относятся специалисты, профессионально занимающиеся КСО: это крупный и средний бизнес, некоммерческие организации и союзы предпринимателей (например, РСПП). На втором уровне находятся так называемые получатели социальных услуг в регионах, причем как реальные, так и потенциальные. Третий уровень распространяется на все население страны, которое имеет право и должно быть информировано о действиях бизнеса на территории их проживания.

К способам или методам распространения информации о КСО могут относиться проведение конференций, саммитов и форумов; организация тренингов и бизнес-семинаров, публикации в бумажных и электронных СМИ (Интернет). Необходимо отметить, что на российском телевидении эта тематика практически не освещается [6]. Из немногих масс-медиа, затрагивающих данную проблему, можно назвать

издания «Ведомости», Forbes, специализированный журнал «Бизнес и общество», интернет-портал «Филантроп», телеканал «Доверие», радиопрограмму «Адреса милосердия». Как правило, СМИ описывают отдельные примеры применения корпоративной социальной ответственности и очень редко делают обобщения, проводят аналитические исследования, выявляющие тенденции в области КСО или корпоративной благотворительности.

Таким образом, необходимо отметить, что отечественные предприятия все больше внедряют в свою деятельность принципы корпоративной социальной ответственности. Это дает большой социальный и экономический эффект, позволяет улучшить имидж организации и отношения в коллективе, привлечь новых клиентов, увеличить объем продаж, сформировать деловую репутацию, в результате чего компании получают конкурентные преимущества. Следовательно, социально ответственное поведение дает корпорации возможность реализовывать свои основные потребности в выживании, безопасности и устойчивости. Российская модель КСО имеет ряд особенностей, к которым, в частности, относится преобладание среди социально ответственных предприятий крупных частных корпораций, слабая вовлеченность в этот процесс государственных компаний, отсутствие системного подхода в реализации КСО, преобладание внутренних социальных инвестиций над внешними, недостаточное информирование общества о социально ответственных предприятиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакша Н. В., Данилюк А. А. Корпоративная социальная ответственность: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2012. 292 с.
2. Лобызенкова В. А., Коваленко Н. В. Государственная поддержка и перспективы регионального развития малого бизнеса в посткризисных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 112—117.
3. Демущина О. Н. Влияние институтов власти на медийное поле России и Германии // Социология. 2013. № 3. С. 24—25.
4. Костин А. КСО в России // Медиаресурс «Экоруссия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecorussia.info/ru/ecopedia/565> (дата обращения: 25.08.2014).
5. Богатенкова Е. Ю. Социальная ответственность бизнеса в контексте задач повышения качества жизни населения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4. С. 113—116.
6. Как информировать общество о корпоративной социальной ответственности // Бизнес и общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.b-soc.ru/about/publications/publication/22> (дата обращения: 22.08.2014).

REFERENCES

1. Baksha N. V., Daniluk A. A. Corporate social responsibility: text book. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2012. 292 p.
2. Lobyzenkova V. A., Kovalenko N. V. State support and perspectives of regional envelopment of small business in the post-crisis period // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4. (25). P. 112—117.
3. Demushina O. N. Influence of power institution on the media of Russia and Germany // Sociology. 2013. № 3. P. 24—25.
4. Kostin A. CSR in Russia // Media resource Ecorussia [Electronic resource]. URL: <http://www.ecorussia.info/ru/ecopedia/565> (date of viewing: 25.08.2014).
5. Bogatenkova E. U. Social responsibility of business in the context of increasing the life quality of people // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4. P. 113—116.
6. How to inform the society about the corporate social responsibility // Business and society [Electronic resource]. URL: <http://www.b-soc.ru/about/publications/publication/22> (date of viewing: 25.08.2014).

УДК 339.138:004.738.5
ББК 65.291.34:32.973.202

Tultaeva Irina Valentinovna,
associate professor at the department
of marketing and commerce of Moscow State University
of Economics, Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: ITultaeva@mesi.ru

Kaptyukhin Roman Viktorovich,
associate professor at the department
of marketing and commerce, deputy director of the Institute
of Management of Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: rvkaptyukhin@mesi.ru

Tultaev Timur Alexeevich,
candidate of economics, associate professor
at the department of marketing and commerce
of Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: TTultaev@mesi.ru

Тультаева Ирина Валентиновна,
доцент кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: ITultaeva@mesi.ru

Каптюхин Роман Викторович,
доцент кафедры маркетинга и коммерции,
зам. директора института менеджмента
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: rvkaptyukhin@mesi.ru

Тультаев Тимур Алексеевич,
канд. экон. наук,
доцент кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: TTultaev@mesi.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

IMPACT OF SOCIAL NETWORKING ON COMMUNICATION PROCESSES IN MODERN SOCIETY

В статье рассматриваются основные принципы воздействия социальных сетей и других ресурсов Интернета на коммуникационные процессы в обществе. Проведенный анализ пользователей социальных сетей позволяет сделать вывод не только о наличии внушительной целевой аудитории для различных экономических и рыночных субъектов, но и определить, к каким конкретным социальным сетям относится та или иная возрастная группа их пользователей. Это позволяет коммерческим и некоммерческим организациям эффективно осуществлять сегментирование рынка, а как результат — снижать издержки коммуникационного процесса. Выявленные авторами функциональные возможности «лайков» и таргетированной рекламы еще раз доказывают необходимость передачи информации лишь заинтересованной в ней аудитории.

This paper studies the main principles of impact of social networking on and other Internet resources on communication processes in the modern society. The performed analysis of users of social networks allows making conclusion about existence of impressive target audience for various economic and market subjects, as well as defining to what specific social networks this or that age group of users belong to. This allows commercial and non-for-profit organizations effectively carrying out market segmentation and as result reducing expenses of communication process. The functional possibilities of likes and targeted advertising revealed by authors prove once again the need of information transfer of only the audience interested in it.

Ключевые слова: Интернет, информация, коммуникация,

социальная сеть, «лайк», маркетинг, таргетинг, реклама, Рунет, группа, сообщество.

Keywords: Internet, information, communication, social networking, like, marketing, targeting, advertising, Runet, group, community.

Введение

Постоянный рост роли информации в современном обществе приводит и к увеличению значения коммуникации между людьми, группами людей, сообществами, что, в свою очередь, повышает роль средств коммуникации, и не столько массовой, сколько межличностной и в первую очередь Интернета как уникального средства, где пересекаются возможности традиционных СМИ и современного СМИ с возможностью активной обратной связи [1]. Мы наблюдаем усложнение информационного пространства, изменение законов массовой коммуникации и изменение приоритетов коммерческих компаний в маркетинговых коммуникациях.

Благодаря современным коммуникациям увеличиваются темпы развития разных процессов, распространения информации до совершенно беспрецедентной скорости. Сейчас уже никто не сомневается, что благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий появилась глобальная компьютерная сеть Интернет как прогрессивное средство связи между людьми, рассредоточенными по территориям, языку и своему месту в различных типах социальной иерархии [2].

И как яркое тому подтверждение происходит бурное развитие социальных сетей во всем мире. Социальные сети

проникают едва ли не во все сферы жизни современного общества, занимают все более значимые позиции в информационно-коммуникационном поле. Благодаря развитию социальных сетей существенно увеличиваются и ускоряются прямые и обратные коммуникационные связи.

Подобные процессы благотворно сказываются на развитии различных типов рынков и представленных на них хозяйствующих субъектов. Например, они позволяют самым принципиальным образом повлиять на процессы предоставления образовательных услуг (и даже непосредственно на передачу знаний) через социальные сети. Причем интерактивные коммуникации имеют максимальную востребованность в среде молодежи, которая, как известно, имеет наивысшие потребности в получении или продолжении образования.

Социальная сеть в самом общем понимании этого термина представляет собой определенную совокупность участников, с которыми знаком и периодически поддерживает контакт посредством сетевых каналов связи некий индивид. Социальные сети направлены на формирование в глобальной сети Интернет сообществ, состоящих из участников со схожими интересами, предпочтениями, мировоззрением (взглядами на жизнь), профессиональной деятельностью.

Подобная связь осуществляется посредством веб-сервиса, внутренней почты или специализированного сервиса, предназначенного для мгновенного обмена сообщениями. Выделяют также социальные сети, предназначенные для поиска не только конкретных людей по интересам их пользователей, но и самих объектов этих интересов: специализированных сайтов, форумов, литературных, художественных и музыкальных произведений и т. д.

Если бы речь, например, шла о школе, то в социальную сеть некоего индивида входили бы все или большая часть одноклассников. На работе в нее попадают все, с кем ему приходится общаться и взаимодействовать. И, как правило, регулярные контакты постепенно перерастают в крепкие связи между участниками сети.

1. Особенности целевой аудитории российских и зарубежных социальных сетей

Социальные сети в Интернет-пространстве стремительно завоевывают популярность. Только в США сегодня социальными сетями постоянно пользуется около 148 млн человек, сообщает eMarketer. Если рассмотреть отношение пользователей к количеству населения страны, то по проникновению социальных сетей лидировать будут США (49,9%), затем Южная Корея, Австралия и Россия (41,9%) [3]. В 2013 году сайты различных социальных сетей не реже одного раза в месяц посещают и используют 1 млрд 610 млн человек по всему миру. Это примерно на 14% больше, чем в 2012 году. По прогнозам, такой рост продолжится и в этом году (около 13%). А к 2017 году такие сайты, как Facebook, Twitter, LinkedIn, Google, будут посещать более 2 млрд 330 млн пользователей [4].

Победное шествие по Интернету социальные сети начали в 1995 году с американского портала Classmates.com («Одноклассники» являются его русским аналогом). Проект оказался настолько успешным, что в дальнейшем это способствовало появлению не одного десятка аналогичных сервисов. Но официальным началом бума социальных сетей принято считать 2003—2004 годы, когда были запущены LinkedIn, MySpace и Facebook [5].

Количество зарегистрированных пользователей в социальных сетях сегодня исчисляется сотнями миллионов. По состоянию на начало 2014 года: Facebook — 1,4 млрд че-

ловек; Google+ — свыше 500 млн; Twitter — более 500 млн; LinkedIn — около 200 млн; «ВКонтакте» — более 230 млн человек; «Одноклассники» — свыше 205 млн человек. Таким образом, самая популярная социальная сеть в мире — это Facebook [6].

По результатам проведенных исследований в 2014 году общее число зарегистрированных пользователей портала достигло 1,4 млрд человек, причем более 1 млрд пользователей посещают свою страницу почти каждый день. Особенно выросла аудитория социальной сети в Бразилии, увеличившись на 300%, в Индии — на 152%, в Таиланде — на 133%, в Перу — на 132% и Пакистане — на 130%, о чем свидетельствуют последние данные, обнародованные Facebook [7].

Одной из самых успешных в мире социальных сетей является сайт MySpace, созданный американской компанией eUniverse в 1999 году. Сервис представляет собой платформу для создания персональных страничек, общения, ведения блогов и размещения мультимедийного контента. К слову, возможности хостинга аудио/видео привлекли к сервису огромное число творческих личностей. Именно MySpace, а позднее YouTube дали возможность любому желающему получить свои законные 15 минут славы. Основной доход владельцам MySpace приносит продажа рекламы.

LinkedIn — еще один пример успешной социальной сети. Правда, в отличие от MySpace не развлекательной, а деловой. Основная часть аудитории сервиса — ИТ-специалисты и хедхантеры, ищущие работу или клиентов. Число зарегистрированных пользователей сервиса составляет около 17 млн человек, основные источники прибыли — продажа рекламы и платных аккаунтов.

Ее российским аналогом можно назвать сеть «Мой круг», которую в марте 2007 года приобрела у разработчиков компания «Яндекс». В настоящее время «Кругом» пользуется более 1 млн человек. Заработок «Яндекса» в основном происходит за счет повышения общей активности на портале и рекламы с использованием поведенческого маркетинга (показ рекламы с учетом интересов пользователей, которые определяются путем наблюдения за их поведением).

Главный конкурент MySpace на мировом рынке, социальная сеть Facebook, предоставляет интернет-пользователям своего сервиса возможность виртуального общения с контролем доступа к личной информации и выбором круга контактов.

Российский аналог Facebook — социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Несмотря на успешный старт «Одноклассников» и «ВКонтакте», более привычной для россиян разновидностью социальных сетей пока остаются блог-хостинги — платформы для размещения интернет-дневников.

Самый яркий пример такой платформы — «Живой журнал» (LiveJournal), уже завоевавший популярность среди аудитории Рунета и насчитывающий 18 млн зарегистрированных участников. При этом если за границей блоги начинают терять популярность — их пользователей переманивают социальные сети, — то в России все наоборот.

Согласно исследованию блогосферы от «Яндекса», в Рунете существует 12 млн блогов, тогда как регулярно обновляемыми из них является 1 млн [8].

Социальные сети весьма популярны и в нашей стране. В России на сегодняшний день в социальных сетях зарегистрированы более половины пользователей Интернета (55—60%). Наиболее популярная российская социальная сеть — «ВКонтакте». Ее ежедневно посещает каждый тре-

тий пользователь Интернета — около 31%, а еще 23—25% посещают ее регулярно (еженедельно). На втором месте — «Одноклассники» (21 и 28% соответственно). Из зарубежных социальных сетей в России самым популярным остается Facebook (5,5 и 11%) [9].

Примечателен тот факт, что выбор социальной сети зачастую зависит от возраста целевой аудитории. Так, школьники и студенты преимущественно являются приверженцами социальной сети «ВКонтакте», аудитория в возрасте от 27 до 45 лет активнее пользуется Facebook, зрелая же аудитория (45—60 лет) в большей степени отдает предпочтение сети «Одноклассники» [10].

2. Негативные последствия роста популярности социальных сетей

Популярность социальных сетей настолько велика, что использование их на рабочем месте становится настоящей проблемой для работодателей.

Эксперты британского рекрутингового портала MyJobGroup.co.uk провели исследование, целью которого было стремление оценить размер ущерба, наносимого экономике Великобритании сотрудниками предприятий и организаций, проводящими свое рабочее время в социальных сетях (например, в Facebook или MySpace).

В результате проведенного исследования и последующего анализа полученных данных специалисты интернет-портала MyJobGroup.co.uk пришли к выводу, что ежегодно британская экономика лишается как минимум 22 млн долларов из-за злоупотребления сотрудниками компаний открытым доступом к социальным сетям.

По данным исследовательской компании TNS, средне-статистический российский пользователь Интернета ежедневно проводит в социальных сетях 51 минуту, на порталах (yandex.ru, mail.ru, google.com) — 26 минут, на сайтах знакомств — 15 минут, за онлайн-играми — 10 минут, смотрит онлайн-видео 9 минут, посвящает работе в Сети 7 минут и 5 минут занимается образованием [11].

Проблема посещения социальных сетей в рабочее время не миновала и российских работодателей. По их мнению, в среднем 51 минута в день на социальные сети — это «слишком много». Поэтому большинство руководителей действует по принципу «нет доступа — нет проблемы».

В результате, судя по исследованию портала Superjob.ru, доступ к социальным сетям, таким как «ВКонтакте», «Одноклассники» и Facebook, с рабочих мест запрещен в 63% российских компаний. Еще в офисах 31% компаний не закрывают сотрудникам доступ к подобным сайтам, причем некоторые из них таким образом проверяют персонал [12]. Если человек на рабочем месте регулярно посещает социальные сети — это сигнал для руководителя. Следовательно, необходимо срочно поставить перед таким сотрудником новые задачи, которые не позволили бы ему впустую тратить драгоценное рабочее время.

Однако, как показала практика, пока ни один запрет, тем более в сети Интернет, не приводил к ожидаемым результатам. В действительности же существует множество способов их обойти. Да и создателям социальных сетей невыгодно даже на время терять такое количество пользователей. Поэтому почти все социальные сети сегодня адаптированы под мобильные телефоны, смартфоны и коммуникаторы (iPhone и др.). Это создает дополнительный импульс развитию такого явления, как мобильный Интернет.

3. Социальные сети как персонифицированный инструмент маркетинговых коммуникаций

В первую очередь социальные сети и блоги — это медий-

ная площадка, дающая возможность зарабатывать на показе рекламы. Эффективность рекламы в данном случае зависит, скорее, от специально продуманных программ (например, интерактивных карт) или возможности оперативно собирать сообщество любителей события или бренда для коллективной заявки или заказа. При этом реклама в российских социальных сетях порой приобретает нестандартные формы.

Разглядеть в социальной сети многообещающий проект — это полдела. Придумать, как именно извлечь из него прибыль, — куда более сложная задача. Заработок владельцев социальных сетей как в России, так и в остальном мире складывается из двух составляющих — доходов от рекламы и доходов от платных сервисов.

Социальные сети обладают широким набором инструментов, применяемых пользователями.

1. Таргетированная реклама. Не секрет, что реклама — это обезличенная информация, призванная сформировать интерес аудитории к продукции, идеям или услугам и побудить их к покупке или получению дополнительных сведений.

В результате ничего материального реклама не предоставляет и к целевой аудитории обращается далеко не во всех случаях. В такой ситуации эффект, полученный от применения рекламных коммуникаций, может быть заметно ниже, чем от использования адресных, персонифицированных форм коммуникаций [13].

Таргетированная реклама призвана заметно улучшить показатели обычной рекламы, ориентированной на широкие массы людей (среди которых, как правило, большая часть потребителей рекламной информации даже не заинтересована в рыночном предложении, содержащемся в массовой рекламе), поскольку при ее размещении в социальных сетях достигается «эффект адресности». Другими словами, таргетированная реклама имеет своей целью донести информацию лишь до заинтересованной в ней аудитории. Оплата такой рекламы производится как за клики, так и за показы на страницах социальных сетей, но в большинстве случаев это выгоднее традиционных форм рекламных коммуникаций.

2. Сообщества и группы. Данный инструмент позволяет формировать сообщества и группы, объединяющие пользователей в социальных сетях по определенным признакам и предпочтениям. К данной группе принято относить бесплатные сообщества и брендированные платформы [14].

Бесплатным может являться сообщество выпускников средних, средних специальных и высших учебных заведений, спортивных болельщиков, бывших военнослужащих, поклонников музыкальных групп, известных личностей (актеров, режиссеров, звезд эстрады и шоу-бизнеса) и т. д.

К брендированной платформе относят информационную среду в социальных сетях, посвященную конкретной организации или бренду, участниками которой являются клиенты и потребители (в том числе потенциальные) из числа пользователей таких социальных сетей.

Коммуникационные возможности брендированных сообществ включают в себя: профессиональное оформление брендированного сообщества; актуальный контент; обеспечение постоянного прироста численности брендированной группы, а также активности ее участников; управление рекламным аккаунтом в социальных сетях, используемым для продвижения бренда (возможность формировать и выкладывать актуальные объявления, настраивать таргетированную рекламу, проводить ежедневный анализ и корректировку реализуемых рекламных кампаний); отслеживание мнения пользователей о бренде; получение обратной связи о продукте или услуге от самих пользователей.

Все это позволяет не только заметно улучшить качество компании либо товаров (продукции и услуг), выпускаемых под данным брендом, но и существенно повысить общий уровень их конкурентоспособности на рынке.

3. Информационное наполнение ресурса (текстовые, архивные, фото-, видео-, аудиоматериалы). Бесспорно, основными источниками информации для пользователей социальных сетей становятся разнообразные материалы, выгружаемые, редактируемые и обновляемые на страницах сообществ и групп в социальных сетях. Вся совокупность таких материалов принято называть контентом.

4. «Лайки» (от англ. to like — нравиться). Кнопка со сжатым кулаком и оттопыренным кверху большим пальцем является самым простым и удобным способом выразить свое положительное мнение о высказываниях, фотографиях, видеоматериалах и многом другом. Кнопка может быть установлена не только в рамках социальной сети (под каждым сообщением и действием пользователя), но и на стороннем сайте.

Преимущество «лайков» видится не только в их простоте. Грамотно организованная работа с ними вызывает желание у целевой аудитории приобщаться к конкретным группам и сообществам в социальных сетях, стать частью чего-то масштабного, иметь возможность быть полезным. К тому же увеличение количества «лайков» позволяет повышать привлекательность интернет-страниц и отдельных ресурсов Сети, делая их заслуживающими внимания со стороны посетителей, ведь они, по сути, призваны выражать мнение интернет-сообщества.

Настоящая находка для владельцев социальных сетей кроется в разработках, связанных с повышением эффективности поведенческого таргетинга. Это означает, что пользователю показывают только ту рекламу, которая соответствует его интересам и возможностям. Так, 18-летней студентке МГУ будет более уместно показать рекламу новой сети косметических салонов, а 26-летнему менеджеру — рекламу автомобилей.

Россию непременно ожидает бум социальных сообществ, построенных на доверии, то есть сетей рекомендаций. На этом тренде основывается сеть потребительских рекомендаций Veyu.ru, которая позволяет выбирать товары и услуги

(в том числе образовательные) по совету членов сообщества, без скрытой рекламы [15].

Сеть выполняет функцию саморегулируемого интернет-сообщества высокого доверия, где потребители рекомендуют друг другу те или иные товары или услуги. Каждый пользователь может проголосовать о доверии к тому или иному сообщению и определить лидеров, в наибольшей степени заслуживающих доверия. Создатели таким образом намерены защищать права потребителей. Зарабатывать владельцы планируют за счет баннерной рекламы и платных сервисов, в частности, компании будут платить за вход на сайт. Так они получают возможность влиять на рейтинги доверия.

Социальные сети, построенные на принципе рекомендации и доверия, в Рунете существуют уже несколько лет под видом тематических порталов. Концепция их не подразумевает акцента на личности участника сообщества, но суть от этого не меняется. Это живые сообщества пользователей, которые активно взаимодействуют между собой и создают большой объем тематического контента.

Только на специализированных ресурсах, где люди общаются друг с другом годами, можно создать специальную привлекательную душевную атмосферу, в которой будет эффективно работать метод продвижения товаров (продукции и услуг) с помощью рекомендаций.

Заключение

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что современный мир, вступивший в период динамичных изменений технологий и научно-технического прогресса, на сегодняшний день является активным потребителем ресурсов социальных сетей. Не учитывать это обстоятельство в условиях ужесточения конкурентной борьбы ориентированные на достижение высоких результатов компании не вправе.

Результаты последних исследований наглядно демонстрируют тот факт, что применение функциональных возможностей социальных сетей может принести значительную экономию и прибыль. Социальные сети, используя стратегию минимизации издержек, предоставляют хозяйствующим субъектам реальную возможность напрямую обращаться к своей целевой аудитории, наладить тесные контакты с партнерами и в конечном итоге организовать эффективную коммуникационную политику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каптюхин Р. В., Романов А. А. Перспективы развития электронных средств массовой информации // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 33. С. 15—20.
2. Каптюхин Р. В., Мхитарян С. В., Тульгаев Т. А. Трансформация классификационной модели маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 120—124.
3. Исследование: более 2 млрд человек станут пользователями социальных сетей до 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.towave.ru/news/issledovanie-bolee-2-mldr-chelovek-stanut-polzovatelyami-sotsialnykh-setei-do-2014-goda.html> (дата обращения: 12.09.2014).
4. Исследование аудитории российских социальных сетей [Электронный ресурс]. URL: <http://research.cmsmagazine.ru/audience-research-russian-social-networks/> (дата обращения: 12.09.2014).
5. Макаренко Е. В. Электронная коммерция: учеб.-практ. пособие. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2010. 136 с.
6. Тульгаев Т. А., Тульгаева И. В. Особенности применения интернет-ресурсов отечественными и зарубежными пользователями // Фундаментальные исследования. 2014. № 9 (ч. 2). С. 408—413 [Электронный ресурс]. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10004131 (дата обращения: 12.09.2014).
7. Ангелина Жукова. Большинство россиян готовы платить за цифровые товары // Сайт «Российской Газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/04/cifra-site.html> (дата обращения: 12.09.2014).
8. Интернет в России. Вып. 46. Лето-2014: аналитический бюллетень [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/uploads/files/Бюллетень_Интернет_В_России_Выпуск_46_Лето_2014_демо.pdf (дата обращения: 12.09.2014).
9. Ольга Кожевникова. Новые медиа — новые изменения [Электронный ресурс]. URL: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2014/wciom_kozhevnikova_media14.02.2014.pdf (дата обращения: 12.09.2014).

10. Соцсети: кто и для чего их использует [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11718> (дата обращения: 12.09.2014).
11. TNS Web Index: Аудитория интернет-проектов (Результаты исследования: Август 2014, Россия 0+) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/> (дата обращения: 12.09.2014).
12. Каждая вторая компания в России блокирует сотрудникам доступ к социальным сетям [Электронный ресурс]. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111620/kazhdaya-vtoraya-kompaniya-v-rossii-blokiruet-sotrudnikam-dostup-k-socialnym-setyam/> (дата обращения: 12.09.2014).
13. Красюк И. Н., Парамонова Т. Н., Калугина С. А., Жарников Д. С., Комаров В. М., Шереметьева Е. М. Маркетинговые коммуникации: учеб. / Под ред. И. Н. Красюк. М.: ИНФРА-М, 2012. 272 с.
14. Ануфриева Е. В., Ефимов Е. Г., Небыков И. А. Общественное мнение как фактор развития социальных сетей в России (социально-педагогические аспекты) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 311—315.
15. Тультаев Т. А., Тультаева И. В. Роль инноваций в обеспечении маркетинговой деятельности на предприятиях сферы услуг // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 5. С. 108—112.

REFERENCES

1. Kaptyukhin R. V., Romanov A. A. Prospects for development of electronic media // Economy and modern management theory and practice. 2014. № 33. P. 15—20.
2. Kaptyukhin R. V., Mkhitarian S. V., Tultaev T. A. Transformation of classification model of marketing communications in the Internet space // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 120—124.
3. Examination: more than 2 billion people will become users of social networks by 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.towave.ru/news/issledovanie-bolee-2-mlrd-chelovek-stanut-polzovatelyami-sotsialnykh-setei-do-2014-goda.html> (date of viewing: 12.09.2014).
4. Audience research of the Russian social networks [Electronic resource]. URL: <http://research.cmsmagazine.ru/audience-research-russian-social-networks/> (date of viewing: 12.09.2014).
5. Makarenkova E. V. E-commerce: Educational and practical guide. M.: Publishing House Centre EAOI, 2010. 136 p.
6. Tultaev T. A., Toultaeva I. V. Peculiarities of use of Internet resources by domestic and foreign users // Fundamental research. 2014. № 9 (part 2). P. 408—413 [Electronic resource]. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10004131 (date of viewing: 12.09.2014).
7. Angelina Zhukova. Most Russians are willing to pay for digital goods // Website of Russian Newspaper [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/04/cifra-site.html> (date of viewing: 12.09.2014).
8. The Internet in Russia. Issue 46. Summer 2014 [Electronic resource]. URL: http://fom.ru/uploads/files/Бюллетень_Интернет_В_России_Выпуск_46_лето_2014_демо.pdf (date of viewing: 12.09.2014).
9. Olga Kozhevnikova New media — new changes [Electronic resource]. URL: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2014/wciom_kozhevnikova_media14.02.2014.pdf (date of viewing: 12.09.2014).
10. Social networks: who use them and for what [Electronic resource]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11718> (date of viewing: 12.09.2014).
11. TNS Web Index: Audience Internet projects (Results: Aug 2014, Russia 0+) [Electronic resource]. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/> (date of viewing: 12.09.2014).
12. Every second company in Russia is blocking access to social networks for its employees [Electronic resource]. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111620/kazhdaya-vtoraya-kompaniya-v-rossii-blokiruet-sotrudnikam-dostup-k-socialnym-setyam/> (date of viewing: 12.09.2014).
13. Krasiuk I. N., Paramonov T. N., Kalugina S. A., Zharnikov D. S., Komarov V. M., Sheremetyeva E. M. Marketing communications: textbook / Ed. by I. N. Krasiuk. M.: INFRA-M, 2012. 272 p.
14. Anufrieva E. V., Efimov E. G., Nebykov I. A. Public opinion as a factor of social networks in Russia (socio-pedagogical aspects) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 311—315.
15. Tultaev T. A., Tultaeva I. V. The role of innovation in providing marketing for service industries // Economics, Statistics and Informatics. Herald UMO. 2013. № 5. P. 108—112.

УДК 159.923.2:35.08

ББК 88.52:67.401.02

Adamchuk Sergey Valeryevich,
applicant of the department of economics
of the Institute of Legislation
of the Verkhovna Rada of Ukraine (Kiev),
chief specialist of the department
of the information-analytical support and statistics
of the Economic court of Khmelnytsky region,
Khmelnytsky, Ukraine,
e-mail: scar999@ukr.net

Адамчук Сергей Валерьевич,
соискатель кафедры экономики Института
законодательства Верховной Рады Украины (г. Киев),
главный специалист отдела
информационно-аналитического обеспечения
и статистики
Хозяйственного суда Хмельницкой области,
г. Хмельницкий, Украина,
e-mail: scar999@ukr.net

НОРМИРОВАНИЕ АДЕКВАТНОЙ САМООЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

RATIONING OF THE ADEQUATE SELF-APPRAISAL OF THE CIVIL SERVANTS

Статья посвящена проблеме дефиниции понятия «нормирование адекватной самооценки государственных служащих». Автор представляет существующие подходы и предлагает собственную точку зрения на это понятие, развитие которого является вызовом для современной государственной службы Украины. Проведенный анализ свидетельствует о том, что самооценку, которая так важна для профессиональной деятельности государственных служащих, необходимо формировать целенаправленно. Проведенный анализ свидетельствует, что заниженная самооценка приводит к чрезмерной неуверенности в себе; проявляется в неадекватно заниженной оценке государственным служащими своих возможностей. Они не могут обеспечить надежность в деятельности, связанной с принятием соответствующих решений, в условиях воздействия неблагоприятных факторов, в сложной экстремальной ситуации, в ежедневной деятельности на государственной службе.

The article is devoted to the issue of definition of the notion of rationing of the adequate self-appraisal of civil servants. The author presents the existing approaches and proposes his own point of view on the concept, which development is a challenge for the modern civil service of Ukraine. The performed analysis shows that the self-esteem that is so important for professional activity of civil servants shall be formed purposefully. The performed analysis states that the low self-esteem results in excessive self-doubt; it is manifested in inadequate underestimation by the civil servants of their capabilities. They cannot provide for reliability in activities connected with appropriate decision-making in the conditions of adverse factors influence, in the extreme situations, as well as in the daily activities of the public service.

Ключевые слова: государственная служба, нормирование адекватной самооценки, государственный служащий, развитие, самооценка, органы исполнительной власти, государственная служба, профессиональное развитие, профессиональная деятельность, когнитивный компонент, эмоциональный компонент.

Keywords: state service, rationing of the adequate self-assessment, civil servant, development, self-esteem, executive authorities, public service, professional development, professional activities, cognitive component, emotional component.

Анализ научных публикаций по теме статьи свидетельствует о постоянном научном интересе к проблематике

адекватной самооценки служащих, профессионально задействованных на государственной службе. Сейчас в условиях реформирования отечественной государственной службы эта проблематика приобретает статус приоритетного вызова, от адекватного ответа на который зависит эффективность и результативность как каждого чиновника и органа власти, так и государственной службы в целом.

Таким образом, цель статьи заключается в попытке определения понятия «нормирование адекватной самооценки государственных служащих».

Одной из основных предпосылок эффективного профессионального развития государственных служащих является повышение у них уверенности в себе и формирование у них адекватной самооценки.

Как показывает проведенный нами анализ, существует немало подходов к определению понятия «самооценка», его места и роли в структуре личности профессионала на государственной службе, его взаимосвязи с другими компонентами и влияния на эффективность как профессиональной деятельности каждого и всех государственных служащих, так и органа государственной власти как социальной микросистемы и коллективного социального субъекта профессиональной деятельности в целом.

Под самооценкой государственного служащего мы понимаем особое образование самосознания его личности, результаты самопознания его эмоционально-ценностного отношения к себе. Она является важным внутренним двигателем саморегуляции поведения и профессиональной деятельности государственного служащего.

По мнению Б. Ананьева, самооценка как «отношение к себе» является последним по сравнению с другими отношениями образованием. Однако, несмотря на это, именно самооценка завершает формирование характера человека, определяя такую его обязательную и необходимую составляющую, как целостность [1, с. 128].

Необходимо отметить, что большинство ученых трактует самооценку как внутренний механизм, который обеспечивает саморегуляцию личности.

Р. Грановская относит саморегуляцию к наиболее значимым характеристикам личности. При этом, определяя ее как оценку человеком самого себя, своего положения в коллективе, своего отношения к другим людям и к деятельности, этот ученый подходит к самооценке как к системе отношений. Такой подход объясняется тем, что именно от самооценки зависит стремление человека к развитию, самосовершенствованию, активизации его личности в повсе-

дневной профессиональной жизни и деятельности [2, с. 87].

Р. Грановская справедливо, по нашему мнению, подчеркивает, что формирование самооценки происходит путем интериоризации внешних оценок — оценок человеком других людей — во внутренние — как требование человека к самому себе. Соответствующее укрепление и развитие самооценки происходит постепенно и сочетается со способностью к утверждению на отстаивание своих не только жизненных, но и профессиональных идеалов [Там же. С. 102].

Г. Никифоров убежден, что самооценка является процессом сравнения любой переменной с образцом, в результате которого субъект приходит к выводу о соответствии или несоответствии объекта и эталона. Причем результат оценивания может быть правильным или неправильным. Это зависит, во-первых, от индивидуально-психологических особенностей человека, во-вторых, от внешних факторов. Кроме этого ученый отмечает, что надежность самооценки преимущественно определяется навыками самоконтроля. Именно поэтому результат самооценки как объект самоконтроля обеспечивает надежность и объективность такой самооценки [3, с. 26—28].

По мнению М. Тутушкиной и М. Рончинского, самооценка отражает эмоционально-ценностное отношение человека к самому себе, так как благодаря ей государственный служащий оценивает свои способности, поступки, качества жизненных целей и пути их достижения, свое место в коллективе коллег — сотрудников коллектива органа государственной власти [4, с. 35—36].

Проведенный анализ свидетельствует, что самооценка является сложным многоуровневым образованием, в котором можно выделить ряд видов. Основными среди них являются:

- самооценка реальных и потенциальных возможностей личности государственного служащего, необходимых для исполнения должностных обязанностей на государственной службе;

- самооценка в познавательной и поведенческой сфере личности профессионала государственно-административной деятельности, которой является государственная служба;

- самооценка отдельных черт: волевых, нравственных, социально-психологических и т. п.

Очевидно, что имеет смысл выделение в структуре самооценки государственных служащих двух основных компонентов, а именно когнитивного и эмоционального.

Когнитивный компонент самооценки выполняет познавательную функцию. Благодаря этому компоненту происходит постоянное сравнение достижений государственного служащего с результатами деятельности других сотрудников. Такое сравнение необходимо для установления степени различия этих показателей. Необходимо отметить, что сформированность когнитивного компонента самооценки обусловлена развитием познавательных процессов государственного служащего как человека и личности. Поэтому неудивительно, что когнитивный компонент самооценки связан с рефлексивными процессами, которые обеспечивают базу и средства для реализации процесса сравнения результатов деятельности конкретного человека с достижениями других членов коллектива. Важно при этом помнить, что когнитивный компонент самооценки, развиваясь и формируясь, способствует повышению адекватности самооценки.

Эмоциональный компонент самооценки выполняет функцию своеобразной психологической защиты личности государственного служащего. Он проявляется в отношении субъекта самооценки к своим качествам. Степень актуализации этого компонента в общей структуре самооценки личности обусловлена ее потребностью определенного уровня самоо-

ценки. Проведенный анализ свидетельствует, что эмоциональный компонент самооценки определяется психофизиологическими особенностями, индивидуально-психологическими и социально-психологическими качествами. Причем эмоциональный компонент самооценки способствует ослаблению первоначальной системы, высокой личностной тревожности, неудовлетворенности государственного служащего своим социальным положением и статусом в коллективе органа государственной власти. Очевидно, что чем большее место в структуре самооценки занимает эмоциональный компонент, тем менее адекватна самооценка личности государственного служащего.

Мы считаем, что основными характеристиками самооценки государственного служащего являются уровень, адекватность, устойчивость и динамика.

Под уровнем самооценки мы понимаем ее относительную высоту, поэтому целесообразно различать низкую, среднюю, высокую самооценку служащего.

Мы разделяем мнение ученых, которые считают, что критерием высоты самооценки является ее близость или удаленность от внутреннего эталона. При этом важно учитывать тот факт, что уровень самооценки сотрудников одного коллектива сравнить трудно, поскольку стандарты, положенные в основу процесса сравнения, существенно отличаются у членов одного коллектива государственных служащих.

Как показывает анализ, адекватность самооценки зависит непосредственно от степени соответствия результатов деятельности служащего на государственной службе, его оценочных суждений об этих результатах. Показателем адекватности самооценки личных качеств профессионала является степень соответствия его мнения о себе оценке его окружающими людьми — коллегами в органе государственной власти. Вместе с этим необходимо отметить, что оценка окружающих коллег — сотрудников одного коллектива не всегда бывает активной и, как следствие, адекватной. Причем неадекватная самооценка может быть как завышенной, так и заниженной.

Устойчивость самооценки зависит от того, насколько государственный служащий четко представляет свои возможности. Причем неустойчивость самооценки проявляется в ее резком повышении после успеха и существенном снижении после неудачи. Кстати, если самооценка устойчива, в случае возможного успеха или неудачи она меняется незначительно.

Необходимо подчеркнуть, что неустойчивая самооценка свидетельствует о несформированном отношении государственного служащего к себе. Причем чрезмерно устойчивая самооценка также играет отрицательную роль для личности, в которой при изменении жизненных и профессиональных ситуаций снижается ее регулятивная функция.

Необходимо отметить, что в профессиональной деятельности на государственной службе на современном этапе ее функционирования самооценка должна влиять, по нашему мнению, на значимость одного из важнейших механизмов саморегуляции деятельности и одного из факторов обеспечения высокого уровня не только эффективности и результативности деятельности, но и ее надежности. В связи с этим мы разделяем мнение ученых о том, что неадекватно завышенная самооценка снижает надежность деятельности работника в экстремальных условиях и обуславливает возникновение конфликтов в коллективе сотрудников. И наоборот, адекватная самооценка способствует успешной деятельности, повышая стрессоустойчивость и стабилизируя эмоциональное состояние в повседневной деятельности на государственной службе.

Неадекватность и неустойчивость самооценки приводит к снижению надежности профессиональной деятельности

государственного служащего, прежде всего в нестандартных ситуациях. Именно поэтому Г. Никифоров отмечает, что завышенная самооценка (или самоуверенность), неправильная самооценка своих возможностей, как правило, приводит к постоянным непродуманным решениям, ошибкам, рискованным действиям и т. п. Самоуверенность снижает безопасность и надежность деятельности государственного служащего. Самоуверенный сотрудник не способен к внешней обратной связи и неподвержен объективно и критически анализировать собственные действия и поступки. Стиль поведения такого служащего обусловлен определенным несоответствием или разрывом механизмов самооценки и самоконтроля, который, как правило, недостаточно сформирован [3, с. 28].

Проведенный анализ свидетельствует, что заниженная самооценка приводит к чрезмерной неуверенности в себе; проявляется в неадекватно заниженной оценке государственными служащими своих возможностей. Они не могут обеспечить надежность в деятельности, связанной с принятием соответствующих решений, в условиях воздействия неблагоприятных факторов, в сложной экстремальной ситуации, в ежедневной деятельности на государственной службе. Причем неуверенность в правильности принимаемых решений такие работники компенсируют повышенным самоконтролем и чрезмерными самопроверками.

Мы разделяем мнение ученых о том, что и завышенная, и заниженная самооценка обусловлены нарушением баланса между самооценкой и самоконтролем. Мы считаем, что только оптимальное соотношение этих составляющих способно обеспечить активную уверенность государственного служащего в правильности своих действий и поступков. Это важно, поскольку уверенный в себе профессионал отличается решительностью, умением принимать оптимальные решения и их реализовывать, самокритичностью, способностью оценивать объективно свои промахи и ошибки, способностью искать и находить пути их устранения. При этом необходимо принимать во внимание тот факт, что истоки неадекватной самооценки и заниженной самооценки часто находятся в индивидуальных особенностях сотрудника. Такими особенностями часто является вражда, чрезмерная обеспокоенность и застенчивость, неблагоприятные условия воспитания в семье или в школе.

Мы согласны с научными приемами сдерживания неадекватной самооценки [5, с. 158]. Так, для корректировки неадекватно завышенной самооценки государственного служащего целесообразными станут следующие приемы:

- устранение негативной значимости факторов, которые могут поколебать самооценку;
- введение факта неуспеха в систему более социально значимой установки;
- переориентация внимания с одного уровня выполнения деятельности на другой (например, с результата деятельности на пути его достижения);
- акцентирование внимания на том, что все изменения в самооценке служащий воспринимал как результат собственных усилий, а не как навязанное извне.

Неадекватно заниженную самооценку государственного служащего следует корректировать с помощью следующих приемов:

- предоставить сотруднику возможность преуспеть и «наслаждаться» радостью от этого успеха. Это важно, поскольку такой прием вызывает прилив положительных эмоций, а это путь к повышению уверенности в своих силах;
- давать задания, в которых заведомо «нет неверных ре-

шений», что может стать толчком к активизации самостоятельной деятельности.

Преобладание эмоционального компонента в структуре самооценки, который негативно влияет на выполнение государственными служащими должностных обязанностей, необходимо корректировать по-другому. Прежде всего следует сместить внимание государственного служащего с процесса деятельности на себя и на свою самооценку. Действенными приемами для этого могут стать следующие:

- устранить эмоциональное подкрепление самооценки;
- целенаправленно сфокусировать внимание государственного служащего с себя на свою деятельность;
- поставить перед служащим посильные, конкретные, заведомо выполняемые задачи;
- детально проанализировать результаты решения задач, как успешных, так и неуспешных, и сделать это в доброжелательной спокойной обстановке;
- дать служащему возможность самостоятельно оценить результаты своей деятельности без внешней оценки.

Эффективными могут стать такие приемы и средства формирования и содержания адекватной самооценки [6, с. 69—70].

Таблица

Приемы и средства формирования самооценки

Приемы и средства	Сущность приемов и средств
Самонаблюдение	Наблюдение за собственными действиями, поступками, переживаниями
Самоанализ	Анализ проявления своих качеств в поведении и профессиональной деятельности
Самоотчет	Результат самоанализа: как результирующий, так и текущий
Самоконтроль	Умение сравнивать программу выполняемых действий с предварительно заданной
Сравнение	Умение сравнивать свои действия и поступки с действиями и поступками других государственных служащих

Д. Бернс справедливо, по нашему мнению, подчеркивает возможности улучшения самочувствия профессионала и повышения его самооценки и работоспособности с помощью разработанных им приемов когнитивной терапии. Эти приемы направлены на повышение чувства собственного достоинства, на помощь государственному служащему заменить самокритичные, нелогичные мысли, которые автоматически возникают в ответ на негативные события и размышления, на объективные и рациональные, что в конечном счете является самозащитным механизмом. Важно при этом узнавать и описывать негативные самокритичные мысли и причины их появления, формулировать сопротивление таким мыслям и находить рациональный ответ на них.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что самооценку, которая так важна для профессиональной деятельности государственных служащих, необходимо формировать целенаправленно. Именно поэтому важно своевременно диагностировать неадекватную самооценку, самооценку с преобладанием в ее структуре эмоционального компонента и направлено развивать и корректировать ее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
2. Грановская Р. М., Березная И. Я. Интуиция и искусственный интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 368 с.
3. Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 1996. 174 с.
4. Тутушкина М. К., Рончинский М. Ю. Практическая психология. СПб.: Дидактика Плюс, 2001. 368 с.
5. Липкина А. И., Рыбак Л. А. Критичность и самооценка в учебной деятельности. М.: Просвещение, 1968. 142 с.
6. Рувинский Л. И. Учителю о педагогической технике. М.: Педагогика, 1987. 176 с.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. On the problems of the modern human study. M.: PH Nauka, 1977. 380 p.
2. Granovskaya R. M., Berezna I. Ya. Intuition and artificial intelligence. Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1991. 368 p.
3. Nikiforov G. S. Reliability of professional activity. SPb.: Peter, 1996. 174 p.
4. Tutushkina M. K., Roschinskiy M. U. Practical psychology. SPb.: Didactics Plus, 2001. 368 p.
5. Lipkina A. I., Ribak L. A. Criticism and self-evaluation in an educational activity. M.: Enlightenment, 1968. 142 p.
6. Ruvinsky L. I. Pedagogical technique for teachers. M.: Pedagogic, 1987. 176 p.

УДК 338.24:339.1

ББК 65.291.21:65.291.34

Martasov Denis Alexeevich,

post-graduate student of marketing and commerce department
of Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: dmartasov@mesi.ru

Мартасов Денис Алексеевич,

аспирант кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: dmartasov@mesi.ru

Nevostruyev Petr Urievich,

candidate of economics, assistant professor
of marketing and commerce department
of Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: pnevostruev@mesi.ru

Невоструев Петр Юрьевич,

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: pnevostruev@mesi.ru

БРЕНД-МЕНЕДЖМЕНТ КАК АДАПТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЫНКАХ

BRAND MANAGEMENT AS AN ADAPTIVE TOOL OF DIFFERENTIATION ON CONSUMER MARKETS

В статье рассмотрены вопросы разработки модели бренд-менеджмента на рынке готовых замороженных продуктов. Авторы выделяют основные проблемы современных потребительских рынков, рассматривают различные подходы к определению понятия «бренд» на рассматриваемом рынке. На рынке продуктов питания дифференцирующие элементы бренда позволяют производителям выделиться в торговом зале с учетом минимальных вложений. Обеспечить наибольшую эффективность дифференциации можно за счет применения адаптивной модели бренд-менеджмента (разработанной авторами), основанной не только на потребительских предпочтениях, но и на анализе конкурентных предложений на рынке. Применение модели бренд-менеджмента и модели выбора инструментов бренд-менеджмента позволяет компаниям иметь в наличии актуальный портфель брендов, а также наличие рекомендаций по каждому из брендов в портфеле.

The article examines the main issues of development of brand management at the market of ready frozen products (RFP). The

authors highlight the major problems of modern consumer markets, examine different approaches to the definition of brand at the market under consideration. At the food market the differentiating elements of the brand allow manufacturers standing out in the sales area with regard to minimum investments. Assurance of the greatest efficiency of differentiation can be achieved by using of an adaptive model of brand management (developed by the authors) based on consumer preferences, as well as on the analysis of competitive proposals at the market. Use of the model of brand management and model of selection of tools of brand management allows companies having current portfolio of brands, as well as recommendations for each of the brands in the portfolio.

Ключевые слова: бренд-менеджмент, брендинг, продукты питания, потребительские предпочтения, интегрированный бренд, состояния бренда, инструменты бренд-менеджмента, бренд-аудит, дифференциация, элементы бренда.

Keywords: brand management, branding, food stuff, consumer

preferences, integrated brand, state of the brand, tools of brand management, brand audit, differentiation, brand elements.

Одной из наиболее эффективных маркетинговых технологий, обеспечивающих управление конкурентоспособностью продуктов питания, является брендинг, способствующий формированию и поддержанию спроса и лояльности потребителей товарам компаний. Этот рынок характеризуется значительным ассортиментом и интенсивностью товарооборота, объемом покупок и максимально зависит от предпочтений конечного потребителя, что и определяет высокую потребность в маркетинговом управлении брендами продуктов питания. Бренды продуктов питания, по данным рейтингового агентства Interbrand, в 2013 году составляли около 50% количества самых ценных брендов.

Рынок готовых замороженных продуктов как сегмент рынка продовольственных товаров с низкой степенью консолидации является, по сути, нишей, характеризующейся высокой зависимостью экономических результатов деятельности компаний от решений в области бренд-менеджмента, степень консолидации низкая, лидеры рынка имеют не более 5—7% доли рынка [1, с. 120—121].

В настоящее время российские компании, работающие в этой нише, уже реализуют отдельные процедуры бренд-менеджмента, такие как формирование идентичности бренда, построение его архитектуры, разработка программ по продвижению бренда. При этом существенными остаются проблемы дифференцированного позиционирования товарной категории и организации интегрированного для всех участников товародвижения бренд-менеджмента для предприятий, работающих на российском рынке готовых замороженных продуктов. Совершенствованию управления российскими брендами должна способствовать также адаптация общих положений маркетингового управления брендами к условиям национального рынка изделий мясопереработки.

Однако на практике оказывается, что большинство предприятий работают по одинаковой схеме взаимодействия с потребителями, что снижает уровень дифференциации товарных предложений [2]. В подобных условиях наиболее эффективным способом взаимодействия с потребителями является дифференциация на основе брендингового подхода, но на указанном рынке брендинг является общеприменимым инструментом, однако для потребителя бренды остаются недифференцированными, то есть отсутствуют яркие дифференцирующие элементы.

В этой связи необходимо рассматривать бренд на рынке готовых замороженных продуктов как интегрированную модель. Ряд авторов рассматривает бренд как элемент корпоративной культуры (ценностный подход, Й. Кунде) [3]; в рамках эмоционально-чувственного подхода в качестве основы формирования бренда определяются чувства и эмоции потребителей (М. Линдстром) [4], «экономо-маркетинг» рассматривает потребителей бренда в первую очередь как рационально ориентированных (И.В. Липсиц) [5]. В развитие данных подходов авторами предложено определение, отражающее специфику современного маркетингового управления брендами: бренд — многопараметровый объект маркетингового управления, формируемый на основе потребительской идентификации и предпочтений с учетом конкурентной дифференциации.

Потребительская идентификация определяет состояние бренда и его силу, которые характеризуются по основным параметрам потребительского восприятия и отношения: осведомленность о бренде (знание отличительных характеристик бренда), ассоциации с брендом (ассоциативный ряд бренда),

воспринимаемое качество брендированного товара (уровень качества, воспринимаемый потребителями), лояльность к бренду (степень приверженности к товару под брендом). Характеристика бренда по этим параметрам осуществляется с позиции потребительского восприятия и позволяет в наибольшей степени учесть мотивацию его внутреннего выбора. Эта особенность отличает авторский подход от существующих подходов, большая часть которых не рассматривает бренд с точки зрения внутренней мотивации потребителя.

Потребительская идентификация реализуется посредством выбора потребителями именно тех брендов, которые воспринимаются ими как элементы их образа жизни. Это определяет важность такого этапа управления брендом, как формирование портрета потенциальных потребителей, который служит базой для создания идентичности бренда, основным критерием которого является органичное сочетание потребления брендированного товара с деятельностью, интересами и убеждениями потребителей.

Конкурентная дифференциация создает явные отличия идентичности бренда от конкурентов на основе обеспечения такой его ценности, которую не может предоставить потребителю ни один из представленных на рынке конкурирующих брендов. Управление товарными брендами чаще всего осуществляют производственные компании, в ряде случаев они могут представлять собой корпоративный бренд (бренд производителя). В управлении торговых предприятий находятся торговые бренды: торговой сети и private label.

Рынок продуктов питания характеризуется усиливающейся конкурентной борьбой товарных и торговых брендов. Private label представляют собой угрозу для брендов производителей благодаря преимуществу близости к конечному потребителю, возможности привлекательной вариации цен и влияния сформированного имиджа торговой сети на доверие потребителей. Это требует адаптации технологий бренд-менеджмента производителей продукции к специфике рынка с учетом технологий управления торговыми брендами и конкурентной ситуации [6].

На рынке изделий мясопереработки дополнительной особенностью управления брендами является то, что один и тот же бренд может представлять собой одновременно товарный и корпоративный (производителя) бренд. Данная особенность рынка определяет необходимость координации всех процедур бренд-менеджмента не только на различных уровнях канала товародвижения, но в различных каналах — собственной торговой сети и торговых посреднических структурах — с целью достижения синергетического эффекта в построении сильного бренда.

Согласно данным FDF Group, потребители готовых замороженных продуктов — люди в возрасте от 35 до 46 лет (31%) и от 15 до 25 лет (21%). Среди покупателей полуфабрикатов подавляющее большинство (71%) — женщины, две трети из них — женщины со средним достатком. В основном это женщины, ведущие активный образ жизни (в связи с отсутствием времени на приготовление домашней еды).

Полуфабрикаты не являются основным видом пищи для покупателей, чаще всего дополнением к самостоятельно приготовленным блюдам. Так, 47% покупателей потребляют полуфабрикаты 2—3 раза в неделю, в то время как самостоятельно приготовленная пища потребляется каждый день.

Согласно результатам исследования, самыми популярными продуктами являются мясные (42% затрат потребителей на полуфабрикаты). Подкатегория «Замороженные готовые продукты» брендирована, но идентичность представленных брендов отсутствует, в связи с чем лояльность внутри подкатегории относительно низкая. Маркетинговое управление

брендом производителя готовых замороженных продуктов включает два уровня, таких как формирование или актуализация портфеля брендов предприятия; формирование и развитие до целевого уровня силы каждого конкретного бренда [7].

Этот подход, а также условие, что сила бренда не является стабильной в связи с усилением рыночной конкуренции, положены в основу авторской модели процесса бренд-менеджмента производителя изделий мясопереработки (рис. 1).

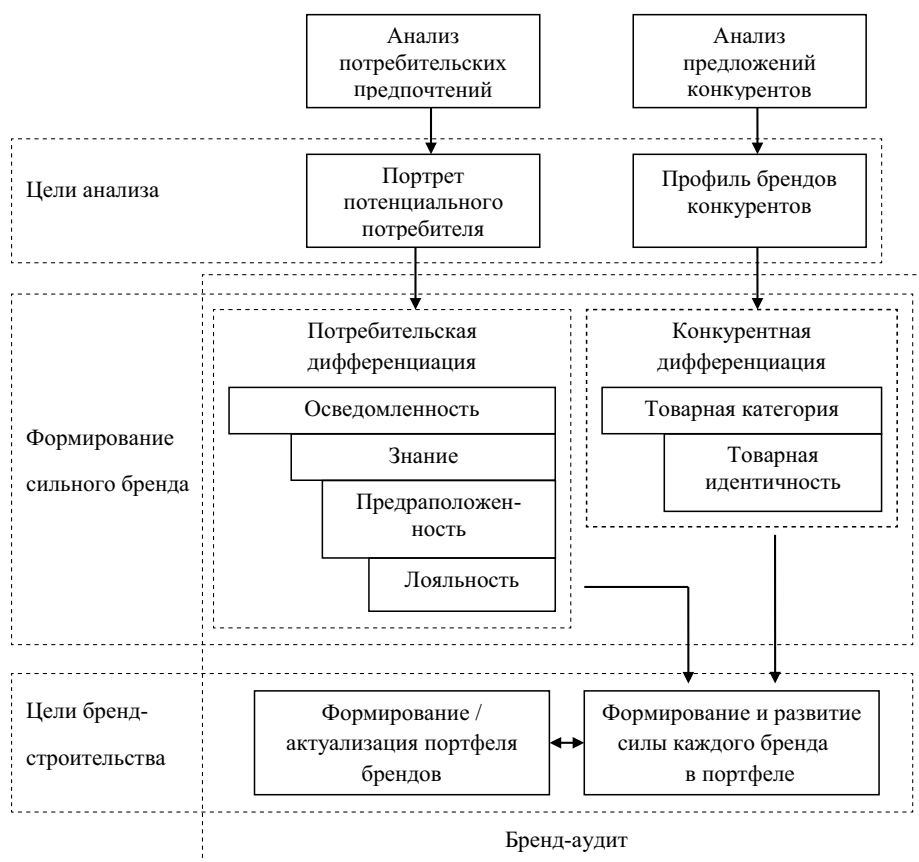

Рис. 1. Модель бренд-менеджмента производителя на рынке готовых замороженных продуктов (составлено авторами)

Основой для принятия решений по формированию или актуализации портфеля брендов производителя готовых замороженных продуктов являются результаты маркетинговых исследований и анализа предпочтений потребителей, которые позволяют описать требуемые состояния брендов с учетом потребительской лояльности, анализ предложения конкурентов позволяет сформировать соответствующую систему ролей брендов в портфеле с учетом конкурентной дифференциации [8].

Структура бренда на рынке готовых замороженных продуктов учитывает причинно-следственные зависимости между конкретными показателями состояния бренда. Все возможные состояния бренда взаимообусловлены: так, создание определенного состояния бренда с точки зрения осведомленности (например, коммуникация ценности потребителю посредством представленности брендированного товара в различных ценовых диапазонах) позволяет сформировать целевые ассоциации потребителей в отношении бренда на рынке готовых замороженных продуктов. Общий уровень осведомленности потребителей о бренде формируется на основе создания конкретной широты и глубины осведомленности, обеспеченных производителем с помощью количественно описываемых состояний бренда: количества продуктовых категорий на рынке готовых замороженных продуктов, диапазона цен, количества возможностей использования готовых замороженных продуктов, качественно описываемых состояний, таких как известность категории и брендов, вероятность выбора, сохранение в памяти. И рекламы, конечно же. В свою очередь, ассоциации, вызываемые брендом готовых

замороженных продуктов у потребителя, могут быть проанализированы с использованием количественного измерения состояний бренда (высокий уровень качества, полезность, выгода) и качественного измерения состояний бренда (престиж, теплота, самоуважение) [9].

Особенностью рынка готовых замороженных продуктов как сегмента рынка продуктов питания является обязательное условие учета в маркетинговой политике производителей и торговых посредников решающей роли рациональных мотивов принятия потребителями решения о покупке. Поэтому в первую очередь производителю важно иметь в портфеле бренды на рынке готовых замороженных продуктов в таких состояниях, которые связаны с рациональными ассоциациями. Прежде всего важны материальные выгоды потребителя, это база. Если продукт невкусный, выглядит небезопасно или его неудобно использовать, то его никто не купит, уж повторно точно. Но это не все, должна быть и эмоциональная составляющая, иначе его не идентифицировать из конкурентного окружения, он не найдет отклика в душе человека, не соотнесется с его ценностями и т. д.

Полученные выше выводы, а также результаты экспертных опросов представителей руководства мясоперерабатывающих предприятий позволили нам выявить основные инструменты бренд-строительства на рынке готовых замороженных продуктов для формирования состояний бренда, привлекательных для потребителя. Предложена модель выбора инструментов бренд-менеджмента для формирования целевых состояний бренда на рынке готовых замороженных продуктов (рис. 2).

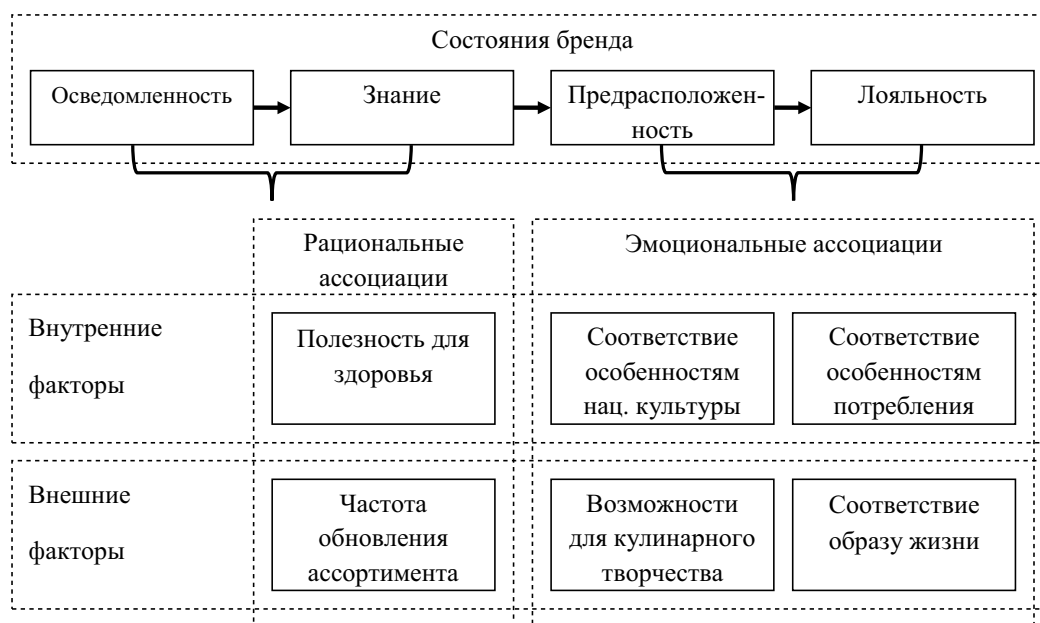

Рис. 2. Модель выбора инструментов бренд-менеджмента для формирования состояний бренда на рынке готовых замороженных продуктов (составлено авторами)

Применение таких инструментов, как визуализация идентичности бренда, маркетинговые коммуникации [10], структура бренда и дистрибуция, способно обеспечить соответствие материальных и нематериальных элементов брендированного товара условиям привлекательности бренда для потребителей. Согласно предложенной авторами модели, определенное состояние бренда, например состояние «престиж», достигается за счет использования соответствующего диапазона цен на предлагаемую продукцию и формирования состояния бренда в отношении ценового позиционирования. Эти условия обеспечивают соответствие особенностей потребления товара образу жизни потребителя.

Стоит отметить, что в системе бренд-менеджмента обратная связь бренда с рынком осуществляется посредством бренд-аудита путем проведения качественных и количественных маркетинговых исследований, главная цель которых — обеспечить руководство компании данными для оценки показателей. Эффективная реализация процедур бренд-менеджмента во многом зависит от полноценного коммуникационного взаимодействия функциональных систем и сотрудников компании. Управленческие процедуры создания сильных брендов реализуются при одновременном функционировании системы производства продукции, системы управления персоналом и системы развития дистрибуции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мартасов Д. А. Бренддинг как социально-экономическое явление // Корпоративная социальная ответственность: сб. ст. Международный науч.-практ. конф. / ВлГУ. Владимир: Собор, 2009. 300 с.
2. Каптюхин Р. В., Романов А. А. Перспективы развития электронных средств массовой информации // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 33. С. 15—20.
3. Кунде Й. Корпоративная религия. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002. 272 с.
4. Линдстром М. Чувство бренда. Воздействие на пять органов чувств для создания выдающихся брендов. М.: Эксмо, 2006. 272 с.
5. Маркетинг: учеб. / Под ред. проф. И. В. Липсица. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 576 с.
6. Данченко Л. А., Денисова Е. С., Невоструев П. Ю. Инновационные методы маркетинга в условиях трансформации поведения потребителей // Экономические науки. 2008. № 46. С. 250—255.
7. Маркетинг: учеб. и практикум / Под ред. Л. А. Данченко. М.: Юрайт, 2014. 486 с.
8. Ласковец С. В., Каптюхин Р. В., Жидкова О. Н. Применение методов анализа ассортимента в целях совершенствования товарной политики компании // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 141—145.
9. Каптюхин Р. В., Мхитарян С. В., Тультаев Т. А. Трансформация классификационной модели маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 120—124.
10. Невоструев П. Ю., Каптюхин Р. В. Подходы к определению оригинальности контента в рамках контент-маркетинга // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 65—69.

REFERENCES

1. Marthasov D. A. Branding as a socio-economic phenomenon // Corporate Social Responsibility: collection of articles of the International scientific-practical conference / VSU. Vladimir: Cathedral, 2009. 300 p.
2. Kaptyukhin R. V., Romanov A. A. Prospects of development of electronic mass media // Economics and modern management: theory

and practice. 2014. № 33. P. 15—20.

3. Kunda Y. Corporate religion. SPb.: Stockholm school of Economics in St. Petersburg, 2002. 272 p.

4. Lindstrom M. The Sense of the brand. Impact on the five senses on creation of outstanding brands. M.: Eksmo, 2006. 272 p.

5. Marketing: textbook / Ed. by professor I. V. Lipsic. M.: GEOTAR-Media, 2012. 576 p.

6. Danchenok L. A., Denisova E. S., Nevostruev P. Yu. Innovative marketing techniques in the transformation of consumer behavior // Economics. 2008. № 46. P. 250—255.

7. Marketing: textbook and workshop / Ed. by L. A. Danchenok. M.: Yurait, 2014. 486 p.

8. Laskovets S. V., Kaptyukhin R. V., Zhidkova O. N. Application of methods of analysis for improvement of the range of commodity policy // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 141—145.

9. Kaptyukhin R. V., Mkhitaryan S. V., Tultaev T. A. Transformation of the classification model of marketing communications in the Internet space // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 120—124.

10. Nevostruev P. Yu., Kaptyukhin R. V. Approaches to definition of original content within the content marketing // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 65—69.

УДК 658.153.2

ББК 65.291.572

Kamaliev Rafael Rayfilovich

working on the scientific degree of candidate of economic sciences of the department of economics of enterprise and production management of St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg,
e-mail: rafaell161@yandex.ru

Камалиев Рафаэль Райфилович,

соискатель ученой степени канд. экон. наук кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: rafaell161@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА И ЕГО РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

ECONOMIC ESSENCE OF THE WORKING CAPITAL AND ITS ROLE IN THE ACTIVITIES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

В статье проведен обзор мнений ведущих ученых по теме управления оборотным капиталом, представлен краткий генезис таких понятий и терминов, как основной и оборотный капитал, текущие активы, источники формирования текущих активов, управление оборотным капиталом, приведена классификация оборотных активов в соответствии с действующим законодательством, рассмотрены циклы управления оборотным капиталом, их влияние на показатели оценки эффективности его использования и формирования. Уточнено понятие оборотного капитала, позволяющее разграничить область применения понятий «управление оборотным капиталом» и «управление элементами текущих активов». Сделан вывод о необходимости использования методов управления оборотным капиталом, обеспечивающих поиск компромисса между рентабельностью деятельности и риском потери ликвидности.

The article has reviewed the opinions of the leading scientists on the subject of the working capital management; a brief genesis of such concepts and terms as basic and working capital, current assets, sources of formation of current assets, working capital management has been represented; classification of the working assets in accordance with applicable legislation has been provide; the cycles of the working capital management have been examined, as well as their influence on the indicators of assessment of its effective use and formation. The notion of working capital has been specified, which allows distinguishing the scope of application of the concepts «working capital management» and «current assets components management». The conclusion was made regarding necessity of use of the working capital management methods that provide for search of compromise between business profitability and the risk of liquidity loss.

Ключевые слова: коэффициент рентабельности, коэффициент ликвидности, оборотный капитал, управление оборотным капиталом, текущие активы, затратный цикл, кредитный цикл, финансовый цикл, левосторонний риск, правосторонний риск.

Keywords: net profit margin, liquidity ratio, working capital, working capital management, quick assets, costly cycle, credit cycle, financial cycle, left-sided risk, right-sided risk.

Эффективность текущей производственно-хозяйственной деятельности любого промышленного предприятия во многом определяется качеством управления текущими активами и источниками их формирования. Стратегические и тактические решения, связанные с использованием различного инструментария управления оборотным капиталом, позволяют адекватно реагировать на факторы внешней и внутренней среды деятельности предприятия, обеспечивая устойчивое развитие предприятия и нивелирование влияния дестабилизирующих факторов, что требует разработанной теоретической и методологической базы.

Исследованию оборотного капитала посвящены работы таких известных российских и зарубежных ученых, как В.В. Ковалев, А.Д. Шеремет, Е.В. Негашев, Дж. К. Ван Хорн, Д.А. Ендовский, И.В. Пещанская, Е.С. Стоянова и др.

Для систематизации теоретического и методологического аппарата исследования необходимо более глубокое изучение таких базовых категорий, как оборотный капитал, текущие активы, источники формирования текущих активов, управление оборотным капиталом и пр.

Генезис категории «оборотные средства» приведен в работе И.В. Пещанской [1]. Согласно данному исследованию,

принципы разделения капитала на основной и оборотный впервые были даны Ф. Кенэ, который, однако, ограничивал такое деление только сферой сельского хозяйства.

В научный оборот категории «основной» и «оборотный капитал» были введены А. Смитом, противопоставившим использование указанных категорий ко всему функционирующему капиталу предприятий любых отраслей, причем различие между основным и оборотным капиталом А. Смит видел в особенностях кругооборота.

В дальнейшем эти предпосылки были развиты Д. Рикардо. В частности, им было предложено разграничивать капитал на основной и оборотный в зависимости не только от особенностей кругооборота, но и от срока службы, что сводит всю проблему к различным временным периодам использования капитала в производственном процессе, при этом Д. Рикардо исключал из оборотного капитала затраты на материалы, оставляя лишь затраты на оплату труда.

Развитие идей Д. Рикардо было предложено К. Марксом, который уделял центральное место категориям переменного и постоянного капитала. К. Маркс исследовал вопрос о скорости движения капитала в целом и его составляющих, условия непрерывности движения капитала в производстве и обращении и пр.

И. В. Пещанская в своем труде не делает различий между категориями «оборотные средства» и «оборотный капитал», что вносит неясность в идентификацию предмета исследования. Рассмотрим и проанализируем различные точки зрения по этому вопросу.

Стандарты бухгалтерского учета [2] Российской Федерации определяют оборотные средства (оборотные активы) как активы, обращаемые в наличные средства в течение одного календарного года.

В. В. Ковалев [3], Дж. К. Ван Хорни, Дж. К. Вахович (мл.) [4] в качестве критерия отнесения активов предприятия к оборотным принимают их регулярное возобновление с целью поддержания операционной деятельности, при этом инвестиции в оборотные средства, по их мнению, должны совершать как минимум один оборот в календарном году или за один производственный цикл. Также В. В. Ковалев считает, что имеет место неоднозначность трактовки термина «капитал», и приводит обоснование необходимости применения понятия «оборотный капитал», основанное на том, что подчеркивается не предметно-вещественная природа оборотных активов, а величина денежных средств, вложенных в эти активы. Предложенный авторами подход вызывает сложность использования в связи с недостаточной конкретностью понятия, поскольку есть различия между оборотным капиталом и оборотными средствами. Кроме того, в текущие активы компании включаются помимо денежных средств материальные ресурсы и дебиторская задолженность.

И. А. Бланк [5] под оборотными активами предлагает понимать совокупность имущественных ценностей предприятия, участвующих в обслуживании текущей производственно-коммерческой деятельности предприятия и полностью потребляемых (видоизменяющих свою форму) в течение одного операционного цикла.

Соглашаясь с И. А. Бланком, но в то же время не делая различий между понятиями «оборотный капитал» и «оборотные активы», А. В. Дуванов [6] предлагает следующее определение: оборотные активы (оборотный капитал) — совокупность имущественных ценностей, обслуживающих текущую деятельность предприятия и полностью потребляемых в течение одного производственно-коммерческого цикла, возмещаемых из выручки от продаж товаров в течение одного года.

Согласно мнению А. В. Мальцевой [7], оборотный капитал — имущественные ценности, потребляемые однократно, созданные за счет авансирования денежных и приравненных к ним средств, предназначенные для обеспечения непрерывности планомерного процесса производства и реализации продукции и включающие в себя следующие элементы: запасы сырья и материалов; запасы незавершенного производства; запасы готовой продукции на складе; расходы будущих периодов; отгруженные товары; дебиторская задолженность; денежные средства. В предлагаемом определении отражена двуединая сущность оборотного капитала — как совокупность источников его формирования, так и имущественных ценностей, размещенных в активах предприятия.

На сегодняшний день в экономической науке сложилось четкое представление о составе, структуре и классификации оборотных активов предприятия. Необходимость классификации оборотных активов обуславливается неоднородностью их состава и качественными характеристиками. Рассмотрим их подробнее.

Стандарты бухгалтерского учета [2] Российской Федерации включают в состав оборотных активов следующее:

- сырье, материалы и другие аналогичные ценности;
- затраты в незавершенном производстве (издержки обращения);
- готовая продукция;
- товары для перепродажи и отгруженные товары;
- расходы будущих периодов;
- задолженность покупателей и заказчиков;
- векселя к получению;
- задолженность дочерних и зависимых обществ;
- задолженность участников (учредителей) по взносам в уставный капитал;
- авансы выданные;
- прочие дебиторы;
- займы, предоставленные организациям на срок менее двенадцати месяцев;
- собственные акции, выкупленные у акционеров;
- прочие финансовые вложения;
- средства на расчетных счетах;
- прочие денежные средства.

Анализ классификаций оборотных активов, представленный как отечественными, так и зарубежными авторами, позволяет говорить о схожести классификационных признаков и несущественности отличий. По мнению автора настоящей статьи, наиболее полную характеристику оборотного капитала приводит И. А. Бланк [5], который классифицирует оборотные активы:

- по характеру финансовых источников (валовые оборотные активы, чистые оборотные активы, собственные оборотные активы);
- по видам (запасы сырья, материалов и полуфабрикатов, запасы готовой продукции, текущая дебиторская задолженность, денежные активы, прочие оборотные активы);
- по характеру участия в операционном процессе (обслуживающие производственный цикл, обслуживающие финансовый цикл);
- по периоду функционирования (постоянная часть оборотных активов, переменная часть оборотных активов).

Разделение оборотных активов по характеру финансовых источников формирования позволяет говорить о взаимосвязи политики управления оборотными активами и политики управления их финансированием, что соответствует точке зрения Дж. К. Ван Хорни и Дж. К. Вахович (мл.) [4], которые вводят понятие «управление оборотным капиталом» как эко-

номическую категорию, включающую в себя как управление оборотными средствами, так и финансированием, необходимым для поддержания должного уровня и структуры текущих активов. Действительно, наличие в достаточном объеме финансовых ресурсов, их эффективное использование определяют хорошее финансовое положение предприятия, платежеспособность, финансовую устойчивость, ликвидность [8]. Поэтому для устойчивого положения российских предприятий в условия постоянной конкуренции с зарубежными фирмами важен поиск эффективных источников финансирования.

Детализация данного понятия приведена в работе О.М. Ермолиной [9]. Согласно ему, управление оборотным капиталом представляет собой комплекс организационных и экономических мероприятий, совокупность процессов и действий, направленных на своевременное и полное обеспечение деятельности предприятия необходимыми оборотными средствами и их эффективное использование. Целью управления оборотным капиталом является оптимизация финансового цикла для обеспечения максимальной деловой активности предприятия. Аналогичной позиции придерживается и И. А. Бланк.

Определенный интерес вызывает сформулированное Е.В. Башлыковым [10] понятие «механизм управления оборотным капиталом», представляющий собой сбалансированную систему организационно-экономических воздействий на процессы формирования и финансирования оборотного капитала предприятия.

По мнению Ю.И. Анисимова [11], управление оборотным капиталом заключается в воздействии на объем и структуру оборотного капитала, а также источники его формирования с целью повышения эффективности использования.

Управление оборотным капиталом, таким образом, связано с особенностями формирования затратного, кредитного и финансового циклов (рис. 1.1), что нашло свое отражение в работах таких авторов, как И.А. Бланк [5], А.А. Васина [12], В.В. Ковалев [3], О.М. Ермолина [9] и др.

Период оборота составляющих элементов оборотных активов рассчитывается по формуле:

$$\text{Период оборота (T оборота)} = \frac{\text{Актив (Пассив) (средний)}}{\text{База расчета (за один день)}}, \quad (1.1)$$

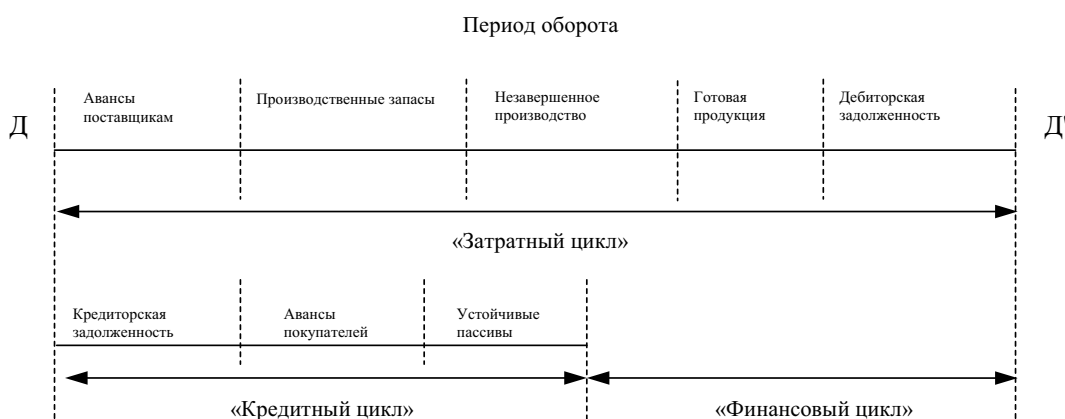

Рис. 1.1. Этапы обращения денежных средств и формирования циклов деятельности промышленного предприятия

Интерпретация периодов оборота представлена в табл. 1.1.

В качестве базы расчета могут использоваться выручка от реализации или индивидуальные базы [12]. В качестве индивидуальной базы для расчета периода оборота производственных запасов, незавершенного производства, авансов поставщикам и кредиторской задолженности используется показатель себестоимости реализации продукции, при этом для расчета периода оборота производственных запасов величина

себестоимости корректируется на сумму «запасонеобразующих» статей, таких как величина заработной платы, отчислений в социальные, медицинские и пенсионный фонды, налоги, включаемые в себестоимость, и прочих подобных статей. При расчете периода оборота авансов поставщикам и кредиторской задолженности возможна корректировка индивидуальной базы на величину затрат, не оплачиваемых на основании выставленных счетов.

Таблица 1.1

Экономическая интерпретация периодов оборота

Элементы текущих активов и пассивов	Экономическая интерпретация периода оборота
Авансы поставщикам	Срок предоплаты получаемого сырья и материалов
Материальные запасы	Средняя периодичность возобновления запасов материалов на складе. Средняя продолжительность хранения материалов на складе
Незавершенное производство	Средняя продолжительность цикла производства продукции
Готовая продукция	Периодичность отгрузки готовой продукции покупателям
Дебиторская задолженность (выставленные счета)	Средний срок оплаты покупателями выставленных счетов за отгруженную продукцию. Продолжительность отсрочки платежей, предоставляемой покупателям
Кредиторская задолженность (предъявленные счета)	Средний срок оплаты предприятием счетов поставщиков за поставленные материалы и услуги. Средняя продолжительность отсрочки платежей за поставленные материалы и услуги
Авансы покупателей	Средний срок предоплаты продукции (работ, услуг) покупателями и заказчиками
Устойчивые пассивы	Средний период отсрочки по уплате налогов и выплата заработной платы

Приведено согласно работе А. А. Васиной [12].

Рассмотрим, какое влияние оказывает изменение оборотного капитала на финансовое состояние промышленного предприятия (рис. 1.2).

Так, воздействие на деятельность предприятия, вызванное ростом затратного цикла, выражается сокращением рентабельности как всего капитала, так и собственного, а также в негативном влиянии на показатели финансовой устойчивости и ликвидности в связи с возникновением дополнительной потребности в источниках финансирования оборотных активов.

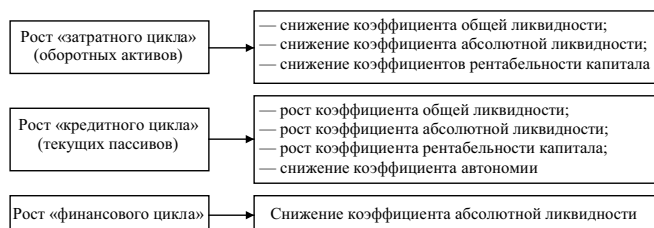

Рис. 1.2. Влияние оборотного капитала на финансовое состояние промышленного предприятия
Приведено согласно работе А. А. Васиной [12].

В деятельности промышленных предприятий рост затратного цикла обуславливается изменениями условий договоров с поставщиками в части увеличения доли расчетов с использованием авансов, формированием излишних производственных запасов и запасов готовой продукции, резким ростом объемов незавершенного производства, возникшим по технологическим или организационно-производственным причинам, изменениями условий договоров с покупателями в части увеличения отсрочек платежей или возникновением ситуации неплатежей, что объективно приводит к обесцениванию оборотных активов.

Рост кредитного цикла обуславливается увеличением кредиторской задолженности, ростом доли авансов, полученных от покупателей, увеличением объема устойчивых пассивов. Следует учитывать, что рост кредиторской задолженности и объемов устойчивых пассивов может вызвать негативные последствия в дальнейшей деятельности предприятия, в частности, если рост кредиторской задолженности сопровождался снижением ее качества (несвоевременное гашение кредитор-

ской задолженности поставщикам и в бюджеты различного уровня).

Изменение финансового цикла является следствием изменений в затратном и кредитном циклах. Рост финансового цикла обуславливает возникновение возможного дефицита денежных средств и, как следствие, технической неплатежеспособности предприятия в краткосрочном периоде и, в случае непринятия соответствующих мер, дальнейшей потери ликвидности. Как отмечает Т.А. Малова, «в результате увеличения долгов и уменьшения стоимости активов происходит снижение капитализации предприятия» [13]. Сокращение финансового цикла приводит к снижению долговой нагрузки и повышению рентабельности деятельности за счет прямого сокращения затрат на обслуживание долга по заемным источникам финансирования.

Следует отметить, что возникновение дополнительных потребностей в финансировании оборотных активов может быть обусловлено увеличением производства и отгрузок выпускаемой продукции при неизменном финансовом цикле.

Таким образом, используемые промышленным предприятием методы управления оборотным капиталом должны обеспечить соответствие между риском потери ликвидности (способностью организации платить свои краткосрочные обязательства в текущем периоде [14]) и рентабельностью (основной показатель эффективности хозяйственной деятельности, показатель эффективности единовременных и текущих затрат, прибыльность бизнеса).

По мнению В.В. Ковалева [3], в процессах управления оборотным капиталом необходимо обеспечить нахождение компромисса между ростом или потерей рентабельности деятельности предприятия и потенциальной потерей ликвидности, что может быть решено в рамках двух задач: во-первых, обеспечение платежеспособности и, во-вторых, обеспечение приемлемого объема, структуры и рентабельности активов.

Риск потери ликвидности или снижения эффективности, обусловленный изменениями в оборотных активах, называют левосторонним. В случае если указанный риск обусловлен изменениями в обязательствах, то такой риск именуют правосторонним (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Явления, несущие правосторонний и левосторонний риски

Левосторонний риск		Правосторонний риск	
Ликвидность	Рентабельность	Ликвидность	Рентабельность
Недостаточность денежных средств	Недостаточность производственных запасов	Высокий уровень кредиторской задолженности	Высокая доля долгосрочных заемных средств
Недостаточность собственных кредитных возможностей	Излишки неиспользуемых производственных запасов	Неоптимальное сочетание долгосрочных и краткосрочных заемных средств	Необоснованный рост кредиторской задолженности

Приведено согласно работе В. В. Ковалева [3].

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день не существует единой позиции относительно таких понятий, как оборотные средства, оборотные активы, оборотный капитал. Чтобы решить указанную проблему, мы предлагаем в рамках данного исследования использовать следующие определения перечисленных терминов.

Оборотные активы (оборотные средства; текущие активы) — часть активов предприятия, авансированная в имущественных ценностях, обеспечивающих текущую

производственно-хозяйственную деятельность предприятия и полностью потребляемых в течение одного производственного цикла и возмещаемых из выручки от продаж товаров в течение одного года. В контексте данной работы используется термин «текущие активы».

Оборотный капитал — совокупность текущих активов и источников их формирования, связанных с производственно-хозяйственной деятельностью в рамках формирования производственного и кредитного циклов деятельности промышленного предприятия.

Под управлением оборотным капиталом мы будем понимать полный набор методов и инструментов, используемых для обеспечения приемлемого баланса между уровнем рентабельности и степенью ликвидности на всех этапах обращения денежных средств и формирования циклов деятельности промышленного предприятия.

Таким образом, следует разграничить область применения понятий «управление оборотным капиталом» и «управление элементами текущих активов».

В научных работах подавляющего большинства исследователей данные понятия отождествляются. К примеру, в работе Н. А. Лукьяновой [15], посвященной управлению оборотным капиталом на предприятиях энергетического машиностроения, особое внимание уделяется вопросам управления такими элементами текущих активов, как производственные запасы и дебиторская задолженность. В исследованиях А. В. Мальцевой [7] и А. В. Дуванова [6] понятия «оборотный капитал» и «текущие активы» отождествляются. По мнению О. Н. Ермолиной [9], управление оборотным капиталом представляет собой комплекс организационных и экономических мероприятий, совокупность процессов и действий, направленных на своевременное и полное обеспечение деятельности предприятий необходимыми оборотными средствами и их эффективное использование. В работе автора также особое внимание уделяется вопросам управления запасами, что, по нашему мнению, не имеет непосредственного отношения к управлению оборотным капиталом и относится к вопросам управления элементами текущих активов.

Следует отметить, что проблеме управления отдельными элементами текущих активов посвящено большое количество работ таких авторов, как И. А. Бланк, Дж. К. Ван Хорн, В. В. Ковалев, Е. С. Стоянова и многих других.

Графически взаимосвязь между понятиями «текущие активы», «текущие пассивы», «управление оборотным капиталом» и «управление элементами текущих активов» представлена на рис. 1.3.

Данная схема показывает, что в качестве главной цели управления оборотным капиталом выступает формирование нацеленных на повышение эффективности моделей управления текущими активами и управления текущими пассивами, в результате чего станет возможным формирование тактических решений в рамках определенной стратегии развития предприятия. Механизмы, методы и инструменты оказания управляющих воздействий на элементы текущих активов и текущих пассивов, а также их формирование лежат в области, определяемой нами как «управление элементами текущих активов» или «управление источниками формирования текущих активов», при этом выбранная

модель управления текущими активами определяет выбор сочетающейся с ней модели управления текущими пассивами.

Рис. 1.3. Иерархия уровней управления оборотным капиталом

В последнее время в научной литературе более пристальное внимание уделяется проблеме комплексной выработки стратегических и тактических управленческих решений в отношении оборотного капитала. В данной статье мы рассмотрели состав и структуру оборотных активов, но для детального исследования методов и инструментов управления оборотным капиталом необходимо изучить состав, структуру и особенности формирования источников финансирования оборотных активов. При этом, соглашаясь с Д. С. Качалиным, «основным методологическим подходом к классификации, построению структуры, формированию источников и направлений использования финансовых ресурсов предприятий реального сектора является их отношение к конкретному типу предприятий (учреждений), а также наличие определенных отраслевых и организационно-правовых признаков. В зависимости от этого будут меняться не только структура финансовых ресурсов и направлений их использования, но и ценовая, дивидендная, инвестиционная, кадровая, налоговая политика, оказывающие влияние на финансовые результаты» [8].

Таким образом, каждый хозяйствующий субъект должен правильно управлять также источниками финансирования, так как от эффективности управления полностью зависит результат деятельности предприятия в целом, а данный момент является ключевым при выполнении финансовых обязательств перед контрагентами [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пещанская И. В. Краткосрочный кредит: теория и практика. М.: Экзамен, 2003. 320 с.
2. Об утверждении положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» ПБУ 4/99: Приказ Минфина РФ от 06.07.1999 года № 43н (в ред. от 08.11.2010 года) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
3. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент. Управление капиталом. М.: Финансы и статистика, 1999. 340 с.
4. Ван Хорн Дж. К., Вахович Дж. М. Основы финансового менеджмента. М.: Вильямс, 2004. 992 с.
5. Бланк И. А. Основы финансового менеджмента. К.: Эльга, Ника-Цент, 2004. Т. 1, 2. 624; 624 с.
6. Дуванов А. В. Управление оборотным капиталом на судостроительных предприятиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2006. 21 с.
7. Мальцева А. В. Анализ эффективности использования оборотного капитала (на примере промышленных предприятий): автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2002. 18 с.
8. Качалин Д. С. Построение структуры источников и направлений использования финансовых ресурсов предприятий реального сектора // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 58—64.

9. Ермолина О. Н. Управление оборотным капиталом предприятия (на примере лесопильно-деревообрабатывающих предприятий Архангельской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2006. 21 с.
10. Башлыков Е. В., Ходоровский М. Я. Механизм управления оборотным капиталом промышленного предприятия // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Рынок: теория и практика». Вып. 4. 2006. № 15 (70). С. 292—296.
11. Анисимов Ю. И. Финансовое стимулирование эффективного использования оборотного капитала предприятий виноделия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 26 с.
12. Васина А. А. Финансовая диагностика и оценка проектов. СПб.: Питер, 2004. 448 с.
13. Малова Т. А. Анализ процесса капитализации рыночной стоимости в условиях экономического кризиса // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 53—59.
14. Наминова К. А. Взаимосвязь платежеспособности и финансовой устойчивости страховых организаций // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 206—210.
15. Лукьянова Н. А., Шевченко О. А. Оптимизация финансового цикла на предприятиях с длительным производственным процессом с помощью инструментов логистики // Известия СПбУЭФ. 2009. № 3. С. 163—169.

REFERENCES

1. Peshchanskaya I. V. Short-term credit: theory and practice. M.: Examination, 2003. 320 p.
2. On approval of the provision regarding accounting Accounting statements of a company PBU 4/99: Order of the RF Ministry of Finance dated 06.07.1999 № 43n (as amended on 08.11.2010) // ILS ConsultantPlus [Electronic resource].
3. Kovalev V. V. Financial management. Capital management. M.: Finance and statistics, 1999. 340 p.
4. Van Horne J. K., Vahovich M. Fundamentals of financial management. M.: Williams, 2004. 992 p.
5. Blank I. A. Fundamentals of financial management. K.: El'ga, Nika Center, 2004. B. 1, 2. 624; 624 p.
6. Duvanov A. V. Working capital management at the shipbuilding companies: abstract of dissertation of the candidate of economics. St. Petersburg, 2006. 21 p.
7. Mal'tseva A. V. Analysis of the working capital effectiveness (on the example of industrial enterprises): abstract of dissertation of the candidate of economics. St. Petersburg, 2002. 18 p.
8. Kachalin D. S. Development of the structure of sources and directions of use of financial resources of the real sector companies // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 58—64.
9. Ermolina O. N. Working capital management at the enterprise (on the example of sawmilling and woodworking enterprises of the Arkhangelsk region): abstract of dissertation of the candidate of economics. St. Petersburg, 2006. 21 p.
10. Bashlykov E. V., Khodorovsky M. Ya. Mechanism of the working capital management at the industrial enterprise // Bulletin of YuYrSU. Series: Market: theory and practice. Issue 4. 2006. № 15 (70). P. 292—296.
11. Anisimov Yu. I. Financial stimulation of effective use of working capital of the winery companies: abstract of dissertation of the candidate of economics. M., 2011. 26 p.
12. Vasina A. A. Financial diagnostics and evaluation of projects. St. Petersburg: Peter, 2004. 448 p.
13. Malova T. A. Analysis of the process of capitalization of the market value in the conditions of economic crisis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 53—59.
14. Naminova K. A. The relationship of solvency and financial stability of insurance agencies // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 206—210.
15. Luk'yanova N. A., Shevchenko O. A. Optimization of financial cycle at the enterprises with a long production process using tools of logistics // Bulletin of St. Petersburg University of Economics and Finances. 2009. № 3. P. 163—169.

УДК 35.08:331.108.2
ББК 67.401.011:65.240

Primush Roman Borisovich,
working on the scientific degree at the Institute of Legislation of the Verkhovna Rada of Ukraine, deputy chairman of the Khmelnytsky regional territorial office of the Antimonopoly Committee of Ukraine, Khmelnytsky, Ukraine, e-mail: prymush@ukr.net

Примуш Роман Борисович,
соискатель Института законодательства Верховной Рады Украины, зам. председателя Хмельницкого областного территориального отделения Антимонопольного комитета Украины, г. Хмельницкий, Украина, e-mail: prymush@ukr.net

ПСИХОЛОГО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ ПЕРСОНАЛА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

PSYCHOLOGICAL AND PROFESSIONAL SELECTION OF PERSONNEL IN THE AREA OF PUBLIC ADMINISTRATION

В статье рассматривается проблема селекции и рекрутинга кандидатов на должности в органах государственной власти. Автор проводит анализ современного состояния качества государственного управления сквозь призму рекрутинга кандидатов на вакантные должности в органах государ-

ственной власти, уровней и особенностей профессиональной подготовки служащего, отмечаются современные подходы к выбору кандидатов на вакантные должности. В исследовании обосновывается необходимость проведения акмеологической оценки каждого кандидата в процессе профессиональной

селекции на должности, результатом которой должно стать составление акмеограммы, отображающей профессиональную модель кандидата и систему требований, которые выдвигаются к нему.

The article examines the problem of selection and recruitment of the candidates for positions in government authorities. The author analyses the modern state of the state administration quality through the prism of recruiting candidates for vacant positions in the authorities of the state power, levels and peculiarities of professional training of the official; the up-to-date approaches to selection of candidates for vacant positions are identified. The study substantiates the necessity of acmeological evaluation of each applicant in the process of professional selection for the positions, the result of which should become the acmeogram development, which reflects the professional model of the candidate and the system of requirements to him.

Ключевые слова: рекрутинг, селекция, акмеологическая оценка, управленческая деятельность, государственная служба, управленческий персонал, профессиональная подготовка, государственный служащий, государственный аппарат, профессионализм.

Keywords: recruitment, selection, acmeological assessment, management activities, public administration, management personnel, professional training, civil servant, state authorities, professionalism.

Аксиома о том, что профессионализация управленческой деятельности ныне выступает одной из стойких тенденций не только отечественного, но и мирового развития сферы государственного управления и системы государственной службы, не нуждается в обосновании.

Подход к управлению с позиций социальной философии как к социокультурному процессу в условиях функционирования украинского государства в XXI веке приобретает сущность определяющего фактора стратегического значения. Именно поэтому проблема профессионализма и качества государственного управления должны непосредственно анализироваться сквозь призму рекрутинга кандидатов на вакантные должности в органах государственной власти.

Динамизм развития одних стран и застойность других является очевидным свидетельством и непосредственным следствием уровня качества управления. Очевидно, что ныне необходимо получить четкие ответы на такие острые для общества вопросы: какие социально значимые ценности создаются сегодня деятельностью управленцев и аппаратом чиновников; насколько государственные служащие являются профессиональными и эффективными во взаимодействии с другими социальными и профессионально-квалификационными группами в пределах конкретных систем управления; возможно ли осуществлять измерение качества и эффективности собственно управленческой деятельности [1, с. 211].

Четкость ответов на такие вопросы приобретает чрезвычайную важность, если исходить из того положения, что качество жизни граждан государства непосредственно зависит от качества профессионализма людей, занятых управленческой деятельностью в сфере государственного управления. Очевидно, что такая постановка вопроса актуализирует проблему как профессиональности деятельности государственных служащих, так и качественных характеристик их правового и морального самосознания, которое оказывает непосредственное влияние на понимание ими своей социальной ответственности не только перед нынешним поколением граждан, но и перед следующими поколениями соотечественников.

Сложность взаимосвязей политических, социальных, экономических, общественных процессов в государстве и обществе формирует запрос на управленцев нового поколения. На современном этапе государственному служащему недостаточно быть штатной единицей того или иного органа власти, поскольку ныне приобретает актуальность его специфический статус посредника между государством и гражданами, которые ожидают от него компетентного решения их проблем, запросов и т.д.

Возрастающая инвариантность алгоритмов деятельности государственных органов управления снизу вверх обуславливает персональную ответственность государственных служащих по результатам принятых ими решений [2, с. 5].

Г. Атаманчук делает замечание, что надо не преувеличивать и не преуменьшать возможности и значение управления в человеческом обществе, а изучать его, осмысливать, развивать, осваивать, совершенствовать, использовать, соотносить с реальной жизнью и реальными взаимоотношениями людей [3, с. 8].

Современная управленческая деятельность является комплексным явлением с большим количеством элементов, их сложной структурой и разнообразными взаимосвязями с другими явлениями. В одном направлении, по мнению Г. Атаманчука, она обусловлена социальным назначением, философией и идеологией разных видов управления, их субъектами, целями, которые реализуются, и соответственно используемыми ресурсами. В другом направлении определяется состоянием и развитостью человеческой культуры в целом, имеющимися в распоряжении людей материальными и духовными орудиями, средствами, инструментами и технологиями освоения естественного и социального мира. По мнению ученого, реализация данного направления зависит от подготовки человеческого потенциала, его знаний, идеалов, ценностей, таланта, традиций и обычаев, привычек, национального опыта, психологических установок и т.д.

В управленческой деятельности представлено почти все многообразие человеческой жизнедеятельности: психика человека и технологические изделия; внутренние побудительные мотивы и внешние принудительные регуляторы; интерес и информация; эвристические способности и элементарные физические усилия; научные знания и персональный опыт; интуиция и математические просчеты; правовое регулирование и свобода поиска; современный компьютер и обычная грамотность; космические системы связи и умение слушать и слышать друг друга; навыки командовать и готовность подчиняться [Там же. С. 9—10]. Именно поэтому освоение всего богатства управленческой деятельности автоматически означает необходимость овладения искусством лучше управлять, то есть принести еще большую пользу гражданам и государству.

В связи с этим мы разделяем мнение Г. Атаманчука о целесообразности разделения профессиональной подготовки служащего на два уровня (периоды), а именно:

1) доуправленческий (подготовка к переходу человека в субъект управления, которая носит в основном образовательный (теоретический) характер);

2) собственно управленческий, который получает служащий во время профессиональной деятельности на государственной службе и дополняется практическим опытом, возникающая под влиянием всех факторов, которые реально проявляются и в среде управления в целом, и в каждом субъекте управления в частности [Там же. С. 341—342].

В соответствии с такой градацией целесообразно определить два уровня особенностей, согласно которым обязан развиваться как каждый государственный служащий в частности, так и управленческий персонал в целом. Такими уровнями являются:

1. Первичные, начальные характеристики, желательные

(актуальные) для человека, который претендует на выполнение профессиональной деятельности в управлении. Они формируются на базе личностных особенностей и способностей. К ним относятся:

— общекультурный аспект: общая образовательная подготовка; целевые и ценностные жизненные ориентации; опыт общения с людьми; определенные этические и эстетичные установки; культура речи;

— деловой (профессионально-управленческий) аспект: компетентность в вопросах управления в соответствующей сфере; трудовая активность, проверенная практикой; опыт общественной, государственной деятельности; дисциплинированность; сформированное чувство ответственности за результаты деятельности; умение повышать свою квалификацию;

— личностный аспект: моральная стойкость, честность, самостоятельность, развитая воля, решительность, инициативность, коммуникабельность, надежность.

2. Особенности, которые формируются, приобретаются в процессе выполнения управленческой деятельности, накопления опыта и осуществления управленческой карьеры.

Понятно, что не каждый, кто занимает управленческую должность, непременно может или должен владеть всем этим набором вышеуказанных особенностей. Однако сам их состав формирует известные направления и ограничения, в пределах которых есть смысл вести поиск, отбор и подготовку людей, желательных для управления. Если нет общекультурного развития, как-то неудобно (а то и стыдно) встречаться с таким управленцем и выслушивать его точку зрения, суждения и решения по тем или иным вопросам. При отсутствии или при недостатке деловых качеств управленец в глазах окружающих выглядит дилетантом, недоучкой, профаном с соответствующим восприятием всех его доверенностей. Слабость личностных качеств, не говоря уже об отрицательных качествах, ведет к тому, что управленцу не верят, его остерегаются, к нему относятся настороженно, без всякого уважения [Там же. С. 342—343].

Осовременивание подхода к профессиональному рекрутингу в органах государственной власти требует, по нашему мнению, современного осознания профессионализма кандидатов на должности на государственной службе как интегральной характеристики индивидуальных, личностных и субъективно-деятельностных качеств, которые рассматриваются как целостное образование, которое дает возможность на максимальном уровне успешности решать типичные задачи деятельности государственного служащего на должности, на которую он претендовал, будучи кандидатом [4, с. 357].

Понимание необходимого высокого уровня профессионализма кадров управления разрешает нам вести речь об осовременивании подхода к кандидату на любую вакантную должность на государственной службе как к личности, сформированной на основе врожденных возможностей, скорректированных социумом. При этом важно принимать во внимание причины корректирования, чтобы учесть не только существенные изменения личностных особенностей, но и направленность сформированных новых личностных особенностей. Очевидно, что определенные особенности личности являются врожденными и остаются неизменными в течение всей жизни, поэтому выдвинутые социумом требования часто принуждают личность гасить или, наоборот, проявлять особенности и демонстрировать несвойственное ей активное поведение [5, с. 9—10]. В связи с этим, по нашему мнению, назрела необходимость осуществлять обязательную целенаправленную акмеологическую оценку каждого кандидата в процессе профессиональной селекции на должности. Это даст возможность сделать процесс рекрутинга максимально личностно-центрированным и индивидуализированным.

С целью объяснения необходимо указать, что словом

«акме» (от греч. акме — высочайшая степень, цветение, цветущая пора) греки называли период в человеческой жизни, когда появляется зрелость всего, на что способен конкретный человек, когда развернулись, расцвели, на вершине своих способностей находятся его силы. Акме, по определению энциклопедического словаря по теории управления, — это высочайший для каждого человека уровень («звездное время», «вершина совершенства и могущества») развития его физического здоровья, ума, чувств, воли, которые взаимодействуют таким образом, что человек достигает высочайшего результата, проявляя себя как индивид и субъект деятельности.

Акмеологический подход позволяет выявить не только ролевые характеристики кандидатов, но и профессиональные позиции и индивидуальные особенности деятельности каждого из них, которые при условии их максимальной актуализации личностью будут оказывать содействие достижению высокого уровня профессионализма.

Результатом акмеологического исследования должно стать составление акмеограммы, отображающей профессиональную модель кандидата и систему требований, которые выдвигаются к нему. Соблюдение этих требований обеспечивает продуктивное выполнение должностных обязанностей принятым на должность кандидатом и оказывает содействие постоянному развитию творческого потенциала его личности.

Использование акмеологической оценки разрешит, по нашему мнению:

— во-первых, оценить реальное состояние профессиональной пригодности кандидата не только на определенную должность, но и к государственной службе в целом;

— во-вторых, будет оказывать содействие прогнозированию как возможностей повышения эффективности профессиональной деятельности каждого из принятых на государственную службу кандидатов, так и личностно-профессионального развития.

Мы считаем, что объектом акмеологического анализа во время профессионального рекрутинга потенциальных государственных служащих должна стать зрелая личность кандидата, который способен прогрессивно развиваться, самореализовываться в профессиональных достижениях на государственной службе.

Главной задачей акмеологической оценки на этапе рекрутинга должны стать:

— во-первых, определение закономерностей, факторов и условий, которые будут оказывать содействие прогрессивному развитию зрелой личности кандидата и его высоким профессиональным достижениям;

— во-вторых, разработка оптимальных диагностических и развивающих технологий для обеспечения эффективности реализации личностно-профессионального потенциала государственного служащего и оптимизации его профессиональной деятельности в течение всей карьеры на государственной службе [2, с. 7].

Анализ научной литературы по проблематике исследования разрешил выявить, что для определения требований к кандидатам на должность на государственной службе в США применяются такие правила [6, с. 187—188]:

— любой выбор должностного лица является неминуемым компромиссом, поскольку даже лучшие работники также имеют недостатки. Именно поэтому ключом для рекрутинга должно служить четкое представление о том, какие характеристики являются действительно существенными для вакантной должности, а какими при необходимости можно пренебречь;

— разные комбинации характеристик могут быть равноценными для выполнения должностных обязанностей;

— в процессе установления требований к должности нужно проводить четкое разграничение между характеристиками,

которые необходимо обязательно иметь кандидату перед вступлением в должность, и теми, которые можно приобрести уже после принятия на должность;

— повышение требований к характеристикам кандидата сегодня может выразиться в недооценке общего потенциала работника и квалификации, на которую будет объявлен спрос в будущем;

— четкое определение требований к должности должно сделать невозможным неминуемый субъективизм оценок;

— чем больше кандидатов рассматривается на каждую должность, тем выше достоверность того, что отбор даст положительные результаты, и, наоборот, чем меньше кандидатов, тем вероятнее необходимость серьезного компромисса относительно ряда важных качеств кандидата на должность.

По предложенным правилам четко прослеживается главная, по нашему мнению, закономерность, а именно: отбирая важнейшие качества для определения требований к кандидатам на ту или иную должность, необходимо различать качества, которые необходимы для вступления в должность, и качества, которые кандидат сможет приобрести, освоившись с деятельностью после принятия на должность.

В своем исследовании мы исходим из того положения, что независимо от отличий в количестве уровней управления, объема и содержания решаемых государственных служащими задач к каждому кандидату на должность на государственной службе обязательно должен применяться ряд общих требований относительно наличия необходимых качеств, а именно [7, с. 16]:

— уровень профессиональной подготовки кандидата (профессиональный опыт, квалификация, образование, профессиональные знания);

— личностные характеристики, деловые качества (инициативность, ответственность, лидерские качества, способность к командной работе, эмоциональная стойкость и т. п.);

— способность принимать эффективные решения (общие интеллектуальные способности, готовность к риску, творчество, способность к организации групповой (командной) работы в процессе принятия решений);

— нравственные качества (честность, справедливость, готовность прийти на помощь, чуткость и т. п.);

— административные способности (планирование, организация работы, делегирование полномочий, доведение начатого дела до конца, контроль над деятельностью, высокий уровень личной ответственности за порученное дело);

— мотивация деятельности и организационные ценности, которые определяют поведение на рабочем месте (заинтересованность в конечных результатах, уровень самоуважения, направленность на повышение профессионализма и личностное самосовершенствование, интерес к выполняемой работе и т. п.);

— состояние здоровья, которое разрешает напряженно работать на должности.

Разделяя мнение ученых о том, что процесс профессионализации является приближением состояния профессиональной деятельности к профиограмме, к эталону модели специалиста, который является одной из сторон социализации, мы считаем, что становление профессионала является одним из аспектов развития личности, хотя личностное пространство является более широким, чем профессиональное [1, с. 143].

Выявление социально-психологических особенностей личности кандидата на должность на государственной службе должно стать одной из главных задач процедуры профессионального рекрутинга в органах государственной власти. Такая необходимость, по нашему мнению, объясняется тезисом об обязательной принадлежности каждому кандидату в государственные служащие ряда определенных и четко идентифицированных качеств. Профессиональная компетентность

претендента на должность автоматически означает наличие у него не только высокого профессионализма и знания сферы государственного управления, но и определенных личностных особенностей. Это особенно важно в современную эпоху социально-экономических трансформаций, которые выдвигают потребность в квалифицированных управленческих кадрах на первое место.

Анализ специальной литературы по проблематике исследования удостоверяет, что возвращение к изучению личности оптимального кандидата на должность на государственной службе обусловлено низким уровнем, во-первых, квалификации руководителей, во-вторых, соответствия конкретного кандидата вакантной должности, на которую он претендует, исходя из его личностных особенностей.

Современная эпоха и вызовы, которые стоят перед украинским государством в XXI веке, актуализируют необходимость разработки и применения новых технологий и поиска действенных способов повышения эффективности профессионального отбора управленческих кадров. По нашему мнению, это необходимо прежде всего для оценивания индивидуальности личности каждого кандидата на государственную службу с целью выявления возможностей максимального проявления им своих творческих способностей в дальнейшей профессиональной деятельности в должности.

Необходимо указать, что во многих высокоразвитых государствах отбор персонала происходит на основе определенных параметров. Главным среди них является современный подход к кандидату на должность как к хорошему специалисту лишь в пределах вакантной должности. При таком подходе становится очевидным и понятным, что для повышения в должности его снова учат необходимому уровню знаний.

Безусловно, что современные технологии, которые с максимальной точностью разрешают определить уровень профессиональной компетентности, личностные и деловые особенности, направленность мотивации кандидата на должность на государственной службе, должны стать основным инструментом, во-первых, процедуры рекрутинга в органах государственной власти как центрального, так и регионального уровня; во-вторых, профессиональной деятельности управленцев сферы государственного управления.

По нашему мнению, ныне назрела необходимость использования личностно-психологического мониторинга управленческой деятельности в сфере профессионального рекрутинга на государственной службе. Задачу такого мониторинга мы усматриваем в том, чтобы:

— изучать, а не изменять личностные особенности кандидата и предоставления его возможностям рабочего места, должности, исходя из необходимых для осуществления профессиональной деятельности на государственной службе определенных психических возможностей;

— обнаруживать степень соответствия условий и требований должности и организации личностным возможностям, мотивации, ценностям кандидата с целью минимизации противоречий между организацией и будущим сотрудником, его ожиданиями, претензиями, реальностью.

Именно поэтому надо принимать во внимание, что профессиональный рекрутинг ориентирован также на эффективное взаимодействие личности с организацией, то есть соответствие имеющихся личностных возможностей требованиям организации, которые проявляются не только на профессиональном уровне подготовки кандидата, но и в его личностных особенностях, возможности адаптироваться к условиям профессиональной деятельности в должности, на которую он претендует.

Мы считаем, что сейчас целесообразно вести речь о профессиональном рекрутинге в сфере государственного управления как о процедуре дифференциации кандидатов по степени их со-

ответствия определенному виду деятельности на определенной должности и принятия решения относительно их профессионально-личностной пригодности или непригодности [8].

Мы разделяем мнение Э. Пискуровской, которая предлагает сформировать новый подход к определению личностных качеств личности кандидата на государственную службу в кадровой политике профессионального рекрутинга, а именно [5, с. 10]:

— выявление базовых врожденных особенностей и степень их проявления в сформированной личности;

— определение уровня проявления личностных особенностей на момент проведения рекрутинговой процедуры;

— выявление уровня отличий между фактически имеющимися особенностями и врожденным потенциалом;

— определение возможных компенсаторных факторов в случае недостаточного проявления особенностей личности кандидата, которые определяются во время профессиональной селекции на вакантную должность.

Такой подход требует формирования методик, ориентированных на выявление врожденных личностных возможностей, то есть имплицитного потенциала личности кандидата на государственную службу. Если учесть, что вербальные методики раскрывают самоатрибутивное представление личности, а проективные — имплицитные возможности, то, таким образом, привлечение проективных методик к тестовому обследованию кандидатов на должности государственных служащих будет оказывать содействие решению поставленной задачи в процессе составления личностно-психологического портрета личности кандидата на должность в органах государственной власти.

Для максимально эффективного профессионального отбора кандидатов на должности на государственной службе, выявления врожденных возможностей личности кандидата необходимо использовать не только вербальные методики, которые автоматически предусматривают высокий уровень социально желательных ответов, но и современные проективные методики, ориентированные на выявление имплицитных особенностей личности кандидата. Это разрешит не только определить наличие врожденных качеств, но и выделить ряд личностных особенностей, знание которых является особенно важным для соотношения возможностей с требованиями социума; для оптимальной самореализации кандидата на государственной службе; что отвечает врожденным особенностям его личности; для определения сильных сторон его личности и дальнейшее их развитие и усовершенствование в процессе профессиональной деятельности в сфере государственного управления [9].

Именно поэтому можем констатировать, что необходимость измерения личностных показателей кандидата на должность на государственной службе основывается, по нашему мнению, на сущности понятия «личность» как стойкой системы социально значимых качеств, которые характеризуют индивида как члена общества или сообщества.

Проведенный анализ научной литературы свидетельствует о том, что результатом продолжительных исследований ученых стало формулирование четкой структуры личности, которая получила название «Большая Пятерка», поскольку основными ученые считают следующие аспекты личности:

1) экстраверсия/интроверсия, то есть открытость/закрытость личности;

2) эмоциональная стабильность, под которой понимается стрессоустойчивость, гашение собственных отрицательных эмоций, умение управлять своим эмоциональным состоянием и т. п.;

3) эмпатия, то есть дружелюбие, стремление к сочувствию и доброте по отношению к другим людям, умение избегать конфликтов и достигать консенсуса;

4) сознание, то есть склонность к личной организованности,

умению определять конкретные цели и достигать их;

5) интеллектуальная гибкость, то есть наличие творческого воображения, разносторонняя развитость и образованность, положительное отношение к инновациям.

Очевидно, что детальный анализ такой глубинной аспектности каждого кандидата на должность на государственной службе разрешит, получив конкретный срез личности как организованной структуры, выделить в ней не только положительные, но и отрицательные качества. Мы считаем, что объективное изучение их совместимости/несовместимости с выполнением профессиональных должностных обязанностей на государственной службе должно стать одним из основных заданий современного кадрового рекрутинга в сфере государственного управления.

По нашему мнению, учет личностной составляющей в процессе рекрутинга кандидатов на государственную службу разрешит выделять в портрете современного эффективного государственного служащего-профессионала такие определяющие качества, как высокая теоретико-практическая профессионально-психологическая образованность, которая предусматривает объединение знаний теории и практики государственного управления со знаниями из психологии; готовность и умение быть полезным на должности гражданам и государству; способность непрерывного самосовершенствования и самореализации [10, с. 28—30].

Актуальной в связи с этим является точка зрения ученых о необходимости выявления у кандидата на занятие вакантной должности суперспособностей с акцентом на личностно-деловых качествах и их учет при зачислении на государственную службу. Интересным, по нашему мнению, является перечень таких суперспособностей, предложенный Д. Купером [11, с. 45]:

— интеллектуальные: разработка стратегических перспектив, анализ и суждение, планирование и организация;

— межличностные: умение убеждать, настойчивость и решительность, способность к быстрому межличностному реагированию, устная коммуникация;

— адаптивность: приспособляемость и способность быстро восстанавливать нормальное физическое и эмоциональное состояние;

— ориентированность на результат: энергичность и инициативность, мотивация к успеху, деловая хватка.

Поскольку основным задекларированным принципом отечественной государственной службы является служение обществу и гражданам, то очевидно, что приоритетными для современного государственного служащего должны стать качества гражданина и нравственные качества. Мы считаем, что это чрезвычайно актуально и важно, поскольку, проявляясь в ценностных ориентациях и мировоззренческих установках, они направляются на реализацию потребности каждого государственного служащего как личности в служении обществу. Тем не менее надо заметить, что, хотя именно эта группа мировоззренческих качеств и приобретает ныне особую актуальность, именно она пока что слабее всего учитывается в традиционном процессе подбора и отбора потенциальных государственных служащих [12].

Необходимо указать, что в кадровой работе в сфере государственного управления до реализации даже такой модели еще далеко, не говоря о проблеме глубокого изучения личности каждого кандидата с применением современных методов, в том числе диагностики морально-гражданских ориентаций, применении психологических и интеллектуально-психологических тестов.

По нашему мнению, настало время применять широко известные и действенные категории тестов, которые все еще недостаточно используются в отечественной системе государственной службы, а именно:

— интеллектуальные тесты, предназначенные для выявления уровня общего интеллекта и специфических умственных способностей кандидата;

— тесты на внимание и память, поскольку эти навыки являются профессионально важными для кандидата на любую должность на государственной службе;

— психологические тесты для выявления и оценивания личностных особенностей, особенностей характера, уровня мотивации кандидата;

— тесты межличностных отношений, призванные выявить способность кандидата общаться с окружающими людьми и его умение эффективно работать в стрессовых и конфликтных ситуациях;

— профессиональные (имитационные) тесты предлагают задачи, аналогичные тем, с которыми кандидат столкнется в своей будущей профессиональной деятельности, и т. п.

Необходимо заметить, что эти тесты отличаются высочайшей надежностью и валидностью из всех применяемых в процессе отбора на государственную службу, поскольку измеряют навыки и умения, непосредственно связан-

ные с будущей деятельностью на государственной службе.

Таким образом, «инвентаризация» личности кандидата на должность на государственной службе, будучи выявлением личностно-психологических характеристик и свойств, должна стать составляющим элементом кадровых отборочных технологий и процедур.

Необходимость анализа аспектной структуры личности каждого кандидата объясняется современными вызовами, которые выдвигаются перед сферой государственного управления и системой государственной службы.

Анализ личностных характеристик кандидата на должность будет оказывать содействие: во-первых, избеганию ошибок при принятии решения относительно (не)назначения на должность; во-вторых, придаст профессиональной деятельности на государственной службе характер человечности и гуманизма.

Современный подход к профессиональной селекции кандидатов требует формирования и применения проективных методик, ориентированных на выявление врожденных личностных возможностей, которые обеспечивают имплицитный потенциал личности кандидата на государственную службу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куртиков Н. А. Психология и социология управления: учеб. пособие М.: Государственный Университет Управления, Книжный мир, 2005. 268 с.
2. Акмеологическая оценка профессиональной компетентности государственных служащих: учеб. пособие / Под общ. ред. А. А. Деркача. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во РАГС, 2007. 108 с.
3. Атаманчук Г. В. Управление — фактор развития (размышления об управленческой деятельности). М.: Экономика, 2002. 567 с.
4. Теория управления: социально-технологический подход: энциклопед. словарь / Под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева; Акад. наук соц. технологий и мест. самоупр. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Муниципальный мир, 2004. 672 с.
5. Пискуровская Э. Г. Практическое пособие по проведению отбора кадрового резерва управленческого аппарата в малых и средних структурах. М.: Изд-во МПСИ, 2005. 48 с.
6. Управление персоналом: энциклопед. слов. / Под ред. А. Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 1998. 453 с.
7. Управление человеческими ресурсами. Модуль IV: учеб.-практ. пособие / В. В. Травин, М. И. Магура, М. Б. Курбатова. М.: Дело, 2004. 127 с.
8. Стрелец М. И. «Инвентаризация» личности кандидата на должность на государственной службе // Актуальные проблемы государственного управления: сб. науч. тр. ОРИДУ НАДУ. Одесса, 2008. № 3 (35). С. 265—270.
9. Стрелец М. И. Отбор персонала как составная система управления качеством в органах государственной власти // Университетские научные записки: Вестник Хмельниц. ун-та упр. и права. 2008. № 3 (1). С. 292—294.
10. Стрелец М. И. Место кадровой политики среди основных направлений государственного управления: монография. Чернигов: РВК «Деснян. правда», 2006. 92 с.
11. Купер Д. Отбор и наем персонала: технология тестирования и оценки. М.: Вершина, 2005. 332 с.
12. Семин С. В. Система управления качеством в органах государственной власти: рекрутинговая кадровая работа (на примере Французской Республики) // Государственное управление: теория и практика. 2008. № 2. С. 1—9.

REFERENCES

1. Kurtikov N. A. Psychology and sociology of management: textbook M.: State University of Management, The book world, 2005. 268 p.
2. Acmeological assessment of professional competence of civil servants: textbook / Under the general editorship of A. A. Derkach. Second edition, revised and amended. M.: Publishing house of RCSA, 2007. 108 p.
3. Atamanchuk G. Management is the development factor (thinking about administration activity). M.: Economics, 2002. 567 p.
4. Theory of management: socio-technological approach: encyclopedic dictionary / Edited by C. N. Ivanov, V. I. Patrushev; Academy of Sciences of Social Technologies and Self-Government. 3 edition, revised and amended. M.: Municipal world, 2004. 672 p.
5. Piskarevskay E. G. Practical manual for selection of the personnel reserve for the administrative staff in small and medium-sized structures. M.: Publishing house of MPCSI, 2005. 48 p.
6. Personnel management: encyclopedic dictionary / Edited by A. Ya. Kibanova. M.: INFRA-M, 1998. 453 p.
7. Human resources management. Module IV: training-handbook / V. V. Travin, M. I. Magura, M. B. Kurbatova. M.: Business, 2004. 127 p.
8. Strelets M. I. «Inventory taking» of the personality of the candidate to the position in the public administration // Urgent issues of the state management: collection of scientific works. OHRID NADU. Odessa, 2008. № 3 (35). P. 265—270.
9. Strelets M. I. Selection of personnel as a part of the quality control system in the state power authorities // University scientific notes: bulletin of Hmelnytsky University of Management and Law. 2008. № 3 (1). P. 292—294.
10. Strelets M. I. Place of the human resources policy in the main directions of public administration: monograph. Chernigov: RVC Pravda of Desna, 2006. 92 p.
11. Cooper D. Selection and employment of personnel: technology of testing and evaluation. M.: Peak, 2005. 332 p.
12. Semin S. System of quality management in the state authorities: recruitment personnel activity (on the example of the French Republic) // State management: theory and practice. 2008. № 2. P. 1—9.

УДК 004.738.5:339
ББК 32.973.202:65.209С51

Senchenko Eugenia Vasilyevna,
head of laboratory of the department
of control systems and economics of power engineering
of Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
master of the world economics
and international business
of Kemerovo Institute (branch)
of the Russian Economic University
named after G. V. Plekhanov,
Kemerovo,
e-mail: hunter120@mail.ru

Сенченко Евгения Васильевна,
зав. лабораторией кафедры систем управления
и экономики энергетики Новосибирского
государственного технического университета,
г. Новосибирск,
магистр направления «Мировая экономика
и международный бизнес»
Кемеровского института (филиал)
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова,
г. Кемерово,
e-mail: hunter120@mail.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ В РАМКАХ ВСЕМИРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ELECTRONIC COMMERCE WITHIN THE FRAME OF INTERNET: SOCIO-CULTURAL AND GENERAL ECONOMIC ASPECTS

В статье рассматриваются основные аспекты развития электронной коммерции в рамках сети Интернет. В рамках реализованного Федеральной службой государственной статистики РФ Мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации во временном диапазоне 2010—2012 годов осуществляется анализ показателей использования персональных компьютеров, проводных и беспроводных сетей Интернет. Анализируется доля организаций, разместивших заказы на товары (работы, услуги) в Интернете, а также получивших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) по Интернету, и доля оборота организаций, полученная от продаж по заказам, полученным по глобальным информационным сетям, в общем обороте организаций. Наряду с этим анализируются показатели по результатам запросов в наиболее распространенных поисковых системах «Яндекс» и Google по категории «Интернет-магазин в разрезе товарных групп и стран».

The article discusses the main aspects of development of e-commerce within the frame of the Internet. The analysis of indicators of PCs use, hardwired and wireless Internet networks is performed within the frame of Monitoring of the information society development in the Russian Federation in 2010—2012 implemented by the RF Federal Service of state statistics. The share of companies placed orders for goods (works, services) in the Internet is analyzed, as well as the companies got orders for produced goods (works, services) via Internet, and the share of the companies' turnover obtained from the orders got via the global information networks in the total companies' turnover. Besides, the indicators resulted from inquiries in the most popular search systems Yandex and Google in the category «Online store broken down by good groups and countries» are analyzed.

Ключевые слова: Интернет, Интранет, Экстранет, интернет-магазин, глобальные сети, информационные сети, «Яндекс» и Google, оборот, хозяйственные субъекты, пользователи.

Keywords: Internet, Intranet, Extranet, online store, global networks, information networks, Yandex and Google, turnover, business entities, users.

Современное состояние развития общественных, социальных и экономических процессов демонстрирует интенсификацию процесса использования всемирной сети Интернет и ее компонентов. Интернет становится не только элементом представления широкой аудитории информационных услуг, но также элементом социальных взаимоотношений между участниками интернет-общения, элементом экономической деятельности с позиции хозяйствующих субъектов, а также фактором развития межкультурных и межэтнических коммуникаций.

Если рассматривать использование Всемирной сети с позиции разделения на хозяйствующие субъекты и домашние хозяйства, стоит отметить, что рост домашних хозяйств за последние 4 года на основании данных Федеральной службы государственной статистики [1, с. 330], имеющих доступ к Интернету, вырос на 42,8% (с 48,4% в 2010 году до 69,1% в 2013 году). При этом по данному показателю максимальный рост имеют хозяйства сельской местности, где за анализируемый период (с 2010-го по 2013-й) он составил 72,8%, а рост в городской местности составил за аналогичный период 36,3%.

Судя по показателям хозяйствующих субъектов в период с 2008 по 2012 год, рост организаций по всем видам экономической деятельности, использующих в своей деятельности глобальные информационные сети, составил 17,1% (с 74,7 до 87,5%), при этом только в 2012 году по сравнению с 2011 годом рост составил 2,2% (с 85,6% в 2011 году до 87,5% в 2012 году). При этом из общего показателя использования глобальных информационных сетей 99,3% — это использование сети Интернет (показатель 2012 года) [2, с. 264].

Итак, в целом можно констатировать, что использование Интернета и глобальной информационной сети в последние годы имеет тенденцию активного роста в части использования как в домашних хозяйствах, так и в рамках коммерческой деятельности.

В рамках столь интенсивного развития применения интернет-технологий в различных аспектах жизнедеятельности человека и в рамках заявленной тематики исследования стоит в первую очередь рассмотреть такой аспект, как электронный бизнес.

Так, согласно данным Мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации за период с 2010 по 2012 год включительно, доля организаций, использующих беспроводной доступ к Интернету, выросла на 21,25%. В целом же основные показатели развития электронной коммерции представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели развития электронной коммерции [3]

№	Наименование показателя	Единица измерения	2010	2011	2012
1	Доля организаций, использовавших персональные компьютеры, в общем числе обследованных организаций	процент	93,8	94,1	94,0
2	Число персональных компьютеров в расчете на 100 работников организации	штук	36	39	43
3	Доля организаций, использовавших локальные вычислительные сети, в общем числе обследованных организаций	процент	68,4	71,3	71,7
4	Доля организаций, использовавших беспроводные локальные вычислительные сети, в общем числе обследованных организаций	процент	—	20,0	22,4
5	Доля организаций, использовавших беспроводной доступ к Интернету, в общем числе обследованных организаций (всего) из них: мобильная связь со скоростью доступа 256 Кбит/с	процент	16,0	17,4	19,4
			9,8	10,9	12,6
6	Доля организаций, использовавших Интранет, в общем числе обследованных организаций	процент	13,1	16,1	14,7
7	Доля организаций, использовавших Экстранет, в общем числе обследованных организаций	процент	5,3	6,1	6,4
8	Доля организаций, использовавших бесплатно предоставляемые третьей стороной или из открытых источников операционные системы (например, Linux), в общем числе обследованных организаций	процент	—	8,8	10,9

Итак, согласно данным табл. 1, в рамках сравнения 2010 года к 2012-му все представленные показатели имеют положительную динамику роста. Так, доля организаций, использовавших персональные компьютеры, в общем числе обследованных организаций выросла за исследуемый период на 0,2%, число персональных компьютеров на 100 работников выросло на 19,4%. Доля организаций, использовавших локальные вычислительные сети, в общем числе обследованных организаций выросла на 4,8%. Доля организаций, использовавших беспроводной доступ к Интернету, выросла на 21,2%. Доля организаций, использовавших Интранет, выросла на 12,2%, а использовавших Экстранет — на 20,75%.

Два показателя — доля организаций, использовавших беспроводные локальные вычислительные сети, и доля организаций, использовавших бесплатно предоставляемые третьей стороной или из открытых источников операционные системы (например, Linux), в общем числе обследованных организаций — имеют показатели только за 2011 и 2012 годы, так как в 2010 году они не присутствовали в рамках проводимого мониторинга, следовательно, на основании имеющихся данных можно отметить, что рост за данный период (2011—2012 годы) составил в первом показателе 12%, во втором — 23,9%.

Итак, исходя из приведенных данных и анализа роста, можно констатировать, что в отношении 2012 года к 2010-му по всем показателям наблюдается стабильный рост.

При этом, если анализировать 2012 год к показателю 2011-го, то в данном ключе ситуация имеет отклонения. В частности, в 2012 году наблюдается снижение по отношению к 2011 году показателя «Доля организаций, использовавших персональные компьютеры» на 0,1%, за аналогичный период снижение продемонстрировал показатель «Доля организаций, использовавших Интранет» на 9,5%.

Но, несмотря на это, общая картина развития электронной коммерции демонстрирует стабильную характеристику роста по всем данным, представленным в показателях мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации.

Таблица 2

Показатели развития электронной коммерции с позиции использования сети Интернет в коммерческой деятельности [3]

№	Наименование показателя	Единица измерения	2010	2011	2012
1	Доля организаций, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в Интернете, в общем числе обследованных организаций	процент	35,0	39,2	41,1
2	Доля организаций, получавших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) по Интернету, в общем числе обследованных организаций	процент	16,9	17,1	18,0

Окончание табл. 2

№	Наименование показателя	Единица измерения	2010	2011	2012
3	Доля оборота организаций, полученная от продаж по заказам, полученным по глобальным информационным сетям, в общем обороте организаций (всего)	процент	—	0,9	0,7
	в том числе по заказам через:				
	— Интернет;			0,6	0,5
	— другие глобальные информационные сети		0,3	0,2	

Из данных, приведенных в табл. 2, следует, что доля организаций, разместивших заказы на товары (работы, услуги) в Интернете, выросла за период с 2010 по 2012 год включительно на 17,4%. Также показатель доли организаций, получивших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) по Интернету, за аналогичный период выросла на 6,5%.

Несмотря на то что доля организаций, использующих Интернет в своей хозяйственной деятельности, выросла, доля оборота организаций, полученная от продаж по заказам, полученным по глобальным информационным сетям, в общем обороте организаций в общем показателе сократилась за период 2011—2012 годов на 28,6%. При этом оборот по заказам через Интернет за аналогичный период сократился на 20%, оборот заказов через другие информационные сети — на 44,4%.

Следовательно, можно с уверенностью говорить, что, несмотря на интенсивность развития использования Интернета в рамках хозяйственной деятельности компаний, оборот заказов сокращается за анализируемый период.

Стоит сказать, что использование интернет-ресурсов для хозяйственной деятельности сопровождается и интенсивностью использования Интернета в рамках реализации потребностей пользователей (физических лиц). В этой связи является важным тот факт, что деятельность интернет-магазинов в первую очередь направлена на удовлетворение потребностей пользователей (физических лиц) в получении благ, товаров, услуг.

Далее в рамках исследования рассмотрим существующий рейтинг интернет-магазинов в рамках двух наиболее распространенных поисковых систем — «Яндекс» и Google.

Говоря о поисковых системах, стоит отметить, что поисковая система «Яндекс» является собственностью российской международной IT-компании, а поисковая система Google — собственностью американской транснациональной публичной корпорации.

Итак, в рамках общего запроса «Интернет-магазин» поисковая система «Яндекс» выдает 156 млн ответов-ссылок, система Google — 35,4 млн ответов-ссылок. В данном контексте стоит сказать, что показатели данного запроса имеют общую характеристику без конкретизации по товарным группам, следовательно, при запросах по категории «Интернет-магазин» с учетом товарной группы численность ответов будет разниться.

Как уже было сказано, кроме общего числа запросов по данному типу предложений интерес представляет принадлежность интернет-магазинов к отдельным группам товаров. Такого рода классификация представлена в табл. 3.

Таблица 3
Результаты запросов в поисковых системах «Яндекс» и Google по интернет-магазинам отдельных категорий товарных групп

Группа товаров	Число ответов-ссылок в поисковой системе	
	«Яндекс»	Google
Интернет-магазин одежды	30 млн	17,3 млн
Интернет-магазин обуви	39 млн	9,5 млн
Интернет-магазин сумок	35 млн	4,2 млн
Интернет-магазин бытовой техники	274 тыс.	18,8 млн
Интернет-магазин электроники	18 млн	14,2 млн
Интернет-магазин книг	69 млн	17 млн
Интернет-магазин зоотоваров	3,2 млн.	537 тыс.
Интернет-магазин бытовой химии	5 млн	786 тыс.
Интернет-магазин ювелирных изделий	8 млн	3,07 млн
Интернет-магазин строительных товаров	28 млн	1,09 млн

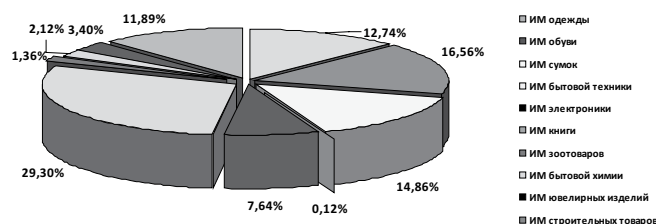

Рис. 1. Долевое соотношение интернет-магазинов в рамках поисковой системы «Яндекс»

На основании рис. 1, на котором представлено долевое соотношение результатов запроса в поисковой системе по интернет-магазинам различных товарных групп, следует, что преобладает число ответов-ссылок на интернет-магазины книг, далее — интернет-магазины электроники, а замыкают тройку интернет-магазины сумок. Самым минимальным значением по численности ссылок, представляемых в рамках поисковой системы «Яндекс», характеризуется группа «Интернет-магазины бытовой техники».

На рис. 2 представлено распределение показателей по запросу «Интернет-магазин» в рамках поисковой системы Google в различных товарных группах.

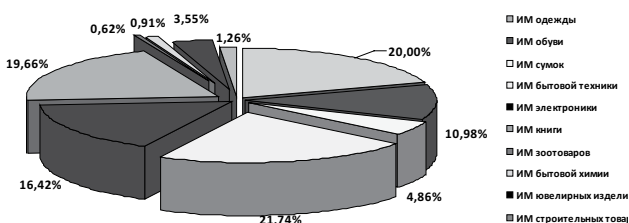

Рис. 2. Долевое соотношение интернет-магазинов в рамках поисковой системы Google

В рамках долевого распределения ответов-ссылок на запросы в поисковой системе Google ситуация имеет отличительные характеристики по сравнению с поисковой системой «Яндекс». Итак, по данным, представленным на рис. 2, вид-

но, что в поисковой системе Google преобладает число ответов-ссылок по запросу «Интернет-магазин бытовой техники», на втором месте запросы по категории «Интернет-магазин одежды», замыкает тройку по численности ответов-ссылок «Интернет-магазин книг». Самые минимальные по численности ответов-ссылок показатели продемонстрированы по запросу «Интернет-магазин зоотоваров» и «Интернет-магазин бытовой химии».

В рамках исследования представляет интерес не только товарная группа интернет-магазинов, но и страновая принадлежность товаров. Результаты интернет-запросов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты запросов в поисковых системах «Яндекс» и Google по интернет-магазинам отдельных стран

Группа товаров	Число ответов-ссылок в поисковой системе	
	«Яндекс»	Google
Интернет-магазин товаров из Китая	12 млн	937 тыс.
Интернет-магазин товаров из США	32 млн	5,33 млн
Интернет-магазин товаров из Турции	14 млн	701 тыс.
Интернет-магазин товаров из Англии	9 млн	2,13 млн
Интернет-магазин товаров из Франции	14 млн	1,56 млн
Интернет-магазин товаров из Германии	24 млн	889 тыс.
Интернет-магазин товаров из Египта	5 млн	758 тыс.
Интернет-магазин товаров из Индии	8 млн	585 тыс.
Интернет-магазин товаров из Белоруссии	24 млн	1,23 млн

Итак, в рамках анализа, проведенного по запросам интернет-магазинов по категории страновой принадлежности товаров по состоянию на 20.08.2014 года, в Интернете в поисковой системе «Яндекс» преобладают интернет-магазины товаров из США, аналогичный показатель демонстрирует и поисковая система Google.

В целом долевое распределение интернет-магазинов товаров в рамках принадлежности к странам представлено на рис. 3 и 4.

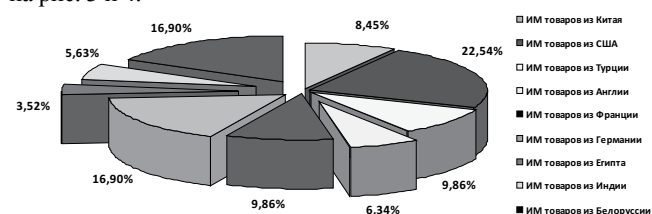

Рис. 3. Долевое соотношение интернет-магазинов товаров по принадлежности к странам в рамках поисковой системы «Яндекс»

В рамках рис. 3 представлено долевое соотношение интернет-магазинов товаров из различных стран в рамках поисковой системы «Яндекс». По долевому соотношению видно, что по итогам запросов в поисковой системе «Яндекс» 22,54% интернет-магазинов товаров из США, 16,9% — из Германии, замыкают тройку интернет-магазины товаров из Белоруссии. Минимальное число ответов-ссылок по запросам «Интернет-магазин товаров из Египта» (3,52%).

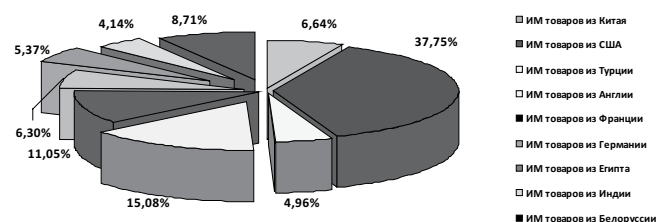

Рис. 4. Долевое соотношение интернет-магазинов товаров по принадлежности к странам в рамках поисковой системы Google

По долевому соотношению, представленному на рис. 4, видно, как и в рамках запросов в поисковой системе «Яндекс», в поисковой системе Google преобладают ответы-ссылки по категории «Интернет-магазин товаров из США» — 37,75%, на втором месте показатель по запросу «Интернет-магазин товаров из Англии» — 15,08%, замыкают тройку показатели запроса «Интернет-магазин товаров из Франции» — 11,05%. Минимальное число ответов-ссылок демонстрирует запрос по категории «Интернет-магазин товаров из Китая».

На основании проведенного анализа интернет-ресурсов и показателей мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации следует сказать, что на сегодняшний день в России наблюдается интенсивность развития интернет-торговли (коммерции). При этом наибольшее число ссылок на интернет-магазины различных товарных групп и товаров из различных стран представляет пользователям поисковая система «Яндекс». Так, по запросу интернет-магазинов по различным товарным группам в рамках системы «Яндекс» представляется 235,474 млн ссылок, в системе Google — 86,483 млн ссылок. В рамках запроса интернет-магазинов товаров из различных стран в поисковой системе «Яндекс» представляется пользователям 142 млн ссылок, в поисковой системе Google — 14,12 млн ссылок.

Следовательно, можно констатировать, что поисковая система «Яндекс» представляет более расширенный список интернет-магазинов по сравнению с поисковой системой Google.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2014. 558 с.
2. Мамонтова Е. В. Информатизация и интернетизация высшего профессионального образовательного пространства в рамках использования социальных сетей (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 264—268.
3. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls (дата обращения: 18.08.2014).

REFERENCES

1. Russia by the Numbers. 2014: Brief statistical collection. / Rosstat. M., 2014. 558 p.
2. Mamontova E. V. Informatization and Internetization of the higher professional educational space within the frame of application of social networks (on the example of a social network VKontakte) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 264—268.
3. Monitoring of development of information society in the Russian Federation // Official site of the Federal Service of State Statistics [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls (date of viewing: 18.08.2014).

УДК 004.738.5
ББК 32.973.202

Tultaeva Irina Valentinovna,
associate professor of the department
of marketing and commerce of Moscow State University
of Economics, Statistics and Informatics (MESI),
Moscow,
e-mail: ITultaeva@mesi.ru

Тультаева Ирина Валентиновна,
доцент кафедры маркетинга и коммерции
Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва,
e-mail: ITultaeva@mesi.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ СБОРА ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

POTENTIALS OF APPLICATION OF SEARCH SYSTEMS FOR OPTIMIZING OF INFORMATION COLLECTION IN THE INTERNET

В статье рассматриваются особенности функционирования современных поисковых систем, выделяются основные инструменты поиска и раскрываются методы осуществления сбора информации в Сети. В процессе проведения маркетинговых исследований и изучения поведения пользователей на поисковых ресурсах Интернета автором было выявлено, что лишь незначительная их доля обладает достаточными навыками и умением эффективно применять логические операторы при построении поисковых запросов в момент осуществления сбора и обработки информации. Поэтому особое внимание в данной работе уделяется вопросам применения функциональных возможностей операторов поисковых ресурсов, оптимизации и сокращению временных затрат на поиск информации в глобальной сети.

The article describes features of modern search systems operation; highlights the main search tools and demonstrates methods of collecting information in the Internet. In the process of conducting market research and studying the behaviour of users in the search resources of the Internet; the author revealed that only a small proportion of them has skills and abilities to apply the logical operators effectively in the construction of search queries at the time of data collection and processing. Therefore, this paper pays special attention to the application of functionality of search resources operators, optimization and reduction of the time spent on searching for information in the Internet.

Ключевые слова: информация, коммуникации, Интернет, интернет-аудитория, интернет-ресурсы, поисковые системы, поисковые запросы, фильтры поиска, снипперы, веб-страницы, веб-сайты, URL-адрес.

Keywords: information, communications, Internet, Internet audience, Internet resources, searching systems, searching queries, searching filters; snippets, web-pages, web-sites, URL-address.

Введение

Современный этап экономического развития рассматривается наукой как процесс формирования новой экономики,

ключевым ресурсом которой являются информация и знания. Сегодня, в эпоху активного развития информационных технологий и внедрения сети Интернет в повседневную жизнь общества, мало найдется людей, которые в той или иной степени не сталкивались с проблемой поиска информации в глобальном пространстве. Практика доказывает, что в условиях ужесточающейся конкурентной борьбы рыночного прогресса и динамичного развития достигают лишь те организации, сотрудники которых имеют доступ к оперативной и качественной информации.

Вместе с тем большинство сотрудников предприятий и рядовых потребителей информации из Интернета, относящих себя к категории уверенных пользователей ресурсов Сети, полагают, что освоили все тонкости и приемы работы с ее поисковыми сервисами. Являясь заложниками подобного заблуждения, интернет-пользователи подчас даже не подозревают о том, что информация, получаемая ими в глобальном пространстве, далеко не во всех случаях является актуальной и своевременной, а действительно необходимые для них информационные ресурсы, как правило, так и остаются недосягаемыми, находясь вне поля их зрения.

1. Принципы работы современных поисковых систем

Ощущая острую потребность в информации при решении каких бы то ни было вопросов, потребитель обычно заходит на страницу привычной для себя поисковой системы и вводит в строку поиска интересующее его слово или словосочетание. Причем в большинстве случаев вводимые в поисковые строки запросы достаточно коротки — не более трех слов (рис. 1). К тому же они обычно не содержат операторов, для них не всегда характерны четкие термины и формулировки.

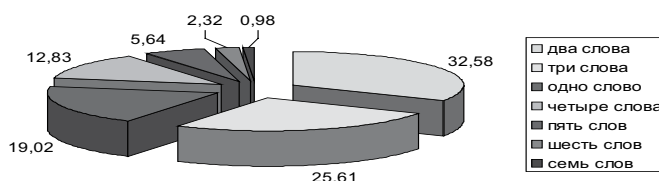

Рис. 1. Диаграмма, отражающая количество слов в поисковом запросе [1]

Как правило, результаты поиска выражаются в десятках и сотнях страниц, найденных поисковыми системами информации, из которых пользователь просматривает в лучшем случае первые 15—20, отбирая для себя лишь те материалы, которые полностью или частично (что, впрочем, встречается гораздо чаще) удовлетворяют его запрос.

Вдобавок, как показывает практика, обычный пользователь ресурсов Сети в силу разных обстоятельств не может или не желает тратить на поиск нужного ему ответа больше 15—20 минут своего времени и часто (в 78% случаев) даже не пытается изменить запрос [2].

В результате потребитель вынужден довольствоваться найденными материалами, даже не подозревая, что в Интернете может находиться более подробная и качественная информация по интересующему его вопросу в сравнении с теми материалами, которые были им обнаружены. Особенно досадными выглядят ситуации, при которых ненайденными остаются сведения, содержащиеся на уже выявленных поисковыми системами страницах, но которые в силу различных причин и обстоятельств остались для пользователей незамеченными.

Таким образом, на первый план выходит проблема поиска информации в Интернете. И решается эта проблема посредством прохождения нескольких этапов:

- выбора инструмента поиска;
- построения поискового запроса;
- выбора из перечня результатов поиска нужных ссылок и т. д.

Инструменты поиска можно условно разделить на два вида: системы поиска в чистом виде и средства поиска справочного типа [3].

По мнению специалистов, именно поисковым системам чаще всего отдают предпочтение пользователи Сети при осуществлении поиска информации.

Сегодня в сети Интернет существует порядка 80 крупных поисковых систем, из которых самой популярной является Google (рис. 2).

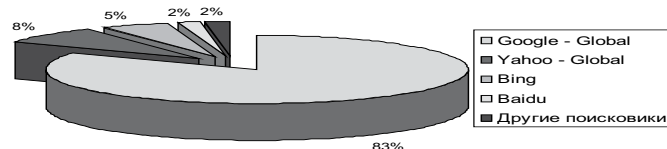

Рис. 2. Наиболее популярные поисковые системы в мире (по данным компании NetMarketShare, I полугодие 2014 года)

Необходимо отметить, что, несмотря на явное лидерство поисковика Google, каждая из представленных систем имеет свои особенности.

Существуют поисковые системы, ориентированные на специфическую аудиторию: Koogle — с помощью которого приверженцы иудаизма могут найти для себя информацию, признанную у раввинов и удовлетворяющую религиозным требованиям, а также ImHalal — исламская поисковая система, способная отличать разрешенные для мусульман (халальные) результаты поиска от запрещенных (харамных) [4].

Выделяют также «национальные» или «языковые» поисковые системы, отличающиеся тем, что в отличие от «многоязычных» систем, индексирующих все документы подряд, они функционируют, преимущественно, в конкретной доменной зоне, осуществляя поиск информации среди интернет-сайтов, разработанных на конкретном языке.

К примеру, самая популярная российская поисковая система «Яндекс» прежде всего работает с русскоязычными сайтами в доменных зонах .рф, .ru, .su, .ua, .by и т. п.

Ввиду того что у каждой поисковой системы существует своя «зона покрытия», на один и тот же запрос каждая из них выдает свои, отличные от других списки страниц-лидеров, которые довольно часто разнятся. Происходит это потому, что у каждого поисковика есть своя программа-робот («паук»), которая, периодически просматривая страницы, извлекая и индексируя информацию, руководствуется своими поисковыми особенностями и приоритетами. Одни из них индексируют буквально каждое слово, представленное в документе, другие — только наиболее часто встречающиеся слова.

В общем случае индексирование документа производится по многим параметрам: по количеству слов в документе, по размеру документа, по его названию, заголовкам, ссылкам и т. д. [5].

Собранная информация в виде индексных файлов помещается в базу данных, с которой взаимодействует пользователь, осуществляя поиск необходимых материалов: набрав в строке поиска интересующее его ключевое слово или словосочетание, он получает перечень ссылок на интернет-ресурсы.

В зависимости от особенностей поисковой системы происходит ранжирование результатов поиска: обычно ключевыми признаками являются релевантность поиска, дата обновления конкретной страницы, частота ее же запросов и прочее. Если компания сильно заинтересована в продвижении своих продуктов или услуг, часто вместо раскрутки сайта используется возможность контекстной рекламы, в частности размещения объявления в системе «Директ.Яндекс». Но подобная услуга относится к категории платных и является достаточно недешевой.

Случается, что и компаниям приходится платить немалые суммы за то, чтобы их сайт попал в первую десятку страниц, выдаваемых поисковой системой.

Периодически возникают ситуации, когда среди первых результатов поиска система указывает адрес страницы, выдающей при попытке ее загрузки стандартную ошибку (ошибка 404). В результате в данный момент она не является доступной. Происходит это потому, что далеко не каждый день поисковая программа индексирует сайты в Сети.

Необходимо отметить тот факт, что поиск информации — мероприятие дорогостоящее, поскольку включает в себя содержание серверов, рассылку «пауков» по Сети, индексацию, исключение сдвоенной информации и многое другое.

В большинстве случаев, понимая, что проиндексировать все документы в сети Интернет все равно не удастся, а затраты надо приводить в соответствие с доходами, владельцы поисковых машин вводят собственные ограничения в работе своих систем. Например, ограничивают глубину проникновения «паука» на сайте, общее количество страниц в индексе, пропускают старые страницы, на которые никто никогда не заходит, или ограничивают частоту повторных посещений сайта «пауком», в результате чего часть страниц устаревают [6].

Таким образом, можно сказать, что с учетом особенностей работы поисковых систем в большинстве случаев при осуществлении поиска информации рекомендуется использовать минимум две подобные системы. Это позволит повысить эффективность результатов запроса и обеспечить пользователя более качественной информацией.

Однако выбор поисковой системы — это только первый шаг на пути к получению качественной информации, поскольку поисковик представляет собой лишь инструмент, которым необходимо уметь грамотно пользоваться.

На данном этапе любая поисковая система в первую очередь ориентирована на неисклюшнного пользователя, которому требуется без особых хлопот и усилий найти необходимые сведения. Поэтому простейший интерфейс поисковика — это

обычное текстовое поле, в котором посетителю достаточно ввести свой вопрос, чтобы получить на него десятки, сотни и тысячи ссылок на страницы нужной ему тематики.

Как правило, у потенциального пользователя нет ни времени, ни желания просматривать огромное число ссылок. Поэтому для облегчения просмотра результатов поиска достаточно часто поисковые системы используют так называемые снипперы — небольшие отрывки текста из найденной поисковой машиной страницы сайта. Как правило, они содержат контекст, в котором встретилось ключевое слово в тексте на странице.

Достаточно часто складывается ситуация, когда добрая половина ссылок, выданных поисковой системой, не несет в себе никакой полезной информации. И поиск необходимых материалов начинает порой напоминать стремления найти иголку в стоге сена.

Чтобы облегчить решение этой проблемы, в поисковые системы встраиваются различные дополнительные возможности, позволяющие пользователю уточнять свой вопрос для получения именно тех результатов, на которые он рассчитывает. Общее название этих дополнительных возможностей — язык запросов.

Для уточнения языка поисковых запросов используются логические операторы — это символы или набор символов, в том числе буквенных, используемые поисковой системой для уточнения запроса.

2. Методы осуществления поиска информации в сети Интернет

На сегодняшний день многие эксперты полагают, что с учетом постоянного увеличения общего количества информации в сети Интернет без умения правильно строить поисковые запросы, грамотно пользуясь логическими операторами, ожидать эффективных результатов поиска не приходится. Вместе с тем следует констатировать, что подавляющее большинство интернет-пользователей не умеют пользоваться логическими операторами при построении поисковых запросов.

Сегодня почти каждая поисковая система имеет свой язык запросов, однако есть базовый набор функций, который предоставляет практически любой поисковик:

1. В большинстве поисковых систем пробел эквивалентен логическому оператору «и».

2. Из поисковых запросов автоматически исключаются «стоп-слова» — обычно это предлоги, артикли, личные местоимения, частицы и прочее.

3. Практически в каждом поисковике есть операторы, означающие «и», «или», «не» и прочее. Тонкость данной функции видится в том, что не во всех системах конкретный логический оператор обозначается одним и тем же символом.

4. Слово или словосочетание в кавычках означает его фиксированную форму, то есть именно в этом числе, падеже и т.п.

Учитывая то обстоятельство, что в России чаще всего применяются только две поисковые системы — «Яндекс» и Google (рис. 2), — целесообразно рассмотреть логические операторы именно этих систем.

Принимая во внимание тот факт, что логических операторов достаточно много и нет смысла описывать каждый из них, в рамках данной статьи рассмотрим лишь самые основные логические операторы.

Поскольку «Яндекс» на данный момент остается самой популярной поисковой системой Рунета, рассмотрение логических операторов разумнее начать именно с него.

Первый и самый популярный оператор — это предлог «и». В поисковой системе «Яндекс» он обозначается символом «&» и подразумевает обязательное наличие ключевых слов в искомом документе.

Как и в большинстве поисковых систем, этот логический

оператор используется по умолчанию, так что запрос «невеста ветра» будет аналогичен запросу «невеста&ветра». Только во втором случае система будет выдавать в начале списка документы, где эти два слова находятся в пределах одного предложения. Но в общем итоге в результате поиска попадут все документы, содержащие эти два слова во всех падежах и даже во всех «словоформах» — вплоть до выражения «ветреная невеста» и сказки Пушкина «О мертвой царевне и семи богатырях».

Для того чтобы в общем перечне результатов запроса оказалось одно слово из нескольких ключевых, применяется оператор «|» (логическое или). Например, запрос «дуэль | поединок» выдаст результаты в виде ссылок на интернет-сайты или документы, в которых встречается либо первое, либо второе слово (что бывает очень удобным при поиске слов, имеющих синонимы).

Логический оператор «не» обозначается знаком тильды (~) и используется для исключения слова в конкретном предложении. Например, на запрос «Динамо ~ хоккей» поисковая система выдаст ссылки на интернет-сайты и документы о спортивном обществе «Динамо» (которое, как известно, существует во многих городах России, государствах СНГ и Балтии, а также в странах дальнего зарубежья, практически во всех видах спорта), исключив из них материалы о хоккейной команде.

Вместе с тем приходится констатировать, что запросы подобного рода могут давать сбой. Как правило, это происходит в тех случаях, когда исключенное из поиска посредством знака тильды слово не упоминается в материалах, найденных поисковой системой, однако, по существу, имеет к ним самое прямое отношение. Это может объясняться тем, что авторы такой опубликованной в Сети информации стараются избегать анахронизмов, общепринятых слов и терминов, смысл которых вполне понятен и без их применения, стремясь найти им замену в виде слов-синонимов.

Так, при уже упомянутом варианте запроса «Динамо ~ хоккей» поисковая система «Яндекс» выдает пользователю широкий диапазон ссылок на интернет-ресурсы, посвященные спортивному обществу «Динамо»: официальные сайты футбольных клубов «Динамо» (Киев) и «Динамо» (Москва), мини-футбольного клуба «Динамо», женского волейбольного клуба «Динамо» и т.д. Вместе с тем на первой же странице результатов поиска может оказаться информация новостного характера, посвященная итогам выступления хоккейной команды, то есть клуба, ссылка на который в идеале не должна была бы появиться в перечне при такой постановке запроса (рис. 3).

Рис. 3. Пример сбоя в работе поисковой системы «Яндекс» при использовании логического оператора «Не»

Причиной возникновения такого сбоя является контент (информационное наполнение) интернет-сайта, содержащего в себе информацию о хоккейной команде. В статье, по-

священной победе хоккейной команды «Динамо» (Москва) над своими минскими одноклубниками, ее автор ни разу (!) не упоминает такие слова, как «хоккей», «хоккейный клуб», «хоккейный матч», «хоккеисты» и т. п., заменяя их соответственно терминами «игра», «команда», «матч», «игроки» (рис. 4).

Рис. 4. Пример контента (информационного наполнения) интернет-сайта, вызвавшего ошибку поиска при использовании логического оператора «Не»

В отдельных ситуациях целесообразно использовать «двойные» операторы (&&, || или ~), работающие аналогично одинарным. Так, запрос «Рим ~ турагентство» выдаст ссылки, посвященные Вечному городу, а также информацию о проектах и организациях, в названии которых встречается слово «Рим», отсеивая при этом сайты туристических фирм.

Оператор «!» позволяет отключить морфологию для конкретного слова, а «!!» позволяет указать нормальную форму, что позволяет обойти некоторые проблемы, связанные с омонимией. Например запрос «!! Иванов» будет находить Ивановы и Ивановых, но не Ивана.

Одной из особенностей поисковой системы Google является то, что она не видит разницы между прописными и заглавными буквами в запросе. Другими словами, поисковик Google не делает различий между запросом, набранным только заглавными или только прописными буквами либо вообще напечатанным вперемешку. И результаты по запросам «Владимир Высоцкий» «Владимир Высоцкий» и «ВЛаДиМиР ВЫсОцКиЙ» будут абсолютно идентичны.

В Google основные логические операторы — это не символы, а предлоги на английском языке: «и» — «and», «или» — «or», «не» — «not» и «рядом» — «near».

Как и в большинстве поисковиков, логический символ «и» ставится системой по умолчанию между словами, то есть вместо пробелов. Таким образом, в результате запроса будут присутствовать все слова, которые в нем содержались, но при этом расположены они могут быть в произвольном порядке.

Арифметические знаки «+» и «-» дают возможность пользователям уточнять свои запросы. Знак «+», стоящий перед ключевым словом без пробела в графе поиска, включает в запрос даже предлог. Знак «-», размещенный перед ключевым словом, в свою очередь, исключает его из результатов поиска.

Знак тильды «~» в системе Google позволяет находить не только слово, указанное в графе поиска, но и все его синонимы [2]. Так, на запрос «поездка~море» поисковая система выдаст результаты, релевантные запросам «отдых на побережье», «морские экскурсии» и т. д.

Знак звездочка «*» можно использовать вместо пропущенного слова.

Разумеется, возможности поисковой системы Google значительно шире, в рамках одной публикации рассмотреть их все не представляется возможным. Google, например, позво-

ляет, выставлять числовой диапазон, используя многоточие. Так, по запросу «Фотоаппараты 200...300\$» поисковая система выдаст результаты в виде ссылок на интернет-ресурсы, содержащие в себе информацию о цифровых фотоаппаратах среднего ценового сегмента, стоимостью от 200 до 300 долларов США. Более подробно можно изучить логические операторы, используя раздел «Справка» конкретной поисковой системы.

Серьезной проблемой, с которой достаточно часто сталкиваются интернет-пользователи, является то, что в различных поисковых системах логические операторы записываются по-разному. К примеру, знак тильды в системе «Яндекс» эквивалентен оператору «не», а в поисковике Google он же позволяет находить не только ключевое слово, но и его синонимы.

В результате для рядового пользователя компьютерной сети применение логических операторов превращается в довольно сложный процесс. Особенно это проявляется в тех ситуациях, когда он для нахождения информации задействует не одну поисковую систему. Для решения данной проблемы в современных поисковиках используются специальные веб-интерфейсы расширенного поиска.

Расширенный поиск позволяет решать сложные поисковые задачи, не пользуясь языком запросов. Так, расширенный поиск системы «Яндекс» позволяет находить ресурсы не только по всей базе, но и на страницах, расположенных на одном или нескольких сайтах. Для этого достаточно указать через запятую адреса интернет-сайтов в поле «Находятся на сайте».

Также предоставляется возможность выбора места поиска ключевых слов: в заголовке или по всей странице. Допускается выбор и формулировки запроса.

Дополнительно можно указать язык, на котором будут представлены результаты поиска. К тому же, если пользователю интересны одновременно сразу несколько языков, то, нажимая и удерживая на клавиатуре клавишу Shift, он может выбрать нужные для себя.

Не менее важными характеристиками для уточнения поискового запроса являются дата обновления сайта и формат сайта.

Дата обновления позволяет выбрать из списка срок публикации либо актуализации документа, а также указать точный диапазон дат, в котором он может находиться [7]. Ограничение по формату документа актуально в тех случаях, когда точно известен результат поиска: например, разыскивая прайс-лист компании, логичнее указать форматы xls и xlsx, соответствующие документам, разработанным в программе Microsoft Office Excel — табличном процессоре офисного пакета приложений Microsoft Office.

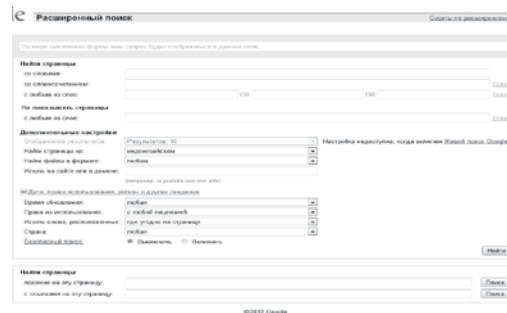

Рис. 5. Расширенный поиск Google

Расширенный поиск Google позволяет выбирать поиск одного или нескольких ключевых слов и отсекаать страницы

с определенным словом. Данная функция также предоставляет возможность указывать домен или сайт, где должен быть осуществлен поиск, ограничивать его по формату документов или по языку, на котором изложены материалы интернет-страницы.

К дополнительным возможностям расширенного поиска в системе Google относятся: указание даты обновления документа, права на использование информации, места конкретного поиска ключевых слов (в заголовке, в тексте, или в адресе страницы).

Фильтр безопасного поиска позволяет отсекаать весь контент, относящийся к категории «Для взрослых»: подобного рода фильтры позволяют ему не отображаться в результатах поиска. Такая возможность фильтрации результатов поиска особенно актуальна в тех случаях, когда поиск информации в Сети осуществляют дети и подростки.

В зависимости от вида и качества информации, поиск которой осуществляет пользователь, в ряде случаев становится целесообразным использовать каталоги — глобальные электронные справочники, созданные на основе тематической структуры.

Примечателен тот факт, что каталоги в сети Интернет появились значительно раньше поисковых систем: самый первый в мире сайт info.cern.ch, созданный Тимом Бернсом-Ли в 1990 году, спустя год начал превращаться в каталог — на нем был размещен список на другие ресурсы Сети. Первая же поисковая машина для Всемирной паутины — ныне уже не существующая Wandex, была разработана только через несколько лет — в 1993 году.

Сегодня на просторах Сети встречаются каталоги разных типов: они могут быть глобальными, например, как [dmoz](http://dmoz.org) или Yahoo!, а также «национальными» — русскоязычными, англоязычными и т. п.

Загружая каталог, на своем экране пользователь обычно видит обширный список различных сфер деятельности, осуществляемых человеком: работа и бизнес, СМИ и общество, спорт и отдых, наука и образование, культура и искусство, развлечения и т. д. (рис. 6).

Рис. 6. Каталог «Яндекс»

При щелчке клавишей мыши по выбранному разделу пользователю обычно становится доступен структурированный перечень ссылок на интернет-сайты с их кратким описанием. Как правило, эти ссылки проанжированы по индексу цитирования (например, «Яндекс» или Google).

Встречаются также несколько иные ситуации, когда пользователь, посещая любой из разделов каталога, может наблюдать его нарастающую детализацию, которая по мере углубления становится все более подробной. В результате такой детализации пользователю будет представлен перечень конкретной информации в той или иной сфере деятельности. С помощью такой иерархической структуры лица, осуществляющие поиск информации, получают возможность поэтапно изучать все имеющиеся разделы сети Интернет независимо от того, какую именно область человеческой деятельности она изучает [8].

В отличие от поисковых систем в большинстве случаев информация заносится в каталоги по инициативе пользователей. Более того, обычно каждая заявка добавляется не автоматически: прежде чем быть добавленной в каталог, она рассматривается и редактируется.

Если учесть тот факт, что в каталог сайт попадает не автоматически, становится очевидно, что по охвату интернет-страниц каталоги значительно уступают поисковым системам. К примеру, популярный каталог [dmoz](http://dmoz.org) содержит почти 5 млн сайтов (рис. 7).

Несомненными преимуществами каталогов является то, что они существенно облегчают поиск информации в Сети. При активном использовании каталогов при осуществлении поиска необходимых данных достигается оперативное выделение необходимой информации из большого числа разнообразных интернет-ресурсов. К тому же для получения необходимых данных в ряде случаев сама собой отпадает необходимость ввода ключевого слова в строку поиска информации.

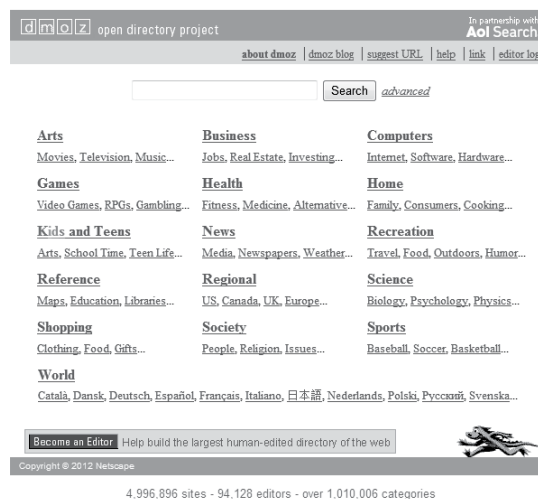

Рис. 7. Каталог Dmoz

К числу неудобств при использовании каталогов можно отнести то, что список сайтов и web-страниц, представленный в них, довольно часто ограничен, и выявленные на момент поиска данные к этому времени могут утратить свою актуальность не в пример тем ресурсам, которые предоставляются в аналогичных разделах поисковых систем, основа работы для которых — ключевое слово или фраза.

Разумеется, возможности поиска информации ограничены не только поисковыми системами и каталогами. Существуют, к примеру, системы метапоиска, посылающие запрос сразу на несколько различных поисковых систем. Обработав полученные результаты и отсеяв дублирующиеся ссылки, система метапоиска в результатах поискового запроса выдает значительно более обширный спектр информации. Самая известная в мире система метапоиска — Search.com В России популярна система metabot.ru

В Интернете представлены также базы данных адресов и системы поиска людей, а также много других тематических систем поиска.

Приходится констатировать, что далеко не всю информацию, которая есть в Интернете, можно найти, используя поисковые машины, каталоги и т. п. Происходит это по различным причинам.

Как уже отмечалось ранее, результаты поискового запроса формируются из проиндексированных сайтов, но в большинстве случаев поисковые роботы функционируют «по наводке», то есть создатель web-страницы пишет запрос в поисковую систему с просьбой проиндексировать его документ. На указанный им URL-адрес посылается поисковый робот, индексирующий страницу [9]. Поэтому, если создатель или владелец сайта ставил своей целью не рас-

крутку сайта в поисковых системах, а лишь его локальное использование, то даже очень хороший и интересный интернет-ресурс с подробной информацией по конкретному вопросу элементарно может быть не найден пользователем.

С каталогами ситуация обстоит еще сложнее: информация в них заносится в большинстве случаев по инициативе самих пользователей.

Для обозначения всех страниц, на которые нельзя выйти через результаты поиска, были придуманы специальные термины — «невидимая паутина» или «глубокая паутина».

К невидимой паутине относятся ресурсы, которые существуют в Глобальной сети и к которым можно получить доступ, если знать, где эти ресурсы находятся. Однако с помощью поисковых машин найти содержимое ресурсов глубокой паутины не представляется возможным.

Периодически встречается также ситуация, при которой отдельные сегменты Сети вообще не подключены к Интернету. Это явление получило название «темная паутина». Как правило, к темной паутине относятся засекреченные данные.

Наиболее существенной частью глубокой паутины является глубинный веб, состоящий из веб-страниц, динамически генерируемых по запросам к онлайн базам данных [10]. Доступ к этим ресурсам также возможен, но исключительно на условиях регистрации (подписки) или оплаты.

На сегодняшний день оценить объемы глубокой паутины очень трудно. Эксперты полагают, что невидимая паутина превышает видимую на несколько порядков, приводя в пример один лишь факт: проведенное в 2006 году исследование показало, что глубинный веб охватывает свыше

300 тыс. сайтов, связанных с более чем 450 тыс. баз данных, превосходя, таким образом, в сотни раз объем ресурсов в поверхностном вебе. Эти данные подтверждают и компании, специализирующиеся на анализе поиска. Согласно их данным, объем информации в глубинном Интернете превышает объем видимой через поисковики информации почти в 500 раз. Это означает, что фактически пользователям Интернета, которые ищут информацию именно с помощью поисковых систем, оказывается доступной лишь вершина айсберга всей созданной человечеством информации.

Необходимо отметить тот факт, что информация, которую можно найти в невидимом Интернете, зачастую необходима для принятия конкретных управленческих решений. Именно поэтому важно знать, где и как осуществлять ее поиск, на каких сайтах, минуя поисковые инструменты.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что большинство принимаемых в компаниях управленческих решений напрямую зависит от результатов проводимого в организации маркетингового анализа, который, в свою очередь, зависит от качества информации, доступной для компании.

Грамотное применение поисковых систем пользователями глобальной компьютерной сети Интернет должно оказать содействие в повышении эффективности поиска и нахождения актуальной информации, что, в свою очередь, должно способствовать принятию руководством компании верных управленческих решений, способных качественно преобразить профессиональную деятельность на рынке и повысить собственный уровень конкурентоспособности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яковлев А. А., Ткачев В. Г. Раскрутка сайтов: основы, секреты, трюки. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 352 с.
2. Ющук Е. Л. Интернет-разведка. Руководство к действию. М.: Вершина, 2007. 256 с.
3. Тультаева И. В. Современное состояние и тенденции развития мобильного Интернета // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2012. № 4. С. 194—196.
4. Романов А. А., Тультаев Т. А. Информационно-коммуникационные технологии: сферы использования в маркетинге: монография. М.: МЭСИ, 2014. 130 с.
5. Каптюхин Р. В., Романов А. А. Перспективы развития электронных средств массовой информации // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 33. С. 15—20.
6. Каптюхин Р. В., Мхитарян С. В., Тультаев Т. А. Трансформация классификационной модели маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 120—124.
7. Красюк И. Н., Парамонова Т. Н., Калугина С. А., Жарников Д. С., Комаров В. М., Шереметьева Е. М. Маркетинговые коммуникации: учеб. / Под ред. И. Н. Красюк. М.: ИНФРА-М, 2012. 272 с.
8. Мхитарян С. В. Отраслевой маркетинг: учеб. пособие. М.: Эксмо, 2006. 464 с.
9. Тинякова В. И., Уварова Е. А. Особенности проведения маркетинговых исследований в социальных медиа // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 188—193.
10. Овчинников С. А., Белков С. В. Применение поисковой оптимизации веб-сайтов для рекламы бизнеса в сети Интернет. Метод решения задачи сбора данных для поисковой оптимизации веб-сайтов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 9. С. 106—109.

REFERENCES

1. Yakovlev A. A., Tkachev V. G. Site Promotion: basics, secrets, tricks. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2011. 352 p.
2. Yushchuk E. L. Internet exploration. Guide to the action. M.: Vershina, 2007. 256 p.
3. Tultayeva I. V. Modern condition and tendencies of development of the mobile Internet // Economics, statistics and Informatics. Bulletin of the HCWM. 2012. № 4. P. 194—196.
4. Romanov A. A., Tultayev T. A. Information and communication technologies: applications in marketing: monograph. M.: MESI, 2014. 130 p.
5. Kaptyukhin R. V., Romanov A. A. Prospects of development of electronic mass media // Economics and modern management: theory and practice. 2014. № 33. P. 15—20.
6. Kaptyukhin R. V., Mkhitarayan S. V., Tultayev T. A. Transformation of marketing communications classification models in the Internet space // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 120—124.

7. Krasnyuk I. N., Paramonova T. N., Kalugina S. A., Zarnikow D. S., Komarov V. M., Sheremetyeva E. M. Marketing communications: textbook / Ed. by I. N. Krasnyuk. M.: INFRA-M, 2012. 272 p.
8. Mkhitaryan S. V. Industry marketing: textbook. M., 2006. 464 p.
9. Tinyakova V. I., Uvarova E. A. Features of marketing research in the social media // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 188—193.
10. Ovchinnikov S. A., Belkov S. V. Application of search engine optimization of websites for advertising business on the Internet. Method of solving the problem of data collection for the search engine optimization of websites // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2009. № 9. P. 106—109.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Региональная экономика: проблемы и перспективы развития»

ROUND TABLE

«Regional economics: issues and prospects of development»

УДК 330.101.5

ББК 65.209.1

Akhmeduev Abas Shapievich,

doctor of economic sciences, professor, main scientific employee of the Institute of Social-Economic Researches of Dagestan scientific centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: achmeduev@mail.ru

Ахмедуев Абас Шапиевич,

д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, e-mail: achmeduev@mail.ru

Abdulaeva Zaira Zapirova,

candidate of economic sciences, associate professor, senior research employee of the Institute of Social-Economic Researches of Dagestan scientific centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: zaira-76@yandex.ru

Абдулаева Заира Запировна,

канд. экон. наук, доцент, ст. научный сотрудник Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, e-mail: zaira-76@yandex.ru

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И СОСТОЯНИЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

METHODS OF ASSESSMENT AND CONDITION OF SHADOW ECONOMY IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

В статье предпринята попытка обобщить некоторые положения и выводы исследований ряда известных авторов по методам оценки уровня теневой экономики. С использованием принятых методов оценки проведен сравнительный анализ состояния теневого сектора экономики в Республике Дагестан и обоснованы некоторые направления его легализации. Обосновано, что в регионе, как и в России в целом, удельный вес теневого сектора экономики во много крат выше, чем в европейских странах и США. Прогнозные расчеты, проведенные авторами, показывают, что при легализации теневой экономики налогооблагаемая база Республики Дагестан позволит существенно снизить дотационность бюджета, а к 2017 году достичь бюджетной самодостаточности.

and conclusions of the research of a number of well-known authors on the methods of evaluation of the level of shadow economy. Using accepted valuation methods, comparative analysis of the status of the informal sector in the Republic of Dagestan was performed and several ways of its legalization were substantiated. It was justified that in the region, as well as in Russia as a whole, the share of the shadow economy is several times higher than in the European countries and the USA. Forecast calculations made by the authors show that the tax base of the Republic of Dagestan will allow significantly reducing the subsidized budget in case of the shadow economy legalization, and achieving fiscal self-sufficiency by 2017.

Ключевые слова: методы оценки, теневая экономика, легализация теневой экономики, масштабы теневой деятельности, учет теневой деятельности, валовой внутрен-

The article attempts to summarize some of the findings

ний продукт, валовой региональный продукт, налоговые доходы, регион, предпринимательство.

Keywords: assessment methods, shadow economy, legalization of shadow economy, size of shadow activity, recording of shadow activity, gross domestic product, gross regional product, income tax, region, entrepreneurship.

В экономической науке и хозяйственной практике нерешенной и поэтому чрезвычайно актуальной проблемой является количественное измерение объема теневого экономики и оценка ее динамики. Международные стандарты предлагают всем странам производить корректировку всех макроэкономических показателей, в частности ВВП, с учетом объема теневого экономики. Однако до сего времени не разработаны достоверные методы измерения и учета теневого деятельности и ее результата. Тем не менее определенные оценки теневого экономики осуществляются в каждой стране для соответствующей поправки основных макроэкономических показателей.

Отдельные исследователи описывают принимаемые в отечественной и мировой практике методы оценки теневого экономики. Так, например, Д. Пескова отмечает, что «современная экономическая наука обладает достаточно развитым инструментарием количественной оценки теневого экономики» [1, с. 50].

При этом автор излагает применяемые прямые и косвенные методы. Они различаются по объекту первичного сбора данных: при использовании прямых методов исследуется непосредственно теневого экономика, а при использовании косвенных методов производится анализ показателей, изменение которых может косвенно свидетельствовать о повышении или снижении теневого активности. К косвенным методам относятся: монетарный метод, суть которого состоит в анализе структуры денежной массы; метод технологических коэффициентов, отражающих связь теневого оборота с потреблением определенных видов ресурсов (например, электроэнергии, воды) либо с загрязнением окружающей среды; «итальянский» метод расчета теневого составляющей ВВП на основе фактически отработанного в теновом секторе рабочего времени и средней производительности труда; балансовый метод оценки объема теневого экономики как расхождение между показателями, которые в отсутствие теневого активности должны быть сбалансированы (например, доходы и расходы); методы, связанные с модельными исследованиями.

Как отмечает Д. Пескова, каждая из приведенных методик имеет свои преимущества и недостатки и ввиду специфичности теневого экономики ни одна из них не может дать точного результата [Там же. С. 52]. Именно поэтому имеют место существенные различия в оценке теневого экономики в каждой отдельной стране или регионе в зависимости от применяемого метода и субъективного фактора.

А. Пономаренко считает самым верным методом измерять объемы теневого экономики с разных сторон, сопоставлять результаты и выбирать из них тот, который кажется заслуживающим наибольшего доверия. Он рассматривает несколько способов расчета: по доходам, по производству и по добавленной стоимости. При этом отмечает, что у всех этих методов есть свои сложности. Например, при расчете по производству косвенно учитываются объемы теневого экономики в основном в неформальном производстве [2].

По имеющейся информации, Росстат корректирует ВВП на объем валовой добавленной стоимости, созданной в те-

невом секторе экономики России. Причем даже по официальным источникам оценки теневого экономики по размеру ВВП, по численности занятых и другим макроэкономическим показателям существенно различаются. По оценкам независимых экспертов, объем теневого экономики в России в 2—3 раза больше по сравнению с официальными оценками.

При такой неразберихе Росстат не только не пытается внести ясность в проблему расчета размера теневого экономики, но и не раскрывает в своих методологических пояснениях к статсборникам размер теневого составляющей в ВВП и других макроэкономических показателей. Это осложняет объективную оценку состояния и динамики экономических показателей не только по стране в целом, но и в регионах России.

Теневого экономика — это явление общемировое. Ни одной стране мира пока не удавалось предотвратить или искоренить теневого экономику. Но, по оценке независимых экспертов, масштабы теневого деятельности и доля теневого экономики в объеме ВВП по странам различаются многократно. Так, например, доля теневого экономики в Азербайджане (59,3%) выше в 7,3 раза, чем в Швейцарии (8,1%).

Таблица 1
Доля теневого бизнеса в отдельных странах мира [3]

Страна	Доля, в % ВВП	Страна	Доля, в % ВВП
Азербайджан	59,3	Австралия	14,0
Белоруссия	19,1	Австрия	9,0
Эстония	18,5	Бельгия	22,5
Казахстан	34,2	Дания	18,3
Латвия	34,8	Финляндия	18,9
Литва	25,2	Франция	14,9
Молдова	37,7	Германия	14,9
Россия	41,0	Великобритания	14,0
Украина	47,3	Греция	29,0
Болгария	32,7	Италия	27,3
Венгрия	28,4	Япония	11,1
Польша	29,0	Швеция	19,9
Румыния	18,3	Швейцария	8,1
Словакия	10,2	США	8,9
Китай	14,0	Испания	21,0
Индия	24,0	Турция	33,0
Бразилия	41,0	Таиланд	52,0

Как видно из данных табл. 1, даже развитые страны, такие как США, Япония, Германия, Великобритания, Австрия, Италия, не обходятся без теневого экономики. В то же время, если учесть общие объемы их ВВП, то 8—15% теневого составляющей можно оценить как важный сектор экономики этих стран.

Многие эксперты, исходя из мирового опыта, считают неизбежным и допустимым стандартом теневого экономики в размере 10% ВВП. Однако теневого экономика в этих пределах составляет лишь в трех странах (Швейцария, США, Австрия). Большинство из приведенных в таблице стран, а именно 13, имеют теневого экономику в размере от 10 до 20% ВВП, 8 стран — от 21 до 30%, а остальные 10 стран — свыше 30%. Запредельным можно считать масштаб теневого экономики (свыше 40%) в пяти странах (Азербайджан, Таиланд, Украина, Бразилия, Россия).

Особую тревогу должно вызывать то, что Россия, по экс-

партным оценкам, входит в группу стран с высоким удельным весом теневой экономики. По сведениям Росстата, теневая экономика России составляет 16% ВВП и в ней занято 17—18% трудоспособного населения страны (13 млн чел.) [2]. Правда, по информации РИА Новости, теневой сектор, по данным Росстата, составляет порядка 30% ВВП РФ [4]. Вице-премьер О. Голодец заявила, что в теневом секторе российской экономики заняты 20 млн чел. из 76 млн чел. трудоспособного населения страны (26,3%). По оценке Министерства труда РФ, страховые взносы не платят около 15% из общего количества трудоспособного населения. Из-за этого государство испытывает острый недостаток средств на выплату пенсий и другие социальные нужды [5].

По оценке министра финансов РФ А. Силуанова, теневой сектор в России составляет 15—20% ВВП [6]. Это, по его утверждению, означает, что при общем объеме ВВП 60 трлн руб. 9—12 трлн руб. скрыты от налогообложения. По словам А. Силуанова, совокупная налоговая нагрузка на экономику составляет 35%. Таким образом, бюджет РФ недополучает налогов примерно от 3,2 до 4,2 трлн руб.

Помимо указанных выше неоднозначных данных публикуются еще более внушительные оценки теневой экономики России. По мнению большинства отечественных исследователей, теневая составляющая экономики России превышает 40% ВВП. По оценке МВД РФ, теневая экономика в стране составляет около 40% ВВП [7, с. 85]. Представляют несомненный интерес и должны вызывать тревогу высокие оценки размера теневого сектора России зарубежными организациями и экспертами, так как это формирует неблагоприятный имидж страны, в частности снижает инвестиционную привлекательность России в мире. Например, Всемирный банк считает, что российская теневая экономика в 3,5 раза больше, чем у других стран «Большой семерки», и составляет 44% ВВП. Аналитики американского исследовательского института Global Financial Integrity (GFI) считают, что теневая экономика РФ оценивается в 46% ежегодно [6].

По оценке экспертов, в Республике Дагестан теневая экономика составляет свыше 40%, а в отдельных сферах доходит до 2/3. Удельный вес теневой составляющей существенно варьируется как по сферам экономики, так и по видам деятельности (отраслям). Так, по оценке ТО Росстата по РД, скрытая от учета и налогообложения экономическая деятельность по РД составляет от 13 до 17% в зависимости от отрасли экономики. Разброс удельного веса неформальной экономической деятельности в зависимости от отрасли экономики составляет от 20 до 80% в выпуске отрасли. Отдельные отрасли (сельское хозяйство, строительство, торговля, транспорт и др.) функционируют преимущественно в теневом режиме, следовательно, уклоняются от уплаты налогов и неналоговых платежей.

Это косвенно подтверждается тем, что налоговые доходы в республике составляют 5,6% ВВП (2013), в то время как в СКФО — 10%, в целом по субъектам РФ — 13,4%, а по РФ — свыше 30%. Если бы все доходы республики, образующие ВВП, учитывались и облагались налогом, то собственные налоговые доходы при средней налоговой нагрузке 10% с учетом того, что примерно 10—12% налоговых поступлений отчисляется в федеральный бюджет, составляли бы в 2013 году 43,1 млрд руб. Это позволило бы снизить в 2013 году безвозмездные поступления в республиканский бюджет с 59,2 млрд руб. до 35,2 млрд руб.

Если согласиться с тем, что прогнозируемый объем ВВП отражает ожидаемую реальную вновь созданную

стоимость, то при налоговой нагрузке в 10% собственные доходы республиканского консолидированного бюджета должны составить (см. табл. 2).

Таблица 2

Прогнозные расчеты собственных доходов консолидированного бюджета Республики Дагестан, млрд руб.

	2012	2013	2014	2015	2016
ВРП	363,8	430,5	505,1	594,8	713,5
Налоговые поступления в республиканский бюджет (10% от ВРП)	36,4	43,1	50,5	59,5	71,4
Доходы консолидированного бюджета	80,0	78,3	84,0	81,0	85,4
В том числе межбюджетные трансферты из федерального бюджета:					
— по утвержденному плану	57,8	59,2	57,9	51,3	53,1
— при налоговой нагрузке на ВРП в 10%	43,6	35,2	33,5	21,5	14,0

Это означает, что в ближайшей перспективе (с 2017 года) Дагестан в состоянии иметь недотационный бюджет при условии обеспечения планируемого объема ВРП, легализации теневой экономики, обеспечения эффективного налогового администрирования и достижения собственных налоговых доходов не менее 10% ВРП [8, с. 80].

Все применяемые сейчас Правительством РД и последующие меры по легализации теневой экономики и усилению налогового администрирования должны быть ориентированы на снижение дотационности республиканского и муниципальных бюджетов, обеспечение тем самым финансовой самостоятельности Республики Дагестан. Расчеты показывают, что для решения такой задачи республика располагает вполне реальным налоговым потенциалом.

Прежде всего острой проблемой для Дагестана является регистрация и учет для налогообложения предпринимателей и предпринимательских структур. Особенно это касается малого и среднего предпринимательства. Проведенная в 2010 году перепись малого и среднего предпринимательства практически не дала результатов.

В Республике Дагестан по состоянию на конец 2012 года зарегистрировано всего 689 малых и 7059 микропредприятий. На 10 тыс. чел. населения в России приходится 140 и в СКФО — 53 малых предприятия, а в республике — 26, или соответственно в 5,4 и 2,0 раза меньше. Это свидетельствует, что минимум 2/3 малых предприятий республики не зарегистрированы и функционируют в теневом режиме. Число малых предприятий в Дагестане составляет, по последним данным ТО ФСГС по РД (Дагестанстат), 7748 единиц, Управления Федеральной налоговой службы — 20875, администрации муниципальных образований — 12694.

Индивидуальных предпринимателей в Дагестане числится, по данным ТО ФСГС, 76851 единица, Комитета по развитию малого и среднего предпринимательства — более 75000 единиц, Управления Федеральной налоговой

службы России по РД — 56860 единиц, муниципальных образований — 50860 единиц. Причем по итогам проведенного ТО ФСГС в 2010 году сплошной переписи удалось обнаружить лишь 34557 единиц индивидуальных предпринимателей.

Нет также точного учета крестьянских фермерских хозяйств (КФХ). По данным Дагестанстата, в республике на конец 2012 года зарегистрировано 17253 единицы КФХ, по данным Минсельхоза РД — 10 тысяч единиц, а налоговой службы — 7—8 тысяч единиц.

Основной сферой теневой экономики республики является сокрытие доходов легально функционирующих крупных и средних предприятий. Косвенно это подтверждается тем, что по некоторым отраслям и видам деятельности налоговые платежи составляют лишь символические величины. Например, сумма налогов в процентах к объему вновь созданной стоимости (ВВП) составляла по видам деятельности: в строительстве — 1,9, в сельском хозяйстве — 0,6, гостиницы и рестораны — 1,2, транспорт и связь — 6,5.

Особого внимания заслуживает то, что, по данным Дагстата, имеющиеся мощности в 2012 году использовались по производству водки и ликероводочной продукции на 1,5%, вина виноградного — на 4,9%, спирта этилового из пищевого сырья — на 0,0%, ковров и ковровых изделий — на 11,7%, плодоовощных консервов — на 0,0%. Ясно, что производимая на этих мощностях продукция в основном находится в тени. Много вопросов вызывают также статистические данные о потерях в сетях электрической энергии, достигающих в отдельные годы до 40% и более.

Наряду с этим многие функционирующие объекты длительное время не принимаются актами ввода в эксплуатацию. Это прежде всего относится к объектам капитального строительства. Нередко собственники недвижимого имущества под надуманными предлогами затягивают их регистрацию и уходят от налогов. В Республике Дагестан 517 тысяч принятых на учет объектов капитального строительства, из которых более половины не обложено налогом. Кроме того, еще 108 тысяч объектов не передано в органы кадастрового учета. Вместе с тем нет точного учета объектов незавершенного строительства. Это не только искажает информацию, но и не дает возможности пополнять налогооблагаемую базу. По данным Минэкономики РД, только 30% объектов капитального строительства облагается налогом.

Не завершена инвентаризация и рыночная оценка жилого и нежилого фонда. Большие проблемы имеются в ведении похозяйственных книг в сельских администрациях, учете, обороте и аренде земельных площадей.

В РД более 816 тысяч земельных участков, из которых на учете 250 тысяч, а по 566 тысячам нет точной информации о собственнике или пользователе для налогообложения. Особенно запущен учет земельных участков в городах республики. Например, количество земельных участков в Махачкале, по различным источникам, оценивается от 42 до 102 тысяч, однако лишь 12 тысяч владельцев этих участков платят земельный налог.

Такая же картина в РД наблюдается в учете и налогообложении транспортных средств. Так, по данным ГИБДД МВД по РД, по состоянию на 1 января 2013 года в республике было зарегистрировано 533 тысячи единиц транспортных средств. При этом в качестве налогоплательщиков в УФНС России по РД числятся 260 тысяч единиц, или 49%.

Острой проблемой для Дагестана является достоверный учет занятых в экономике и налогообложение заработной

платы. Во-первых, около половины занятых в экономике республики (этот показатель один из самых высоких в стране) находятся в так называемом нерегистрируемом секторе, то есть работают без официального оформления своих отношений с работодателем. Их численность в республике оценивается только раз в год при составлении баланса трудовых ресурсов, а их доходы полностью находятся в тени и не облагаются налогами.

Во-вторых, широко практикуется сокрытие доходов. Предприятия, регистрирующие свои отношения с привлеченным персоналом, в подавляющем числе случаев применяют при расчетах с ним так называемые серые схемы. Так, частные предприятия показывают в отчетах зарплату в 2—4 раза ниже, чем унитарные предприятия соответствующих отраслей. Нередко зарплата руководителей частных фирм показывается в отчетах в 2 раза ниже зарплаты уборщицы в бюджетной сфере.

Подобные схемы выплаты зарплаты применяются не только в сфере малого и среднего предпринимательства, но порой и на крупных предприятиях, что можно объяснить только желанием уйти от налогов в тень. Несмотря на то что в республике с 2006 года осуществляется комплекс мероприятий по легализации теневых схем выплаты заработной платы, заметных подвижек в этой сфере не наблюдается.

Вышесказанное свидетельствует о больших масштабах распространения теневой экономики в Дагестане и имеющемся значительном неиспользуемом налоговом потенциале республики. С учетом этого легализация теневой экономики является одним из важных факторов вывода республики из системного кризиса, перевода экономики на модель устойчивого развития, обеспечения бюджетной самодостаточности. Поэтому легализация теневой экономики для Дагестана — это первоочередной стратегический приоритет и неотложная задача современной экономической политики и хозяйственной практики.

На кардинальное решение проблемы легализации теневой экономики рассчитаны приоритетный проект развития Республики Дагестан «Обеление» экономики» и планы Правительства РД по его реализации. В целях интенсивного развития и повышения конкурентоспособности экономики Республики Дагестан, обеспечения сбалансированности стратегических приоритетов социально-экономического развития муниципальных образований и республики в целом Указом Президента РД от 19 апреля 2013 года утверждены 7 приоритетных проектов Президента Республики Дагестан [9].

Постановлением Правительства РД от 4 июля 2013 года № 340 утвержденный отмеченным указом перечень приоритетных проектов был дополнен новыми проектами и подпроектами. В том числе дополнительно был принят приоритетный проект Президента Республики Дагестан «Обеление» экономики» (с 2014 года — приоритетный проект развития Республики Дагестан «Обеление» экономики), сокращенно — ППР РД «Обеление» экономики»).

ППР РД «Обеление» экономики» ориентирован на проведение мер по легализации теневой экономики с одной лишь целью — расширения налогооблагаемой базы, усиления налогового администрирования и увеличения налоговых поступлений. Соответственно планы Правительства РД по реализации ППР РД «Обеление» экономики» на 2013 и 2014 годы предусматривают проведение мероприятий, касающихся налоговой сферы.

Такую ориентацию Правительства РД можно объяснить исключительной актуальностью увеличения налоговых по-

ступлений и сокращения дотационности республиканского бюджета. Расходы республиканского бюджета в 2014 году достигают 88,6 млрд руб., доходы — 84,0 млрд руб., трансферты из федерального бюджета — 57,9 млрд руб. (68,9% доходов), дефицит — 4,5 млрд руб. Дотационными являются также все муниципальные бюджеты (кроме г. Махачкалы). Такой бюджет означает полную финансовую несостоятельность Республики Дагестан и представляет реальную угрозу экономической безопасности. Поэтому наращивание налогооблагаемой базы, увеличение налоговых поступлений в бюджетную систему, бесспорно, первоочередная задача для Республики Дагестан.

Однако «обеление» экономики, понимаемое как легализация теневой экономики, — проблема, как нам кажется, гораздо более широкая, охватывающая целый комплекс крайне важных сфер жизнедеятельности общества и отнюдь не сводящаяся к увеличению сбора налоговых платежей. В современном обществе роль теневой экономики, ее позитивные и негативные свойства проявляются не только в социально-экономической, но и общественно-политической, правовой и морально-этической сферах жизнедеятельности. Поэтому легализация теневой экономики охватывает широкий спектр острых проблем, предполагает и соответственно требует проведения кардинальных и эффективных мер по преобразованию всего уклада и образа жизни весомой части общества, разработки и поэтапной реализации глубоко продуманных и обоснованных планов преодоления

и устранения негативных последствий теневой экономики, но непременно и обязательно сохраняя при этом ее потенциал и позитивные проявления.

С учетом масштаба, сложности и актуальности всего комплекса предстоящей работы по легализации теневой экономики для организации такой работы на научной основе, на наш взгляд, главное — необходимо:

— организовать систематические научные исследования и постоянный мониторинг состояния и динамики теневой экономики в Республике Дагестан, для чего создать специализированную разветвленную республиканскую исследовательскую систему;

— разработать и принять научно обоснованную долгосрочную концепцию легализации теневой экономики в Республике Дагестан, а также создать эффективный правовой, организационный и экономический механизм ее реализации;

— определить и реализовать глубоко продуманную республиканскую долгосрочную государственную политику по легализации теневой экономики;

— разработать и утвердить республиканскую целевую программу по легализации теневой экономики на период 2014—2018 годов.

Для успешного решения первоочередных задач целесообразно также провести комплекс правовых, организационных, экономических и воспитательных мер по максимальному обеспечению легализации теневой экономики по всем направлениям, отраслям и сферам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пескова Д. Теоретические подходы к исследованию и оценке теневой экономики // Экономика и управление: научно-технический журнал. 2013. № 2. С. 49—53.
2. Пономаренко А. Теневой бизнес в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <http://m.forbes.ru/articl.php?id=65945> (дата обращения: 25.09.2014).
3. Причины возникновения теневого бизнеса. Теневая экономика — 40% российского ВВП. Как этим воспользоваться инвестору? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/investitsii-column/tsennye-bumagi/84332-tene>. (дата обращения: 27.09.2014).
4. Селиванова М. Из нала в безнал? «РИА НОВОСТИ» — для «Дагестанской правды» // Дагестанская правда. 21 января 2012 года.
5. Круглый стол «Теневая экономика: угроза для предприятий и работников» [Электронный ресурс]. URL: <http://pressria.ru/pressclub/20130725/601934993.html> (дата обращения: 25.09.2014).
6. Глава Минфина оценил теневой сектор экономики РФ в 15—20% от ВВП [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/20/06/2013/862716.shtml> (дата обращения: 07.09.2014).
7. Сулакшин С. С., Максимов С. В., Ахмедзякова И. Р. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2008. 179 с.
8. Ахмедуев А. Ш., Ильяшенко С. В. Теневая экономика Дагестана: проблемы и пути легализации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 1. С. 78—83.
9. О реализации приоритетных проектов Президента Республики Дагестан: Указ Президента Республики Дагестан № 134 от 19 апреля 2013 года.

REFERENCES

1. Peskov D. Theoretical approaches to the study and evaluation of the shadow economy // Economics and management: scientific-technical journal. 2013. № 2. P. 49—53.
2. Ponomarenko A. Shadow business in figures [Electronic resource]. URL: <http://m.forbes.ru/articl.php?id=65945> (date of viewing: 25.09.2014).
3. The causes of the shadow economy emergence. The shadow economy amounts to 40% of the Russian GDP. How can investors use this? [Electronic resource]. URL: <http://www.forbes.ru/investitsii-column/tsennye-bumagi/84332-tene>. (date of viewing: 27.09.2014).
4. Selivanova M. From cash to bank transactions? RIA NOVOSTI for Dagestan pravda // Dagestan Pravda dated January 21, 2012.
5. Round table «Shadow economy: threat for companies and employees» [Electronic resources]. URL: <http://pressria.ru/pressclub/20130725/601934993.html> (date of viewing: 25.09.2014).
6. Finance Minister assessed the shadow sector of the Russian economy in 15—20% of GDP [Electronic resource]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/20/06/2013/862716.shtml> (date of viewing: 07.09.2014).

7. Sulakshin S., Maksimov S. V., Ahmedzyakova I. R. Public policy of counteraction to corruption and the shadow economy in Russia. Vol. 1. M.: Scientific expert, 2008. 179 p.

8. Ahmeduev A. Sh., Ilyashenko S. V. Shadow economy of Dagestan: problems and ways of legalization // Regional issues of the economy transformation. 2013. № 1. P. 78—83.

9. On implementation of priority projects of the President of the Republic of Dagestan: Decree of the President of the Republic of Dagestan № 134 dated April 19, 2013.

УДК 331.101

ББК 65.291.6-21

Vertakova Yulia Vladimirovna,

doctor of economic sciences, professor of the department of regional economics and management of the Southwestern State University, Kursk,
e-mail: vertakova7@ya.ru

Вертакова Юлия Владимировна,

д-р экон. наук, профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета, г. Курск,
e-mail: vertakova7@ya.ru

Polozhentseva Yulia Sergeevna,

candidate of economic sciences, associate professor of the department of regional economics and management of Southwestern State University, Kursk,
e-mail: polojenceva84@mail.ru

Положенцева Юлия Сергеевна,

канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета, г. Курск,
e-mail: polojenceva84@mail.ru

**РАЗРАБОТКА ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА
В ТЕРРИТОРИАЛЬНО РАСПРЕДЕЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
КАК НАУЧНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МЕНЕДЖМЕНТА**

**DEVELOPMENT OF THE EFFECTIVE SYSTEM OF PERSONNEL MOTIVATION
IN THE TERRITORIAL DISTRIBUTED ORGANIZATIONS
AS A SCIENTIFIC AND PRACTICAL ISSUE OF MANAGEMENT**

В статье раскрыты содержание менеджмента персонала и специфика формирования системы мотивации персонала территориально распределенной организации с учетом ее особенностей как объекта управления. Авторами предложено использование адаптированной матрицы KPI для управления персоналом в территориально распределенных организациях. Проведен анализ характеристик Курского филиала ОАО «РТК» с учетом территориального аспекта деятельности этой организации. Разработана модель перехода от управления персоналом на основе субъективной оценки эффективности деятельности к объективному количественному измерению достижимых результатов, которая адаптирована к специфике деятельности ОАО «РТК».

The article reveals the content of the personnel management and the specificity of formation of the personnel motivation system of geographically distributed organization with regard to its features as an object of management. The authors proposed the use of KPI matrix adapted for personnel management in the geographically distributed organizations. The analysis of characteristics of the Kursk branch of RTC OJSC with regard to the regional aspect of the company activity was performed. A model of transition from the personnel management based on subjective assessment of the activity effectiveness to the objective quantitative measurement of the achievable results was developed that is adapted to the specific activity of RTC OJSC.

Ключевые слова: территориально распределенные организации, мотивация персонала, управление персоналом, си-

стема сбалансированных показателей, ключевые показатели эффективности, система менеджмента, конфликтная ситуация, управление бизнесом, проблемы менеджмента, организационная структура.

Keywords: geographically distributed organizations, motivation of personnel, personnel management, balanced scorecard system, key performance indicators, management system, conflict situation, business management, problems of management, organizational structure.

В современных условиях понятие «рынок» все больше теряет территориальную привязку. По мере развития технологий рыночные транзакции становятся географически нелокализованными, соответственно и деятельность организаций становится территориально распределенной. Это порождает значительное число проблем в управлении подобного рода территориально распределенными организациями. В частности, многие руководители территориально распределенных организаций (ТРО) недооценивают значение методов управления персоналом и мотивацией работников, свойственных современному менеджменту и активно используемых за рубежом для эффективного управления и повышения производительности труда, учитывающих специфику местоположения и пространственного размещения подразделений ТРО.

Совершенствование системы управления территориально распределенными организациями в большей степени затрагивает организационно-технические вопросы совершенствования документооборота за счет упорядочивания движе-

ния документов между управляющей компанией и другими юридическими лицами территориальной сети, развертывания информационно-коммуникационных сетей и защиты информации, создания единой информационной системы для удаленных пользователей и т. п. Однако проблемам формирования системы управления персоналом для ТРО, имеющих свои особенности как объекта управления, в том числе связанные с возможностью возникновения конфликтных ситуаций из-за специфического движения информации между удаленными элементами сети, уделяется недостаточно внимания [1].

При этом в России возникает все больше компаний, организующих свою работу по территориально распределенному принципу. В сложившихся условиях возникает проблема повышения эффективности управления персоналом компаний, объединенных в сеть [2; 3; 4; 5 и др.]. Правильно организованная система мотивации персонала ТРО позволяет систематизировать и унифицировать бизнес-процессы, что обеспечит повышение эффективности деятельности и нейтрализует негативные эффекты территориальной распределенности организации.

Происходящие в настоящее время тенденции концентрации капитала дают возможность средним и мелким предприятиям централизовать общие для них функции, обеспечив повышение их экономической устойчивости в конкурентной борьбе. Возможность достижения конкурентных преимуществ явилась основой формирования сетевых компаний. Современные сетевые структуры управления и эффективная организация деловых процессов и коммуникаций необходимы для успешного функционирования все шире развивающегося в настоящее время территориально распределенного бизнеса.

Образование территориально распределенных организаций началось с объединения двух или более однородных по функциональному значению и товарному профилю предприятий в одном городе или в разных частях страны, находящихся в одном владении и образующих совместные предприятия. В настоящее время оно получило более широкое распространение и более сложную характеристику совместной деятельности. Примерами таких компаний в нашей стране может быть «Ростелеком», а также компании, которые известны по всему миру: Mango, Mary Kay, McDonalds. Все перечисленные компании занимаются абсолютно разными видами деятельности, но их, бесспорно, объединяет то, что все филиалы или подразделения вышперечисленных компаний, находясь на удаленном расстоянии друг от друга, успешно функционируют.

Управление территориально распределенным взаимодействием предпринимательских структур позволяет осуществить всесторонний учет специфических характеристик, входящих в сеть организаций, согласовать действия стейкхолдеров, входящих в их структуру, и минимизировать затраты каждой бизнес-единицы, сформировать правила взаимодействия на основе единой информационной платформы, оптимизировать документооборот и, как следствие, достичь конкурентных преимуществ.

На наш взгляд, территориально распределенные организации — это группа компаний (совокупность фирм или специализированных бизнес-единиц), совершающих географически нелокализованные рыночные трансакции, в которых наблюдается территориальная распределенность бизнеса со смещением сетевого и иерархического принципов организации деятельности, развитие горизонтальных взаимоотношений и отрыв подразделений от центра управления.

Они представляют собой совокупность организаций, деятельность которых координируется рыночными (формальные контракты) и внутренними (имплицитные контракты) механизмами вместо командных методов. Они рассматриваются нами как форма организации бизнеса, отвечающая современным требованиям внешней среды. У этой группы организаций для нейтрализации негативных эффектов территориальной распределенности должны быть систематизированы и унифицированы бизнес-процессы с учетом специфического движения информации между удаленными элементами сети.

ТРО отличаются от организаций других типов рядом признаков, связанных прежде всего с географической распределенностью бизнеса и вытекающими отсюда особенностями этих организаций как объекта управления.

Во-первых, фирмы, использующие традиционные организационные структуры, предпочитают располагать всеми необходимыми ресурсами. В противоположность этому многие территориально распределенные организации используют общие активы, расположенные в различных звеньях ценностной цепи.

Во-вторых, в ТРО наблюдается смешение сетевого и иерархического принципов организации деятельности, поэтому в менеджменте они активнее используют механизмы координации, чем административные формы управления потоками ресурсов. Причем эти механизмы не просто взаимоотношения независимых хозяйствующих субъектов — это элементы кооперации по поставкам продукции (оказанию услуги), обмену информацией.

В-третьих, хотя ранее территориально распределенные организации были частным явлением, многие широко распространенные в настоящее время территориально распределенные организации предполагают более действенную и заинтересованную роль участников совместных проектов. Как показывает опыт, такое добровольное активное поведение участников не только улучшает конечные результаты, но и способствует выполнению контрактных обязательств, несмотря на отрыв подразделений от центра управления. В ряде сфер деятельности, число которых постоянно растет (включая компьютерную, телекоммуникации, автомобильную промышленность и др.), территориально распределенные организации представляют собой объединение организаций, основанное на кооперации и взаимном владении активами участников группы — производителей, поставщиков, торговых и финансовых компаний.

Еще одна особенность связана с разнообразием организационных культур географически распределенных подразделений. Так как сеть ТРО может быть не только в пределах одного города, региона, а даже лежать за рамками одной страны, важно учитывать особенности организационной культуры как отдельных организаций, так и национальной культуры предпринимательства. Без учета этих особенностей нельзя эффективно заимствовать какие-то модели управления. Организационная культура как система разделяемых в организации ценностей, норм и убеждений является результатом взаимодействия управленческих функций, поведения, структуры и процессов самой организации с внешней средой. Входящие в состав ТРО бизнес-единицы не осуществляют прямого взаимодействия, но выстраивают оперативную работу на основе единых требований и должны избежать конфликтов в процессе движения информации.

При территориальной распределенности бизнеса достаточно сложно объективно оценить эффективность работы каждой отдельной организации и ее вклад в общую эффек-

тивность ТРО. Следующая особенность ТРО связана с возможностью фальсификации результатов деятельности, поэтому в такой сети организаций важно количественно и объективно оценить эффективность работы персонала.

Стратегии управления территориально распределенным взаимодействием организаций могут быть классифицированы по этапам развития, жизненного цикла, по уровню принятия управленческих решений. Стратегии управления, их выбор и формирование напрямую зависят от жизненного цикла ТРО и ее размера.

Организации территориально распределенного типа характеризуются гибкостью и способностью к обновлению с учетом условий внешней среды. Такие компании эволюционируют по целям, размерам, формам, структурам, процедурам менеджмента. При возникновении новых проблем и благоприятных возможностей каждый элемент территориально распределенной организации регулируется самостоятельно, находясь в тесной связи с остальными элементами.

ТРО располагаются в том месте, где производственные и бытовые затраты минимизируются. При этом развитие современных информационных технологий и вычислительной техники позволяет управлять сетью организаций в реальном режиме времени и создает предпосылки для дальнейшего распространения таких структур. Это приводит к концентрации все большей массы материальных, трудовых и финансовых ресурсов в ТРО, которые по масштабам своих операций не уступают гигантам промышленного производства. Примерами таких компаний, входящих в ТОП-100 (2012), являются Metro AG (Германия), The Kroger Co (США), Wal-Mart Stores, Inc. (США), Carrefour Group (Франция).

При рассмотрении данного типа бизнеса необходимо учитывать, что эффективное взаимодействие между персоналом, информационными системами и бизнес-процессами, составляющими основу территориально распределенной структуры бизнеса, позволяет преодолевать организационные границы, выстраивая систему координации, коммуникаций, ведения переговорного процесса как внутри структуры, так и с конкурентами. И самое главное, данный тип связи должен выстроить надежную систему принятия решений, обеспечивающую нормальное функционирование каждой из организаций.

При построении системы управления ТРО речь не может идти только о согласовании действий сотрудников и структурных подразделений, о выстраивании единых информационных платформ и нормативно-справочной информации. Стратегические проблемы управления ТРО связаны с проблемами управления персоналом в территориально оторванных друг от друга бизнес-структурах.

Нами сформирован методический подход к управлению персоналом территориально распределенной организации, отличающийся учетом ее специфики как объекта управления, чтобы сгладить влияние территориальной дифференциации на управление.

В связи с тем что в ТРО подразделения оторваны от центра управления и существует территориальная распределенность бизнеса, на наш взгляд, требуется формализация процедур мотивации персонала и оценка эффективности его работы, что позволит достичь нефальсифицируемости результатов и учитывать их при формировании системы оплаты труда и других видов стимулирования персонала.

Предлагается подход к управлению персоналом территориально распределенной организации, базирующийся на мотивации персонала по ключевым показателям эффек-

тивности (КРІ). Основой благополучия компании становится культура коллективной ответственности за общее дело, когда каждый вносит свой вклад в успех организации. Именно в таком отношении сотрудников к компании заключается основное воздействие системы КРІ. Поэтому применение подобных систем в ТРО является, на наш взгляд, залогом того, что компания будет работать максимально эффективно.

В настоящее время многие руководители при формировании системы мотивации персонала используют только прямые финансовые показатели деятельности для принятия решений. Однако с их помощью нельзя предсказывать будущее, они по большей части ориентированы на прошлое и содержат мало управленческой информации, необходимой для принятия стратегических решений. Ответом на потребность в механизмах опережающего управления и явилась методология стратегического управления, основанная на формировании системы сбалансированных показателей (ССП). СПП — это система КРІ, дополненная методикой картирования причинно-следственных связей между бизнес-целями, предложенной Р. Капланом и Д. Нортон. Методика СПП использует ту же систему и карту показателей эффективности, в которой определены стратегические приоритеты (факторы успеха), постепенно декомпозируя их до сотрудников.

Нами предложен состав системы сбалансированных показателей применительно к оценке системы мотивации персонала территориально распределенной организации, включающий разные группы интегральных показателей, объединяющих в систему частные параметры, что позволяет формализовать и унифицировать процессы аттестации и оценки персонала за счет использования единых стандартов.

Цели в ключевых сферах должны предоставить нам несколько возможностей: упорядочить управленческую информацию и свести весь спектр явлений производственно-финансовой деятельности к небольшому числу основных измерителей; проверять достижение на практике; прогнозировать поведение сотрудников; оценивать целесообразность решений еще в процессе их выработки; давать возможность менеджерам анализировать свой опыт и таким образом повышать эффективность текущей работы в будущем.

Предлагаемые нами составляющие СПП применительно к оценке системы мотивации персонала ТРО следующие: составляющая по обучению и развитию персонала — «Обучение и развитие»; составляющая, которая отражает ориентированность на потребителя, — «Клиенты ТРО»; составляющая по внутренним бизнес-процессам — «Внутренние бизнес-процессы ТРО»; составляющая по измерению эффективности действующей системы управления персоналом ТРО с позиции ее восприятия сотрудниками — «Удовлетворенность сотрудников»; составляющая, характеризующая эффективность финансово-хозяйственной деятельности, — «Финансы».

Эти пять групп интегральных показателей, объединенных в систему, конкретизируются совокупностью частных параметров, формализуя и унифицируя процессы менеджмента ТРО.

Разработка показателей деятельности должна происходить в привязке к стратегическим ориентирам. С одной стороны, понимая связь показателей деятельности и стратегии, сотрудники будут в большей степени вовлечены в деятельность организации. С другой стороны, показатели деятельности должны отражать связь текущей деятельности с достижением стратегических ориентиров организации (рис. 1).

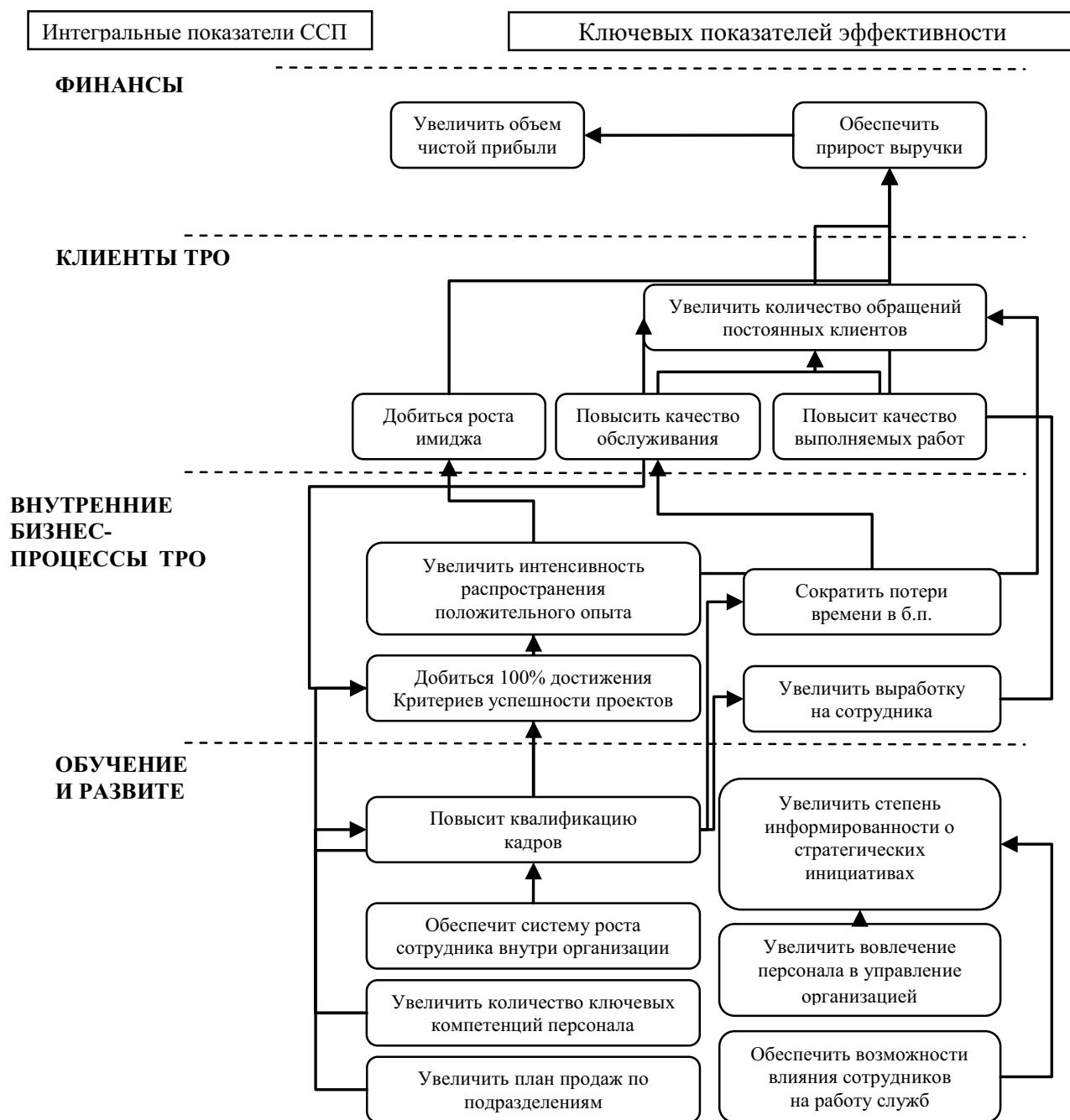

Рис. Состав предлагаемых ключевых показателей эффективности (на примере Курского филиала ОАО «Ростелеком»)

Технология ССП является способом нахождения контрольных точек в процессе достижения целей, характеристиками результативности работы сотрудника ТРО и бизнес-процессов сети в целом.

Таким образом, эффективное использование разработанной методики формирования системы оплаты труда на базе ключевых показателей эффективности будет способствовать: выработке действенного инструмента стимулирования сотрудников с «различными видами» потребностей, применяя материальные и нематериальные стимулы; разработке и применению стимулирующих стратегий в области вознаграждений; выявлению сотрудников, не соответствующих требованиям занимаемых ими должностей; повышению эффективности управления и в целом достижению бизнес-целей организации.

Апробация исследования была проведена на базе биз-

нес-единиц территориально распределенной структуры Курского филиала ОАО «Ростелеком», основной стратегической целью которой является сохранение лидерства и максимизация доходов в сегменте традиционной телефонии на рынке связи ЦФО; опережающее развитие услуг широкополосного доступа в Интернет; расширение продуктовой линейки; техническая модернизация сети; повышение эффективности инвестиционной деятельности; сокращение долговой нагрузки. Состав ключевых показателей эффективности Курского филиала ОАО «Ростелеком» был разработан исходя из детализации стратегических целей развития, включающих: «Финансы», «Внутренние бизнес-процессы», «Клиенты», «Обучение и развитие» (таб.). Состав и взаимосвязь целей определялись на основе экспертных оценок и интервьюирования топ-менеджеров и руководителей структурных подразделений этой сети территориально распределенных организаций.

**Адаптированная матрица ключевых показателей эффективности,
используемых в организациях сферы услуг
(для Курского филиала ОАО «Ростелеком»)**

Ключевые факторы успеха	Стратегические цели по перспективам	Ключевые показатели эффективности	Источник данных	Ответственный
Финансы				
Высокие финансовые результаты	Увеличить выручку при сохранении уровня рентабельности	Объем реализации	Финансовая отчетность	Финансовый директор
		Рентабельность		
Клиенты				
Востребованность организации клиентами	Повысить уровень удовлетворенности клиентов	Количество упоминаний в месяц о ценности услуг в целевом «эфире»	Информационная система, в которой фиксируются обращения клиентов с указанием на источник информации	Директор по маркетингу
		Среднегодовой рост цены на услуги организации, %	Система бухгалтерского учета, из которой поступают фактические данные	
		Удовлетворенность клиентов качеством выполненных работ, баллы	Опрос должностных лиц заказчика	Исполнительный директор
Внутренние бизнес-процессы				
Эффективность использования времени	Сократить время на обработку заказа	Добиться соблюдения календарного плана-графика	Информационная система, содержащая сроки исполнения проекта	Руководитель департамента по работе с клиентами
	Время на обработку заказа	Средний срок отклонения от контрольных точек	Анкетирование клиентов	
	Увеличить интенсивность распространения положительного опыта	Частота опубликования пресс-релизов	Сведения заносятся в базу данных сотрудником отдела маркетинга	Директор по маркетингу
	Количество внедренных решений за период			

Обучение и развитие				
Высокий уровень квалификации специалистов организации	Повысить качество набора персонала	Уменьшить текучесть кадров ключевых компетенций	Отношение количества сотрудников, прошедших повышение квалификации, к запланированному количеству, %	Директор по персоналу
	Текучесть кадров новых сотрудников на испытательном сроке	Текучесть кадров ключевых компетенций		
	Количество сертификатов	Повысить квалификацию персонала. Выполнение плана обучения. Повысить уровень удовлетворенности сотрудников. Уровень удовлетворенности сотрудников. Выполнение плана корпоративных мероприятий	Отклонение фактического показателя от запланированного, %	
	Повысить коэффициент реализации стратегических компетенций организации	Количество реализованных предложений по совершенствованию деятельности	Отношение зарегистрированных предложений к количеству принятых к исполнению, %	Исполнительный директор
	Количество реализованных предложений по совершенствованию деятельности	Вовлеченность сотрудников в процесс планирования деятельности организации	Отношение основного и управленческого персонала к общей численности персонала, %	Исполнительный директор

Система мотивации персонала на основе разработанных ключевых показателей эффективности для ОАО «Ростелеком» заключается в разработке мотивационной формулы, в которой предлагается использовать 3—5 KPI, выделенных на основе разработанной сбалансированной системы показателей управления персоналом. Внедрение сбалансированной системы показателей увеличило количество постоянных клиентов на 40%, что позволило менеджерам снизить временные затраты, а персоналу ощутить вовлеченность в процесс управления ТРО.

Внедрение разработанной системы мотивации на базе KPI создает в территориально распределенных организациях новый стиль управления, при котором ключевые бизнес-процес-

сы и система управления персоналом ориентированы на повышение эффективности деятельности организации в целом.

Предлагаемая методика корпоративного управления персоналом, продемонстрированная на примере системы мотивации персонала для одной из ТРО, может быть использована для любой территориально распределенной сети бизнес-единиц. Поскольку она базируется на количественном измерении характеристик пространственно распределенных трудовых коллективов, формируемая система ключевых показателей эффективности должна учитывать разнообразие состава персонала, квалификации, мотивов, опыта сотрудников. Это позволит сочетать универсализм и специфичность в управлении персоналом территориально распределенной организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трунова Л. В., Вертакова Ю. В. Управление мотивацией персонала предприятия на основе ключевых показателей эффективности деятельности // Вестник ОрелГИЭТ. 2012. № 3 (21). С. 54—65.
2. Ващенко А. Н. Понятие мотивации в XXI веке. Прогнозы и оценки // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1. С. 106—110.
3. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Рязанцева В. В. Формирование и использование трудового потенциала региона: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2011. 199 с.
4. Марченкова Л. М., Плотноков В. А., Рудакова О. В. Человеческий и интеллектуальный капитал как основа инновационного развития промышленности // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. 2012. № 1—2. С. 205—210.
5. Положенцева Ю. С. Исследование методов прогнозирования потребности региональной экономики в управленческих кадрах // Вестник Костромск. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2012. № 6. Т. 18. С. 185—190.

REFERENCES

1. Trunova L. V., Vertakova Yu. V. Management of the company personnel motivation based on the key performance indicators // Bulletin of OrelSIET. 2012. № 3 (21). P. 54—65.
2. Vashchenko A. N. Concept of motivation in the XXI century. Forecasts and assessments // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1. P. 106—110.
3. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Ryazantseva V. V. Formation and use of labor potential of the region: monograph; Southwest. State University of Kursk, 2011. 199 p.
4. Marchenkova L. M., Plotnikov V. A., Rudakova O. V. Human and intellectual capital as the basis of the industry innovative development // News of the Southwest. State University. 2012. № 1-2. P. 205—210.
5. Polozhentseva Yu. S. Investigation of the methods of forecasting the needs of the regional economy in managerial personnel // Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. 2012. № 6. B. 18. P. 185—190.

УДК 332.1

ББК 65.04

Korostyshevskaya Elena Mikhailovna,
doctor of economics, professor of the department
of economic theory and economic policy
of Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg,
e-mail: lenkor7@mail.ru

Plotnikov Vladimir Alexandrovich,
doctor of economics, professor of the department
of general economic theory
of Saint-Petersburg State Economic University,
Saint-Petersburg,
e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Коростышевская Елена Михайловна,
д-р экон. наук, профессор кафедры
экономической теории и экономической политики
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: lenkor7@mail.ru

Плотников Владимир Александрович,
д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической
теории Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ПРИОРИТЕТОВ

REGIONAL POLICY: THE PROBLEM OF CHOOSING PRIORITIES

В статье рассмотрены основные приоритеты региональной политики в современной России. К ним отнесены снижение уровня региональной дифференциации, формирование региональных полюсов роста. Выявлена диалектическая противоречивость этих приоритетов. Это определяет противоречия реализуемой государственной политики. На основе имеющихся официальных статистических данных оценен прогресс в реализации указанных основных приоритетов. Выявлены нерешенные проблемы, связанные с их достижением. Установлено, что они проявляются как на уровне субъектов Федерации, так и на уровне федеральных округов. Это позволяет указать на основные направления развития региональной политики. Они связаны с ее гармонизацией на региональном и федеральном уровне.

The article describes the main priorities of the regional policy in modern Russia. These include: reduction of regional differentiation; formation of regional growth poles. Dialectical contradiction of these priorities is revealed. This determines the contradictions of implemented state policy. The progress in implementation of the specified main priorities is evaluated based on the available official statistical data. Unresolved issues connected with their achievement are identified. They are demonstrated at the level of the Federation entities, as well as at the level of federal districts. This allows identifying the main trends of development of the regional policy. They are connected with its harmonization at the regional and federal levels.

Ключевые слова: региональная политика, государственная экономическая политика, государственное регулирование экономики, дифференциация регионов, полюса роста, приоритетные цели развития, уровень жизни, социально-экономическое развитие, экономический рост, целеполагание в политике.

Keywords: regional policy, national economic policy, government regulation of the economy, differentiation of the regions, growth poles, priorities of development, living standards, social and economic development, economic growth, goal setting in politics.

Россия обладает значительной региональной спецификой. Этот тезис общеизвестен, он широко обсуждается как в научном сообществе, так и в общественно-политических дискуссиях

[1; 2; 3; 4 и др.]. Это определяет необходимость учета указанной специфики в государственной политике путем включения в нее отдельного самостоятельного раздела (направления) — региональной политики [5]. Региональная политика в наиболее общем представлении направлена на регулирование процессов развития страны в пространственном аспекте.

В региональной (как, впрочем, и в любой другой) политике, рассматриваемой с системно-управленческих позиций, можно выделить цели, задачи, приоритеты, принципы, направления, стратегии, методы, инструменты и другие элементы. При этом ключевое значение, по нашему мнению, имеют приоритеты, под которыми мы понимаем наиболее важные, узловые цели пространственного развития, подчиняющие себе другие цели (в том числе стратегические), формирующие направления деятельности органов публичной власти, задающие задачи и принципы воздействия государства на региональные социально-экономические системы и т. д.

Вопросу приоритетов региональной политики большое внимание уделено в Указе Президента Российской Федерации от 3 июля 1996 года № 806 «Об основных положениях региональной политики в РФ», где указано, что она направлена на укрепление государственности Российской Федерации, совершенствование федерализма, формирование условий для более эффективного и гармонизированного развития регионов, обеспечение благосостояния населения страны. Легко заметить, что в тех же терминах подобный приоритет может быть сформулирован и для других направлений государственной политики. Собственно региональный аспект, региональная специфика в этой формулировке слабо выражены, что на практике приводит к распылению ресурсов при регулировании регионального развития.

Анализ показывает, что существует достаточно широкий круг мнений относительно приоритетов в региональной политике России. При этом указанные приоритеты дуалистичны. Это порождает противоречивость в разработке и реализации региональной политики. С одной стороны, она направлена на снижение социально-экономической дифференциации регионов, выравнивание имеющихся диспропорций в их развитии, что мотивируется общесоциальными соображениями справедливости, равенства жителей разных регионов в своих правах и возможностях, так как все они являются гражданами одного государства — Российской

Федерации. С другой стороны, региональная, как и всякая другая экономическая, политика направлена на повышение конкурентоспособности национального хозяйства, что достигается через выявление и селективное стимулирование полюсов роста, что по факту означает углубление региональной дифференциации.

Какое из направлений более приоритетное — предмет непрекращающейся дискуссии экспертов. На наш взгляд, в практической деятельности два указанных приоритета должны в определенной пропорции сочетаться между собой, причем это сочетание может меняться с течением времени.

Несмотря на проводимые мероприятия региональной политики, направленные на снижение уровня дифференциации регионов, имеющиеся данные (табл. 1 и 2) позволяют констатировать, что сохраняются значительные различия в региональном развитии России; сложившиеся в этой сфере диспропорции не удастся серьезно смягчить вот уже более двух десятилетий (нами специально рассмотрены цифровые показатели не на уровне субъектов Федерации, а федеральных округов, разрыв в уровнях развития которых менее значителен за счет усреднения численных значений показателей, характеризующих входящие в них регионы).

Таблица 1

Сравнение федеральных округов по макроэкономическим показателям

Показатель	Округ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
Территория, %		3,80	9,80	2,44	1,06	5,80	10,70	29,80	36,60
Территория, тыс. кв. км		652,80	1677,90	416,84	172,36	1038,0	1788,90	5114,80	6215,90
Численность населения, %		27,0	9,50	9,70	6,67	20,80	8,50	13,48	4,35
Численность населения, тыс. чел.		38678,9	13717,8	13910,2	9540,8	29772,2	12197,5	19278,2	6251,5
ВРП, млн руб.		13363655	3905154	2293686	887606	5660130	5087786	4093589	2106914
ВРП на душу населения, тыс. руб.		348100	286828	165579	94465	189071	420920	212440	334306
Объем промышленной продукции, млн руб., в том числе:									
добыча полезных ископаемых		833562	544018	109798	16974	1245956	3155976	1156021	968843
обрабатывающие производства		6764832	3427815	1333935	255379	5163857	2987202	2505866	363462
производство и распределение электроэнергии, газа и воды		1392745	458889	260536	103048	788337	519743	481990	213850
Объем сельскохозяйственной продукции, %		24,5	5,1	15,6	8,0	23,5	6,2	13,4	3,7
Поступление налоговых платежей в бюджетную систему, млрд руб.		3067	961	411	106	1512	2404	886	373
Инвестиции в основной капитал, %		21,4	11,5	9,8	3,2	15,7	15,9	11,3	7,5
Иностранные инвестиции, %		62,3	10,4	2,5	0,4	3,8	8,3	2,6	9,7
Розничный товарооборот, %		34,2	9,2	9,0	5,2	18,3	9,5	10,8	3,8
Уровень зарегистрированной безработицы, тыс. чел.		845,9	401,7	489,7	662,6	1055,6	464,0	837,0	263,7

Источник: данные Росстата, представленные на официальном интернет-сайте: <http://www.gks.ru>

Причем динамика регионального развития в России свидетельствует о том, что положение дел по некоторым индикаторам даже ухудшается. Это иллюстрируется, например, данными о числе регионов-доноров. Так, в 2007 году их было 19. В 2012 году — уже 11, а всего через год — 10. Таким образом, 73 из 83 существующих в 2013 году субъектов Федерации (без учета Крыма и Севастополя, вошедших в Россию в 2014 году) жили за счет перераспределения финансовых и иных ресурсов,

созданных другими регионами, в числе которых города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Московская, Ленинградская, Сахалинская и Тюменская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Поэтому сохраняет свою значимость приоритет региональной политики, состоящий в снижении уровня разрыва социально-экономического развития российских территорий.

Таблица 2

Сравнение федеральных округов по социальным показателям (2012 год)

Показатель \ Округ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФФО
Площадь жилищ на одного человека, кв. м	24,4	24,9	22,2	18,6	23,2	22,6	21,7	22,1
Ввод в эксплуатацию объектов социально-культурного назначения, в том числе:								
больничных учреждений, коек	2359	970	678	2796	1246	175	1049	263
дошкольных учреждений, мест	10596	5553	2220	2640	10499	5649	6095	1705
общеобразовательных учреждений, ученических мест	13989	8935	2004	14570	5071	4057	9095	2764

Источник: данные Росстата, представленные на официальном интернет-сайте: <http://www.gks.ru>

Обратимся к данным табл. 1. Здесь заметно явное преобладание Центрального федерального округа по всем показателям, кроме площади территории и объемов добычи полезных ископаемых. Наиболее впечатляющим выглядит лидерство округа по таким важнейшим показателям, как объем ВРП, поступление налоговых платежей в бюджетную систему, иностранные инвестиции, розничный товарооборот. Доминирующее положение ЦФО просматривается и с точки зрения экономических ресурсов. Во-первых, в округе сконцентрирована большая часть населения страны — свыше 38 млн чел. (более четверти всех жителей РФ), а во-вторых, он лидирует по таким показателям, как инвестиции в основной капитал и иностранные инвестиции. На другом полюсе по ключевым экономическим характеристикам находится Северо-Кавказский федеральный округ, а также Южный и Дальневосточный федеральные округа.

Положение дел в сфере социального развития федеральных округов отражают данные табл. 2. Здесь преимущество опять же у ЦФО. При этом по такому показателю, как площадь жилищ, разрыв между округами незначительный — в 1,3 раза (максимально — 24,9 кв. м, минимально — 18,6 кв. м). Относительно состояния социально-культурной сферы дело обстоит иначе: налицо не только значительные различия, но и контрасты. Особенно по показателю больничных учреждений: здесь разрыв более чем в 13,5 раза (ЦФО — 2359 коек, а УрФО — 175 коек).

Еще более значительны контрасты между отдельными субъектами Федерации. В данной статье из-за ограниченности ее объема мы не проводим соответствующего анализа, так как соответствующая информация доступна, например, в ежегодном публикуемых Росстатом статистических сборниках «Регионы России». Продолжим наш укрупненный анализ на уровне федеральных округов. В каждом из них сложился комплекс факторов, обуславливающих лидирующую или отстающую позицию округа.

Например, конкретизированную картину по Сибирскому федеральному округу дает табл. 3. Ее материалы демонстрируют положение дел в Сибири с точки зрения человеческого капитала, индустриального и инновационного развития, конкурентоспособности, а также инвестиционного, социального

и криминального контекста. Очевидна негативная тенденция, проявляющаяся в снижении экономического потенциала Сибири и конкурентоспособности производимой продукции, недостаточных темпах роста экономики, слабом научно-технологическом развитии, а также в снижении уровня и качества жизни населения.

Несмотря на выделенные диспропорции, в то же время СФО отличается богатством разведанных запасов полезных ископаемых. Его сырьевой экспорт обеспечивает более 2/3 общероссийских валютных поступлений. Регион является частью глобального экономического пространства, сырьевые ресурсы (углеводороды) которого включены в технологические цепочки мировой экономики. На основе сибирского сырья сформировались два из четырех глобальных российских регионов, значимых в мировом отношении, а именно макрорегион Северо-Запад («Балтийское направление») и «Восточное направление». Они ориентированы на поставку углеводородов в ведущие государства северной части ЕС и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. И на этом фоне регионы Сибирского федерального округа продолжают деградировать.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на декларацию приоритета региональной политики (сокращение социально-экономической дифференциации российских регионов), прогресс в его реализации пока еще недостаточен. Мало того, по мнению авторов, подобная ситуация сохранится и в среднесрочной перспективе.

Какова же ситуация со вторым приоритетом? Он связан с поддержкой регионов — полюсов роста. Для его достижения ресурсы (преимущественно федеральный центр) направляются не столько на бюджетное выравнивание территорий, сколько на конкретные структурные проекты, позволяющие максимально использовать внутренний потенциал каждого региона. При этом такого рода проекты могут быть как регионального (например, создание внутрирегиональных промышленных кластеров), так и межрегионального масштаба (например, «Урал промышленный — Урал полярный»). Основное содержание региональной политики при таком подходе — структурная перестройка экономики регионов. При этом важнейшее значение в региональной политике придается инновационной составляющей развития (табл. 4).

Таблица 3

Описание процессов развития Сибирского федерального округа в разрезе основных социально-экономических показателей

Показатель	Процессы в Сибири	Комментарий
Валовой региональный продукт	Устойчивый тренд — снижение экономического значения Сибири для РФ	Снижение вклада Сибири в общероссийский валовой продукт за 14 лет составило 2,8% (с 13,4% в 1998 году до 10,6% в 2009-м)

Показатель	Процессы в Сибири	Комментарий
Экспортная продукция	Устойчивый тренд — снижение вклада Сибири в российский экспорт	Снижение вклада Сибири в российский экспорт за 13 лет составило 2,3% (с 11,8% в 1998 году до 9,5% в 2010-м)
Население	Незначительное снижение доли сибиряков в общей численности населения России	Доля сибиряков в населении России за 20 лет уменьшилась на 0,51% (с 14,3% в 1990 году до 13,8% в 2009-м). При этом в последние три года фиксируется рост численности населения в Новосибирской и Томской областях
Индекс физического объема ВРП	Показатели роста экономики Сибири в 1997—2008 годах были ниже среднероссийских показателей	Темпы роста экономики Сибири отставали от общероссийских в среднем на 2—6%, приблизились к ним в 2007—2008 годах и начали опережать только в 2009 году
Объем инвестиций	Снижение доли инвестиций в экономику Сибири в общем объеме инвестиций в России	Доля российских инвестиций в экономику Сибири за 20 лет сократилась в 1,5 раза (с 14,8% в 1990 году до 9,7% в 2010-м)
Внутренние затраты на исследования и разработки	Снижение доли финансирования науки в Сибири в общем объеме российских расходов на НИОКР	Доля финансирования науки в Сибири в общем объеме российских расходов на НИОКР за 15 лет сократилась на 1,8% (с 8,3% в 1994 году до 6,5% в 2010-м)
Уровень доходов на душу населения	Снижение доходов на душу населения в Сибири в сравнении с доходами среднестатистического жителя России	В течение 15 лет наблюдается снижение уровня дохода сибиряков в сравнении с доходами среднестатистического жителя РФ: в 1995 году доходы жителей СФО были ниже среднероссийских на 4,3%, а в 2010-м — уже на 20%
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Доля бедных в Сибири оказывается выше среднероссийских показателей. При этом сохраняется общий тренд снижения доли бедных в РФ и Сибири	В течение 15 лет наблюдается снижение доли бедных в России и Сибири. При этом доля бедных в Сибири всегда была выше среднероссийских показателей: в 2000 году уровень бедности в Сибири составлял 41,6%, а в РФ — 29%. В 2010 году доля бедных в Сибири в 1,4 раза превышала долю бедных в России
Смертность по социальным причинам (самоубийства, отравления алкоголем)	Рост смертности сибиряков по социальным причинам в сравнении со среднероссийскими показателями	Ситуация социальной катастрофы. В течение 20 лет в Сибири наблюдается рост смертности по социальным причинам. В 1990 году она превышала среднероссийские показатели на 18%, а к 2010 году превышение составило уже 60%
Доля населения с высшим образованием среди занятых в экономике	В Сибири сохраняется низкая доля людей с высшим образованием, занятых в экономике, она ниже, чем в среднем по РФ	Доля людей с высшим образованием, занятых в экономике, в Сибири в последние 18 лет составляет 90% от среднего для России значения
Уровень преступности — число преступлений на 10 тыс. населения	В Сибири сохраняется более высокий уровень преступности, чем в среднем по РФ	Уровень преступности в Сибири в последние 20 лет на 15—30% выше среднероссийских показателей

Источник: [6, с. 83—84].

Таблица 4

Состояние инновационной деятельности в РФ

Округ Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДВФО	Всего РФ
Число организаций, выполнявших НИОКР	1365	514	255	105	597	244	424	178	3682
Численность персонала, занятого НИОКР	380363	97221	27738	8585	111579	43586	52794	13407	735273
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн руб.)	331758,9	81504,9	15906,0	4017,7	91012,1	34408,9	40713,4	11104,7	610426,7

Округ Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДВФО	Всего РФ
Затраты на технологические инновации (млн руб.)	275677,1	78489,2	15182,1	2094,3	165199,9	103872,7	63345,1	29955,0	733816,0
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	654	198	89	61	204	87	201	76	1570
Численность аспирантов	63064	19222	10888	5495	24967	9213	18777	4653	156279
Поступление патентных заявок на изобретения	12596	2549	1484	1176	4457	1271	2403	555	26495
Выдано патентов на изобретения	10988	1653	1310	393	2954	803	1861	377	20339
Инновационная активность организаций	10,2	11,2	6,5	5,2	12,7	11,5	8,8	11,2	10,4

Источник: [7].

Сравнительный анализ приведенных в табл. 4 индикаторов показывает, что лидирующие позиции по всем аспектам, кроме инновационной активности организаций, принадлежат Центральному федеральному округу, следом идут Приволжский и Северо-Западный федеральные округа. Аутсайдерами ожидаемо являются Северо-Кавказский федеральный округ (число организаций, выполнявших НИОКР, численность персонала, занятого НИОКР, внутренние затраты на научные исследования и разработки, затраты на технологические инновации, инновационная активность организаций) и Дальневосточный федеральный округ (число организаций, ведущих подготовку аспирантов, численность аспирантов, поступление патентных заявок на изобретения, выдача патентов на изобретения). СКФО и ДВФО не являются лидерами ни по одному из направлений инновационного развития страны, что отчасти обусловлено геополитическим положением данных регионов.

Если соотнести данные табл. 1 и 4, то лидеры и аутсайдеры фактически аналогичны, что свидетельствует о тесной свя-

зи экономического развития и инновационного потенциала. Из-за существенного расслоения округов по степени экономического развития инновации развиваются лишь в благополучных регионах, а именно в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах. Иностранские инвестиции опять же сосредоточены в ЦФО, который существенно опережает остальные регионы.

Региональный ракурс инновационного развития в динамике по конкретным направлениям также показывает, что значительная часть территории страны слабо участвует в инновационных процессах (табл. 5). Отметим, что инновационная деятельность в реальном секторе экономики Северо-Кавказского, Южного федеральных округов (при отрицательной динамике) развивается гораздо медленнее, чем в целом по РФ. Более того, разрыв в инновационной динамике по субъектам РФ еще более разителен (в качестве примера дифференциации в табл. 6 приведены данные по Сибирскому федеральному округу).

Таблица 5

Инновационная активность предприятий, %

Субъект	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	10,0	9,4	9,3	9,5	10,4
Центральный ФО	10,0	9,4	8,8	8,6	10,2
Северо-Западный ФО	9,8	8,9	9,5	9,4	11,2
Южный ФО	9,4	8,0	7,2	7,5	6,5
Северо-Кавказский ФО	5,9	5,2	5,8	6,2	5,2
Приволжский ФО	12,8	12,5	12,8	12,3	12,7
Уральский ФО	11,5	10,1	10,2	11,5	11,5
Дальневосточный ФО	5,8	7,2	8,3	8,6	11,2
Сибирский ФО	8,1	7,7	7,3	8,2	8,8

Источник: данные Росстата, представленные на официальном интернет-сайте: <http://www.gks.ru>

По основным показателям, характеризующим инновационную деятельность, Сибирский федеральный округ не входит в число российских лидеров. Инновационная активность предприятий в 2011 году составляет 8,8% по сравнению с 10,4% по России в целом. Однако по регионам — субъектам округа разрыв еще более значительный. Только в двух регионах (Республика Алтай и Томская область) уровень инновационной активности предприятий превосходит, причем заметно, среднероссийский уровень.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют, что инновационный потенциал российских регионов недостаточно используется не только для повышения их конкурентоспособности, но и для преодоления отставания в развитии экономики и социальной сферы. В этой связи реализация второго приоритета региональной политики предполагает поддержку инновационных процессов в регионах с использованием перспективных инструментов региональной политики [8]. В их числе нами выделяются наукограды, кластеры, особые экономические зоны и др.

Таблица 6

Инновационная активность предприятий СФО, %

Субъект	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	10,0	9,4	9,3	9,5	10,4
Сибирский федеральный округ	8,1	7,7	7,3	8,2	8,8
Республика Алтай	1,5	2,4	5,5	6,5	22,1
Республика Бурятия	7,2	7,5	6,0	11,0	11,8
Республика Тыва	—	—	12,5	13,0	6,8
Республика Хакасия	9,6	7,5	5,3	5,4	5,6
Алтайский край	8,9	7,2	7,6	8,2	11,0
Забайкальский край	6,0	5,5	4,4	6,7	4,0
Красноярский край	12,3	14,0	12,2	10,0	10,2
Иркутская область	11,2	9,0	7,5	8,7	6,5
Кемеровская область	6,7	6,0	4,8	5,9	6,4
Новосибирская область	4,9	5,4	5,6	5,5	8,2
Омская область	6,3	5,8	6,0	7,3	7,1
Томская область	16,9	16,0	15,3	18,4	15,7

Источник: данные Росстата, представленные на официальном интернет-сайте: <http://www.gks.ru>

Данная совокупность инструментов региональной политики РФ, свидетельствующая об ее усложнении, нацелена на повышение конкурентоспособности национального хозяйства и конкретных регионов, в том числе многоуровневое структурирование социально-экономического пространства страны (выделение и целенаправленная ресурсная и административная поддержка специальных зон, территорий, кластеров и т.д.,

ориентированных на ускоренное прорывное инновационное развитие). Наш анализ показал, что реалии российской региональной политики в ряде случаев существенно расходятся с декларируемыми мерами по ее инновационному стимулированию. В качестве примера в табл. 7 представлены данные об объемах финансирования наукоградов, которые, начиная с 2009 года, имеют тенденцию к снижению.

Таблица 7

Финансирование наукоградов из федерального бюджета, млн руб.

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
180	280	310	500	700	825	1220	1500	1440	576	576	576

Источник: федеральные законы о бюджете РФ 2001—2012 годов.

В тех же случаях, когда ресурсов выделяется достаточно, возникают вопросы относительно эффективности их использования. Проиллюстрируем эту мысль анализом имеющихся данных по особым экономическим зонам (ОЭЗ). Общий объем выручки всех резидентов за весь период существования ОЭЗ по состоянию на 01.01.2012 года составил 55,2 млрд руб., а объем средств бюджетов всех уровней, направленных на создание инженерной, транспортной, социальной и другой инфраструктуры за тот же период, превысил 70 млрд руб. [9]. Даже если оптимистично предположить, что все резиденты ОЭЗ имеют

рентабельность продаж вдвое более высокую, чем остальные российские хозяйствующие субъекты (по официальным данным Росстата [10], она составляла в среднем 13,7%), то объем бюджетных вливаний в ОЭЗ превысил прибыль их резидентов в 4—5 раз. И при этом мы не учли собственные затраты бизнеса. В свете приведенных данных экономическая эффективность ОЭЗ, по крайней мере в среднесрочной перспективе, выглядит крайне сомнительно.

Альтернативные данные об эффективности ОЭЗ приводит Счетная палата Российской Федерации [11]. В 2011 году инве-

стиции в ОЭЗ составили 17 млрд руб., а совокупный их объем за весь период существования ОЭЗ — 49 млрд руб. Экономический эффект от создания ОЭЗ, по данным Счетной палаты, положительный, но близок к нулю, он оценивается всего лишь в 0,68%. То есть можно сделать вывод, что использование данного инструмента региональной политики в целях реструктуризации экономики конкретных регионов пока не приносит желаемых результатов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что российская региональная политика имеет два основных приоритета, таких как выравнивание социально-экономического пространства и селективная поддержка региональных полюсов роста. При этом, по нашему мнению (по крайней мере,

в теоретической дискуссии), наблюдается смещение фокуса внимания от концепции выравнивания к концепции эффективности (инвестиционные программы; развитие инфраструктуры; усиление в регионах малых и средних предприятий и др.) на основе целенаправленной дифференцированной поддержки регионального развития в инновационном направлении [12].

При этом указанные приоритеты находятся в диалектическом единстве, то есть они системно связаны между собой и в то же время противоречивы, что формирует потенциал долгосрочного развития системы региональной политики в России. По крайней мере, в среднесрочной перспективе эти приоритеты в российской региональной политике, по мнению авторов, сохраняют свое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Хлынин М. Ю. Формирование и развитие промышленных кластеров // Технико-технологические проблемы сервиса. 2014. № 1 (27). С. 92—99.
2. Багров Н. М. Регионы России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 3. С. 140—153.
3. Нарышкин С. Е. Налогово-бюджетная и имущественная политика регионов в привлечении иностранных инвестиций // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2008. № 4. С. 78—86.
4. Савельев А. В. Обзор подходов к определению понятия «регион» // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 6 (84). С. 146—148.
5. Разумовский В. М. Современные проблемы регионалистики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 4. С. 125—130.
6. Судьба континента Сибирь: проблемы развития. Экспертный дискурс: сб. ст. / Под ред. В. С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 160 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.
8. Чувайда А. М., Отставнова Л. А. Государственная политика занятости на рынке труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4. С. 101—107.
9. Отчет о результатах функционирования ОЭЗ в 2011 году, подготовленный МЭР [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/doc20120928_04 (дата обращения: 14.02.2014).
10. Рейтинг финансового состояния отраслей промышленности по итогам 6 месяцев 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/Sector-072012.pdf> (дата обращения: 14.02.2014).
11. Счетная палата провела мониторинг использования государственной поддержки на создание и функционирование особых экономических зон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/news/archive/22082012> (дата обращения: 14.02.2014).
12. Коростышевская Е. М., Плотников В. А. Стратегия развития и целеполагание в региональной политике России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2014. № 3 (197). С. 38—46.

REFERENCES

1. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Khlynin M. Yu. Formation and development of industrial clusters // Technical and technological problems of service. 2014. № 1 (27). P. 92—99.
2. Bagrov N. M. Regions of Russia // Materials of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. № 3. P. 140—153.
3. Naryshkin S. E. Fiscal and property policy of the regions in attracting foreign investment // Materials of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2008. № 4. P. 78—86.
4. Saveliev A. V. Review of approaches to definition of «region» // Materials of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2013. № 6 (84). P. 146—148.
5. Razumovsky V. M. Modern problems of regionalism // Materials of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2010. № 4. P. 125—130.
6. Fate of the continent Siberia: problems of development. Expert discourse: Collection of article / Edited by V. S. Efimov. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2012. 160 p.
7. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2012: Statistical compilation / Rosstat. M., 2012. 990 p.
8. Chupayda A. M., Otstavnova L. A. State employment policy on the labor market // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4. P. 101—107.
9. Report on the results of functioning of SEZ in 2011, prepared by the Ministry of Economic Development [Electronic resource]. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/doc20120928_04 (date of viewing: 14.02.2014).
10. Rating of financial state of the industries upon results of 6 months of 2012 [Electronic resource]. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/Sector-072012.pdf> (date of viewing: 14.02.2014).
11. The Audit Chamber carried out monitoring of the use of state support for establishing and functioning of special economic zones [Electronic resource]. URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/news/archive/22082012> (date of viewing: 14.02.2014).
12. Korostyshevskaya E. M., Plotnikov V. A. Strategy of development and goal-setting in the regional policy of Russia // Scientific and technical bulletin of SPbSTU. Economic sciences. 2014. № 3 (197). P. 38—46.

УДК 336.14:332.1
ББК 65.261.54:65.04

Sazonov Sergey Petrovich,
 honored economist of the Russian Federation,
 State Advisor of the Russian Federation
 of 2nd class, doctor of economics,
 professor, head of the department of companies'
 economics and finance
 of Volgograd State Technical University,
 Volgograd,
 e-mail: sazonovsp@mail.ru

Sorokina Oksana Vyacheslavovna,
 master of management,
 assistant of the department of companies' economics
 and finance of Volgograd State Technical University,
 Volgograd,
 e-mail: suzanna1716real@mail.ru

Vaysbeyn Konstantin Dmitrievich,
 post-graduate student of the department
 of companies' economics and finance
 of Volgograd State Technical University,
 Volgograd,
 e-mail: vajsbejn90@mail.ru

Сазонов Сергей Петрович,
 заслуженный экономист Российской Федерации,
 Государственный советник Российской Федерации
 2-го класса, д-р экон. наук, профессор,
 зав. кафедрой экономики и финансов предприятий
 Волгоградского государственного
 технического университета,
 г. Волгоград,
 e-mail: sazonovsp@mail.ru

Сорокина Оксана Вячеславовна,
 магистр менеджмента, ассистент кафедры
 экономики и финансов предприятий Волгоградского
 государственного технического университета,
 г. Волгоград,
 e-mail: suzanna1716real@mail.ru

Вайсбейн Константин Дмитриевич,
 аспирант кафедры экономики и финансов предприятий
 Волгоградского государственного
 технического университета,
 г. Волгоград,
 e-mail: vajsbejn90@mail.ru

МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УЗНАВАЕМОГО ИМИДЖА ТЕРРИТОРИИ

MARKETING RESEARCH OF THE DEGREE OF FISCAL CAPACITY AS THE MAIN FACTOR OF ESTABLISHING A RECOGNIZABLE IMAGE OF THE TERRITORY

В статье исследован вопрос о зависимости имиджа территории от уровня ее бюджетной обеспеченности. От суммы бюджетных средств региона зависит качество предоставляемых на его территории услуг, что напрямую воздействует на уровень жизни населения той или иной территории и в конечном итоге формирует ее имидж. В статье освещаются результаты исследования бюджетной обеспеченности субъектов Федерации, в котором в качестве основного показателя для сравнения взят уровень покупательной способности доходов территорий, выявляются те параметры оценки уровня жизни населения региона, на которые может быть оказано положительное влияние. Проиллюстрированы выводы о дифференциации доходов регионов страны.

The issue of connection between image of the territory and the level of its fiscal capacity is examined in the article. The territorial service quality depends on the total regional budget amounts, which, in its turn, affects the population life quality in the region and ultimately forms the territory image. The article illustrates results of the fiscal capacity investigation of the RF entities, in which the level of the regional revenue purchasing ability serves as the main indicator for comparison; those parameters of assessment of the regional population life quality, which can be positively affected, are identified. The conclusions about differentiation of revenues of the country regions are made.

Ключевые слова: маркетинг территории, имидж территории, инвестиционная привлекательность, бюджет, покупательная способность доходов, уровень качества жизни,

расходование бюджетных средств, государственные услуги, налоговая политика, поддержка предпринимательства.

Keywords: marketing of the territory, territory image, investment attractiveness, budget, revenue purchasing ability, life quality level, budget spending, public services, tax policy, business support.

Россию заслуженно можно назвать страной контрастов. Разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными регионами очень велик, и эта ситуация лишь только ухудшается из года в год [1]. Покупательная способность денежных доходов россиян в самом богатом субъекте РФ по итогам 2011 года в 14,5 раза превышает данный показатель самого бедного. При этом 17 регионов из 83 имеют покупательную способность денежных доходов выше средней по России — это всего лишь 20% от общего числа субъектов Федерации.

По регионам России наблюдается не только различный уровень покупательной способности и среднемесячной заработной платы. Анализ показывает, что количество мест в детских садах, школах, санитарно-медицинское обеспечение населения регионов существенно различается и все это связано с бюджетной обеспеченностью населения территорий. Данное обстоятельство ограничивает в экономически слабых территориях активную деятельность в рамках развития приоритетов социально-экономических и интеллектуальных возможностей общества, что является главной целью повышения качества жизни населения региона [2].

Чтобы наглядно проиллюстрировать данные выводы

о дифференциации доходов регионов нашей страны, достаточно сопоставить субъекты Российской Федерации по пяти параметрам. По данным сайта «Открытый бюджет России» за 2011 год была составлена таблица с показателями численности населения, площади территории, среднемесячной заработной платы, суммы бюджета (бюджетные расходы) и суммы бюджетных расходов на одного человека 83 регионов страны. Учитывая эту информацию, можно составить табл. 1 с расчетом групп субъектов в каждом федеральном округе в зависимости от размера бюджетных расходов на одного жителя.

Таблица 1

Бюджетные расходы на 1 чел. в округах РФ в 2011 году

Федеральные округа РФ	Всего субъектов	До 40 тыс. руб. на 1 чел.	40—100 тыс. руб. на 1 чел.	Более 100 тыс. руб. на 1 чел.
Центральный	18	12	5	1
Северо-Западный	11	—	10	1
Южный	6	5	1	—
Северо-Кавказский	7	6	1	—
Приволжский	14	9	5	—
Уральский	6	2	1	3
Сибирский	12	2	10	—
Дальневосточный	9	—	4	5
Россия	83	36	37	10

Источник: авторская, по материалам [3].

Под бюджетными расходами — основным параметром сравнения регионов — здесь подразумевается сумма бюджетных расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, фактически израсходованных в 2011 году в расчете на душу населения [4].

Если рассматривать процентное соотношение количества регионов в каждой из полученных групп расходов, представленное в табл. 2, то получится, что самыми обеспеченными округами можно считать Северо-Западный, Уральский и Дальневосточный.

Таблица 2

Соотношение количества регионов в округах по группам расходования бюджетных средств на 1 чел.

Федеральные округа РФ	Всего субъектов	До 40 тыс. руб. на 1 чел., %	40—100 тыс. руб. на 1 чел., %	Более 100 тыс. руб. на 1 чел., %
Центральный	18	67	28	5
Северо-Западный	11	—	82	18
Южный	6	83	17	—
Северо-Кавказский	7	86	14	—
Приволжский	14	64	36	—
Уральский	6	33	17	50
Сибирский	12	17	83	—
Дальневосточный	9	—	44	56
Россия	83	36	36	11

Источник: авторская.

Среди наиболее обеспеченных территорий в стране можно назвать три региона: Чукотский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа с богатым топливно-энергетическим комплексом и ценной минерально-ресурсной базой, занимающие три первые позиции данного рейтинга по итогам 2011 года. Обе столицы — Москва и Санкт-Петербург — находятся

лишь на 10-м и 11-м местах соответственно. Расходы всех остальных регионов РФ находятся на отметке чуть выше средних по России (60311 руб. на 1 чел.) и далее — по убывающей до показателя 25617 руб. на 1 чел. в Республике Дагестан.

Топ-10 в таблице с бюджетными расходами регионов на 1 чел. — это пять дальневосточных регионов, три уральских и по одному региону в Северо-Западном и Центральном округах (табл. 3).

Таблица 3

10 регионов — лидеров по сумме бюджетных расходов на душу населения

Место	Субъект РФ	Сумма бюджетных расходов на человека, руб. (по данным 2011 года)
1	Чукотский АО	370373
2	Ямало-Ненецкий АО	271438
3	Ненецкий АО	270416
4	Камчатский край	167621
5	Магаданская область	141464
6	Сахалинская область	127291
7	Республика Саха (Якутия)	127199
8	Тюменская область	125980
9	Ханты-Мансийский АО — Югра	123289
10	г. Москва	120601

Источник: авторская, по материалам [3].

По словам заслуженного деятеля науки Российской Федерации и главного редактора научно-практического журнала Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) В. Н. Бобкова, проведение подобных исследований имеет особую актуальность именно сегодня, в ситуации увеличившейся дифференциации доходов, когда Россия еще более социально поляризована, чем это было в 1990-е годы [5]. И здесь необходимо отметить, что для проведения оперативного и публичного обсуждения формирования и исполнения территориальных бюджетов, гласности о расходовании бюджетных средств необходимо создание и активная информационная поддержка автоматизированной системы «Электронный бюджет» [6].

В 2011 году, по данным статистического ведомства издания «Коммерсант», так называемый «коэффициент фондов» — соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами — составил 16,3 раза. В 2010 году этот показатель был на уровне 16,5 раза, в 2009 году — 16,7 раза [7].

Специалисты центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ВЦУЖ при этом отмечают, что при снижении дифференциации доходов сама по себе бедность растет. Если в 2010 году 12,6% населения жили за чертой бедности (на доходы ниже величины прожиточного минимума), то по итогам 2011 года уровень бедности увеличился до 13% от всего населения. Далее их мнения разделяются: снижение на 0,2% можно считать статистической погрешностью, если данные на самом деле отображают реальную ситуацию. С другой стороны, способность реального измерения дифференциации доходов с помощью «коэффициента фондов» подвергается сомнению: он рассчитывается по данным обследования домохозяйств, куда «сверхбогатые» вообще не попадают. К тому же существенные изменения этого показателя в течение кризиса 2009—2011 годов отсутствовали [Там же]. В та-

ком случае реальная ситуация обстоит гораздо хуже, чем нам об этом говорит полученный показатель, а тенденций к кардинальным изменениям в лучшую сторону пока не предвидится.

Несмотря на то что из года в год в России наблюдается экономический рост, он захватывает не все слои населения: доходы высокооплачиваемых категорий населения растут быстрее доходов низкооплачиваемых. Более того, в связи с нефтегазовой природой экономических успехов нашей страны такой экономический рост наблюдается лишь в нефтедобывающих регионах. Доходы занятых в этой сфере людей растут гораздо быстрее, и это почти не связано с производительностью труда или квалификацией работников [8].

Итак, возвращаясь к результатам табл. 2, отметим, что самыми обеспеченными округами Российской Федерации можно считать Северо-Западный, Дальневосточный и Уральский. В то же время не так благополучно, как в названных трех округах, обстоит ситуация в Южном федеральном округе. В соответствии с данными в целом по стране можно составить табл. 4, отражающую ситуацию с бюджетной обеспеченностью регионов из расчета на 1 чел. в ЮФО. Здесь нет ни одного региона с бюджетной обеспеченностью более 100 тыс. руб. на 1 чел., в то время как расходы в пределах 40—100 тыс. руб. на 1 чел. имеются только в одном субъекте — это Краснодарский край.

Таблица 4

Устройство и параметры бюджетной системы субъектов Южного федерального округа РФ

Субъект РФ	Численность населения, 1 чел.	Площадь территории, тыс. км ²	Среднемесячная заработная плата, руб.	Сумма бюджета, млн руб.	Сумма на 1 чел., руб.
Республика Адыгея	442451	7792	15604	13836	31272
Республика Калмыкия	286689	74731	14249	9741	33978
Краснодарский край	5284464	75485	20361	226523	42866
Астраханская область	1014972	44024	20631	35134	34616
Волгоградская область	2594825	112877	18589	86320	33266
Ростовская область	4260643	100967	18320	137693	32317

Источник: авторская, по материалам [3].

В данной статье ключевым объектом рассмотрения выступают город Волгоград и Волгоградская область. Выбранный регион по итогам 2011 года входит в группу городов с умеренными бюджетными расходами на душу населения в размере 33266 руб. на 1 чел.

Рассчитанная условная бюджетная обеспеченность одного жителя показывает, что действующая система распределения межбюджетных трансфертов на территории Российской Федерации в настоящий момент не позволяет населению получать одинаковый объем государственных и муницип-

пальных услуг. Все это не соответствует политике межбюджетных отношений, обозначенных в ежегодных Посланиях Президента России: необходимость обеспечения гражданам Российской Федерации равных условий получения и качественного предоставления государственных и муниципальных услуг [9].

В рейтинге ста лучших городов России за 2014 год, в котором участвовали 149 из 162 городов и городских округов с населением более 100 тыс. чел., Волгоград занял 91-е место (см. табл. 5).

Таблица 5

Позиция города Волгограда в рейтинге лучших городов России, 2014 год

Место, 2014-й	Место, 2013-й	Население, тыс. чел.	Доходы бюджета тыс. руб/чел	Покупательная способность	Объем производства, тыс. руб/чел	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб/чел	Объем жилищного строительства, кв. м/чел
91	97	1018,7	14,9	2,7	308,0	40,4	0,3

Источник: по материалам [10].

Бюджетные расходы на одного человека в целом по России и по городу Волгограду с 2008 по 2012 год представлены в табл. 6.

**Распределение расходов бюджета на душу населения
за 2008—2012 годы, руб/чел**

Наименование бюджета	2008	2009	2010	2011	2012	
Консолидированный бюджет РФ	78817,95	87301,12	89385,51	99846,01	113634,52	
Федеральный бюджет РФ	47144,62	60855,28	63393,61	76542,19	90110,17	
Бюджет субъекта РФ	Средний по РФ	43787,18	43807,17	46446,4	53729,57	58195,95
	min	17809,00	23923,24	22327,82	25762,05	27527,97
	max	279353,77	324861,92	333881,57	370285,69	431652,71
Бюджет г. Волгограда	13804,41	13130,09	13370,55	14361,09	15537,62	

Источник: по материалам [11].

По данным табл. 6 можно сделать вывод о том, что бюджетная обеспеченность жителей города Волгограда растет с каждым годом, хотя нельзя забывать и о денежной инфляции. С учетом официальной государственной статистики показателя инфляции в 2011 году, который равен 6,1%, рост бюджетной обеспеченности составил 300,5 руб.

Несмотря на постоянный приток инвестиций (100,8 млрд руб. инвестиций в основной капитал в 2011 году), доля расходов на социальные нужды в общем объеме расходов бюджета Волгограда является преобладающей (более 60% расходов бюджета составляют социальные статьи), что существенно ограничивает возможности бюджета города в части реализации крупных инвестиционных проектов. Рост доли доходов областного бюджета в валовом региональном продукте также не ведет к повышению способности бюджетного инвестирования, поскольку доходы бюджета в сопоставимых ценах уменьшаются. И здесь не последнюю роль играют региональные институты развития, которые еще слабо развиваются в органах местного самоуправления, и все это не способствует усилению роли регионов в инновационной модернизации экономики [12].

Основной статьей пополнения регионального и местного бюджетов в соответствии с приведенной в данной работе статистической информацией являются налоговые поступления, а именно доходы от уплаты налогов на доходы физических лиц и на прибыль организаций. В 2011 году налог на доходы в Волгоградской области составил 51,6%, из них налог на прибыль организаций — 34,8% и налог на доходы физических лиц — 16,8%.

Эти налоговые средства поступают в бюджет нашей области в полном объеме (НПО) либо в большем своем объеме (НДФЛ — 70%) в соответствии со ст. 56 Бюджетного кодекса РФ [13]. Именно ввиду таких высоких показателей поступления денежных средств по этим двум видам налога в Волгоградскую область упор в региональной бюджетной и налоговой политике должен быть сделан на налог на прибыль организаций и налог на доходы физических лиц. Здесь речь идет не только о государственном стимулировании граждан и организаций к добросовестной уплате перечис-

ленных видов налогов в полной мере, но и об увеличении самой налоговой базы путем поддержки вновь создаваемых предприятий, которые в перспективе создадут новые рабочие места и будут получать прибыль.

Кроме налоговых выплат в бюджет области зачисляются неналоговые платежи и межбюджетные трансферты в виде безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы РФ. Все вместе эти средства направляются государством на строительство дорог и социальных учреждений, благоустройство социальной и инженерной инфраструктуры городов и поселений, оказание услуг для населения.

Активная работа городской и областной администрации по поддержке сферы малого и среднего бизнеса города способна привести к увеличению числа бизнес-единиц на территории Волгограда. Все это будет означать пополнение бюджета денежными отчислениями от налога на прибыль вновь созданных организаций, новые рабочие места для населения и соответственно приток средств в бюджет от налога на доходы физических лиц, а также пополнение бюджета за счет ряда других налогов.

Путем повышения доходной части бюджета города Волгограда и совершенствования процесса межбюджетных трансфертов возможно поднять обеспеченность города до среднероссийского уровня и улучшить инфраструктуру города (дороги, школы, больницы), что в конечном итоге поднимет уровень жизни в нашем городе, сделает его конкурентоспособным по сравнению с другими городами России, приведет к повышению узнаваемости и улучшению имиджа нашего города и привлечет новые потоки туристов и инвестиций.

Потенциал Волгоградской области также создает возможности для повышения уровня инвестиционной привлекательности и выхода в лидеры по этому показателю среди регионов Юга России. Для этого нужен более активный приток частных инвестиций, ключом к которому должны стать развитое бюджетное инвестирование и государственно-частное партнерство вкупе с информированием населения о государственной политике в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
2. Сазонов С. П., Лукьянова А. В., Дмитриева Е. И. Направления развития интеллектуального капитала бюджетных организаций — главная цель повышения качества жизни населения региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). С. 167—174.
3. Портал «Открытый бюджет» Комитета гражданских инициатив [Электронный ресурс]. URL: <http://budget4me.ru/ob/faces/home> (дата обращения: 21.05.2014).

4. Официальный сайт Федерального Казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roskazna.ru> (дата обращения: 29.05.2014).
5. Бобков В. Н. Вступительная статья главного редактора // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 4. С. 2.
6. Сазонов С. П., Терелянский П. В., Лукьянова А. В. Совершенствование казначейских технологий исполнения бюджетов всех уровней — основной путь создания «Электронного бюджета» Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). С. 13—22.
7. Смирнова А. Разрыв между богатыми и бедными будет расти // Информационно-дискуссионный портал Newsland [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/894352/> (дата обращения: 02.06.2014).
8. Россия: разрыв в доходах между богатыми и бедными // Russian business news [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rb.ru/inform/31037.html> (дата обращения: 02.06.2014).
9. Заключение Контрольно-счетной палаты — прогноз на 2013—2015 годы [Электронный ресурс]. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf5/resolution-2013-2015-tree_files-fl-637.pdf (дата обращения: 03.07.2014).
10. Петрова Ю. Лучшие города России — 100 лучших российских городов // Коммерсантъ. Секрет Фирмы. 2014. № 4. С. 53.
11. Чумакова Е. А. Исследование распределения субъектов Российской Федерации по уровню бюджетных расходов на душу населения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 184—189.
12. Бухвальд Е. М., Сазонов С. П., Мордвинцев А. И. Региональные институты развития и усиление роли регионов в инновационной модернизации экономики России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 179—185.
13. Бюджетный кодекс Российской Федерации № 145-ФЗ от 31 июля 1998 года (ст. 56 «Налоговые доходы бюджетов субъектов Российской Федерации»).

REFERENCES

1. Pankrukhin A. P. Marketing of the territories: textbook. St. Petersburg.: Peter, 2006. 416 p.
2. Sazonov S. P., Lukyanova A. V., Dmitrieva E. I. Development directions of intellectual capital in budget organizations is the main goal of improving the population life quality in the region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). P. 167—174.
3. Portal «Open Budget» of the Civil Initiatives Committee [Electronic resource]. URL: <http://budget4me.ru/ob/faces/home> (date of viewing: 21.05.2014).
4. The official website of the Russian Federal Treasury [Electronic resource]. URL: <http://www.roskazna.ru> (date of viewing: 29.05.2014).
5. Bobkov V. N. Introductory article of the chief editor // Population living standards in the regions of Russia. 2012. № 4. P. 2.
6. Sazonov S. P., Terelyansky P. V., Lukyanova A. V. Improving the treasury technologies of the budget performance at all levels is the main way to create e-budget in the Russian Federation // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). P. 13—22.
7. Smirnova A. The gap between rich and poor will grow // Information and discussion portal Newsland [Electronic resource]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/894352/> (date of viewing: 02.06.2014).
8. Russia: the income gap between rich and poor // Russian business news [Electronic resource]. URL: <http://www.rb.ru/inform/31037.html> (date of viewing: 02.06.2014).
9. Control and Accounting Chamber — forecast for 2013—2015 [Electronic resource]. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf5/resolution-2013-2015-tree_files-fl-637.pdf (date of viewing: 03.07.2014).
10. Petrova Yu. Best cities in Russia — Top 100 Russian cities // Kommersant. Company Secret. 2014. № 4. P. 53.
11. Chumakova E. A. Investigation of the Russian Federation entities distribution according to the level of budget spending per capita // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 184—189.
12. Buchwald E. M., Sazonov S. P., Mordvintsev A. I. Regional development institutions and strengthening of the regions role in the innovative modernization of the Russian economics // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 179—185.
13. Budget Code of the Russian Federation № 145-FZ dated July 31, 1998 (article 56 Tax revenue of budgets of the Russian Federation entities).

УДК 332.1

ББК 65.04

Akhunov Rustem Rinatovich,
 candidate of economics,
 director of the Institute of Economics, Finance
 and Business of Bashkir State University,
 Doctor of Business Administration,
 Ufa,
 e-mail: akhunov@list.ru

Ахунув Рустем Ринатович,
 канд. экон. наук, доцент,
 директор Института экономики, финансов и бизнеса
 Башкирского государственного университета,
 доктор делового администрирования,
 г. Уфа,
 e-mail: akhunov@list.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА

COMPETITIVENESS OF THE REGION AS A RESULT OF IMPLEMENTATION OF ITS REPRODUCTIVE POTENTIAL

В статье предложен подход к исследованию конкурентоспособности региона как результата и целевого ориентира реализации его воспроизводственного потенциала. Выявлены базовые условия, определяющие материализацию воспроизводственного потенциала региона в его конкурентных преимуществах: установление конкурентного сочетания (целевой структуры) составляющих потенциала, обеспечивающего их высокую производительность при одновременном повышении благосостояния населения; адаптация компонентов потенциала к требованиям конкурентной среды, в том числе к усиливающимся процессам глобализации; эффективная институциональная среда; учет генетических факторов формирования и развития конкретной территории.

The paper proposes an approach to the study of competitiveness of the region as a result and benchmark of implementation of its reproductive potential. The basic conditions that determine materialization of the regional reproductive potential in its competitive advantages have been identified, namely: establishing competitive combination (target structure) of the potential components providing for their high performance with simultaneous improvement of the population welfare; adaptation of the potential components to the requirements of the competitive environment, including the intensified processes of globalization; effective institutional environment; consideration of genetic factors in formation and development of a particular area.

Ключевые слова: область, конкуренция, конкурентоспособность, репродуктивный потенциал, конкурентные преимущества, институциональная среда, глобализация, конкурентные факторы, производительность труда, уровень жизни населения.

Keywords: region, competition, competitiveness, reproductive potential, competitive advantages, institutional environment, globalization, competitive factors, labor productivity, population living standard.

Развитие российских регионов на современном этапе во все большей степени определяется их конкурентоспособностью. Проблемы же ее повышения, на наш взгляд, могут быть глубоко осмыслены только в увязке с воспроизводственным потенциалом региона, который, по сути, представляет собой системообразующую основу региональной экономики.

Воспроизводственный потенциал региона — это широкий набор потенциальных возможностей экономического воспро-

изводства, которые предопределяются имеющимися ресурсами (природными, капитальными, трудовыми) и достигнутыми «размерами» экономики региона (ключевым из которых является валовой региональный продукт), находящимися в тесной взаимосвязи с отраслевой (видовой) структурой региональной экономики, а также характером ее участия в межрегиональном и международном обмене [1].

На наш взгляд, конкурентоспособность региона в самом фундаментальном виде можно рассматривать как результат реализации воспроизводственного потенциала.

При рассмотрении конкурентоспособности с этой позиции ее место видится нам следующим образом: регион — процесс воспроизводства — реализация воспроизводственного потенциала — конкурентоспособность региона. То, что конкурентоспособность — это прямое следствие использования факторов производства, а именно труда, земли и капитала (которые неизбежно ложатся в основу воспроизводственного потенциала), определил еще А. Смит в своем известном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» [2]. Эти факторы, а конкретнее — уровень их использования, согласно А. Смиту, формируют так называемые абсолютные преимущества, которые, по сути, и составляют основу конкурентоспособности страны. В результате эффективность использования факторов производства определяет степень участия национальной экономики в системе международного разделения труда.

Другим известным классиком, Давидом Рикардо [3], относительные преимущества формулируются как результат альтернативного использования факторов производства, в частности, в виде различных вариантов трудозатрат.

А. Смит и Д. Рикардо в качестве главного результата эффективного использования факторов производства, обеспечивающего достижение конкурентного преимущества, рассматривают производительность труда.

В то же время классики рассматривали формируемые конкурентные преимущества в большей степени с точки зрения генетического подхода как некие заданные для конкретной страны (проистекающие от природы) факторы. То есть конкурентные преимущества анализировались в статике, а не в динамике.

Однако известный теоретик в области конкуренции М. Портер [4] пишет об отсутствии генетического характера национального процветания, а именно о необходимости по приложению постоянных усилий по его формированию и поддержанию. Поэтому, согласно М. Портеру, традиционный (классический) состав факторов будет играть менее

выраженную роль по сравнению со вновь создаваемыми ресурсами, предполагающими участие крупных инвестиций, которые, в свою очередь, направлены на создание инноваций. В этой связи необходимо постоянно совершенствовать конкурентные преимущества. В то же время между классиками и М. Портером есть и общее.

И те, и другие ученые связывают конкурентные преимущества с факторной производительностью, говоря другими словами, конкурентоспособность рассматривается как результат продуктивности использования ресурсов, связанный в первую очередь с производительностью труда и капитала. То есть производительность ресурсов можно считать одним из центральных связующих элементов воспроизводственного потенциала и конкурентоспособности региона. В этом ключе достаточно важным является уточнение Е.Н. Науменко [5], который характеризует конкурентоспособность как степень эффективности использования потенциала региона именно местными товаропроизводителями.

Однако здесь необходимо сделать замечание о том, что простое измерение конкурентоспособности через производительность элементов потенциала может оказаться не вполне корректным. Зарубежным автором Питером Мескиллом [6] отмечается, что производительность — это лишь объем продукции, который получается из определенного количества факторов производства, поэтому эффект от высокого уровня производительности вполне может быть перекрыт низкими доходами от факторов производства, что не может служить в пользу комплексной характеристики конкурентоспособности. Кроме того, мы считаем правомерной позицию нобелевского лауреата Пола Кругмана [7], который отмечает как вполне вероятную ситуацию, когда покупательная способность будет расти значительно медленнее, чем производительность, и тогда конкурентоспособность будет существенно расходиться с производительностью.

К этому же выводу пришли и специалисты Всемирного экономического форума, которые ежегодно публикуют доклад по конкурентоспособности стран The Global Competitiveness Report [8]. Их точка зрения интересна еще и тем, что конкурентоспособность рассматривается с позиции качественного изменения элементов воспроизводственного потенциала путем выделения трех стадий развития: 1) экономика, развитие которой основано на базовых факторах; 2) экономика, ориентированная на повышенную эффективность; 3) экономика, развивающаяся на основе инновационного потенциала.

На начальной (первой) стадии предполагается, что экономика ресурсоориентирована и страны конкурируют, опираясь лишь на базовые факторы производства — неквалифицированную рабочую силу и природные ресурсы. Конкуренция осуществляется на уровне ценообразования путем продажи основных продуктов или сырья с низкой производительностью, что неизбежно отражается в низкой оплате труда.

Однако если производительность станет повышаться и заработная плата будет расти, то страна перейдет ко второй стадии — ориентированию на эффективность. На этой стадии начинается разработка более эффективных производственных процессов, повышение качества продукции, так как при повысившейся заработной плате невозможно наращивание цен. Поэтому возникает потребность в повышении качества образования в виде высшей его ступени и профессиональной подготовки, рынок труда усложняется.

И наконец, на завершающей стадии страны должны переходить к инновациям, чтобы обеспечить дальнейший рост заработной платы. Выживание в конкуренции возможно толь-

ко на основе новых и разносторонних товаров, которые будут производиться с использованием самых современных производственных процессов и с внедрением собственных инноваций.

На современном этапе стихийно перейти от одной стадии к другой невозможно. На наш взгляд, достаточно важным фактором, приводящим реализацию воспроизводственного потенциала к конкурентоспособному развитию, является эффективная работа институтов. Речь здесь идет в первую очередь о государственных и рыночных институтах, которые выступают активным звеном в трансформации воспроизводственного потенциала региона в его конкурентоспособность.

Ряд авторов, например В.А. Скворцова, И.Е. Медушевская [9], конкурентоспособность напрямую связывают со способностью государственных органов формировать предпосылки для эффективного использования потенциала региона, с государственными механизмами управления потенциалом региона. То есть в конечном счете в центр ставится способность властей (в том числе региональных) эффективно управлять воспроизводственным потенциалом.

Это же подтверждает и С.В. Шкиотов [10], который считает, что наиболее конкурентоспособные экономики мира характеризуются такими институциональными преимуществами, как эффективная антимонопольная деятельность на рынках; безусловная защита частной собственности; неукоснительное выполнение обязательств, зафиксированных в договорных и контрактных отношениях, сводящее к минимуму транзакционные издержки; сильное налоговое администрирование; ориентированные на результат институты государственной службы с невысокой степенью коррупции; демократическая концепция развития с реальной политической конкуренцией, разделением и сменяемостью властей, которая создает прозрачные институты контроля общества над государством; достаточно независимая (по сравнению с российской) судебная система, которая направлена на формирование уверенности граждан в том, что принимаемые решения будут беспристрастны и справедливы; мощная система органов защиты правопорядка и реализации судебных решений, обеспечивающая неотвратимость санкций за несоблюдение законов.

На важность институтов указывает и Е. Ясин [11], отмечая, что только те страны процветают, где необходимые институты укорены и показывают свою работоспособность.

Еще одним фактором, влияющим на реализацию воспроизводственного потенциала в целях повышения конкурентоспособности, являются процессы глобализации.

Сейчас уже очевидно, что глобализация — это необратимый процесс. Она представляет собой важнейший фактор формирования конкурентоспособности региона. В этой связи представляют интерес ключевые моменты, выделенные В.А. Ларионовым [12], которые могут повлиять на характер формирования внешних связей того или иного российского региона:

1. Исторические черты развития, геоэкономическое положение региона и их значимость, влияние на текущую ситуацию. К примеру, это особые отношения Калининградской области с Германией и Польшей, тяготение Приморья и Сахалина к Японии, сближение с Китаем Забайкалья и Восточной Сибири. И.В. Новиковым, Н.И. Красниковым [13] даже прогнозируется ситуация, когда степень интеграции этих субъектов в экономики зарубежных стран может значительно опередить интенсивность их связей с российской экономикой. А это, на наш взгляд, нарушает принципы формирования и сохранения единого экономического и финансового пространства в национальной экономике.

2. Минерально-сырьевые, трудовые, инвестиционные ресурсы региона, которые могут представлять интерес для зарубежных стран. К сожалению, пока в основном только на примере нефтегазовых регионов Сибири видно, что они намного глубже интегрированы в мировую экономику, чем отдельные даже непосредственно граничащие с зарубежными странами, но не обеспеченные сырьевыми ресурсами регионы.

3. Формирование международных логистических, транспортных магистралей в регионе. Например, нефте- или газопроводы, соединяющие страны и проходящие через конкретный регион, могут в существенной степени повлиять на степень его интеграции.

Одним из наиболее ярких следствий глобализации является усиление мобильности элементов воспроизводственного потенциала. При этом предметами международного и межрегионального обмена могут являться не только конечные, но и промежуточные товары, идущие на последующую переработку.

Это положение предопределяет отличие региональной схемы воспроизводства от схемы воспроизводства в национальной экономике. Региональный воспроизводственный процесс не представляет собой замкнутый кругооборот. Существует обратная пропорциональная корреляция замкнутости цикла воспроизводственных процессов от ранга территории: чем ниже региональный охват, тем более ярко проявляется степень незамкнутости цикла. Если в Российской Федерации произвести таксонометрическую иерархию согласно нижеприведенным уровням, то указанная зависимость и закономерность будет представлена в следующем виде: отдельная хозяйствующая единица — уровень муниципалитета — регион (субъект Федерации) — экономический район — укрупненный экономический район — Восточная и Западная экономические зоны России — национальная экономика в целом. С первой (самой низшей) ступени до уровня национальной экономики в целом будут возрастать уровень комплексности хозяйства, целостность воспроизводственного процесса и соответственно удельный вес конечного продукта (это сопряжено с тем, что определенная часть регионального «конечного» продукта в одном регионе может явиться промежуточным продуктом в границах иного региона либо вышестоящей территории).

В результате по мере понижения ранга территории значимость внешнего фактора повышается, что формирует особые черты на воспроизводственные возможности региона. А мировая экономика более в воспроизводственном плане завершена, чем экономика любого государства. Мировой воспроизводственный процесс характеризуется тем, что в рамках него функционирует общее экономическое пространство, которое функционирует на базе общеизвестного международного разделения труда.

Однако нужно учитывать, что степень участия региона в процессах глобализации непосредственно связана с его экономической безопасностью. Упомянутыми выше авторами И. В. Новиковым, Н. И. Красниковым [Там же], на наш взгляд, совершенно справедливо замечено, что чрезмерная степень открытости региональной экономики, особенно если она основана на сырьевой специализации, в длительном периоде будет снижать не только экономическую безопасность, но и конкурентоспособность такого региона. Будет возрастать влияние на регион общемировой конъюнктуры. Результатом высокой открытости может оказаться и утрата значительной части внутрирегионального рынка собственными для региона товаропроизводителями. Безусловным подтверждением этому служит результат открытости экономики Российской Федерации в целом, когда сырьевая специализация привела

к отмиранию огромного количества отечественных производителей и преимущественному ориентированию на импорт готовой продукции.

Еще одним связующим звеном воспроизводственного потенциала с конкурентоспособностью, по мнению А. Е. Горюхой и др. [14], является система регионального маркетинга. Система регионального маркетинга должна быть направлена на всесторонний анализ элементов воспроизводственного потенциала для определения «зон конкурентоспособности» и точек позиционирования региона по выявленным приоритетным составляющим потенциала. Важная роль в этой системе отводится региональным органам государственной власти, одной из главных задач которых является реализация такой политики по формированию и развитию потенциала (в том числе реклама и связи с общественностью), которая приводит к повышению конкурентоспособности региона.

Таким образом, воспроизводственный потенциал формирует основу конкурентоспособности, предопределяет базовые условия к материализации конкурентных преимуществ региона, выступает узловым моментом его конкурентоспособного функционирования. Кроме того, на наш взгляд, о конкурентоспособности можно вести речь только тогда, когда регион обладает не просто воспроизводственным потенциалом, а достаточным его объемом, качеством и, что важно, необходимым сочетанием элементов потенциала, чтобы иметь возможность успешного конкурирования. Именно на этапе реализации воспроизводственного потенциала региона возникает его конкурентоспособность.

Несмотря на кардинальные изменения во взглядах на оценку эффективности труда, произошедшие в последние десятилетия, актуальность и значимость показателя производительности труда практически не подвергается сомнениям ни со стороны теоретиков экономики труда, ни со стороны практических специалистов, занятых организацией и нормированием труда на производстве. Рост производительности труда в конечном счете ведет к снижению затрат труда, эффективному использованию рабочего времени. Повышение производительности труда является основой не только экономической, но и социальной эффективности труда, однако экономическое содержание этого показателя претерпевает определенные изменения. В частности, возникает необходимость учитывать интересы участников производственной деятельности, которые могут быть диаметрально противоположными [15].

Конкурентоспособность региона представляется нам как некий ориентир реализации его воспроизводственного потенциала, который предполагает максимальное использование имеющихся ресурсов и возможностей путем постоянного повышения производительности основных составляющих потенциала. А повышение производительности возможно только при условии совершенствования работы государственных и рыночных институтов. Работа же упомянутых институтов в процессе реализации воспроизводственного потенциала в целях достижения и удержания конкурентоспособности региона ориентируется в большей степени не на внутреннюю среду, а на комплексный учет и вовлечение факторов внешнего окружения. В первую очередь это факторы межрегионального взаимодействия по горизонтали и координации с федеральным центром — по вертикали внутри национальной экономики, а также процессы глобализации, так как изменчивость именно внешней среды оказывает решающее воздействие на текущее состояние конкурентоспособности региона.

Конечным результатом реализации воспроизводственного потенциала выступает в большей степени не экономическая,

а социальная цель — это повышение уровня и качества жизни населения, то есть в процессе достижения конкурентоспособности региона налицо трансформирование экономических установок в социальные. В этом прослеживается одно из ярких отличий конкурентоспособности макроэкономических систем (к которым относится и регион) от отдельных хозяйствующих субъектов. На уровне предприятий в процессе постановки целей и задач конкурентоспособности, как правило, социальные приоритеты (даже, к примеру, благосостояние сотрудников) ставятся далеко не на первый план.

В целом хотелось бы подчеркнуть, что в отличие от микроэкономического на макроэкономическом уровне конкурентоспособность имеет не чисто экономический, а именно социально-экономический характер. К примеру, в «Докладе о конкурентоспособности России — 2011», опубликованном Всемирным экономическим форумом, среди исследуемых факторов конкурентоспособности ярко выраженный социальный оттенок имеют показатели здоровья и начального образования, высшего профессионального образования и профессиональной переподготовки. А в «Докладе о конкурентоспособности России — 2012», подготовленном Евразийским институтом конкурентоспособности, где анализируется конкурентоспособность российских регионов, кроме показателей, относящихся к образованию, исследуются также параметры общественной безопасности (например, показатели преступности, работы полиции, независимости судебного процесса и др.). Таким образом, в отличие от предприятия конкурентный имидж региона формируется путем сочетания экономических и социальных факторов.

Еще одной значимой, на наш взгляд, отличительной от микроэкономического уровня характеристикой конкурентоспособности региона является ее пространственная привязка, неразрывность с территорией. Отдельные хозяйствующие субъекты обладают мобильностью. Хотя и со значительными издержками, при прочих равных условиях они могут радикально поменять свое местоположение, разместиться

в благоприятных для бизнеса местах, заменить персонал, относительно быстро освоить новый технологический уклад — и этим существенно повысить свою конкурентоспособность. Регион же, очевидно, какой бы конкурентоспособностью он ни обладал, не может покинуть свою территорию и не в состоянии коренным образом заменить свои человеческие ресурсы. И в этом смысле он в серьезной степени ограничен в процессе повышения своей конкурентоспособности, так как на нее в значительной степени будут оказывать влияние генетические (изначально заданные) факторы формирования и развития конкретной территории, которые как раз и будут аккумулироваться в его воспроизводственном потенциале. О том, что подобные факторы имеют господствующее значение в Российской Федерации, свидетельствуют данные Национального рейтингового агентства о региональном разрезе привлечения прямых иностранных инвестиций в 2013 году: наибольший их объем привлекается в типично сырьевых регионах — Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, а также Сахалинской области. На четвертой и пятой позициях находятся Калужская область и Приморский край, основным стратегическим преимуществом которых эксперты называют географическое положение. Для Калужской области — близость к федеральной столице, а для Приморского края — к Японии.

Соответственно негативные факторы развития территории, такие как, например, невыгодное экономико-географическое положение, удаленность от экономических центров, неблагоприятные природно-климатические условия и др., могут иметь в обозримой перспективе непреодолимое значение и заведомо ставить регион в неконкурентоспособное положение. Поэтому одной из задач повышения конкурентоспособности на региональном уровне будет не столько радикальное изменение имеющегося потенциала (что, возможно, будет или физически невозможно, или экономически нецелесообразно), сколько поиск путей его адаптации, максимального приложения к требованиям конкурентной среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Юсупов К. Н., Янгиров А. В. «Воспроизводственный потенциал региона — региональный продукт — региональный риск» в макроэкономическом анализе // Управление риском. 2008. № 1. С. 12—17.
2. Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2009. 956 с.
3. Рикардо Давид. Начала политической экономии и налогового обложения: избранное / Пер. с англ. П. Сраффа. М.: Эксмо, 2009. 953 с.
4. Портер М. Конкуренция / Пер. с англ. М.: Вильямс, 2000. 495 с.
5. Науменко Е. Н. О межрегиональном товарообмене и конкурентоспособности Алтайского края // Позуновский вестник. 2006. № 4. С. 296—302.
6. Maskell P. and Malmberg A. Localised learning and industrial competitiveness // Cambridge Journal of Economics. 1999. Vol. 23. P. 167—185.
7. Krugman Paul. Pop Internationalism. The MIT Press Cambridge, Massachusetts, London, England, 1997. 240 p.
8. The Global Competitiveness Report 2011—2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf (дата обращения: 28.05.2014).
9. Скворцова В. А., Медушевская И. Е. Государственное регулирование конкуренции в современной экономике России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 449—456.
10. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации экономики: монография / Под науч. ред. С. Н. Растворцевой. М.: Экон-информ, 2013. 335 с.
11. Ясин Е., Юдаева К. Стратегия-2050: справится ли Россия с вызовами глобализации? // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 4—21.
12. Ларионов В. А. Особенности внешнеэкономической деятельности регионов России в условиях глобализации мирохозяйственных связей // Ученый записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 114—117.
13. Новиков И. В., Красников Н. И. Факторы региональной экономической безопасности // Наука. Инновации. Технологии. 2008. № 5. С. 114—120.
14. Горохова А., Секерин В., Нижегородцев Р. Экономический потенциал и конкурентоспособность региона как источники экономического роста // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2012. № 2. С. 206—208.

15. Цыганков В. А. Эволюция подходов к оценке эффективности труда в современной экономике // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 110—112.

REFERENCES

1. Yusupov K. N., Yangirov A. V. «Reproductive potential of the region — regional product — regional risk» in macroeconomic analysis // Risk management. 2008. № 1. P. 12—17.
2. Smith Adam. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Trans. from English. M.: Penguin Books, 2009. 956 p.
3. Ricardo David. Principles of Political Economy and Taxation / Trans. from English by P. Sraffa. M.: Eksmo, 2009. 953 p.
4. Porter M. Competition / Trans. from English. M.: Williams, 2000. 495 p.
5. Naumenko E. N. On the interregional exchange of goods and the competitiveness of the Altai Territory // Polzunovsky vestnik. 2006. № 4. P. 296—302.
6. Maskell P. and Malmberg A. Localised learning and industrial competitiveness // Cambridge Journal of Economics. 1999. Vol. 23. P. 167—185.
7. Krugman, Paul. Pop Internationalism. The MIT Press Cambridge, Massachusetts, London, England, 1997. 240 p.
8. The Global Competitiveness Report 2011—2012 [Electronic resource]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011—12.pdf (date of viewing: 28.05.2014).
9. Skvortsova V. A., Medushevskaya I. E. The state regulation of competition in the modern economy of Russia // News of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 2011. № 24. P. 449—456.
10. Competitiveness of Russian regions in a globalized economy: monograph / Edited by S. N. Rastvortseva. M.: Econ-inform, 2013. 335 p.
11. Yasin E., Yudaeva K. Strategy-2050: will Russia be able to handle challenges of globalization? // Issues of economics. 2008. № 5. P. 4—21.
12. Larionov V. Features of foreign trade activities of Russian regions in a globalizing world economic relations // Scientist notes of Oryol State University. 2013. № 4 (54). P. 114—117.
13. Novikov I. V., Krasnikov N. I. Factors of regional economic security // Science. Innovation. Technology. 2008. № 5. P. 114—120.
14. Gorohova A., Sekerin V., Nizhegorodtsev R. Economic potential and competitiveness of the region as a source of economic growth // Risk: resources, information, supply, competition. 2012. № 2. P. 206—208.
15. Tzygankov V. A. Evolution of approaches to evaluating effectiveness of labor in the modern economy // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 110—112.

УДК 338.48:332.1
ББК 65.433:65.04

Belikova Ekaterina Vladimirovna,
candidate of economics, assistant professor
of the department of financial and economic disciplines
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: polabel@mail.ru

Беликова Екатерина Владимировна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
финансово-экономических дисциплин
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: polabel@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ТУРИЗМА

SPECIFICITY OF FORMATION OF THE REGIONAL STRUCTURE FOR TOURISM MANAGEMENT

В статье рассматривается система взаимодействия органов управления туристической отраслью на различных уровнях. Выделены направления стратегии использования туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области. Намечены цели совершенствования регионального управления сферой туризма и комплекс мер, направленных на развитие туристской инфраструктуры, продвижение Волгоградской области как туристского направления, повышение качества туристских и сопутствующих услуг, совершенствование регионального законодательства. Рассмотрены возможные источники финансирования туристической отрасли. Выделена необходимость формирования привлекательности туристских ресурсов для потенциальных инвесторов и в зависимости от источников финансирования ориентация их на целевые приоритеты развития туристских зон.

The article examines the system of interaction between the management authorities of the tourism industry at various levels. Directions of the strategy of using the tourist-recreational potential of Volgograd region were identified. The goals of improvement of the regional management of the tourism were determined, as well as the set of measures aimed at development of the tourist infrastructure, promotion of Volgograd region as the tourist direction, increase of the tourist and relevant services quality, improvement of the regional legislation. Potential sources of financing of the tourism industry were studied. The necessity of establishing the attractiveness of the tourist resources for potential investors was underlined; and their orientation on the targeted priorities of the tourist areas development depending on the sources of financing.

Ключевые слова: туризм, туристская отрасль, разви-

тие туристской инфраструктуры, качество туристских услуг, туристический продукт, туристические ресурсы, туристско-рекреационный потенциал, реестр туристской отрасли, региональный туризм, управление сферой туризма.

Keywords: tourism, tourist industry, development of tourism infrastructure, quality of tourism services, tourism product, tourism resources, tourist and recreational potential, registry of the tourism industry, regional tourism, management of tourism.

Туризм — это уникальная отрасль, развитие которой влечет за собой повышение уровня социально-экономического состояния региона. По данным Всемирной туристской организации при ООН, на долю туризма в 2013 году приходилось 5% мирового ВВП (в Волгоградской области — 0,5—0,6%). При этом мультипликативный эффект от развития туризма колеблется в пределах 2,5—3. Это достигается за счет создания спроса на продукцию смежных секторов экономики (транспорт, торговля, сфера услуг и пр.) и обеспечения занятости населения (каждый въезжающий в страну турист создает дополнительные рабочие места).

Туристскую отрасль выгодно отличают от других отраслей относительно короткий срок окупаемости и достаточно высокий уровень рентабельности проектов.

Это стимулирует инвестиции в туристскую отрасль, способствует увеличению налогооблагаемой базы и доходов бюджетов. Быстрорастущий спрос на туристские услуги способствует притоку в регион денег, стимулирует модернизацию инфраструктуры и сохранение историко-культурного наследия.

По оценкам Всемирной туристской организации (ЮНВТО), потенциальные возможности России — около 40 млн иностранных туристов в год, и Волгоградская область с уникальными ресурсами, конечно, может и должна занять здесь свою нишу.

Управление туризмом в Российской Федерации реализуется в рамках организационной структуры, включающей три уровня: мезо-, макро- и микроэкономический (рис.).

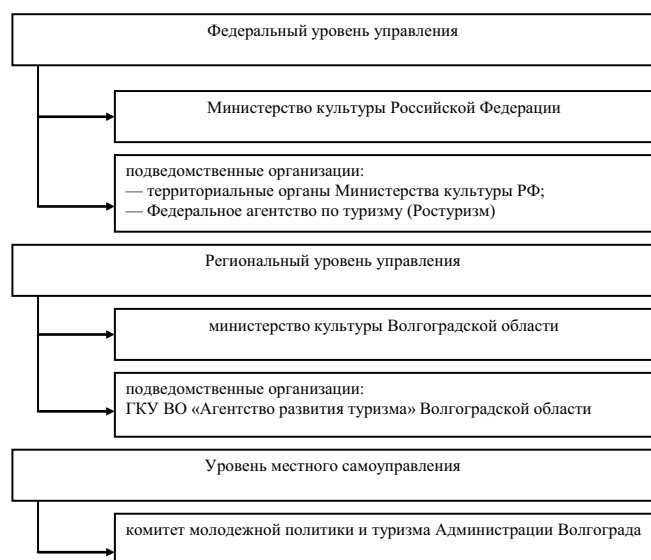

Рис. Органы управления туризмом

Наряду с экономическими рычагами воздействия используются и административные методы правительственного регулирования деятельности туристских предприя-

тий для повышения качества работы на туристском рынке.

Региональным развитием туризма в Волгоградской области занимается министерство культуры Волгоградской области.

Подведомственной организацией на региональном уровне является государственное казенное учреждение Волгоградской области «Агентство развития туризма» правительства Волгоградской области.

Миссия Агентства развития туризма — развитие внутреннего и въездного туризма Волгоградской области, координация работы предприятий туристской отрасли региона для эффективности и консолидации сил в достижении общего результата.

Основные направления деятельности:

— развитие внутри- и межотраслевого взаимодействия на территории Волгоградской области;

— инициация и разработка PR-проектов различных форматов для развития туристской отрасли и продвижения туристского продукта региона на российском и международном рынках;

— информационно-аналитический центр по туризму Волгоградской области;

— осуществление межрегионального и международного сотрудничества.

Основные виды деятельности учреждения:

— ведение тематических реестров туристской отрасли Волгоградской области;

— предоставление сведений из тематических реестров туристской отрасли Волгоградской области гражданам, органам, учреждениям и организациям;

— организация работы интернет-портала учреждения: welcomevolgograd.com в целях продвижения туристского продукта Волгоградской области на территории региона, Российской Федерации, за рубежом;

— подготовка, размещение информационных материалов о туристском продукте Волгоградской области в средствах массовой информации, официальных туристских справочниках, на специализированных интернет-порталах, носителях наружной, аудиовизуальной и иной рекламы;

— подготовка, размещение в средствах массовой информации, на специализированных интернет-порталах аналитических обзоров о состоянии туристской сферы Волгоградской области, перспективах ее развития;

— организация, проведение мероприятий по продвижению туристского продукта Волгоградской области на российском и международном рынке посредством организации и участия в выставках, фестивалях, днях культуры и других мероприятиях;

— организация выпуска изданий, брошюр, буклетов, карт, путеводителей, способствующих продвижению туристского продукта Волгоградской области и информированию о туристском потенциале региона;

— создание видео-, аудио- и мультимедийной продукции о туристском потенциале и продукте Волгоградской области;

— содействие учебным заведениям в подготовке кадров туристской отрасли и организация совместных учебных программ;

— организация информационных туров, экскурсий на территории Волгоградской области;

— организация в Волгоградской области, на территории Российской Федерации и за рубежом выставок, семинаров, презентаций, конференций, симпозиумов, встреч деловых кругов, визитов делегаций, конкурсов и прочих мероприятий;

— осуществление взаимодействия с юридическими лица-

ми по вопросам развития внутреннего и въездного туризма на территории Волгоградской области.

Важным инструментом развития туризма в РФ в настоящее время является Федеральная целевая программа развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011—2018 годы, принятая Постановлением Правительства РФ № 644 от 2 марта 2011 года.

Главной особенностью представленной программы является использование кластерного подхода. Предлагается создание туристско-рекреационных кластеров, объединяющих в себе деятельность различных предприятий и организаций различной направленности (разработка, продвижение туристского продукта, туристская деятельность, рекреационная деятельность и т. д.).

Туризм является прибыльной отраслью экономики, но для его развития недостаточно создания в регионах только представительств и комитетов — необходимо привлечение финансовых средств для инвестирования развития туристской инфраструктуры, рекламное представление привлекательных в туристском отношении регионов на национальном и зарубежном рынках. Состояние отечественных предприятий туристского бизнеса показывает, что финансировать собственную модернизацию они не в состоянии, поэтому важно искать пути инвестирования для развития и повышения качества материально-технической базы отечественных туристских предприятий [1].

Одним из необходимых направлений стратегии использования туристско-рекреационного потенциала в социально-экономическом развитии региона является финансовый менеджмент, направленный на увеличение финансовых ресурсов, наращивание объемов капитала и инвестиций. Наиболее важным фактором динамичного развития деятельности любых организаций в туристском бизнесе является инвестирование, позволяющее обеспечить долгосрочную рентабельность. В настоящее время объемы инвестирования в туристскую сферу явно недостаточны, что объясняется рядом причин, основными из которых являются ограниченность участвующих в инвестировании финансовых ресурсов, риски вложений, высокая стоимость инвестиционных проектов. Необходимость инвестиций возникает при разных ситуациях производственной деятельности туристской отрасли. Наиболее весомые финансовые вложения требуются для обновления материально-технической базы, обеспечивающей повышение качества обслуживания, проживания и питания, а также при организации новых видов деятельности в туристской индустрии [2].

Инвестиции представляют собой важный фактор управления развитием туристской деятельности и вовлечения в нее туристско-рекреационного ресурсного потенциала как в конкретных регионах, так и в стране в целом. Только наличие туристско-рекреационного ресурсного потенциала территории без привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры туризма региона не позволит добиться быстрого и ощутимого эффекта в улучшении социально-экономической ситуации. Для этого необходимо формирование привлекательности туристских ресурсов для потенциальных инвесторов и в зависимости от источников финансирования ориентация их на целевые приоритеты развития туристских зон. Так, инвестиции федерального бюджета целесообразнее ориентировать на строительство и развитие наиболее важных крупных объектов туристской и спортивной инфраструктуры, ремонт дорог федерального значения, развитие энергетики, коммунальной инфраструктуры и инженерных коммуникаций.

В развитии регионального туризма традиционными

источниками финансирования являются частное инвестирование, предоставление коммерческих кредитов, а также средства местной бюджетной поддержки и муниципальные займы. Инвестиции из областного и местных бюджетов лучше использовать на строительство и ремонт дорог областного и местного значения, реконструкцию и ремонт мостов, энергетическое обеспечение социальных объектов.

Для внебюджетных инвестиций приоритетным может стать строительство и развитие объектов туристской инфраструктуры, приобретение необходимого оборудования для обеспечения туристско-рекреационной деятельности, реконструкция и строительство объектов для отдыха на воде (пляжи, причалы, объекты водного транспорта). Региональные туристские фонды могут осуществлять контроль за развитием всех предприятий, использующих туристско-рекреационный потенциал региона, и создавать условия для восстановления не только национальной культуры, но и экономики.

Существующая на данный момент многоукладность деятельности в туристической отрасли требует скорейшего государственного вмешательства. Государственное регулирование в туристической отрасли — это сложный механизм экономического взаимодействия, связанный с государственной собственностью.

Таким образом, для эффективного управления сферой туризма государство должно выполнять следующие функции:

- 1) правовая регламентация и общая организация туристской деятельности;
- 2) процесс планирования развития отрасли туризма;
- 3) регулирование отдельных видов деятельности;
- 4) совершенствование системы обеспечения безопасности туризма;
- 5) создание системы кадрового обеспечения туризма;
- 6) обеспечение научных исследований туристского рынка;
- 7) поддержка внешнеэкономической деятельности турфирм;
- 8) обеспечение охраны окружающей среды;
- 9) создание благоприятного имиджа страны;
- 10) контроль и надзор.

Все эти функции должны выполняться в комплексе, быть грамотно продуманы и регламентированы.

Наиболее характерной тенденцией туризма в настоящее время является диверсификация туристского продукта, поиск новых направлений. Если раньше многочисленные клиенты турфирм отдавали предпочтение посещению крупных городов и ознакомлению с мегаполисами, такими как Москва и Санкт-Петербург, то в настоящее время наблюдается тенденция обращения спроса на региональный продукт, так называемую глубину России.

Областные и городские власти Волгоградской области должны прилагать все усилия для развития туризма. Конкуренция среди регионов на этом рынке сильна, и если все будет развиваться, как сейчас, то основной поток уйдет в те регионы, где туризму уделяется большое внимание. Благополучие региона и туризма сильно связаны.

Волгоградская область — один из крупнейших регионов Южного федерального округа России, обладающий большим туристским потенциалом. Численность гостей, посетивших Волгоградскую область в 2010 году, составила около 460 тысяч человек. Самым крупным городом данной области является город-герой Волгоград. Несмотря на значительную культурно-историческую значимость данного города, турист-

ские потоки характеризуются как крайне малые и слабо развивающиеся. Туризм в городе играет второстепенную роль, несмотря на то что Волгоград (Сталинград) известен далеко за пределами России как историческое место. На территории Волгограда и Волгоградской области находятся культурно-исторические памятники государственного масштаба. К примеру, монумент «Родина-мать зовет!» вошел в список семи чудес России. Кроме того, Волгоградская область располагает колоссальными природными ресурсами, которые могут и должны быть использованы для развития индустрии туризма в регионе.

Согласно государственному реестру туристских маршрутов в субъектах Российской Федерации основными видами отдыха (туризма) в регионе являются речной и экскурсионный. Данный список, по мнению автора, следует дополнить такими видами туризма, как культурно-познавательный, охотничий, рыболовный, событийный, лечебно-оздоровительный и рекреационный. Все эти виды туризма могли бы полноценно развиваться при надлежащем подходе к их организации со стороны региональных властей.

Однако поступательному развитию индустрии туризма и гостеприимства в Волгоградской области мешает не только отсутствие интереса со стороны государственных структур, но и наличие серьезных проблем комплексного характера.

Основной проблемой, сдерживающей развитие туризма в Волгоградской области, является низкий уровень развития туристской инфраструктуры региона. Речь идет не только об отсутствии элементарных дорог высокого качества (эта проблема является наиболее актуальной для Волгограда), но и об отсутствии надлежащего транспортного обеспечения на территории Волгоградской области. Подвижной состав большинства транспортных предприятий региона (в первую очередь автобусных) оставляет желать лучшего. Большинство автобусов, выполняющих междугородние рейсы внутри страны, представляют собой машины иностранного производства, находящиеся в эксплуатации 20 и более лет. Все это ведет к снижению уровня безопасности туристов, а как следствие — к сокращению туристских потоков [3].

Важным показателем развития индустрии туризма в регионе является наличие качественного современного аэропорта международного класса. Наличие аэропорта в городе способствует интенсификации туристских потоков. К большому сожалению, существующий в Волгограде аэропорт не отвечает современным требованиям качества и нуждается в скорейшей модернизации технической базы. Наличие развитой транспортной индустрии и инфраструктуры в регионе является обязательным условием для качественного развития туризма.

Другой серьезной проблемой является отсутствие в Волгограде и области качественных гостиниц туристского класса, то есть категории 2—3 звезды. Основные гостиницы города («Волгоград», «Интурист», «Южная», «Октябрьская» и «Олимпия») хотя и позиционируют себя так отели именно этого уровня, к сожалению, не соответствуют европейским гостиничным требованиям, предъявляемым к гостиницам этой категории. Несоответствие касается не только уровня обслуживания в данных гостиницах, но и ценового фактора. Сравнительный анализ ценового уровня гостиниц в Волгограде, Лондоне и Риме показал, что средний ценовой уровень в гостиницах той же категории в столицах Великобритании и Италии лишь ненамного выше, чем в гостиницах Волгограда. Средняя цена за ночь в гостиницах Рима составила 56 евро, в гостиницах Лондона — 59 евро, в то время как стоимость пребывания

в гостинице в Волгограде составляет 51 евро за одну ночь. Статусное сравнение этих трех городов видится нецелесообразным для того, чтобы понять, что разница в ценах несоизмерима с их туристскими возможностями и ресурсами. Таким образом, гостиницы Волгограда и Волгоградской области целесообразнее отнести к некатегорийным средствам коллективного размещения.

В настоящее время в области насчитывается 359 коллективных средств размещения. Общий номерной фонд коллективных средств размещения, включая гостиницы, мини-гостиницы, мотели, турбазы и санатории Волгоградской области, составляет 5360 номеров (общее количество мест для одновременного размещения — 12500), из них: 120 гостиниц, 214 турбаз и домов отдыха, 25 санаториев.

В городе Волгограде действует 53 гостиницы на 1700 номеров (3000 мест). В 2013 году общее количество средств размещения по сравнению с 2008 годом возросло на 44%.

Ключевой проблемой, сдерживающей развитие туризма в регионе, является отсутствие рекламы о туристских возможностях Волгоградской области. Для преодоления сложившейся ситуации необходимо создать конкурентоспособный региональный туристский продукт. Для этого следует разработать маркетинговую стратегию, которая обеспечивала бы продвижение регионального туристского продукта на внешний уровень. Основой такой маркетинговой стратегии должна стать активная рекламная кампания, которая обеспечила бы информационную поддержку потенциальных туристов. Ключевую роль в этом обязана играть региональная власть, так как именно от политической воли последней зависит успех в реализации маркетинговой стратегии по продвижению туристского продукта.

Развитие ресторанной индустрии и системы общественного питания в регионе находится на достаточно высоком уровне. Изобилие разнообразных кафе, баров, ресторанов, таверн, пунктов быстрого питания впечатляет. Данный сектор сферы услуг характеризуется высокой степенью конкуренции, что естественным образом отражается на качестве и уровне обслуживания клиентов (туристов).

При наличии развитой индустрии туризма и гостеприимства Волгоград и Волгоградская область могут рассчитывать на значительные социальные и экономические дивиденды. Прежде всего уже давно доказано, что развитая индустрия туризма способствует созданию дополнительных рабочих мест. Повышение трудовой занятости населения происходит как на предприятиях первичных услуг (туроператоры, турагенты, транспортные предприятия, предприятия по изготовлению и торговле сувенирной продукцией и т. д.), так и на предприятиях по предоставлению вторичных услуг (предприятия питания вне гостиничного хозяйства, банки, химчистки, лечебные заведения и т. д.). Все это способствует развитию мелкого и среднего бизнеса.

Развитая индустрия туризма способствует увеличению притока туристов в регион, что, в свою очередь, способствует повышению денежных поступлений в казну области через налоговые отчисления предприятий, задействованных в процессе обслуживания туристов. К слову, денежные поступления от туризма в 2013 году составили 733 миллиарда долларов (584 миллиарда евро). Доход от индустрии туризма в развитых странах превышает доход от международной торговли цветными металлами. Зачастую туризм является единственным источником поступления иностранной валюты. При наличии полноценной индустрии туризма в регионе Волгоградская область могла бы рассчитывать на значительные денежные поступления в бюджет области по статье «Туризм» [4].

Кроме экономического эффекта туризм оказывает глубокое социальное влияние на жизнь общества. Успех туризма как социального явления заключается в том, что в его основе лежит удовлетворение неизменной потребности человека в познании окружающего мира. Туризм — это в первую очередь удовольствие.

Главная социальная функция туризма заключается в организации досуга населения, помощи в рациональном использовании свободного времени. В динамичном мире XXI века человек постоянно подвержен психологическим нагрузкам, он находится в стрессовых ситуациях, что в итоге приводит к истощению и изнашиванию организма. У уставшего человека (работника) притупляются внимание и концентрация, что отражается на качестве его работы. Для восстановления физических и психологических сил человеку необходимо активно отдыхать. Таким образом, туризм способствует здоровому развитию человека и общества.

Ранее в муниципальном образовании Волгоград реализовывалась муниципальная целевая программа «Развитие туризма и отдыха в Волгограде на 2008—2010 годы». Эта программа была нацелена на общее развитие туристической отрасли, экономической политики, подготовку кадров и формирование правовой базы в области туризма.

Туризм оказывает огромное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность. Туризм является инструментом воспитания и формирования ценностей современных подростков и молодежи. На развитие туризма воздействуют различные факторы: демографические, природно-географические, социально-экономические, исторические, религиозные, политико-правовые [5].

Значение туризма как источника валютных поступлений, фактора в расширении и углублении международных контактов, обеспечении занятости населения постоянно растет, что особенно актуально для Волгограда — одного из ведущих городов России, который имеет колоссальный экономический и интеллектуальный потенциалы, развитую инфраструктуру, богатую историю, живописные окрестности, уникальный по архитектуре мемориальный комплекс.

Количество граждан, посещающих Волгоградскую область, в течение года составляет около 400—460 тысяч человек. Из них около 8% от количества прибывших пользуются туристско-экскурсионными услугами фирм, расположенных в Волгограде.

Цели посещения туристами Волгоградской области разнообразны, но в основном это туризм и отдых.

Суточное пребывание одного гражданина в Волгограде обходится в среднем от 2500 рублей (рекреационный туризм) до 3200 рублей (деловой туризм) (при этом учитывается только средняя стоимость проживания и питания). Минимальную продолжительность пребывания туриста в Волгограде можно условно принять за два дня [6].

Из этого следует, что только гостиничные предприятия Волгограда, санаторно-курортные и туристские объекты для размещения приезжих получают как минимум 1750000 тысяч рублей в год.

Если же приезжим будут предлагаться хорошо организованные туристско-экскурсионные мероприятия, будут развиваться сопутствующие туризму народные промыслы, повышаться качество предоставляемых приезжим услуг, увеличиваться количество развлекательных заведений высокого уровня, музейных комплексов и достопримечательностей, будет сохраняться культурно-историческое наследие, то де-

нежные поступления значительно возрастут. Очевидно, что даже существующий поток приезжающих в Волгоградскую область граждан дает основание говорить о необходимости развития въездного туризма.

Для развития туризма как значимой отрасли экономики области следует ориентироваться на создание потока туристов, которые будут посещать область именно с двумя туристскими целями, а также обеспечить условия, которые позволят увеличить количество времени, проводимого туристами в городе.

Следует отметить, что на сегодняшний день Волгоградская область уже имеет ряд условий, которые позитивно влияют на развитие въездного туризма:

- благоприятные климатические условия;
- богатая история и культурное наследие, наличие большого количества географических, природных, исторических и культурных памятников. Купеческий Царицын — военный Сталинград-победитель — город-герой Волгоград — триединство, известное во всем мире. Мамаев курган и главный монумент этого мемориального комплекса «Родина-мать зовет!» стали финалистами Всероссийского конкурса «Семь чудес России»;

- Волгоград — это город-порт на крупнейшей реке Европы;

- рост числа ресторанов и развлекательных центров, соответствующих мировым стандартам;

- прямое воздушное, водное и железнодорожное сообщение с городами России, ближнего и дальнего зарубежья;

- восприятие Волгограда как центра патриотизма в России. Волгоград — город патриотов и победителей.

Вместе с этим традиции 1970—1980-х в области туризма в Волгограде за последние 20 лет практически полностью утрачены.

Существуют различные факторы, которые сдерживают рост популярности Волгограда среди туристов, особенно зарубежных, например:

- невысокое качество предоставляемых услуг, неразвитость туристской инфраструктуры, прежде всего объектов размещения; цена гостиничного сервиса не соответствует качеству, что существенно сокращает возможность по приему гостей Волгограда; отсутствуют гостиницы под известными международными брендами;

- отсутствие бренда туристического Волгограда, нет единого систематического подхода к работе по продвижению имиджа туристического Волгограда, город не узнается как качественный туристический бренд. Слабое информационно-рекламное обеспечение туристской деятельности и, как следствие, низкий уровень осведомленности туристов о городе и его туристских возможностях;

- отсутствие парковок под туристские автобусы (на нижней террасе набережной и в иных туристских местах). В основных местах прибытия туристов отсутствуют пандусы для туристов с ограниченными возможностями передвижения;

- в городе отсутствуют справочные для туристов, особенно для иностранцев. Требуется внедрение на туристском рынке прогрессивных технологий туристского обслуживания в виде электронных справочных в местах массового скопления туристов (аэровокзал, ж.-д. вокзал, Мамаев курган, музей-панорама «Сталинградская битва», Аллея Героев) с обязательным переводом информации на иностранные языки [7];

- не существует единого туристического интернет-ресурса с местами отдыха, достопримечательностями, фото-местами, туристскими услугами, онлайн-бронированием, реестром доброжелательных к туристам заведений и т.д.,

который будет отвечать современным требованиям интернет-дизайна, индексироваться в международных поисковых системах, а также переведен на иностранные языки;

— в заведениях мало распространены сети бесплатного Wi-Fi доступа [8];

— туалетные кабинки (биотуалеты) не удовлетворяют потребностям туристов, городские стационарные туалеты отсутствуют;

— отсутствуют тематические туристические маршруты;

— отсутствуют заинтересованные инвесторы в развитии инфраструктуры туризма.

Таким образом, Волгоградская область обладает большим потенциалом и высокой привлекательностью для туристов. Большой проблемой развития туризма в регионе является нерациональное и неэффективное управление им на региональном уровне, а именно отсутствие скоординированной деятельности органов власти и недостаточная разработка региональных целевых программ.

Само наличие огромных туристских ресурсов у отдельно взятого региона еще не гарантирует ему больших потоков туристов. Для развития активного туризма в туристском регионе необходимо обеспечить соответствующие экономические, политические и социально-культурные условия, способствующие росту приезжих туристов. Для того чтобы туризм стал приносить экономический и социальный доход, следует активно развивать имеющиеся ресурсы. Необходимо комплексное развитие туристской инфраструктуры области. Это подразумевает не только модернизацию существующих средств размещения (гостиниц), но и развитие сопутствующей инфраструктуры (дороги, транспорт, объекты развлечения и др.). При правильном подходе и при наличии сильной политической воли со стороны региональных властей Волгоградская область может рассчитывать на положительную динамику роста туристских потоков, что, в свою очередь, может дать толчок развитию других отраслей народного хозяйства данного региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беликова Е. В., Сырбу А. Н. Комплексная оценка факторов формирования ресурсов Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 131—134.
2. Ващенко А.Н., Зубова О. Г., Даева Т. В. Мониторинг инвестиционной активности сельских территорий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 53—55.
3. Беликова Е. В. Проблемы развития туризма в Волгоградской области // Современное состояние и перспективы общественно-политического развития России и зарубежных стран: мат. II Междунар. науч.-практ. конф., 15 мая 2013 года. Волгоград: ООО «МИРИА», 2013. С. 17—19.
4. Полякова Т. В., Поляков В. Н. Методологические основы территориального маркетинга // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер. «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». 2008. № 13. Вып. 10. С. 108—112.
5. Чернявская Е. Ю. Проблемы воспроизводства человеческих ресурсов в современной России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 186—191.
6. Максимова И. В. Направления совершенствования регионального социально-экономического планирования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 84—90.
7. Кайль Я. Я., Епинина В. С. Совершенствование системы государственного управления и его влияние на состояние социально-экономического развития субъектов РФ (на примере субъектов РФ ЮФО) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 216—224.
8. Соколов А. Ф. Эконометрическая модель влияния социально-экономических факторов на эффективность регионального управления // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 79—83.

REFERENCES

1. Belikova E. V., Syrbu A. N. Comprehensive assessment of the factors affecting resources of Volgograd region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 131—134.
2. Vashchenko A. N., Zubova O. G., Daeva T. V. Monitoring of investment activity of rural areas // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 53—55.
3. Belikova E. V. Problems of tourism development in Volgograd region // Current status and prospects of socio-political development of Russia and foreign countries: materials of the II International scientific-practical conference, May 15, 2013. Volgograd: MIRIA LLC, 2013. P. 17—19.
4. Polyakova T. V., Polyakov V. N. Methodological bases of regional marketing // News of Volgograd State Technical University. Series Actual issues of reforming the Russian economy (theory, practice, perspective). 2008. № 13. Issue 10. P. 108—112.
5. Cherniavskaya E. Yu. Problems of reproduction of human resources in modern Russia // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 186—191.
6. Maksimova I. V. Directions of improvement of the regional socio-economic planning // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 84—90.
7. Kail Ya. Ya., Epinina V. S. Improving the system of state control and its impact on the condition of socio-economic development of the entities of the Russian Federation (on the example of the entities of the Russian Federation in the Southern Federal District) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 216—224.
8. Sokolov A. F. Econometric model of the impact of socio-economic factors on the effectiveness of the regional management // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 79—83.

УДК 332.133.6

ББК 65.042

Mikhailova Elena Vladimirovna,
candidate of economics, associate professor
of the department of financial-economic discipline
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: tranz-volga@yandex.ru

Михайлова Елена Владимировна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
финансово-экономических дисциплин
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: tranz-volga@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY OF USING THE URBAN AREA

В статье рассмотрены факторы и принципы планирования, обеспечивающие населению высокое качество жизни и комфортность условий проживания. Для решения проблем, связанных с равномерным и пропорциональным обеспечением устойчивости развития муниципальных образований, предлагается использовать показатель, характеризующий организационно-экономическую надежность развития городской территории. Рассмотрена связь (зависимость) между налогом на доходы физических лиц и плотностью рабочих мест в сфере производства товаров и в сфере производства услуг. Предложена теоретическая модель пространственного развития города, позволяющая повысить эффективность использования городской территории на основе баланса доходов и расходов бюджета муниципального образования.

The article examines the factors and principles of planning providing for population life quality and comfort conditions of living. In order to resolve the issues connected with the uniform and proportional provision of reliable development of municipal entities, it is suggested to use the indicator characterizing organizational and economic reliability of development of an urban area. Connection (dependence) of an income tax of individuals and the density of workplaces in the area of production of goods and in the area of production of services is studied. The theoretical model of spatial development of the city is proposed that allows increasing efficiency of using the urban area based on the balance of the budget income and expenses of municipal entity.

Ключевые слова: эффективность городской территории, баланс доходов и расходов, организационно-экономическая надежность, экономика города, качество жизни, плотность рабочих мест, сфера производства товаров, сфера производства услуг, пространственное развитие города, функциональные подсистемы города.

Keywords: efficiency of an urban area, balance of income and expenses, organizational and economic reliability, city economy, quality of life, density of workplaces, area of goods production, area of services production, spatial development of the city, functional subsystems of the city.

Наша жизнь сосредоточена в городах, урбанизация — одна из основных тенденций развития человечества. В 2008 году население городов мира сравнялось по численности с сельским, а к 2050 году, по прогнозу ООН, бо-

лее 85% населения Земли будет проживать и трудиться в городах. В России на начало 2009 года в 1099 городах было сосредоточено более 95 млн человек, то есть две трети населения страны [1, с. 4]. За период с 2007 по 2011 год численность городских жителей в Волгоградской области увеличилась на 9,31 тыс. человек (с 1973,5 до 1982,81 тыс. человек) [2].

Рассматривая город, нельзя не отметить, что он является сложной системой, так как включает в себя экономическую и социальную подсистемы. Структура экономической подсистемы определяется видами экономической деятельности, осуществляемыми в городе, поскольку он является базой промышленного производства. Социальная подсистема обеспечивает человеку комфортные условия проживания.

Таким образом, развитие города должно осуществляться в двух направлениях: социальном, основой которого является повышение качества жизни населения, и экономическом, основанном на самостоятельности территории, определяющейся возможностью производить товар на экспорт, способностью к саморегуляции, готовностью к непрерывному воспроизводству продуктов интеллектуальной и духовной деятельности.

Управление городом является компетенцией органов государственной и муниципальной власти. Развитие городов регламентируется генеральным планом, планом капитального строительства, программой социального и экономического развития и т. д.

Однако в настоящее время для развития городов существует ряд препятствий. Во-первых, у многих руководителей регионов и местных органов власти нет четкого понимания, каким должен быть город и в каком направлении ему необходимо развиваться. В результате этого есть города, у которых нет ярко выраженных приоритетов развития, а имеющиеся планы решают только их текущие потребности и слабо ориентированы на стратегическое развитие.

Во-вторых, городские власти в России испытывают дефицит собственных финансовых ресурсов для осуществления своих полномочий. Бюджеты, как правило, дефицитны, преобладают поступления (дотации) из вышестоящих бюджетов и растут долги муниципалитетов.

В-третьих, город является живой саморазвивающейся системой, и городское развитие должно определяться не только плановыми документами, но и системой договоренностей между органами местного самоуправления, бизнесом и населением.

Город должен обеспечить населению высокое качество жизни, которое определяется:

— доступной городской инфраструктурой (высокой транспортной доступностью, доступностью всех необходимых сервисов и услуг);

— достаточностью комфортного жилья;

— безопасностью городской среды;

— наличием достаточного количества общественных пространств.

Для обеспечения населения комфортными условиями проживания необходимы новые принципы планирования городской территории:

— повышение плотности застройки в зависимости от эффективности использования городской территории (на основе сальдо доходов и расходов бюджета или балансовой модели [3]). В настоящее время городская территория используется неэффективно, начиная с дефицитного городского бюджета и заканчивая неравномерностью поступления доходов в виде налогов с различных зон города. Так, селитебная территория в основе своей убыточна, территория, занятая под промышленные предприятия, простаивает, не приносит должного дохода в бюджет в связи с банкротством и приостановкой работы крупных предприятий [4]. Основной доход обеспечивают организации, работающие в сфере обслуживания и услуг, которые в основном сконцентрированы в центральных районах города. Повышение плотности застройки позволит сократить количество перемещений по городу, а следовательно, и нагрузку на транспортную инфраструктуру. Помимо этого район с плотной застройкой позволит обеспечить шаговую доступность образовательных, медицинских услуг, а также услуг торговли и сервиса;

— многофункциональность застройки городских районов, которая предполагает, что в состав одного района входят жилье, офисы, развлекательные центры, магазины и даже промышленные предприятия, выпускающие инновационную продукцию с минимальным техногенным воздействием на окружающую среду (шум, вибрация и т. д.). Это позволит решить сразу несколько проблем: уходит маятниковая миграция населения по маршруту район жилья — район работы; появляются рабочие места непосредственно в жилых районах; различные районы города выравниваются по эффективности.

Одной из основных проблем города является рациональное использование его совокупного потенциала в сочетании с выбором механизма эффективного использования городской территории.

Город является, с одной стороны, подсистемой социально-производственного комплекса региона, с другой — это относительно самостоятельный элемент со своими формами проявления производственных, экономических, социальных, экологических процессов, которые определяются специфическими особенностями каждой территории. Экономическое развитие городов связывают с возрождением промышленности, наращиванием темпов производства товаров и услуг [5]. Для повышения эффективности управления процессами социально-экономического развития целесообразно оценивать и инновационный потенциал городской территории [6].

Для решения проблем, связанных с равномерным и пропорциональным обеспечением устойчивости развития муниципальных образований, предлагается использовать теорию надежности. При этом следует отметить, что первоначально термин «надежность» появился в технике и до сих пор используется, как правило, при управлении техниче-

скими системами, хотя надежность является неотъемлемым свойством, присущим любой управляемой системе, и имеет, по существу, общенаучный характер.

С точки зрения системного подхода надежность — это, во-первых, свойство системы достигать заданного результата в процессе функционирования в течение заданного времени и, во-вторых, свойство системы, позволяющее ей устойчиво выполнять свои функции при проявлении сбоев, отказов и ошибок в отдельных ее частях [7, с. 112].

В общем случае под устойчивостью понимается способность какой-либо системы при отклонении от своего устойчивого положения возвращаться к прежнему состоянию.

Многими авторами рассмотрены понятия организационно-технологической, технической, организационно-экономической надежности, надежности крупных инвестиционных проектов. Так, под организационно-экономической надежностью воспроизводства объектов недвижимости при территориально-пространственном развитии города понимаются эффективная организация и управление совокупным потенциалом предприятий ГИСК за счет рационального выбора процессов формирования и использования организационно-управленческих, экономических, технических и экологических решений при реализации инвестиционно-строительных проектов по воспроизводству кластер-портфелей недвижимости, направленных на оптимизацию функционирования каждого предприятия ГИСК с целью реализации программы роста городской жилищной недвижимости [8].

Рассматривая город как самостоятельную систему, можно сказать, что под организационно-экономической надежностью функционирования муниципального образования понимается способность сохранять существующее положение, а также заданную динамику роста социально-экономических показателей за счет рационального выбора организационно-управленческих, экономических, градостроительных, транспортных, экологических решений, направленных на оптимальное использование территории с целью повышения качества жизни населения.

В этом случае обеспечение организационно-экономической надежности процесса пространственного развития городской территории будет заключаться в формировании, оценке и выборе таких управленческих решений, которые позволили бы создать необходимые условия для устойчивого развития территории и эффективного функционирования организаций, предприятий.

Для определения организационно-экономической надежности развития городской территории может быть использован интегрированный показатель, представленный многофакторной функцией следующего вида:

$$K_{OЭН} = f(Q, D, F, S) \quad (1)$$

где:

Q — количество рабочих мест в реальном секторе экономики;

D — количество рабочих мест в сфере обслуживания;

F — доходы населения;

S — сальдо доходов и расходов городского бюджета.

Эффективность функционирования муниципального образования состоит в создании рабочих мест, дорожной, транспортной, энергетической, коммуникационной, информационной и другой инфраструктуры, в налоговых поступлениях. Создавая рабочие места, необходимо понимать, что это тот первичный элемент, который закрепляет насе-

ление за тем или иным населенным пунктом, так как совершенно очевидно, что, если не будет работы, люди покинут город, и у нас есть прецеденты: небольшие города, которые были созданы под одно предприятие, шахту и т. д. После прекращения работы градообразующего предприятия люди покидали населенный пункт, оставляя квартиры. Поэтому для того, чтобы город функционировал, расширял свою деятельность, ему необходимы рабочие места. Возникает вопрос: сколько нужно таких рабочих мест и с какой заработной платой, чтобы люди чувствовали себя комфортно и город имел профицитный бюджет?

Эффективность использования территории зависит от доходов, которые она приносит. В настоящее время большую часть доходов городского бюджета составляют налоговые поступления (45%), которые включают в себя налог на доходы физических лиц (НДФЛ), единый налог на вмененный доход (ЕНВД), налог на имущество граждан, земельный налог. В связи с этим у нас есть четыре основных параметра, изменение которых сможет увеличить доходы города. Рассмотрим, каким образом это можно сделать:

- 1) увеличение кадастровой стоимости земли;
- 2) рост стоимости имущества физических лиц;
- 3) увеличение числа субъектов малого и среднего предпринимательства;
- 4) увеличение доходов физических лиц (рост заработной платы, количества рабочих мест).

Так как больше половины налоговых и неналоговых поступлений в городской бюджет составляет НДФЛ (табл.), то в первую очередь рассмотрим, как органы местного самоуправления могут воздействовать на эту статью доходов.

Таблица

Структура налоговых и неналоговых доходов бюджета г. Волгограда в 2009—2013 годах, %

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013
Налоговые доходы	72,75	75,92	75,78	76,47	75,86
Налог на доходы физических лиц	52,89	54,90	52,47	55,84	54,52
Налоги на совокупный доход	6,64	7,48	6,98	7,25	7,41
Налоги на имущество	11,60	11,86	11,94	9,65	12,47
Государственная пошлина	1,36	1,54	3,55	3,74	1,24
Задолженность и перерасчеты по отменным налогам, сборам и иным обязательным платежам	0,26	0,14	0,83	-0,01	0,22
Неналоговые доходы	27,25	24,08	24,22	23,53	24,14
Итого налоговые и неналоговые доходы	100	100	100	100	100

Составлено автором на основе данных сайта Федеральной службы государственной статистики [9].

Очевидно, что существует прямо пропорциональная зависимость суммы собираемого городским бюджетом налога на доходы физических лиц от плотности рабочих мест в реальном секторе экономики и в сфере обслуживания:

$$НДФЛ = d \times t \times (CЗП_1^{CO} \times N^{CO} + CЗП_1^{PC} \times N^{PC}), \quad (2)$$

где:

d — доля НДФЛ, зачисляемого в муниципальный бюджет;

t — ставка налога на доходы физических лиц;
 $CЗП_1^{CO}$ — средняя заработная плата одного человека, занятого в сфере обслуживания, руб.;

$CЗП_1^{PC}$ — средняя заработная плата одного человека, занятого в реальном секторе экономики, руб.;

N^{CO} — численность населения, занятого в сфере обслуживания;

N^{PC} — численность населения, занятого в реальном секторе экономики.

Плотность рабочих мест определяется по формулам:

$$P_{CO} = \frac{N^{CO}}{S}, \quad (3)$$

$$P_{PC} = \frac{N^{PC}}{S}, \quad (4)$$

где:

P_{CO} — плотность рабочих мест в сфере обслуживания;

P_{PC} — плотность рабочих мест в реальном секторе экономики;

S — площадь многофункционального района, км².

Выражаем из формул (3) и (4) численность рабочих в сфере обслуживания и в реальном секторе экономики и подставляем в формулу (2):

$$НДФЛ = d \times t \times S \times (CЗП_1^{CO} \times P_{CO} + CЗП_1^{PC} \times P_{PC}) \quad (5)$$

Из полученного выражения видно, что если на ставку налога на доходы физических лиц и долю, зачисляемую в муниципальный бюджет, органы местного самоуправления влиять не могут, то, изменяя среднюю заработную плату и плотность рабочих мест в сфере обслуживания и в реальном секторе экономики, они могут увеличивать или уменьшать налоговые доходы бюджета. Это связано с тем, что рост количества рабочих мест на предприятиях малого бизнеса приведет к увеличению поступлений ЕНВД, рост заработной платы повлечет за собой увеличение покупательной способности населения и, как результат, увеличение имущества, а соответственно и рост поступлений от налога на имущество, а также повышение привлекательности данной территории для бизнеса, а следовательно, возможный рост кадастровой стоимости земли, что увеличивает поступления земельного налога в бюджет города.

Для реализации стратегии развития города, его функционально-пространственной структуры требуется создание теоретической модели, которая позволяла бы рассматривать городскую систему не только как статичную, но и с точки зрения ее развития в пространстве и времени.

Для создания такой модели необходимо вычлнить информацию, достаточную для принятия решений.

Информационное обеспечение моделей городского развития представляет собой сложную проблему из-за значительных размеров города и большого количества разнородных функциональных объектов. Для решения этой проблемы нужно:

- разбить территорию на расчетные районы;
- описать транспортную сеть, соединяющую районы, при этом за основу принимается сеть общественного транспорта, определить транспортную доступность;
- выявить функциональные подсистемы, в качестве которых рассматриваются «реальный сектор экономики», «сфера обслуживания», «население», «баланс доходов и расходов».

Подсистему «реальный сектор экономики» образуют:

- промышленные объекты;
- НИИ, проектные организации;
- крупные высшие учебные заведения;
- крупнейшие объекты здравоохранения;
- строительный комплекс.

Подсистема «сфера обслуживания»:

- школьные и дошкольные учреждения;
- объекты культурно-бытового обслуживания;
- учреждения здравоохранения;
- магазины;
- кинотеатры;
- театры, цирки, концертные залы;
- музеи, выставки;
- спортивные сооружения.

Объекты здравоохранения, традиционно относимые в сферу обслуживания, вошли в реальный сектор, так как учитываются крупные стационары, имеющие региональное и международное значение.

Подсистема «население» характеризуется следующими показателями:

- плотность населения;
- плотность рабочих мест в реальном секторе;
- плотность рабочих мест в сфере обслуживания;
- доходы населения.

Для выполнения расчетов должна быть получена информация по каждому расчетному району.

Подсистема «баланс доходов и расходов»:

— доходы городского бюджета, поступающие с единицы территории (налог на доходы физических лиц, земельный налог, налог на имущество, налоги на совокупный доход);

— расходы городского бюджета на обслуживание единицы городской территории (расходы на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, жилищно-коммунальное хозяйство, охрану окружающей среды, образование, здравоохранение, культуру, кинематографию, физическую культуру и спорт, социальную политику).

Все четыре подсистемы взаимодействуют между собой, оказывая влияние на формирование показателей, их характеризующих (рис.).

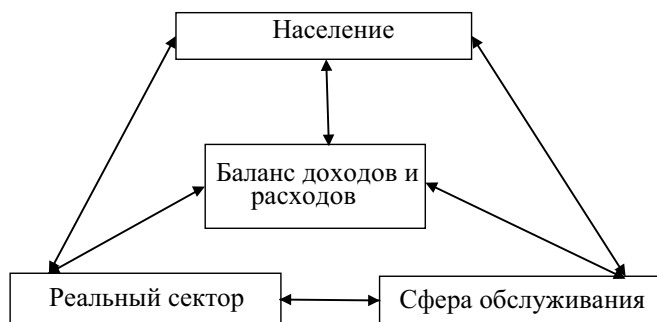

Рис. Взаимодействие функциональных подсистем города

Важнейшими данными для выполнения расчетов являются нормативы по размещению подсистем в каждом районе (например, нормативы по планировке и застройке городских и сельских поселений) [10]. Городская территория разбивается на различные категории в зависимости от направления использования: территории жилой застройки,

подлежащие уплотнению; территории жилой застройки, не подлежащие уплотнению; незастроенные территории; территории, занимаемые объектами реального сектора; территории транспорта (автомобильные дороги федерального, регионального и межмуниципального значения, транспортные объекты); территории, занимаемые инженерными сооружениями; территории, занимаемые парками и зелеными насаждениями; территории объектов обслуживания.

Такое разбиение позволяет проводить детальный балансовый анализ функционально-пространственной структуры города. Для укрупненного анализа проводится несколько уровней агрегации, границы агрегированных зон совпадают с границами расчетных районов и учитывают сложившуюся линейную структуру города.

Для определения связей между районами вводится показатель, который позволяет характеризовать суммарную емкость тех или иных функциональных элементов города. Так, например, показатель «транспортная доступность» позволяет оценивать положение районов относительно центральных районов или относительно районов с ограниченными благами (районы, где есть крупные стационары, крупные высшие учебные заведения и т. д.).

Затем нужно рассчитать оптимальную плотность населения по каждому району, которая давала бы положительное сальдо доходов и расходов. Далее этот показатель необходимо сравнивать с фактическими данными плотностей расселения. Для этого используется информация о территориях разных категорий, существующем населении, доходах и расходах городского бюджета по каждому расчетному району.

Обработка всей этой информации позволит получить количественную оценку функционально-пространственного состояния города, определить наиболее благоприятные и неблагоприятные с точки зрения использования территории зоны.

Для определения направлений функционально-пространственного развития города задаются изменения в территориях, подлежащих уплотнению, резервных территориях и перемещения мест приложения труда объектов реального сектора экономики и сферы обслуживания с целью максимизации целевой функции «положительное сальдо доходов и расходов городского бюджета».

Первое воздействие задается изменением плотностей расселения как в целом по городу, так и по отдельным районам и зонам. Второе воздействие задается изменением плотностей рабочих мест в реальном секторе экономики и в сфере обслуживания.

Осуществляемое на этой основе моделирование прогнозируемого состояния функционально-пространственной городской структуры позволит сформулировать несколько стратегий развития города в зависимости от плотности расселения и вариантов размещения объектов реального сектора и сферы обслуживания.

Далее проводится расчет организационно-экономической надежности осуществления того или иного варианта пространственного развития города и на его основе делается выбор.

Использование системного подхода при выборе стратегий развития города позволит не только улучшить имеющееся состояние городской территории, но и создать прообраз крупного города будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Национальный доклад. Развитие городов: лучшие практики и современные тенденции. М., 2011. 77 с. [Электронный ресурс]. URL: www.tula-forum.ru (дата обращения: 10.09.2014).
2. Плякин А. В., Орехова Е. А., Штеменко К. С. Геостатистический анализ компонентной структуры малых и средних городов Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 48—54.
3. Кабанов В. Н. Потенциал стратегического развития Волгограда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 54—61.
4. Зубова О. Г. Управление инвестиционной деятельностью имущественного комплекса: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2007. 24 с.
5. Медведева Л. Н., Козенко К. Ю. Промышленная политика в среднем городе: операциональные развилки модернизации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 156—161.
6. Гареева Н. А. Индикаторы комплексного социально-экономического развития муниципальных образований // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 70—73.
7. Системотехника строительства. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Гусакова. М.: Изд-во Ассоциации строительных вузов, 2004. 320 с.
8. Бредихин В. В. Управление организационно-экономической надежностью развития и обновления городской территории в условиях сложившейся застройки: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ростов-н/Д, 2013. 40 с.
9. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst18&r=18701000 (дата обращения: 25.08.2014).
10. СП 42.13330.2011 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений».

REFERENCES

1. National report. Development of the cities: the best practices and current trends. M., 2011. 77 p. [Electronic resource]. URL: www.tula-forum.ru (date of viewing: 10.09.2014).
2. Plyakin A. V., Orekhova E. A., Shtemenko K. S. Geo-statistical analysis of component structure of small and medium cities of Volgograd region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 48—54.
3. Boars V. N. Potential of strategic development of Volgograd // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 54—61.
4. Zubova O. G. Management of investment activity of a property complex: abstract of dissertation of the candidate of economics. Stavropol, 2007. 24 p.
5. Medvedev L. N., Kozenko K. Yu. Industrial policy on average city: operational forks of modernization // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 156—161.
6. Gareyeva N. A. Indicators of complex social and economic development of municipalities // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 70—73.
7. System engineering of construction. The encyclopedic dictionary / Ed. by A. A. Gusakov. M.: Publishing house of Association of higher education institutions in construction, 2004. 320 p.
8. Bredikhin V. V. Management of organizational and economic reliability of development and updating of an urban area in the conditions of the developed building: abstract of dissertation of the doctor of economics. Rostov-on-Don, 2013. 40 p.
9. Site of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst18&r=18701000 (date of viewing: 25.08.2014).
10. Joint venture 42.13330.2011 Town planning. Planning and building of city and rural settlements.

УДК 332.36

ББК У65.09

Telnova Natalia Nikolaevna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the department of statistics and econometrics
of Stavropol State Agrarian University,
Stavropol,
e-mail: telnatnik@mail.ru

Shatalova Olga Ivanovna,
doctor of economic sciences, associate professor
of the department of economics and management
of South-Russian Humanitarian Institute,
Stavropol,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru

Shekhovtsova Sofia Romanovna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the department of economics and management
of South-Russian Humanitarian Institute,
Stavropol,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru

Тельнова Наталья Николаевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры статистики
и эконометрики Ставропольского государственного
аграрного университета,
г. Ставрополь,
e-mail: telnatnik@mail.ru

Шаталова Ольга Ивановна,
д-р экон. наук, доцент кафедры экономики
и управления
Южно-Российского гуманитарного института,
г. Ставрополь,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru

Шеховцова Софья Романовна,
канд. экон. наук, доцент кафедры экономики
и управления
Южно-Российского гуманитарного института,
г. Ставрополь,
e-mail: ShatalovaOlga77@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В АГРАРНООРИЕНТИРОВАННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

FEATURES OF FUNCTIONING OF THE HOUSEHOLDS IN AGRARIAN-ORIENTED REGIONAL ECONOMICS

В условиях развивающейся рыночной экономики сформировались новые требования к экономическому и социальному поведению домохозяйств. Человеческий капитал выступает интенсивным производительным и социальным фактором развития и жизнедеятельности территории, который неразрывно связан с человеком, его интеллектом и менталитетом. Это определяет первоочередную проблему по улучшению уровня качества человеческого капитала в регионах и прежде всего затрагивает трудоспособное население как важнейший ресурс, обеспечивающий устойчивый экономический рост и стабильное функционирование экономики. Поэтому важной научно-исследовательской задачей является комплексная оценка социального и экономического потенциала первичного звена рыночной экономики — домашнего хозяйства.

In the conditions of developing market economics, the new requirements to economic and social behavior of the households have been established. The human capital serves as the strong producer and social factor of development and activity of the region that is closely connected with the human being, his intellect and mentality. This determines the primary issue of improvement of the human capital quality in the regions and, first of all, affects the able to work population as the most important resource providing sustainable economic growth and stable functioning of economics. Therefore, the critical scientific-research task is the comprehensive evaluation of social and economic potential of the primary element of the market economics — the household.

Ключевые слова: сельские домашние хозяйства, человеческий капитал, управление, региональная экономика,

инновации, социально-экономическое развитие, факторы производства, государственная поддержка, условия, факторы, устойчивое развитие.

Keywords: rural households, human capital, management, regional economics, innovation, socio-economic development, factors of production, state support, conditions, factors, sustainable development.

Изучению сущности домашних хозяйств как экономической категории, классификации, анализу материального положения, уровня и качества жизни, занятости домохозяйств на селе были посвящены труды многих ученых. На наш взгляд, домохозяйство должно изучаться как область региональной экономики, так как оно является важнейшим звеном, выполняющим воспроизводство и развитие человеческого потенциала через трудовые ресурсы. Эти обстоятельства и определяют роль и значимость сельских домашних хозяйств в достижении главной стратегической цели социального и экономического развития всех регионов и страны в целом — роста уровня и качества жизни населения.

В процессе осуществления хозяйственной деятельности малые предприятия реализуют ряд экономических функций и преимуществ в социально-экономической системе муниципального образования, которые способствуют повышению эффективности местного рынка, решению ряда социальных, экологических и других задач [1].

В процессе развития современных исследований в области деятельности домашних хозяйств определились основные требования к концепциям экономики домохозяйств, которые можно систематизировать следующим образом:
— домашние хозяйства необходимо рассматривать как

функциональные единицы производства и потребления, имеющие своей целью воспроизводство домохозяйственного сообщества и его участников. Производство при этом может включать в себя как произведенную продукцию для рыночного обмена, так и продукцию для средств существования, собственного потребления, которая может и не иметь денежной стоимости;

— сообщества домашних хозяйств должны исследовать как институты, в которых объединены индивидуумы, находящиеся постоянно во взаимодействии друг с другом. Их действия и решения могут быть ориентированы как на общее благо всех членов домохозяйств, так и непосредственно на индивидуальную полезность, что зависит от конкретных ситуаций и существующих альтернатив;

— сообщества домашних хозяйств нельзя рассматривать изолированно от социального и экономического окружения. Их существенные характеристики определяются как отношением с социально-экономическим окружением, так и внутренними взаимоотношениями.

С точки зрения роли и значения в экономике регионов домохозяйства являются самоорганизованными хозяйственно-экономическими субъектами и характеризуются ограниченными автономными бюджетами и обособленными местами проживания его членов, которые, выполняя свои определенные функции в сферах производства, потребления, накопления, поставки и воспроизводства человеческого капитала, участвуют в создании и развитии экономического потенциала совокупных секторов экономики регионов, с тем чтобы максимизировать свое благосостояние. Необходимо подчеркнуть заинтересованность в связанности и взаимодействиях домохозяйств и других субъектов рыночной экономики. Сельские домашние хозяйства также оказывают существенное влияние на формирование и развитие экономического потенциала реального сектора экономики регионов, выраженное в обеспечении предложения на рынке факторов производства, так как сельские домохозяйства являются поставщиками производственных ресурсов (трудовые, предпринимательские способности, капитал); в обеспечении необходимого для функционирования рыночного механизма уровня потребительского спроса на товары и услуги, произведенные частными и государственными предприятиями; в пополнении доходной части государственного бюджета посредством уплаты налогов и других видов обязательных платежей; в повышении личного благосостояния домохозяйств посредством развития семейного бизнеса, что способствует и развитию рыночной экономики в целом.

Под влиянием политических, социальных, экономических, природных и других факторов состояние экономической системы в регионах модифицируется, что порождает разные дисбалансы, которые воздействуют на начальные элементы данной системы — домашние хозяйства. Являясь основными потребителями на рынке товаров и услуг, домохозяйства одновременно обеспечивают рынок трудовыми ресурсами. Их потребительское и трудовое поведение имеет непосредственное влияние и на экономическое поведение разных участников рыночных отношений, и на деятельность экономической системы в целом. В этой связи возрастает значимость регионального аспекта в исследовании домохозяйств, которые рассматриваются нами в качестве многофункционального, сложного объекта управления.

Выделяют чаще всего пять главных функций домашних хозяйств: снабжение, производство, сбережение, потребление, воспроизводство. Наиболее изученными в настоящее

время являются функция потребления и функция сбережения. Они отражают процесс деятельности домохозяйств в удовлетворении потребностей в товарах и услугах. Их реализация имеет непосредственное влияние на создание экономического потенциала в реальном секторе экономики.

Основной целью жизнедеятельности домохозяйства называют «максимизацию благосостояния при осуществлении потребительского выбора в условиях бюджетного ограничения». Иными словами, в процессе своей деятельности домашнее хозяйство постоянно стремится к расширению закупок товаров и услуг. Чтобы это осуществить, все его члены направляют свою деятельность на повышение доходов домашних хозяйств.

Важным стимулирующим фактором повышения инновационной активности хозяйствующих субъектов является рыночная конкуренция [2]. В свою очередь, структура как доходов домашних хозяйств, так и его расходов во многом зависит от внешних факторов, в которых проходит жизнедеятельность всех членов. Следовательно, характерные черты российской экономики в значительной степени определяют ключевые статьи доходов и расходов, определяющие типы конкретных домохозяйств.

Социологические обследования в части доходов сельских домохозяйств Ставропольского края показали, что общий объем денежных доходов состоит из разных источников поступлений денежных средств. Первостепенными источниками дохода для жителей села являются: зарплата, получаемая членами домашних хозяйств от разных видов деятельности; доход от работы на личном подсобном хозяйстве; доход от бизнеса; пенсия; пособия по рождению, воспитанию детей. В большинстве случаев определяющую роль в уровне благосостояния семьи выполняет заработная плата членов домохозяйств, то есть доход существенно зависит от занимаемой должности и вида экономической деятельности. Источники дохода, такие как безвозмездная поддержка родственников, доходы от сдачи в аренду жилья и различного имущества, доходы от собственности, доходы от продажи личного имущества, дивиденды, проценты, для большинства домашних хозяйств небольшие либо полностью отсутствуют.

В XXI веке становится общепризнанным, что основным конкурентным преимуществом является качество трудовых ресурсов. Это связано с тем, что творческий дар и высокое образование — первоисточники инноваций [3].

Если устойчивое развитие сельского хозяйства принимать как многоцелевую категорию, то наиболее важным фактором, способным обеспечить устойчивый экономический рост, на наш взгляд, является наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов. В свою очередь, долгосрочный системный кризис в аграрном производстве привел сельское население к бедности и нищете. Перестройка в структуре аграрного сектора экономики привела к реструктуризации занятого населения в сельском хозяйстве. Снижение производства в сельском хозяйстве повлекло сокращение занятого трудоспособного населения, что стало причиной повышения роли личных подсобных хозяйств в формировании доходов сельских домашних хозяйств.

Рынок труда в аграрном секторе требует большого внимания со стороны государственной политики занятости населения, так как сельское хозяйство играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности страны. В 2011 году по сравнению с 2000 годом произошло увеличение численности экономически активного населения в РФ на 4,7%, сельского — на 6,3%. Занятость экономиче-

ски активного населения выросла по стране на 4,8%, а сельского населения — на 2,1%. Уровень безработицы сократился по России на 1,1%, в сельской местности он повысился на 2,4% [4].

Домохозяйства в демографической структуре регионов выступают основной составляющей, так как они являются источником воспроизводства человеческого капитала. Уровень и качество жизни сельского населения во многом определяет количество детей в семьях. Так, в типологических группах сельского населения с низким доходом, которые составляют около 75% обследованных домохозяйств по Ставропольскому краю, сосредоточена достаточно высокая доля детей.

Ухудшение демографической ситуации в регионах России требует глубокого всестороннего изучения демографических процессов, что позволит объективно отражать и анализировать состояние домашних хозяйств, а также осуществлять на основе полученных результатов не только оперативные управленческие воздействия, но и долгосрочные демографические прогнозы. При проведении исследований состояния домашних хозяйств необходимо обеспечить более детальный учет, сплошное и всестороннее обследование демографических характеристик на уровне регионов, так как данные, имеющиеся в статистических сборниках, недостаточно детализированы [5].

Определяя степень устойчивости и перспективы развития домохозяйств как формы организации сельскохозяйственного производства, можно выделить факторы, сдерживающие их воспроизводство:

— отсутствие помощи со стороны сельскохозяйственных предприятий;

— невысокая техническая оснащенность, ведущая к большим затратам труда, трудозатраты в домохозяйствах в расчете на один центнер продукции выше, чем в коллективных хозяйствах, в 3—8 раз;

— сложности с реализацией продукции, недостаточная отработанность проблем сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции влечет сокращение хозяйствами населения поголовья скота;

— убыточность большинства сельхозпредприятий породила бартерный товарообмен, в результате чего значи-

тельную часть заработной платы работники получают в натуральной форме. Перед владельцем домохозяйств встала задача превратить полученную продукцию от сельхозпроизводства в денежную форму;

— количество членов семей в сельской местности сокращается, что ведет к сложной демографической ситуации;

— разрушение социальной инфраструктуры способствует росту заболеваемости среди сельского населения;

— низкий правовой и социальный статус домохозяйств.

Проблемы, которые возникают в сфере занятости и на рынке труда, непосредственно определяют социальное и экономическое положение населения и, в частности, влияют на процессы его воспроизводства, оказывая тем самым значимое воздействие на демографическую ситуацию в стране. Политика занятости прежде всего предполагает увеличение эффективности труда за счет создания новых качественных рабочих мест, прогрессивных тенденций в профессиональной и квалификационной структуре кадров, адекватной зарплаты труда и наиболее полном использовании трудовых ресурсов [6].

Таким образом, процесс воспроизводства человеческого капитала как фактора экономического роста регионов соответствует современным требованиям перехода к инновационной экономике, этот процесс порождает вложение больших инвестиций в социальную сферу, отрасли, обслуживающие население регионов.

Для формирования условий, благоприятствующих эффективному рыночному поведению домохозяйств, требуется содействие государства, ориентированное на усиление экономической активности населения (за счет повышения материального благосостояния, социальной защиты и уровня жизни сельского населения, расширения производственного и ресурсного потенциала, организации новых и дополнительных оснащенных рабочих мест, создания эффективных торгово-закупочных структур в каждом районе, увеличения выплат по социальным трансфертам, совершенствования системы финансово-кредитной поддержки и т. д.) [7].

Инвестиции в человеческий капитал кроме социального эффекта также непосредственно влияют на рост валового регионального продукта и повышение конкурентоспособности экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Утюшева Л. Д. Особенности участия малого бизнеса в развитии социально-экономической системы муниципального образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 101—104.
2. Курченков В. В. Инновационная активность хозяйствующих субъектов региона: проблемы измерения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 41—47.
3. Семенов А. К. Факторы инновационного развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). С. 56—59.
4. Захарова Е. Н. Эффективное управление земельными ресурсами как фактор устойчивого развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2010. № 1. С. 48—55.
5. Тельнова Н. Н. Совершенствование инструментов активизации инновационно-инвестиционной деятельности в аграрной сфере экономики // Экономика и предпринимательство. 2012. № 3.
6. Тельнова Н. Н., Шаталова О. И., Шеховцова С. Р. Принципы и факторы устойчивого сбалансированного развития аграрноориентированных регионов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 3 (14). С. 84—89.
7. Таранов П. М., Панасюк А. С. Методика обоснования мер защиты продовольственного рынка в условиях членства России в ВТО // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 12 (60). С. 71.

REFERENCES

1. Utyusheva L. D. Participation of small business in the development of the socio-economic system of municipal entity // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 101—104.
2. Kurchenkov V. V. Innovative activity of the economic entities of the region: problems of measurement // Business. Education.

Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 41—47.

3. Semenov A. K. Factors of innovation development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). P. 56—59.

4. Zakharova E. N. Effective management of the land resources as a factor of sustainable development // Bulletin of Adygei State University. Series 5: Economics. 2010. № 1. P. 48—55.

5. Telnova N. N. Improvement of the tools of activation of the innovation and investment activity in the agrarian area of economics // Economics and entrepreneurship. 2012. № 3.

6. Telnova N. N., Shatalova O. I., Shekhovtsova S. R. Principles and factors of sustainable balanced development of agrarian-oriented regions // Economics and entrepreneurship. 2014. № 3 (14). P. 84—89.

7. Taranov P. M., Panasyuk A. S. Technique of substantiation of protection measures of the food market in the conditions of Russia's membership in WTO // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2012. № 12 (60). P. 71.

УДК 331.5
ББК 65.240.5

Sharinova Galina Anatolyevna,
candidate of economics, associate professor
of the department of management and finance
of the Kalmyk State University,
Elista,
e-mail: sharinova_galina@mail.ru

Шаринова Галина Анатольевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
менеджмента и финансов
Калмыцкого государственного университета,
г. Элиста,
e-mail: sharinova_galina@mail.ru

СОСТОЯНИЕ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

THE LABOR MARKET STATUS IN THE MODERN CONDITIONS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA

В статье рассмотрены проблемы экономического неравенства субъектов Российской Федерации. В крупных городах потенциал для поиска работы высок в отличие от малых городов, где напряженность рынка труда происходит из-за низкой отраслевой диверсификации производства. Проанализирован рынок труда Республики Калмыкия, где экономическое состояние не позволяет его активизировать и вследствие этого наблюдается высокий уровень безработицы. Для активизации рынка труда Республики Калмыкия предложено создать многопрофильное обучение граждан, рассмотреть вопрос о государственной помощи из федерального центра как одному из самых экономически слабых регионов России для стимулирования роста экономики.

This paper examines the problems of economic inequality of the entities of the Russian Federation. Potential for searching for job is high in big cities in contrast to the small towns, where tension at the labor market results from the low industrial diversification of production. The labor market of the Republic of Kalmykia is analyzed as an example, where economic situation does not allow strengthening of the labor market, which results in high level of unemployment. In order to activate labor market of the Republic of Kalmykia, establishing of diversified education of citizens is proposed, as well as considering the issue of the state support from the Federal Center as to one of the most economically depressed regions of Russia for stimulation of the economic growth.

Ключевые слова: уровень безработицы, экономическое неравенство, диверсификация, минимальный размер заработной платы, прожиточный минимум, потенциал, рынок труда, занятость населения, среднедушевые денежные доходы, социально-экономическое положение.

Keywords: unemployment level, economic inequality, diversification, minimum wage, living wage, potential, labor market, population employment, average per capita income, socio-economic status.

В настоящее время остро стоит проблема экономического неравенства крупных и малых городов Российской Федерации. Потенциал, имеющийся в крупных городах, позволяет населению найти работу в соответствии с квалификацией. На развитие экономики крупных регионов оказывают влияние географическое положение, наличие природных ресурсов, номенклатура выпускаемой продукции. В малых городах картина иная: отсутствие промышленности, постоянно закрывающиеся предприятия негативно влияют на рынок труда.

Высокая чувствительность малых рынков труда к спаду обусловлена низкой отраслевой диверсификацией производства [1, с. 181]. С учетом низкой отраслевой диверсификации производства в малых городах очень чувствительно влияет на трудовые ресурсы сокращение или закрытие любого предприятия.

У большинства населения регионов России средний доход намного ниже общероссийского. Имеющиеся значительные разрывы между бедными и богатыми, неравномерное экономическое развитие крупных и малых городов значительно ухудшают экономику регионов. Полное преодоление бедности при сегодняшней ситуации в малых городах не решится без активного развития экономики территории.

В современных условиях структура экономики региона является одним из основных факторов, стимулирующих эффективное функционирование и развитие региона [2].

Проблема региональных рынков в условиях сегодняшней ситуации выражается активностью миграции населения, вы-

сокой безработицей в отдельных регионах Российской Федерации, демографической ситуацией в стране.

Кроме того, в последнее время введенные экономические санкции со стороны стран ЕС и США заметно повлияли на экономику страны, а в связи с этим и на рынок труда. Санкции затронули оборонную промышленность, нефтедобывающую отрасль и, что особенно важно для экономики, финансовый сектор Российской Федерации. Каждая корпорация в этих условиях решает вопрос о своем дальнейшем существовании без потерь позиций.

Современный рынок Российской Федерации представляет собой некую диспропорцию, что уже укоренилось в отсутствии мотивации в профессиональной сфере и низкой оплате. Минимальная заработная плата в Российской Федерации очень маленькая, значительно ниже (до нескольких десятков раз), чем в развитых странах дальнего зарубежья (табл. 1).

Из таблицы рейтинга стран ЕС мы видим, что Россия находится на 23-м месте среди стран Европы. Также заметим, что разница размера минимальной заработной платы по сравнению с США более чем 7 раз.

Таблица 1

Рейтинг стран Европы по размеру минимальной заработной платы в 2013 году [3]

Место в рейтинге	Страна	Минимальная заработная плата (в рублях)
1	Люксембург	75605
2	Бельгия	60583
3	Нидерланды	59276
4	Ирландия	58971
5	Франция	57695
6	Великобритания	51000
7	Словения	31613
8	Испания	30370
.....		
23	Россия	5205
Среднее	Среднее значение по странам Европы	24431
	США	40265

Рынок труда, казалось бы, практически полностью восстановился после кризиса, но последние события, связанные с Украиной и присоединением Крыма к Российской Федерации, изменят ситуацию на рынке труда.

Введенные экономические санкции могут оказать негативное влияние на региональные рынки страны. Все это, вероятно, повлечет рост безработицы, особенно в регионах со слабой экономикой, к каким относится Республика Калмыкия.

В среднем за I квартал 2014 года уровень безработицы в РФ составил 5,5% [4]. В среднем за 2014 год, по оценке министра экономического развития РФ А. Улюкаева, прозвучавшей на XII Международном инвестиционном форуме «Сочи-2013», уровень безработицы в России вырастет примерно до 6% в текущем году, хотя официальный прогноз Минэкономразвития — 5,7%.

Экономика Республики Калмыкия развивается медленными темпами, бюджет республики остается дефицитным.

По показателям социально-экономического положения по рейтингу среди регионов Российской Федерации по итогам 2013 года Республика Калмыкия находится в последней десятке. В целом по итогам 2013 года социально-экономическое положение республики ухудшилось, и с 77-го места в рейтинге в 2012 году Калмыкия опустилась до 79-го места из 83 регионов РФ.

Из табл. 2 видно, что доходы бюджета Республики Кал-

мыкия составляют 10,2 млрд рублей, что является самым низким показателем среди субъектов Российской Федерации. По объему инвестиций в основной капитал на одного жителя Республика Калмыкия находится на 60-м месте, по иностранным инвестициям на одного человека — на 68-м месте. Всего на одного жителя республики приходится 19 долларов [3]. Численность постоянного населения Калмыкии в 2013 году уменьшилась на 0,5 тыс. человек. Среднедушевые денежные доходы в месяц увеличились на 2829 рублей, но тем не менее остаются низкими. Дефицит бюджета Калмыкии по итогам 2013 года составляет 1565 млн рублей. По численности занятых в экономике Калмыкия занимает 76-е место в рейтинге среди субъектов РФ.

Таблица 2

Показатели социально-экономического положения РК по итогам 2013 года [3; 5]

Показатели	2012	2013
Индекс промышленного производства, %	99,5	103,1
Динамика инвестиций в основной капитал, млн рублей	13821	14644
Численность постоянного населения, тыс. человек	284,1	283,6
Среднедушевые денежные доходы, рублей в месяц	15045	17874
Доходы бюджета, млрд рублей	11961	10209
Объем инвестиций в основной капитал на одного жителя (тыс. рублей на человека)	48,6	51,80

По объему производства товаров и услуг Республика Калмыкия находится на 79-м месте, в 2013 году произведено всего товаров на сумму 31,55 млрд рублей. В рейтинге по позиции объема производства товаров и услуг Калмыкия находится на 79-м месте. Такие экономически развитые субъекты, как Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области, находятся в двадцатке лучших регионов Российской Федерации.

Республика Калмыкия относится к регионам с высоким уровнем безработицы, это видно из таблицы занятости и безработицы по республике. Уровень безработицы в Республике Калмыкия за 2013 год составил 12,5%, в Южном федеральном округе — 6,5%, в РФ — 5,5%. Таким образом, уровень безработицы в Республике Калмыкия превышает в 2 раза уровень безработицы в ЮФО и в целом в РФ.

Таблица 3

Данные о занятости и безработице в Республике Калмыкия по годам

Год	Экономически активное население, тыс. человек	Занятые, тыс. человек	Безработные, тыс. человек	Уровень безработицы, %
2013	142900	125000	17900	12,50
2012	143300	124300	19000	13,25
2011	144000	123000	20000	13,89
2010	144000	122000	21000	14,58
2009	146000	122000	24000	16,43
2008	148000	124000	24000	16,21
2007	143000	122000	21000	14,68
2006	143000	119000	24000	16,78

Вопросы по снижению уровня безработицы решаются в Республике Калмыкия недостаточно активно. Рабочие места открываются в небольшом количестве из-за слабой экономики. Все это приводит к миграции населения за пределы территории. В массовом порядке уезжают работоспособные граждане, студенты не возвращаются домой из-за высокой безработицы и низкой средней зарплаты по республике.

Кроме того, денежные доходы населения остаются по-прежнему низкими. Так, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 89,6 тыс. человек, что составляет 31,4% от общей величины населения [5, с. 304]. Прожиточный минимум установлен на II квартал 2014 года на душу населения в сумме 7479 рублей (в том числе для трудоспособного населения — 7861 рубль, для пенсионеров — 6023 рубля, для детей — 7440 рублей) [6].

Структура доходов населения Республики Калмыкия по итогам 2013 года состоит из оплаты труда — 38%, социальных выплат — 30%, прочих доходов — 24,6%, и только 5,8% составляют доходы от предпринимательской деятельности. Низкий процент доходов от предпринимательской деятельности свидетельствует о недостаточном развитии малого бизнеса в республике.

Социально-экономическое развитие Республики Калмыкия и рынок труда показывают, что численность постоянного населения уменьшается, основная причина, как было сказано ранее, состоит в миграции населения в поисках работы за пределами республики. В Калмыкии действует программа переселения граждан в другие регионы с последующим трудоустройством. Некоторые жители республики уже стали участниками данной программы.

Прогнозируется повышение уровня безработицы в республике к осени, так как в это время замораживаются крупные стройки и заканчиваются работы на селе.

Таким образом, основные проблемы рынка труда и уровня жизни населения Республики Калмыкия заключены в следующем: неразвитость экономики, дефицит бюджета, ограниченная численность населения республики, вынужденная миграция сельских граждан в Элисту, массовый отток населения в Москву, Санкт-Петербург и другие крупные города в поисках работы.

Реализуемые программы не дают экономического эффек-

та для решения проблем с занятостью населения. Выпускники высших учебных заведений вынуждены также выезжать за пределы республики, так как найти работу без практического опыта на полученной специальности нет возможности.

Для активизации малого бизнеса, который развит в республике недостаточно, необходимо решить две основные проблемы, а именно: недостаточное количество способов получения финансовых средств, то есть низкая доступность финансовых ресурсов для развития, и пресловутые административные барьеры. Нечеткость процедур получения государственных услуг, забюрокративание любых вопросов, даже самых мелких, мешают активному росту малого бизнеса в регионе.

Для стабилизации рынка труда кроме развития экономики республики необходимо повысить качество подготовки и переподготовки кадров, также создать многопрофильное профессиональное обучение, тем самым увеличив количество предпринимателей и активизировав малый бизнес.

Республика Калмыкия считается сельскохозяйственным регионом, поэтому стратегически важно превратить Калмыкию в экспортный сельскохозяйственный регион Российской Федерации. Качество мяса имеет высокий спрос на рынке, важно принять меры по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных товаропроизводителей республики, сделать аграрный сектор республики более привлекательным. Особенно это актуально сейчас, когда действуют экономические санкции. При возрождении сельского хозяйства, увеличении количества рабочих мест у сельского населения республики появится возможность найти работу в родном селе.

С учетом напряженной ситуации на региональном рынке необходимо для Республики Калмыкия рассмотреть возможность государственной помощи из федерального центра как одному из самых экономически слабых регионов России для стимулирования роста экономики.

Также полагаем, что формирование на уровне Южного федерального округа на межрегиональной основе кластеров будущего экономического роста в сельском хозяйстве позволит Республике Калмыкия увеличить свой потенциал.

Принятие мер по стимулированию притока капитала в республику позволит обеспечить устойчивое развитие, сбалансированность и социальную ориентацию Республики Калмыкия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Токсанбаева М. С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006.
2. Тайговская Е. В. Концептуально-методологические основы организации региональных социально-экономических систем с точки зрения транспортного сопровождения в обеспечении устойчивого развития региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 100—104.
3. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2013 года // РИАРЕЙТИНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru> (дата обращения: 26.09.2014).
4. Уровень безработицы в России в 2014 году // Кадровый центр «Президент» [Электронный ресурс]. URL: <http://person-agency.ru> (дата обращения: 26.09.2014).
5. Республика Калмыкия. Статистический сборник. 2013: Стат. сб. / Калмыкиятат. Элиста, 2013.
6. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения Республики Калмыкия за II квартал 2014 года: Постановление Правительства Республики Калмыкия № 297 от 29 июля 2014 года.

REFERENCES

1. Toksanbaeva M. S. Social interests of workers and the use of labor potential. M.: Science, 2006.
2. Taygovskaya E. V. Conceptual and methodological basis for the organization of regional socio-economic systems in terms of vehicle tracking in the sustainable development of the region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 100—104.

3. Rating of the socio-economic status of the Russian Federation entities. Results of 2013 // RIARATING [Electronic resource]. URL: <http://www.riarating.ru> (date of viewing: 26.09.2014).
4. Unemployment in Russia in 2014 // Personnel Center President [Electronic resource]. URL: <http://person-agency.ru> (date of viewing: 26.09.2014)
5. The Republic of Kalmykia. Statistical collection. 2013: Stat. col. / Kalmykiyastat. Elista, 2013.
6. On establishing the value of minimum subsistence level per capita and by the main socio-demographic groups of population of the Republic of Kalmykia in the II quarter of 2014: Resolution of the Government of the Republic of Kalmykia № 297 dated July 29, 2014.

УДК 338.43
ББК 65.32-45

Belyakov Andrey Vladimirovich,
candidate of technical sciences,
associate professor of the department
of economics and marketing in agriculture
of Volgograd State Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: andreyvolga@mail.ru

Беляков Андрей Владимирович,
канд. техн. наук, доцент кафедры
экономики и маркетинга в АПК
Волгоградского государственного
аграрного университета,
г. Волгоград,
e-mail: andreyvolga@mail.ru

Luchina Irina Viktorovna,
candidate of economic sciences,
associate professor of the department
of economics and marketing in agriculture
of Volgograd State Agricultural University,
Volgograd,
e-mail: ekived@yandex.ru

Лучина Ирина Викторовна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
экономики и маркетинга в АПК
Волгоградского государственного
аграрного университета,
г. Волгоград,
e-mail: ekived@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АПК ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ECONOMIC ASPECTS AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF VOLGOGRAD REGION

Отражены параметры и основные экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Волгоградской области в динамике за 2000—2013 годы. Рассмотрена динамика роста валовой продукции. Рассчитаны основные экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций области. Проведен анализ развития сельскохозяйственных отраслей. Представлен анализ экономической эффективности бахчеводства. Дана оценка изменению рентабельности сельскохозяйственной продукции. Выявлены тенденции развития различных сфер АПК, а также освещены приоритетные направления реализации «Стратегии по развитию сельских территорий и эффективному функционированию АПК региона до 2020 года».

The article provides for parameters and main economic indicators of agricultural companies' activity of Volgograd region in dynamics for 2000—2013. The growth dynamic of gross production is studied. The main economic indicators of the regional agricultural companies' activity are examined. Analysis of agricultural industries development is conducted. Analysis of economic effectiveness of the water-melon, melon and gourd growing is presented. Assessment of changes of the agricultural production profitability is provided. Trends of development of different areas of the agro-industrial complex are revealed; priority directions of implementation of the Strategy of development

of rural areas and effective functioning of the agro-industrial complex of the region through 2020 are discussed.

Ключевые слова: динамика валовой продукции, структура объема продукции, величина валовой прибыли, животноводство, растениеводство, программа развития, стратегия по развитию, государственная программа, сельскохозяйственное производство, урожайность.

Keywords: dynamics of gross production, structure of production volume, gross margins, cattle breeding, plant growing, development program, development strategy, state program for agricultural production, productivity.

Волгоградская область является одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации. Удельный вес ее в валовом производстве страны составляет 2,0—2,5%, а по производству зерновых культур область уверенно входит в первую десятку российских регионов. Агропромышленный комплекс Волгоградской области, являясь важным сектором экономики региона, оказывает существенное влияние на его социальное и экономическое развитие. В сельском хозяйстве области производится 12—17% валового регионального продукта; трудится более 16% населения, занятого в экономике. Площадь сельскохозяйственных угодий области на 31.12.2013 года — 3,3 млн га, в том числе пашни 2,7 млн га [1].

Природно-климатические условия и производственный потенциал области сделали ее также крупным производителем подсолнечника, горчицы, овощей, бахчевых. Все это позволяет не только удовлетворять потребности жителей региона в основных продуктах питания и обеспечивать сырьем местную перерабатывающую промышленность, но и поставлять многие виды сельскохозяйственной продукции за его пределы.

Динамика роста валовой продукции сельского хозяйства за последние годы позволяет сделать вывод, что наблюдается тенденция увеличения удельного веса продукции растениеводства при одновременном сокращении продукции животноводства. На долю сельскохозяйственных организаций в структуре объема продукции сельского хозяйства приходится около 40%, поэтому далее рассмотрим параметры и основные экономические показатели их деятельности за последние 13 лет (табл.).

Таблица

Параметры и основные экономические показатели деятельности сельхозорганизаций Волгоградской области за 2000 и 2013 годы

Показатели	2000	2013
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн руб.	4436,3	24794,3
Основные средства, млн руб.	18077,6	36947,7
Среднегодовая численность работников, тыс. чел.	103,7	26,6
Площадь сельхозугодий, тыс. га	5567,0	3374,5
в том числе пашни	3901,1	2720,8
Валовая прибыль, млн руб.	197,0	3783,0
Уровень совокупной рентабельности, %	4,6	18,0

Данные табл. свидетельствуют о том, что, несмотря на сокращение площади сельхозугодий и пашни на 2192,5 и 1180,3 тыс. га соответственно и численности работников в 3,9 раза, в сельскохозяйственных организациях области выручка увеличилась почти в 5,6 раза, что связано как с ростом объемов реализации продукции, так и с увеличением цен на ее отдельные виды. Величина валовой прибыли сельскохозяйственных предприятий Волгоградской области выросла за анализируемый период почти в 20 раз, что дало им возможность приобретать новую сельскохозяйственную технику, стоимость которой увеличилась более чем вдвое. Уровень совокупной рентабельности вырос за этот период почти в 4 раза, что можно характеризовать как положительное обстоятельство в развитии сельского хозяйства области [2].

Наиболее развитой сельскохозяйственной отраслью области является растениеводство, но за десять исследуемых лет наблюдается отрицательная динамика структуры посевных площадей. В 2013 году посевная площадь сельскохозяйственных культур составила 1829,4 тыс. га, что на 16,6% меньше, чем в 2000 году. С сокращением посевных площадей идет и уменьшение площади чистых паров: если в 2000 году 1925,3 тыс. га было занято под парами, то в 2013 году их площадь сократилась более чем вдвое и составила 891,3 тыс. га.

Тем не менее результатом повышения эффективности использования пашни за счет применения энерго-, влагосберегающих и почвозащитных технологий обработки почвы в последние годы стало увеличение валового сбора

зерна и повышение урожайности основных сельскохозяйственных культур. Если в 2000 году валовой сбор зерновых составлял 1,4 млн т при средней урожайности 12,2 ц/га, то в 2013 году хлеборобы области намолотили 17,4 ц/га и собрали 1,9 млн т зерновых. Достиженные результаты позволили выйти растениеводческой отрасли на качественно новый уровень и закрепить достигнутые успехи. Одновременно с ростом валового сбора зерна улучшается его качество.

Высокорентабельно производство подсолнечника — одной из главных масличных культур области. На протяжении многих лет рентабельность производства подсолнечника была высокой. Если в 2000 году она составляла 39,2%, то к 2013 году выросла до 40,4%, а в отдельные исследуемые годы превышала 70%. Валовой сбор подсолнечника возрос более чем в 2,2 раза — с 226 тыс. т в 2000 году до 501 тыс. т в 2013 году [Там же].

Овощеводству отводилась важная роль в обеспечении населения ценной витаминной продукцией. Это была одна из наиболее прибыльных отраслей области, рентабельность которой составляет более 40%. Но постепенно овощеводство стало утрачивать производственные и экономические позиции. Посевные площади под овощными культурами (на сельскохозяйственных предприятиях всех форм собственности) за последние годы сократились и составили в 2013 году 3,1 тыс. га. Но, несмотря на это, валовой сбор овощей в 2000 году был 478,3 тыс. ц, а в 2013 году производство овощной продукции достигло 1228,7 тыс. ц при средней урожайности 433,8 ц/га, которая значительно выше уровня 2000 года. Наличие в области орошаемых площадей позволяет возделывать широкий спектр овощных культур, а внедрение прогрессивных технологий, в том числе капельного орошения, способствует росту их урожайности, несмотря на то что площадь орошаемых земель уменьшилась в 2013 году по сравнению с 2000-м на 164,2 тыс. га, или почти в 6,6 раза.

Преобразования в аграрном секторе привели к повышению экономической эффективности бахчеводства. Расчеты показали, что наблюдается существенное улучшение показателей экономической эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий, выращивающих бахчевые. Постепенно начало укрепляться положение отечественных товаропроизводителей на внутреннем рынке, что не замедлило сказаться на динамике эффективности бахчеводства. Себестоимость в 2000 году была выше цены реализации продукции, что и определило убыточность бахчеводства. Однако с 2001 года цена реализации стала превышать коммерческую себестоимость бахчевых, обеспечив в 2013 году уровень рентабельности 52,2%, а прибыль на 1 т реализованной продукции 1182,6 руб. Это самый высокий показатель за исследуемый период [3].

Большая работа в области проводится по обновлению машинно-тракторного парка. Для приобретения техники используются средства областного и федерального бюджетов, выделяемые по лизингу, кредиты с субсидированием процентной ставки, собственные средства сельхозтоваропроизводителей и средства инвесторов [1].

За исследуемые годы сельхозтоваропроизводителями было приобретено 117 тыс. тракторов (в том числе по лизингу — 5,5 тыс.), 39 тыс. зерноуборочных комбайнов (в том числе по лизингу — 4,5 тыс.), 60 тыс. шт. большегрузных автомобилей (в том числе по лизингу — 784), другая сельскохозяйственная техника. Ежегодно растут и объемы выделяемых средств на приобретение техники. Если

в 2000-м сельскохозяйственной техники было приобретено на сумму 1111,4 млн руб., то в 2013 году — на 7563 млн руб. [4; 5].

В целях стабилизации и дальнейшего развития животноводства особое внимание уделяется деятельности крупных многоотраслевых хозяйств, целевым программам развития скороспелых отраслей (свиноводства и птицеводства), а также племенного животноводства. В настоящее время в области действуют племенные заводы и племрепродукторы по разведению различных видов и пород сельскохозяйственных животных. В племенных хозяйствах надои молока, производство прироста живой массы и другие показатели продуктивности животных обеспечивают высокий уровень рентабельности, достаточный для ведения расширенного воспроизводства. Всероссийскую известность приобрели Казачья холдинговая компания ОАО «Краснодонское», ЗАО «Агрофирма «Восток» и другие предприятия, вошедшие в число 300 лучших агропромышленных предприятий России. Прошедшая реконструкция и внедрение современного оборудования на крупных птицефабриках области позволили довести производство яиц до 346,6 млн шт. в 2013 году [1].

Положительные тенденции, начавшиеся в пищевой и перерабатывающей промышленности, продолжают развиваться. Ежегодный рост объемов производства составляет 3—4%. За последние годы увеличилось производство масла подсолнечного, кондитерских и макаронных изделий, плодоовощных консервов и фруктовых соков, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, цельномолочной продукции, сыров. На протяжении исследуемого периода на предприятиях пищевой и перерабатывающих отраслей проводилась реконструкция с целью внедрения передовых технологий, увеличения выпуска высококачественной продукции. Так, в ОАО «Урюпинский МЭЗ» смонтирована линия по комплексной очистке растительного масла мощностью до 250 т в смену. Разработана проектная документация на реконструкцию и перспективное развитие производства с использованием энерго- и ресурсосберегающих технологий в ОАО «Маслодельно-сыродельный комбинат «Михайловский», что позволит повысить эффективность работы предприятия путем увеличения объемов производства и снижения себестоимости выпускаемой продукции.

Продолжается усовершенствование технической базы в ОАО «Новоаннинский комбинат хлебопродуктов», где осуществлено строительство комбикормового цеха с цехом белковых минерально-витаминных добавок и премиксов. На оборудовании рисового цеха налажено производство пшениной крупы. При строительстве гречневого цеха внедрена новая, единственная в России, технология сушки гречки, что позволяет выпускать гречневую крупу с высокими вкусовыми качествами и отличным товарным видом. Вся продукция, выпускаемая ОАО «Новоаннинский комбинат хлебопродуктов», имеет «Знак качества» [Там же].

Администрацией области взят курс на дальнейшее развитие в АПК рыночных отношений и создание гибких интеграционных связей сельхозтоваропроизводителей с перерабатывающими и обслуживающими предприятиями. Принимаются меры по совершенствованию методов управления сельскохозяйственным производством и его государственной поддержки за счет средств областного и федерального бюджетов и кредитной политики.

Исследования показали, что за последние годы осуществлялось финансирование различных целевых программ, таких как «Развитие мелкотоварного производ-

ства», «Повышение плодородия почв в Волгоградской области», «Разработка, исследование, создание технологии и организация серийного производства систем капельного орошения», «Разработка технологии выращивания риса с периодическими поливами на орошаемых землях Волгоградской области» и др.

В 2007 году была принята областная целевая программа «Развитие АПК Волгоградской области», затем долгосрочная целевая программа «Развитие агропромышленного комплекса области на период 2009—2012 годов», на финансирование которой было направлено 55,3% средств областного бюджета.

В 2013 году продолжалось финансирование долгосрочной областной целевой программы «Социальное развитие села», а также из федерального бюджета было выделено 1321646,9 тыс. руб., в том числе 1149360,8 тыс. руб. (87%) — на сельскохозяйственное производство. Эти средства направлены на поддержку овцеводства, элитного семеноводства, племенного животноводства, экономически значимых региональных программ.

Кроме того, в 2013 году профессорско-преподавательским составом ВолГАУ совместно с сотрудниками регионального фонда «Аграрный университетский комплекс», (АУК), НИИ РАСХН, ВНИИЭСХ, Волгоградоблмелиоводхоза, НИИ технологий молочной промышленности, Всероссийского НИИ биологической промышленности, областного статистического управления, министерств экономики и культуры, базовых и передовых хозяйств Волгоградской области была разработана «Стратегия по развитию сельских территорий и эффективному функционированию АПК Волгоградской области в условиях ВТО». Разработанная стратегия стала первым программным документом, который содержит научно обоснованные и максимально проработанные рекомендации развития села с учетом общемировых тенденций. Проект стал пилотным. Реализация комплекса мероприятий, предусмотренных в стратегии, будет способствовать развитию АПК и потребительского рынка Волгоградской области, позволит модернизировать отрасль, вывести ее на новый конкурентоспособный уровень, получить значительный экономический, социальный и экологический эффект, а также послужит устойчивому развитию сельских территорий.

Предложенная стратегия позволит объединить все отрасли, программы социального развития и направления государственной аграрной политики региона в единую эффективно функционирующую систему.

Реализация стратегии позволит полностью обеспечить потребность населения региона в продукции животноводства собственного производства. При этом нужно развивать перерабатывающую отрасль, чтобы внутри региона из местного сырья создавался продукт с высокой добавленной стоимостью. Поэтому планируется создать 19 комплексов по пищевой и перерабатывающей промышленности в 16 муниципальных районах с общим объемом производства 4 млн 22 тыс. т, из них 332 тыс. т животноводческой продукции и 3 млн 690 тыс. т продукции растениеводства. Каждый район области будет переориентирован на более оптимальное производство и создание территориальных кластеров замкнутого цикла по схеме: производство — переработка — логистика — рынок.

В основу реализации стратегии заложен принцип природно-климатического зонирования, что позволяет устранить уравнилельный подход в распределении государственной поддержки.

Стратегией предусмотрена научно обоснованная оптимальная структура посевных площадей. В перспективе предполагается переход на четырех- и пятипольные биологизированные севообороты с направленной заменой черных паров на сидеральные, увеличение количества высококороткостебельных культур: нута, рыжика, кукурузы — на зерно и др.

Основные проблемы, которые подлежат скорейшему решению, — это развитие животноводства, создание кормовой базы для него, орошение земель, фито- и агролесомелиорация, повышение культуры земледелия и урожайности за счет снижения затрат, развития логистики. Для увеличения поголовья скота предлагается создать 10 селекционно-племенных центров, применять межпородное скрещивание. В связи с распространением африканской чумы свиней альтернативой могут стать овцеводство, птицеводство, кролиководство. К 2020 году на территории региона будут функционировать пять кластеров: «Зерно», «Подсолнечник», «Овощи», «Молоко», «Мясо».

Одной из основных целей стратегии является повышение качества жизни на селе, его экономическое развитие, создание инфраструктуры, рабочих мест, поддержка моло-

дых специалистов и молодых семей. На селе нужны квалифицированные кадры, которые будут работать и претворять эту программу в жизнь, поэтому неотъемлемым пунктом является сетевое и дистанционное технологическое обучение специалистов.

Стратегия полностью соответствует параметрам Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы и Федерального закона «О развитии сельского хозяйства». Она станет основой нормативной правовой базы, регулирующей государственную поддержку сельхозтоваропроизводителей и организации АПК региона.

Стратегией планируется поднять на должную высоту кооперирование между районами и хозяйствами. Привлечение науки поможет осуществить переход волгоградского АПК на более высокую степень развития. Вскоре стратегия будет претворена в жизнь. Все мероприятия по ее реализации будут идти при непосредственном научном сопровождении ВолГАУ и АУК, а также тщательном мониторинге Министерства сельского хозяйства [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Министерство сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: <http://ksh.volganet.ru> (дата обращения: 02.06.2014).
2. Формы отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Волгоградской области // Сводный отчет по сельскохозяйственным предприятиям. Волгоград, 2000—2013.
3. Беляков А. В., Лихолетов Е. А., Лучина И. В. Состояние и тенденции развития бахчеводства Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 41—45.
4. Балашова Н. Н., Чекрыгина Т. А. Учет и внутренний контроль дебиторской задолженности в сельскохозяйственных предприятиях в условиях финансового кризиса // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 189—196.
5. Мелихов В. А., Перепелкина Е. Ф. Организация учетно-контрольной системы управления сегментами деятельности перерабатывающих предприятий АПК на основе системы ABC (Activity-Based Costing) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 197—200.
6. Мичуринец. № 7 (3274) от 27.09.2013.

REFERENCES

1. Ministry of agriculture [Electronic resource]. URL: <http://ksh.volganet.ru> (date of viewing: 02.06.2014).
2. Form of reporting on financial and economic condition of manufacturers of agro-industrial complex of Volgograd region // Consolidated report for agricultural enterprises. Volgograd, 2000—2013.
3. Belyakov A. V., Likholetoev E. A., Luchina I. V. Condition and tendencies of development of horticulture of Volgograd region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 1 (18). P. 41—45.
4. Balashova N. N., Chekrigina T. A. The accounting and internal control of receivables in the agricultural enterprises in the conditions of financial crisis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 189—196.
5. Melikhov V. A., Perepelkina E. F. Organization of accounting and control system management activity segments of the processing enterprises of agrarian and industrial complex on the basis of the ABC system (Activity-Based Costing) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 197—200.
6. Michurinec: Newspaper. № 7 (3274) dated 27.09.2013.

УДК 332.1

ББК 65.04

Drozdova Yuliya Alekseevna,
 candidate of sociological sciences,
 assistant professor the department
 of the corporate governance
 of Volgograd branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration,
 Volgograd,
 e-mail: juliadrozdova@mail.ru

Дроздова Юлия Алексеевна,
 канд. социол. наук,
 доцент кафедры корпоративного управления
 Волгоградского филиала
 Российской академии народного хозяйства
 и государственной службы
 при Президенте РФ,
 г. Волгоград,
 e-mail: juliadrozdova@mail.ru

ИМИДЖ РЕГИОНА: КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ¹

REGION IMAGE: COMMUNICATIVE ASPECTS OF THE DEFINITION, STRUCTURING AND PROMOTION²

В статье на основе анализа теоретических подходов в определении имиджа региона, его структуры, типологии выявлена коммуникативная сущность имиджа региона как целенаправленно формируемого образа территории, важнейшим признаком которого является оценочная и смысловая нагрузка, оказывающая влияние на сознание и поведение целевых групп: как внутренних, то есть населения региона, так и внешних (другие регионы, инвесторы, население страны и мира). На основе проведенного социологического исследования в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (июль — сентябрь 2013 года, N=1000) выявлены основные субъекты формирования и продвижения имиджа региона; факторы, влияющие на имидж региона; свойства имиджа региона как многокомпонентного коммуникативного конструкта, являющегося квинтэссенцией миссии и стратегии развития российских территорий.

The communicative nature of the region image as the deliberately created image of the territory is revealed in the article based on analysis of the theoretical approaches to determination of the region image, its structure, and typology. The most important characteristic of the region image is evaluative and semantic loading that influences consciousness and behavior of internal (inhabitants of the region) and external (other regions, investors, country and world population) target groups. The main subjects of creating and promoting the region image (the authority, mass media, business, and inhabitants of the region), factors influencing the region image; characteristics of the region image as a multi-component communicative construction considered the quintessence of mission and strategy of development of Russian territories are revealed on the basis of conducted sociological research within the grant of the Russian Humanitarian Scientific Foundation 13-13-34009 «Region image as a communicative strategy of the authority and mass media» (July — September 2013, N=1000).

Ключевые слова: имидж региона, коммуникативные стратегии власти, субъекты формирования имиджа, бренд территории, репутация, структура имиджа региона, объективные/субъективные факторы имиджа, инве-

стиционная привлекательность региона, репозиционирование территории, региональная идентичность.

Keywords: region image, communication strategies of power, subjects of image formation, brand of the territory, reputation, structure image of the region, objective/subjective factors of image, investment attractiveness of the region, repositioning of the territory, regional identity.

В условиях межрегиональной конкуренции за инвестиции, информационные, транспортные и туристические потоки, экологические, экономические, социальные и культурные проекты, определяющие развитие страны, возрастает роль позиционирования регионов, их представления во внутренней и внешней средах коммуникативного пространства.

В имидже региона должны быть воплощены все его конкурентные преимущества, ресурсные возможности и траектория их развития. Возможности эффективного управления органами государственной и муниципальной власти определяются набором стратегий, реализующихся в конкурентоспособном имидже региона. Циркуляция информации, раскрывающей и определяющей в рамках социальной структуры позитивные черты реальных объектов региона, региональные символы, заявленные, спланированные субъектами коммуникации идеальные позиции, воспринимаемые всеми участниками социального взаимодействия, определяют успешность социальной функционально-ролевой коммуникации органов власти и населения по формированию и продвижению позитивного имиджа территории.

26—29 сентября 2013 года состоялся XII Международный инвестиционный форум «Сочи-2013», посвященный обсуждению процессов внедрения Регионального инвестиционного стандарта, который в 2012 году был разработан Агентством стратегических инициатив. В соответствии с поручениями Президента Российской Федерации Региональный инвестиционный стандарт с 2013 года внедряется во всех субъектах Российской Федерации. В формате дискуссии обсуждались факторы, слагаемые инвестиционной привлекательности региона и имиджевые характеристики территорий [1].

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ».

² The article has been supported by grant RGNF 13-13-34009 «Region image as a communicative strategy of power and mass-media».

Имиджевое позиционирование регионов систематически обсуждают федеральные и региональные СМИ, исследовательский дискурс данной проблемы сформирован социологами, политологами как в России, так и в зарубежных странах. Этому посвящены и разделы Закона Волгоградской области от 21.11.2008 года № 1778-ОД (ред. от 20.03.2012 года) «О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» (принят Волгоградской областной Думой 30.10.2008 года). Одним из приоритетных направлений в развитии региона является «улучшение имиджа Волгоградской области для привлечения предприятий, инвестиций, деловых людей и туристов, а также повышения престижа региона на отечественных и зарубежных рынках» [2].

Существует множество определений имиджа территории. Это и ценностные убеждения, мнение, сложившееся на основе полученной достоверной информации о регионе, опыт взаимодействия субъектов регионального пространства, качество жизни, безопасность, социальная защищенность, степени благоприятности условий для ведения бизнеса, авторитет властей и т. д.

М. Яковлев, акцентируя внимание на политическом имидже региона, определяет имидж региона как «обобщенное, эмоционально окрашенное системное представление о регионе, сконструированное на основе каких-либо значимых фактов действительности, определяющих региональную специфику» [3, с. 24]. Автор последовательно придерживается системного подхода, определяя политический имидж региона как системное представление о регионе, специально формируемое политическими субъектами.

Имидж региона является результатом, с одной стороны, социализации, а с другой — индивидуальной истории каждого человека, объединяет в себе как осознаваемые, так и бессознательные составляющие. Индивидуальный уровень имиджа территорий исследуют в своих рабо-

тах А. Е. Кирюнин [4], Х. Тэджфел [5] и Дж. Тернер [6].

Ф. Котлер, являющийся одним из первых исследователей национальных брендов и специалистом в маркетинге территорий, так определяет имидж территории: «Это упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанной с данным местом. Он является продуктом ума, пытающегося обработать и выбрать существенную информацию» [7, с. 205].

Рассматривая «имидж региона» с точки зрения маркетинга территорий и социологии региона, важным нам представляется аккумуляция в данном термине идеи уникальности, дифференциации и целенаправленного конструирования и продвижения положительного образа региона.

Целями имиджирования территории как коммуникативной стратегии можно считать следующие:

1. Экономические цели: формирование инвестиционной привлекательности территории, развитие бизнеса и банковской сферы, увеличение бюджета территории, привлечение дополнительного финансирования из федерального бюджета, туристическая привлекательность территории.

2. Политические цели: увеличение присутствия и роли региона в политической жизни страны, международный авторитет региона, доверие к органам власти и управления, наращивание паблицитного капитала территории.

3. Социальные цели: создание благоприятного социального климата, развитие правового и ценностного сознания, повышение качества жизни, миграционная политика, повышающая привлекательность территории для качественных трудовых ресурсов, формирование региональной идентичности.

Проведенное исследование в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (июль — сентябрь 2013 года, N=1000) выявило основные субъекты регионального развития и достижения стратегических целей (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько важной, по Вашему мнению, для регионального развития является поддержка и активная позиция?» (в % по строке)

	Очень важно	Важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
Москвы/Кремля	51,0	35,7	6,2	7,1
федеральных финансово-промышленных групп	39,6	44,2	5,2	11,0
региональной и муниципальной власти	49,0	38,2	4,9	7,9
региональных бизнесменов	28,3	48,3	12,3	11,1
земляков, проживающих в других регионах	8,9	33,9	40,9	16,3
известных людей региона	18,0	43,4	23,6	15,0
средств массовой информации	26,6	49,9	11,0	12,5
общественного мнения	32,8	42,2	14,0	11,0
жителей региона	39,7	42,2	9,7	8,4
политических партий	24,5	48,7	13,5	13,3
общественных организаций	24,1	49,2	14,4	12,3

Опрошенное население отмечает важность для регионального развития прежде всего политических субъектов, обладающих административным ресурсом: Москвы/Кремля (86,7% (суммарный) респондентов), органов региональной и муниципальной власти (82,7% опрошенных). Участники опроса достаточно высоко ценят и поддержку, активную позицию СМИ (76,5%), являющихся акторами коммуникативного процесса, оставляющими за властью право селекции социального текста. Власть и СМИ производят когнитивные, нормативные и оценочные координаты, необходимые для дальнейшего регионального взаимодействия, а имидж региона можно рассматривать как продукт управленческой и коммуникативной деятельности, актуализируемый СМИ конструкт.

Ценной является высокая оценка населением институтов гражданского общества и их роли в реконфигурации социального пространства региона: политических партий (73,2% (суммарный) респондентов), общественных организаций (73,3% участников опроса), общественного мнения (75% опрошенных). Эти данные коррелируют с достаточно высокой оценкой значимости гражданской активности жителей региона. В общей сложности 81,9% респондентов считают, что она является очень важной/важной для будущей траектории регионального развития.

Данные исследования позволяют выделить следующие субъекты формирования и продвижения имиджа региона:

1. Органы государственного и муниципального управления. Формирование позитивного образа территории и эф-

фективность его продвижения, положительная репутация, финансово-экономические, политические и социокультурные составляющие регионального развития зависят прежде всего от понимания и осознания важности реализуемой стратегии устойчивого развития региона данными основными субъектами имиджирования территории.

2. Средства массовой информации, являющиеся в современном информационном обществе важнейшим инструментом, основным каналом формирования имиджа региона. Частота упоминаний о регионе, акцентирование на негативных сторонах его жизни, закрепление в федеральных, региональных СМИ образа «регион — происшествие» не способствуют эффективному продвижению имиджа территории, снижают инвестиционную привлекательность региона, затрудняют формирование региональной идентичности.

3. Бизнес-структуры как реальные и потенциальные инвесторы, от желаний и возможностей которых работать на территории региона, связывать перспективные направления развития своего бизнеса с данным регионом во многом зависят социально-экономическое развитие и экономический потенциал региона.

4. Неправительственные общественные организации, политические партии, общественные движения. Общественное мнение о регионе формируется данными субъектами социального пространства региона, которые являются основными в структуре гражданского общества. Их деятельность как информационный повод обеспечивает присутствие и продвижение региона в СМИ, свидетельствует о гражданской активности населения.

5. Население является одним из основных субъектов формирования и продвижения, а также потребителем имиджа региона из-за множества своих социальных ролей: частных инвесторов, участников региональных событий, потребителей товаров и услуг региональных предприятий, лидеров мнений во внутренней и внешней средах управления.

Формирование и продвижение имиджа региона происходит прежде всего в рамках функционально-ролевой коммуникации, которая обладает следующими особенностями: коммуникаторами-заказчиками является федеральная, региональная и муниципальная исполнительная власть коммуникаторами-исполнителями — СМИ. В зависимости от аудитории, на которую направлено воздействие, в продвижении имиджа задействованы как традиционные каналы коммуникации, так и новейшие; обратная связь в данной системе коммуникации оформляется в виде субъективных образов, представляющих регион, как во внутренней, так и во внешней среде.

Имидж территории как целенаправленно формирующийся образ, имеющий коммуникативно-информационную природу, рассматривает Э. А. Галумов [8], который выделяет факторы, влияющие на формирование имиджа региона.

Э. А. Галумов предполагает, что объективно-субъективные характеристики присущи различным уровням имиджа региона. Согласно его типологии, имидж бывает первичным и вторичным. Первичный имидж представляет комплексную информацию о регионе — социально-экономическую, политическую, о деятельности власти и др., которая фиксируется в сознании общественности в результате первичного знакомства с регионом. Вторичный имидж региона определяется позицией региона относительно других регионов России, в конкурентной борьбе с другими регионами, его репутацией в стране и за рубежом, он также структурирован объективными и субъективными факторами, но определяемыми в сравнении с другими регионами [Там же].

Факторы, составляющие группу объективных, или абсолютных, оказывают влияние на формирование как первичного, так и вторичного имиджа территории, и их можно разделить на условно-статические в силу, с одной стороны, символической природы имиджа, а с другой стороны, объективной физической характеристики пространства. К ним мы относим природно-климатические условия, природные ресурсы, экономико-географическое положение, историческое прошлое региона [Там же. С. 43].

К условно-динамичным факторам, влияющим на первичный имидж региона, можно отнести геополитическое положение региона, развитие экономики, уровень транспортной инфраструктуры, внешнеполитические и внешнеэкономические связи, социально-демографические характеристики территории, определяющие интеллектуальный потенциал региона, количественные и качественные характеристики рынка труда, инвестиционный климат. Группу факторов, определяемых как ожидаемые в будущем, составляют реализуемые в регионе проекты, стратегические планы, направления подготовки кадров, реализуемые в профессиональных учебных заведениях региона, строящиеся объекты социокультурного, промышленного, торгового назначения.

Субъективные факторы, или относительные, представлены политической региональной властью, лидерами государственного и муниципального управления, научными достижениями, характеристиками социальной среды управления (социальные отношения, типы взаимодействий), федеральными и региональными СМИ, PR-технологиями, информационно-коммуникативными стратегиями продвижения региона во внешней и внутренней среде.

Аналогичные факторы формирования имиджа городов выделяют и отечественные исследователи В. В. Лапочкина [9, с. 29—33] и в И. С. Важенина [10; 11]. В своих работах И. С. Важенина приходит к выводу, что имидж территории зависит прежде всего от территориальной индивидуальности, формируемой на основе комплекса визуальных, вербальных и других признаков, по которым люди идентифицируют территорию (место на карте, страновая принадлежность, название, герб, флаг, гимн и т. д.). Кроме того, территориальная индивидуальность также включает в себя особенности и ресурсы территории (природные, демографические, исторические, социальные, культурные, экономические, организационно-правовые особенности).

Е. А. Джанджугазова рассматривает не факторы, а элементы территориальной индивидуальности, оказывающие влияние на имидж территории: географический, культурный, экономический, этнический и исторический, организационно-правовой, информационный. В данном контексте географический элемент олицетворяет представления о локальном пространстве, природные, географические, климатические особенности. Культурный элемент включает в себя представления о материальных и духовных ценностях территории, культурное наследие, культурные ресурсы. Исторический компонент — представления об исторических событиях, связанных с территорией. Экономический элемент — особенности экономики; производственная инфраструктура; трудовые ресурсы, наличие; инвестиционный потенциал, финансовые ресурсы; деловая активность населения. Этническая составляющая — мнение о населении как об определенной общности, отличающейся от остальных [12]. Организационно-правовые и информационные особенности характеризуют законодательство; эффективность правительства;

репутация политического руководства, информационные и консалтинговые ресурсы, СМИ, аудит; рекламный рынок и PR-услуги.

Характеризуя различные факторы, влияющие на имидж Волгоградского региона, респонденты следующим образом оценили данные составляющие имиджа (табл. 2).

Таблица 2

Преимущества Волгоградской области по сравнению с другими российскими регионами (в % по строке)

	Значительное преимущество	Незначительное преимущество	Нет преимуществ	Затрудняюсь ответить
Выгодное географическое положение	39,4	35,9	14,0	10,7
Многонациональность региона	18,3	32,1	39,8	9,8
Развитая промышленность	16,2	36,8	39,1	7,9
Наличие престижных высших образовательных учреждений	27,2	47,1	19,0	6,7
Наличие рекреационных зон (отдыха)	21,6	40,4	29,1	8,9
Более благоприятные условия для развития предпринимательства	9,2	31,9	42,7	16,2
Деятельность региональной власти	4,8	21,6	56,5	17,1
Деятельность муниципальных властей	10,7	21,9	52,0	15,4
Историческая значимость города — областного центра	63,3	25,0	5,5	6,2
Благоприятные условия для сельского хозяйства	36,3	39,1	14,2	10,4

Как видим, население региона отмечает выгодное географическое положение Волгоградской области, связанное с расположением региона на пересечении торговых, транспортных, водных путей страны, близостью к центральным регионам, инвестиционно привлекательным. К преимуществам региона относится наличие высших престижных учебных заведений, по мнению многих внешних информантов, в стране широко известны Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоградский государственный университет, Волгоградский государственный аграрный университет. Отметим респонденты и как преимущество «наличие рекреационных зон», но, по мнению экспертов, хотя в Волгоградском регионе и есть объективный фактор «хорошие климатические условия», однако этот природно-климатический ресурс надо развивать, а он является проблемным: «рекреационные зоны есть, <...> но они не оборудованы», «В Волгограде неприятно быть даже на Центральном пляже»; «...есть очень красивые места, но ими никто не занимается, а для хорошего отдыха необходима обустроенность, здесь все как-то дико»; «У региона нет «фишки». Нет туристического комплекса, который включал бы в себя и мемориальную часть»³.

С этим ресурсом привлекательности региона связаны «благоприятные условия для развития сельского хозяйства». Многие эксперты, говоря о том, что Волгоградская область — зона экстремального земледелия, отмечали большие возможности региона для развития животноводства, садоводства, овощеводства и неиспользование этого ресурса в экономике региона.

Исследование выявило депрессивные тенденции развития Волгоградского региона и слабую заинтересованность инвесторов в долгосрочных региональных инвестиционных проектах, что затрудняет формирование позитивного имиджа региона и его продвижение.

На сегодняшний день необходимо исследовать факторы политического влияния, механизмы информационной

поддержки в формировании положительного имиджа инвестиционной привлекательности Волгоградской области. Особенно негативную оценку заслужили субъективные факторы имиджа региона — деятельность региональной и муниципальной власти. Как показало проведенное исследование, 56,5% респондентов считают, что деятельность региональных властей не является преимуществом Волгоградской области, 52% респондентов также негативно охарактеризовали деятельность муниципальных властей.

От понимания и осознания важности реализуемой стратегии устойчивого развития региона представителями государственной и муниципальной власти в значительной степени зависят эффективность создания позитивного образа региона, положительная репутация, финансово-экономические, политические и социокультурные составляющие регионального развития. Благоприятная репутация среди соседних регионов обеспечивает эффективное экономическое и культурное взаимодействие с ними. Информация о неэффективности управления в Волгоградском регионе затрудняет формирование положительного имиджа области на уровне федеральной власти, что позволяет констатировать проблемное участие региона в инвестировании федеральным бюджетом региональных программ, и изменение данной ситуации население региона связывает с новыми выборами губернатора и законодательной региональной власти.

Современные составляющие регионального развития должна представлять продукт взаимодействия нескольких временных трендов «прошлое — настоящее — будущее», формирующих социальный рельеф регионов и государства. Развитие образа территории — исторического, экономического, социального характера — можно рассматривать как один из факторов успешного социального взаимодействия, социальной коммуникации. Историческая значимость Волгоградского региона, высоко отмеченная всеми респондентами нашего исследования, способна объ-

³ Экспертные интервью, проведенные в рамках реализации полевого этапа гранта 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N=50; апрель — сентябрь 2013 года).

единить различные показатели, характеризующие регион.

Степень воздействия названных факторов, влияющих на имидж территории, различна, если учесть возможность контроля определенных факторов. С.Э. Майкова в своей статье выделяет контролируемые и неконтролируемые факторы формирования имиджа [13, с. 60]. К контролируемым факторам она относит деятельность органов власти, к неконтролируемым — факторы внешней среды, которые не могут полностью контролироваться администрацией, информация в частных СМИ, содержание выступлений независимых политиков и людей публичности, формы гражданской самоорганизации.

От эффективного учета и использования всей совокупности факторов и компонентов будет зависеть успешность продвижения имиджа региона.

Рассматривая свойства имиджа региона, можно выделить рефлексивность, возможную в условиях последовательной непрерывности этих практик. Под рефлексивностью мы понимаем не просто «самосознание», а непрерывный поток поведенческих проявлений [14]. Рефлексивность как свойство имиджа территории можно рассматривать как процесс, основанный на мониторинге социальной деятельности, осуществляемой в регионе.

Еще одно свойство имиджа региона — знание региональной ситуации, которое, будучи дискурсивным или практическим, во многом определяет социальную позицию населения региона. Социальную позицию населения региона можно трактовать как социальную идентичность, так как она подразумевает, на наш взгляд, определенный круг прав и обязанностей, которые актор, соответствующий этой идентичности, может активировать или выполнить в процессе регионализации, под которой мы условились понимать «воспроизводство общепринятых социальных практик в пространстве-времени» [Там же. С. 40].

Коммуникативная природа имиджа региона определяет свойство изменчивости имиджа региона во времени и пространстве. Образ региона, складывающийся как стихийно, так и целенаправленно, под воздействием различных факторов, указанных выше, не является статичным, что, с одной стороны, дает возможность для улучшения траектории негативного сложившегося имиджа, с другой стороны, требует больших усилий от субъектов формирования имиджа по сохранению и поддержанию позитивного имиджа.

Противоположно направленное свойство относительной устойчивости обусловлено диалектической природой регионального имиджа. Сложившиеся стереотипы, ценности, типология имиджа, успешность в его формировании и продвижении обуславливают данное свойство.

Зависимость имиджа региона от конкретного исторического контекста, социальной ситуации обусловили свойство историчности. Каждому историческому периоду свойственны определенное восприятие, проявление менталитета, определяющие успешность имиджирования территории как коммуникативной стратегии.

Сложная структура имиджа региона, его многокомпонентность и многофакторность, их взаимозависимость и взаимосвязь определяют системное свойство данного коммуникативного конструкта — комплексность. Изменение какого-либо фактора, свойства влечет за собой переосмысление и реконфигурацию имиджевых характеристик, что в итоге вследствие эмерджентности и перечисленных выше свойств оказывает влияние на имидж в целом.

Важным свойством имиджа региона как коммуникативной стратегии является стратегическая ориентирован-

ность имиджа территории. С. Холл в рамках деятельностно-активистского подхода сформулировал возможность социального проектирования регионального пространства: «Не «кто мы такие» и «откуда пришли», но в большей степени кем мы могли стать, как мы представлены и какое это имеет отношение к тому, как мы могли бы представить самих себя» [15].

Таким образом, имидж региона предполагает активность самосозидания и позволяет условно разделить имиджевые характеристики региона как на сложившиеся и выявленные нашим исследованием (констатация), так и на ожидаемые в будущем (проекция) или перспективные направления.

Учитывая совокупность объективно-субъективных характеристик, можно рассмотреть две процессуальные структурные типологии имиджа региона: имидж-констатация как символически выраженное представление о своеобразии и специфике территории, ее репутации, сформировавшееся в общественном мнении и включающее как рациональные, так и эмоциональные представления об определенной территории; и имидж-проекция как образ, который следует сконструировать для эффективного продвижения региона и увеличения его положительной известности среди стратегических целевых групп: инвесторов, туристов, специалистов в различных областях.

Имидж региона представляет особым образом сконструированный образ действительности, в основе которого находится региональная идентичность как структурообразующий фундамент имиджа территории. Через конструирование социальной реальности индивид осознает принадлежность к определенному региону и руководствуется ею в своем поведении как типичной необходимой практикой.

Имидж территории предполагает брендинг территории как процесс формирования и управления брендом, включая в себя его создание, усиление, продвижение, обновление, возможное репозиционирование, ребрендинг. Брендинг территории имеет прикладной характер и является практическим способом территориальной идентификации, «выделения среди других стран/регионов, привлечения к ней внимания потенциальных потребителей и в конечном итоге — важнейшим способом реализации конкурентных преимуществ территории» [16, с. 129—130]. Для имиджа территории бренд является необходимым и универсальным инструментом, показателем востребованности и конкурентоспособности территории, совокупностью непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики региона и сообщества, получившие известность и признание. Бренд территории является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений, важнейшим фактором конкурентных преимуществ территории, активом территориальной экономики. Таким для Волгоградской области является Сталинградская битва.

Бренд территории, выраженный конкретным символом (Родина-мать), способен стать полноправным участником коммуникативного пространства, а следовательно, участвовать в создании новой гиперреальности, что обеспечивает воспроизводство имиджа.

Формирование имиджа и продвижение бренда основывается на репутации территории, которую определяет исчисляемый потенциал: ресурсы, средства, запасы, источники, реально предлагаемые для использования и определяющие возможности региона для целевых аудиторий. Репутация задает первичную траекторию формирования имиджа, так как «воплощает в себе подтвержденные практикой

гарантии необходимого уровня удовлетворения специфических нужд целевых аудиторий потребителей территории, которые реализуются посредством определенной экономической и социальной политики, через соответствующие институты (в том числе законодательные)» [17, с. 131]. Репутация территории — категория количественно-качественная, представляющая проверенную практикой совокупность рациональных мнений о территории и ценностных убеждений людей на основе достоверной информации о регионе, личных практик взаимодействия с ней или от лидеров мнений. Качество жизни, безопасность, благоприятные условия для развития экономики, науки, культуры, деятельность органов федеральной, муниципальной власти, гражданская активность и т. д. являются важнейшими характеристиками репутации и определяют траекторию формирования и продвижения имиджа региона.

Учитывая, что регионы представляют собой определенный каркас страны, можно заключить, что они и должны выступать как территориальные точки роста, что нашло отражение в основных положениях стратегий социально-экономического развития регионов, разрабатываемых на среднесрочную и долгосрочную перспективу [2].

Можно выделить показатели имиджа и репутации территории:

- качество жизни населения (экология, благополучие граждан, низкий уровень коррупции, жилищная, социальная политика, гарантия личной безопасности, качество предоставляемых услуг, удобная современная инфраструктура и т. д.);

- конкурентоспособность расположенных на территории региона предприятий промышленности;

- экономическая устойчивость и экономическая безопасность региона [17, с. 192];

- способность привлечения в регион инвесторов и создание новых предприятий;

- интеллектуальный потенциал территории;

- информационное присутствие региона в СМИ (дискурсы СМИ);

- региональная идентификация и возможности солидаризации по территориальному признаку;

- качество регионального управления;

- уровень туристической известности и доверия к территории на всероссийском и международном уровне.

Таким образом, репутация региона — это его действительная позиция, а имидж — идеальная позиция, спланированный и заявленный субъектами управления образ территории. Для развития региона, привлечения инвесторов и увеличения числа туристов и регулируемой миграции необходимо, чтобы эти стратегически важные показатели были выше средних по стране, тогда они смогут создать репутацию территории, сформировав инструмент маркетинга территории. Для внешних и внутренних потребителей эта общая позитивная картина впоследствии может стать устойчивым образом, брендом территории.

Имидж территории сегодня оказывает серьезное влияние на повышение конкурентоспособности города/региона/страны, становясь ресурсом стабильного социально-экономического развития, вследствие чего актуализируются следующие сущностные характеристики — целенаправленность и иницированность, управленческая направленность, акцентированность, адресность, значимость, целостность, комплексность, многоуровневость. С учетом факторов, влияющих на имидж региона, показателей эффективности его формирования и продвижения американскими

специалистами в маркетинге территорий была разработана следующая классификация регионального имиджа:

1. Положительный имидж (positive image) у регионов-доноров с высоким уровнем развития промышленности, известных, зарекомендовавших себя, с репутационным капиталом и раскрученными брендами.

1. 2. Слабый имидж (weak image) присущ небольшим по размерам регионам, недостаточно известным и разрекламированным, некоторые регионы специально придерживаются такой стратегии для сохранения собственной локальности, экологии (Орегонское побережье США), так называемые переходные или депрессивные регионы.

3. Отрицательный имидж (negative image), который формируется у регионов отсталых, бедных, ограниченных в ресурсах, скомпрометировавших себя исторически, политически (Колыма, Колумбия), у дотационных регионов (Калмыкия, Дагестан).

4. Смешанный имидж (mixed image) у регионов, имеющих отрицательные и положительные моменты в территориальном позиционировании: бедность и красота, славная история и отсталая экономика на современном этапе (Санкт-Петербург в XIX веке, Волгоградская область на современном этапе). Эти регионы нуждаются в разработке эффективных коммуникативных стратегий, что определило цель нашего исследования.

5. Противоречивый имидж (contradictory image) свойственен регионам с противоречивыми, разнонаправленными факторами: загрязненность региона и мировая культура Лос-Анджелеса, Ивановская область — текстильная столица России и демографически диспропорциональный регион («регион невест»).

6. Чрезмерно привлекательный имидж (overly attractive image) имеют регионы-доноры с высоким уровнем развития, наиболее привлекательные для мигрантов из всех регионов (Москва, Калифорния, Амстердам) [18, р. 33].

Имидж территории как социокультурное явление является информационным продуктом и представляет относительно устойчивую совокупность рациональных и эмоциональных представлений, убеждений, ассоциаций, целенаправленно создаваемых заинтересованными субъектами (органы государственной и муниципальной власти, бизнес, СМИ, население) по поводу особенностей региона, но в силу управленческой природы данной системы коммуникации возможно изменение типа имиджа региона в процессе его формирования, продвижения или репозиционирования территории.

Имидж территории является наиболее действенным социальным инструментом эффективного развития города/региона/страны. Он является средством привлечения инвестиций, выравнивания межрегиональных различий и обусловленного ими и деятельностью органов государственной и муниципальной власти межрегионального неравенства. Позитивный имидж региона способствует сглаживанию этнических противоречий в полиэтничных регионах, актуализируя региональную идентичность для принимающих и прибывающих сообществ. Как динамичный, целенаправленно конструируемый и конструирующийся акторами регионального пространства и самостоятельно в сознании людей динамичный образ территории, он побуждает к активному взаимодействию членов территориального сообщества, определяет его смыслы, направления и перспективы.

Имидж территории должен обеспечивать идентификацию субъекта Федерации внутри страны и за ее пределами, что предполагает узнаваемость в выгодном для субъекта

свете и доверие целевых групп. Это определяет идеологическую консолидирующую функцию имиджа региона для выполнения общих задач регионального развития. Следо-

вательно, имидж региона по своей коммуникативной сути является квинтэссенцией миссии и стратегии развития российских территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Итоги XII Международного инвестиционного форума «Сочи-2013» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.city-fm.ru/news/show/100444568.html> (дата обращения: 13.09.2014).
2. О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года: Закон Волгоградской области от 21.11.2008 года № 1778-ОД (ред. от 20.03.2012 года).
3. Яковлев М. Политический имидж региона в условиях современной России: монография. М.: МАКС пресс, 2011. 108 с.
4. Кирюнин А. Е. Имидж региона как интериоризация культуры. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 143 с.
5. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982. 288 p.
6. Turner J. C., Hogg, M. A., Oakes, P. J., Reicher, S. D. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford, 1987. P. 42—67.
7. Котлер Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Издательство Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 384 с.
8. Галумов Э. А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005. 551 с.
9. Лапочкина В. В. Маркетинговый подход к формированию имиджевой стратегии туристских территорий // Сб. мат. III региональной науч.-практ. конф. по проблемам развития внутреннего туризма в Центральной России. Ярославль, 2008. С. 27—35.
10. Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории // ЭКО. 2008. № 8. С. 3—16.
11. Важенина И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 82—98.
12. Джанджугазова Е. А. Маркетинг туристских территорий. М.: Академия, 2006. 224 с.
13. Майкова С. Имидж города в системе территориального маркетинга // Маркетинг. 2011. № 4 (119). С. 56—65.
14. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
15. Hall St. Introduction: «Who Needs Identity?» // Questions of Cultural Identity; Ed. by Stuart Hall and Gay. London, 2000.
16. Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории: монография. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. 408 с.
17. Кулагина И. И., Семикин Д. В. Подходы к устойчивому экономическому развитию региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 191—195.
18. Kotler Ph. Marketing Places. Attracting Investments, Industry and Tourism to Cities, States and Nations. The Free Press. 2001. № 4.

REFERENCES

1. Results of the XII International Investment Forum «Sochi-2013» [Electronic resource]. URL: <http://www.city-fm.ru/news/show/100444568.html> (date of viewing: 09.13.2014).
2. On the Strategy of Socio-Economic Development of the Volgograd region until 2025: Law of Volgograd region dated 21.11.2008 № 1778-ML (edition as of 20.03.2012).
3. Yakovlev M. Political image of the region in modern Russia: monograph. M.: MAX Press, 2011. 108 p.
4. Kiryunin A. E. Image of the region as the culture interiorization. M.: BH University, 2000. 143 p.
5. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982. 288 p.
6. Turner J. C., Hogg M. A., Oakes P. J., Reicher, S. D. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford, 1987. P. 42—67.
7. Kotler Ph. Marketing of the areas. Attracting investments, businesses, residents and tourists in the cities, communes, regions and countries of Europe / SPB., Publishing house of Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2005. 384 p.
8. Galumov E. A. Image against the image. M.: Izvestia, 2005. 551 p.
9. Lapochkina V. V. Marketing approach to the formation of the image strategy in the tourist areas // Collection of materials of the III regional scientific-practical conference on the issues of development of the domestic tourism in Central Russia. Yaroslavl, 2008. P. 27—35.
10. Vazhenina I. S. Image, reputation and brand of the territory // ECO. 2008. № 8. P. 3—16.
11. Vazhenina I. S. Image and reputation of the territory as a basis for promotion in a competitive environment // Marketing in Russia and abroad. 2006. № 6. P. 82—98.
12. Dzhandzhugazova E. A. Marketing of tourist areas. M.: Academy, 2006. 224 p.
13. Maikova S. The image of the city in the system of territorial marketing // Marketing. 2011. № 4 (119). P. 56—65.
14. Giddens E. The dispensation of society: outline of the theory of structuring. M.: Academic Project, 2003. 528 p.
15. Hall St. Introduction: «Who Needs Identity?» // Questions of Cultural Identity; Ed. by Stuart Hall and Gay. London, 2000.
16. Vazhenina I. S. Image, reputation and brand of the territory: monograph. Ekaterinburg: IE UB RAS, 2013. 408 p.
17. Kulagina I. I., Semikin D. V. Approaches to sustainable economic development of the region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 191—195.
18. Kotler Ph. Marketing Places. Attracting Investments, Industry and Tourism to Cities, States and Nations. The Free Press. 2001. № 4.

ББК 60.542.15
УДК 316.346.32-053.6

Poltavskaya Maria Borisovna,
candidate of sociology, associate professor
of the department of economics and management
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: poltavskayamb@yandex.ru

Полтавская Мария Борисовна,
канд. социол. наук,
доцент кафедры экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: poltavskayamb@yandex.ru

Vasiljeva Ekaterina Nikolaevna,
candidate of sociology, associate professor,
associate professor of the department of social work
and pedagogic of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: vasilevaen@yandex.ru

Васильева Екатерина Николаевна,
канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: vasilevaen@yandex.ru

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

FORMS OF SOCIO-ECONOMIC AND INNOVATIVE ACTIVITY OF YOUTH: THE EXPERIENCE OF REGIONAL SOCIOLOGICAL RESEARCH²

В статье исследуются формы проявления социально-экономической и инновационной активности российской молодежи на примере социологического исследования, проведенного в Волгоградской области при поддержке гранта РГНФ и Правительства Волгоградской области (проект № 14-13-34016 а/р). Исследование включало экспертное интервью и массовый анкетный опрос. Социально-экономическая и политическая ситуация, традиционные формы управления влияют на социокультурные установки и гражданскую активность российской молодежи. Субъектами, определяющими информационно-коммуникативное пространство российского общества, являются общественные объединения, образовательные учреждения и государство.

civil society, youth, education, management, resources, efficiency, inefficiency.

This article examines forms of manifestation of socio-economic and innovation activity of the Russian youth on the example of sociological study of Volgograd region supported by the grant of the Russian Foundation for Humanities and the Government of Volgograd region (project № 14-13-34016 a/r). The study included the expert interview and the mass questioning. Socio-economic and political situation, traditional forms of management affect the socio-cultural standards and civil activity of the Russian youth. Public associations, educational institutions and the state are the subjects that define the information and communication space of the contemporary Russian society.

Введение. Гражданское общество мы рассматриваем не только как институт, который гарантирует политические свободы, но и как сообщество, где реализуются экономические интересы. Главный вопрос нашего исследования: может ли в современной России сформироваться гражданское общество? Вопрос ставится, потому что социализация современной российской молодежи идет в семьях, члены которых родились в советской России. В такой ситуации важную роль начинают играть институты вторичной социализации — общественные объединения и образовательные учреждения.

Ключевые слова: гражданская активность, социальная активность, инновационная активность, гражданское общество, молодежь, образование, менеджмент, ресурсы, эффективность, неэффективность.

Анализ институционализации деятельности данных субъектов опирается на следующие концепции. Во-первых, построение институтов идет в контексте социального взаимодействия, которое Н. Флигстин рассматривает в рамках политико-культурного подхода как «игры» [1].

Он отмечает, что процесс институционализации может оказаться неудачным: разрозненные интересы и несовпадающие идентичности могут воспрепятствовать появлению стабильных институтов. Правила, действующие на этой арене, определяют границы допустимого, предоставляя акторам инструменты для взаимодействия. Они также побуждают их осмысливать свои интересы, интерпретировать поступки других и определять стратегию дальнейшего поведения.

Keywords: civil activity, social activity, innovative activity,

Политико-культурный подход, таким образом, показывает, как связаны процессы институционализации и культуры. Это дает основание предположить, что становление формальных институтов (конституция и другие законы) про-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Волгоградской области в рамках реализации гранта «Социально-экономическая и инновационная активность молодежи: критический дискурс-анализ и социологическое исследование факторов формирования» (проект № 14-13-34016 а/р).

² This article was prepared with the support of Russian Foundation for Humanities and the Government of the Volgograd region within the implementation of grant № 14-13-34016 a/r Socio-economic and innovative activity of young people: a critical discourse analysis and sociological study of the factors shaping.

исходит наряду с формированием группы неформальных институтов: традиций, привычек, стереотипов поведения и других устойчивых форм взаимодействия между людьми, которые определяются культурой данного общества.

М. Аболафия отмечает, что в ходе повторяющегося взаимодействия участники формируют ожидания относительно уместного поведения и сценарии своих ролевых действий [2]. Исследователь обнаружил, что помимо правил, образующих взаимодействие, его участники сконструировали многогранные социальные идентичности, которые начали определять поведение тех, кто занимает соответствующие ролевые позиции. Здесь позиция М. Аболафии пересекается с проблемами, исследуемыми Г. Саймоном, который, раскрывая вопросы равновесия системы, говорит, что создание равновесия достигается в процессе «идентификации индивида с организацией». Для успешного функционирования организации деятельность всех ее членов должна мотивироваться стремлением внести вклад в организацию вследствие оптимальной идентификации личных и общих целей. Функция «идентификации» как раз и заключается в создании соответствующих условий, стимулов, которые бы побуждали всех членов организации идентифицировать личные интересы и интересы организации и, следовательно, принимать нужные для последней решения. Это актуальная тема исследования на современном этапе развития государства: они являются теми организациями, с чьими интересами должны идентифицировать свои интересы как отдельные индивиды, так и большие социальные группы и слои населения.

Каждая страна конструировала свои государственные институты так, чтобы они стали неотъемлемой частью государственной политики, каждая нация выработала индустриальную идеологию, соответствовавшую ее политической культуре, поскольку политика, которую она избирала для защиты политических прав, связывалась в сознании граждан с экономическим ростом. Именно поэтому основной целью нашего исследования стало выявление формы проявления социально-экономической и инновационной активности, социокультурных факторов и субъектов формирования активности молодежи путем измерения новых практик работы с молодежью, осуществляемых институтами образования и общественными объединениями; структурирование субъектов формирования активности молодежи; компаративный анализ жизненных стратегий разных групп молодежи.

Социальную активность молодежи можно определить как «меру социальной преобразующей деятельности молодежи, основанную на осознании внутренней необходимости действий, цели которых определяются общественными потребностями» [3, с. 67]. Как отмечают исследователи, факт деятельности, в том числе социально-экономической и политической, не тождествен факту активности: «отдельная система, будучи деятельной в каком-либо отношении, может не проявлять в этом же отношении активности, то есть оставаться пассивной независимо от количественных характеристик деятельности (интенсивности, напряженности, результативности). Следовательно, пассивность означает и отсутствие деятельности, и ее особый характер, состоящий в навязанности и отчужденности. В этом смысле выделяется активность как внутренняя необходимость и как чисто внешняя, навязанная неизбежность» [4, с. 26].

Таким образом, можно выделить два вида активности: активность как внутренняя необходимость, то есть автономная активность молодежи, и внешняя активность, принудительная. Внешняя активность проявляется при реализации соответствующих молодежных государственных программ.

Однако, как нами будет показано ниже, деятельность детских и молодежных организаций ориентирована на создание условий для самореализации молодежи.

Характеристика социально-демографической ситуации в Волгоградской области. Прежде чем переходить к анализу полученных данных проведенного исследования, обратимся к статистической информации. Социально-демографическая ситуация в Волгоградской области оказывает влияние на социально-экономическую и политическую жизнь региона. Приведем ключевые показатели по Волгоградской области.

По состоянию на 2013 год численность населения Волгоградской области составила более 2,5 млн чел. — 2576064 чел., из них городского населения — 1966766 чел., сельского населения — 609298 чел. Количество экономически активного населения в Волгоградской области в 2012 году составило 1332,3 тыс. чел., из них 694,2 тыс. чел. приходится на мужчин, 638,0 тыс. чел. составляют женщины [5].

Однако население старше трудоспособного возраста (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше) в Волгоградской области составляет 23,4%, что является признаком демографически «старого» типа населения [6, с. 164].

Значимыми показателями экономического и социального развития городов является соотношение между возрастными группами по трудоспособности, доля населения младше 35 лет и средний возраст жителей городов. Средний возраст городского населения Волгоградской области составляет 40 лет [7]. Что касается полового состава, то в 2013 году 46,3% жителей Волгоградской области приходилось на мужчин, 53,7% составляли женщины.

Численность населения Волгограда в 2013 году составила 1018790 чел., из них детей до 14 лет — 140870 чел. Таким образом, доля детей (до 14 лет) в населении Волгограда составляет 13,8%. Что касается жителей Волгограда в возрасте 14—34 лет, то это 536762 чел. [8].

Таблица 1

Уровень экономической активности, уровень занятости и уровень безработицы населения Волгоградской области в 2012 году, в % [9]

Критерий	В возрасте 15—72 лет	В трудоспособном возрасте
Уровень экономической активности (экономически активное население к численности населения соответствующей возрастной группы)	66,8	78,7
Уровень занятости (занятое население к численности населения соответствующей возрастной группы)	62,8	73,6
Уровень безработицы (безработные к численности экономически активного населения соответствующей возрастной группы)	6,0	6,0

В 2012 году, по официальным данным, в Волгоградскую область иммигрировали 37065 чел., эмигрировали 44095 чел., что свидетельствует о ее небольшой привлекательности [10].

Что касается инновационного потенциала региона, то разработан проект «Инвестиционная стратегия Волгоградской области на период до 2020 года». К основным проблемным вопросам социально-экономического развития региона, согласно проекту, относятся [11]:

— социальные — относительно низкий уровень жизни населения (уровень доходов населения отстает от среднероссийских показателей, низкая обеспеченность и качество базовой инфраструктуры);

— бюджетные — недостаточная бюджетная обеспеченность (показатели бюджетной обеспеченности региона имеют значения ниже среднероссийских, бюджет является дотационным, собственники крупнейших предприятий находятся за пределами региона и не заинтересованы в его развитии);

— жилищно-коммунального и дорожного хозяйства — высокий износ основных фондов, отсутствие хороших дорог;

— несоответствие структуры экономики и промышленности современным тенденциям (низкие темпы модернизации, реорганизация таможенных органов, отсутствие логистических центров), отсутствие альтернативных источников энергообеспечения, высокая стоимость электроэнергии;

— экологические — 67% населения проживает в трех городах с высоким и очень высоким уровнем загрязняющих веществ атмосферного воздуха.

Об инновационной активности, вхождении инноваций в повседневную жизнь людей пишут в своей работе Е. С. Васильев и Н. Н. Харьков, замечая, что можно говорить о таком явлении, как философия инноваций. И это проявляется в установке: «Инновации — это модно, инновации — это полезно, инновации — это современно» [12, с. 142]. Остается продумать механизмы продвижения этой установки не только в среде работающих на различных рынках предпринимателей, но и в сознании молодежи.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на сложную экономическую и социально-демографическую ситуацию в регионе, потенциал для социально-экономической и инновационной активности молодежи имеется.

Методы и процедуры исследования. Обратимся теперь к данным нашего социологического исследования. На первом этапе было проведено качественное исследование по выборочному методу «снежного кома». Анализировалось социокультурное пространство детских и молодежных общественных объединений и неформальных организаций Волгоградской области. Методом полуструктурированного экспертного интервью (выборка — 32 человека) с руководителями высшего и среднего звена, а также с самими участниками в возрасте от 12 до 17 лет были выявлены наиболее типичные связи и отношения между конкретными молодежными объединениями и их социальным окружением. Анализ данных шел через процедуры открытого и осевого кодирования, поиск категорий осуществлялся через конструкты, характеризующие условия протекания, контекст осуществления, типы действий по формированию политической и правовой социализации молодых российских граждан.

На втором этапе было проведено количественное исследование. Эмпирической базой при определении структуры генеральной совокупности являлись данные Федеральной службы государственной статистики и Территориального

органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Использовалась квотная выборка, квотирование по полу и возрасту. В соответствии с процентным соотношением в генеральной совокупности были опрошены респонденты до 35 лет. Объем выборки — 714 чел. Основной метод исследования — анкетный опрос.

Участие в работе детских и молодежных общественных объединений как форма социальной активности молодежи. Интервью с руководителями организаций дают детализированное представление о характере взаимодействия детских и молодежных общественных объединений с государственными органами власти. Если о взаимодействии с комитетом по делам молодежи Волгоградской области лидеры отзываются положительно или нейтрально («...направляет нашу деятельность, как течение направляет ледники...»); «Мы испытываем удовольствие при работе с комитетом по делам молодежи»), то деятельность высокопоставленных чиновников Администрации Волгоградской области они оценивают негативно. Во-первых, отсутствует четкий механизм взаимодействия региональной элиты с общественными организациями («...каких-либо системных отношений с областной властью не выстроено»). Во-вторых, высок уровень бюрократизации аппарата администрации («...иногда нужно просто их согласие, кивок, подпись, но...вопросы очень долго решаются с административной точки зрения либо не решаются вовсе»); в-третьих, губернаторы часто меняются («...приходится отказываться от всего того, что было наработано годами, вынужденно менять отношения, которые были выстроены с властью, наработать свой авторитет»); в-четвертых, со слабостью самих объединений, которые вынуждены искать не только финансирование, но и PR-поддержку своих проектов во властных структурах («Если есть губернатор на нашем проекте, то, конечно, и прессы будет много и всего остального... Если высшие власти не обратили на нас внимания, то и с прессой будет туго»).

Другие данные представлены результатами интервью с членами объединений. В ходе исследования были выявлены ценности, нормы и потребности, проявляющиеся в мотивации поведения молодежи. Анализ шел через выявление стандартизированных объяснений, которые молодые люди давали своим действиям и поступкам, ценностям и нормам. Были проанализированы общественный престиж отдельных ролевых позиций, занятий, видов труда, способов поведения, статусное сознание молодежи как элементы гражданских ценностей.

Деятельность детских и молодежных организаций ориентирована на создание условий для самореализации молодежи, которая идет через расширение коммуникативного пространства. В процессе обмена информационными потоками происходит становление активной позиции молодежи. «Развитие волонтерского движения...», «я являюсь донором крови...», «мы занимаемся добровольчеством, помогаем людям...», «я, например, ездила в Волжский, в детский дом...» — данные лексические значения встречаются повсеместно и показывают, что молодые люди высоко оценивают свою статусную позицию, их экономическая культура выходит за рамки утилитарных ценностей.

Выявляя влияние общественных организаций на формирование внутриорганизационных отношений респондентов, мы установили, что у активистов организаций происходит полная идентификация с ее целями, при этом некоторые неудачи воспринимаются как личная обида. Выходя на более высокий уровень обобщения, можно констатировать, что у членов организаций формируется активная эконо-

мическая позиция, ориентация на успех: «Хочу открыть свой магазин», «Медицина — это моя стихия, ни больше ни меньше», «Я собираюсь стать врачом и посвятить свою жизнь служению людям, помощи им», «Так как я будущий социальный работник, это также забота о социальных слоях населения» и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что участие в данных организациях ориентирует на идентификацию личных интересов с интересами организации, формирует социальную активность и экономическую этику молодежи. Мы выявили, что, хотя уровень политического и правового сознания членов общественных организаций достаточно высок, программы, целенаправленно и системно формирующие политические взгляды молодежи, не реализуются, такая цель молодежными объединениями не ставится. Следовательно, в контексте деятельности детских и молодежных общественных объединений процесс политической и правовой социализации носит в основном стихийный характер.

Экономическая социализация молодежи и формирование гражданской и инновационной активности. На втором этапе исследовательский интерес в большей степени был направлен на экономические факторы реализации гражданской позиции молодежи, выявлялись ожидания респондентов и ценностные ориентации на экономический успех. В статье рассмотрены итоги экономической социализации детей и молодежи в Волгоградской области как типичном регионе РФ. На основе социологического исследования, проведенного при поддержке гранта РГНФ и Правительства Волгоградской области (проект № 14-13-34016 а/р), выявлены основные тенденции в экономической социализации детей и молодежи.

Основной задачей было выявление результатов экономической социализации данной группы и определение отношения к инновационной активности. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года обозначено: «Кроме качества образования значительную роль для будущего инновационного развития играют и формируемые у человека жизненные установки и модели поведения. Ключевые для инновационного предпринимательства личностные качества — мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска». Данные критерии были частично взяты за основу при операционализации основных понятий исследования. Анализировалась готовность к экономической миграции как форма проявления экономической активности, при этом рассматривалась как готовность переехать в другой регион, так и готовность к эмиграции.

В возрастной группе до 24 лет мы получили следующие ответы на вопрос «Если за рубежом Вам предложат хорошо оплачиваемую работу, то Вы...»: не поедут — 20,2%, поедут, но постараются вернуться — 28,3%, поедут и постараются остаться там навсегда — 48,3%, затруднились ответить — 2,7%. На вопрос о готовности уехать в другой регион РФ, если там будут условия для улучшения материального положения, получены следующие ответы: готовы поменять регион проживания независимо от дальности к центральной части России — 23,1%, готовы уехать только в центральные, интенсивно развивающиеся регионы (Москва и Санкт-Петербург) — 47,8%, не готовы менять место жительства — 26,5%, затруднились ответить — 2,6%.

Данные эмпирического исследования говорят о том, что потенциальная экономическая мобильность детей и молодежи находится на высоком уровне, однако она неконструк-

тивна для государства, так как предпочтение отдается экономически успешным регионам или зарубежным странам, что не способствует повышению уровня экономического развития основного числа регионов РФ. При сравнении возрастной группы с низкой экономической активностью (до 24 лет) в силу того, что это учащиеся школ, вузов и ссузов, с экономически активными группами (респонденты группировались следующим образом: до 24 лет, 24—29, 30—35 лет) обозначилась тенденция: с возрастом число готовых к экономической миграции несколько уменьшается. Это может быть связано как с тем, что формируются брачно-семейные отношения, так и с тем, что часть реализовывает свои планы после окончания обучения.

Вторая форма проявления экономической активности — это готовность к предпринимательской и инновационной деятельности. 56,9% среди первой возрастной группы не собираются заниматься предпринимательством, 29,2% планируют открыть собственное дело, 11,2% уже помогают родственникам, имеющим свой бизнес. В группах лиц от 24 до 35 лет предпринимательством занимаются около 10%, пришлось закрыть собственное дело 8,5%, родственникам в ведении бизнеса помогают 14%, процент тех, кто собирается открыть свое дело, к 35 годам уменьшается до 15%.

Вопрос «В каких конкретных формах проявляется Ваша инициатива, активность?» обозначил следующую негативную тенденцию: 44,7% граждан в возрасте до 24 лет предпочитают не проявлять публичную активность, они не участвуют ни в творческой, ни в иных формах самореализации, с возрастом этот процент практически не меняется (35 лет — 42%).

Отношение к инновациям также является спорным: 15,7% не слышали об инновациях (возрастная группа до 24 лет), 30,2% считают, что инновации являются основой успешного развития общества, 3% имеют противоположное мнение, 44,8% считают, что инновации скорее являются основой успешного развития, 6,3% — скорее не являются основой успешного развития. С возрастом число тех, кто не слышал об инновациях, уменьшается.

Основываясь на постулате, что знания можно получать в любой сфере, если есть стремление к этому, мы проанализировали потребность в знаниях в младшей возрастной группе (см. табл. 2). Можно отметить, что знания востребованны, а процент тех, кто ничего нового не узнает, объясняется объективными причинами: недостаточным опытом работы или личными особенностями респондентов.

Таблица 2

Сферы, в которых респонденты до 24 лет получают новые знания (% от числа опрошенных)

Мнение респондентов	Работа*	Домохозяйство	Образование	Дружба	Социальные сети	СМИ	Хобби
Ничего нового не узнаю	7,8	11,7	1,5	1,1	2,2	1,4	4,9
Очень редко узнаю что-то новое	10,9	35,7	3,0	7,9	11,7	13,2	18,0

Окончание табл. 2

Мнение респондентов	Работа*	Домохозяйство	Образование	Дружба	Социальные сети	СМИ	Хобби
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т. д.)	44,4	6,4	6,8	1,9	2,3	4,9	19,9
Периодически получаю новые знания	22,2	37,6	32,7	58,3	46,2	42,5	34,6
Постоянно узнаю что-то новое	14,7	8,6	56,0	30,8	37,6	38,0	22,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*В данной возрастной группе более 50% граждан совмещают учебу с временной работой (например, на каникулах).

Можно сделать вывод, что для молодежи характерен самостоятельный поиск форм социально-экономической субъектности, многообразие форм участия и проявления социально-экономической и инновационной активности. Молодежь проявляет себя как актер в социально-экономическом и политическом пространстве. К сожалению, актер не всегда активный. Ждать расширения слоя предпринимателей, роста инноваций и экономической активности в ближайшее время не приходится.

Одной из причин, с нашей точки зрения, является то, что родители, а тем более бабушки и дедушки современных детей и молодежи социализировались в советское время, а следовательно, новый экономический опыт в первичных группах получить может лишь около 10% подрастающего поколения — те, чьи родители сами ведут бизнес. Если проанализировать процент инновационного предпринимательства в России, то цифры станут еще ниже.

Вторая причина в том, что в образовательных программах не предусмотрены компетенции развития инновационной и предпринимательской активности. Таким образом, если даже отведены учебные часы для факультативных занятий экономическими или управленческими дисциплинами, в практику и повседневный опыт знания не трансформируются. Также воспитательная программа в школах и детских общественных организациях долгое время была ориентирована на развитие творческой активности, формирование волонтерского движения, организацию досуга, а проектная деятельность вводится только сейчас [13].

Однако мы можем привести и успешные примеры программ, реализация которых направлена на формирование новых для российской молодежи компетенций, связанных с инновационной и социально-экономической активностью. В 2011—2012 годах Волгоградский институт бизнеса участвовал в реализации региональной программы «Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность и развитие молодежного предпринимательства». В октябре — декабре

2011 года и в октябре — декабре 2012-го Волгоградским институтом бизнеса были проведены специализированные учебно-практические курсы по основам предпринимательской деятельности для старшеклассников школ города Волгограда и Волгоградской области [14]. Гражданская активность молодежи проявляется в участии в работе социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), кроме того, именно СО НКО обладают значительным потенциалом инновационной активности, и одна из важных задач — разработать механизмы и способы вовлечения молодежи в деятельность таких организаций [15].

Заключение. В Советской России молодежные организации и образовательные учреждения являлись мощным идеологическим инструментом, формировавшим мировоззрение. Их членов можно было описать термином У. Уайта «человек организации», под которым подразумевается индивид, поставивший внешние для него коллективные интересы превыше собственных экзистенциальных потребностей в ущерб естественным правам и свободам [16].

Участие в работе детских и молодежных общественных объединений является одной из форм активности молодежи, способствует осознанию себя как активного субъекта действия, своей статусной позиции в обществе. Особая форма социальной активности характерна для активистов детских и общественных организаций, проявляющаяся в полной идентификации с целями организации. При этом у некоторых членов таких организаций формируется активная экономическая позиция, ориентация на успех, желание начать предпринимательскую деятельность.

В результате проведенного исследования была выявлена такая форма социально-экономической активности, как потенциальная экономическая мобильность, готовность к экономической миграции детей и молодежи. Такая форма достаточно высока, носит неконструктивный характер для государства, проявляясь в том, что молодежь выбирает в качестве желаемого места жительства экономически успешные регионы или зарубежные страны.

Исследование показало такую негативную тенденцию, как нежелание молодежи проявлять публичную активность, участвовать в творческой и иных формах самореализации. Для молодежи характерен самостоятельный поиск форм социально-экономической субъектности [17]. В то же время важную роль в процессе социализации молодежи выполняют детские и молодежные организации, цель которых заключается в создании условий для самореализации молодежи. Необходимы также государственные и региональные программы, направленные на развитие экономической и инновационной активности молодежи, способствующие выявлению молодых людей, склонных к предпринимательской деятельности, здравому риску, обладающих лидерскими качествами и соответствующими компетенциями.

Долгое время гражданская и экономическая активность подавлялись (основной удар в советское время пришелся по социально и экономически активному населению) и за проявление индивидуализма наказывали. Сегодня именно образовательные учреждения и молодежные и детские общественные объединения выступают в качестве субъектов формирования активного гражданина. И этому процессу не мешают отсутствие четких программ деятельности, недостаток ресурсов, сильная экономическая и политическая (но не идеологическая) зависимость от государства. Скорее это является благоприятным фактором, так как свободная личность, личность, на которую не оказывается систематическое идеологическое давлe-

ние, становится активной и ответственной естественным путем, ценности молодого поколения российских граждан меняются, формируется civic engagement молодежи и индивидуализм. Предназначение детских и молодежных общественных объединений как раз и заключается в соци-

ализации адаптивной к современным условиям личности.

И на главный вопрос нашего исследования, сформулированный в начале статьи, мы можем ответить положительно, принимая во внимание тот факт, что данный процесс идет медленно и займет достаточно долгое время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 4. С. 28—55 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204947/ecsoc_t2_n4.pdf. (дата обращения: 25.09.2014).
2. Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход // *Экономическая социология*. 2003. Т. 4. № 2. С. 63—72 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204948/ecsoc_t4_n2.pdf (дата обращения: 25.09.2014).
3. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2 т.: Т. 2: П — Я / Пер. с англ. Н. Н. Марчук. М.: АСТ, Вече, 1999. 528 с.
4. Боровик В. С. Активность социальная // *Социологическая энциклопедия*: В 2 т. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2003. 863 с.
5. Оценка численности постоянного населения Волгоградской области на 1 января 2014 года и в среднем за 2013 год [Электронный ресурс]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.09.2014).
6. Латышевская Н. И. О демографической ситуации в Волгоградской области // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2012. № 4. С. 163—165.
7. Международная экономическая статистика. Волгоградская область. 2009 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statinfo.biz/HTML/M85F18802A8371L1.aspx> (дата обращения: 28.09.2014).
8. Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования Волгоградская область. Городские округа. Город-герой Волгоград за 2013 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=187010002013 (дата обращения: 28.09.2014).
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Уровень экономической активности, уровень занятости и уровень безработицы населения Волгоградской области в 2012 году [Электронный ресурс]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/c0afc9804f1cf907950c9d149d0ea7d8/ (дата обращения: 28.09.2014).
10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Официальная статистика. Население. Миграция [Электронный ресурс]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/a081b5804eccad92934ebb9dd5046e95/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_24122013.htm (дата обращения: 28.09.2014).
11. Инвестиционная стратегия Волгоградской области на период до 2020 года: проект [Электронный ресурс]. URL: http://www.investvolga.com/investment_strategy/ (дата обращения: 28.09.2014).
12. Васильев Е. С., Харькова Н. Н. Инновационная парадигма: современная философия или основа предпринимательства? // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2014. № 1 (26). С. 138—142.
13. Гуляихин В. Н., Галкин А. П., Васильева Е. Н. Молодежные и детские общественные объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования // *Социологические исследования*. 2012. № 6. С. 127—132.
14. Полтавская М. Б. Деньги как стратегия успеха: оценка участниками курсов «Основы предпринимательской деятельности» социально-экономической роли денег в современном обществе // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2012. № 4. С. 110—114.
15. Кузеванова А. Л., Полтавская М. Б. Проблемы и перспективы взаимодействия бизнеса, государства и некоммерческих организаций в современных российских условиях // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2014. № 1. С. 40—44.
16. Whyte W. H. *The Organization Man*. New York: Simon & Schuster, 1956.
17. Васильева Е. Н., Гуляихин В. Н. Экономическая социализация учащейся молодежи: опыт регионального исследования // *Социологические исследования*. 2014. № 8. С. 115—119.

REFERENCES

1. Fligstein N. Field, power, and social skills: a critical analysis of the new institutional trends // *Economic sociology*. 2001. Vol. 2. № 4. P. 28—55 [Electronic resource]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204947/ecsoc_t2_n4.pdf (date of viewing: 25.09.2014).
2. Abolafia M. Markets as cultures: an ethnographic approach // *Economic sociology*. 2003. Vol. 4. № 2. P. 63—72 [Electronic resource]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204948/ecsoc_t4_n2.pdf (date of viewing: 25.09.2014).
3. Jerry D., Jerry J. Large sociological explanatory dictionary of key terms and concepts in sociology. In 2 vol. Vol. 2: P — I. M.: AST, Veche, 1999. 528 p.
4. Borovik V. S. *The Social Activity* // *Sociological encyclopedia*. Vol. 1. M.: Idea, 2003. 863 p.
5. Assessment of the resident population of Volgograd region on 1 January 2014 and on average for 2013 [Electronic resource]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (date of viewing: 28.09.2014).
6. Lатышевская Н. И. Report on demographic situation in Volgograd region // *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute*. 2012. № 4. P. 163—165.

7. International economic statistics. Volgograd region. 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.statinfo.biz/HTML/M85F18802A8371L1.aspx> (date of viewing: 28.09.2014).
8. The indicators characterizing the state of the economy and social sphere of the municipality of the Volgograd region. Urban districts. The hero-city of Volgograd for 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=187010002013 (date of viewing: 28.09.2014).
9. Territorial department of the Federal service of state statistics of Volgograd region. The level of economic activity, employment and unemployment of the population of the Volgograd region in 2012 [Electronic resource]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/c0afc9804f1cf907950c9d149d0ea7d8/ (date of viewing: 28.09.2014).
10. Territorial department of the Federal service of state statistics of Volgograd region. Official statistics. Population. Migration [Electronic resource]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/a081b5804eccad92934ebb9dd5046e95/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_24122013.htm (date of viewing: 28.09.2014).
11. Investment strategy of Volgograd region for the period up to 2020: project [Electronic resource]. URL: http://www.investvolga.com/investment_strategy/ (date of viewing: 28.09.2014).
12. Vasiliev E. S., Kharkova N. N. Innovation paradigm: modern philosophy or basis of entrepreneurship? // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 138—142.
13. Gulyaikhin V. N., Galkin A. P., Vasilieva E. N. Youth and children public associations as agents of secondary socialization: the experience of regional studies // Sociological research. 2012. № 6. P. 127—132.
14. Poltavskaya M. B. Money as success strategy: Assessment of the socio-economic role of money in modern society by the participants of a course «Fundamentals of Entrepreneurship» // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4. P. 110—114.
15. Kuzevanova A. L., Poltavskaya M. B. Problems and prospects of the interaction of business, state and non-for-profit organizations in the modern Russian conditions // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1. P. 40—44.
16. Whyte W. H. The Organization Man. New York: Simon & Schuster, 1956.
17. Vasilieva E. N., Gulyaikhin V. N. Learning youth economic socialization: experience of regional study // Sociological research. 2014. № 8. P. 115—119.

УДК 658.26:336.14
ББК 65.441.353:65.261.5

Putilova Nelli Nikolaevna,
 candidate of technical sciences,
 associate professor of the department
 of the power engineering control and saving systems
 of Novosibirsk State Technical University,
 Novosibirsk,
 e-mail: nelli.putilova2014@yandex.ru

Путилова Нелли Николаевна,
 канд. техн. наук, доцент кафедры
 систем управления и экономики энергетики
 Новосибирского государственного
 технического университета,
 г. Новосибирск,
 e-mail: nelli.putilova2014@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СХЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ

EFFECTIVENESS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP SCHEMES IN IMPLEMENTATION OF THE PROGRAMS OF THE HEAT-SUPPLY SYSTEMS MODERNIZATION

В статье рассматриваются возможности применения схем государственно-частного партнерства (ГЧП) для реализации программ модернизации систем теплоснабжения малых поселений и городов. Идея модернизации коммунальных систем с целью кардинального повышения их эффективности на основе ГЧП в настоящее время является актуальной в связи с неудовлетворительным состоянием жилищно-коммунального комплекса подавляющего большинства российских муниципалитетов. Показано участие государства в инвестициях, необходимых для реконструкции и модернизации тепловых сетей, за счет средств Фонда модернизации развития жилищно-коммунального хозяйства муниципальных образований Новосибирской области. Задача частного бизнеса — строительство новых эффективных газовых котельных, инвестирование которых осуществляется с привлечением денежных средств лизинговой компании.

programs of modernization of the heat supply systems of small settlements and towns. The idea of upgrading municipal systems for substantial increasing of their effectiveness on the basis of PPP is currently urgent due to the poor state of the housing and utilities sector of the overwhelming majority of Russian municipalities. Involvement of the state in the investments required for reconstruction and modernization of the heat supply networks by means of the Fund for modernization of the housing and municipal economy is demonstrated on the example of municipalities Novosibirsk region. The task of the private sector is construction of new efficient gas boiler houses, investing of which is done by means of the leasing company funds.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, программа развития, сетевое хозяйство, современные газовые котельные, эффективность проекта, теплоснабжение, теплофикация, инвестор, надежность, взаимовыгодность, ресурсоснабжающая организация, муниципалитет.

This article discusses the possibility of using various schemes of public-private partnership (PPP) for the implementation of

Keywords: public-private partnerships, development

program, network management, modern gas boilers, project efficiency, heat supply, district heating, investor, reliability, mutual benefit, resource supply company, municipality.

В настоящее время активно обсуждаются проблемы теплоснабжения и теплофикации в России, отмечаются нарастающие негативные тенденции в развитии теплоснабжения, неэффективность механизмов, предлагаемых при его реформировании как в Федеральном законе «О теплоснабжении», так и в подготовленном Минэнерго РФ проекте «О внесении изменений в Федеральный закон «О теплоснабжении». К сожалению, еще при обсуждении проекта федерального закона многие специалисты энергетики отмечали его несовершенство, однако большая часть замечаний и предложений не учтена в окончательной редакции [1; 2; 3]. Неудовлетворительная развернутая оценка работы сферы теплоснабжения в целом основывается на следующих тенденциях [4]:

— пренебрежение проблемами теплоснабжения и теплофикации при осуществлении реформы в электроэнергетике;

— необоснованность региональных тарифов на тепло и их рост и, как следствие, уход потребителей из системы централизованного теплоснабжения (ЦТС);

— отсутствие положительной динамики роста теплопотребления, особенно в промышленности, и снижение доли теплофикационной электрической мощности ТЭЦ, их дискриминационное положение на рынке электрической энергии;

— высокий физический и моральный износ оборудования и тепловых сетей, высокий уровень потерь тепловой энергии и теплоносителя, высокая аварийность всех систем теплоснабжения вплоть до тепловых катастроф в отдельных регионах, особенно в зимний период;

— недостаток инвестиций в новое строительство, реконструкцию и модернизацию как источников тепловой энергии, так и средств ее передачи, дороговизна кредитов;

— слабая инвестиционная привлекательность проектов модернизации и развития теплоснабжения.

Вопросам теплоснабжения и теплофикации в России традиционно не уделялось должного внимания, но отмечается, что в последнее время появились новые нарастающие проблемы. Такая ситуация в значительной степени обусловлена отсутствием единого органа исполнительной власти РФ и ее субъектов, ответственного за систему теплоснабжения страны в целом. Это порождает низкий уровень менеджмента, безответственность, отсутствие контроля по всей цепочке теплоснабжения, отсутствие эффективного управления режимами работы систем и др. [5].

Особенно удручающей выглядит ситуация с теплоснабжением большинства муниципальных поселений, малых городов Российской Федерации, техническое состояние систем теплоснабжения которых является критическим. С каждым годом увеличивается число аварийных отключений из-за изношенности оборудования источников теплоснабжения, построенных 20—30 лет назад, разрывов магистральных и распределительных сетей, ухудшается и без того неудовлетворительное состояние абонентских вводов и внутренних систем отопления зданий и сооружений из-за технологической отсталости используемых схем и оборудования. Такое пренебрежительное отношение к системе теплоснабжения как важнейшей социальной сфере недопустимо, поэтому в настоящее время задача по привлечению инвесторов в программу модернизации ЖКХ является актуальной. Устранение таких аварийных ситуаций связано со значительными капитальными затратами, социальной напряженностью, порой, к сожалению, и жертвами, нанесением морального и материального ущерба потреби-

телям. Эта ситуация в большей степени усугубляется суровыми климатическими условиями нашей страны.

Выход из создавшегося положения может быть только в принятии безотлагательных мер по модернизации и реконструкции существующих систем теплоснабжения.

В связи с финансовой слабостью местных органов, недостаточным финансированием работ по модернизации коммунальных систем со стороны государства кардинальное решение названных проблем может быть осуществлено на основе государственно-частного партнерства (ГЧП). Частный бизнес и государство все активнее вступают в сотрудничество в поисках эффективных путей решения задач общества на условиях партнерства [6].

Стоит сказать, что субъектами ГЧП являются публичный и частный партнеры. Под публичным партнером мы понимаем орган государственной (в данном случае — муниципальной) власти, в собственности которого находятся объекты ГЧП — объекты инфраструктуры территориально-отраслевых комплексов, имеющие определенную социальную значимость. К примеру, объекты городских систем теплоснабжения обычно находятся в муниципальной собственности, и эффективность их функционирования имеет очевидную социальную значимость. Под частным партнером мы понимаем хозяйствующий субъект любого типа, не относящийся к унитарным предприятиям. Принцип взаимовыгодности означает полученные каждым — и публичным, и частным — партнером определенных преимуществ, дополнительного дохода в денежной или неденежной форме, прибыли от реализации проекта. При этом принцип взаимовыгодности не означает, что экономические ожидания партнеров могут быть полностью равными по величине. Принцип контактности означает наличие юридически закрепленных обязательных соглашений по поводу подлежащих к исполнению каждым партнером действий и ответственности за выполнение или невыполнение этих действий. Вышеприведенные принципы имеют равный приоритет [7].

На примере Новосибирской области такая форма деятельности государства и частного сектора позволила реализовать ряд инвестиционных проектов в сфере ЖКХ. Частным инвестором является ООО «Сибирская тепло-энергетическая компания» (ООО «СибТЭК»). Инвестор обеспечивает замену морально устаревших и физически изношенных действующих котельных современными газовыми котельными. Государство за счет средств Фонда модернизации и развития жилищно-коммунального хозяйства муниципальных образований Новосибирской области осуществляет модернизацию и реконструкцию сетевого хозяйства. При этом вновь построенные котельные являются собственностью инвестора, а реконструированные тепловые сети передаются на баланс муниципалитета.

На примере рабочего поселка Новосибирской области (районный центр) покажем один из вариантов реализации схемы ГЧП.

Общая численность населения районного центра в настоящее время около 10 тысяч человек. Однако в связи с демографическим прогнозом предполагается его существенный прирост, что обусловлено достаточно развитой социальной, культурной и бытовой инфраструктурой, в том числе близостью областного центра.

Основным потребителем тепла рабочего поселка является жилой фонд, большую часть которого составляет одноэтажная и двухэтажная застройка — 70,0% (четырёх- и пятиэтажная секционная застройка — 27% общего жилого фонда). В новом жилищном строительстве предполагается увеличение строительства трехэтажных секционных домов. Таким образом,

в соответствии с перспективными планами развития районного центра будет существенно развиваться новое строительство в сфере ЖКХ, и реализация этих планов должна быть обеспечена современной системой теплоснабжения.

Анализ существующей системы теплоснабжения поселения показал высокую степень износа всех инженерных сетей поселка, которые работают на пределе ресурсной надежности. Оборудование на источниках теплоснабжения (котельных) также нуждается в замене. Износ существующих сетей и сооружений теплоснабжения:

- котельное оборудование — 70%;
- сети отопления — 90% (необходима полная замена трубопроводов путем прокладки новых сетей).

Реконструкция тепловых сетей

Суммарная протяженность теплосетей, подлежащих реконструкции, составляет 15,4 км. Сметная стоимость поэтапного строительства сетей ориентировочно составляет 90 млн руб.

Строительство автономных газовых котельных

Котельные с низкой экономической эффективностью планируется ликвидировать путем обновления и модернизации системы подачи тепловой энергии. Кроме того, планируется закрытие неэффективных котельных с относительно небольшой выработкой тепловой энергии и последующим подключением потребителей этих котельных к более крупным и более эффективным источникам тепла. Строительство трех газовых котельных установленной мощностью 19,8 Гкал осуществляется подрядной организацией на основании договора подряда. ООО «СибТЭК» поручает, а подрядчик, согласно техническому заданию, принимает на себя выполнение полного объема работ по строительству, включая проектирование, закупку и поставку оборудования, монтаж оборудования, выполнение пусконаладочных работ и сдачу в эксплуатацию объекта. Общая стоимость работ по договору подряда, согласно укрупненному сметному расчету стоимости строительства, составляет ориентировочно 120000 тыс. руб.

Строительство автономных газовых котельных осуществляется с привлечением денежных средств лизинговой компании. В данном случае использована одна из схем возвратного лизинга.

Основное отличие предложенной схемы возвратного лизинга от классической заключается в отсутствии у лизингополучателя (ООО «СибТЭК») объекта недвижимости. В связи с этим схема работы по возвратному лизингу осуществляется в четыре этапа.

1-й этап. Заключение предварительного договора купли-продажи и предварительного договора лизинга.

Предмет предварительного договора-купли продажи:

— предусматривает обязательства по заключению в будущем договора о продаже недвижимого имущества в целях его передачи в лизинг ООО «СибТЭК»;

— ООО «СибТЭК» обязуется передать построенные объекты недвижимости (котельные) в собственность лизинговой компании;

— цена объектов по данному договору соответствует стоимости строительства трех котельных;

— общая цена объектов выплачивается на условиях предоплаты в сроки, предусмотренные графиком финансирования строительства.

Предмет предварительного договора лизинга:

— лизингодатель обязуется заключить с ООО «СибТЭК» в будущем договор лизинга на объекты недвижимости (газовые котельные);

— лизингодатель обязуется приобрести в соб-

ственность у ООО «СибТЭК» эти объекты; — определяется срок лизинга, общая сумма основного договора лизинга и график лизинговых платежей.

Поскольку объект еще не построен, заключение предварительных договоров в рамках первого этапа дает основание для перечисления денежных средств и гарантии лизинговой компании, что приобретаемый ею объект будет востребован лизингополучателем по основному договору лизинга.

2-й этап. Согласно заключенным предварительным договорам лизинговая компания выплачивает авансы в сроки, предусмотренные графиком финансирования строительства, согласованным с подрядной организацией.

3-й этап. Заключение основного договора купли-продажи и основного договора лизинга.

После завершения строительства и регистрации объектов недвижимого имущества во исполнение обязательств по предварительным договорам ООО «СибТЭК» заключает с лизинговой компанией основной договор купли-продажи (в оплату по которому засчитываются платежи по предварительному договору купли-продажи) и основной договор лизинга. В соответствии с основными договорами котельные переходят в собственность лизинговой компании и передаются в лизинг ООО «СибТЭК».

4-й этап. В рамках завершающего этапа ООО «СибТЭК» обязуется произвести лизинговые платежи.

Согласно пункту 1 статьи 28 Закона № 164-ФЗ (о финансовой аренде (лизинге) от 29.10.1998 года в редакции 28.06.2013 года) под лизинговыми платежами понимается общая сумма арендных платежей по договору лизинга за весь срок действия договора, в нее входят:

— возмещение затрат лизингодателя, связанных с приобретением и передачей предмета лизинга, а также с оказанием других предусмотренных договором лизинга услуг;

— доход лизингодателя. Если договором лизинга предусмотрен переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю, то в общую сумму договора может включаться выкупная цена предмета лизинга (статья 28 Закона № 164-ФЗ).

Так как порядок ценообразования официальным образом никак не регламентирован, на основании пункта 2 статьи 28 Закона № 164-ФЗ размер, способ осуществления и периодичность лизинговых платежей определяются договором лизинга. Оплата по основному договору лизинга может осуществляться равными платежами ежемесячно, например, в размере 10% от стоимости проекта.

Взаимодействие ресурсоснабжающей организации,

муниципалитета и потребителя

Схема расчетов между ресурсоснабжающей организацией, муниципалитетом поселения и потребителем в процессе производства, передачи и потребления тепловой энергии представлена на рис. ниже.

Рис. Схема взаимодействия и расчетов

Ресурсоснабжающая организация и муниципалитет заключают договор аренды муниципального имущества, регулирующий отношения между собственником тепловых сетей и арендатором.

Основные обязанности сторон:

— собственник тепловых сетей несет ответственность за недостатки сданного в аренду имущества, финансирует мероприятия по капитальному ремонту за счет собственных средств;

— арендатор тепловых сетей поддерживает их в исправном состоянии, производит за свой счет техническое обслуживание, текущий ремонт, своевременно вносит арендную плату, установленную договором.

Ресурсоснабжающая организация и потребитель заключают договор теплоснабжения, основными условиями которого являются:

— ресурсоснабжающая организация обязана обеспечить гарантированное и надежное теплоснабжение в соответствии с требованиями технических регламентов и правилами организации теплоснабжения, утвержденными Правительством Российской Федерации;

— потребитель обязан в установленные законом сроки произвести оплату за фактически отпущенную тепловую энергию через объединенную расчетную систему в соответствии с тарифом, установленным органом регулирования.

Ресурсоснабжающая организация и объединенная рас-

четная система (ОРС) заключают договор информационного и технологического взаимодействия, согласно которому ОРС организует прием платежей за коммунальные услуги и перечисляет денежные средства за вычетом вознаграждения (2% от принятых денежных средств) на расчетный счет ООО «СибТЭК».

Расчеты показали, что основной экономический эффект от модернизации существующей системы теплоснабжения достигается за счет:

— снижения удельных расходов топлива и электрической энергии;

— снижения потерь тепловой энергии в тепловых сетях;

— замены дорогостоящего топлива (мазута) более экономически эффективным топливом.

Для оценки экономической эффективности проекта выполнен расчет производственных издержек и выручки от реализации тепловой энергии за период с 2015 по 2024 год. Расчет выполнен в соответствии со сценарными условиями долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации.

Срок окупаемости проекта и реальный размер прибыли, которая может быть получена ООО «СибТЭК» вследствие реализации данного инвестиционного проекта, определены исходя из оценки чисто дисконтированного дохода. В результате дисконтированный срок окупаемости проекта составит 7,2 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О теплоснабжении: Федеральный закон от 27.07.2010 года № 190-ФЗ.
2. Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. Апрель 2012 года. 64 с.
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. Сентябрь 2013 года. 462 с.
4. Стрельников В., Славин Г. Концепция «альтернативной котельной» — разрушитель теплофикации // Энергорынок. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-m.ru/er/2014-02/31520/> (дата обращения: 20.08.2014).
5. Отложенная реформа тепла // Коммерсантъ. 8 января 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosteplo.ru/soc/blog/ekonomik/802.html> (дата обращения: 20.08.2014).
6. Алпатов А. А. Государственно-частное партнерство. Механизмы реализации / А. А. Алпатов, А. В. Пушкин, Р. М. Джапаридзе. М.: Альпина Паблшерз, 2010. 200 с.
7. Зябкин А. С. Сравнительный анализ моделей государственно-частного партнерства в теплоэнергетике муниципального образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 108—115.

REFERENCES

1. On Heat Supply: Federal Law dated 27.07.2010 № 190-FZ.
2. Scenarios for the long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2030 / Ministry of Economic Development of the Russian Federation. May, 2012. 64 p.
3. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2014 and the planning period of 2015 and 2016 / Ministry of Economic Development of the Russian Federation. September 2013. 462 p.
4. Strel'nikov V., Slavin G. The concept of alternative boiler house is the destroyer of the district heating // Energy Market. 2014. № 2 [Electronic resource]. URL: <http://www.em.ru/er/2014-02/31520/> (date of viewing: 20.08.2014).
5. Postponed heat reform // Kommersant. January 8, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.rosteplo.ru/soc/blog/ekonomik/802.html> (date of viewing: 20.08.2014).
6. Alpatov A. A. Public-private partnership. Mechanisms of implementation / A. A. Alpatov, A. V. Pushkin, R. M. Japaridze. M.: Alpine Publishers, 2010. 200 p.
7. Zyabkin A. S. Comparative analysis of the models of public-private partnerships in the heat-power engineering of municipal entities // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 1 (18). P. 108—115.

УДК 316.37
ББК 60.542.14

Chernyavskaya Ekaterina Yurevna,
candidate of sociological sciences, associate professor
of the department of financial and economic disciplines
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: timoshenko_k@bk.ru

Чернявская Екатерина Юрьевна,
канд. социол. наук, доцент кафедры
финансово-экономических дисциплин
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: timoshenko_k@bk.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТСТВА КАК ФАКТОР, ФОРМИРУЮЩИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

CURRENT STATUS OF CHILDHOOD AS A FACTOR FORMING REPRODUCTION OF HUMAN RESOURCES IN VOLGOGRAD REGION

В статье проведен анализ современного состояния детства на территории Волгоградской области с целью определения качественного содержания человеческих ресурсов. Прослеживается динамика семейного неблагополучия, определяется численность преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Анализируется ежегодное увеличение числа родителей, уклоняющихся от своих обязанностей, злоупотребляющих алкогольными и наркотическими средствами, ведущих аморальный образ жизни, проявляющих по отношению к детям жестокость и насилие. Исследуются статистические данные, свидетельствующие, что число выявленных и учтенных детей, оставшихся без попечения родителей, а также беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних остается угрожающим для формирования качественных человеческих ресурсов.

The article analyzes the current state of childhood in Volgograd region in order to determine the qualitative content of human resources. The dynamics of the family ill-being is defined; the number of crimes committed against minors is determined. The annual increase of the number of parents evading their duties, abusing alcohol and drugs, conducting immoral way of life, demonstrating cruelty and violence towards children is analyzed. Statistical data proving that the number of identified and recorded children left without parental care, as well as the homeless and neglected minors is still threatening for formation of high-quality human resources, is examined.

Ключевые слова: человеческий фактор, феномен детства, социальные девиации, воспроизводство человеческих ресурсов, формы устройства детей-сирот, законные представители детей-сирот, патронатное воспитание, региональный банк данных, беспризорность и безнадзорность, суицидальная ситуация.

Keywords: human factor, phenomenon of childhood, social deviations, reproduction of human resources, forms of taking care of orphans, legal representatives of orphans, foster care, regional data bank, homelessness and abandonment, suicidal situation.

Развитие человека — важнейший процесс, на который опирается теория человеческого капитала, и аспекту семьи в этом отводится фундаментальная роль. Человеческие ресурсы определяются как количество и качество людей, пригодных по своим медицинским, психологическим, интел-

лектуальным, культурным, профессиональным параметрам, восприимчивостью к инновационным знаниям, умениям и навыкам для конкурентной борьбы всей страны и каждого ее ресурса в отдельности. Сегодня имеются определенные предпосылки для успешного преодоления большинства накопившихся социальных угроз и рисков при формировании и управлении человеческими ресурсами. Феномен детства является структурным элементом общества, который формирует будущий человеческий ресурс и определяет качественное содержание следующего поколения.

Человеческий фактор превратился в ключевой и решающий стратегический ресурс развития экономики и общества в целом. Происходит значительное повышение роли человека, в результате чего вопросы воспроизводства человеческого потенциала, человеческих ресурсов приобретают большое значение. В современном мире человек и его развитие становится не только фактором, создающим общественное богатство, но и показателем, критерием прогрессивности социально-экономических преобразований в обществе.

Возрастает дифференциация регионов России по качеству жизни населения, демографии, уровню безработицы, конкурентоспособности человеческого потенциала, предпринимательской активности населения. По оценкам международных организаций, единственным регионом, соответствующим третьему тысячелетию, является город Москва. Российские регионы, отдаленные от центра России, пустеют. Лучшие и наиболее способные работники уезжают в центральные районы, в первую очередь в Москву. Потеря хозяйственной активности ряда территорий России, диспропорции развития человеческого фактора экономики приводят к обострению социальных противоречий.

В разрезе воспроизводства человеческих ресурсов остается актуальной проблема детского неблагополучия как в современной России, так и в ее регионах. На территории Волгоградской области распространены формы детского неблагополучия, такие как социальное сиротство, беспризорность, детский суицид, преступления, совершенные в отношении детей и подростков, и др. В результате проведенного анализа статистических показателей были получены следующие данные.

Ежегодно в Волгоградской области выявляют около двух тысяч детей-сирот. Отметим, на 1 января 2011 года на учете в органах опеки и попечительства было учтено 11600 детей из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в 2005 году на учете в орга-

нах опеки и попечительства состояло 6967 детей), из них 89% (9732 ребенка) воспитывается в семьях граждан.

В течение трех лет среднегодовой показатель семейного устройства детей превышает число выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, в течение года: в 2011 году — 104% (выявлено 1724 ребенка, устроено в семьи 1786 детей), в 2012 году — 124% (выявлено 1340 детей, устроено в семьи 1662 ребенка), в 2013 году — 125,8% (выявлен 1271 ребенок, устроено в семьи 1600 детей).

По состоянию на 1 января 2012 года в региональном банке данных состоит на учете 1728 детей, по состоянию на 1 января 2014 года — 1567 детей (от 0 до 18 лет), которые могут быть переданы на воспитание в семьи.

По состоянию на 1 января 2014 года 8067 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываются в семьях опекунов (попечителей), приемных родителей, патронатных воспитателей; 1593 ребенка воспитываются в семьях усыновителей.

Приведенные показатели указывают, что в области появилась необходимость закрытия детских домов. В результате закрыто 3 государственных и 1 негосударственный детский дом. В настоящее время:

- в ведомстве комитета по образованию и науке Администрации Волгоградской области находится 17 образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: 9 детских домов, 3 общеобразовательные школы-интерната, 5 специальных (коррекционных) общеобразовательных школ-интернатов VIII вида, в которых содержатся и воспитываются 1100 детей (по состоянию на 1 января 2012 года);

- в системе здравоохранения — 4 дома ребенка, в которых воспитываются 263 ребенка;

- в системе социальной защиты населения — 2 детских дома-интерната для глубоко умственно отсталых детей, в них 288 детей, и 15 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и детских приютов (3) на 390 мест [1, с. 92—97].

В свою очередь, сократилось число детей-сирот в государственных учреждениях, что позволило довести их наполняемость до 60—70 человек и приблизить условия содержания к домашним.

Выделим основные причины сиротства. По мнению уполномоченного по правам ребенка в Волгоградской области Н.Н. Болдыревой, основной причиной отсутствия родительского попечения детей-сирот остается лишение родительских прав. Стоит отметить, что число лишений родительских прав имеет тенденцию к сокращению, но поводом послужили разные события. Если в 2008—2009 годах на данное явление повлияли последствия экономического кризиса, сказывающегося на общем благополучии семей, а также наследование социального неблагополучия в поколениях семей, то уже в 2010—2013 годах лишение родительских прав происходит при непосредственной угрозе жизни и здоровью детей, при жестоком обращении с ними [2].

1. Лишение родительских прав в отношении детей. Произошло резкое и неоднократное падение жизненного уровня широких слоев населения, что привело к прямому обнищанию его значительной части [Там же]. Будучи не в силах прокормить детей и поставить их на ноги, родители либо вынуждены отдавать их в приют, либо от безысходности начинают злоупотреблять алкоголем, что влечет за собой жестокое обращение с детьми, уход детей из семьи, лишение родительских прав и т. д. Материальные трудности провоцируют ухудшение условий содержания детей в семье, тем самым

толкают ребенка искать средства для существования, при этом, как правило, в рамках преступного мира либо в среде беспризорных детей. В любом из этих случаев растет число детей, нуждающихся в государственной поддержке.

В 2008 году были лишены родительских прав родители 1426 детей, в 2009 году — 1533 детей. В 2008—2009 годах отмечен рост лишения родительских прав в отношении детей, он составил 7,5%. В свою очередь, в эти же годы сократилось на 13% число родителей, восстановленных в родительских правах: если в 2008 году таких было 30 человек, то в 2009-м уже 23 человека.

Анализируемые данные указывают, что к 2012 году сокращается численность детей, у которых лишены или ограничены в родительских правах оба родителя или единственный родитель. При этом чаще стала применяться более щадящая по отношению к семье норма ограничения родителей в родительских правах. Кроме того, растет число детей, чьи родители восстановились в своих правах. За 2013 год с профилактического учета снято 627 законных представителей несовершеннолетних (за 2012 год — 723), из них в связи с исправлением и оздоровлением обстановки в семье — 358 (за 2012 год — 356).

2. Отказ от новорожденного ребенка. По данным регионального банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, число детей, оставленных в роддомах и больницах по заявлению родителей о согласии на усыновление или по акту об оставлении ребенка в лечебном учреждении, так называемых «отказов» матерей от новорожденных детей, имеет тенденцию к сокращению.

Если в 2006 году число детей, оставленных в роддомах, составляло 176 человек, то уже к 2013 году их число сократилось на 40%. Причинами служат, во-первых, выплата материнского капитала, во-вторых, действенные профилактические меры воздействия на женщин [3].

3. Беспризорность и безнадзорность. Одной из актуальных проблем является розыск пропавших детей. Возраст 55% пропавших детей и подростков не превышает 14 лет. Исчезновение несовершеннолетних связано, как правило, не с криминальными обстоятельствами, а с проблемами дефицита внимания и заботы в семье, безучастности либо формальной работы с неблагополучными семьями органов системы профилактики.

За 2008 год в отделения внутренних дел было доставлено 5874 несовершеннолетних, из них за безнадзорность и беспризорность — 2456 человек. В 2010 году в региональном розыске находилось 584 ребенка, из них разыскано 574 ребенка, осталось в розыске 10 детей. Число безнадзорных детей продолжает оставаться на высоком уровне. Так, в 2012 году сотрудниками полиции доставлено в ОВД 2189 несовершеннолетних (в 2011 году — 2985), из них 1084 — за безнадзорность и беспризорность и 575 тех, кому требовалась помощь государственных структур. Помещено в учреждения социальной защиты 74 подростка, в учреждения здравоохранения — 301, в учреждения органов образования — 24. В течение 2013 года с территории детских домов, школ-интернатов, социально-реабилитационных центров допущен 161 самовольный уход, в которых приняло участие 137 воспитанников [1, с. 42].

Приведенные показатели указывают, что проблемы детства не может решить ни принятие новых законопроектов, ни увеличение или сокращение числа специалистов, занимающихся вопросами детей, ни рост пособий или финансовых выплат, выплачиваемых за рождение и воспитание детей. Прежде всего необходимо возрождать семейные ценности.

В силу разных исторических причин несколько поколений в России не смогли передать ценность семейных традиций, тем самым семья утратила основу возрождения, а главными пострадавшими оказались дети.

4. Преступления в отношении несовершеннолетних. Тревожными продолжают оставаться показатели преступлений в отношении несовершеннолетних. Как отмечает уполномоченный по правам ребенка в Волгоградской области Н. Н. Болдырева, число преступлений в отношении детей сократилось на 36,7% в 2010 году по сравнению с 2009 годом. Структура преступлений в отношении несовершеннолетних рассмотрена в табл. 1.

Таблица 1

Структура преступлений в отношении несовершеннолетних [1, с. 46—51]

Вид преступлений	2009	2010	2011	2012	2013
Убийство ребенка	5	2	7	6	0
Преступление против половой неприкосновенности, в том числе:	870	302	175	405	77
— действия сексуального характера с несовершеннолетним;	816	137	93	77	17
— изнасилования	32	17	13	17	16
Преступление в отношении малолетних детей	232	256	454	731	614
Преступление против жизни и здоровья ребенка	—	329	324	344	423
Преступление по неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, сопряженному с жестоким обращением	—	138	116	75	50

Анализ структуры преступлений в отношении несовершеннолетних свидетельствует, что в 2009 году показатели по всем видам преступления были высокие. В 2010 году произошло снижение количества преступлений против половой неприкосновенности ребенка в среднем на 66,6%, действий сексуального характера с несовершеннолетним — на 86,4%, изнасилований — на 28,1%. Продолжилась данная тенденция в 2011 году: на 15,9% уменьшилось количество уголовных дел, возбужденных за преступления по неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, сопряженному с жестоким обращением, на 17,9% — количество преступлений против жизни и здоровья. Однако в 2010 году отмечен рост на 10,3% преступлений в отношении малолетних детей, хотя в 2009-м было снижение на 28,2%.

Обратный аспект отмечен в 2012 году. В данный период возросло количество преступлений против жизни и здоровья ребенка на 6,2%, из них отмечается рост числа случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на 28,6%, а также побоев — на 17,8%. За анализируемый период произошло снижение таких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, как убийства — на 14,3%, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, — на 17,2%. Остается тревожной тенденцией рост количества преступлений, совершенных в отно-

шении малолетних, — на 61,0%. В сравнении с 2011 годом в 2012-м отмечается рост количества преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности на 31,4%. Возросло количество изнасилований на 30,7%.

В 2013 году произошел рост преступлений на 23% (с 344 до 423), в том числе: умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью — на 38,9% (с 18 до 25); умышленное причинение легкого вреда здоровью — на 4,3% (с 46 до 48); побои — на 32,5% (с 231 до 306); причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности — на 20% (с 5 до 6); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью — на 5,9% (с 17 до 18). С другой стороны, по преступлениям против половой неприкосновенности в отношении малолетних и убийство новорожденных детей за анализируемый период сократилось [Там же. С. 46—51].

5. Крайне напряженной в целом в Российской Федерации и в Волгоградской области остается суицидальная ситуация среди детей и подростков. Частота оконченных суицидов несовершеннолетних в Российской Федерации составила в 2009 году 4,2 случая, а в 2010-м — 3,9 случая на 100 тысяч детского населения. Для сравнения: в развитых странах мира частота суицидов в детском возрасте составляет от 0,4 до 1,5 случая.

Таблица 2

Смертность детей от суицида в Волгоградской области [1, с. 69—70]

Год	Всего случаев детского суицида	В т. ч. мальчики	В т. ч. девочки	Коэффициент смертности в Волгоградской области (число умерших на 100 тысяч детского населения)	Коэффициент смертности в России
2009	19	15	4	4,1	4,2
2010	11	9	2	2,4	3,9
2011	15	9	4	3,3	4,0
2012	16	10	6	3,4	4,6
2013	8	4	4	2,1	—

Итак, приведенные показатели свидетельствуют, что суицид среди подростков и детей сохраняет тревожные тенденции. В 2009 году в Волгоградской области зарегистрировано 19 случаев суицида, в том числе в возрасте от 10 до 14 лет — 3 случая, в 2010 году — 11 случаев, в том числе в возрасте от 10 до 14 лет — 4 случая. В 2011 году — 15 случаев, в возрасте 10—14 лет — 2 случая. В 2012 году зарегистрировано 16 случаев, в том числе в возрасте 10—14 лет — 3 случая. В 2013 году установлено 8 случаев детских суицидов, в результате которых погибли 4 мальчика и 4 девочки. Из 8 несовершеннолетних, покончивших жизнь самоубийством в 2013 году, 5 воспитывались в неполных семьях, 1 воспитывался опекуном, 2 — в полных благополучных семьях [Там же. С. 69—70].

В Волгоградской области смертность детей от суицида несколько ниже средних данных по России, но является одной из самых высоких в Южном федеральном округе. Кроме того, по сравнению с 2010 годом в 2011-м произошло увеличение числа детских суицидов. В 2013 году благодаря совместной работе субъектов системы профилактики по реализации Плана мероприятий, направленных на профилактику суицидов несовершен-

нолетних в Волгоградской области, отмечается снижение числа суицидов в 2 раза по сравнению с 2012 годом.

Отмечается существенное преобладание несовершеннолетних, покончивших жизнь самоубийством, мужского пола. Все подростки, покончившие жизнь самоубийством, — это дети из наиболее социально уязвимых групп населения: оставшиеся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья, состоящие на различных видах учета, из неполных семей. На территории Волгоградской области с 2010 по 2013 год не зафиксированы факты совершения групповых суицидов.

Глубинные причины суицидальных проявлений у несовершеннолетних, как правило, кроются в отчуждении между родителями и детьми, непонимании взрослыми детских и подростковых проблем, отсутствии своевременной помощи и поддержки как в семье, так и извне. Анализ мотивов совершения подростками самоубийств показывает, что чаще всего несовершеннолетние совершают суициды по причине наличия личностных проблем, замкнутости, психического (иного) заболевания, конфликтов со сверстниками, неудач в учебе, низкого уровня школьной адаптации, безразличия окружающих, черствости, бестактного поведения отдельных педагогов, аддитивного поведения (наркотики, алкоголь), а также из-за размещения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования информации, популяризирующей самоубийства.

Родители недооценивают особенности и свойства Сети, потому что сами выросли в мире, далеком от виртуального пространства. А их детям глобальная сеть порой заменяет реальный мир. Оставлять ребенка наедине с Интернетом — все равно что уйти из квартиры и оставить дверь открытой: любой посторонний может зайти и начать общение с ребенком, может обидеть, запугать, внушить что-то, развратить, заставить совершить роковой поступок.

Таким образом, современное состояние детства в Волгоградской области негативно влияет на воспроизводство качественных человеческих ресурсов. Несмотря на проведение совместной работы субъектов системы профилактики социального сиротства, беспризорности, суицидов среди несовершеннолетних, число детей, нуждающихся в государственной поддержке, растет, особенно в форме скрытого социального сиротства. Детям некомфортно находиться в биологической семье. Кроме того, приемные семьи не всегда решают вопросы по преодолению сиротства. Феномен вторичного социального сиротства (возврат детей из замещающих семей: в 2009 году — 152, в 2010-м — 141, в 2011-м — 138) увеличивает число детей, нуждающихся в государственной поддержке [4].

Оценки человеческих ресурсов на семейно-институциональном уровне характеризуют влияние проводимой

политики воспроизводства человеческих ресурсов на развитие семей (рождение детей, поддержание здоровья родителей), их социально-экономическую устойчивость, а также на обеспечение организаций корпоративного сектора человеческими ресурсами с соответствующими качественно-количественными характеристиками. Оценки человеческих ресурсов на территориальном уровне характеризуют влияние политики воспроизводства человеческих ресурсов на формирование семейно-брачной, половозрастной, образовательно-профессиональной структуры народонаселения муниципальных образований, а также на социальную, трудовую сферы регионов. Оценки человеческих ресурсов на межрегиональном уровне характеризуют влияние политики воспроизводства человеческих ресурсов на макроэкономические показатели развития федеральных округов и страны в целом (валовой региональный продукт, валовой внутренний продукт, валовое накопление капитала, конечное потребление домашних хозяйств). Из параметров данных оценок формируется система индикаторов, выступающих средством их измерения и позволяющих количественно оценить их состояние.

Эффективное регулирование процессов воспроизводства человеческих ресурсов региона обеспечит достижение стабильного экономического роста. Развитие таких элементов социальной сферы, как здравоохранение, система социального обеспечения, система обеспечения занятости, учреждения культуры, спорта, в определенной степени обеспечивая здоровье, социальную защиту населения, создают условия для поддержания работоспособности, повышения социального самочувствия населения, увеличения трудового долголетия его экономически активной части. В русле данного стратегического направления находится и пропаганда сознательного материнства, отцовства, ответственного родительства, которая направлена на минимизацию неблагоприятного влияния социально-политической, экономической ситуации на воспроизводство населения, человеческих ресурсов.

В настоящее время государственная социальная политика должна быть разграничена в сферах реализации на федеральном и региональном уровне. При этом региональная социальная политика должна формироваться и реализовываться в регионах России только на основе согласованной социально-экономической политики Российской Федерации и субъектов Федерации, так как каждый регион обладает своими специфическими социально-экономическими особенностями (экономический потенциал, развитие энергосырьевой базы, доходность регионального бюджета), которые, в свою очередь, обуславливают уровень его социального развития. Особое значение в сложившихся условиях приобретают региональные программы социального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Волгоградской области в 2013 году. Волгоград, 2014. 111 с.
2. Беликова Е. В., Сырбу А. Н. Система мероприятий повышения качества трудовых ресурсов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 150—154.
3. Тимошенко Е. Ю. Проблема обеспечения прав и свобод социальных сирот в условиях трансформации российского общества (на примере Волгоградской области) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2007. № 4. С. 36—39.
4. Чернявская Е. Ю. Проблемы воспроизводства человеческих ресурсов в современной России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 186—191.

REFERENCES

1. Report on the activities of the Commissioner for Children's Rights in Volgograd region in 2013. Volgograd, 2014. 111 p.
2. Belikova E. V., Syrбу A. N. System of measures for improving the quality of labor resources // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 150—154.
3. Timoshenko E. Yu. The problem of ensuring the rights and freedoms of orphans in the transformation of Russian society (on the example of Volgograd region) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2007. № 4. P. 36—39.
4. Chernjavskaia E. Yu. Problems of reproduction of human resources in modern Russia // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 186—191.

УДК 331.5.024.5:332.1

ББК 65.240.5:65.04

Kondralev Anton Pavlovich,
assistant of the department of management
of Volgograd Cooperative Institute,
Volgograd,
e-mail: kondr-1@mail.ru

Кондралев Антон Павлович,
ассистент кафедры менеджмента
Волгоградского кооперативного института,
г. Волгоград,
e-mail: kondr-1@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

SOME THEORETICAL ASPECTS OF THE REGIONAL LABOR MARKET FORECASTING

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты прогнозирования — понятие «процесс» и виды прогнозов. Проанализирована современная система прогнозирования рынка труда. Представлен процесс прогнозирования регионального рынка труда. Сделаны выводы об определенных ограничениях метода прогноза баланса трудовых ресурсов. С целью совершенствования системы прогнозирования предложено и обосновано внедрение маркетингового подхода — маркетинговых исследований спроса и предложения регионального рынка труда. Маркетинговые исследования позволят давать количественные и качественные оценки конъюнктуры рынка труда в среднесрочной перспективе, а также разрабатывать механизмы воздействия на спрос и предложение на рынке труда.

This article discusses some of the theoretical and methodological aspects of forecasting, the notion of process and types of forecasting. Modern system of the labor market forecasting is analyzed. The process of the regional labor market forecasting is provided. Conclusions about certain restrictions of the labor resources balance forecast method are made. In order to improve the forecast system, introduction of the marketing approach, marketing researches of demand and offer at the regional labor market, is proposed and justified. Marketing researches allow providing quantitative and qualitative evaluations of the labor market conjuncture in the middle-term prospect, as well as developing the tools of affecting demand and offer at the labor market.

Ключевые слова: прогнозирование, вакансии, баланс, занятость, безработица, рынок труда, дисбаланс рынка труда, регулирование рынка труда, трудовые ресурсы, конъюнктура рынка труда, региональный рынок труда, маркетинговые исследования.

Keywords: forecasting, vacancies, balance, employment, unemployment, labor market, imbalance of the labor market,

labor market regulation, labor resources, conjuncture of the labor market, regional labor market, marketing researches.

Современные экономические системы в разных странах мира достаточно быстро изменяются под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. За последние двадцать лет российская экономика также претерпела серьезные качественные изменения. И хотя период перехода к рыночной экономике еще не закончился, нынешнее состояние российской экономики и ее институтов существенно отличается от ее состояния на старте рыночных реформ. Не удивительно, что в 90-е годы прошлого столетия в условиях недостаточной профессионально-отраслевой дифференциации трудовых ресурсов в новых экономических реалиях проблемы прогнозирования рынка труда отошли на второй план. Сегодня, когда и на уровне национальной экономики, и на уровне регионов все шире применяется программно-целевое планирование, составляются бюджеты на трехлетний период, а на рынке труда появилось большое количество новых профессий и форм занятости, проблемы прогнозирования количественных и качественных изменений на рынке труда требуют более подробного анализа и современных решений. Прогнозы рынка труда на среднесрочную перспективу необходимы корпорациям для разработки инвестиционных проектов, предприятиям малого и среднего бизнеса — для планирования своего дальнейшего развития, органам государственной власти — для проведения мероприятий по регулированию рынка труда. Иными словами, сегодня прогнозирование выступает не только как самостоятельное научное направление, но и как эффективный инструмент, с помощью которого можно разрешить такие проблемы рынка труда, как несоответствие предложения рабочей силы спросу по уровню образования, несоответствие работников компетенциям, которых требуют работодатели; дать ответ на такие вопросы, как: какие профессии будут востребованы, какими профессиональными качествами должны обладать работники в будущем, сколько необходи-

мо работников в профессионально-количественном соотношении и др.

Таким образом, прогнозирование приобретает все большее значение в решении проблем регулирования рынка труда, поэтому на первый план выдвигаются вопросы теории и методологии прогнозирования рынка труда как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных регионов.

Далее рассмотрим ряд определений понятия «прогнозирование».

1. Прогнозирование — это система научных исследований качественного и количественного характера, направленных на выяснение тенденций развития определенных явлений, объектов, процессов, организации [1, с. 14].

2. Прогнозирование — это предвидение основных факторов и тенденций социально-экономического, инновационно-технологического, экологического и территориального развития в перспективном периоде для выбора приоритетов и обоснования принятых стратегических и тактических решений на государственном и корпоративном уровне [2, с. 40].

3. Прогнозирование — это процесс вероятностного научно обоснованного суждения о перспективах, возможных состояниях того или иного явления в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления [3, с. 171].

Приведенные выше примеры определений понятия «прогнозирование» имеют общее схожее ядро. У всех авторов прогнозирование — это процесс или система, то есть непрерывная замкнутая цепочка научных исследований состояния объекта прогноза. Исследования имеют качественные и количественные характеристики, проводятся с целью выявления закономерностей в жизненном цикле объекта. На основе выявленных закономерностей строится прогноз состояния объекта и его тенденций, альтернативные пути развития.

Таким образом, прогнозирование в широком смысле — это получение какой-либо информации о будущем состоянии объекта, в узком смысле это научно-исследовательская работа, предметом которой является перспектива развития объекта. Первостепенная задача процесса прогнозирования — разработка прогноза.

Прогноз — это научно обоснованное суждение о возможных состояниях объектов в будущем или об альтернативных путях и сроках их осуществления. Прогноз описывает будущее состояние системы. Прогноз как познавательная модель носит дескриптивный (описательный) характер [4].

Процесс прогнозирования включает в себя четыре этапа (рис. 1).

Рис. 1. Процесс прогнозирования

На первом этапе устанавливается объект прогнозирования, проводится его описание, выбираются параметры оценки и проводится сама оценка, выделяется количество связей и определяется их сложность. Затем происходит выбор источников информации об объекте, проводится их оценка и определяется порядок работы с ними. Ставится задача исследования.

На втором этапе процесса прогнозирования происходит систематизированное описание объекта прогнозирования, в том числе прогнозного фона. Цель второго этапа — выявить тенденции объекта прогнозирования и выбор методов и моделей прогнозирования.

Третий этап процесса прогнозирования — это обширная разработка прогноза, расчет параметров прогноза и синтез его отдельных составляющих.

На четвертом этапе процесса прогнозирования проводится оценка и верификация прогноза, определяется степень точности и достоверности.

Процесс прогнозирования — это непрерывный процесс. Вслед за четвертым этапом вновь происходит предпрогно-

зная ориентация на основе сопоставления материалов, полученных в процессе работы, с новыми данными прогнозного фона. Тем самым происходит запуск нового цикла прогнозирования.

Процесс прогнозирования базируется на следующих условиях:

- 1) научная обоснованность прогноза;
- 2) непрерывность процесса прогнозирования;
- 3) главенствующая роль перспективного прогнозирования над текущим;
- 4) согласованность прогнозов;
- 5) многовариантность прогнозирования;
- 6) выбор основных факторов;
- 7) системность разработки прогноза;
- 8) достоверность и обоснованность прогноза;
- 9) реальность модели прогноза;
- 10) рентабельность.

Принципы прогнозирования обеспечивают методологическое единство разнообразных методов и моделей прогнозирования [5, с. 10].

Классификация прогнозов

Принцип построения	Виды прогноза	Свойства прогноза
По цели	Поисковый	Основывается на выяснении развития исследуемого явления в будущем при сохранении тенденций развития прошлого
	Нормативный	Учитывает заранее поставленные цели и определяет пути и сроки их достижения
По временному горизонту	Оперативный	Разрабатываются на срок до 1 месяца, содержат в себе только количественные показатели
	Краткосрочный	Разрабатываются на срок до 1 года, содержат в себе общие количественные показатели
	Среднесрочный	Разрабатываются на срок от 1 года до 5 лет, содержат как количественные, так и общие качественные оценки
	Долгосрочный	Разрабатываются на срок от 5 до 15 лет и содержат как общие количественные, так и общие качественные показатели
	Дальнесрочный	Разрабатываются на срок свыше 20 лет и содержат общие качественные характеристики
По содержанию	Экономический	Цель — предоставление информации о развитии любых экономических явлений
	Демографический	Показывает движение населения и динамику воспроизводства трудовых ресурсов, уровень и структуру занятости населения и др.
	Социальный	Охватывает вопросы уровня и качества жизни населения
	Экологический	Занимается вопросами экологической ситуации на разных географических уровнях
	Прогноз природных ресурсов	Дает информацию о потребностях общественного воспроизводства в природных ресурсах и о возможностях их использования
	Научно-технический	Дает оценку перспективных направлений научно-технического прогресса
По методам разработки	Интуитивный	Прогнозную информацию разрабатывают эксперты. Этот метод используется в тех случаях, когда об объекте прогнозирования ничего не известно, когда он сложен и на его развитие оказывает влияние множество разнообразных факторов
	Формализованный	Основываются на имеющейся статистической информации об объекте, которая обрабатывается специалистами с помощью формализованных методов
По масштабности прогнозирования	Макроэкономические прогнозы	Объектом прогнозирования является страна в целом
	Структурные прогнозы	К ним относятся межрегиональные, межотраслевые прогнозы
	Прогноз развития отраслевых комплексов	Объектами прогнозирования являются отраслевые комплексы предприятий
	Региональные прогнозы	Объектом прогнозирования является регион страны
	Прогноз первичных звеньев экономики	Объектом прогнозирования является организация, компания
	Глобальные прогнозы	Объект прогнозирования — мир в целом, крупные мировые регионы

Прогнозирование основывается на трех взаимосвязанных источниках информации о будущем:

— оценка перспектив развития происходит на основании опыта при помощи использования аналогий со сходными явлениями и процессами;

— если информация о прошлом и настоящем объекта хорошо известна, то используется метод экстраполяции;

— модель будущего развития строится на основании ожидаемых или желательных изменений, при этом перспективы развития хорошо известны.

В теории прогнозирования традиционно выделяют три группы методов разработки прогнозов [3, с. 193—194]:

— экстраполирование и интерполирование (выявление промежуточного значения между двумя известными моментами процесса) — построение динамических рядов развития показателей прогнозируемого явления на протяжении периодов основания прогноза в прошлом и упреждения прогноза в будущем;

— моделирование — построение поисковых и нормативных моделей с учетом вероятного или желательного изменения прогнозного явления на период предсказания прогноза по имеющимся прямым или косвенным данным о масштабах и направлении изменений. Чаще всего используется прогнозная модель — система уравнений;

— анкетирование (интервьюирование, опрос) — опрос населения, экспертов с целью упорядочить, объективизировать субъективные оценки прогнозного характера. Для прогнозирования особенное место занимает опрос экспертов. Опросы населения с целью прогнозирования используются пока что сравнительно редко.

Прогнозирование рынка труда — это процесс разработки прогноза спроса и предложения на рабочую силу. Объектами прогнозирования рынка труда являются [5, с. 56]:

— трудовые ресурсы в целом (или население в трудоспособном возрасте);

— отдельные составные части трудовых ресурсов (незанятое население (безработные), занятое население и экономически неактивное население (или лица, обучающиеся с отрывом от производства; лица, занятые в домашнем, личном подсобном хозяйстве, а также лица, не желающие заниматься общественным трудом);

— число рабочих мест;

— масштабы высвобождения трудовых ресурсов.

В современной экономической литературе к основным задачам прогнозирования рынка труда относят:

— анализ основных конъюнктурных факторов, определяющих состояние рынка труда, и выявление тенденций изменений региональных и национального рынков труда;

— оценка конкурентоспособности отдельных социально-демографических групп населения, а также возможностей государства и местных органов власти обеспечить защиту социально уязвимых слоев трудоспособного населения, особенно в периоды экономической нестабильности и кризиса;

— предвидение новых тенденций, альтернативных направлений развития рынка труда;

— расчет количественных показателей спроса и предложения на рынке труда.

Основополагающим принципом прогнозирования рынка труда является принцип многовариантности, который включает в себя разработку нескольких вариантов прогнозов, пассивного и активного характера. Пассивный прогноз основывается на выявлении и анализе динамики рынка труда и ее проекции на будущие периоды. Активный ва-

риант прогноза учитывает деятельность государства в области политики занятости. Для построения эффективного прогноза рынка труда необходимо постоянно отслеживать изменения, которые на нем происходят. В структуру информационно-аналитической базы для построения прогноза рынка труда входят такие информационные блоки, как демографическая ситуация в регионе, конъюнктура рынка труда, статистика эффективности работы региональных служб занятости, общеэкономическая ситуация в регионе.

Процесс прогнозирования рынка труда на уровне региона можно представить с помощью следующей схемы (рис. 2).

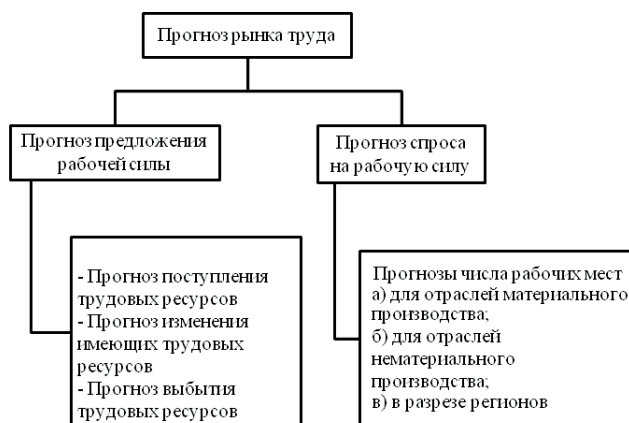

Рис. 2. Процесс прогнозирования рынка труда региона

Прогнозирование рынка труда можно осуществлять двумя путями. Первый путь основывается на причинно-следственном механизме изучаемого явления. Появление любого экономического явления невозможно само по себе, оно является следствием возникновения и влияния множества факторов, что впоследствии можно оценить количественно, предполагая то, что сила их влияния не будет изменяться со временем. Так, для прогноза рынка труда выбирается один показатель, например безработица. В процессе исследовательской деятельности выявляются факторы, оказывающие влияние на безработицу, и с помощью математико-статистических методов оценивается степень влияния каждого фактора на данный показатель. В итоге строится многофакторная экономико-статистическая модель.

Второй путь предполагает выбор какого-то одного показателя и прогнозирование его изменения при помощи методов экстраполяции. На практике в прогнозировании рынка труда используется метод экспоненциального сглаживания.

Существуют и иные способы прогнозирования рынка труда. Например, на региональном рынке труда можно использовать метод экспертных оценок. В качестве экспертов могут выступать руководители организаций, оценивающие перспективы сокращения или расширения штата сотрудников.

В качестве самостоятельного метода прогнозирования также используется метод баланса рабочих мест. Баланс рабочих мест рассчитывается как разница между количеством рабочих мест на начало прогнозируемого периода и выбывшими по различным причинам рабочими местами в прогнозируемом периоде плюс прирост рабочих мест в прогнозируемом периоде.

В последние годы органы государственного управления

обратили внимание на проблемы прогнозирования рынка труда. В 2011 году вышло постановление о разработке прогноза, а впоследствии приказ об утверждении методики его разработки. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 июня 2011 года № 440 «О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов» прогноз баланса трудовых ресурсов разрабатывается в целях оценки сбалансированности, определения структурных пропорций, выявления перспектив развития рынка труда и повышения эффективности использования трудовых ресурсов. Прогноз разрабатывается в целом по России на основании комплексной информации, включающей в себя данные о балансе трудовых ресурсов, демографические показатели, прогнозы социально-экономического развития страны и экспертные оценки. Итогом является прогноз в виде таблицы с горизонтом планирования на два года. Он строится на основе следующих показателей: численность и распределение трудовых ресурсов, распределение занятых в экономике по разделам ОКВЭД и др. Методика прогнозирования, принятая Правительством РФ, является методикой среднесрочного прогнозирования и, на наш взгляд, может лишь отразить предложение на рынке труда, при этом не прогнозируется спрос на рабочую силу. А ведь именно несоответствие спроса и предложения на рынке труда ведет к его дисбалансу, порождает фрикционную безработицу [6].

Рынок труда как система отношений, связанных с куплей и продажей товара «рабочая сила», естественным образом зависит от динамики и вектора экономического развития страны. Поэтому при анализе и прогнозировании спроса на рабочую силу и ее предложения на рынке труда необходимо учитывать влияние демографических и макроэкономических факторов. Однако будущее состояние российского национального рынка труда в значительной мере определяется состоянием локальных (региональные, отраслевые, профессиональные) рынков рабочей силы, которые имеют свои особенности, для учета которых необходимо подобное исследование происходящих на региональном рынке труда процессов [7]. Решение возникающих на региональных рынках труда проблем будет способствовать обеспечению эффективной занятости на общероссийском рынке труда в целом.

Таким образом, оценка и прогнозирование динамики предложения и спроса на рабочую силу на региональном рынке труда представляет собой комплексную задачу [8]. Ее решение предполагает совершенствование существующей в регионе системы статистического наблюдения, мониторинг регионального рынка труда, выявление основных объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на его текущее состояние и динамику, определение основных тенденций изменения его ключевых параметров [9].

Рассмотрев теоретические аспекты прогнозирования рынка труда, мы пришли к следующему выводу. Сегодня нет четкой системы и обоснованных методик прогнозирования спроса и предложения на локальных рынках труда специалистов тех или иных направлений, учитывающих как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на структуру спроса и предложения на рынке труда региона, что негативно сказывается на качестве и точности имеющихся прогнозов занятости населения. Более того, под сомнение можно поставить качество имеющейся информационной базы для прогнозирования рынка труда. Если демографическую ситуацию можно достаточно точно определить, то информация о сложившейся конъюнктуре рынка

труда остается под сомнением. Далеко не все предприятия, особенно среднего и малого бизнеса, предоставляют в региональные центры занятости данные о наличии вакантных мест. Более того, в условиях рыночной неопределенности предприятиям сложно делать прогнозы на будущее относительно перспектив их развития, а следовательно, планировать потребность в специалистах того или иного направления и уровня квалификации. Вузы слабо учитывают региональные особенности рынка труда, перемены, происходящие на социально-экономическом пространстве региона, изменения в отраслевой структуре региональной экономики и социальной сфере, сохраняя программы подготовки молодых специалистов неизменными из года в год [10]. Соответственно дисбаланс и деформации на региональных рынках труда фактически консервируются.

С учетом того, что три четверти населения России проживает в городах, а среди выпускников городских средних школ складывается устойчивая тенденция к продолжению образования в вузах или колледжах, для среднесрочного прогнозирования предложения и спроса на рынке труда необходимо изучать жизненные, образовательные и профессиональные траектории старшеклассников. Это позволит прогнозировать структуру спроса на рынке образовательных услуг в краткосрочном периоде и структуру предложения на рынке труда со стороны молодых специалистов в профессионально-квалификационном разрезе в среднесрочной перспективе.

Таким образом, учебным заведениям профессионального образования специалистов необходимо постоянно отслеживать изменения в конъюнктуре рынка труда, вносить соответствующие корректировки в планы набора абитуриентов, планировать на перспективу открытие новых направлений подготовки по тем специальностям, которые будут востребованы рынком. Однако это решит только часть проблемы несбалансированности спроса и предложения на рынке труда специалистов, так как процесс выбора учебного заведения и мотивы поступления на то или иное направление (специальность) являются субъективными, а при выборе будущей профессии выпускники школ и их родители, которые, несомненно, оказывают сильное влияние на своих детей, вряд ли руководствуются прогнозами спроса на тех или иных специалистов в среднесрочной перспективе. Поэтому необходимо придать новое качество профориентационной работе в школах, начинать ее в 7—8-м классе, привлекая к проведению профориентационных мероприятий представителей предприятий и организаций региона, преподавателей профессиональных учебных заведений, специалистов центров занятости и др.

Для составления подобных прогнозов целесообразно дополнить существующие методы прогнозирования рынка труда методами маркетинговых исследований, которые позволяют давать не только количественные, но и качественные оценки конъюнктуры рынка труда в среднесрочной перспективе. Здесь наиболее информативными методами маркетинговых исследований являются анкетные опросы выпускников средних школ, гимназий и лицеев и их родителей, выпускников средних профессиональных учебных заведений по проблемам выбора учащимися своей образовательной и профессиональной траектории. Применение маркетинговых исследований в прогнозировании рынка труда и рынка образовательных услуг позволит разрабатывать и применять эффективные инструменты воздействия на спрос и предложение на данных рынках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Минько Э. В., Минько А. Э. Методы прогнозирования и исследования операций: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2010. 480 с.
2. Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2008. 575 с.
3. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование: курс лекций. М.: Педагогическое общество России, 2002. 392 с.
4. Никитина В. В. Теоретико-методологические основы социально-экономического прогнозирования реформ // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 151—154.
5. Новикова Н. В., Поздеева О. Г. Прогнозирование национальной экономики: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. 137 с.
6. Загородняя Е. Е., Кондралев А. П. Проблемы разбалансированности рынка труда РФ в современных условиях // Научный потенциал XXI века, актуальные проблемы современного общества: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 28 февраля 2012 года. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. С. 172—175.
7. Загородняя Е. Е., Иващенко М. Г., Кондралев А. П. Инновационные подходы к исследованию и прогнозированию регионального рынка труда // Кооперативная наука и образование в инновационных исследованиях: мат. междунар. науч. конф. профессорско-преподавательского состава, сотрудников и аспирантов Российского университета кооперации, кооперативных вузов стран СНГ по итогам научно-исследовательской работы в 2013 году (6 февраля 2014 года). Ярославль; Москва: Канцлер, 2014. С. 515—524.
8. Коваленко Н. В. Рынок труда и безработица в условиях кризиса: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 90—95.
9. Сидунова Г. И. Системно-динамический подход к прогнозированию и управлению человеческими ресурсами региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 137—140.
10. Иващенко М. Г. Проблемы организации маркетингового прогнозирования рынка труда и трудоустройства выпускников высших учебных заведений // Современные формы взаимодействия общества, кооперации и государства в период модернизации: мат. Междунар. науч. конф. профессорско-преподавательского состава, сотрудников и аспирантов вузов России и зарубежных стран по итогам научно-исследовательской работы в 2009 году. М.: Российский университет кооперации, 2010. С. 200—202.

REFERENCES

1. Minko E. V., Minko A. E. Forecasting methods and operations research: textbook. M.: Finance and Statistics, 2010. 480 p.
2. Kuzyk B. N., Kushlin V. I., Yakovets Yu. V. Forecasting, strategic planning and national programming: textbook, 2nd edition, revised and amended. M.: Economics, 2008. 575 p.
3. Bestuzhev-Lada I. V., Namestnikova G. A. Social forecasting: course of lectures. M.: Pedagogical Society of Russia, 2002. 392 p.
4. Nikitin V. V. Theoretical and methodological foundations of the socio-economic forecasting of reforms // Bulletin of Tomsk State University. 2012. № 357. P. 151—154.
5. Novikov N. V., Pozdeyeva O. G. Prediction of the national economy: training-methodical guide. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State Economic University, 2007. 137 p.
6. Zagorodnya E. E., Kondrlev A. P. Problem of an imbalanced labor market of the Russian Federation in the present conditions // Scientific potential of the twenty-first century, topical problems of the modern society: collection of scientific articles of the International Scientific-Practical Conference, Volgograd, 28 February, 2012. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House, 2012. P. 172—175.
7. Zagorodnya E. E., Ivashchenko M. G., Kondrlev A. P. Innovative approaches to the study and forecasting of the regional labor market // Cooperative science and education in the innovative researches: materials of the international scientific conference of the faculty, staff and post-graduate students of the Russian University of Cooperation, Cooperative universities of the CIS countries upon results of the research work in 2013 (February 6, 2014). Yaroslavl; Moscow: PH Chancellor, 2014. P. 515—524.
8. Kovalenko N. V. Labor market and unemployment in the conditions of crisis: regional aspect // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 90—95.
9. Sidunova G. I. System dynamic approach to forecasting and management of the region human resources // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 137—140.
10. Ivashchenko M. G. Problems of arrangement of marketing forecasting of the labor market and the employment of university graduates // Modern forms of interaction between society, co-operation and the state in the period of modernization: materials of the International scientific conference of the faculty, staff and pos-graduate students of the universities in Russia and abroad upon results of the research work in 2009. M.: Russian University of Cooperation, 2010. P. 200—202.

УДК 658.114:332.1
ББК 65.290.31:65.04

Kupchinsky Alexander Vasilyevich,
post-graduate student of the department
of economics and finance of Rostov International Institute
of Economics and Management,
Rostov-on-Don,
e-mail: kupchina86@mail.ru

Купчинский Александр Васильевич,
аспирант кафедры экономики и финансов
Ростовского международного института
экономики и управления,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: kupchina86@mail.ru

ОЦЕНКА СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА РАЗВИТИЕ МАЛЫХ БИЗНЕС-СТРУКТУР РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ASSESSMENT OF SYSTEMIC FACTORS INFLUENCING DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES IN ROSTOV REGION

В статье речь идет об актуальной на сегодняшний день проблеме, заключающейся в необходимости обеспечения экономической безопасности страны в условиях активизации интеграционных процессов национальной экономической системы в мировое экономическое пространство. Особое внимание уделено развитию малых бизнес-структур региона и их влиянию на хозяйственную деятельность, а также воздействующей роли внешних факторов в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Обобщается практический опыт возросшего значения малых бизнес-структур в условиях глобализации, присущие им экономические функции и особенности, значение в поддержании необходимого уровня конкурентоспособности региональной экономики. Автором проведен объективный и комплексный анализ социально-экономического развития региона в рамках ВТО по итогам первого полного годового периода.

The article examines the currently urgent issue consisting in the necessity of providing economic safety of the country in the conditions of activation of the integration processes of the national economic system into the world economic environment. The special attention is paid to development of small businesses of the region and their affect on the economic activity, as well as the leading role of external factors in the short-term and long-term prospects. Practical experience of the growing value of small businesses in the conditions of globalization is generalized, economic functions and peculiarities, as well as the value in supporting the required level of competitiveness of the regional economics. The author has performed objective and complex analysis of the region social-economic development within the frame of the WTO upon results of the first annual period.

Ключевые слова: малые бизнес структуры, устойчивое и эффективное развитие, внешние факторы, конкурентоспособность, региональная экономика, экономическая безопасность, влияние ВТО, инвестиционный потенциал, потенциальный инвестор, интеграционные процессы, глобализация.

Keywords: small businesses, sustainable and effective development, external factors, competitiveness, regional economics, economic security, impact of the WTO, investment potential, potential investor, integration processes, globalization.

Эффективное развитие товарно-рыночных отноше-

ний и развитие интеграционных процессов национальной экономической системы в мировое экономическое пространство обусловлены высокой потребностью в создании таких форм экономической деятельности, как малые бизнес-структуры. По очевидным оценкам, именно сектор малых бизнес-структур является базовым и объективно необходимым элементом региональной социально-экономической системы. Как нам известно, наибольшее количество функций, осуществляемых деятельностью малых бизнес-структур, носят стратегически важный характер особенно в ракурсе кризисных тенденций, последствия которых сегодня преодолеваются на всех уровнях экономической системы страны [1].

Устойчивость и динамичность малых бизнес-структур региона связаны с различными факторами как внешней, так и внутренней среды. Устойчивое и эффективное развитие малых бизнес-структур в настоящее время представляет собой сложный процесс, во многом определяющийся социальными и экономическими факторами, образующими единую и целостную систему связей, отношений и взаимодействий [2]. Возможности устойчивого и сбалансированного экономического развития субъектов региона в долгосрочной перспективе определяются характером и полнотой использования всего комплекса его конкурентных преимуществ, благоприятных внутренних и внешних факторов социально-экономического роста, стратегическими возможностями преодоления имеющихся ограничений в решении основных проблем, сдерживающих региональное развитие.

В современной рыночной экономике действует большое количество внешних факторов, оказывающих значительное влияние на деятельность малых бизнес-структур, и в связи с этим современные условия развития России ставят перед ней ряд серьезных вызовов, от которых зависит будущее нашей страны. При оценке и анализе влияния различных факторов внешней экономической среды можно дать ответы на ряд вопросов [3]: с какими проблемами объективно могут столкнуться малые бизнес-структуры; как возможные изменения во внешней среде смогут повлиять на деятельность малых бизнес-структур; как будет изменяться поведение внешней среды.

Одним из тревожных и волнующих системообразующих факторов современного развития сегодня является Всемирная торговая организация и ее влияние на деятельность отечественных малых бизнес-структур и их конкурентоспособность на мировой арене. По объективным результатам оценки, последствия от участия России в ВТО в масштабах всей отечественной экономики указывают

на всеобщий положительный эффект, однако отрасли могут существенно варьироваться на региональном уровне как в положительную, так и в отрицательную сторону. Многие эксперты сходятся во мнении, что влияние ВТО на экономическую деятельность малых бизнес-структур региона в краткосрочной и среднесрочной перспективе будут нейтрально отрицательными, наибольшие ожидания от членства России в ВТО сводятся к более долгосрочной перспективе, по результатам которой сформируется общая оценка того, насколько бизнес и власть окажутся способны развиваться и соперничать с зарубежными странами в условиях глобальной конкуренции [4]. Из опыта мировой практики следует, что в условиях современной глобализации роль малых бизнес-структур в развитии и обеспечении конкурентоспособности национальной экономики существенно возрастает, причем не только на международном уровне, но и в отношении регионов внутри страны [5].

Данное обстоятельство обуславливается, во-первых, тем, что малые бизнес-структуры — это абсолютно перспективный, быстрорастущий и наиболее адаптирующийся сектор экономической деятельности за счет присущих ему особенностей оперативно и гибко реагировать на меняющиеся экономические условия рынка, эффективно перестраивая свои направления стратегического развития. Во-вторых, нельзя не отметить и то, что огромное количество малых бизнес-структур чаще всего специализируются на реализации и производстве товаров и услуг ежедневного пользования, неэластичный спрос на которые более или менее стабилен даже в условиях финансовых кризисов и сокращения доходов населения.

Присоединение России к ВТО является не менее значимым внешним фактором экономического развития и для Ростовской области, способное оказать достаточно масштабное и разнонаправленное воздействие на экономику региона. По результатам 2013 года региональная экономика Ростовской области характеризовалась наиболее положительным ростом по отношению к другим регионам РФ (рис. 1), причем показатели социально-экономического роста за 2013 год опережают соответствующие общероссийские цифры прироста ВВП [6].

Необходимо констатировать, что 2013 год являлся первым полным годовым периодом, в рамках которого региональная экономика функционировала в условиях участия России в ВТО. Результаты итогового 2013 года свидетельствуют о том, что валовой региональный продукт составил 913911,6 млн рублей, что на 3,5% больше, чем объем ВВП за 2012 год. Аналогичная тенденция роста наблюдается и в увеличении оборота региональных бизнес-структур, составившего 105,4% в действующих ценах в сравнении с величиной за 2012 год. В абсолютной величине данный показатель по результатам 2013 года составил 2183431,6 млн рублей. Целесообразно обратить внимание на то, что, как и в предыдущие годы восстановления после мирового финансово-экономического кризиса, так и после вступления страны в ВТО Ростовская область продолжает демонстрировать положительную динамику и в сфере занятости регионального населения, а именно в сокращении количества безработных. По итогам 2013 года их число составило 17981, в то время как по итогам 2010-го данный показатель составлял 28936 человек. Если сравнить 2013 год с предыдущим, количество безработных в 2013-м сократилось на 5,3%, в сравнении с 2010 годом — на 37,9%. Если уровень официально зарегистрированной безработицы по итогам 2010-го составлял 1,3% от экономически активного населения, то по итогам 2013 года — 0,8% (рис. 2).

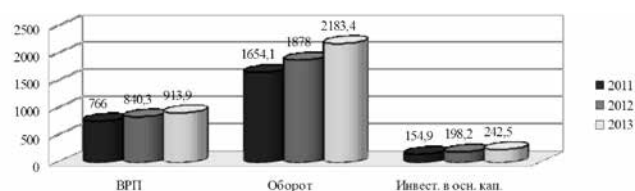

Рис. 1. Результаты экономического наблюдения Ростовской области в ВТО по итогам 2013 года по полному кругу бизнес-структур региона, млрд рублей (составлено автором по данным [6])

Рис. 1 наглядно свидетельствует о том, что по итогам первого полноценного года в рамках ВТО экономика региона продемонстрировала явную тенденцию к увеличению экономического роста. Важным свидетельством тенденций роста региональной экономики является увеличение инвестиций в основной капитал бизнес-структур.

Рис. 2. Численность официально зарегистрированных безработных граждан Ростовской области на конец 2013 года (составлено автором по данным [6])

Таким образом, рис. 2 говорит о том, что членство в ВТО не только не привело к ожидаемому многими экспертами увеличению безработицы в Ростовской области в связи с возможными последствиями нарастания конкурентного давления на малые бизнес-структуры региона и некоторого ухудшения их финансово-экономического состояния, но и напротив, сохраняется устойчивая тенденция снижения числа безработных граждан области.

На сегодняшний день комплексный анализ последствий вступления страны в ВТО для экономики Ростовской области неизбежно фокусируется в первую очередь на проблеме обеспечения экономической безопасности региона, так как малые бизнес-структуры в условиях открытых рынков ВТО могут получить как неплохие возможности для успешного функционирования (улучшение делового и инвестиционного климата; создание современной и цивилизованной среды, а также возможности противодействия бюрократическим, законодательным и административным барьерам; возможность привлечения прямых иностранных инвестиций в субъекты малых и средних бизнес-структур; возможность функционирования на новых внешних рынках для высокотехнологичной продукции), так и определенные экономические угрозы (увеличение рисков существования, связанных с либерализацией доступа иностранных компаний на российский рынок и повышением конкуренции; снижение общей конкурентоспособности малых бизнес-структур из-за отсутствия современного оборудования, производственных и информационных технологий, систем эффективного менеджмента; недостаток финансирования; низкая производительность труда; недостаток управленческих навыков;

административные барьеры), значительно обостряющиеся интеграцией российской экономики в мировую систему торговли.

Для того чтобы вступление в ВТО прошло с наименьшими потерями для региональной экономики, в большинстве субъектов РФ разработаны и утверждены концепции, стратегии и программы социально-экономического развития на среднесрочную и долгосрочную перспективы, содержащие в основном рекомендации относительно подготовки экономики регионов к работе в условиях членства в ВТО. Более того, в некоторых регионах ведется работа по анализу и гармонизации регионального законодательства в соответствии с требованиями ВТО, разработаны и реализуются региональные программы поддержки малых и средних бизнес-структур, планы мероприятий по производству и поставке продукции на экспорт, созданы рабочие группы и межведомственные комиссии по подготовке и адаптации отраслей экономики, а также учебно-методические центры по повышению квалификации по тематике ВТО.

В частности, для смягчения последствий вступления в ВТО Администрацией Ростовской области был разработан комплекс мер, нацеленных на повышение конкурентоспособности малых и средних бизнес-структур области [7]:

- реализован комплекс мер, направленных на техническое и технологическое перевооружение бизнес-структур (за счет субсидирования процентной ставки по привлекаемым кредитам и использования других финансовых механизмов);

- организована работа по аттестации бизнес-структур на соответствие международным стандартам системы менеджмента качества серии ISO-9000;

- усилено информационное сопровождение процесса вступления РФ в ВТО;

- проведена экспертиза действующего законодательства в целях приведения его в соответствие с нормами и принципами ВТО;

- создан финансовый институт, стабилизирующий ситуацию на ключевых для региона рынках;

- организованы мониторинг развития ситуации на рынках и оценка позиций бизнес-структур на рынках (совместно с Торгово-промышленной палатой, Союзом промышленников и предпринимателей и отраслевыми ассоциациями) с целью информирования и консультирования малых и средних бизнес-структур о возможных угрозах, а также оперативной выработки мероприятий по снижению рисков;

- организована подготовка и переподготовка кадров по праву ВТО, применению мер защиты от недобросовестной конкуренции, разрешению торговых споров, применению международных стандартов финансовой отчетности;

- разработаны совместно с вузами области образовательные программы, организовано и проведено обучение специалистов: менеджеров, экономистов, юристов, бухгалтеров — по проблематике ВТО.

Функционирование малых бизнес-структур в условиях ВТО действительно непростая проблема, включающая в себя огромное количество целей и задач, решение которых возможно лишь при условии объединения усилий всех заинтересованных сторон: как федеральных, так региональных структур и органов власти, а также структур поддержки малых бизнес-структур и различных представителей бизнес-сообщества.

Достижение наиболее высокого и эффективного уровня развития малых бизнес-структур в регионе со всей очевидностью стало возможным благодаря последовательным и целе-

направленным программам, направленным на создание благоприятных условий там, где малые и средние бизнес-структуры дают максимальный социально-экономический эффект [8], с учетом того, что формирование адекватного институционального механизма поддержки малых бизнес-структур в современных условиях требует всестороннего анализа имеющегося ресурсного потенциала региона.

Среди многих крупных субъектов Российской Федерации Ростовская область отличается высоким научно-производственным, ресурсным, финансовым и инвестиционным потенциалом за счет воздействия таких факторов, как экономико-географическое положение, наличие природных ресурсов, наиболее высокая обеспеченность трудовыми ресурсами, хорошо развитая инфраструктура, достаточно высокий уровень диверсификации экономики, а также высокое индустриальное развитие, емкий внутренний рынок, что вызывает неплохой интерес со стороны потенциальных инвесторов.

Для объективного понимания приведем ряд преимуществ, которые наш регион может предложить потенциальным инвесторам [9]:

- транспортно-инфраструктурный потенциал;
- высокий потребительский потенциал;
- стоимость и надежность энергообеспечения;
- высокий уровень развития финансовой и страховой инфраструктуры;
- стабильное социально-политическое положение;
- благоприятные климатические условия.

Необходимо обратить внимание на то, что инвестиционный потенциал несет в себе информационную функцию, которая практически в полном объеме предоставляет потенциальным инвесторам сведения о регионе и его инвестиционной привлекательности, оценка которой выражается как интегральный показатель, включающий разнонаправленное влияние показателей инвестиционного потенциала и инвестиционных рисков [10].

Ростовская область системно на протяжении многих лет стремительно работает над повышением своей инвестиционной привлекательности и в нынешних непростых условиях показывает неплохие результаты, которые все больше проявляются в создании благоприятной административной среды для деятельности малых бизнес-структур региона.

По итогам 2012 года Ростовской области был присвоен рейтинг «Средний потенциал — умеренный риск», в котором Ростовская область по первому критерию заняла 2-е место по ЮФО и 11-е место по РФ (табл. 1), что касается второго критерия, то среди субъектов ЮФО наблюдается ситуация, аналогичная первому, уступая лишь Краснодарскому краю, среди субъектов РФ — 12-е место (табл. 2) [11].

С помощью комплексного анализа рейтинговых оценок инвестиционного потенциала и инвестиционного риска потенциальным инвестором определяются общий инвестиционный климат региона и степень развитости его хозяйственной системы для осуществления инвестирования.

Целесообразно отметить, что региональные власти Ростовской области уделяют особое внимание активизации инвестиционного развития региона на протяжении многих лет, всячески осуществляя и разрабатывая меры, направленные на динамичное повышение инвестиционной привлекательности региона. В 2013 году в расчете на одного жителя Ростовской области было привлечено 475 долларов иностранных инвестиций. По этому показателю наш регион стал лидером на Юге России, опередив Краснодарский край (198 долларов) и ряд других регионов, сопоставимых по численности населения.

Таблица 1

Структурный анализ потенциала субъектов ЮФО в 2012 году

Ранг	Субъект Южного федерального округа	Ранги составляющих инвестиционного потенциала									Изменение ранга потенциала (2012-й к 2011-му)
		Трудовой	Потребительский	Производственный	Финансовый	Институциональный	Инновационный	Инфраструктурный	Природно-ресурный	Туристический	
5	Краснодарский край	4	5	7	7	4	19	5	26	2	-1
11	Ростовская область	6	8	14	15	6	17	20	33	15	-1
22	Волгоградская область	17	18	20	20	23	42	41	34	36	-3
58	Астраханская область	47	46	62	55	48	49	49	30	64	-1
76	Республика Адыгея	74	73	77	74	70	77	39	80	73	0
82	Республика Калмыкия	77	81	81	81	77	79	78	48	80	0

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Инвестиционный риск субъектов ЮФО в 2012 году

Ранг	Субъект Южного федерального округа	Ранги составляющих инвестиционного риска						Изменение ранга риска (2012-й к 2011-му)
		Социальный	Экономический	Финансовый	Криминальный	Экологический	Управленческий	
2	Краснодарский край	14	3	19	16	10	28	-1
12	Ростовская область	26	4	49	3	18	22	-6
38	Республика Адыгея	52	31	73	8	3	10	-5
39	Волгоградская область	27	54	26	52	36	63	4
40	Астраханская область	59	33	37	72	53	15	-6
80	Республика Калмыкия	82	60	76	54	47	78	0

Источник: составлено автором.

В целях стимулирования инвестиционной активности на территории Ростовской области действуют следующие правовые акты:

- Областной закон от 04.10.2000 года № 106-ЗС «Об инвестиционном налоговом кредите в Ростовской области»;
- Областной закон от 02.11.2001 года № 186-ЗС «О некоторых вопросах налогообложения»;
- Областной закон от 27.11.2003 года № 43-ЗС «О налоге на имущество организаций»;
- Областной закон от 01.10.2004 года № 151-ЗС «Об инвестициях в Ростовской области»;
- Областной закон от 03.08.2007 года № 745-ЗС «О территориях интенсивного экономического развития в Ростовской области»;
- Областной закон от 02.07.2008 года № 35-ЗС «О предо-

ставлении государственных гарантий Ростовской области»;

— Областной закон от 22.07.2010 года № 448-ЗС «Об основах государственно-частного партнерства».

В 2011 году был создан совет по инвестициям при губернаторе Ростовской области, который в оперативном порядке рассматривает возникающие у потенциальных инвесторов вопросы и проблемы, вследствие чего снизились сроки реализации проектов и повысилось доверие к нашему региону. Важно отметить, что поручение по увеличению в 2015 году доли инвестиций в валовом продукте до 25% выполнено Ростовской областью по итогам 2013 года с опережением на два года вперед (процент выполнения составил 26,5%). Из этого следует, что в настоящее время в Ростовской области имеются хорошие возможности для успешного долгосрочного развития, в том числе для развития малых бизнес-структур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Палагина А. Н. О совершенствовании инфраструктуры поддержки предпринимательства в рамках вступления России в ВТО // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2013. № 1—2. С. 115—126.
2. Каримов А. И. Устойчивое развитие малого предпринимательства и его влияние на экономику региона // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1 (19). С. 135—137.
3. Дорофеева В. В. Методика факторной оценки влияния внешней среды на деятельность предприятий // Дискуссия. 2013. № 5—6 (35—36). С. 62—68.
4. Как вступление России в ВТО повлияет на малый бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news> (дата обращения: 27.08.2014).

5. Мосейко В. О., Коробов С. А., Фомина С. И. Применение кластерной концепции в развитии регионального предпринимательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 108—114.
6. Мониторинг влияния членства России в ВТО на отрасли экономики и внешнеэкономическую деятельность Ростовской области по итогам 2013 года / ГАУ РО «Региональный информационно-аналитический центр». Ростов-н/Д, 2014. 103 с.
7. Бондаренко Н. П. Ростовская область: анализ предполагаемых последствий присоединения к ВТО // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 72—78.
8. Гришин И. А., Утюшева Л. Д. Современные тенденции модификационной изменчивости региональной системы поддержки малого и среднего бизнеса // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика, экология. 2013. № 1 (22). С. 77—84.
9. О стратегии привлечения инвестиций Ростовской области: Приложение к постановлению Законодательного Собрания Ростовской области от 28.06.2004 года № 402.
10. Калякина И. М., Филатова А. И. Влияние вступления в ВТО на инвестиционный потенциал // Актуальные проблемы обеспечения устойчивого и социального развития регионов: мат. I Междунар. науч.-практ. конф. (1 ноября 2012 года). НИЦ «АПРОБАЦИЯ». М. Перо, 2012. С. 58—61.
11. О стратегии развития инвестиционной сферы Ростовской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Ростовской области от 31.07.2013 года № 474.

REFERENCES

1. Palagina A. N. On improving the infrastructure of entrepreneurship support in the framework of Russia's accession to the WTO // Bulletin of the Rostov State Economic University (RINKH). 2013. № 1—2. P. 115—126.
2. Karimov A. I. Sustainable development of small business and its impact on the economy of the region // Vector of science of TSU. 2012. № 1 (19). P. 135—137.
3. Drofeeva V. V. Method of factor assessment of the impact of the external environment on the company activity // Discussion. 2013. № 5—6 (35—36). P. 62—68.
4. How Russia's accession to the WTO will affect small business [Electronic resource]. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news> (date of viewing: 27.08.2014).
5. Moseyko V. O., Korobov S. A., Fomina S. I. The use of the cluster concept in the development of regional business // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 108—114.
6. Monitoring of impact of Russia's WTO membership on economic sectors and foreign economic activity of Rostov region upon results of 2013 / PO GAU Regional Information and Analytical Center. Rostov-on-Don, 2014. 103 p.
7. Bondarenko N. P. Rostov region: analysis of anticipated impacts of the WTO accession // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 72—78.
8. Grishin I. A., Utyusheva L. D. Modern trends of modification variability of the regional system of small and medium-sized businesses support // Bulletin of Volgograd State University. Series 3. Economics, Ecology. 2013. № 1 (22). P. 77—84.
9. On the strategy of Rostov region for attracting investments: Annex to the Resolution of the Legislative Assembly of Rostov region dated 28.06.2004 № 402.
10. Kalyakina I. M., Filatova A. I. Impact of the WTO joining on the investment potential // Actual issues of providing sustainable and social development of the regions: materials of the I International scientific and practical conference (November 1, 2012). R&D Center APROBATION. M.: Publishing house Pero, 2012. P. 58—61.
11. On development strategy of the investment environment of Rostov region for the period up to 2020: Decree of the Government of Rostov region dated 31.07.2013 № 474.

УДК 338.488.2:332.1

ББК 65.433:65.04

Matina Elena Sergeevna,
post-graduate student
of the department of state and municipal administration
of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: Matina87@rambler.ru

Матина Елена Сергеевна,
аспирант кафедры государственного
и муниципального управления
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: Matina87@rambler.ru

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС РЕГИОНА: ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ, ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

REGIONAL TOURIST AND RECREATIONAL COMPLEX: STATUS, ADVANTAGES AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

В статье дана оценка туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области. Проанализирован туристско-рекреационный потенциал региона, выделены преимущества с точки зрения туристской привлекательности

и выявлены проблемы развития туристской отрасли, среди которых наибольшую сложность представляют неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры и сферы гостиничных услуг. Разработаны направления

и возможности развития новых видов туристских услуг в Волгоградской области, предложены меры по их поддержке со стороны региональных и муниципальных органов власти. Показано, что при наличии заинтересованности со стороны региональных властей и при правильном подходе к формированию комплекса мероприятий по развитию туристско-рекреационного комплекса Волгоградская область может рассчитывать на значительный прирост туристов и повышение значимости индустрии туризма в экономике региона.

The article assesses the tourism and recreational complex of Volgograd region. Tourism and recreational potential of the region is analyzed, its advantages in terms of tourist attraction are highlighted and the complex of tourism industry development problems is identified, including the most complicated problems: the current unsatisfactory condition of the transport infrastructure and hotel services. The guidelines and opportunities for development of new types of the tourist services in Volgograd region are developed, the measures for their support by the regional and municipal authorities are proposed. In case of the interest of the regional authorities and with the right approach to formation of the set of measures for development of the tourism and recreational complex, Volgograd region can expect a significant increase in tourists and raise of the value of the tourism industry in the region's economy.

Ключевые слова: туристско-рекреационный комплекс, туристско-рекреационный потенциал, сфера туризма, внутренний туризм, условия, ресурсы, преимущества, проблемы, государственная поддержка, Волгоградская область.

Keywords: tourism and recreation complex, tourism and recreational potential, field of tourism, domestic tourism, conditions, resources, advantages, problems, government support, Volgograd Region.

Туристско-рекреационный комплекс отнесен к основным направлениям развития ключевых отраслей экономики российских регионов (включая развитие зон опережающего роста и формирование кластеров) и к числу приоритетных межотраслевых направлений развития Южного федерального округа, куда входит и Волгоградская область.

Развитие туристско-рекреационного комплекса региона и формирование на его территории конкурентоспособной туристской индустрии, обеспечивающей стабильный возрастающий поток туристов, способствует социально-экономическому развитию Волгоградской области в целом.

Основой для развития туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области являются два основных нормативных документа федерального уровня: Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма на 2011—2018 годы», разработанная Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, и Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года.

С учетом экономической значимости туристско-рекреационного комплекса для развития экономики региона в Волгоградской области была разработана и принята долгосрочная областная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Волгоградской области» на 2013—2017 годы. В соответствии с этой программой предусматривается создание на территории области конкурентоспособной туристской индустрии, которая бы позволила обеспе-

чить стабильный рост потока туристов, в том числе из-за рубежа, и способствовала на этой основе социально-экономическому развитию Волгоградской области.

Решение задачи развития туристско-рекреационного комплекса в Волгоградской области опирается на наличие в регионе значительного туристско-рекреационного потенциала, который нужно эффективно задействовать [1, с. 7]. Так, на территории Волгоградской области находится несколько природных и исторических объектов международного значения. Это природный парк «Волго-Ахтубинская пойма», который по решению ЮНЕСКО с 1 июля 2011 года включен во всемирную сеть биосферных резерватов, и река Хопер — самая чистая река в Европе (по признанию ЮНЕСКО). Мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане с монументом «Родина-мать зовет!» имеет мировое значение и стал одним из финалистов Всероссийского конкурса «Семь чудес России» в 2008 году.

На территории области имеется семь особо охраняемых природных территорий регионального значения — природных парков общей площадью 709 тысяч гектаров, составляющих основу экологического туризма региона. Всего в Волгоградской области имеется 42 объекта со статусом культурного наследия федерального (общероссийского) значения и 2646 объектов культурного наследия регионального значения [2].

Кроме природного, культурного и исторического наследия регион располагает значительным организационным потенциалом для развития туризма. Количество гостиниц, санаториев, турбаз, туристских фирм и туристских маршрутов во многом определяют состояние туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области. В 2013 году общий номерной фонд 383 коллективных средств размещения Волгоградской области, включающих гостиницы, мини-гостиницы, мотели, турбазы и санатории, составил 8034 номера, из них: 152 гостиницы, 191 турбаза и дом отдыха, 29 санаториев (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели развития туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области в период 2009—2013 годов

Наименование показателя	2009	2010	2011	2012	2013
Коллективные средства размещения, ед.	340	342	359	372	383
Санаторно-курортные организации, ед.	32	31	32	28	28
Туристские базы, ед.	210	212	214	214	216
Детские оздоровительные учреждения, ед.	563	582	758	723	724
Количество турфирм (из них: туроператоров)	170 (49)	177 (51)	195 (54)	205 (70)	201 (62)
Количество туристских маршрутов	92	95	97	102	105

Составлено по: [3].

Однако в Волгограде недостаточно гостиниц, ориентированных на потребителей с низким уровнем достатка, для размещения молодежных и детских туристических групп.

С подобными категориями туристов работают лишь три гостиницы: «Турист», «Старт», «Каскад». Нет отелей категории 4 и 5 звезд с высоким уровнем комфорта, ориентированных на деловых и иностранных туристов [4, с. 119]. В Волгоградской области функционирует пока единственный отель Hampton by Hilton Volgograd, открывшийся в 2013 году, удовлетворяющий высоким требованиям. На территории отеля находится уникальный для города конференц-центр Volga Hall на 350 мест.

Большое значение для развития туристской индустрии имеет также система общественного питания. Число ресторанов и кафе в Волгограде и Волгоградской области постоянно растет, осуществляется также реконструкция объектов питания, совершенствуется придорожный сервис. По состоянию на 2011 год в Волгоградской области действовало 1280 объектов питания, из них в Волгограде — 1080. По состоянию на 1 января 2014 года на территории Волгоградской области осуществляют деятельность 1936 предприятий общественного питания. Увеличение количества предприятий по отношению к 2013 году составило 76 единиц, или 4,1%. В отрасли занято около 30 тысяч специалистов [5]. В структуре предприятий общественного питания около 70% приходится на закусочные и кафе. Значительное количество предприятий общественного питания расположено в Волгограде. При значительном туристско-рекреационном потенциале региона количественные показатели развития отрасли туризма в Волгоградской области в последние годы оставляют желать лучшего. Доля отрасли туризма в ВРП Волгоградской области в настоящее время колеблется около 0,5—0,6%, а качественные показатели отрасли (количество дней, проведенных туристом в регионе, и объем потраченных им средств) составляют три дня и около 7500—8000 рублей соответственно. Динамика роста объемов туристских потоков низкая. Статистические данные показывают, что темпы роста и структура въездного туризма в Волгоградской области пока небольшие (см. табл. 2) [2].

Таблица 2

Динамика въездного туризма в Волгоградскую область

Показатели	Ежегодные темпы роста, % (факт)				Прогноз
	2010/2009	2011/2010	2012/2011	2012/2008	
Внутренний въездной туризм, %	101,79	100,88	147,83	162,28	216,52
Иностранный въездной туризм, %	105,00	101,08	104,66	120,16	221,57
Всего въездной туризм, %	101,88	100,88	146,52	161,04	216,67

Составлено по: [6].

Следует отметить, что основное количество въезжающих туристов на территорию Волгоградской области составляют российские граждане. Соотношение иностранных и российских туристов в общем въездном потоке в область приведено в табл. 3.

Таблица 3

Структура въездного туризма в Волгоградскую область в 2008—2012 годах

Наименование показателей	2008	2009	2010	2011	2012
Всего въездной туризм, всего, %	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
в том числе:					
внутренний въездной туризм, %	97,07	96,98	96,97	97,84	97,81
иностранный въездной туризм, %	2,93	3,02	3,03	2,16	2,19

Составлено по: [6].

Увеличение численности туристов за последние пять лет на 161% происходило за счет развития внутреннего въездного туризма. Доля иностранных туристов в общем объеме въездного туризма неизменно составляет 2—3%, что является сдерживающим фактором в развитии сферы туризма и обеспечении значительного вклада данной отрасли в экономику региона.

Слабое развитие индустрии туризма в российских регионах, в том числе в Волгоградской области, многие исследователи объясняют недостаточной государственной поддержкой данной сферы [7, с. 100], а наличие туристских ресурсов у отдельно взятого региона еще не гарантирует ему большие и устойчивые потоки туристов. Более того, в условиях ВТО роль государственного регулирования возрастает во всех сферах деятельности, в том числе в секторе услуг [8, с. 30]. Как показывает опыт, для активного привлечения туристов в потенциально привлекательные туристские регионы необходимо обеспечить соответствующие экономические, социально-культурные, инфраструктурные и политические условия, способствующие росту туристов, включая информационную поддержку продвижения комплекса туристских услуг, содействие в создании туристского кластера, поддержку и стимулирование различных видов отдыха и т. д., а также различные инновационные факторы [9, р. 154].

Анализ текущего состояния индустрии туризма в Волгоградской области позволил выделить основные проблемы внутреннего и въездного туризма в регионе. К их числу относятся:

- недостаточная привлекательность регионального туристского продукта и его низкая конкурентоспособность;
- недостаточное развитие туристской инфраструктуры, а в ряде муниципальных образований — полное отсутствие транспортной и инженерной инфраструктуры туризма;
- слабое имиджевое продвижение Волгоградской области как привлекательного туристского региона, недостаток информации;
- низкое качество обслуживания во всех секторах туристской индустрии, обусловленное устаревшей материальной базой и низким уровнем подготовки кадров [10, с. 407].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о первоочередных направлениях по созданию и развитию туристско-рекреационного комплекса Волгоградской об-

ласти, где должны быть сосредоточены основные усилия региональных и муниципальных властей.

Во-первых, необходимо обеспечить государственную поддержку создания туристского кластера, для создания которого в области имеются необходимые условия на основе системы опорных зон и туристско-рекреационных центров. Всего, по мнению специалистов, в Волгоградской области следует выделить четыре базовые туристско-рекреационные зоны с центрами в Волгограде, Камышине, Урюпинске, Серафимовиче [7, с. 100]. В их составе выделяются региональные охранные природно-исторические зоны, природные парки, природные и историко-архитектурные памятники, охраняемые государством. Отдельно целесообразно выделить города и поселения, имеющие статус историко-архитектурных памятников (17), памятники культурного зодчества (78), историко-архитектурные памятники гражданского и промышленного характера (595), объекты археологии (5) [11].

Особую историческую ценность представляют стоянка неандертальского человека, возраст которой составляет около 100 тысяч лет, развалины Сарай-Берке (Новый Сарай), отождествляемые со второй столицей Золотой Орды городом Сарай ал-Джедид, а также Водянское городище в Дубовском муниципальном районе, соотносимое с крупным торговым центром — городом Бельджаменом.

Большое разнообразие историко-архитектурных памятников позволяет развивать иные виды туризма, а не только те, которые, согласно государственному реестру туристских маршрутов в субъекты Российской Федерации, наиболее развиты в настоящее время в Волгоградской области, — экскурсионный и речной. Наличие известных и перспективных природоохранных зон и природных парков способствует развитию рекреационного и оздоровительного туризма.

Во-вторых, усилия региональных и муниципальных властей следует сосредоточить на создании и продвижении конкурентоспособного туристского продукта, отвечающего запросам современных туристов и тенденциям развития туристской отрасли. В частности, должны получить поддержку и развитие лечебно-оздоровительный, рекреационный, культурно-познавательный, охотничий, рыболовный, событийный и иные виды туризма. Именно эти виды туризма могли бы полноценно развиваться в Волгоградской области при надлежащем подходе к их организации со стороны региональных властей. В частности, около 150 историко-архитектурных памятников гражданского и промышленного характера могли бы составить основу все более популярного за рубежом «производственного» туризма. Их эффективное развитие возможно на основе кластера туристско-рекреационных услуг, который позволит создать в Волгоградской области конкурентоспособный современный туристский продукт.

В-третьих, наиболее острой проблемой сферы туризма Волгоградской области, требующей государственной поддержки, является низкое качество развития транспортной инфраструктуры и гостиничного хозяйства.

Что касается транспортной инфраструктуры, то здесь необходима концентрация усилий государственных органов власти и управления и частного бизнеса по всем типам транспорта, особенно обеспечивающих доставку туристов из других регионов и стран. Аэропорт Волгограда имеет статус международного, однако он нуждается в расширении пропускной способности и улучшении качества обслуживания пассажиров в аэровокзале (развитие круглосуточной

розничной торговли, общественного питания, размещения и т. д.), существенной реконструкции взлетно-посадочных полос, модернизации навигационного и прочего оборудования и т. д.

Пропускная способность железнодорожного вокзала дальнего следования города Волгограда составляет до 60 пассажирских поездов в сутки и обеспечивает обслуживание 4,5 тысячи пассажиров, однако здание вокзала требует модернизации и улучшения, а также существенного развития комплекса сопутствующих услуг.

Недостаточно развита автодорожная инфраструктура — необходимы расширение подъездного пространства для разъезда и стоянки автобусов, реконструкция сети автодорог с качественным дорожным покрытием, создание комфортных и безопасных мест питания и отдыха и т. д.

Особую тревогу вызывает состояние водного транспорта, обеспечивающего в настоящее время основной туристический поток в область на круизных теплоходах. Гидротехнические сооружения и инфраструктура причальных сооружений Волгоградского речного вокзала находятся в неудовлетворительном состоянии, что значительно ограничивает возможности приема круизных судов. Нуждается в реконструкции само здание речного вокзала. Из года в год возрастает число участков внутренних водных путей, где затруднен проход судов круизного класса, что может привести к сокращению данного вида туризма. Существуют проблемы, связанные с изношенностью судов, и т. д.

Четвертым направлением концентрации усилий региональных и местных властей должно стать гостиничное хозяйство региона, неконкурентоспособное состояние которого представляет собой весьма острую проблему, препятствующую развитию туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области. Так, в результате проведенного исследования было выявлено, что средний уровень цен на проживание в гостиницах одного класса в Волгограде сопоставим с ценами в Риме и Лондоне (51 евро, 56 евро и 59 евро за одни сутки) [4, с. 119]. Поэтому потоки внутреннего и въездного туризма в России в целом и в Волгоградской области в частности значительно уступают потокам туристов, выезжающих за пределы РФ. Нужно четко отдавать себе отчет в том, что в условиях глобализации и свободы передвижения и выбора конкуренция на рынке туристских услуг перестает быть внутренней, а имеет международный характер.

Поэтому одним из главных направлений Стратегии развития Волгоградской области на период до 2020 года было обозначено создание условий для обеспечения всех категорий туристов местами в гостиницах различного класса в Волгограде и других муниципальных образованиях Волгоградской области. При этом следует обратить внимание, что во многих странах гостинично-туристский комплекс прямо поддерживается государством: в Турции гостиничный сектор на 40% дотируется государством, а в Израиле до 30% инвестиций в гостиничную сферу возвращается инвестору в виде налоговых льгот и прямого субсидирования. Такие меры прямой государственной поддержки позволяют устанавливать конкурентоспособные цены, что положительно сказывается на динамике туристских прибытий, приводит к росту конкурентоспособности национального туристского продукта и доходов от него.

Что касается органов государственного регулирования сферы туризма, то в настоящее время в Волгоградской области действует государственное казенное учреждение «Агентство развития туризма», которое занимается вопро-

сами развития внутреннего и въездного туризма на территории области. Однако без адресной и действенной государственной поддержки его усилий недостаточно для развития туристской отрасли в регионе. Слабо развиты и программы развития туризма на уровне муниципалитетов: в 2012 году из 38 муниципальных районов и городских округов Волгоградской области целевые программы по туризму действовали только в 7 муниципальных районах и 2 городских округах, что явно недостаточно для действительно эффективного развития отрасли.

Как показывает опыт развития туристско-рекреационного комплекса зарубежных стран и различных регионов России, для успешного развития индустрии туризма в современных условиях туристско-рекреационному комплексу необходима государственная поддержка по целому набору направлений деятельности. Для успешного развития туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области необходимо комплексное развитие туристской инфраструктуры области на основе всесторонней государственной поддержки. Первоочередными задачами в этом направлении являются модернизация существующих средств размещения: гостиниц, кемпингов, мест стоянки — и развитие сопутствующей инфраструктуры. Необходима разработка долгосрочной областной целевой программы, построенной по кластерному принципу, которая бы включала правовые и организационные меры по привлечению инвесторов в развитие туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области. На основе паспорта объектов индустрии туризма необходимо увеличение федерального, регионального и муниципального финансирования создания, модерниза-

ции и реконструкции объектов туристской инфраструктуры. Только при наличии развитого туристско-рекреационного комплекса в регионе и реализации комплексной программы его поддержки можно рассчитывать на увеличение денежных поступлений в бюджет Волгоградской области по статье «Туризм» и улучшение социально-экономического развития области в целом.

Развитие регионального туристско-рекреационного комплекса — совокупность согласованных целенаправленных действий хозяйственных субъектов разного уровня по ее прогрессивному изменению в соответствии с вызовами современного этапа развития экономики России. Она воплощается в концепции и политике достижения выдвинутых целей, которые, в свою очередь, будут положены в основу стратегии развития туристско-рекреационного комплекса любого уровня. Данная стратегия должна опираться на существующий потенциал данного комплекса, используя в полной мере имеющиеся конкурентные преимущества, и учитывать имеющиеся внутренние и внешние угрозы [12, с. 45]. Приоритетной задачей государственной политики в данном направлении является развитие внутреннего и въездного туризма. При этом необходима широкая популяризация туристских возможностей Российской Федерации и ее активное продвижение в качестве привлекательной туристской дестинации как внутри страны, так и за рубежом. Для решения данной задачи необходимо достичь достаточной согласованности и взаимозависимости механизмов их реализации по целям, задачам, методам, средствам, формам, приоритетам, этапам и условиям осуществления на всех уровнях хозяйства [13, с. 45].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демченко С. Г., Кабиров И. С. Проблемы и перспективы развития регионального туризма в России. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 192 с.
2. Развитие внутреннего и въездного туризма в Волгоградской области: Долгосрочная областная целевая программа на 2013—2017 годы (Утв. Постановлением Правительства Волгоградской области № 188-п от 23 апреля 2013 года) // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159815 (дата обращения: 28.01.2014).
3. Статистический ежегодник Волгоградская область — 2013: сб. / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2014. 797 с.
4. Чернявский Ю. В. Формирование территориального туристско-рекреационного комплекса Волгоградской области // Вестник экономической интеграции. 2011. № 3 (25). С. 118—124.
5. Министерство промышленности и торговли Волгоградской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://mpt.volganet.ru/folder3/folder2/folder_17_1/folder_2/ (дата обращения: 30.04.2014).
6. Статистический ежегодник Волгоградская область — 2012: сб. / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2013. 838 с.
7. Брылев В. А., Ключникова Н. М., Сергиенко Н. В. Памятники природы и заказники Волгоградской области и проблемы их инвентаризации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 4. С. 99—111.
8. Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В., Шамков Ю. В. Оценка регулирующего воздействия как механизм защиты экономических интересов России в условиях ВТО // Бизнес, менеджмент и право. 2013. № 1 (27). С. 29—32.
9. Fetisova O. V., Kurchenkov V. V., Matina E. S. Main focuses of state support to development of touristic and recreational complex of Volgograd region // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 153—156 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lifesciencesite.com>.24 (дата обращения: 05.08.2014).
10. Птичникова Г. А., Чернявская Т. А., Чернявский Ю. В. Роль и значение туристско-рекреационного ресурсного потенциала в социально-экономическом развитии региона Нижнее Поволжье // Наука и образование: архитектура, градостроительство и строительство. 2010. С. 406—411.
11. Министерство культуры Волгоградской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://culture.volganet.ru> (дата обращения: 07.08.2014).
12. Матина Е. С. Ресурсно-факторный потенциал стратегии развития туристско-рекреационного комплекса региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 208—212.
13. Фетисова О. В., Матина Е. С. Концептуальное обеспечение стратегии развития туристско-рекреационного комплекса региона // Финансы. Экономика. Стратегия. 2012. № 3 (52). С. 39—45.

REFERENCES

1. Demchenko S. G., Kabiri I. S. Problems and prospects of the regional tourism development in Russia. Kazan: Publishing house Knowledge of the Institute of Economics, Management and Law, 2011. 192 p.
2. Development of domestic tourism in Volgograd region: long-term regional target program for 2013—2017 (Approved by the Resolution of the Government of Volgograd region № 188-p dated April 23, 2013) // Consultant Plus [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159815 (date of viewing: 28.01.2014).
3. Statistical annual book of Volgograd region of 2013: statistical data collection / Regional authority of the Federal State Statistic Service in Volgograd region. Volgograd: Volgogradstat, 2014. 797 p.
4. Chernyavskiy Yu. V. Formation of the regional tourism-recreation complex in Volgograd region // Journal of Economic Integration. 2011. № 3 (25). P. 118—124.
5. Ministry of Industry and Trade of Volgograd region. Official Site [Electronic resource]. URL: http://mpt.volganet.ru/folder3/folder2/folder_17_1/folder_2/ (date of viewing: 30.04.2014).
6. Statistical annual book of Volgograd region for 2012: statistical data collection / Regional authority of the Federal State Statistic Service in Volgograd region. Volgograd: Volgogradstat, 2013. 838 p.
7. Brylev V. A., Klyushnikova N. M., Sergienko N. V. Monuments of nature and wildlife of the Volgograd region and problems of their inventory // News of Volgograd State Pedagogical University. 2005. № 4. P. 99—111.
8. Shelomentsev A. G., Doroshenko S. V., Shamkov Yu. V. Regulatory impact assessment as a tool of protection of the economic interests of Russia in the WTO conditions // Business, Management and Law. 2013. № 1 (27). P. 29—32.
9. Fetisova O. V., Kurchenkov V. V., Matina E. S. Main focuses of state support to development of touristic and recreational complex of Volgograd region // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 153—156 [Electronic resource]. URL: <http://www.lifesciencesite.com.24> (date of viewing: 05.08.2014).
10. Ptichnikova G. A., Chernyavskaya T. A., Chernyavskiy Yu. V. The role and value of the tourism-recreation resource potential in the socio-economic development of the Lower Volga region // Science and education: architecture, urban planning and construction. 2010. P. 406—411.
11. Ministry of Culture of the Volgograd region. Official Site [Electronic resource]. URL: <http://culture.volganet.ru> (date of viewing: 07.08.2014).
12. Matina E. S. Resource-factor potential of the regional tourism-recreation complex development strategy // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 208—212.
13. Fetisova O. V., Matina E. S. Conceptual support of the regional tourism-recreation complex development strategy // Finance. Economy. Strategy. 2012. № 3 (52). P. 39—45.

УДК 658.114
ББК 65.290.31

Mirosedi Tatyana Gennadyevna,
senior teacher of the department
of economics and management
of Volzhsky Polytechnical Institute (branch)
of Volgograd State Technical University,
Volzhski,
e-mail: mirosedy-tg@mail.ru

Мироседи Татьяна Геннадьевна,
ст. преподаватель кафедры экономики и менеджмента
Волжского политехнического института (филиал)
Волгоградского государственного
технического университета,
г. Волжский,
e-mail: mirosedy-tg@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

FEATURES OF SYSTEMS OF INFRASTRUCTURE SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN FOREIGN COUNTRIES

В статье анализируются особенности функционирования систем инфраструктурной поддержки малого и среднего предпринимательства в зарубежных странах. Среди анализируемых стран выбраны страны с наибольшим объемом ВВП, основную долю которого производят малые и средние предприятия: США, Китай, Япония, Индия, страны Евросоюза и Бразилия. Составлена схема системы инфраструктурной поддержки, выявлены факторы, определяющие эффективность инфраструктурной поддержки, а также рассмотрена возможность адаптации зарубежного опыта к экономике России. Среди основных факторов выделяются: доступные финансовые ресурсы, обеспечение государственными заказами, налоговые льготы и информационная и консультационная доступность.

Features of functioning of infrastructure of support of small and medium businesses are analyzed in the article. The countries with the largest GDP are selected among the analyzed countries, the main part of which is produced by small and medium-sized enterprises: the USA, China, Japan, India, the EU countries and Brazil. The scheme of the infrastructure support system is developed; the factors that determine effectiveness of infrastructure support are identified; as well as the possibility of adaptation of foreign experience in the Russian economics is examined. The following factors are identified among the main ones: available financial resources; provision of government orders; tax benefits and availability information and consultation accessibility.

Ключевые слова: экономическое развитие, малое и сред-

нее предпринимательство, система инфраструктурной поддержки, зарубежный опыт, государственная поддержка, факторы инфраструктурной поддержки, гарантии по кредитам, государственный заказ, налоговые льготы, информационная поддержка.

Keywords: economic development, small and medium businesses, system of infrastructure support, foreign experience, government support, factors of infrastructure support, guarantees for loans, state order, tax privileges, information support.

В настоящее время мировая практика все активнее доказывает важность и значимость малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономике страны. Данный факт объясним тем, что малый бизнес имеет массу преимуществ перед крупным [1], а также прочно опирается на государство, которое не только не мешает бизнесу существовать, но и активно способствует его росту. В России МСП — не использованный до сих пор в полной мере резерв, который при должном внимании со стороны государства имеет огромный социально-экономический потенциал [2]. На сегодняшний день доля МСП в ВВП Российской Федерации составляет около 20%, тогда как в зарубежных странах этот показатель варьируется от 50 до 80%. Поставленная Президентом России задача увеличить к 2020 году долю малого и среднего предпринимательства в ВВП страны до 50% подчеркивает актуальность изучения зарубежного опыта, поскольку в России до сих пор не выработана единая концепция формирования инфраструктуры поддержки МСП. Система инфраструктурной поддержки МСП представляет собой совокупность государственных, негосударственных, общественных, некоммерческих и коммерческих организаций, оказывающих различные виды поддержки и услуг, необходимых для развития бизнеса и обеспечивающих благоприятную среду для создания, функционирования и дальнейшего развития малых и средних предприятий [3].

Цель данного исследования заключается в анализе СИП МСП разных стран, определении в ней благоприятных факторов для СИП, создании единой схемы СИП и возможности ее применения в российских условиях. Критерием отбора стран для анализа стала величина ВВП в пересчете по паритету покупательной способности. Согласно результатам подсчетов Международного валютного фонда и Всемирного банка, лидируют следующие страны: США, КНР, Индия, Япония, Германия, Россия, Бразилия, Великобритания, Франция. В данных странах большую долю ВВП создают малые и средние предприятия, за исключением России и Бразилии, в которой МСП создает около 30%.

Практически во всех трудах, посвященных изучению зарубежного опыта СИП МСП, первоначально анализируется опыт США как мирового лидера по объему ВВП, основной вклад в который вносит именно МСП. Основу СИП составляют Торговая палата США и Агентство Малого Бизнеса (АМБ) с сотнями филиалов по всей стране, обеспеченных финансированием федерального правительства. АМБ предлагает широкий выбор кредитных и гарантийных программ, в частности 7 (а) Loan Program (гарантирование кредитов), CDC/504 Loan Program (гарантии по кредитам развивающимся предприятиям), Microloan Program (микрокредитование). По инициативе АМБ были созданы группы SCORE, объединяющие более десяти тысяч владельцев и руководителей малых предприятий, которые проводят личные и интернет-тренинги и консультации по маркетингу, планированию, финансовым вопросам. В АМБ функционирует Институт бизнеса в Интернете, где предприниматели, в том числе начинающие, бесплатно могут получить консультации или пройти

специальные курсы. Другим не менее эффективным звеном системы инфраструктурной поддержки МСП в США являются бизнес-инкубаторы, которые могут быть как некоммерческими (созданными на базе вузов, НИИ или по инициативе АМБ и местных властей), так и коммерческими, создаваемые с целью получения прибыли, однако являющиеся более эффективными для начинающих предпринимателей (Intel, HP, Dell, Panasonic, Ford, Boeing и т. д.)

Основным элементом поддержки МСП в Китае является Национальная комиссия по развитию и реформированию в области малых и средних предприятий, включающая в свой состав Китайский центр координации и кооперации бизнеса. Еще одной немаловажной составляющей СИП МСП в Китае является CSMEO — государственная некоммерческая информационная служба, осуществляющая информационную помощь малым предприятиям через интернет-сайт. Обширный диапазон охвата сайтом населенных пунктов Китая позволяет предпринимателям иметь своевременную информацию о состоянии экономики страны, введении новых законопроектов, рынках сбыта, поставщиках, достижениях науки и техники и пр. Одним из способов финансовой поддержки малого предпринимательства является Кредитный гарантийный фонд, финансируемый за счет правительства, коммерческого банка, основных платежей членов предприятий, процентов по фондовому депозиту и других доходов. С 1 августа 2013 года заморожен налог на добавленную стоимость и налог с оборота для предприятий малого бизнеса, чей ежемесячный объем продаж не превышает 20 тысяч юаней.

Стремительный темп роста экономики Индии за последние годы делает эту страну одной из самых быстро развивающихся. Основным звеном СИП МСП является Министерство микро-, малых и средних предприятий, занимающееся разработкой политики кредитования и созданием условий, повышающих конкурентоспособность МСП. Имеются региональные центры производственного и финансового развития, торгово-промышленные палаты, а также общественные объединения и союзы предпринимателей, действующие на местном уровне. Финансирование малых предприятий осуществляется за счет Гарантийного фонда, созданного Министерством микро-, малых и средних предприятий, а также различных территориальных банков и кредитно-финансовых организаций во главе с Индийским банком развития малого предпринимательства. Информационная поддержка осуществляется в региональных центрах развития МСП.

Особенностью поддержки малого и среднего бизнеса в Японии является ее многоуровневость — совокупность поддержки государственных, региональных и местных органов власти. Интересы малых предпринимателей защищает Торговая Палата и Управление малых предприятий, которое подчиняется Министерству экономики, торговли и промышленности Японии. Существует также Агентство малого и среднего предпринимательства, занимающееся развитием и совершенствованием СИП МСП. С помощью информационной системы J-Net21 осуществляется мониторинг состояния развития малого предпринимательства, проводятся комплексные исследования, анализ и оценка эффективности мер государственного регулирования. Таким образом, реализуется постоянная связь «государство — предприниматель», что весьма положительно сказывается на развитии малого бизнеса. Система финансирования малого предпринимательства в Японии также основана на предоставлении кредитов, гарантий по ним и субсидий на повышение технического уровня производства. Для этого существуют такие структуры, как Финансовая корпорация малого бизнеса и Национальная финансовая корпорация Японии.

В странах Центральной и Восточной Европы малый бизнес является фундаментом экономики. В связи с этим во Франции, Германии, Испании, Италии, Великобритании, Венгрии, Швейцарии и многих других странах созданы мощные системы поддержки малого бизнеса, состоящие из тесного взаимодействия государственных и частных структур. Малому предпринимательству оказываются различные виды финансовой, управленческой, юридической, организационной, технологической и информационной помощи. Большое внимание в Евросоюзе уделяется взаимодействию предприятий малого бизнеса с местными, региональными и национальными органами поддержки малых предприятий. В связи с этим в Европе существуют специальные сети, поддерживающие это сотрудничество: Europartenariat (стимулирование кооперативных связей в менее развитых регионах), BRE (открытый поиск партнеров для ведения совместно бизнеса), BC-Net (конфиденциальный поиск партнеров по бизнесу за рубежом).

Анализ опыта рассмотренных выше стран в формировании и развитии системы инфраструктурной поддержки МСП позволил выделить некую общую схему, представленную на рис. Основой успешного функционирования СИП МСП служат государство и его политика в области МСП. Однако следует заметить, что действия органов государственной власти по отношению к МСП являются не прямыми, а косвенными, то есть направленными на создание оптимальной среды и условий для развития малых и средних предприятий.

Рис. Схема системы инфраструктурной поддержки МСП зарубежных стран

Анализируя функционирование СИП МСП, можно выделить следующие факторы успешного развития данного сектора экономики:

1. Доступные финансовые ресурсы.
2. Обеспечение государственными заказами.
3. Налоговые льготы.
4. Мощная законодательная база.
5. Повсеместная информационная и консультационная доступность.
6. Широкое использование сети Интернет.
7. Исторически сложившееся понимание важности и значимости МСП в экономике страны.

Безусловно, доступность финансовых ресурсов, выражающаяся в предоставлении государственных гарантий по кредитам и низким процентных ставках, является важнейшим фактором МСП. Согласно социологическим исследованиям, именно такой вид поддержки нужен российским предпринимателям [4]. Предоставление государственных гарантий по кредитам в совокупности с низкими процентными ставками является самым популярным инструментом поддержки МСП во всех зарубежных странах и предоставляет возможности не только для успешного функционирования малых и средних предприятий, но и их развития. В России средний

размер процентных ставок по кредитам для малых и средних предприятий в разных банках варьируются от 15—20%. В зарубежных странах средняя процентная ставка по кредитам МСП гораздо ниже: в США — 4%, в Великобритании — 4%, в Швейцарии — 2%, в Чехии — 4%, во Франции — 4%.

В России распространен способ прямой финансовой поддержки МСП в виде субсидирования. Адаптация косвенной финансовой поддержки в виде гарантирования кредитов рациональна и возможна. В нашей стране существуют некоммерческие гарантийные фонды, функционирующие за счет субсидирования федерального и регионального бюджетов. Правительство РФ не оставило без внимания данный инструмент поддержки МСП, и весной этого года премьер-министр Д. Медведев подписал распоряжение о создании ОАО «Небанковская депозитно-кредитная организация Агентство кредитных гарантий» с уставным капиталом 50 млрд руб. Агентство создано для расширения возможностей МСП в получении кредитов на собственное развитие. В июне текущего года Агентство получило лицензию и подписало первое соглашения с представителями ОАО «Сбербанк России» и ОАО «ВТБ-24», региональными гарантийными организациями и субъектами МСП [5]. Помимо этого сделан первый шаг в сторону обеспечения МСП госзаказами. С 1 января 2014 года вступил в силу Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в котором установлен объем закупок у МСП — не менее 15% совокупного годового объема закупок. Однако в законе есть норма, позволяющая выполнять план по объему закупок у МСП даже в случае определения их несостоявшимися. Заказчик имеет возможность исполнить план по закупкам у МСП, даже если по факту ни один из таких субъектов контракта не получит. По-прежнему актуальным остается вопрос фискальной нагрузки МСП. Рациональное снижение процентной ставки налога на прибыль с сохранением роста поступлений в бюджет даст возможность увеличения собственных средств, столь необходимых малым предприятиям [6]. Предоставление налоговых каникул успешно практикуется в Евросоюзе, и в нашей стране в данный момент рассматриваются поправки в Налоговый кодекс, предусматривающие предоставление двухлетних налоговых каникул вновь созданным малым предприятиям по решению субъектов РФ.

Слабое владение информацией является одним из ключевых препятствий развитию сектора МСП в России. В рассмотренных выше странах существуют обширные информационные сети, объединяющие все регионы страны и предоставляющие своевременную информацию. Сегодня Интернет доступен практически каждому, и создание единого информационного интернет-ресурса МСП принесет огромную пользу предпринимателям. Для тех, кто по каким-то причинам не может воспользоваться Интернетом, можно организовать горячую линию. В апреле этого года Минфин запустил горячую линию и специальный сайт «Бухгалтерский учет и отчетность субъектов малого предпринимательства» [5]. Однако для удобства предпринимателей необходима единая сеть Интернета и телефонного информирования по всем актуальным вопросам. Кроме того, рациональным выглядит применение опыта США в создании сети безвозмездной консультационной поддержки начинающих предпринимателей, в которой консультантами выступают уже состоявшиеся предприниматели. В качестве стимула консультантов необходимо разработать программу поощрения, которая может включать в себя различные государственные привилегии, в том числе налоговые.

На пути к развитому сектору МСП и эффективной инфра-

структуре его поддержки рационально рассматривать опыт каждой отдельной страны и возможность его адаптации. Однако не следует забывать, что Россия, претерпев за всю историю экономического и политического развития массу

изменений, характеризуется определенным укладом и менталитетом, поэтому точное копирование зарубежного опыта неприемлемо, необходимо учитывать особенности российской экономики и населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Купчинский А. В. Теоретико-методологические аспекты исследования малых бизнес-структур в экономическом развитии региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 203—208.
2. Мироседи С. А. Малое предпринимательство — стратегический ресурс российской экономики // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. № 2 (38). С. 232—240.
3. Мироседи Т. Г., Мироседи С. А. Современное состояние и тенденции развития малого предпринимательства в Волгоградской области // В мире научных открытий. 2014. № 3.6 (51). С. 2365—2378.
4. Лобызенкова В. А., Коваленко Н. В. Государственная поддержка и перспективы регионального развития малого бизнеса в посткризисных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 95—99.
5. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/press/news/300620142123> (дата обращения: 16.07.2014).
6. Квартальнов А. В., Чабанюк О. В. Факторный анализ современного развития малых предприятий в России через управление налоговым бременем // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 115—120.

REFERENCES

1. Kupchinsky A. V. Theoretical and methodological aspects of studying small business structures in the economic development of the region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1(26). С. 203—208.
2. Mirosedi S. A. Small business is a strategic resource of the Russian economics // Bulletin of Saratov State Technical University 2009. № 2 (38). P. 232—240.
3. Mirosedi T. G., Mirosedi S. A. Modern situation and trends of development of small business in Volgograd region // In the world of scientific discoveries. 2014. № 3.6 (51). P. 2365—2378.
4. Lobyzenkova V. A., Kovalenko N. V. Government support and the prospects for regional small business development in the post-crisis conditions // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 95—99.
5. The official website of the Ministry of economic development of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/press/news/300620142123> (date of viewing: 16.07.2014).
6. Kwartalnov A. V., Chabanuk O. V. Factor analysis of modern development of small enterprises in Russia by means of tax burden management // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 115—120.

УДК 331.5:332.1

ББК 65.240.5:65.04

Chumakova Ekaterina Alexandrovna,
post-graduate student, lecturer of the department
of economics and management
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: chumakova.ea@mail.ru

Чумакова Екатерина Александровна,
аспирант, преподаватель кафедры
экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: chumakova.ea@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ РАБОЧИХ МЕСТ НА РЫНКЕ ТРУДА ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

CLASSIFICATION OF WORK PLACES AT THE LABOR MARKET BY THE TYPES OF ECONOMIC ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION)

В статье проведено разграничение отраслей экономики в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности на две укрупненные группы — реальный сектор экономики и сфера услуг. Проанализирована динамика отношения занятых в группах А и Б к общей численности занятого населения, обосновано выделение подгруппы Б (образование, здравоохранение). Ранжированы муниципальные районы Волгоградской области по соотношению занятых в сфере услуг к занятым в реальном секторе. Проведена оценка производительности тру-*

да одним работником реального сектора экономики по видам экономической деятельности с выявлением размера налоговых перечислений в бюджеты всех уровней с объема произведенной продукции одним рабочим местом. Найдена и продемонстрирована зависимость создания (сохранения) рабочих мест в сфере услуг на одно рабочее место в реальном секторе экономики.

The article presents the breakdown of the economic sectors in accordance with the National Classification of Economic

Activities in two integrated groups: the real economy and the service sector. The dynamics of the ratio of people employed in groups A and B and the total employed population is analyzed; identification of subgroup B (education, health care) is justified; municipal districts of Volgograd region is ranked by the ratio of people employed in the service sector and in the real sector; evaluation of the labor productivity of one employee of the real sector of the economy is performed by the types of economic activity underlying the size of tax payments to the budgets of all levels from the volume of output of one workplace; dependence of establishing (keeping) the work places in service sector per one work place in the real sector of economy is revealed and demonstrated.*

Ключевые слова: рынок труда, структура рынка труда, классификация рабочих мест, виды экономической деятельности, добавленная стоимость, производительность труда, налоговые перечисления, соотношение рабочих мест, расходы консолидированного бюджета, отрасли народного хозяйства, реальный сектор экономики, сфера услуг.

Keywords: labor market, labor market structure, classification of work places, types of economic activity, value-added, labor productivity, tax transfers, ratio of work places, consolidated budget expenditures, industries of the economy, real sector of economics, service industry.

Большинство трактатов в отечественных исследованиях по отраслевой структуре экономики посвящено выявлению классификационных признаков видов экономической деятельности и их укрупнению в более емкие группы.

В своих научных разработках Б. М. Генкин также проводит разграничение видов деятельности в экономике страны по группам отраслей: сельское и лесное хозяйство, добывающая промышленность, строительство, обрабатывающая промышленность, транспорт, связь, торговля и т. д., отражает дальнейшую дифференциацию по отдельным отраслям и подотраслям [1].

С 2003 года для анализа и учета результатов общественного разделения труда используется общероссийский классификатор видов экономической деятельности.

Отраслевая принадлежность видов экономической деятельности является также предметом ежегодного наблюдения Федеральной службы государственной статистики. Наряду с предоставлением детальной разбивки в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности Росстат в системе различает два типа выпуска (производства) и выделяет отрасли, производящие товары, и отрасли, предоставляющие услуги [2].

Аккумулируя оба подхода, выделим две укрупненные группы отраслей народного хозяйства:

1. Группа А: представляет реальный сектор экономики в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности, включает следующие разделы:

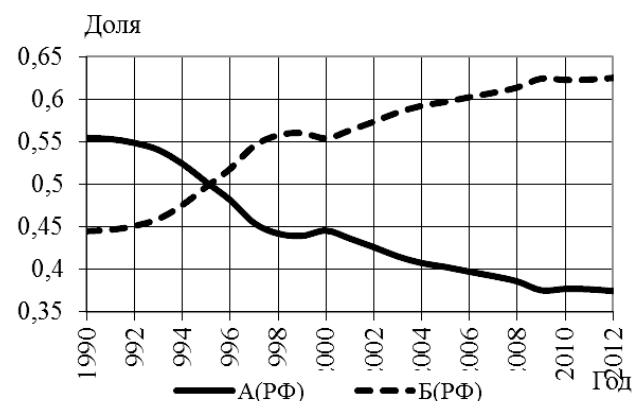
- раздел А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство;
- раздел В. Рыболовство, рыбоводство;
- раздел С. Добыча полезных ископаемых;
- раздел D. Обрабатывающие производства;
- раздел E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды;
- раздел F. Строительство;

2. Группа Б: объединяет виды экономической деятельности, оказывающие услуги, и разделы G — O:

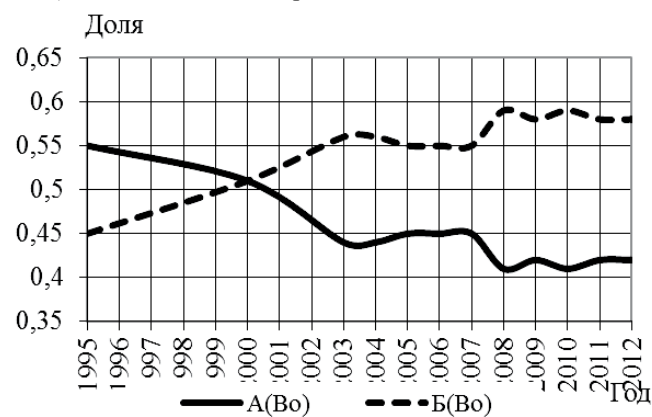
- раздел G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования;
- раздел H. Гостиницы и рестораны;
- раздел I. Транспорт и связь;
- раздел J. Финансовая деятельность;
- раздел K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг;
- раздел L. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование;
- раздел M. Образование;
- раздел N. Здравоохранение и предоставление социальных услуг;
- раздел O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг [3].

В настоящем исследовании подобная аналогия разделения видов экономической деятельности используется для оценки отраслевой структуры занятости конкретной территории.

Статистическая обработка информации по числу занятых в реальном секторе экономики и в сфере услуг свидетельствует о существенном перераспределении числа занятых в рассматриваемых секторах на стыке двух веков как по Российской Федерации, так и по Волгоградской области. Для характеристики распределения рабочих мест в производственной и непроизводственной сфере используется показатель удельного веса (доли) работников отрасли в общей численности занятых в экономике (рис. 1).

а) по Российской Федерации;

б) по Волгоградской области

Рис. 1. Отношение занятых в группах А и Б к общей численности занятого населения
Источник: составлено автором [4].

Таблица 1

Среднесписочная численность работников здравоохранения в организациях по формам собственности

Вид собственности	2000	2005	2010	2011	2012
государственная и муниципальная	90,8	93,5	93,7	92,7	92,3
частная	3,9	4	4,5	5,6	6
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	1,3	0,7	0,6	0,6	0,5
смешанная российская	3,3	1,3	0,9	0,9	0,8
иностранная, совместная российская и иностранная	0,7	0,4	0,4	0,3	0,4

Источник: составлено автором [5].

Доля работников бюджетных учреждений в общей численности занятых в сфере образования с 2007 по 2012 год также доминирует на уровне 90% и выше (табл. 2).

Таблица 2

Среднесписочная численность работников образования в бюджетных учреждениях, тыс. человек

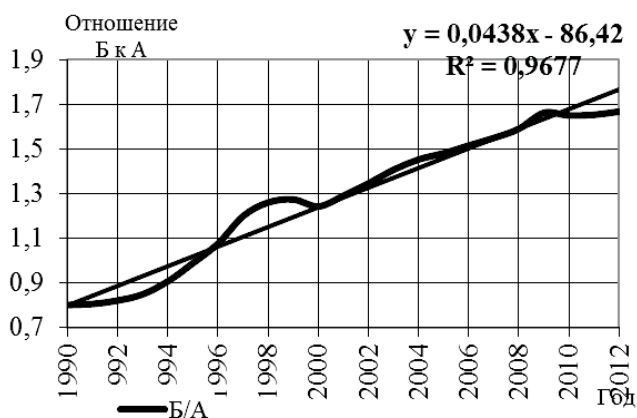
Период	Численность занятых, всего	Численность работников бюджетных учреждений	Доля, %
2007	6016,4	5547,6	92,2%
2008	5980,1	5514,2	92,2%
2009	5979,0	5460,9	91,3%
2010	5902,4	5354,8	90,7%
2011	5789,1	5234,3	90,4%
2012	5697,3	5151,7	90,4%

Источник: составлено автором [6].

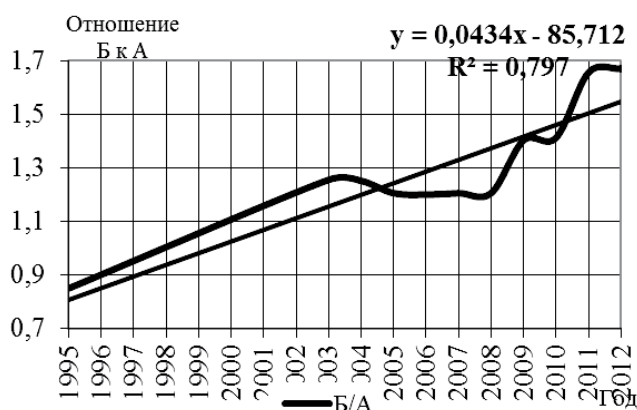
При оценке занятости на рынке труда РФ и Волгоградской области в 2012 году структура занятых в экономике приняла следующий вид: на одно рабочее место в производственном секторе приходится два рабочих места в сфере услуг, одно из которых — рабочее место в образовании и здравоохранении. В настоящей работе отдельно не рассматривается удельный вес рабочих мест в образовании или здравоохранении, их анализ осуществляется в совокупности, поскольку оценка обеих сфер деятельности проводится с точки зрения содержания рабочих мест.

По муниципальным районам Волгоградской области соотношение создания (сохранения) рабочих мест в группах Б и А в 2011—2013 годах колеблется от 2 до 14 рабочих мест в непроизводственном секторе на одно рабочее место в производственном секторе (рис. 3).

При исследовании динамики занятых в реальном секторе экономики и в сфере услуг наиболее наглядным и информативным является способ соотношения рабочих мест, занятых в группе Б, к рабочим местам группы А. Такой подход позволяет оценить, сколько рабочих мест в сфере услуг приходится на одно рабочее место в производственном секторе экономики отдельной территории (рис. 2).

а) по Российской Федерации;

б) по Волгоградской области

Рис. 2. Численность населения, занятого в группе Б, отнесенная к численности населения, занятого в группе А. Источник: составлено автором [4].

Изменение соотношения по Российской Федерации за анализируемый временной интервал увеличилось более чем в два раза. Динамика показателя по Волгоградской области аналогичная.

Автором при исследовании структуры рынка труда муниципальных районов Волгоградской области дополнена классификация рабочих мест группы Б выделением дополнительного критерия, а в структуре занятости в сфере услуг выделена подгруппа Б*, объединяющая образование и здравоохранение. Определяющим фактором выделения группы Б* из Б стало то, что создание (сохранение) рабочих мест в образовании и здравоохранении осуществляется в основном за счет средств государства. На число рабочих мест в образовании и здравоохранении (группа Б*) приходится половина рабочих мест в сфере услуг.

Так, удельный вес среднесписочной численности работников здравоохранения в организациях государственной и муниципальной форм собственности по Российской Федерации за период с 2000 по 2012 год составляет не менее 90% (табл. 1).

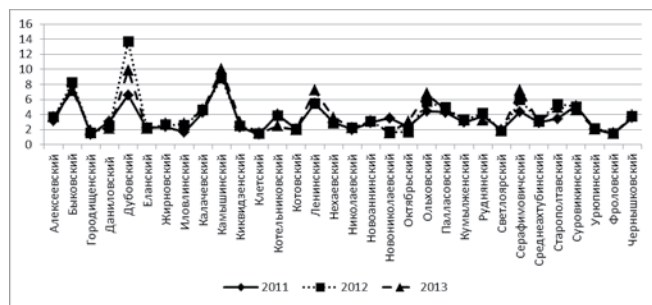

Рис. 3. Соотношение занятых в сфере услуг на одно рабочее место в реальном секторе экономики по муниципальным районам Волгоградской области за 2011—2013 годы

Источник: составлено автором [7].

При ранжировании муниципальных районов Волгоградской области по соотношению занятых в сфере услуг к занятым в реальном секторе экономики выделено четыре условных интервала, которые включают определенный диапазон числа рабочих мест в непроизводственном секторе на одно рабочее место в производственной сфере:

- 1-й интервал — от 8 до 10 человек;
- 2-й интервал — от 5 до 7 человек;
- 3-й интервал — от 3 до 4 человек;
- 4-й интервал — менее 3 человек.

Первая группа муниципальных районов с максимальным соотношением Б к А оказалась самой малочисленной. В ее состав в 2013 году вошли только Камышинский и Дубовский районы региона.

Число муниципальных районов области в следующих интервальных рядах одинаковое (табл. 3).

Таблица 3

Ранжирование муниципальных районов Волгоградской области по показателю соотношения занятых в непроизводственном и производственном секторах

№	Наименование муниципального района	Б/А	№	Наименование муниципального района	Б/А	№	Наименование муниципального района	Б/А
1	Камышинский	10	3	Чернышковский	4	4	Котельниковский	2
	Дубовский	10		Алексеевский	4		Николаевский	2
2	Ленинский	7		Нехаевский	4		Даниловский	2
	Серафимовичский	7		Кумылженский	3		Еланский	2
	Быковский	7		Руднянский	3		Урюпинский	2
	Ольховский	7		Новоаннинский	3		Котовский	2
	Старополтавский	5		Среднеахтубинский	3		Городищенский	2
	Калачевский	5		Киквидзенский	3		Светлоярский	2
	Палласовский	5		Жирновский	3		Клетский	2
	Суровикинский	5		Иловлинский	3		Фроловский	1

Источник: составлено автором [7].

Волгоградская область является сельскохозяйственным регионом, и поэтому в большинстве муниципальных районов занятые в реальном секторе экономики трудятся преимущественно в организациях сельского хозяйства (рис. 4).

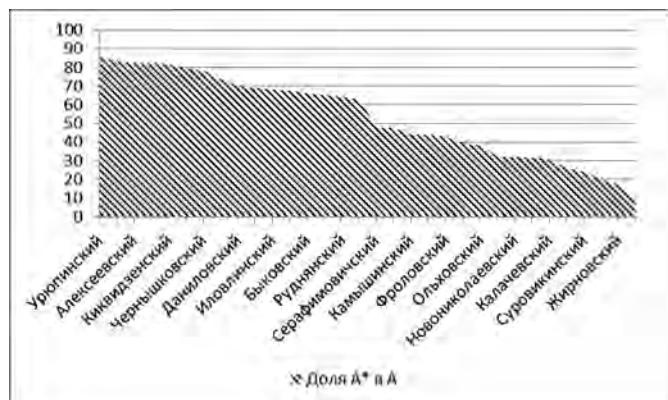

Рис. 4. Удельный вес рабочих мест в сельском хозяйстве (А*) в общей численности занятых в реальном секторе экономики по муниципальным районам Волгоградской области в 2013 году

Источник: составлено автором [7].

Возьмем в качестве показательного примера Урюпинский и Нехаевский муниципальные районы с наибольшей долей занятых работников (86 и 83% соответственно) в сфере сельского хозяйства в общем объеме занятых производственного сектора. У Урюпинского муниципального района такое же соотношение занятых Б к А, как среднеобластное, со схемой на одно рабочее место в реальном секторе экономики приходится два рабочих места в сфере услуг, в которой 56% занимают образование и здравоохранение. В Нехаевском муниципальном районе структура несколько иная: на одно рабочее место в производственной сфере приходится четыре рабочих места в непроизводственной сфере, в которой 62% приходится на образование и здравоохранение. Таким образом, создание или сохранение рабочих мест как в Б*, так и в Б для двух вышеуказанных сельскохозяйственных муниципальных районов зависит на 86 и 83% соответственно от сохранения (создания) рабочих мест в сельском хозяйстве.

Вступление России в ВТО требует роста не только объема продукции, но и качественных показателей роста, носящих целостный, сбалансированный, пропорциональный характер. Адаптируясь к новым условиям, АПК следует производить ту продукцию, которая востребована рынком, самостоятельно перерабатывать ее и продавать конечному потребителю.

Затяжной кризис 90-х годов остановлен, но еще долго будут сказываться его последствия, так как объем валовой продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности упал почти вдвое; материально-техническая база изношена, только 10% имеющейся в сельскохоззяйственных организациях техники соответствует срокам ее службы; нет собственных средств для ее обновления, отсутствует залоговая база для использования возможности приобретения за счет кредитов банка [8].

Наша страна отличается высокой неравномерностью экономического развития в территориальном разрезе. Значительные территориальные диспропорции присущи огромной стране, которая является ареной жизни людей с их социальными, культурными, национальными, духовными интересами, с их потребностями и привязанностями [9]. Поэтому, анализируя структуру занятости реального сектора экономики муниципальных районов Волгоградской области, можно выделить территории с доминирующим положением занятых не только в сельском хозяйстве, но и в таких видах экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства и строительство.

По итогам обработки статистических данных за 2013 год к их числу можно отнести:

— Жирновский муниципальный район с удельным весом занятых в таком виде деятельности, как добыча полезных ископаемых, в размере 40%;

— Городищенский муниципальный район с долей рабочих мест в обрабатывающих производствах в размере 42%;

— Котельниковский муниципальный район — удельный вес работников, занятых в строительстве, составляет 62%.

В ходе исследования возник вопрос о проведении оценки производительности труда одним работником реального сектора экономики по видам экономической деятельности с выявлением размера налоговых перечислений в бюджеты всех уровней с объема произведенной продукции одним рабочим местом.

Для измерения показателей, используемых для описания производительности труда в отдельном виде экономической деятельности, предложено применение системы статистических наблюдений, действующей в Российской Федерации [10].

Вычисление производительности труда по виду экономической деятельности (WRi) имеет следующий вид:

$$WR_i = \frac{DS_i}{NR_i},$$

где: DSi — валовая добавленная стоимость по виду экономической деятельности, млн рублей;

— NRi — среднесписочная численность занятых по виду экономической деятельности.

Результаты исследования показали, что разброс значений по среднероссийскому показателю производительности труда оказался весьма заметным (табл. 4).

Таблица 4

Производительность труда одного работника в год по виду экономической деятельности в 2013 году

Вид экономической деятельности	Производительность труда (в рублях на одного работника)
Сельское хозяйство	295368
Добыча полезных ископаемых	5373122
Обрабатывающие производства	795646
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	947978
Строительство	610603

Источник: составлено автором [2].

Обращая внимание на данные, представленные в табл. 4, можно отметить, что производительность труда в сельском хозяйстве имеет минимальное значение и она меньше, чем, например, в строительстве и добыче полезных ископаемых, в 2 и 18 раз соответственно.

Выявляя долю налогов в добавленной стоимости по каждому виду экономической деятельности, можно определить размер налоговых перечислений в бюджеты всех уровней с объема произведенной продукции одним рабочим местом в соответствующей отрасли.

Для этого необходимо сначала определить долю налогов в добавленной стоимости с распределением перечислений каждого вида налогов в соответствии с размером ставки с налогооблагаемой базы. Выражение структуры добавленной стоимости представим схематически (рис. 5).

Рис. 5. Структура добавленной стоимости по видам экономической деятельности,

где:

C_R — размер начисленной заработной платы;

C_D — размер налогооблагаемой прибыли предприятия;

τ_i — сумма обязательств предприятия по уплате текущих налогов и отчисления в фонды обязательного социального страхования.

Вычисление отчислений в бюджетную систему РФ с налоговых баз каждой составляющей добавленной стоимости позволили определить долю всех налогов для каждой отрасли.

В качестве примера рассмотрим нахождение доли налоговых отчислений в сфере сельского хозяйства в соответствии с действующим налоговым законодательством (табл. 5).

Таблица 5

Определение удельного веса налоговых отчислений с добавленной стоимости в сельском хозяйстве в 2012 году

Наименование показателя	Добавленная стоимость (Ds), млн рублей	НДС	НДФЛ	Налог на имущество	Налог на прибыль
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1951969	177452	45841	73370	310523
Налоговая ставка		0,09	0,1	0,022	0,2

Таким образом, сумма всех налогов с добавленной стоимости в сельском хозяйстве в 2012 году составила 607187 млн рублей. Иначе говоря, 31% с добавленной стоимости в отрасли перечисляется в доходную часть бюджета. При этом доля отчислений по уровням бюджета отражена в табл. 6.

Таблица 6
**Перечисление налоговых платежей по уровням
бюджетной системы РФ в 2012 году
в сельском хозяйстве**

	НДС	НДФЛ	Налог на имущество	Налог на прибыль	Итого	Доля отчислений в бюджет
Федеральный бюджет	177 452	—	—	31 052	208 504	0,34
Бюджет субъекта Российской Федерации	—	36 673	73 370	279 471	389 514	0,64
Бюджеты муниципальных образований	—	9 168	—	—	9 168	0,02
Сумма налоговых платежей в бюджетную систему РФ					607 187	1

По данным табл. 6 можно отметить, что основная часть налоговых платежей поступает в два бюджета — федераль-

ный бюджет и бюджет субъекта РФ. Единственным бюджетообразующим налогом в бюджетах муниципальных образований является НДФЛ с минимальным отчислением размера налога в бюджет. Владимир Путин предлагает передать муниципалитетам все налоги от малого бизнеса, который сейчас работает в условиях специальных налоговых режимов. «Конечно, при этом необходимо будет сбалансировать полномочия между субъектами Федерации и муниципалитетами. Если у последних появится больше ресурсов, то и объем их обязательств перед гражданами может быть увеличен» [11].

Имея всю схему по определению доли налогов в добавленной стоимости по виду экономической деятельности, переходим к определению размера налоговых перечислений в бюджеты всех уровней с объема произведенной продукции одним рабочим местом. Для этого из производительности труда одного работника вычислим найденную долю налоговых отчислений в отрасли (для сельского хозяйства в размере 31%) и получим, что, по среднероссийским данным, одно рабочее место реального сектора экономики по видам экономической деятельности обеспечивает поступление в бюджетную систему РФ в год следующих перечислений:

- сельское хозяйство — 91564 рубля;
- добыча полезных ископаемых — 1611937 рублей;
- обрабатывающие производства — 270520 рублей;
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 398151 рубль;
- строительство — 195393 рубля.

Необходимо отметить, что расходы консолидированного бюджета РФ на одно рабочее место в образовании и одно рабочее место в здравоохранении составляют 449055 рублей и 499300 рублей соответственно. Поэтому анализ и оценка наличия высокопроизводительных мест в структуре рынка труда реального сектора экономики отдельной территории по виду экономической деятельности являются основным рычагом регулирования занятости во всех сферах деятельности, ориентированных на численность населения, которое непосредственно проживает на этой территории, и позволяют определить вектор для подготовки соответствующих рекомендаций, использование которых позволит разрабатывать сценарии устойчивого развития социально-экономического положения территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Генкин Б. М. Экономика и социология труда: учеб. для вузов, 7-е изд., доп. М.: Норма, 2007. 448 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Госкомстат Р 76 России. М., 2013. 717 с.
3. Кабанов В. Н. Потенциал стратегического развития Волгограда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 57—61.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
5. Труд и занятость в России. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 661 с.
6. Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 389 с.
7. Паспорт муниципального образования // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst18 (дата обращения: 22.09.2014).
8. Ващенко А. Н. Особенности экономической устойчивости аграрного производства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 66—67.
9. Чумакова Е. А. Исследование распределения субъектов Российской Федерации по уровню бюджетных расходов на душу населения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 184—189.
10. Кабанов В. Н. Оценка эффективности местного самоуправления // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2. С. 123—132.
11. Васильева С. И., Тихомирова Е. В. Роль местного самоуправления в развитии человеческого потенциала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 142—147.

REFERENCES

1. Ghenkin B. M. Economics and sociology of labor: textbook for higher schools, 7-th edition, revised and amended. M.: Norma, 2007. 448 p.
2. Statistical Yearbook of Russia. 2003 Stat. col. / P. 76. State Statistical Committee of Russia. M., 2013. 717 p.
3. Kabanov V. N. Potential of strategic development of Volgograd // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 57—61.
4. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013: Stat. col. / Rosstat. M., 2013. 990 p.
5. Labor and employment in Russia. 2013: Stat. col. / Rosstat M., 2013. 661 p.
6. Healthcare in Russia. 2013: Stat. col. / Rosstat. M., 2013. 389 p.
7. Passports of municipal entity // Official website of the Federal State Statistical Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst18 (date of viewing: 22.09.2014).
8. Vashchenko A. N. Features of economic sustainability of agricultural production // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 66—67.
9. Chumakova E. A. Investigation of the entities of the Russian Federation distribution depending on the budget expenditures per capita // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 184—189.
10. Kabanov V. N. Evaluating effectiveness of the local self-government // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 2. P. 123—132.
11. Vasilyeva S. I., Tikhomirova E. V. The role of local government in development of human potential // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 142—147.

08.00.10 ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, КРЕДИТ

08.00.10 FINANCES, MONEY FLOW, CREDIT

УДК 330.322:332.1
ББК 65.263.111:65.04

Budaeva Maria Sergeevna,
candidate of economics, leading accountant of the payroll
administration of JSCo RZD (Russian Railways),
Irkutsk,
e-mail: manuna2002@list.ru

Будаева Мария Сергеевна,
канд. экон. наук, ведущий бухгалтер
расчетной группы ОАО «РЖД»,
г. Иркутск,
e-mail: manuna2002@list.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПОСРЕДСТВОМ ЛИЗИНГОВОЙ ФОРМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ УЧЕНЫМИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ISSUES AND SOLUTIONS OF THE INVESTMENT POLICY BY MEANS OF LEASING-TYPE FINANCING PROPOSED BY THE SCIENTISTS OF IRKUTSK REGION

В данной статье обосновывается актуальность такой формы финансирования, как лизинг. Так как обновление производственного оборудования является важнейшей задачей в структурном реформировании промышленных предприятий и обуславливает особую актуальность решения вопросов, связанных с оптимизацией использования собственных инвестиционных ресурсов, необходимо решать вопрос о привлечении внешних источников финансирования на основе эффективных финансовых технологий. Также в статье поясняются основные проблемы применения лизинговой формы финансирования в Иркутской области. Представляется развернутый анализ наиболее известных работ ряда авторов Иркутской области, занимающихся применением, адаптацией и анализом лизинговой формы финансирования.

The urgency of such form of financing as leasing is substantiated in the article. As long as upgrading of production equipment is the most important task in the structural reforming of industrial enterprises and justifies the particular relevance of solution of the issues connected with optimization of use of

the own investment resources, it is necessary to solve the issue of attracting external funding on the basis of effective financial technologies. The article also explains the main problems of application of the leasing form of financing in Irkutsk region. A detailed analysis of the most well-known works of the number of authors of Irkutsk region involved in application, adaptation and analysis of the leasing form of financing.

Ключевые слова: лизинг, Иркутская область, лизинговая методика, инвестиции, основной капитал, инновации, инновационная деятельность, производственные фонды, экономические явления, страхование рисков.

Keywords: leasing, Irkutsk region, leasing method, investments, fixed assets, innovations, innovative activity, production assets, economic phenomena, insurance of risks.

Необходимость инвестирования в основной капитал предприятий страны в целом очевидна, так как существуют потребности национальной экономики в обновлении основных производственных фондов. Для развития конку-

рентоспособности отечественной продукции необходима модернизация производства. На данный промежуток времени одной из проблем, стоящих как перед банковским сектором, так и перед хозяйствующими субъектами, является проблема размещения и привлечения свободных денежных средств в целях дальнейшего инвестирования в основные производственные фонды.

Обновление производственного оборудования является важнейшей задачей в структурном реформировании промышленных предприятий и обуславливает особую актуальность решения вопросов, связанных с оптимизацией использования собственных инвестиционных ресурсов, а также привлечением внешних источников финансирования на основе эффективных финансовых технологий.

Государство мало внимания уделяет такой форме инвестирования, как лизинг, которое, особенно в настоящее время кризиса ликвидности, является актуальным для фондоемких отраслей.

Прежде всего лизинг решает проблему увеличения инвестиций в экономику страны, ускорения ее структурных преобразований, способствующих финансовому росту, без этого невыполнима задача вывода России из кризиса. Данная ситуация подталкивает хозяйствующие субъекты к принятию неординарных решений, направленных на поиск и реализацию научно обоснованных методов повышения социально-экономической эффективности с использованием зарубежного и отечественного опыта.

В последнее время лизинг рассматривают как сложное экономическое явление, в которое входят отношения аренды, банковского кредитования, собственности, позволяющие активно работать инвестиционным процессам во многих отраслях экономики.

В то же время лизинговые отношения изучены недостаточно. Требуются современные методики развития рынка лизинговых услуг как в регионе, так и в стране в целом. Многие способы расчетов финансовых потоков, определения результативности лизинга и расчета лизинговых платежей нуждаются в улучшении.

К решению этой сложной задачи обращались многие российские ученые. Что касается Иркутской области, то решению задач в области лизинга в части формирования методик расчета лизинговых платежей, сравнения вариантов финансирования, оценки рисков и осуществления процесса страхования лизинга уделяли внимание такие ученые Иркутской области, как д-р экон. наук, проф. А. С. Нечаев, д-р экон. наук, проф. Р. Ф. Старков, д-р экон. наук, проф. Д. В. Огнев, д-р экон. наук, проф. С. С. Ованесян, канд. экон. наук, проф. В. Ю. Конюхов, канд. экон. наук, доц. О. В. Антипина, канд. экон. наук, доц. Д. А. Антипин, канд. экон. наук, доц. Я. И. Заиченко, канд. экон. наук, доц. М. С. Будаева, канд. экон. наук, доц. А. С. Ваулин, канд. экон. наук, доц. Н. А. Грабарь, канд. экон. наук, доц. Н. В. Кузнецова, канд. экон. наук, доц. Л. Г. Никитюк, канд. экон. наук, доц. Ли Сянь, канд. экон. наук, доц. Р. У. Ри, канд. экон. наук, доц. А. С. Щербаков, В. А. Мишина, А. А. Левицкий, Р. В. Егоров и А. В. Прокопьева [1].

В своих работах авторы делали серьезный акцент на неразвитость лизинга как в России, так и в особенности в Иркутской области по сравнению с ведущими странами запада, а именно: проф. Р. Ф. Старков [2], проф. А. С. Нечаев [3], проф. Д. В. Огнев [4], проф. В. Ю. Конюхов [5], доц. М. С. Будаева [6], доц. Д. А. Антипин [7], доц. О. В. Антипина, доц. Р. У. Ри. В табл. 1 в обобщенном виде представим основные факторы, отрицательно влияющие на деятель-

ность организаций в сфере финансового лизинга, на которых авторы в своих работах неоднократно делали акцент.

Таблица 1

Факторы, отрицательно влияющие на деятельность организаций в сфере финансового лизинга в Иркутской области, 2013 г.

№	Факторы	Вес показателя
1.	Высокий процент коммерческого кредита	87,2
2.	Информационная непрозрачность деятельности потребителей	6,3
3.	Конкуренция со стороны других организаций, осуществляющих лизинговую деятельность	9,6
4.	Недостаток квалифицированных специалистов	13,6
5.	Недостаток финансовых средств	14,8
6.	Недостаточный спрос на предметы лизинга	10,9
7.	Несовершенство нормативно-правового регулирования лизинговой деятельности	75,2
8.	Отсутствие страховых рисков лизинговой деятельности	1,7
9.	Сложности получения кредита	22,4
10.	Существующий уровень налогообложения	11,6
11.	Другие	1,2

Как видно из табл. 1, один из основных факторов, имеющий вес 87,2, отрицательно сказывающийся на развитии лизинга в Иркутской области, — высокий процент коммерческого кредитования, используемого при финансировании лизинговых проектов. Доц. М. С. Будаева неоднократно в своих трудах акцентировала внимание на данной проблеме и предлагала авторский инновационный финансовый инструмент для ее решения [8].

Процесс нейтрализации многих из перечисленных факторов может решаться применением страхования лизинговых операций, о чем не раз в своих трудах авторы делали на этом акцент: В. А. Мишина, проф. Д. В. Огнев, проф. А. С. Нечаев, А. В. Прокопьева.

Необходимость применения льготного налогообложения, уровень которого также является сдерживающим фактором развития лизинга, тоже освещалась в трудах ученых Иркутской области, где предлагался авторский инструмент коррективы и изменения системы налогообложения на региональном уровне.

В особенности доц. О. В. Антипина, Л. Г. Белякова и Л. Г. Никитюк более концептуально подошли к решению вопроса, касающегося регионального налогообложения, представив свои выводы о системе муниципального управления в научных трудах [9].

Причем одним из эффективных инструментов регулирования сумм платежей по налогу на прибыль и налогу на имущество является амортизационный инструмент, на котором авторы делали весомый акцент и предлагали авторские методики управления лизинговыми платежами через суммы амортизационных отчислений с целью оптимизации налоговых поступлений фискальным органам [10].

Вторым основным фактором, препятствующим развитию лизинга как в России, так и на территории Иркутской области, является недостаток нормативно-правового регулирования лизинговой деятельности. О данной проблеме и путях ее ре-

шения не раз писали в своих трудах иркутские авторы проф. А. С. Нечаев и проф. Д. В. Огнев [11].

Далее в табл. 2 и 3 можно проследить существующие тенденции в части поступления инвестиций в Иркутскую область.

Таблица 2

Поступило прямых инвестиций в Россию из-за рубежа, тыс. долл.

2010		2011		2012		2013	
Российская Федерация	Иркутская область	Российская Федерация	Иркутская область	Российская Федерация	Иркутская область	Российская Федерация	Иркутская область
13810042,45	36061,98	18414837,68	91949,45	18666044,04	126483,33	26117715,62	31102,96

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал крупных организаций на территории Иркутской области, тыс. руб.

Отрасль	Год				
	2009	2010	2011	2012	2013
Обрабатывающие производства	12415422	12519164	22339220	23408552	32803768
Строительство	11899650	4522800	6387980	7069008	2876334
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1034523	2144698	349851	149280	370551
Транспорт и связь	16318830	11430527	10504457	14707423	11428426
Финансовая деятельность	94857	929939	2328545	1661515	5586516
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3000954	1779511	6269343	6128467	4345542
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	645041	970740	1601652	2034317	2495091
Образование	311457	613690	244246	286963	538728
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	55824	52770	139595	264073	1057282
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	66816	98594	87260	158743	610981
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3712278	1483463	1881937	8218285	3666664
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4100767	8337336	8317823	8274799	8453872
Гостиницы и рестораны	8470	10902	3932	2074	13421
Добыча полезных ископаемых	14465457	18687133	26593826	34460044	33009254

Как видно из вышеприведенного статистического материала, прямые инвестиции в Иркутскую область из-за рубежа на 2013 год равны уровню 2010 года. Это связано с теми системными ошибками, о которых не раз писали в своих трудах проф. А. С. Нечаев, Д. В. Огнев и А. А. Левицкий [12].

Для развития международных связей, построенных

на финансировании проектов с учетом лизинговой составляющей, авторами были разработаны новые лизинговые методики и алгоритмы, позволяющие учесть всесторонний охват недостатков существующего лизингового инструментария при заключении экспортно-импортных операций [13].

Ниже, в табл. 4, приведем данные по общей стоимости договоров финансового лизинга.

Общая стоимость договоров финансового лизинга, заключенных организациями, осуществляющими деятельность в сфере финансового лизинга, тыс. руб.

Объекты основных средств	Место расположения	Год			
		2010	2011	2012	2013
Здания, инженерные сооружения	Российская Федерация	13963299	10525173	20630003	12684784
	Иркутская область			54998	87604
Компьютеры и компьютерные сети	Российская Федерация	1509024	5352761	1071297	916081
	Иркутская область		4922	1440	24333
Транспортные средства	Российская Федерация	156586559	250253077	536329750,1	499794122
	Иркутская область	94917	260344	1292358	616779

Из табл. 4 виден очень существенный провал в 2013 году по сравнению с 2012-м объемов лизинга в части транспортных средств, хотя именно транспортные средства являются максимально удобным объектом для передачи в лизинг. В ведущих странах Европы и Северной Америки доля лизинга автотранспортных средств в общем объеме финансирования составляет около 50%, что

существенно отличается от российской действительности.

Существующие авторские методики, позволяющие сравнивать лизинг с альтернативными формами финансирования [14] и производить оценку лизинговых платежей [15] с учетом региональной составляющей, дали бы возможность переломить отрицательную тенденцию при выборе формы финансирования хозяйствующим субъектом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антипина О. В. Инновационно-инвестиционное развитие муниципальных образований Иркутской области: проблемы и пути решения // Экономика и управление. 2011. № 12—74. С. 32—36.
2. Антипина О. В. Некоторые аспекты управления инновационно-инвестиционным развитием территорий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 7. С. 88—90.
3. Антипина О. В. Инновационно-инвестиционное развитие территорий в системе муниципального управления: дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2011. 167 с.
4. Будаева М. С. Формы и источники финансирования инноваций // Путеводитель предпринимателя. 2010. № VI. С. 29—39.
5. Будаева М. С. Алгоритм создания методик расчета платежей по кредиту и лизингу, построенных на применении корректирующих коэффициентов // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 128—130.
6. Конюхов В. Ю., Ли Сянь. Методические подходы к разработке инновационно-ориентированной методики в операционном лизинге: монография. Ангарск: Изд-во АГТА, 2009. 141 с.
7. Нечаев А. С. Анализ методик для обновления основных производственных фондов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. Т. 42. № 2. С. 85—90.
8. Нечаев А. С. Страхование лизинговых операций в России // Финансы и кредит. 2010. № 22. С. 36—43.
9. Нечаев А. С. Особенности лизинга коммерческой недвижимости в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 1. С. 46—49.
10. Нечаев А. С. Методические подходы при использовании лизинговой формы финансирования // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2009. Т. 9. № 2. С. 74—77.
11. Нечаев А. С. Модифицированная методика расчета чистого эффекта лизинга // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3 (20). С. 75—78.
12. Нечаев А. С. Нормативно-правовое регулирование лизинговых операций в России // Путеводитель предпринимателя. 2009. № 4—5. С. 127—134.
13. Ованесян С. С., Будаева М. С. Применение корректирующих коэффициентов для расчета условий кредита и лизинга // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. № 3. С. 61—67.
14. Огнев Д. В. Преимущества и недостатки лизинговой формы инвестиций // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 1. С. 37—41.
15. Прокопьева А. В. Анализ эффективности инновационной деятельности // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 25—1. С. 160—164.

REFERENCES

1. Antipin O. V. Innovation and investment development of municipal entities of Irkutsk region: problems and solutions // Economics and management. 2011. № 12—74. P. 32—36.
2. Antipin O. V. Some aspects of management of the innovative-investment development of regions // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2012. № 7. P. 88—90.
3. Antipin O. V. Innovation and investment development of the regions in the system of municipal management: dissertation for

the scientific degree of the candidate of economics. Irkutsk, 2011. 167 p.

4. Budaeva M. S. Forms and sources of financing innovations // Guidelines for an entrepreneur. 2010. № VI. P. 29—39.
5. Budaeva M. S. Algorithm of developing methods for calculating payments for the loan and leasing based on the use of correction factors // Bulletin of Tomsk State University. 2009. № 321. P. 128—130.
6. Konyukhov V. Yu., Lee Hsien. Methodical approaches to developing an innovation-oriented method in operating lease: monograph. Angarsk: Publishing house of the AGT, 2009. 141 p.
7. Nechaev A. S. Analysis of procedures for renewal of basic production assets // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2010. V. 42. № 2. P. 85—90.
8. Nechaev A. S. Insurance of leasing operations in Russia // Finance and credit. 2010. № 22. P. 36—43.
9. Nechaev A. S. Features of leasing of commercial real estate in the Russian Federation // Property relations in the Russian Federation. 2010. № 1. P. 46—49.
10. Nechaev A. S. Methodical approaches when using leasing financing // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences. 2009. V. 9. № 2. P. 74—77.
11. Nechaev A. S. A modified method of calculating the net effect of leasing // Business, management and law. 2009. № 3 (20). P. 75—78.
12. Nechaev A. S. Legal regulation of leasing operations in Russia // Guidelines for an entrepreneur. 2009. № 4-5. P. 127—134.
13. Hovhannisyans S., Budaeva M. S. Application of correction factors for calculating loan and leasing // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences. 2008. V. 8. № 3. P. 61—67.
14. Ognev A. I. The advantages and disadvantages of leasing forms of investment // News of Irkutsk State Economic Academy. 2009. № 1. P. 37—41.
15. Prokopyeva A. V. Analysis of efficiency of innovative activity // Current issues in Economics. 2012. № 25—1. P. 160—164.

УДК 336.64+336.13

ББК 65.291.9-21+65.261.5

Akinshin Maxim Valeryevich,
post-graduate student of the department of state
and municipal finance of Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: max.akinschin2010@yandex.ru

Акиншин Максим Валерьевич,
аспирант кафедры государственных
и муниципальных финансов
Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Москва,
e-mail: max.akinschin2010@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА СЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

FEATURES AND CONDITIONS OF FUNCTIONING OF FINANCIAL MANAGEMENT OF THE GENERAL GOVERNMENT SECTOR

В статье рассмотрены основные тенденции в секторе государственного управления. Выявлены особенности финансового менеджмента в секторе государственного управления, среди них: а) невозможность достижения социальной эффективности в рамках непрограммного подхода; б) основной целью является эффективное выполнение взятых обязательств и реализация вмененных функций. На их основе предложены необходимые и достаточные условия достижения максимальной эффективности, к примеру: а) четкая формулировка ограниченного перечня функций органов сектора государственного управления и привязка эффективности их деятельности к вмененным функциям; б) формирование круга ответственных лиц в рамках каждой программы в разрезе мероприятий и направлений программы.

The article details the basic trends in the general government sector. The features of financial management in the general government sector are identified, among them: a) failure to achieve social efficiency within the non-program approach; b) the main purpose is effective fulfillment of the commitments and implementation of imputed functions. The required and sufficient conditions for the maximum efficiency achievement are proposed on their basis, namely: a) a clear statement of a limited list of functions of the general government sector authorities and attachment of their performance efficiency to the imputed

functions; b) forming of a circle of decision-makers within each program, in the context of the program activities and trends.

Ключевые слова: финансовый менеджмент, сущность управления финансами, специфика управления финансами, сектор государственного управления, тенденции в развитии, противоречия в развитии, особенности управления финансами, условия управления финансами, эффективность управления финансами, социальная эффективность.

Keywords: financial management, essence of financial management, specifics of financial management, the general government sector, trends of development, contradictions in development, features of financial management, conditions of financial management, efficiency of financial management, social efficiency.

В современном мире уже не найдется экономиста, который бы отрицал важность государства в хозяйственной жизни страны. Особое место в экономике занимает сектор государственного управления, который состоит из органов власти разных уровней и подведомственных им учреждений.

В настоящее время активно реформируется сектор государственного управления в сторону повышения эффективности бюджетных расходов и управления государственным

долгом. В связи с переходом к концепции социального государства от концепции «ночного сторожа», о которой когда-то говорил А. Смит, изменилась структура потребностей населения. Доля общественных благ, которые производит государственный сектор, постоянно возрастает относительно частных благ. Увеличение производства общественных благ приводит к постоянному росту государственных расходов, а значит, необходимости нахождения источников и финансирования, и эффективного использования.

Важными вопросами, которые стоят на современном этапе управления государственными финансами, главным образом в секторе государственного управления, являются следующие:

1. Понимание сущности и специфики управления финансами сектора государственного управления.

2. Осознание особенностей финансового менеджмента в секторе государственного управления и формулировка условий эффективного использования имеющихся финансовых ресурсов.

Ответами на вопрос будут решения задач, как определение понятия управления финансами сектора государственного управления; формулировка и обоснование особенностей финансового менеджмента в секторе государственного управления; на основе сформулированных особенностей и понимания сущности управления финансами сектора государственного управления научное обоснование необходимых и достаточных условий для эффективного управления финансами сектора государственного управления.

Определяя природу и давая дефиницию управлению государственными финансами, необходимо упомянуть, каких результатов достигли ученые в этой области. Наиболее известным из экономистов, занимающихся фундаментальными исследованиями в области государственных финансов, является Р. А. Масгрейв. Свой фундаментальный труд он выстраивает исходя из задач управления финансами: обеспечения предоставления общественных благ; достижения справедливого распределения доходов и богатств; поддержания стабильности экономики. При этом автор не дает конкретного определения понятия управления государственными финансами, но рассматривает различные его аспекты. В частности, рассматриваются структура и политика расходов, принципы налогообложения, оптимизация налоговой системы, фискальный федерализм, бюджетная политика, международные проблемы (проблемы координации и развития) [1]. Продолжают традиции Масгрейва и другие видные ученые в рассматриваемой области: Л. И. Якобсон [2], Дж. Ю. Стиглиц [3], Д. Брюмерхофф [4]. Каждый из них углубляет тот или иной аспект управления финансами государственного сектора и выделяет свой авторский подход к изучению и пониманию государственных финансов и управления ими. Они также не дают определения понятия управления финансами.

Давая определение финансового менеджмента, принято исходить из дефиниции управления и его специфики в области финансов. Результатом такого подхода становится определение управления финансами наподобие следующего: «процесс целенаправленного воздействия с помощью специальных приемов и методов на финансовые отношения и соответствующие им виды финансовых ресурсов для реализации функций субъектов власти и субъектов хозяйствования, целей и задач их деятельности» [5, с. 70]. Безусловно, приведенная дефиниция релевантно описывает сущность управления государственными финансами, но ее нельзя назвать полной, так как не учитывается ряд важных и опре-

деляющих особенностей. В ней не учитывается временной аспект, который раскрывается через цели, деля их на тактические и стратегические; не отражается тенденция в развитии управления финансами учитывать эффективность; не учтена другая особенность в управлении государственными финансами — риски.

Для восполнения указанных пробелов необходимо понять ряд концептуальных моментов при определении управления государственными финансами. Во-первых, несмотря на то что совокупность субъектов определяют как «государство», в конечном счете через управление финансами реализуются не только функции, достигаются не только цели и задачи государства, но в первую очередь каждый субъект или даже отдельный менеджер решает свои собственные задачи. Даже если система субординации предполагает, что задачи деятельности спускаются сверху, собственные задачи конкретного субъекта никогда не будут полностью совпадать с общими. Во-вторых, эффективность является движущей силой развития управления финансами и поэтому должна быть упомянута в его определении. Изменения и поиск форм и методов управления финансами продиктованы необходимостью достижения целей при максимуме результата и оптимуме затрат — так можно определить «эффективность». В-третьих, риски, которые можно определить как неопределенность времени и достаточность финансовых ресурсов, должны быть учтены в дефиниции управления.

Принимая во внимание вышесказанное, мы даем следующее определение финансового менеджмента в секторе государственного управления: это целенаправленное воздействие посредством управленческих решений и с помощью специальных приемов и методов на финансовые отношения и соответствующие им виды финансовых ресурсов для реализации функций совокупности субъектов государственного сектора, достижения целей и задач их деятельности, а также контроля эффективности и управления финансовыми рисками.

Такое определение достаточно полно отражает сущность управления государственными финансами в секторе государственного управления, но остаются открытыми вопросы об особенностях, которые мы частично затронули, и вытекающих из них условиях финансового менеджмента в секторе государственного управления.

Формулируя особенности управления финансами сектора государственного управления, мы сталкиваемся с необходимостью упоминания основных тенденций в данной сфере деятельности. К основным тенденциям в управлении государственными финансами относятся:

1) сближение концепций управления финансами в частном и государственном секторе. В государственном секторе эта тенденция получила название *New Public Management*;

2) изменения в управлении государственными финансами в сторону смещения к программным методам и управлению результатами;

3) понимание необходимости учета эффективности и рисков в управлении государственными финансами, что привело к появлению новых методов и инструментов;

4) усложнение механизмов управления и придание им более эффективных форм;

5) ориентация на рынок и потребителя, что заставляет взглянуть на местный уровень и идти по пути децентрализации управления финансами в отношении предоставления общественных благ.

Основными целями концепции *New Public Management* выступают оптимизация общественного управления, повы-

шение эффективности бюджетных расходов, достижение гибкости. Надо понимать, что эта концепция является ответом на запросы населения, экономики, а не теоретической разработкой. Соответственно разработки в ее рамках призваны решать реальные проблемы, а не предлагать альтернативы развития общества. В частности, классическая теория управления государственными финансами переняла путем переложения на свои задачи разработки частного сектора. В результате данного процесса родились такие инструменты, как аудит эффективности, программно-целевой подход к управлению процессами, планирование на срок до трех и более лет и т. д.

На основе анализа противоречий в соответствии с диалектическим методом можно понять, какие особенности управления государственными финансами можно выделить. Сближение традиционного содержания управления государственными финансами и перенесенными из частного сектора встают перед противоречиями, к которым относятся:

1) различие в направленности теорий финансового менеджмента на управление ресурсами и управление механизмами формирует различное содержание процесса управления финансами, а правила и процедуры одного сектора не подойдут для другого;

2) различие в целях управления также влияет на содержание всего процесса, прибыль не может быть целью деятельности органов сектора государственного управления, так как они обладают такой характеристикой, как принятие на себя ответственности за обеспечение общества в целом или отдельных домашних хозяйств социальными благами (товарами и услугами на рыночной основе) [6, с. 10];

3) отсутствие прозрачности между расходами и получаемыми доходами, характерной для частного сектора, в государственном секторе управления сталкивается с принципом общего покрытия, который позволяет максимально профинансировать различные направления деятельности, но способствует потере увязки расходов и доходов. Такая ситуация в определенной степени подрывает мотивацию менеджеров к осуществлению деятельности на основе принципов эффективности;

4) различие в понимании эффективности: для сектора государственного управления недостаточно опираться на анализ рентабельности, но также требуется определить, какие последствия мероприятия будут иметь в общественном смысле, будет ли социальный эффект;

5) особенности управления персоналом в секторе государственного управления сформировали такое явление, как коррупция, которое, на наш взгляд, связано с тем, что у менеджера часто отсутствует увязка его достижений в работе с получаемыми доходами. В свою очередь, коррупция мешает внедрению программного подхода к управлению бюджетом: чиновникам не интересно внедрять эффективные методы и инструменты, повышающие прозрачность деятельности и оптимизирующие расходы, поскольку они будут снижать теневые доходы.

Еще одним важным обстоятельством, на которое следует обратить внимание, прежде чем перейти к рассмотрению особенностей финансового менеджмента в секторе государственного управления, является вопрос об эффективности. Прежде всего, по нашему мнению, эффективность является наиболее влиятельным фактором, обеспечивающим развитие финансового менеджмента. В отличие от экономической науки в целом, которая имеет фундаментальный характер, финансовый менеджмент рожден потребностями практики и отвечает прежде всего на ее запросы. Каждая из наиболее

общих философских теорий, объясняющих развитие знания (Куна, Поппера, Локатоса), способна раскрыть сущность развития финансового менеджмента, как и концепция методологического континуума, но все они упускают существенный момент, характерный для данной дисциплины. Для практической области знания наряду с внешними и внутренними факторами большое значение в вопросе о росте знания имеет эффективность. Кроме того, для экономики в целом как практической области приложения человеческих знаний свойственно рассматривать развитие как рост экономической мощи при высокой занятости, приемлемом уровне цен и инфляции, что обеспечивается в том числе эффективным ведением, или управлением, финансов. Именно эффективность заставляет субъект управления финансами совершенствовать концептуально-инструментальный каркас финансового менеджмента, чтобы последний был способен достигать целей, поставленных перед предприятием или государственным учреждением.

Эффективность является одним из наиболее общих научных понятий. Это понятие на данный момент не имеет единого общепризнанного определения. Качественная характеристика соотношения затрат и результатов функционирования системы — вот то, что, по сути, представляет из себя эффективность [7]. Однако финансовый менеджмент сектора государственного управления имеет дело не с частными благами, а с общественными, а последние имеют ряд характеристик, которые делают невозможным такой подход (сильные внешние эффекты, неделимость на части, проблема «безбилетника»). И возникает проблема несовместимости подхода к эффективности как результативности в смысле отношения затраты/результат.

Выходом из ситуации становится такая концепция эффективности управления финансами, как нацеленность. В секторе государственного управления следует обращать внимание не на экономический эффект, а на соответствие результатов целям, поставленным в планах финансового менеджмента, как степень выполнения поставленных стратегических и тактических задач. В секторе государственного управления эффективность будет включать как экономическую эффективность, так и общественную и общественно-экономическую эффективность. Такое деление эффективности рассмотрено в работе отечественного ученого М. П. Афанасьева [8, с. 76—82]. Первые два вида эффективности показывают прямые результаты деятельности органов сектора государственного управления; общественная, или социальная, эффективность показывает косвенные результаты. Важной характеристикой социальной эффективности является ориентация на конечный результат (эффект от полученных товаров или услуг в результате реализации проекта), а не на непосредственный, выражающий объем и качество предоставляемых государством товаров и услуг. В качестве примера можно привести строительство моста. Сам мост будет непосредственным результатом, а километры, сэкономленные за счет его постройки, станут конечным результатом.

В итоге можно выделить следующие особенности финансового менеджмента сектора государственного управления: а) невозможность достижения социальной эффективности в рамках непрограммного подхода; б) основной целью является эффективное выполнение взятых обязательств и реализация вмененных функций; в) реализация услуг, в том числе по рыночным ценам; г) низкая прозрачность расходов в непрограммном подходе; д) низкая мотивация менеджеров в отношении эффективного выполнения своих обязанностей.

Прежде чем перейти к формулированию условий эффективного управления финансами в секторе государственного управления, необходимо обосновать те особенности, которые мы выделили. Почему невозможно достичь социальной эффективности в рамках непрограммного подхода? Объективно говоря, управление — это воздействие на объект управления с целью достижения конкретных результатов. Если механизм не предполагает выделения социальной эффективности, а непрограммный подход не предполагает вообще увязки результата и финансирования, то мы не можем говорить о том, что мы управляем объектом в смысле такого параметра, как социальная эффективность.

Далее в отношении цели управления: основная цель — эффективное выполнение взятых обязательств и реализация вмененных функций. Соответственно завязка эффективности на прибыльность, как в частном секторе, и соответственно показатель рентабельности в секторе государственного управления невозможна, и вместо него используется качество выполнения вмененных функций.

Реализация услуг, в том числе по рыночным ценам: эта особенность вытекает из сущности сектора государственного управления.

Отсутствие увязки расходов и результатов, а также недостаточная детальность мероприятий ведут к низкой прозрачности расходов в непрограммном подходе.

Низкая мотивация менеджеров в отношении эффективного выполнения своих обязанностей объясняется отсутствием прямых стимулов к эффективному труду в виде увязки результативности деятельности по участкам ответственности менеджеров, а часто и косвенных стимулов, таких как общественное одобрение. Интересным является исследование Л. В. Шамрай в отношении развития и воспроизводства человеческих ресурсов. В своей статье она рассматривает мировой опыт в этой сфере, а также особенности, условия и проблемы данного направления в России [9].

Итак, на основе проведенного анализа и выделения особенностей управления финансами в секторе государственного управления можно научно обосновать необходимые и достаточные условия для эффективного управления финансами сектора государственного управления. К ним относятся: а) капитальные затраты, или затраты на инвестиционные проекты и мероприятия, должны проводиться в рамках программно-подходного; б) четкая формулировка ограниченного перечня функций органов сектора государственного управления и привязка эффективности их деятельности к вмененным функциям; в) формирование круга ответственных лиц в рамках каждой программы в разрезе мероприятий, направлений программы; г) формирование системы мотивации менеджмента сектора государственного управления, включающей прямые и косвенные стимулы к эффективному труду; д) соответствие компетенций менеджеров запросам хозяйственной деятельности и программному методу; е) прозрачность привязки показателей программы мероприятиям, проводимым в ее рамках, а также релевантность самих показателей результативности целям программы.

Почему данные условия являются необходимыми для эффективного управления финансами сектора государственного управления? Текущие затраты не преследуют

целью достижение социальной эффективности. Более того, в рамках текущих затрат социальная эффективность может быть достигнута только случайным образом, ее не удастся запланировать. Капитальные затраты, или затраты на инвестиционные проекты и мероприятия, в свою очередь, обязаны иметь своей целью создание социального эффекта, который достигается программным методом управления финансами, отсюда необходимость увязки капитальных затрат и программно-подходного.

Отсутствие ограниченного перечня вмененных функций у органов сектора государственного управления размывает ответственность как у самого органа, так и у менеджмента, кроме того, это препятствует определению ограниченного перечня мероприятий, увязанных с функциями, а значит, и эффективного управления финансами в рамках программно-подходного.

Размывание ответственности также происходит в случае, если при планировании не определяется круг конкретных ответственных лиц за конкретные мероприятия или направления деятельности органа сектора государственного управления. Если за программу отвечает министерство или несколько министерств, а не конкретные люди по мероприятиям в рамках программы, тогда в случае неэффективного управления не с кого спрашивать отчет и применять наказание.

Треугольник «желание — знание — умение» является необходимым условием эффективного исполнения своих обязанностей менеджера, в частности сектора государственного управления. Соответственно предъявляются требования к компетенциям менеджера в области управления финансами, а также необходимо создать систему мотиваций, включающую прямые и косвенные стимулы к эффективному труду. Прямыми стимулами можно назвать, например, увязку оплаты труда и результативности деятельности. К косвенным стимулам к эффективному труду относятся, к примеру, создание системы общественного признания внутри организации, когда результативность публично отмечается грамотами, медалями и т. д. Отдельного внимания заслуживает процесс поэтапного развития способностей человека к труду и его компетенций. В частности, эта проблема рассмотрена в статье Е. Э. Головчанской [10].

Если показатели результативности программы носят формальный оттенок и не коррелируют с конкретными мероприятиями в рамках программы, то мы не можем воздействовать на показатели. В итоге результативность программы будет носить случайный характер и не будет содержать в себе социальную эффективность, являющуюся конечной целью программно-подходного.

Если мы стремимся к тому, чтобы управление государственными финансами соответствовало хозяйственным запросам и современным тенденциям управления, то мы должны понимать сущность, специфику, особенности и условия эффективного управления финансами сектора государственного управления. Осознавая сформулированные особенности и условия, мы имеем возможность проанализировать эффективность деятельности органов сектора государственного управления и принять управленческие решения, сформулировать систему мероприятий по повышению эффективности управления финансами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика / Пер. с англ. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
2. Якобсон Л. И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика: учеб. для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 367 с.
3. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1997. 720 с.

4. Брюмерхофф Д. Теория государственных финансов / Под общ. ред. А. Л. Кудрина, В. Д. Дзгоева. В.: Пионер-Пресс, 2001. 480 с.
5. Финансы: учеб. пособие / Под ред. А. Г. Грязновой, Е. В. Маркиной. М.: ИНФРА-М, 2010. 496 с.
6. Руководство по статистике государственных финансов — 2001 / МВФ. 2001. 230 с.
7. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/5106/Экономическая_эффективность/ (дата обращения: 23.04.2014).
8. Афанасьев М. П. Модернизация государственных финансов: учеб. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. 439 с.
9. Шамрай Л. В. Опыт развития человеческих ресурсов в России и за рубежом // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 8. С. 127—131.
10. Головчанская Е. Э. Формирование и развитие компетентности персонала в динамике его жизненного цикла // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 10. С. 179—182.

REFERENCES

1. Musgrave R. A., Musgrave P. B. Public Finance: Theory and Practice / Translated from English. M.: Business Atlas, 2009. 716 p.
2. Jacobson L. The public sector of economics: economic theory and policy: textbook for high schools. M.: HSE, 2000. 367 p.
3. Stiglitz J. Economics of the public sector / Translated from English. M.: INFRA-M, 1997. 720 p.
4. Bryumerhoff D. Theory of Public Finance / Under the general editorship of A. L. Kudrin, V. D. Dzгоеv. V.: Pioneer Press, 2001. 480 p.
5. Finance: textbook / Edited by A. Gryaznova, E. Markina. M.: INFRA-M, 2010. 496 p.
6. Manual on Government Finance Statistics — 2001 / IMF. 2001. 230 p.
7. Lopatnikov L. I. Economic and Mathematical Dictionary: Dictionary of modern economics. M.: Delo, 2003 [Electronic resource]. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/5106/Экономическая_эффективность/ (date of viewing: 23.04.2014).
8. Afanasyev M. Modernization of Public Finance: textbook. M.: Publishing house of HSE, 2006. 439 p.
9. Shamrai L. Experience of the human resources development in Russia and abroad // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2009. № 8. P. 127—131.
10. Golovchanskaya E. Formation and development of staff competence in the dynamics of its life cycle // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2009. № 10. P. 179—182.

УДК 336.64+336.13
ББК 65.291.9-21+65.261.5

Akinshin Maxim Valeryevich,
post-graduate student of the department of state
and municipal finance of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: max.akinschin2010@yandex.ru

Акиншин Максим Валерьевич,
аспирант кафедры государственных
и муниципальных финансов
Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Москва,
e-mail: max.akinschin2010@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ

EFFICIENCY AS A SOURCE OF FINANCIAL MANAGEMENT DEVELOPMENT, SUCCESSION OF THE MODELS OF PUBLIC FINANCIAL MANAGEMENT

В статье проанализированы основные научные подходы, рассматривающие развитие как рост научного знания, и предложена авторская позиция, выдвигающая эффективность в качестве источника развития управления государственными финансами. Также выдвигается положение о том, что движущей силой развития является эффективность. При этом рассмотрены само понятие эффективности и основные противоречия в применении этого показателя в управлении финансами сектора государственного управления. И наконец, рассмотрены модели бюджетирования с позиции роли эффективности в управлении государственными финансами. Особенностью каждой следующей модели является возможность влияния на эффективность процессов управления.

The paper analyzes the basic scientific approaches that considering the development as the growth of scientific knowledge, and proposes the author's position putting forward efficiency as a source of the public finance management development. Additionally, the statement is made that the driving force behind the development is efficiency. Meanwhile, the concept of efficiency is examined, as well as the main contradictions of application of this indicator for the public finance management. And finally, the budgeting models are investigated in terms of the efficiency role in the public finance management. The feature of each of the following model is the ability to impact the efficiency of management processes.

Ключевые слова: развитие, рост научного знания, экстерналистский подход, интерналистский подход, финансовый менеджмент, эффективность, социальная эффективность, экономическая эффективность, финансовая эффективность, модели бюджетирования.

Keywords: development, growth of scientific knowledge, externality approach, internality approach, financial management, efficiency, social efficiency, economic efficiency, financial efficiency, budgeting models.

В период глобальных изменений в понимании и практике управления государственными финансами становится актуальной проблема использования инструментов финансового менеджмента. При этом следует понимать, что существует ряд принципиальных различий в уровнях использования инструментария финансового менеджмента в частном и государственном секторе, в том числе в целях и задачах. Еще более актуальной является проблема эффективного использования методов и инструментов финансового менеджмента, а также адаптации достижений в развитии инструментария одного сектора в другом. Но в настоящее время в науке не существует общепринятого определения эффективности, и в управлении государственными финансами в различных моделях эффективность понимается по-разному. Мы можем говорить об эффективности как о динамически развивающейся структуре, которая становится источником развития государственных финансов и при этом сама меняется под воздействием управления. Соответственно становится актуальной проблема развития финансового менеджмента и эффективности в нем.

Важным вопросом в отношении развития является выявление источников, то есть причин изменений в системе. Рассматривая проблему развития финансового менеджмента, необходимо отметить ряд важных моментов касательно понятия развития как такового. Развитие определяется как изменение материальных и идеальных объектов, опирающееся на три характеристики: направленность, необратимость и закономерность. Каждая их указанных характеристик является важной составляющей в понимании развития. Направленность задает сетку вероятных изменений; закономерность позволяет говорить о внутренних механизмах функционирования этих изменений; необратимость есть предохранитель, сохраняющий целостность процесса, без которого не было бы и развития. Важной составляющей развития является время. Развитие всегда, как и вообще объективация мира, происходит в настоящем, но категория времени позволяет собрать воедино состояния пространства и определить направленность развития [1]. Кроме того, необходимо отметить тот факт, что развитие — это качественная характеристика изменений в системе.

Касательно финансового менеджмента можно говорить о развитии как росте научных знаний, но в то же время как об изменении инструментального каркаса в практической области. Более актуальной для исследования является второе направление, так как финансовый менеджмент — это прежде всего практическая область. Тем не менее для понимания реальных причин развития необходимо сказать несколько слов о первом направлении. В зависимости от признания приоритета факторов, влияющих на развитие науки, в исследовании роста знания в экономической науке выделились два подхода к решению данного вопроса:

— релятивистский, или экстерналистский: основной фактор развития науки — внешние воздействия, находящи-

еся за пределами науки. Наука — ответ на социально-экономические явления и запросы общества;

— абсолютистский, или интерналистский: цели, потребности, программы и проблемы исследования самой науки определяют ее ход.

Внутри каждого из этих направлений можно выделить несколько течений, отдающих предпочтение тем или иным факторам как наиболее значимым. В релятивизме это:

— экономический детерминизм;

— технологический детерминизм.

Из названий понятно, что в первом случае развитие науки определяет экономика, а во втором — технологии. Преимущество релятивизма заключается в том, что этот метод позволяет увидеть возникновение, развитие, взаимодействие и смену экономических идей и теорий в историческом аспекте [2, с. 66]. Очевидно, что недостатком данного подхода является то, что он не учитывает внутренних факторов развития науки.

В рамках абсолютистского подхода выделяются следующие направления:

— эмпирическое направление: наука основывается на эмпирических фактах, теория ей помогает, а вместе они осуществляют развитие;

— рационалистическое направление является обратным эмпирическому, соответственно теоретические изыскания движут науку вперед;

— кумулятивистское направление понимает развитие науки как простое приращение научного знания, накопление новых фактов и теорий, их объясняющих.

Как и в релятивизме, слабости интерналистского подхода заключаются в недооценке противоположного подхода, а именно внешних факторов развития науки, что приводит науку к отрыву от реального мира, других сфер культуры. Результатом может стать застой науки ввиду отсутствия мотивации к изменениям в долгосрочной перспективе. Преимущество абсолютизма заключается в том, что этот подход позволяет отвлечься от конкретных хозяйственных проблем различных исторических эпох и проследить развитие концептуально-инструментального каркаса отдельной области или экономической науки в целом [Там же. С. 73].

Преимущества обоих подходов объединяет в себе концепция методологического континуума, предполагающая рассматривать рост научного знания в экономической науке в диалектическом единстве внешнего и внутреннего аспектов. Истина в единстве, поэтому этот подход можно считать наиболее релевантным.

В отличие от экономической науки в целом, которая имеет фундаментальный характер, финансовый менеджмент рожден потребностями практики и отвечает прежде всего на ее запросы. Каждая из наиболее общих философских теорий роста научного знания (Кун, Поппер, Локатос) способна объяснить развитие финансового менеджмента, так же как и концепция методологического континуума, но все они упускают существенный момент, характерный для данной дисциплины. Для практической области знания наряду с внешними и внутренними факторами решающее значение в вопросе о развитии имеет ранее упомянутая эффективность. Кроме того, для экономики в целом как практической области приложения человеческих знаний свойственно рассматривать развитие как рост экономической мощи при высокой занятости, приемлемом уровне цен и инфляции, что обеспечивается в том числе эффективным ведением, или управлением, финансов. Именно эффективность заставляет субъект управления финансами

совершенствовать концептуально-инструментальный каркас финансового менеджмента, чтобы последний был способен достигать целей, поставленных перед предприятием или государственным учреждением.

Важным преимуществом выделения эффективности в качестве источника развития является возможность предугадывать пределы развития систем и влиять на них. Это задает подходу проактивный характер в противовес реактивному, который содержат в себе подходы к развитию как росту научного знания. Для менеджмента очень важно минимизировать риски и иметь возможность влиять на все участки управления. Ставя эффективность в центр развития, менеджер получает эту возможность.

Эффективность можно противопоставить хаотично возникающим сетевым экстерналиям в науке и практике. Последние представляют собой явления, когда случайное появление того или иного принципа, метода, инструмента, структуры становится общепризнанным и повсеместно используется не потому, что это эффективно, а потому, что это удобно всем. Это своего рода отражение равновесия, свойственного природе развития из хаоса. Экстерналии, или внешние воздействия, являются неотъемлемой чертой человеческого сообщества в любом виде деятельности, все системы так или иначе взаимосвязаны. А сетевой экстерналии отвечают склонности природы человека использовать привычные пути решения вопросов. Но сетевые экстерналии нельзя назвать движущей силой прогресса, поскольку они, наоборот, тормозят его, оставаясь в привычных рамках в ущерб эффективности. Качественное изменение (чего требует сущность развития как философского понятия) возможно только, если система выходит из так называемой зоны комфорта и ищет новые пути решения проблем. Поэтому основой развития в финансовом менеджменте можно назвать только эффективность.

Эффективность является одним из наиболее общих научных понятий. Качественная характеристика соотношения затрат и результатов функционирования системы — вот то, что, по сути, представляет собой эффективность [3].

Раскрывая понятие эффективности финансового менеджмента, необходимо рассмотреть понятие эффективности экономической как более общее. Экономическая эффективность — это способность некоторой системы производить экономический эффект (потенциальная эффективность) в процессе ее функционирования и создавать действительный эффект (фактическая эффективность). Некоторый разрыв между потенциальной и фактической эффективностью является неотъемлемой чертой, наблюдающейся в процессе функционирования экономических систем. Это, в свою очередь, говорит о действии тормозящих факторов (неоптимальное распределение ресурсов, низкое качество реализации принимаемых решений, несовершенство экономических стимулов, завышенные лаги реализации капиталовложений и др.).

Следует подчеркнуть, что в отличие от экономического эффекта (эффект за определенный период) эффективность имеет значение не абсолютное, а является относительной величиной. Наиболее распространенный способ ее определения заключается в делении величины эффекта на величину затрат (эффект на единицу затрат). Ясно, что увеличение прироста экономического эффекта (или результатов) при меньших темпах прироста применяемых ресурсов увеличивает эффективность системы. Уровень эффективности — важнейшая характеристика качества системы и качества решений (действий), изменяющих ее.

Оптимальным вариантом функционирования экономической системы является тот, что дает наибольшую эффективность в данных условиях [Там же]. Эта же формула может быть применима и к эффективности финансового менеджмента. Однако менеджмент государственных финансов имеет дело в большей степени не с частными благами, а в основном с общественными, а у некоторых из общественных благ есть характеристики, которые делают невозможным такой подход (например, сильные внешние эффекты, или неделимость на части, или проблема «безбилетника»). И возникает проблема несовместимости подхода к эффективности как результативности в смысле отношения затраты/результат.

Выходом из ситуации становится концепция эффективности управления финансами, где место экономической результативности (прибыль, прирост выручки, рост стоимости капитала и т. д.) занимает финансовая результативность. Финансовая результативность вытекает из природы финансов, основными функциями которых являются распределительная и контрольная. Соответственно финансовая результативность — это степень достижения оптимального распределения финансовых ресурсов для достижения поставленных при планировании целей и задач, и если для частного сектора цели и задачи согласуются с экономической результативностью, то для государственного это далеко не так. Тогда финансовая эффективность — это отношение финансовой результативности к затратам по ее достижению. Другими словами, в управлении государственными финансами основными категориями, с которыми связана эффективность, являются нацеленность, распределение и контроль, и следует обращать внимание не на экономический эффект, а на соответствие результатов целям, поставленным в планах финансового менеджмента, как степень выполнения поставленных стратегических и тактических задач.

Исходя из вышесказанного, рассмотрим следующие вопросы: как эффективность вплетена в систему менеджмента финансов; какие модели управления государственными финансами существуют в настоящее время? Логично будет отвечать на оба вопроса одновременно, давая характеристику модели и содержанию понятия эффективности, которое в ней подразумевается.

В государственном секторе управления финансовый менеджмент во многом связан с бюджетированием. Так или иначе, но развитие управления финансами в этом секторе завязано на управлении бюджетом — развитии подходов к бюджетированию и созданию вспомогательных инструментов и методов для эффективной организации бюджетного процесса. Поэтому моделями управления государственными финансами будут модели бюджетирования.

Говоря о развитии бюджетирования, на наш взгляд, можно выделить три этапа последовательной смены моделей в управлении бюджетом. Так как в разных странах эти этапы проходили в разные годы, будет нерационально выделять временные рамки появления каждой из моделей. Первую модель можно назвать сметной, иногда ее называют традиционной. Ее сущность состоит в том, что государство создает бюджет в соответствии с вытекающим из его функций перечнем направлений бюджетных расходов. Создается сложная структура подчинения бюджетных распорядителей и получателей по принципу «сверху вниз». Потребности населения определяет не потребитель, а специалисты государственных учреждений, исходя из своих представлений о них и сложившейся структуры расходов бюджета

прошлых лет. При этом властные структуры более высокого уровня определяют действия структур более низкого уровня, спуская им перечни целей и задач вместе с соответствующими бюджетными ассигнованиями. Преимуществом данной модели становятся относительно невысокий уровень затрат по администрированию расходов бюджета и функционированию системы, отсутствие необходимости в высококвалифицированных кадрах по управлению финансами, простота контроля целевого использования средств (так как последнее определяется соответствием плановых показателей расходов доходам бюджета). Недостатками, в свою очередь, становятся: размытые цели и соответственно задачи по их достижению; отсутствие нацеленности на результат; отсутствие стимулов к поиску эффективных решений у субъектов исполнительной власти (так как главное — освоить объем доведенных бюджетных ассигнований на текущий финансовый год, чтобы на следующий год его не урезали); невозможность определить источники роста ресурсной базы бюджета и возможности для роста экономики; наличие тенденции постоянного увеличения расходов, даже если отдача от них не меняется; отсутствие возможностей по привлечению к ответственности за неэффективное использование средств. В условиях, когда нацеленности на результат в системе нет, говорить о наличии финансовой эффективности можно лишь в узком смысле. В данной модели предполагается, что эффективность достигается соответствием бюджетных расходов бюджетным расходам и целевым использованием средств. Но, как уже отмечалось, эффективность — это качественное состояние системы, а не количественное, поэтому соответствие объемов расходов и доходов — это не эффективность. А целевое использование без анализа альтернативных возможностей (прежде всего наличия решения, которое позволит достичь цели при меньших затратах) также становится не качественным показателем, а количественным. Сметная модель не позволяет эффективно управлять финансами, а ее единственная функция — это возможность определить объемы доходов и расходов (объема финансовых ресурсов) и, пользуясь методом экстраполяции, приблизительно спрогнозировать их в будущем. Знание финансовых возможностей позволяет определить объем мероприятий, которые можно будет профинансировать.

Вторая модель появилась в середине XX века, некоторые ее черты были развиты и апробированы на практике в управлении финансами СССР. От хаотичного и неопределенного управления бюджетом первой модели финансовый менеджмент переходит к бюджетированию на основе получаемых результатов. Эту модель можно назвать плановой. Финансовое планирование — это процесс установления соответствия между наличием финансовых ресурсов и потребностью в них, выбор эффективных источников формирования финансовых ресурсов и выгодных вариантов их использования для обеспечения развития, выполнения целей и задач государства. Новый виток в развитии управления финансами переходит от управления ресурсами к управлению результатами. «Управление, основанное на результатах, — это стратегия управления, которая сфокусирована на достижении конечных результатов и социального эффекта» [4, р. 228]. Плановая модель отличается от сметной фундаментально. Теперь горизонт планирования увеличивается на срок от года до трех-пяти лет, а прогнозы составляются и на срок до десяти лет, хотя релевантность последних весьма спорна. Более длительное планирование позволяет реализовывать более сложные и долгосрочные

проекты, что потребовало перехода от кассового метода к методу начислений для эффективного распределения и учета ресурсов по годам. Главной целью, ввиду которой появилась необходимость изменения модели управления, стала низкая эффективность сметной модели, не позволяющая воздействовать на тенденцию увеличения государственных расходов (главным образом увеличивающуюся долю расходов на обслуживание государственного) и на качество государственных услуг. От простого финансирования сметы на государственные услуги управление финансами переходит к осмысленному созданию государственных (муниципальных) услуг для повышения их качества. Для этого создаются индикаторы результатов, стандарты объема и качества, а также введение отчетности с указанием достигнутых результатов. Кроме того, отчетность, направленная на отражение результатов затрат, позволяет решить еще одну важную задачу реформы управления государственными финансами — достижения прозрачности результатов. Для достижения результата необходимо устанавливать четкие цели и задачи, а также индикаторы результативности. Кроме того, появляются стимулы к поиску новых решений, так как размер ассигнований увязан с достижениями прошлых лет. Потребности населения более релевантно отражены в государственных (муниципальных) услугах, так как при разработке индикаторов результативности необходимо проводить более глубокие исследования, а управление финансами опирается на социально-экономические задачи государства, отражающие вызовы хозяйственной практики. К недостаткам данной модели относятся следующие: относительно высокая стоимость администрирования, которая должна компенсироваться повышением эффективности управления финансами — устранением финансирования неэффективных производств, оптимизацией финансирования затрат, переводом части производств в частный сектор путем их приватизации; необходимость наличия высокого уровня квалификации должностных лиц для соответствия объему компетенций, которых требует разработка планирования, основанная на достижении результатов; отсутствие опыта в разработке, внедрении в практику и контроле эффективности программ, что на первых этапах породит дополнительные расходы и отсутствие мотивации к переходу к новой модели управления у рядовых менеджеров. Новые черты в управлении финансами позволяют применить концепцию финансовой эффективности, о которой шла речь ранее. Теперь появляются более четкие цели и задачи, идет работа по достижению прозрачности отражения результатов от затрат, а значит, появляется возможность оценки эффективности распределения финансов.

Третья модель — это продолжение следования по пути повышения эффективности управления государственными финансами и повышения качества услуг. Ее можно назвать программно-целевой или просто программной, так как именно программы определяют сущность данной концепции управления финансами. Опыт внедрения плановой модели различных стран дал такие инструменты управления финансами, как аудит эффективности, контрактная система управления персоналом, программы по повышению квалификации персонала, «блоковая» система распределения расходов, стратегические планы с периодом от 3 лет и более [5, с. 71—90]. Последние стали той базой, на основе которой можно внедрять программы в бюджетирование. Программно-целевая модель отличается от предыдущих тем, что в данном случае мы не просто планируем свои доходы и расходы, мероприятия в их рамках и оценку их резуль-

тативности, но получаем возможность управлять реальностью. Мы не просто реализуем функции государственной власти и органов местного самоуправления, мы создаем продукт, который позволяет не отвечать на запросы хозяйственной практики, а формировать хозяйственную практику и направлять ее в нужное русло. Основной проблемой при формировании и внедрении каждой последующей программы является нахождение релевантных сложной и многоплановой хозяйственной практике и устанавливаемым стратегиям параметров. Создание и реализация программ требует постоянного совершенствования компетенций менеджеров. Данная модель является высокочувствительной и на первых этапах внедрения ее результативность будет невысокой. Кроме того, для полноценного перехода на третью модель управления финансами необходимы административные реформы, целью которых должна стать большая децентрализация ресурсов. В пользу децентрализации говорят многие исследователи, например Дж. Стиглер. В соответствии с меню Стиглера [6] выделяется два принципа построения юрисдикции:

— чем ближе представители власти к народу, тем лучше они работают;

— структуру и объем государственных служб должен выбирать народ.

Другим важным фактором, от которого зависит реализуемость данной модели управления государственными финансами, является эффективность труда. В этой связи интересным является исследование В. А. Цыганкова. В своей

статье он отмечает необходимость пристального внимания и анализа с точки зрения их применения на практике ряда современных подходов к оценке эффективности труда [7].

Таким образом, третья модель переходит к системе формирования задач и целей с нижнего (местного) уровня власти, наиболее близкого к населению. Следует сказать несколько слов и о сущности эффективности в рамках данной концепции. В отличие от второй модели, где мы получили возможность измерять эффективность расходов бюджета и реализации государственных и муниципальных услуг, третья модель позволяет управлять эффективностью. Теперь мы уже на этапе разработки программы закладываем конечные результаты, которые будут достигнуты в будущем.

Подводя итоги, хочется еще раз подчеркнуть, что основой развития финансового менеджмента государственных финансов и во многом корпоративных является стремление к увеличению эффективности управления. Эффективность является динамическим показателем и тесно связана с категорией развития, поэтому в условиях движения от традиционной модели к программно-целевой понимание эффективности меняется, кроме того, появляется тенденция управлять эффективностью и реальностью хозяйственной практики. Будущим финансовым менеджментом станет движение к моделям, которые сделают соотношение затрат и результатов максимально прозрачным, отсекут повторяющиеся действия и предоставят их автоматам, а менеджеры сосредоточат внимание на поиске новых решений, методов и инструментов в управлении финансами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Развитие // Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.info/philosophical/922.html/> (дата обращения: 23.04.2014).
2. Гурова И. П. История метода историко-экономической науки: монография. Ульяновск: УлГУ, 1999. 95 с.
3. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/5106/Экономическая_эффективность/ (дата обращения: 23.04.2014)
4. Jody Zall Kusek, Ray C. Rist Ten Steps to a Results-Based Monitoring and Evaluation System / The World Bank, Washington, D. C., 2004. 264 p.
5. Программный бюджет: учеб. пособие / М. П. Афанасьев, А. А. Беленчук, Д. И. Березкин, Н. Н. Шаш; Под ред. проф. М. П. Афанасьева. М.: Магистр, 2012. 384 с.
6. Stigler G. The Tenable Range of Functions of Local Government / Columbia University, US Government Printing Office, 1957. P. 213—219.
7. Цыганков В. А. Экономическая природа и теоретические основы возникновения категории «Эффективность труда» // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 70—75.

REFERENCES

1. Development // Philosophical Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://slovari.info/philosophical/922.html/> (date of viewing: 23.04.2014).
2. Gurova I. P. History of the method of historical and economic science: monograph. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 1999. 95 p.
3. Lopatnikov L. I. Economic and Mathematical Dictionary: Dictionary of modern economics. M.: Delo. 2003. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/5106/Экономическая_эффективность/ (date of viewing: 23.04.2014).
4. Jody Z., Ray C. R. Ten Steps to a Results-Based Monitoring and Evaluation System / The World Bank, Washington, DC, 2004. 264 p.
5. Program Budget: textbook / M. P. Afanasyev, A. A. Belenchuk, D. I. Berezkin, N. N. Shash; Edited by prof. M. P. Afanasyev. M.: Magistr, 2012. 384 p.
6. Stigler G. The Tenable Range of Functions of Local Government / Columbia University, US Government Printing Office, 1957. P. 213—219.
7. Zzygankov V. A. Economic nature and theoretical basis of occurrence of the category «Efficiency of labor» // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 70—75.

08.00.12 БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА**08.00.12 ACCOUNTING, STATISTICS**

УДК 330.115
ББК 65.9(2)40

Dyukina Tatiana Olegovna,
candidate of economic sciences,
associate professor, professor of the department
of statistics, accounting and auditing
of Saint Petersburg State University,
St. Petersburg,
e-mail: dtodom@mail.ru

Soldatenkova Olga Vladimirovna,
post-graduate student,
assistant of the department of statistics, accounting
and auditing of Saint Petersburg State University,
St. Petersburg,
e-mail: os16554@yahoo.com

Дюкина Татьяна Олеговна,
канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры
статистики, учета и аудита
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: dtodom@mail.ru

Солдатенкова Ольга Владимировна,
соискатель, ассистент кафедры
статистики, учета и аудита
Санкт-Петербургского
государственного университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: os16554@yahoo.com

АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СПРОСА НА МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В РОССИИ**ANALYSIS OF DISTRIBUTION OF DEMAND FOR MOBILE APPLICATIONS IN RUSSIA**

В научной статье исследовано распределение спроса на мобильные приложения в России. В экономических исследованиях, посвященных анализу распределения признака, как правило, используется нормальное распределение. Последнее соответствует природе ряда явлений, однако для отдельных экономических явлений оно нехарактерно. На основе результатов инициативного эмпирического исследования распределения спроса на мобильные приложения в России авторы обосновали отличный от нормального характер распределения исследуемого признака. Гипотеза о нормальности распределения спроса на мобильные приложения в России отвергнута. Выявлен характер распределения, соответствующий теоретическому закону распределения Пуассона.

The distribution of demand for mobile applications in Russia is examined in the scientific article. Economic studies devoted to the analysis of the feature distribution use normal distribution, as a rule. The latter corresponds to the nature of the number of phenomena; however, it is not typical to several economic phenomena. The authors have substantiated the nature of distribution of the feature under consideration that differs from the normal on based on the results of the initiative empirical studies of the distribution of demand for mobile applications in Russia. The hypothesis of normality of the distribution of demand for mobile application in Russia was rejected. The authors revealed the nature of distribution, which corresponds to the theoretical law of the Poisson distribution.

Ключевые слова: мобильные приложения, спрос, нормальное распределение, распределение Пуассона, анализ, признак, статистическое наблюдение, характеристики распределения, тест Франция, критерий Пирсона.

Keywords: mobile applications, demand, normal

distribution, Poisson distribution, analysis, characteristic, statistical observation, distribution specifications, test France, Pearson criterion.

Современные мобильные устройства являются неотъемлемой частью современной жизни как обычного человека, так и профессионала в любой отрасли экономики [1]. При этом наиважнейшей характеристикой любого мобильного устройства является наличие встроенных мобильных приложений и (или) возможности скачивания новых приложений. Спрос на мобильные устройства, а следовательно, на мобильные приложения постоянно увеличивается. Такая тенденция характерна не только для России, но и для всего мира. Актуальность исследований спроса на мобильные приложения в настоящее время не вызывает сомнений ни с теоретической, ни с практической стороны.

Общие условия вариации признака единиц исследуемой совокупности, сущность изучаемого социально-экономического процесса или явления, а также те свойства и условия, которые определяют изменчивость изучаемого признака, наилучшим образом характеризуются законом распределения. При этом одной из важнейших задач анализа является выявление истинной закономерности распределения, для которой используется эмпирическая функция распределения. Общую закономерность определенного типа распределения в виде, исключающем влияние случайных факторов, выражает теоретическая кривая распределения.

В науке исследованы различные виды теоретических распределений: нормальное и логарифмически нормальное распределение, биномиальное, распределения Вейбулла-Гнеденко, Пуассона и Шарлье, экспоненциальное и др. [2]. Каждое из теоретических распределений имеет свою форму кривой распределения, специфику и область применения в различных сферах [3; 4; 5; 6].

Нормальный закон распределения используется очень

часто в экономической практике, особенно при анализе эмпирических данных, когда на исследуемый признак влияет сравнительно большое количество независимых факторов, каждый из которых в отдельности оказывает лишь незначительное действие по сравнению с суммарным влиянием всех остальных факторов. Однако многие данные, с которыми приходится иметь дело в экономике, подчиняются очень часто другим законам распределения. При этом априори, не всегда обоснованно и справедливо, считают, что значения признаков различных статистических совокупностей описываются функцией нормального распределения. Кроме того, необходимым и достаточным для решения многих экономических задач считается определение значений лишь некоторых параметров, характеризующих в некоторой степени признаки изучаемой статистической совокупности. К таким параметрам обычно относят среднюю величину, дисперсию, коэффициент вариации, иногда коэффициенты асимметрии и эксцесса.

Нормальное, или симметричное, распределение соответствует природе ряда явлений, однако для отдельных экономических явлений оно совершенно несвойственно, так как в нем отражаются различия, вызванные внешними воздействиями, присущие колеблющейся совокупности единиц. При этом для большинства явлений характерна асимметричность рядов и кривых распределения. Именно наличие асимметрии, или «скошенности», в рядах исследуемых однородных совокупностей является косвенным указанием на то, что исследуемые экономические процессы или явления проходят активную стадию развития.

В случае когда результат статистического наблюдения складывается под действием многих причин, при этом каждая из них в отдельности оказывает лишь незначительное влияние, а совокупный результат наблюдения определяется аддитивно, то есть путем сложения влияния изучаемых причин, то эмпирическое распределение результата статистического наблюдения близко к закону нормального распределения.

В некоторых случаях исследователи полагают, что для констатации факта нормальности распределения достаточно лишь того, что результат статистического наблюдения формируется под действием довольно большого количества причин, каждая из которых оказывает малое воздействие. Однако это не так. Необходимо четко определить, каким образом действуют эти причины. Если они действуют аддитивно, то результат статистического наблюдения имеет приближенно нормальное распределение. Если причины оказывают влияние на совокупный результат мультипликативно (действия отдельных изучаемых причин перемножаются, а не складываются), то распределение статистического наблюдения близко не к нормальному закону распределения, а, возможно, к логарифмически нормальному закону. Это означает, что не результат статистического наблюдения, а его логарифм имеет распределение, близкое к нормальному закону распределения. Если неизвестно, каким образом оказывают действие на результат статистического наблюдения, в этом случае в особенности нормальность результатов анализа распределения следует проверять с помощью статистических критериев согласия или использовать непараметрические статистические методы, не опирающиеся на предположения о принадлежности эмпирического распределения исследуемого признака к тому или иному параметрическому семейству.

В настоящей работе представлен анализ распределения

спроса на мобильные приложения в России, то есть количества скачиваний мобильных приложений. Исследование было осуществлено на срезе данных (крупный сегмент лидирующих приложений по скачиваниям) по состоянию на март 2013 года.

На основе предварительного анализа мирового рынка приложений можно утверждать, что его самым крупным участником является магазин приложений от Apple, поэтому в нашем исследовании общим сектором рассмотрения являлся iPod market (iTunes market). Из данного сегмента были взяты приложения листа Top 150 Most Downloaded Paid Apps для России [7]. Так как этот рейтинг располагает только основными показателями привлекательности мобильных приложений на рынке (количество загрузок, цена, категория, тип оплаты приложения и др.), основные характеристики приложений были взяты с соответствующего сервиса на сайте appannie.com, который располагает широкой базой мобильных приложений, имеющей массу характеристик, включая рейтинг приложения среди пользователей. В случае отсутствия каких-либо характеристик для приложения в данном рейтинге, а также в случае бесплатности приложения с возможностью приобретения визуальных товаров из него (условная монетизация) такие приложения были исключены из наблюдения. Полученная база исследования составила 112 наблюдений с характеристиками мобильных приложений по России (изначальный рейтинг имел 150 актуальных мобильных приложений).

Анализ полученной в результате статистического наблюдения совокупности характеристик мобильных приложений показал, что универсальные приложения занимают весомую долю на рынке, то есть большинство приложений существует как на iPhone market, так и на Android и других рынках мобильных приложений. По издателям приложений наибольшее количество выпустили крупные игроки на рынке: Gameloft (8 приложений), Disney (5 приложений), Aralon (3 приложения), Rovio Entertainment Ltd (3 приложения). Ограничения на мобильные приложения распределяются следующим образом: большинство приложений подходят не только для взрослых, но даже для детей возраста 4+ (64%) и 9+ (14%), однако 13 приложений (12%) позиционируются как приложения «только для взрослых». Масштабное скачивание приложения в пределах одной страны (то есть локальные приложения) присутствуют только в 12,5% случаев из 100%. Остальные приложения скачиваются на мировом рынке, что указывает на глобализацию рынка. 82% приложений не имеют ознакомительного (бесплатного) периода действия, что может свидетельствовать либо об устоявшейся форме монетизации некоторых приложений, либо о популярности качественных платных приложений.

Таким образом, в самом популярном сегменте рынка 64% — дешевые приложения (0,82 евро = 32,8 руб.), что выражает мотивацию разработчиков попасть в лидеры по скачиванию (выявлена также прямая зависимость прибыли от количества загрузок). Большинство приложений создаются для мирового потребителя без привязки к какой-либо стране. Кроме того, разработка этих приложений направлена непосредственно на получение дохода, поскольку у 98 приложений из 112 отсутствует ознакомительный период.

При описательном анализе следует осуществить проверку данных на ошибки, на нормальность распределения остатков, визуально представить распределение исследу-

емого признака, при необходимости провести преобразование данных, характеризующих анализируемый признак, и анализ на выбросы, которые могут исказить результаты исследования. Анализируемый признак — количество загрузок за последний месяц — определен нами как Downloads_This_Month. Его среднее значение составляет более 20 тысяч скачиваний, примерно столько же составляет стандартное отклонение данной величины (20096,91), при этом минимальное количество загрузок составляет 8400, а максимальное — 116500, следовательно, размах количества скачиваний приложений — более 100 тысяч. График распределения переменной Downloads_This_Month и график нормального распределения представлены на рис. 1.

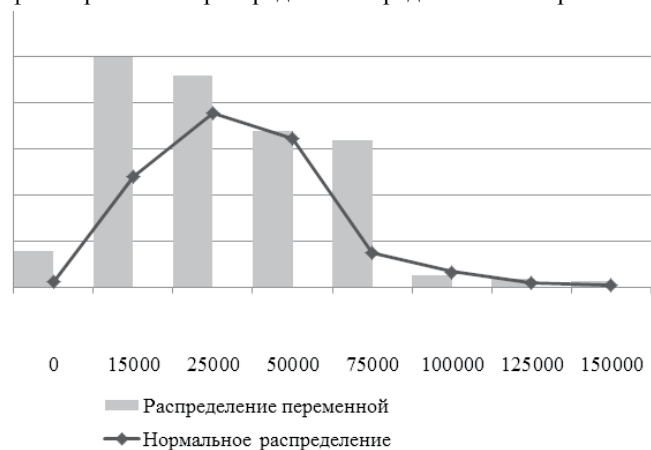

Рис. 1. Распределение переменной Downloads_This_Month (Россия)

Как свидетельствует рис. 1, эмпирическое распределение Downloads_This_Month далеко от нормального. Тест на нормальность распределения: нулевая гипотеза гласит, что распределение нормально; поскольку значимость probability (далее — prob) < 0,05, то гипотеза о нормальности распределения загрузок отвергается. Следовательно, высока вероятность, что и остатки в регрессии не распределены нормально. Следует отметить, что распределение несимметрично (асимметрия, отличная от нуля, правосторонняя), эксцесс высоковершинный, и медиана не совпадает со средним значением. Подобный разброс количества загрузок (скачиваний) может быть связан с различиями в характеристиках приложений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нижегородцев Р. М., Анненков И. С. Компьютерная грамотность как основа управления знаниями в современных организациях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 18—22.
2. Теория статистики: учеб. пособие для бакалавров / Под ред. В. В. Ковалева. М.: Юрайт, 2014. 454 с.
3. Дюкина Т. О. Сравнительный анализ применения показателей распределения на примере трудового рынка региона // Известия Международной академии аграрного образования. 2012. Т. 2. № 14. С. 49—51.
4. Дюкина Т. О. Анализ научного потенциала России: статистический аспект // Известия Международной академии аграрного образования. 2012. Т. 3. № 15. С. 19—22.
5. Дюкина Т. О. Анализ развития рынка услуг здравоохранения в России // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2012. № 28. С. 296—299.
6. Дюкина Т. О. Управление рисками с использованием статистических методов // Известия Международной академии аграрного образования. 2013. № 18. С. 135—141.
7. Top 150 Most Downloaded Paid Apps [Электронный ресурс]. URL: <http://xyo.net/app-downloads-reports/> (дата обращения: 23.03.2014).
8. Хвостенко П. В. Методика построения системы сбалансированных показателей на основе учета интереса стейкхолдеров // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 84—89.
9. Дюкина Т. О. Методологические вопросы создания системы показателей, характеризующей состояние здоро-

Преобразование переменной Downloads_This_Month в логарифм (получим lndownloads) свидетельствует о том, что визуально оно ближе к нормальному, чем первоначальное (рис. 2).

Рис. 2. Распределение переменной lndownloads (Россия)

Однако результат по тесту Франци на нормальность распределения величины lndownloads позволяет констатировать, что распределение исследуемой переменной далеко от нормального (prob < 0,05). Следует отметить, что исходная величина не подразумевает наличия отрицательных значений, представляет собой целочисленные значения, и логарифмирование не дает значимых результатов. Исходя из графика распределения, можно предположить, что зависимая переменная имеет пуассоновское распределение. Расчет критерия согласия Пирсона подтверждает данное предположение. Классическую форму распределение Пуассона принимает в том случае, если значения признака носят дискретный характер, где по мере увеличения значений признаков частоты резко уменьшаются. Отметим также, что отсутствие существенного различия между эмпирическими значениями средней и дисперсии является характерным признаком, указывающим на необходимость использования распределения Пуассона в качестве модели случайной величины с заданным эмпирическим распределением.

При использовании свойства того или иного теоретического распределения имеется возможность более глубоко выполнить анализ изучаемого экономического явления или процесса, а также на более качественном уровне разработать систему сбалансированных показателей [8; 9], осуществить прогноз распределения [10].

вья, заболеваемости, инвалидности и охраны здоровья населения // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2011. № 24. С. 279—281.

10. Жура С. Е., Смирнова И. Г. Управление развитием систем с использованием методов прогнозирования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 202—206.

REFERENCES

1. Nizhegorodtsev R. M., Annenkov I. S. Computer literacy as the foundation of knowledge management in modern companies // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3. P. 18—22.

2. Theory of statistics: textbook for bachelors / Edited by V. V. Kovalev. M.: Yurayt, 2014. 454 p.

3. Dyukina T. O. Comparative analysis of application of the distribution indicators on the example of the labor market of the region // News of the International Academy of agricultural education. 2012. Vol. 2. № 14. P. 49—51.

4. Dyukina T. O. Analysis of scientific potential of Russia: statistical aspect // News of the International Academy of agricultural education. 2012. Vol. 3. № 15. P. 19—22.

5. Dyukina T. O. Analysis of development of the market of health care in Russia // News of Saint-Petersburg state agrarian University. 2012. № 28. P. 296—299.

6. Dyukina T. O. Risk management using statistical methods // News of the International Academy of agricultural education. 2013. № 18. P. 135—141.

7. Top 150 Most Downloaded Paid Apps [Electronic resource]. URL: <http://xyo.net/app-downloads-reports/> (date of viewing: 23.03.2014).

8. Khvostenko P. V. Method of constructing the system of balanced indicators based on the interest of the stakeholders // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3. P. 84—89.

9. Dyukina T. O. Methodological issues of creation the system of indicators characterizing the state of health, morbidity, disability and population health care // News of the Saint-Petersburg state agrarian University. 2011. № 24. P. 279—281.

10. Zhura S. E., Smirnova I. G. Management of systems development using the methods of forecasting // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3. P. 202—206.

08.00.13 МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

08.00.13 MATHEMATICAL AND INSTRUMENTAL METHODS OF ECONOMICS

УДК 330.45:338.24

ББК 65.012.121:65.290-09

Ganicheva Antonina Valerianovna,
candidate of physical-mat. sciences,
associate professor, head of the department of mathematics
and computer engineering of Tver State Agricultural
Academy,
Tver,
e-mail: alexej.ganichev@yandex.ru

Ганичева Антонина Валериановна,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
зав. кафедрой математики
и вычислительной техники Тверской государственной
сельскохозяйственной академии,
г. Тверь,
e-mail: alexej.ganichev@yandex.ru

Ganichev Aleksey Valerianovich,
associate professor of the department of information
science and applied mathematics of Tver State Technical
University,
Tver
e-mail: alexej.ganichev@yandex.ru

Ганичев Алексей Валерианович,
доцент кафедры информатики и прикладной
математики Тверского государственного
технического университета,
г. Тверь
e-mail: alexej.ganichev@yandex.ru

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ НА ОСНОВЕ РИСКОВЫХ СИТУАЦИЙ И ПРОЦЕССОВ

DECISION-MAKING ON THE BASIS OF RISK SITUATIONS AND PROCESSES

В статье определены такие понятия, как ситуация, процесс, риск, полезность, рискованные и безрисковые ситуации и процессы, приведенные риск и полезность. Выведены формульные соотношения, позволяющие рассчитывать риск и полезность для дискретного и непрерывного мно-

жества наблюдений при различной полноте информации об оцениваемых явлениях. Приведены таблицы степени полезности и степени риска, позволяющие оценивать и принимать решение в случае различных ситуаций и процессов. Рассмотрено сравнение ситуаций и процессов. Приведены

примеры, иллюстрирующие применение формульных соотношений для оценки ситуаций в бизнесе.

Such concepts as situation, process, risk, usefulness, risk and risk-free situations and the processes, given risk and usefulness are defined in the article. The formula ratios allowing calculating risk and usefulness for a discrete and continuous set of observations at various completeness of information about the assessed phenomena are presented. The tables of degree of usefulness and degree of risk that allow assessing and making decision in various situations and processes are provided. Comparison of situations and processes is examined. The examples illustrating application of the formula ratios for assessment of situations in business are given.

Ключевые слова: принятие решений, ситуация, процесс, множество факторов, множество результатов, риск, полезность, приведенный риск, приведенная полезность, степень риска (полезности), эффективность ситуации (процесса).

Keywords: decision-making, situation, process, number of factors, number of results, risk, usefulness, given risk, given usefulness, degree of risk (of usefulness), efficiency of a situation (process).

Введение

Принятие решений — важная задача, возникающая в социально-экономической, производственной, бытовой сфере, где часто приходится принимать сложные решения с очень весомыми последствиями. Для принятия решений часто используется теория риска и полезности. О важности и практической распространенности данной задачи можно судить по большому количеству публикаций, освещающих различные экономические приложения данной теории к различным экономическим явлениям. Например, в статье [1] рассмотрено управление рисками инновационного проекта, в [2] — понятие риска, классификация, характеристика типичных видов банковских рисков и системы управления рисками в российских банках, в [3] — оценка рисков при внутрикорпоративных расчетах. При принятии решений важно уметь правильно описать условия, в рамках которых принимается решение, то есть оценить соответствующие ситуацию или процесс. Ситуация характеризуется множеством значений факторных признаков X и множеством значений результативных признаков Y . Часто X и Y являются случайными величинами. Это означает, что любой результат ситуации, равно как и значения факторных признаков, определяющих этот результат, представляет собой событие, заключающееся в том, что некоторая случайная величина приняла данное значение или значение, меньше (больше) данного. Поэтому множество факторов можно рассматривать как множество значений некоторой случайной величины X . Аналогично множество результатов можно рассматривать как множество значений некоторой случайной величины Y . Так, если опыт — это вложение инвестиций в проект, факторы опыта — возможные значения вложений, результаты — соответствующие значения прибыли, то X — величина инвестиций в данный проект, а Y — соответствующая прибыль. Если X и Y зависят от времени t , то имеем процесс: например, в экономике — инновационный или инвестиционный процесс.

Важными характеристиками ситуаций и процессов яв-

ляются риск и полезность. Если риск равен нулю, то ситуация или процесс будут безрисковыми, в противном случае используются термины «рисковая ситуация», «рисковый процесс». В литературе встречаются разные определения риска и полезности [4], которые на первый взгляд выглядят в достаточной степени разными и не связанными друг с другом. В предлагаемой работе будет дано общее определение среднего риска и полезности и показано, что многие другие определения и расчетные формулы являются частными случаями общих определений среднего риска и полезности.

Цель данной работы заключается в разработке метода оценки рисков ситуаций и процессов, позволяющего принимать решения при различной полноте исходной информации, а также сравнивать ситуации и процессы. Основные задачи работы: 1) определить риск и полезность для дискретного и непрерывного множества факторов; 2) ввести показатель степени риска (полезности), позволяющий производить сравнение ситуаций (процессов).

1. Риск и полезность для дискретного множества факторов и результатов

Сначала рассмотрим случай двух случайных величин. Пусть X и Y — дискретные случайные величины, характеризующие соответственно множество факторов и множество результатов, причем x_i ($i = 1, n$) и y_j ($j = 1, m$) — их соответствующие значения. Полезность u и риск r являются функциями от X и Y . Средние риск и полезность ситуации в этом случае можно определить соответственно по формулам:

$$\bar{r} = \sum_i \sum_j k(x_i, y_j) \cdot r(x_i, y_j) \cdot p(y_j / x_i) \cdot p(x_i), \quad (1)$$

$$\bar{u} = \sum_i \sum_j s(x_i, y_j) \cdot u(x_i, y_j) \cdot p(y_j / x_i) \cdot p(x_i), \quad (2)$$

где: коэффициент k — коэффициент сожаления;

s — коэффициент полезности, дающие соответственно оценку потери и прибыли при результате, связанном со значением $Y = y_j$ при факторе, определяемом значением $X = x_i$, $r(x_i, y_j)$ — риск при условии, что $X = x_i$ и $Y = y_j$, $u(x_i, y_j)$ — полезность при условии, что $X = x_i$ и $Y = y_j$. Средние риск и полезность зависят от вероятностей факторов, условных вероятностей результатов, коэффициентов сожаления и полезности, а также частных значений $r(x_i, y_j)$ и $u(x_i, y_j)$ соответственно.

В самом деле при определении среднего риска (средней полезности) необходимо знать потери (полезность) результата y_j при факторе x_i , а также то, насколько вероятны данные фактор и результат, и отношение субъекта, принимающего решение, к данным потерям и полезности. Определенные соответственно по формулам (1) и (2) средние риск и полезность можно использовать как характеристики качества принятия решений как для статистических, так и для стратегических игр. Возможны частные случаи формул (1) и (2). Например, в (1) ((2)) множитель $r(x_i, y_j)$ (и $u(x_i, y_j)$) может отсутствовать. Может отсутствовать множество результатов Y , тогда:

$$\bar{r} = \sum_i k(x_i) \cdot p(x_i), \quad \bar{u} = \sum_i s(x_i) \cdot p(x_i). \quad (3)$$

В этом случае \bar{r} , \bar{u} являются характеристиками ситуа-

ции, определяемой только множеством внутренних факторов $X = (x_1, \dots, x_i, \dots, x_n)$. Обозначим через $\text{Pr}(x, y)$ прибыль, зависящую от факторов x и y . Если $a = \max_{x_i, y_j} \text{Pr}(x_i, y_j)$ при $n_1(y_j) \leq x_i \leq n_2(y_j)$ и $m_1(x_i) \leq y_j \leq m_2(x_i)$, то r можно выразить из (3), если заменить коэффициент k на $\text{Pr}(x_i, y_j)$ с последующим вычитанием полученного значения из a .

Мерой риска некоторого коммерческого или финансового решения обычно считается среднее квадратическое отклонение или дисперсия показателя эффективности этого решения или операции. Для централизованной случайной величины X этот риск описывается формулой (3) при $k(x_i) = x_i^2$. Формула (3) для u используется, например, в [4] для характеристики полезности.

Обобщим формулы (1) и (2) на многомерный случай. Множество факторов и результатов представляют собой декартовы произведения множеств. Допустим, ситуация характеризуется декартовым произведением $X_1 \times X_2 \times \dots \times X_i \times \dots \times X_n$ нескольких множеств факторов $X_i (i = 1, n)$ и декартовым произведением $Y_1 \times Y_2 \times \dots \times Y_j \times \dots \times Y_m$ множеств результатов $Y_j (j = 1, m)$ с соответствующими значениями

$$x_{ik} (i = \overline{1, n}, k = \overline{1, l_i}) \text{ и } y_{jp} (j = \overline{1, m}, p = \overline{1, s_j}).$$

Тогда полезность и риск являются функциями случайных величин X_i и Y_j и определяются по формулам:

$$\bar{r} = \sum_i \sum_j k(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}, y_{j1}, y_{j2}, \dots, y_{js_j}) \cdot r(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}, y_{j1}, y_{j2}, \dots, y_{js_j}) \cdot p(y_{j1}, y_{j2}, \dots, y_{js_j} / x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}) \cdot p(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}), \quad (4)$$

$$\bar{u} = \sum_i \sum_j s(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}, y_{j1}, y_{j2}, \dots, y_{js_j}) \cdot u(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}, y_{j1}, y_{j2}, \dots, y_{js_j}) \cdot p(y_{j1}, y_{j2}, \dots, y_{js_j} / x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}) \cdot p(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{il_i}). \quad (5)$$

В некоторых источниках [4] функция полезности рассматривается как функция, зависящая от величин $X_1, X_2, \dots, X_i, \dots, X_n$, то есть без учета элемента случайности, что вероятно в случае, если все исходы равновозможны. Это частный случай определения (5).

Формулы (1) — (5) рассматриваются для случая, когда ситуация связана с множеством факторов и соответствующих результатов. Однако встречаются такие ситуации и процессы, которые характеризуются множеством связанных случайных величин X_1, X_2, \dots, X_n , без выделения факторов и результатов. Примером такого рода является аварийная ситуация в устройстве, состоящая из k блоков, содержащих по $m_i (i = \overline{1, k})$ элементов, моделируемая совокупностью k дискретных случайных величин $X_i (i = \overline{1, k})$, значения $x_{ij} (i = \overline{1, k}, j = \overline{1, m_i})$ каждой из которых представляют собой номера элементов. В этом случае средние риск и полезность можно вычислять по формулам:

$$\bar{r} = \sum_i k(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{im_i}) \cdot p(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{im_i})$$

$$\bar{u} = \sum_i U(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{im_i}) \cdot p(x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{im_i}), \quad (6)$$

то есть средний риск и средняя полезность зависят от вероятности распределения факторов (случайных величин), характеризующих ситуацию, и от соответствующих коэффициентов сожаления и полезности. Для случайного процесса случайные величины, вероятности распределения, коэффициенты сожаления и полезности зависят от времени, а соответствующие формулы для вычисления средних риска и полезности аналогичны формулам (1) — (6). Отметим, что полезность может быть как по-

ложительной, так и отрицательной, а риск по определению всегда неотрицателен. Не нарушая общности, будем рассматривать далее случай (1) — (2). Поскольку $p(y_j / x_i) \times p(x_i) = p(x_i, y_j)$, формулы (1) и (2) можно представить соответственно в виде:

$$\bar{r} = \sum_i \sum_j k(x_i, y_j) \cdot r(x_i, y_j) \cdot p(x_i, y_j), \quad (7)$$

$$\bar{u} = \sum_i \sum_j s(x_i, y_j) \cdot u(x_i, y_j) \cdot p(x_i, y_j). \quad (8)$$

Пример 1. Предположим, что x_1, x_2, x_3 — возможные варианты вложения инвестиций в данный проект, y_1, y_2 — результаты вложения, матрица вероятностей $p(x_i, y_j)$ их совместного осуществления задана табл. 1. Коэффициенты сожаления и полезности показаны в табл. 2, 3 соответственно.

Таблица 1

Зависимость прибыли от варианта вложения инвестиций

	x_i	x_1	x_2	x_3
y_j				
y_1		0,15	0,2	0,1
y_2		0,25	0,1	0,2

Таблица 2

Коэффициенты сожаления

	x_i	x_1	x_2	x_3
y_j				
y_1		2	1	1,5
y_2		3	2,5	1

Таблица 3

Коэффициенты полезности

	x_i	x_1	x_2	x_3
y_j				
y_1		4	6	7,8
y_2		8,2	4	5,9

Требуется оценить ситуацию вложения инвестиций в данный проект. По формулами (7) и (8) имеем:

$$\bar{r} = 2 \cdot 0,15 + 1 \cdot 0,2 + 1,5 \cdot 0,1 + 3 \cdot 0,25 + 2,5 \cdot 0,1 + 1 \cdot 0,2 = 1,85 \text{ (д.е.);}$$

$$\bar{u} = 4 \cdot 0,15 + 6 \cdot 0,2 + 7,8 \cdot 0,1 + 8,2 \cdot 0,25 + 4 \cdot 0,1 + 5,9 \cdot 0,2 = 6,21 \text{ (ютилей).}$$

Итак, риск вложения инвестиций в данный момент в проект составляет 1,85 денежной единицы (д.е.), а полезность этого мероприятия (ситуации) составляет 6,21 ютилей. Спрашивается: много это или мало? Плохо это или хорошо? Дело в том, что по полученным абсолютным показателям трудно высказать однозначное мнение. Поэтому целесообразно введение относительных (приведенных) показателей. Для этого из условия задачи находятся максимальные значения риска и полезности: r_{max} и u_{max} . Приведенная полезность ситуации (процесса) определяется как отношение средней полезности ситуации (процесса) к максимальной полезности ситуации (процесса):

$$u_{пр} = \frac{\bar{u}}{u_{max}}. \quad (9)$$

Очевидно, приведенная полезность — безразмерная дробь-

ная величина. На ее основе можно задать таблицу степени полезности (аналогичную таблице оценок Харрингтона):

Таблица 4

Степень полезности	
Значения приведенной полезности	Оценка степени полезности
0 – 0,2	почти отсутствует небольшая средняя большая очень большая
0,2 – 0,35	
0,35 – 0,6	
0,6 – 0,8	
0,8 – 1,0	

Аналогичную оценку можно ввести и для риска, а именно: приведенный риск вычисляется по формуле:

$$r_{пр} = \frac{\bar{r}}{r_{max}}, \tag{10}$$

является дробной безразмерной величиной, дает возможность оценить степень риска ситуаций и процессов аналогично степени полезности (табл. 4). Вернемся к рассмотренному примеру 1. Найдем:

$$u_{max} = \max\{4; 6; 7; 8; 8,2; 4; 5,9\} = 8,2; \quad r_{max} = \max\{2; 1; 1,5; 3; 2,5; 1\} = 3;$$

$$u_{пр} = \frac{6,21}{8,2} = 0,76, \text{ или } 76\%; \quad r_{пр} = \frac{1,85}{3} = 0,62, \text{ или } 62\%.$$

Отсюда можно сделать вывод: мероприятие по инвестированию данного проекта оценивается приведенной полезностью в 76% и приведенным риском в 62%, то есть имеет большую полезность и достаточно большой риск. Введем в рассмотрение коэффициент:

$$\rho = \frac{u_{пр}}{r_{пр}}, \tag{11}$$

показывающий, какая часть $U_{пр}$ приходится на единицу $r_{пр}$. Назовем его эффективностью ситуации. Данный коэффициент может быть использован для обобщенной характеристики ситуации (процесса) с учетом риска и полезности. Если $\rho = 1$, то ситуация в равной степени полезная и рискованная; если $\rho < 1$, то ситуация связана с убытком; если $0 < \rho < 1$, то ситуация более рискованна, чем полезна; если $\rho > 1$, то ситуация более полезна, чем рискованна. Эти же выводы справедливы и для процессов.

Для рассмотренного примера $\rho = \frac{0,76}{0,62} = 1,23$, следовательно, ситуация, связанная с вложением инвестиций в данный проект, будет более полезной, чем рискованной.

Показатель ρ можно использовать для сравнения ситуаций, а именно: более эффективной считается ситуация с его большим значением. Для процессов можно определить аналогичный показатель, зависящий от времени.

2. Определение риска и полезности для непрерывного множества факторов и результатов

Пусть множество факторов представляет собой множество событий, связанных со значениями некоторой непрерывной случайной величины X , имеющей данный закон распределения вероятностей $f_1(x)$. Это может быть, например, нормальный, равномерный, показательный закон. Пусть множество возможных результатов представляет собой множество событий, связанных со значениями некоторой случайной величины Y с условным законом распределения $f(y/x)$, а коэффициенты сожаления и полезно-

сти являются значениями неслучайных функций $k(x, y)$ и $u(x, y)$ соответственно. Средние риск и полезность в этом случае можно вычислять соответственно по формулам:

$$\bar{r} = \iint_{(D)} k(x, y) \cdot r(x, y) \cdot f(x, y) dx dy, \tag{12}$$

$$\bar{u} = \iint_{(D)} s(x, y) \cdot u(x, y) \cdot f(x, y) dx dy, \tag{13}$$

где: D — область изменения x и y , $f(x, y) = f(y/x) \times f_1(x)$ — совместная плотность распределения случайных величин X и Y .

Если $a = \max \text{Пр}(x, y)$ при $n_1(y) \leq x \leq n_2(y)$ и $m_1(x) \leq y \leq m_2(x)$, то \bar{r} можно выразить из (12), если заменить $k(x, y)$ на $\text{Пр}(x, y)$ и затем вычесть результат из a .

Отметим, что из (12) — (13) как частные случаи получаются определения средних риска и полезности, когда случайные величины представляют собой признаки, характеризующие ситуацию, без отношения фактор/результат. В качестве коэффициента полезности $s(x, y)$ можно рассматривать функцию, выражающую зависимость полезности от отношения данного индивида к риску [5; 6]. В качестве коэффициента риска $k(x, y)$ можно рассматривать те функции из [5], в которых определяется полезность и для отрицательных значений ожидаемой денежной оценки.

Пример 2. При анализе вопроса инвестирования магазина тканей детально была изучена ситуация распродажи в субботние дни. Было установлено, что распродажа осуществлялась примерно по закону:

$$f(x, y) = \begin{cases} 1/500, & \text{если } 0,5 < x < 3; 100 < y < 300, \\ 0 & \text{в противном случае,} \end{cases}$$

где: x — длина отреза проданной ткани;
 y — стоимость отреза.

Полезность от продажи $u(x, y)$ была оценена как $x \times y$, а прибыль — как $c \times x \times y$. Определить риск и полезность инвестирования такой торговли в субботние дни. Согласно (13) находим:

$$\bar{u} = \int_{0,5}^3 \int_{100}^{300} 1/500 \cdot x \cdot y dx dy = 1/500 \cdot \frac{x^2}{2} \Big|_{0,5}^3 \cdot \frac{y^2}{2} \Big|_{100}^{300} = 350 \text{ ютилей.}$$

При $0,5 < x < 3, 100 < y < 300 \max u = \max(x \times y) = 3 \times 300 = 900$ ютилей. Оценим приведенную полезность:

$$u_{пр} = \frac{\bar{u}}{u_{max}} = \frac{350}{900} \approx 0,4 = 40\%.$$

Согласно таблице степени полезности, можно говорить о достаточно небольшой полезности инвестирования продажи тканей в субботние дни в данном магазине. По условию, $\text{Пр}(x, y) = c \times x \times y = c \times u$, и с учетом того, что максимальное значение полезности равно 900 ютилей, получаем $\text{Пр}(x, y) = 900c$ (д. е.). По формуле (12):

$$\bar{r} = \int_{0,5}^3 \int_{100}^{300} (1/500)(900c - cxy) dx dy = 900c - 1/500 \left(c \frac{x^2}{2} \Big|_{0,5}^3 \cdot \frac{y^2}{2} \Big|_{100}^{300} \right) = 550c \text{ (д. е.).}$$

Для оценки проведенного риска найдем $r_{max} = \max(900c - cxy)$ при $0,5 \leq x \leq 3, 100 \leq y \leq 300$. Нетрудно видеть, что $r_{max} = 850c$, и тогда:

$$r_{пр} = \frac{\bar{r}}{r_{max}} = \frac{550c}{850c} \approx 0,65, \text{ т.е. } 65\%.$$

Таким образом, можно утверждать, что риск инвестирования продажи тканей в субботние дни достаточно большой. Найдем $\rho = \frac{0,4}{0,65} \approx 0,62$, то есть ситуация продажи в субботние дни более рискованная, чем полезная. Следовательно, данное мероприятие невыгодно.

Естественным обобщением формул (12) — (13) являются

формулы, когда функции полезности, риска и плотности распределения определяются для случайных процессов.

Заключение

В статье показана процедура оценки ситуаций и процессов с точки зрения их риска и полезности и принятия соответствующего решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Копылов А. В., Игольникова О. С. Методика управления совместными рисками инновационного проекта на основе экономико-математических методов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 131—134.
2. Трифонов Д. А. К вопросу о сущности и способах управления рисками банковского портфеля // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 168—176.
3. Маркина И. А., Переверзев Е. В. Оценка рисков при внутрикорпоративных расчетах // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 38—41.
4. Ганичев А. В., Ганичева А. В. Методы и модели принятия решений. Тверь: РГСУ, 2008. 115 с.
5. Ганичева А. В. Исследование влияния психологических характеристик индивида на величину страхования // Проблемы анализа риска. 2011. Т. 5. С. 81—97.
6. Ганичева А. В. Метод оптимального страхования // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2011. № 11 (35) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-35-352011/item/811-2011-11-28-07-39-31> (дата обращения: 03.10.2014).

REFERENCES

1. Kopylov A. V., Igolnikova O. S. Method of management of joint risks of the innovative project on a basis of economic-mathematical methods // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № (12). P. 131—134.
2. Trifonov D. A. To the issue of essence and ways of management of the bank portfolio risk // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 168—176.
3. Markin I. A., Pereverzev E. V. Assessment of risks of the internal corporate estimations // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 38—41.
4. Ganichev A. V., Ganicheva A. V. Methods and models of decision-making. Tver: RGSU, 2008. 115 p.
5. Ganicheva A. V. Research of influence of psychological characteristics of the individual on an insurance size // Problems of the analysis of risk. 2011. Vol. 5. P. 81—97.
6. Ganicheva A. V. Method of optimum insurance // Management of economic systems: Electronic scientific magazine. 2011. № 11 (35) [Electronic resource]. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-35-352011/item/811-2011-11-28-07-39-31> (date of viewing: 03.10.2014).

УДК: 004.415.52

ББК: 65.29

Boikov Sergey Alexandrovich,
post-graduate student of the department
of information systems in economics
of Saratov Social and Economic Institute
of the Russian Economic University
named after G. V. Plekhanov,
Saratov,
e-mail: boikoff@inbox.ru

Бойков Сергей Александрович,
аспирант кафедры информационных
систем в экономике
Саратовского социально-экономического института
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова,
г. Саратов,
e-mail: boikoff@inbox.ru

МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛНОТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

MODELS AND VALUATION METHODS OF THE FUNCTIONAL COMPLETENESS OF INFORMATION SYSTEMS FOR THE STATE INSTITUTIONS IN THE SOCIAL SPHERE

В настоящее время на рынке программного обеспечения для государственных учреждений наблюдается проблема выбора информационной системы, удовлетворяющей критериям цены и качества, из-за большого количества однотипных программных продуктов разных разработчиков. Предложенная в статье методика позволяет оценить полноту автоматизируемых функций по отношению к типовой системе, а также степень подобия и взаимосвязи различных систем между собой. На первом этапе предлагается определение мощностей пересечения, разности и поглощения систем. На втором этапе для определения степени взаимосвязи между системами предлагается использование логических матриц построения и расчет процентного соотношения общих функций. Применение данной методики продемонстрировано на примере проведения сравнительного анализа наиболее распространенных программных комплексов для государственных учреждений в социальной сфере.

Currently, the market of software for government institutions experiences the problem of choice of the information system meeting the criteria of price and quality due to the large number of similar software products from multiple vendors. The method proposed in the article allows evaluating completeness of the automated functions relative to a typical system, as well as the degree of similarity and the interaction of different systems. The definition of capacity of interaction, difference and absorption of systems is proposed at the first stage. At the second stage, the use of logic matrices and calculation of percent ratio of the common functions is proposed for determination the degree the interaction between the systems. The use of the method is demonstrated on the example of comparative analysis of the most spread software complexes for the state institutions working in the social area.

Ключевые слова: автоматизированная информационная система, функциональная полнота, «эталонная» система, типовая система, АИС, оценка полноты АИС, подобие информационных систем, методика Г. Н. Хубаева, граф подобия, граф поглощения.

Keywords: automated information system, functional

completeness, «standard» system, typical system, AIS, evaluation of AIS completeness, similarity of information systems, methodology of G. N. Khubaev, graph of similarity, graph of absorption.

В настоящее время рынок программного обеспечения наполнен сотнями продуктов одного назначения. В подобной ситуации выбор среди множества однотипных программных продуктов лучшего, наиболее подходящего для использования в определенных условиях является сложной задачей для пользователя. При этом цены на данные программные продукты могут значительно отличаться друг от друга. Но и знание цен мало помогает при оценке качества информационных систем по экономическим показателям. Трудно провести хотя бы приблизительную оценку различий в эффективности одного программного продукта от другого. Остро стоит вопрос оценки полноты автоматизируемых функций по отношению к типовой системе, реализующей все функции [1, с. 133].

В качестве основы для проведения анализа функциональных возможностей автоматизированных систем для государственных учреждений рекомендуется использование методики, предложенной Г. Н. Хубаевым [2, с. 27]. Данная методика позволяет оценить полноту автоматизируемых функций по отношению к типовой системе, а также степень их подобия и связей между собой. Методика состоит из следующих шагов:

Шаг 1. Введем следующие обозначения:

S_i и S_n — рассматриваемые системы;

$P_{in}^{11} = S_i \cap S_n$ — мощность пересечения систем относительно автоматизируемых функций;

$P_{in}^{01} = \frac{S_n}{S_i}$, $P_{in}^{10} = \frac{S_i}{S_n}$ — мощность разности систем относительно автоматизируемых функций;

$A_{in} = \frac{P_{in}^{11}}{P_{in}^{11} + P_{in}^{10}}$ — мощность поглощения системой S_n системы S_i .

Шаг 2. Для определения степени взаимосвязи между системами S_i и S_n используются логические матрицы построения и рассчитываются следующие показатели:

— процент общих функций, одновременно реализуемых S_i и S_n (матрица A);
 — количество общих функций, реализуемых S_i и S_n (матрица P);
 — процент общих функций в общем объеме функций, реализуемых S_i и S_n (матрица G).

Анализ автоматизированных информационных систем (АИС) для государственных учреждений в социальной сфе-

ре позволил определить набор функций управления, объединенных в группы. В данный перечень также были включены функции, необходимые будущим пользователям АИС и составляющие основу типовой модели АИС [3, с. 37]. В данной статье приводится сравнительный анализ наиболее распространенных систем для учреждений социальной сферы. Фрагмент перечня выделенных функций управления представлен в табл. 1.

Таблица 1

Фрагмент перечня функций АИС для государственных учреждений в социальной сфере

№	Блок функций	Функция	Sitex™ АИС ЭСРП v.1.4	Sitex™ АИС ЭСРП v.2.0	ГОСИНФОРМ	ГАС «Управление»	INLINE AIS	Perimatrix	СИТРОНИКС АИС	Типовая
1.	Формирование личных дел	Поиск личных дел	+	+	+	+	+	+	+	+
2.		Создание личных дел	+	+	+	+	+	+	+	+
3.		Регистрация персональных данных	+	+	+	+	+	+	+	+
4.		Ведение истории изменения персональных данных					+			+
5.		Ведение истории смены гражданином адресов регистрации (временной регистрации, проживания)	+	+			+			+
6.	Формирование назначений	Регистрация назначений	+	+	+	+	+	+	+	+
7.		Проверка и утверждение назначений	+	+	+	+	+	+	+	+
8.		Проверка перечня и стоимости услуг	+	+	+	+	+	+	+	+
9.		Проверка условий оплаты	+	+	+	+	+	+	+	+
10.		Прекращение назначений	+	+	+	+	+	+	+	+

Выделенные показатели позволяют оценить степень подобия между различными платформами, а также соответствие той или иной платформы модели типовой АИС. Результаты расчетов по данной методике представлены в табл. 2—11.

Таблица 2

Значения матрицы P^{01} (мощность разницы автоматизируемых функций, входящих в S_n и не входящих в S_i)

$S_n \backslash S_i$	ЭСРП v.1.4	ЭСРП v.2.0	ГОСИНФОРМ	ГАС «Управление»	INLINE AIS	Perimatrix	СИТРОНИКС
ЭСРП v.1.4	0	3	2	2	3	1	2
ЭСРП v.2.0	0	0	1	2	2	1	0
ГОСИНФОРМ	7	9	0	3	6	1	3
ГАС «Управление»	7	10	3	0	4	1	3
INLINE AIS	6	8	4	2	0	2	1
Perimatrix	8	11	3	3	6	0	3
СИТРОНИКС	7	9	4	4	3	2	0

Среднее арифметическое значение элементов матрицы P^{01} :

$$E_p = 3,306.$$

Путем транспонирования данной матрицы получим матрицу разности автоматизируемых функций, входящих в S_i и не входящих в S_n (табл. 3).

Таблица 3

Матрица P^{10} (мощность разницы автоматизируемых функций, входящих в S_i и не входящих в S_n)

0	0	7	7	6	8	7
3	0	9	10	8	11	9
2	1	0	3	4	3	4
2	2	3	0	2	3	4
3	2	6	4	0	6	3
1	1	1	1	2	0	2
2	0	3	3	1	3	0

Значения матрицы P^{11} (мощность пересечения автоматизируемых функций, одновременно входящих и в S_n , и в S_i) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Матрица P¹¹
(мощность пересечения автоматизируемых функций)

0	32	25	25	25	24	24
32	0	26	25	27	24	26
25	26	0	24	23	24	23
25	25	24	0	25	24	23
25	27	23	25	0	23	25
24	24	24	24	23	0	23
24	26	23	23	25	23	0

Степень рассогласования систем рассчитывается по формуле:

$$M_{in} = \frac{P_{in}^{01}}{P_{in}^{11} + P_{in}^{10}}$$

В результате получаем матрицу M, представленную в табл. 5.

Таблица 5

Матрица M

0	0,09375	0,0625	0,0625	0,096774	0,03125	0,064516
0	0	0,028571	0,057143	0,057143	0,028571	0
0,259259	0,333333	0	0,111111	0,222222	0,037037	0,111111
0,259259	0,37037	0,111111	0	0,148148	0,037037	0,111111
0,214286	0,275862	0,137931	0,068966	0	0,068966	0,035714
0,32	0,44	0,12	0,12	0,24	0	0,12
0,269231	0,346154	0,153846	0,153846	0,115385	0,076923	0

Среднее арифметическое значение элементов матрицы M: $E_p = 0,1219$.

Степень поглощения систем рассчитывается по формуле:

$$A_{in} = \frac{P_{in}^{11}}{P_{in}^{11} + P_{in}^{10}}$$

В результате получаем матрицу A, представленную в табл. 6.

Таблица 6

Матрица A

0	1	0,78125	0,78125	0,806452	0,75	0,774194
0,914286	0	0,742857	0,714286	0,771429	0,685714	0,742857
0,925926	0,962963	0	0,888889	0,851852	0,888889	0,851852
0,925926	0,925926	0,888889	0	0,925926	0,888889	0,851852
0,892857	0,931034	0,793103	0,862069	0	0,793103	0,892857
0,96	0,96	0,96	0,96	0,92	0	0,92
0,923077	1	0,884615	0,884615	0,961538	0,884615	0

Среднее арифметическое значение элементов матрицы A:

$$E_p = 0,7475.$$

Величина подобия систем рассчитывается по формуле:

$$G_{in} = \frac{P_{in}^{11}}{P_{in}^{11} + P_{in}^{10} + P_{in}^{01}}$$

В результате получаем матрицу G, представленную в табл. 7.

Таблица 7

Матрица G

1	0,914286	0,735294	0,735294	0,735294	0,727273	0,727273
0,914286	1	0,722222	0,675676	0,72973	0,666667	0,742857
0,735294	0,722222	1	0,8	0,69697	0,857143	0,766667
0,735294	0,675676	0,8	1	0,806452	0,857143	0,766667
0,735294	0,72973	0,69697	0,806452	1	0,741935	0,862069
0,727273	0,666667	0,857143	0,857143	0,741935	1	0,821429
0,727273	0,742857	0,766667	0,766667	0,862069	0,821429	1

Среднее арифметическое значение элементов матрицы G: $E_p = 0,8$.

Из матрицы M получаем логическую матрицу отношения поглощения систем — M^0 (табл. 8), элементы которой определяются следующим образом:

- 1) $M_{in}^0 = 1$, если $M_{in} \leq E_p$ и $i < n$, где $E_p(M) = 0,1219$;
- 2) $M_{in}^0 = 0$, если $M_{in} > E_p$ и $i = n$, где $E_p(M) = 0,1219$.

Таблица 8

Матрица M^0

0	1	1	1	1	1	1
1	0	1	1	1	1	1
0	0	0	1	0	1	1
0	0	1	0	0	1	1
0	0	0	1	0	1	1
0	0	1	1	0	0	1
0	0	0	0	1	1	0

Из матрицы A получаем логическую матрицу отношения поглощения систем — A^0 (табл. 9), элементы которой определяются следующим образом:

- 1) $A_{in}^0 = 1$, если $A_{in} \geq E_{pui} = n$, где $E_p(A) = 0,7475$;
- 2) $A_{in}^0 = 0$, если $A_{in} < E_{pui} < n$, где $E_p(A) = 0,7475$.

Таблица 9

Матрица A^0

1	1	1	1	1	1	1
1	1	0	0	1	0	0
1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1

Из матрицы G получаем логическую матрицу отношения поглощения систем — G^0 (табл. 10), элементы которой определяются следующим образом:

- 1) $G_{in}^0 = 1$, если $G_{in} \geq E_{pui} = n$, где $E_p(G) = 0,8$;
- 2) $G_{in}^0 = 0$, если $G_{in} < E_{pui} < n$, где $E_p(G) = 0,8$.

Таблица 10

Матрица G^0

1	1	0	0	0	0	0
1	1	0	0	0	0	0
0	0	1	1	0	1	0
0	0	1	1	1	1	0
0	0	0	1	1	0	1
0	0	1	1	0	1	1
0	0	0	0	1	1	1

Из матрицы P^{0l} получаем логическую матрицу отношения поглощения систем — P^0 (табл. 11), элементы которой определяются следующим образом:

- 1) $P_{in}^0 = 1$, если $G_{in} \leq E_{pui} < n$, где $E_p(G) = 3,306$;
- 2) $P_{in}^0 = 0$, если $G_{in} > E_{pui} = n$, где $E_p(G) = 3,306$.

Таблица 11

Матрица P^0

1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1
0	0	1	1	0	1	1
0	0	1	1	0	1	1
0	0	0	1	1	1	1
0	0	1	1	0	1	1
0	0	0	0	1	1	1

На рис. 1 представлен граф подобия систем (G^0) относительно имеющихся функциональных возможностей.

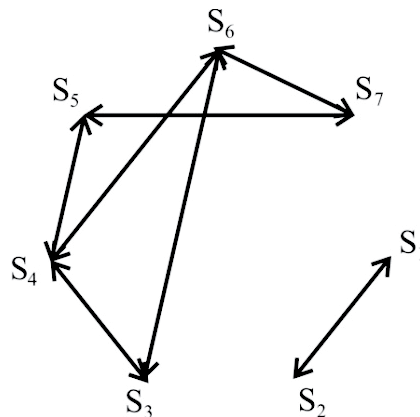

Рис. 1. Граф подобия G^0

На рис. 2 представлен граф поглощения систем (A^0) относительно имеющихся функциональных возможностей.

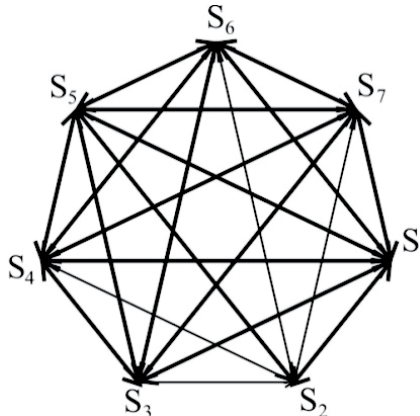

Рис. 2. Граф поглощения A^0

Анализ графов G^0 и A^0 позволяет выделить группы систем со схожими функциональными возможностями: (S_1, S_2) ; (S_3, S_4, S_6) ; (S_5, S_7) . Данные системы можно отнести к следующим группам:

- полные интегрированные системы;
- интегрированные системы с преобладанием функций учета;
- интегрированные системы с преобладанием функций анализа [4, с. 134].

В зависимости от требований, предъявляемых к автоматизированной информационной системе, можно задавать различные коэффициенты подобия E_p . Например, граф подобия систем при $E_p = 0,75$ представлен на рис. 3.

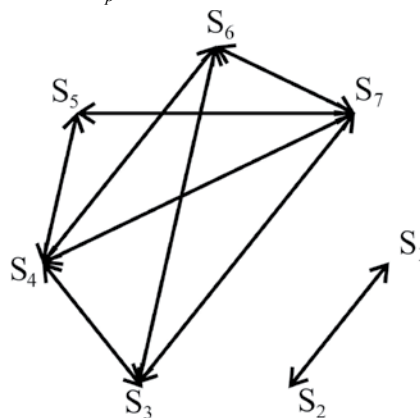

Рис. 3. Граф подобия $G_0 (E_p=0,75)$

Граф подобия систем при $E_p = 0,85$ представлен на рис. 4.

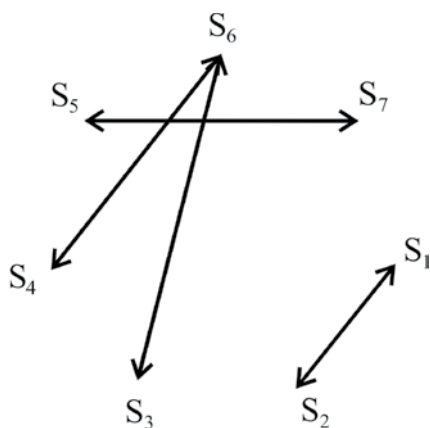

Рис. 4. Граф подобия $G_0 (E_p=0,85)$

Подобие функциональных возможностей рассматриваемых информационных систем функциям типовой системы описывается графами подобия и взаимосвязи, представленными на рис. 5—6.

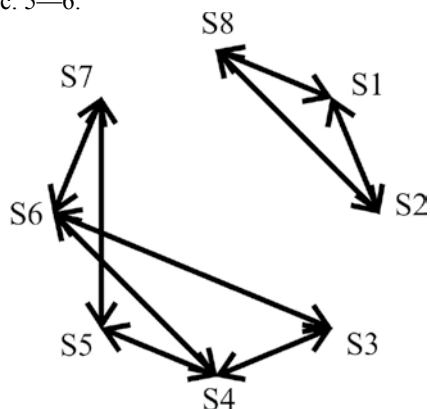

Рис. 5. Граф подобия функций рассматриваемых ИС функциям типовой системы

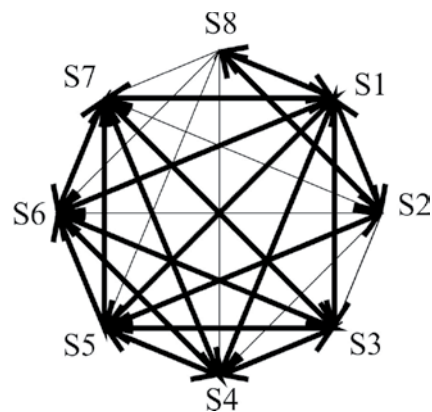

Рис. 6. Граф взаимосвязи функций рассматриваемых ИС и функций типовой системы

Как видно из данных графов, наиболее близкими по функциональным возможностям к типовой системе являются системы S_1 и S_2 [5, с. 223].

Предложенная в статье методика оценки функциональной полноты информационных систем для государственных учреждений позволяет определить структуру информационной системы, а также определить аппаратную конфигурацию и программное обеспечение в соответствии с особенностями деятельности конкретного учреждения. В приведенном примере с государственными учреждениями социальной сферы удалось выделить группы схожих по функциональным характеристикам систем: полные интегрированные системы; интегрированные системы с преобладанием функций учета; интегрированные системы с преобладанием функций анализа. В зависимости от потребностей заказчика можно задавать различные коэффициенты подобия и получать группы подобных систем, а затем делать выбор, основываясь на финансовых возможностях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Копылов А. В., Игольникова О. С. Методика управления совместными рисками инновационного проекта на основе экономико-математических методов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2. С. 131—134.
2. Хубаев Г. Н. Сравнение программных продуктов по критерию «Производительность» // Программные продукты и системы. 2008. № 4. С. 27—33.
3. Хубаев Г. Н. Калькуляция себестоимости продукции и услуг: процессно-статистический учет затрат // Управленческий учет. 2009. № 2. С. 35—47.
4. Дзедик В. А. Повышение результативности систем менеджмента качества на основе инструментальных средств поддержки принятия решений // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3. С. 131—135.
5. Филиппов М. В. Оценка стоимости информационного проекта // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2. С. 222—226.

REFERENCES

1. Kopylov A. V., Igol'nikova O. S. Risk management methodology of the joint innovative project based on economic-mathematical methods // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2. P. 131—134.
2. Khubaev G. N. Comparison of software by «Performance» criterion // Software and program systems. 2008. № 4. P. 27—33.
3. Khubaev G. N. Calculation of the cost price of products and services: statistical process-cost accounting // Management accounting. 2009. № 2. P. 35—47.
4. Dzedik V. A. Improving the performance of quality management systems based on the tools of decision support // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 3. P. 131—135.
5. Filippov M. V. Cost assessment of information project // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2. P. 222—226.

08.00.14 МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**08.00.14 GLOBAL ECONOMICS**

УДК 658.111

ББК 65.292.1

Kalmykova Tatiana Nikolaevna,
candidate of economics, associate professor
of the department of information systems
in the economics and management
of the Russian State Economic University
named after G. V. Plekhanov,
Moscow,
e-mail: kalmikova.tn@sbservis.ru

Калмыкова Татьяна Николаевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
информационных систем
в экономике и менеджменте
Российского государственного
экономического университета им. Г. В. Плеханова,
г. Москва,
e-mail: kalmikova.tn@sbservis.ru

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ
В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ**

**FOREIGN EXPERIENCE OF ESTABLISHING PUBLIC CORPORATIONS
IN THE STRUCTURE OF THE MODERN ECONOMICS**

В статье раскрываются особенности зарубежного опыта формирования государственных корпораций в рамках структуры современной экономики. Прослеживается становление и развитие государственных корпораций в зарубежных странах, определяются их характерные черты. В качестве примеров рассмотрены государственные корпорации США, Канады, Индии, Японии, Великобритании, Южной Кореи. Также определяется эволюция форм организации государственных корпораций в различных странах на различных исторических этапах развития национальной экономики. Выявляются возможности и перспективы использования зарубежного опыта развития государственных корпораций для российской действительности.

The article describes the features of foreign experience in forming public corporations within the framework of the modern economics. The formation and development of public corporations in foreign countries are tracked; their main features are determined. The state-owned corporations in the United States, Canada, India, Japan, UK, and South Korea are examined as the examples. The evolution of the forms of arrangement of public corporations in different countries at different historical stages of development of the national economy is determined. The opportunities and prospects of using the international experience of public corporations in Russia are identified.

Ключевые слова: государственные корпорации, организационно-правовая форма, социально-экономический эффект, государственный сектор, исторические формы корпораций, функции государственных корпораций, государственный собственник, управление корпоративными системами, имущественная политика государства, федеральные государственные корпорации.

Keywords: state corporations, organizational-legal form, socio-economic impact, public sector, historical forms of corporations, public corporations' functions, state owner, management of corporate systems, property policy of the state, federal state corporations.

Термин «государственная корпорация» может трактоваться не только с точки зрения его юридического значения, принятого в российском законодательстве, но также обозначает «корпорация, которой владеет государство». В переводе с английского государственная корпорация (government-owned corporation или state-owned corporation) — это предприятие, находящееся в государственной собственности. Под этим словосочетанием понимается акционерное общество, где 100% акций принадлежит государству. Если понимать под государственными корпорациями акционерные общества, то можно привести примеры аналогичных терминов, существующих в других государствах. В США это публичная корпорация (public corporation, public benefit company), во Франции — публично-правовое учреждение (établissement public), в Германии — корпорация публично-права (Körperschaft des öffentlichen Rechts).

Возникновение государственной корпорации как организационно-правовой формы относится к эпохе расширения и изменения характера функций буржуазного государства на Западе в XIX — XX веках. Первыми функциями госкорпорации являлись фискальная, охрана правопорядка, внешняя оборона, и они не были связаны с экономикой и хозяйством государства. Однако социальное содержание государства и технические или специальные функции не могли вполне быть выполнены в рамках старого функционального аппарата. Для выполнения этих функций был создан специальный аппарат, действующий на основе принципа децентрализации [1, с. 5]. Обращение к зарубежному опыту проясняет вопрос о том, является ли создание государственных корпораций распространенной практикой, а не российской экзотикой [2].

Понятие «государственная корпорация» существует в таких странах, как Канада, Италия, Индия, Корея, США, Великобритания. При этом общим принципом является то, что государственные корпорации создаются на основании законодательных актов, принимаемых парламентами государств, их советы директоров формируются правительством или парламентом и они подотчетны парламенту или президенту страны [3]. В развитых странах такой тип организаций имеет двухсотлетнюю историю существования [4].

В мировой практике под государственными корпорациями понимается все то множество институтов и организаций,

основной характеристикой которых является осуществление коммерческой деятельности от имени государственного собственника, обязательным признаком государственной корпорации является обособленная правовая форма [5, с. 13].

В зарубежных странах государственные корпорации характерны в основном для военно-промышленного сектора. Для прочих отраслей производства используются другие механизмы без формирования государственной собственности. Однако во многих странах существовали и существуют структуры, аналогичные государственным корпорациям и выполняющие подобные функции [6].

Основными задачами образования государственных корпораций являются создание точек роста экономики и достижение социально-экономического эффекта, а также стимулирование областей и отраслей стратегического значения, где инвестирование является непривлекательным для частного бизнеса и где позиции государства снижаются. Такие страны, как США, Канада, Япония, Германия Южная Корея, создают фонды, банки развития для реализации приоритетных программ. Таким образом, государственные финансовые ресурсы используются для осуществления общественно важных программ и проектов. Государственные корпорации ликвидируются, когда данный сектор экономики становится конкурентоспособным и может без поддержки государства развиваться самостоятельно.

При управлении корпоративными системами государство в зарубежных странах преследует следующие задачи:

- финансировать инвестиции, создавать инфраструктурные, финансовые и производственные предпосылки для ускоренного развития негосударственного сектора КС;

- снижать инфляцию за счет государственного контроля цен в данном секторе и создавать «понижающее давление» на цены негосударственного сектора со стороны государственных производителей;

- накапливать технологический потенциал и переносить его в негосударственный сектор КС.

Государственный сектор распространяет «волны технологической модернизации» в негосударственный сектор не только в развивающихся, но и в высокоразвитых странах, включая США и страны Европы.

В США государственная корпорация — это такой вид корпораций, которыми владеет и контролирует Правительство США. Они создаются в виде акционерных обществ, а также некоммерческих организаций. Корпорации, созданные федеральным правительством США, относятся к федеральным государственным корпорациям. Они пользуются значительной автономией в принятии решений [7].

Федеральные государственные корпорации в США могут существовать в государственной и в смешанной собственности. В последнем случае контроль государства за корпорацией происходит благодаря закреплению в уставе организации праву американского президента или парламента назначать членов совета директоров [8].

Президент США Франклин Делано Рузвельт в свою бытность поддержал создание крупнейших государственных корпораций. Он утверждал, что развитие экономики — это функция частной инициативы и частного капитала, но из этого правила бывают исключения, которые и требуют создания предприятий, принадлежащих обществу и контролируемых правительством, то есть государственных корпораций. Такие государственные корпорации, как федеральная корпорация по страхованию депозитов, федеральная почтовая служба, фонд штата Аляска, являются действующими и до сегодняшнего времени [4].

В Канаде государственные корпорации или королевские

корпорации (Crown corporations) решают широкий спектр вопросов в сферах транспорта, энергетики, телерадиовещания и туризма. Есть целый ряд коммерческих государственных корпораций, таких как Канадская почта, Канадские пассажирские железнодорожные перевозки и пр. Статус государственной корпорации имеет Банк Канады [9; 10]. Статус государственной корпорации имеют также ряд музеев, Корпорация по ипотечному кредитованию, Канадская корпорация радио- и телевидения, Канадская корпорация по страхованию депозитов и пр.

Как и в США, канадские государственные корпорации занимаются как коммерческой, так и некоммерческой деятельностью. Государство достаточно строго контролирует деятельность и расходы этих корпораций, управляет кадровыми назначениями на руководящие должности. За последние годы множество государственных корпораций в Канаде было приватизировано, в том числе нефтяные, железнодорожные, телекоммуникационные и авиакомпании, например, Air Canada, нефтяные компании Petro-Canada и Wascana Energy, телекоммуникационные государственные корпорации Alberta Government Telephones, Manitoba Telephone System, Teleglobe, Telus, Канадские национальные железные дороги, электроэнергетическая компания Nova Scotia Power и др. Это повысило эффективность их работы.

В Индии к государственным корпорациям кроме некоммерческих организаций относятся компании, контрольный пакет акций которых принадлежит правительству, что обуславливает большое количество и высокий удельный вес государственных корпораций в стране, которые конкурируют с частными компаниями. Правительство Индии настаивает на необходимости совершенствования управления в государственных корпорациях, повышения их эффективности и открытости, прозрачности системы оценки деятельности управления государственных корпораций, что говорит в пользу избыточности вмешательства государства в экономику [8].

После Второй мировой войны в Японии после ликвидации предприятий «дзайбацу» были созданы за счет средств государства корпорации «кейрецу», которые имели в качестве ведущей цели реализацию национальных приоритетных программ. В задачи «кейрецу» входило получение следующих экономических результатов: завоевание мировых рынков, увеличение доли продаж на внешнем рынке. Некоторые из созданных корпораций по мере решения поставленных задач ликвидировались (в частности, несколько крупнейших из них были закрыты в 2005 году). В настоящее время в Японии действует более 70 крупных некоммерческих организаций, имеющих статус государственных.

В Южной Корее существует множество государственных корпораций. Среди них Корейская корпорация железных дорог, Корейская электроэнергетическая корпорация, Корейская национальная нефтяная корпорация, Корейская земельная корпорация, Корейская корпорация аэропортов, Корпорация по управлению государственной собственностью, Корейская корпорация по страхованию депозитов, Корейская корпорация по управлению активами (Камсо). Государственные корпорации, занимающиеся коммерческой деятельностью, существуют в виде акционерных обществ, их акции котируются и торгуются на биржах Южной Кореи и NYSE. Также существуют некоммерческие организации, например, Национальная пенсионная корпорация и Корпорация пенсионного обеспечения государственных служащих.

Организации «чеболи» в Южной Корее, созданные в 1960-е, также представляют собой прототип государственных корпораций, создаваемых и контролируемых государ-

ством. Многие экономисты полагают, что институт «чеболи» был позаимствован из японской модели развития экономики. Однако между «чеболи» и «дзайбацу» существует ряд отличий. Главное из них — отношения собственности в банковской системе: у «дзайбацу» существуют большие кредитные возможности, так как они работают с банками, которые им принадлежат, «чеболи» не являются собственниками контрольных пакетов акций банков и работают только с государственными кредитными организациями.

«Чеболи» представляет собой южнокорейскую форму финансово-промышленных групп, объединение формально самостоятельных предприятий, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем. В 1960-х правительство субсидировало «чеболи», способствуя их монополистической концентрации; в 1970-х оно оказало им массивную поддержку, ориентируя их на развитие тяжелой и химической промышленности; в 1980-х направило активность «чеболи» на расширение экспортных рынков. Южная Корея увеличила свой валовой внутренний продукт за период с 1962 по 1989 год с 2,3 до 205 млрд долл. США. При этом среднегодовой доход населения изменился с 87 до 4830 долл. США. Экономика в целом при этом развивалась со средним темпом около 8% в год [1].

На сегодняшний день существует около тридцати предприятий «чеболи», среди них Samsung, LG, DAEWOO, KIA и др. В 1998 году объем их продаж составлял 46% от всех продаж

в Южной Корее в промышленной отрасли. «Чеболи» стали успешным фактором развития экономики Южной Кореи после периода застоя. Эффективность корейских «чеболи» определяется их вовлеченностью в реализацию государственной политики, направленной на стимулирование экономического роста [4].

В Великобритании опыт «государственно-корпоративно-го» управления применялся в отраслях, которые подверглись национализации в 1940-х — начале 1980-х. Наиболее известные государственные корпорации в Великобритании — это «Центральный совет по выработке электроэнергии», «Британская газовая корпорация», «Национальный угольный совет» [6].

В течение примерно 40 лет значительная часть британских промышленных активов существовала именно в организационно-правовой форме государственных корпораций. Основной целью этих предприятий являлось сглаживание провалов рынка, обозначившихся в ходе депрессии 1930-х, развитие отраслей экономики, где возможностей частного капитала было недостаточно для их модернизации и конкуренции на мировых рынках. Но все они не сохранились до настоящего времени, поскольку в дальнейшем возникли проблемы с построением эффективной системы их управления [4].

В табл. приводится анализ опыта формирования государственных корпораций в структуре современной экономики различных стран.

Таблица

Опыт формирования государственных корпораций в развитых странах в исторической ретроспективе

№	Название страны	Название корпорации	Примеры корпораций	Особенности и преимущества	Состояние на настоящий момент
1	США	Public corporation	Федеральная корпорация по страхованию депозитов, Федеральная почтовая служба, Фонд штата Аляска	Относятся к федеральным государственным корпорациям, пользуются значительной автономией в принятии решений	Некоторые функционируют до настоящего времени
2	Канада	Crown corporations	Alberta Government Telephones, Manitoba Telephone System, Teleglobe	Решают широкий спектр вопросов в сферах транспорта, энергетики, телерадиовещания и туризма	Большинство из них приватизировано
3	Великобритания	State-owned corporation	Центральный совет по выработке электроэнергии, Британская газовая корпорация, Национальный угольный совет	Сглаживание провалов рынка, развитие некоторых отраслей экономики	Не сохранились до настоящего времени
4	Япония	«Кейрецу»	Японская почта, Корпорация международных аэропортов, Японская корпорация по клирингу облигаций, Корпорация по финансированию развития Окинавы	Завоевание мировых рынков, увеличение доли продаж на внешнем рынке	Действует более 70 крупных госкорпораций
5	Южная Корея	«Чеболи»	Samsung, LG, DAEWOO, KIA	Вовлеченность в реализацию государственной политики, направленной на стимулирование экономического роста	Функционирует около 30 предприятий

Источник: составлено автором.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственные корпорации создавались в периоды стагнации и кризиса в некоторых отраслях экономики и главной их целью была централизация государственного управления. При этом функционирование таких компаний в большинстве своем приводило к проблемам в управлении и эффективности работы целом.

В этом смысле выбор модели государственно-корпоративного управления в России представляется весьма спорным. С одной стороны, необходима централизация и активизация усилий по реализации потенциала сложных структурно и высокозатратных отраслях экономики. С другой — наблюдается значительный рост числа государственных корпораций в тех отраслях, где нет такой необходимости [6].

Создание государственных корпораций является одним

из элементов имущественной политики государства. При любом типе экономической системы стратегически важные отрасли экономики принадлежат государству или контролируются им. Опыт создания государственных корпорации как института индустриализации и модернизации экономики

страны присутствует в целом ряде государств (США, Великобритания, Канада, Италия, Индия, Корея, Япония). Они создавались в различных государствах в разные периоды времени и в разных условиях, в основном в периоды стагнации и кризиса в некоторых отраслях экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сосна С. А. Государственная корпорация как юридическое лицо и орган управления // Законодательство и экономика. 1994. № 21/22. С. 5.
2. Дементьев В. Е. Государственные корпорации: особенности зарубежного опыта и рекомендации для России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2011. Вып. 3. С. 8—19.
3. Государственные корпорации в зарубежных странах // Официальный сайт Агентства по страхованию вкладов. Регулятивные документы [Электронный ресурс]. URL: http://www.asv.org.ru/documents_&_analytik/analytics/methodological/281701/ (дата обращения: 21.04.2014).
4. Бондырь Т. В. Мировой опыт использования государственной корпорации как элемента государственной политики модернизации // Вестник науки Сибири. 2011. № 1 (1). С. 470—473.
5. Степанов В. А. Государственная корпорация как институт рыночной экономики: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2010. 25 с.
6. Глумов Е. Государственные корпорации. Новая модель: от идеи к структурированию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vegaslex.ru/text/32180> (дата обращения: 15.03.2014).
7. Курченков В. В., Фетисова О. В. Значение сетевых структур в трансформации регионального оптового рынка // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3. С. 46—50.
8. Курченков В. В. Роль государства в консолидации российского капитала на нынешнем этапе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика, экология. 2012. № 1 (20). С. 6—13
9. Багаряков А. Государственные корпорации: опыт работы и перспективы // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2011. № 3. Ч. 1. С. 223—229.
10. Калмыкова Т. Н. Роль государственных корпораций в консолидации российского капитала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3. С. 50—54.
11. Курченков В. В., Овшинов С. А. Определение оптимального варианта модернизации производства на промышленном предприятии // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3. С. 43—50.

REFERENCES

1. Sosna S. A. State corporation as a legal entity and control authority // Law and Economics. 1994. № 21/22. P. 5.
2. Dement'ev V. E. Public corporations: features of international experience and recommendations for Russia // Management and Business Administration. 2011. Issue 3. P. 8—19.
3. Public corporations in foreign countries // Official site of the Deposit Insurance Agency. Regulatory documents [Electronic resource]. URL: http://www.asv.org.ru/documents_&_analytik/analytics/methodological/281701/ (date of viewing: 21.04.2014).
4. Bondyr T. V. Global experience in using public corporation as an element of the state policy of modernization // Journal of Science of Siberia. 2011. № 1 (1). P. 470—473.
5. Stepanov V. A. State corporation as an institution of the market economy: Dissertation of the candidate of economics. M., 2010. 25 p.
6. Glumov E. State corporations. New model: the idea of structuring [Electronic resource]. URL: <http://www.vegaslex.ru/text/32180> (date of viewing: 15.03.2014).
7. Kurchenkov V. V., Fetisova O. V. Value of network structures in the transformation of the regional wholesale market // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3. P. 46—50.
8. Kurchenkov V. V. Role of the state in consolidation of the Russian capital at the present stage // Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics, ecology. 2012. № 1 (20). P. 6—13.
9. Bagaryak A. Public corporations: experience and perspectives // RISK: esources, information, supply, competition. 2011. № 3. Part 1. P. 223—229.
10. Kalmikova T. N. The role of public corporations in consolidation of the Russian capital // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3. P. 50—54.
11. Kurchenkov V. V., Ovshinov S. A. Determination of the optimal variant of modernization in an industrial plant // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 3. P. 43—50.

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12.00.00 LAW SCIENCES

12.00.02 КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

12.00.02 CONSTITUTIONAL LAW; MUNICIPAL LAW

УДК 342.565.2

ББК 67.400.12

Kurguzikov Maxim Sergeevich,
post-graduate student of the department
of the constitutional law
of Ural State Law University
Ekaterinburg,
e-mail: Kurguzikov@list.ru

Кургузиков Максим Сергеевич,
аспирант кафедры конституционного права
Уральского государственного
юридического университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: Kurguzikov@list.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

ON IMPROVEMENT OF CONSTITUTIONAL JUDICIAL CONTROL IN RUSSIA

В данной статье проанализированы изменения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», такие как уменьшение численности судей Конституционного Суда РФ, изменение кворума, порядок назначения судей и порядок освобождения от должности, конкретизация оснований допустимости конституционных жалоб, соотношение юридической силы решений Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Автор сравнивает эффективность положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» до внесения изменений и того, что стало после, призваны ли изменения способствовать увеличению эффективности работы органа конституционного судебного контроля или нет.

This paper analyzes the changes in the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation», such as decrease in the number of judges of the Constitutional Court of the Russian Federation, change of the quorum, procedure for appointment of the judges and the procedure for dismissal, specification of the grounds of admissibility of constitutional complaints, ratio of the legal power of decisions of the RF Constitutional Court and the European Court of Human Rights. The author compares effectiveness of provisions of the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» prior to incorporation of changes, and after their incorporation; whether the changes contribute to increasing efficiency of the constitutional judicial review authority or not.

Ключевые слова: реформа, оптимизация работы, эффективность, Конституция РФ, Конституционный Суд, нормативный акт, юридическая сила, Европейский суд, изменения, численность судей, осуществление функций, обновление судейского состава.

Keywords: reform, optimization of activity, efficiency, the RF Constitution, the Constitutional Court, regulatory enactment, legal force, European Court, changes, number of judges, fulfillment of functions, renewal of the judiciary.

После реформы Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, потребовавшей внесения изменений в Конституцию РФ, определенные изменения коснулись и Конституционного Суда. В настоящее время возникла необходимость уточнения сроков проверки нормативных актов, конкретизации оснований допустимости жалоб, определения соотношения по юридической силе Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека и др. В связи с этим в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены изменения, представляющие интерес с позиции их эффективности.

Во-первых, изменения коснулись требований к кворуму Конституционного Суда. В частности, законодатель изменил требования к кворуму, при котором Суд может функционировать и принимать решения. Если ранее Конституционный Суд РФ был вправе осуществлять свою деятельность при наличии в его составе трех четвертей от общего числа судей [1, ст. 4], то на сегодняшний день Суд вправе функционировать, если в его составе две третьих от общего числа судей (при условии, что состав сформирован на две третьих от общего числа судей). Таким образом, орган конституционной юстиции может осуществлять свои функции, если он укомплектован 13 судьями.

Более того, на сегодняшний день установлено новое правило и для обновления судейского состава Конституционного Суда. Если в Конституционный Суд РФ назначено 13 судей, то остальные 6 судей могут быть назначены в течение неопределенного промежутка времени либо вообще могут быть не назначены. Логично, что вслед за этим изменением число судей, правомочных принимать решения, изменяется.

На сегодня Конституционный Суд правомочен принимать решения в количестве 9 судей (ст. 18). Снижение показателя кворума делает возможным устранение от участия в конституционном судопроизводстве судей, которые склонны высказывать особое мнение (разумеется, особое мнение не влияет на окончательное решение Конституционного Суда, но оно оказывает неоднородность позиций суда и то, каким бы могло быть решение). Кроме того, такое изменение в обход ст. 125 Конституции РФ уменьшает численность судей Конституционного Суда с 19 до 13.

Во-вторых, для создания дополнительных гарантий сохранения правомочности судейского состава в законе предусмотрено, что если судья Конституционного Суда РФ выбывает из состава по собственному желанию или по достижении пенсионного возраста (ст. 18), а численность судей при этом становится менее 13, то такой судья продолжает исполнять свои обязанности до назначения на должность нового судьи (ст. 12). Однако срок для внесения Президентом РФ кандидатур на должности судьи Конституционного Суда исключен.

Вместе с этим изменились условия назначения председателя и заместителей председателя Конституционного Суда РФ. В частности, в законе сейчас нет двухмесячного срока для внесения кандидатур председателя или заместителя председателя Суда при открытии вакансий (ст. 23). Таким образом, появилось «дополнительное время» для того, чтобы предложить достойную кандидатуру на руководящую должность в Конституционном Суде. Несомненно, данный процесс не терпит спешки, поскольку от председателя во многом зависит то, как будет организована работа в органе конституционной юстиции. Однако в назначении на должность не должно быть растянутых временных рамок. Кроме того, нововведение позволяет председателю или заместителю находиться на своем посту неограниченное время после истечения полномочий. Возникает «интересная» ситуация: Президент РФ приступает к исполнению своих полномочий после принесения присяги и прекращает их, когда истекает срок его пребывания в должности и когда вновь избранный Президент РФ приносит присягу [2, ст. 92], а на назначаемых по его представлению должностных лиц такой порядок не распространяется.

С одной стороны, такой подход гарантирует сохранение правомочного состава суда, независимость и несменяемость судей, а также непрерывность деятельности органа конституционной юстиции и стабильность состава суда. Но с другой стороны, в этом видится противоречивость и незавершенность изменений, представляется, что они умаляют независимость судей и должностных лиц Конституционного Суда от Президента РФ. Возможно, законодатель следовало бы не отказываться от двухмесячного срока.

В-третьих, часть изменений коснулась требований к обращению, оснований для отказа в принятии к рассмотрению обращения в суд, процессуальных сроков, оснований допустимости и др. Положительным изменением в работе Конституционного Суда является конкретизация срока для принятия обращения к рассмотрению. Ранее председатель Конституционного Суда РФ поручал одному или нескольким судьям предварительное изучение обращения, которое должно было быть завершено не позднее двух месяцев с момента регистрации обращения [3, ст. 41]. Решение по вопросу о принятии обращения к рассмотрению принималось на заседании Конституционного Суда не позднее месяца с момента завершения предварительного изучения

обращения судьей (ст. 42). Законодатель внес изменения в ст. 41 и 42 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», исключив срок для предварительного изучения обращения в Конституционном Суде и одновременно установив срок для решения вопроса о принятии обращения к рассмотрению не позднее трех месяцев с момента регистрации обращения. Теперь предварительное изучение обращения в Конституционном Суде не ограничено двухмесячным сроком, таким образом, суд самостоятельно регулирует срок для предварительного изучения в зависимости от загруженности судей.

Еще одно важное изменение касается основания для отказа в принятии к рассмотрению обращения, в соответствии с которым Конституционный Суд отказывает в рассмотрении заявления о проверке соответствия Конституции РФ нормативного правового акта, утратившего юридическую силу, за исключением случаев, когда акт продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия. Такое изменение позволяет учитывать распространенную ситуацию, когда отмененная норма продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период ее действия.

Оптимизирована работа в отношении рассмотрения жалоб граждан и запросов судов общей юрисдикции без проведения Конституционным Судом судебного слушания. Ранее суд был вправе рассматривать и разрешать дела о соответствии Конституции РФ нормативного правового акта по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод граждан или проверять по запросу суда конституционность закона, подлежащего применению в конкретном деле, без проведения слушания, если приходил к выводу о том, что оспариваемые заявителем положения нормативного акта аналогичны нормам, ранее признанным не соответствующими Конституции РФ постановлением Конституционного Суда РФ, сохраняющим силу, либо оспариваемая заявителем норма, ранее признанная неконституционной постановлением Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющим силу, применена судом в конкретном деле, а подтверждение Конституционным Судом Российской Федерации неконституционности нормы необходимо для устранения фактов нарушений конституционных прав и свобод граждан в правоприменительной практике.

Дело не подлежало разрешению без проведения слушания, если:

1) поступало ходатайство с возражением против применения такой процедуры Президентом РФ, органом государственной власти РФ или органом государственной власти субъекта Российской Федерации в случае, когда предполагалось разбирательство дела о соответствии принятого ответствующим органом нормативного правового акта Конституции Российской Федерации;

2) ходатайство подавал заявитель в случае, если проведение слушаний необходимо для обеспечения его прав.

Подобная практика претерпела изменения: теперь ходатайство с возражением о проведении слушания не является препятствием и ограничением для рассмотрения дела без проведения слушания.

С одной стороны, такое изменение ограничивает право заявителя или государственного органа на гласность и устность судопроизводства. С другой стороны, нововведение способствует оптимизации работы Конституционного Суда, позволяет не проводить слушание, если есть сформулированная позиция Конституционного Суда в отношении во-

проса о соответствии спорного акта Конституции РФ. Таким образом, судьи могут сконцентрировать свое внимание на ситуациях, в отношении которых еще не сформулирована позиция Конституционного Суда. Представляется, что это скажется положительным образом на эффективности работы.

При таком большом количестве изменений хотелось бы отметить те из них, которые вызывают вопросы, в частности об их эффективности. Ранее граждане при подаче жалобы в Конституционный Суд РФ должны были предоставлять документы в трех экземплярах, остальные субъекты — в количестве тридцати экземпляров (ст. 38). На сегодняшний день все заявители обязаны предоставлять документы с одной копией [1, ст. 38]. Так, по мнению законодателя, повышается доступность конституционного судопроизводства для граждан и других лиц, однако для граждан и до внесения изменений не было проблемой предоставить документы в суд, поскольку необходимо было их предоставить в трех экземплярах, а органы государственной власти и юридические лица всегда имели возможность предоставить тридцать экземпляров с учетом их обеспечения.

Вместе с этим сомнения вызывает изменение основания допустимости жалобы: установлен пресекательный срок для подачи жалобы на закон, примененный в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, теперь жалоба в Конституционный Суд должна быть подана не позднее года после рассмотрения дела (ст. 97), в котором применена оспариваемая норма. До внесения изменений срок на подачу жалобы в Конституционный Суд не был установлен, поэтому со дня вступления в силу соответствующего судебного решения до обращения заявителя в Конституционный Суд могло пройти неограниченное количество времени. Представляется, что нововведение ограничивает право граждан на обращение в Конституционный Суд, поскольку один год как срок для подачи жалобы — это небольшой промежуток времени для того, чтобы обнаружить нарушение права, составить жалобу. Непонятной становится логика законодателя, если обратиться к гражданскому законодательству, где по общему правилу срок исковой давности составляет три года [4, ст. 196].

В-четвертых, очень важными представляются изменения, касающиеся взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ. Теперь запрос в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативного акта или договора между органами государственной власти в целом или в части являются допустимыми, если: заявитель считает, что нормативный акт не соответствует конституции, а Европейский суд по правам человека при этом принял решение, в котором указано на нарушение прав и свобод человека при применении соответствующего нормативного акта или договора и о необходимости внести в них изменения, устраняющие отмеченные нарушения [1, ст. 85]. Таким образом, расширяется перечень оснований для обращения в Конституционный Суд с запросом/жалобой о проверке конституционности нормативного акта. Иными словами, круг потенциально доступных к проверке актов расширяется, а это расширяет возможности для конституционного надзора в РФ, что положительным образом должно повлиять на эффективность работы.

Другим изменением разрешен вопрос на законодательном уровне о соотношении наднациональных и национальных юридических институтов. Ключевую роль в этом сыграло дело Константин Маркин против России, в котором

«Европейский суд в жесткой правовой форме подверг сомнению решение Конституционного Суда РФ» [5]. Первоначально Константин Маркин обратился с жалобой о дискриминации в Конституционный Суд РФ, который пояснил, что российское правовое регулирование, предоставляющее военнослужащим-женщинам возможность отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста и не признающее такое право за военнослужащими-мужчинами, не нарушает положения Конституции о равенстве прав и свобод независимо от пола, признаки дискриминации отсутствуют [6]. 7 октября 2010 года Страсбургский Суд по делу Константин Маркин против России, признал, что в отношении Константина Маркина имело место нарушение ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, взятой в совокупности со ст. 8 Конвенции, то есть дискриминация [7]. По мнению председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина, решения Европейского суда по правам человека, направленные на защиту прав и свобод российских граждан, всегда будут соблюдаться Россией. Но Россия не будет исполнять те решения, которые вызывают сомнения с точки зрения Европейской конвенции о правах человека и которые посягают на национальный суверенитет и основополагающие конституционные принципы [5]. По мнению ученого, этому призвана помочь выработанная Федеральным конституционным судом Германии в октябре 2004 года позиция, сформулированная при рассмотрении конституционной жалобы заявителя Гергюлю в отношении мотивировки, юридической силы и исполнения в Германии постановлений Европейского суда по правам человека. Согласно правовой позиции Федерального конституционного суда Германии, «основной закон имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но он не предусматривает отказа от суверенитета, закрепленного прежде всего в германской Конституции. Следовательно, не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель, в порядке исключения, не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов» [Там же].

Именно в соответствии с этой позицией появилась возможность не оглядываться на положения международных договоров при условии, что только таким образом возможно избежать нарушений основополагающих конституционных принципов Российской Федерации. Обоснованность этого обусловлена конструктивными предложениями таких видных ученых, как В.Д. Зорькин и С.П. Маврин [8], а также передовым опытом Конституционного суда Германии. Таким образом, если ранее сопоставление ч. 1 и 4 ст. 15 Конституции РФ вызывало вопросы о приоритете общепризнанных норм и принципов международного права, то теперь эти вопросы сняты в пользу верховенства Конституции РФ и решения Европейского суда по правам человека должны соответствовать Конституции или правовым позициям Конституционного Суда РФ, чем укрепляется авторитет российской правовой системы.

Также необходимо отметить, что ранее Конституционный Суд РФ с учетом сложившейся судебной практики Конституционного Суда [9] и положениями Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» был наделен полномочием проверять на соответствие Конституции Российской Федерации вопрос, выносимый на референдум Российской Федерации. На сегодняшний

день данное полномочие закреплено за Судом на законодательном уровне [1, ст. 3]. В этом работа Конституционного Суда РФ коренным образом не изменилась, а закон лишь приведен в соответствие со сложившейся практикой работы суда.

Итак, в результате внесения изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» нерешенными остались некоторые

вопросы относительно пресекательного срока для подачи жалобы в Конституционный Суд и изменения требований к обращению. Однако изменения правового регулирования работы органа конституционной юстиции обоснованны, закономерно и обусловлены сложившейся непростой внешне-неполитической ситуацией, в которой находится Россия, и действительно оценить их ценность получится только со временем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ (с изм. от 4 июня 2014 года) // Российская газета. № 138—139 от 23.07.1994 года. Ст. 4.
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 года № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 года № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 года № 2-ФКЗ) // Российская газета. № 237 от 25.12.1993 года. Ч. 1. Ст. 92.
3. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ (с изм. от 5 апреля 2013 года) // Российская газета. № 138—139 от 23.07.1994 года. Ст. 41.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2014 года) // Российская газета. № 238—239 от 08.12.1994 года. Ст. 196.
5. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 2 № 5325. С. 28—34.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей: Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 года № 187-О-О // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс].
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 07.10.2010 года по делу «Konstantin Markin (Konstantin Markin) против России» (Жалоба № 30078/06) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс].
8. Маврин С. П. Российская правовая система и решения Европейского Суда по правам человека: соотношение и параметры сопряжения // Академический юридический журнал. 2011. № 3. С. 4—14.
9. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 года № 3-П // Российская газета. № 66 от 30.03.2007 года.

REFERENCES

1. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law dated 21.07.1994 № 1-FKZ (as amended on June 04, 2014) // Russian newspaper. № 138—139, 23.07.1994. Article 4.
2. The Constitution of the Russian Federation (taking into account the amendments made by RF laws regarding amendments to the RF Constitution dated 30.12.2008 № 6-FKZ, dated 30.12.2008 № 7-FKZ, dated 05.02.2014 № 2-FKZ) // Russian newspaper. № 237, 25.12.1993. P. 1. Article 92.
3. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law dated 21.07.1994 № 1-FKZ (as amended on April 5, 2013) // Russian newspaper. № 138—139, 23.07.1994. Article 41.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 № 51-FZ (revised and amended in put into effect on July 01, 2014) // Russian newspaper. № 238—239, 08.12.1994. Article 196.
5. Zor'kin V. D. Limit of compliance // Russian newspaper. 2010. № 5325. P. 28—31.
6. On refusal to accept for review the complaints of Markin Konstantin Alexandrovitch regarding violation of his constitutional rights by the provisions of articles 13 and 15 of the Federal law «On the state benefits to the citizens having children», articles 10 and 11 of the Federal law «On the status of the servicemen», article 32 of the Regulations of the military service, and items 35 and 44 of the Regulation on assignment and payment of the state benefits to the citizens having children: Decision of the RF Constitutional Court dated 15.01.2009 № 187-O-O // RLS Consultant Plus [Electronic resource].
7. Decision of the European Court of Human Rights dated 07.10.2010 in the case of «Konstantin Markin (Konstantin Markin) vs. Russia» (application № 30078/06) // BLS Consultant Plus [Electronic resource].
8. Mavrin S. P. The Russian legal system and the decisions of the European Court of Human Rights: ratio and parameters of the interface // Academic Law Journal. 2011. № 3. P. 4—14.
9. On verification of the constitutionality of the number of provisions of Articles 6 and 15 of the Federal Constitutional Law «On the Referendum of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizens V. I. Lakeeva, V. G. Solovyov and V. D. Ulas: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.03.2007 № 3-P // Russian newspaper. № 66 dated 30.03.2007.

УДК 342.55
ББК 67.401.02

Kurganov Nikita Andreevich,
post-graduate student of the department of the constitutional
and administrative law of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Volgograd branch,
Volgograd,
e-mail: NikitaKurganov@gmail.com

Курганов Никита Андреевич,
аспирант кафедры конституционного
и административного права Волгоградского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Волгоград,
e-mail: NikitaKurganov@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНУЮ СЛУЖБУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

ON SOME ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF ENTERING ON MUNICIPAL DUTY (BASED ON MATERIALS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)

Статья посвящена характеристике процедуры поступления на муниципальную службу. Автором исследовано федеральное законодательство, проанализированы соответствующие положения нормативных правовых актов регионального и муниципального уровня. Сделаны выводы о целесообразности дифференцированного подхода к регламентации процедуры поступления на муниципальную службу в зависимости от вида муниципального образования, а также выводы о необходимости исключения из законодательства о муниципальной службе диспозитивных норм. Отмечено, что региональные и муниципальные акты, регулирующие вопросы поступления на муниципальную службу, в целом согласуются с федеральным законодательством, однако в отдельных субъектах Южного федерального округа муниципальное правотворчество выходит за пределы, установленные на федеральном уровне.

The article is devoted to the characteristic of procedure of entering on municipal service. The author investigated the federal legislation; the relevant provisions of the legal regulatory enactments at the regional and municipal levels were analyzed. Conclusions are made regarding expediency of the differentiated approach to regulation of the procedure of entering on municipal service depending on the type of municipal entity, as well as conclusions regarding the need to exclude the provisional rules from the municipal service legislation (Article 17 of the Federal law «On municipal service in the Russian Federation»). It is noted that the regional and municipal acts regulating the issues of entering on the municipal service comply with the federal legislation in general; however, the municipal law-making goes far beyond the frame established at federal level in some entities of the Southern Federal District.

Ключевые слова: юриспруденция, местное самоуправление, муниципальная служба, муниципальные служащие, общественная служба, правовые аспекты, конкурс, конкурсная комиссия, испытательный срок, должностные лица.

Keywords: law, local self-government, municipal service, municipal employees, public service, legal aspects, competition, contest committee, trial period, officials.

Создание эффективной системы местного самоуправления является необходимым условием для успешного осуществления процесса демократических реформ в Российской Федерации [1, с. 4]. Очевидно, что говорить сегодня о построении действенной модели местного самоуправления преждевременно. Одной из причин низкой эффективности функционирования

механизма муниципальной власти в современной России является недостаточная квалификация служащих органов местного самоуправления, которая обусловлена прежде всего отсутствием юридических процедур, позволяющих обеспечить подготовку, отбор и расстановку наиболее подготовленных граждан на должности муниципальной службы.

В ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее — Закон о муниципальной службе) закреплена диспозитивная норма, в соответствии с которой заключению трудового договора с муниципальным служащим «может предшествовать конкурс» [2]. Аналогичные диспозитивные формулировки встречаются и в нормативных правовых актах большинства муниципальных образований, расположенных в Южном федеральном округе. Данные нормы содержат, на наш взгляд, коррупциогенные факторы, определяя компетенцию должностных лиц по формуле «вправе», следовательно, такого рода нормы нуждаются в корректировке [3].

На этом фоне довольно интересным выглядит регулирование процедуры конкурса на замещение вакантной должности в городе Краснодаре. Так, в соответствии с Положением, утвержденным решением городской Думы Краснодара от 29.10.2009 года № 63 п. 6 «О муниципальной службе в муниципальном образовании город Краснодар» установлено, что конкурсы на замещение вакантных должностей муниципальной службы во-первых, призваны обеспечить реализацию гражданами права на равный доступ к муниципальной службе, а во-вторых, призваны обеспечить право муниципальных служащих на должностной рост на конкурсной основе. При этом определено, что «конкурс в органе местного самоуправления проводится на вакантные должности муниципальной службы старшей, ведущей, главной и высшей групп должностей муниципальной службы». Нормативным актом установлен также перечень случаев, при которых конкурсы на замещение вакантных должностей муниципальной службы не проводятся. Без проведения конкурса происходит замещение должностей при заключении срочного трудового договора (в том числе по должностям категории «помощники (советники)»); при назначении на должность муниципальной службы из кадрового резерва, сформированного на конкурсной основе; при назначении на должности младшей группы, а также в порядке перевода из иных структурных подразделений муниципального органа (при условии соответствия квалификационным требованиям, предъявляемым к соответствующей должности) [4].

Представляется, что указанный подход является позитивным примером и для других муниципальных образований, и для федерального законодателя. Безусловно, императивное требование о проведении конкурса в органах муниципально-

го образования таких крупных городов, как Краснодар, будет способствовать реализации гражданами права на равный доступ к муниципальной службе. Однако стоит отметить, что для отраслевых, функциональных и территориальных органов администрации Краснодара функционирует свое Положение о конкурсе, утвержденное Постановлением администрации города Краснодар [5]. В то же время ч. 2 ст. 17 Закона о муниципальной службе указывает, что порядок проведения конкурса на замещение вакантных должностей муниципальной службы может быть установлен только представительным органом муниципального образования. В связи с этим муниципальное правотворчество выходит за те пределы, которые установлены федеральным законодателем, что является недопустимым, следовательно, такие акты подлежат отмене.

В городе Волгограде обратная ситуация: даже через семь лет после вступления в силу Закона о муниципальной службе Волгоградской городской Думой не утверждена процедура проведения в органах местного самоуправления конкурсов на замещение должностей муниципальной службы. Это означает, что начиная с 2007 года вакантные должности муниципальной службы в органах местного самоуправления города Волгограда замещаются в порядке назначения без проведения конкурса.

В этой связи следует заметить, что общие положения о порядке проведения конкурса на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы содержатся в Указе Президента РФ от 1 февраля 2005 года № 112 [6].

В Российской Федерации насчитывается более 22 тысяч муниципальных образований (в том числе около 18,5 тысячи сельских поселений) [7]. Представляется, что наличие порядка 22 тысяч муниципальных актов, определяющих процедуру конкурса на замещение вакантных должностей муниципальной службы, вряд ли является целесообразным. А если учесть, что каждое муниципальное образование принимает не только свое положение о конкурсе, но и об аттестации, реестре должностей, квалификационных требованиях к муниципальным служащим, нормативные акты по вопросам противодействия коррупции в органах местного самоуправления, то указанное число возрастает на порядок. В связи с этим представляется необходимым закрепление порядка проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы по аналогии с государственной гражданской службой в одном акте — Указе Президента РФ.

С учетом опыта правового регулирования поступления на государственную гражданскую службу Российской Федерации, а также позитивного опыта, имеющегося в отдельных муниципальных образованиях (город Краснодар), представляется возможным введение обязательного конкурсного порядка замещения вакантных должностей муниципальной службы в муниципальных районах, городских поселениях, городских округах, городских округах с внутригородским делением, внутригородских районах и внутригородских территориях городов федерального значения. В сельских поселениях представляется целесообразным оставить за представителем нанимателя право приема граждан на муниципальную службу без проведения конкурсного отбора. Логичным представляется выделение в Указе Президента РФ иных особенностей проведения конкурса в сельских поселениях. Это связано, например, с тем, что далеко не каждое сельское поселение имеет свой информационный портал или свое официальное печатное издание, необходимые для опубликования объявления о конкурсе.

Анализ положений о конкурсе на замещение должности муниципальной службы в органах местного самоуправления различных муниципальных образований позволяет определить

типовой порядок проведения такого конкурса. Так, информация о проведении конкурса публикуется в виде акта на официальном сайте органа местного самоуправления, как правило, не позднее 20 дней до дня проведения конкурса. Для проведения конкурса формируется конкурсная комиссия. Лица, решившие принять участие в конкурсе, представляют комиссии документы согласно перечню.

Конкурс осуществляется в два этапа. На первом этапе проводится предварительное рассмотрение поданных документов и утверждается список кандидатов. После этого претенденты, допущенные к участию в конкурсе, не менее чем за 10 дней оповещаются о начале второго этапа. На втором этапе комиссия проводит оценку профессионального уровня кандидатов на замещение вакантной должности муниципальной службы, их соответствие квалификационным требованиям к этой должности, установленным федеральным законодательством, законодательством субъекта и муниципальными правовыми актами, и принимает решение по отбору кандидатов на замещение должности муниципальной службы. Решение принимается большинством голосов и оформляется протоколом.

По результатам конкурса руководитель органа местного самоуправления заключает трудовой договор с кандидатом, признанным конкурсной комиссией победителем, и издает правовой акт о его назначении на вакантную должность муниципальной службы.

Конкурсная комиссия сообщает кандидатам, участвовавшим в конкурсе, о результатах конкурса в письменной форме не более чем в месячный срок со дня его завершения.

В отличие от конкурса для государственных служащих, размещение информации о результатах муниципального конкурса на официальном сайте органа исполнительной власти необязательно, хотя и может быть осуществлено.

При этом кандидат наделяется правом на обжалование решения конкурсной комиссии.

Заметно, что в целом порядок проведения конкурса на замещение должности муниципальных служащих мало чем отличается от порядка проведения конкурса для государственного гражданского служащего. В связи с этим находит подтверждение мысль о необходимости закрепления порядка проведения конкурса на замещение вакантных должностей муниципальной службы в Указе Президента Российской Федерации по аналогии с государственной гражданской службой.

Стоит также обратить внимание на ч. 3 ст. 17 Закона о муниципальной службе, устанавливающую, что по итогам конкурса на замещение должности муниципальной службы представитель нанимателя (работодатель) вправе назначить на должность одного из отобранных комиссией кандидатов. Подобная формулировка, по нашему мнению, также несет в себе такой коррупциогенный фактор, как «широта дискреционных полномочий», выражающийся в неопределенности условий или оснований принятия решения о выборе кандидата для заключения трудового договора [8]. Наличие в федеральном законе такой нормы создает условия для злоупотребления должностными лицами своими полномочиями. Кроме того, как отмечается в литературе, из толкования приведенной нормы следует, что конкурсная комиссия органа местного самоуправления должна определить как минимум двух победителей конкурса [9, с. 126]. Указанная норма необоснованно расширяет усмотрение представителя нанимателя (работодателя) и в значительной степени увеличивает субъективизм в процедурах отбора и расстановки кадров в органах местного самоуправления [10].

При этом в положениях о конкурсе, утверждаемых на муниципальном уровне, как правило, закреплено, что трудовой договор заключается с победителем конкурса.

Применительно к порядку поступления на муниципальную службу стоит отметить, что в Решении Ростовской-на-Дону городской Думы от 26.02.2008 года № 357 содержится также требование о согласовании кандидатов на определенные должности с городской думой. Такими должностями в силу прямого указания нормативного акта являются «руководитель Департамента имущественно-земельных отношений, муниципального казначейства, управления здравоохранения, управления образования, управления культуры» (п. 3.12 ст. 39 Устава города Ростова-на-Дону) [11]. При этом претендент на одну из этих должностей считается допущенным к фактическому исполнению своих обязанностей на основании распоряжения Администрации города Ростова-на-Дону. Данная норма, безусловно, представляет интерес. Однако процедура, предусматривающая дополнительное согласование кандидатур с представительным органом муниципального образования, в случае замещения названных должностей по конкурсу нарушает принцип равного доступа граждан к муниципальной службе, предусмотренного п. 2 ст. 4 Закона о муниципальной службе. Представляется, что согласование кандидатов в данном случае может происходить в зависимости от обстоятельств, не связанных с их деловыми и профессиональными качествами.

К содержанию и форме трудового договора с муниципальным служащим особых требований Законом о муниципальной службе не предъявляется. Исключение составляет поступление гражданина на должность главы местной администрации: в этом случае с ним заключается контракт, типовая форма которого утверждается законом субъекта РФ (ч. 7 ст. 16 Закона). Отметим, что существенных различий между контрактом и трудовым договором нет.

Особенности процедуры замещения должности главы местной администрации по контракту определяется нормами Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Отдельными актами как регионального, так и муниципального уровня в соответствии с ч. 3 ст. 9 Закона о муниципальной службе могут быть предусмотрены дополнительные (по сравнению с федеральным законодательством) требования к лицам, претендующим на должность главы местной администрации. Так, в соответствии со ст. 4.1 Закона Республики Калмыкия от 18.11.2009 года № 148-IV-3 «О некоторых вопросах правового регулирования муниципальной службы в Республике Калмыкия» к лицам, претендующим на замещение должности главы местной администрации городского округа или муниципального района, предъявляются дополнительные требования по образованию (наличие высшего профессионального образования); возрасту (30 лет); стажу работы на руководящих должностях или должностях государственной и муниципальной службы (3 года); знанию Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, нормативных правовых актов Республики Калмыкия и нормативных правовых актов соответствующих муниципальных образований Республики Калмыкия.

Интересно заметить, что в Ростовской области такие требования установлены не законодательством, регулирующим вопросы муниципальной службы, а Законом «О местном самоуправлении в Ростовской области». Так, к претендентам на должность главы администрации городского округа или муниципального района в Ростовской области предъявляются дополнительные требования к наличию не менее трех лет стажа (опыта) работы:

- 1) на руководящих должностях в области права, экономики, финансов или социальной сферы;
- 2) на должностях муниципальной службы и государствен-

ной гражданской службы (высшей или главной групп);

3) на государственных или муниципальных должностях, замещаемых на постоянной основе [12].

Что касается испытательного срока при заключении трудового договора с муниципальными служащими, то Законом о муниципальной службе испытательный срок не предусмотрен. Исходя из правила, согласно которому действие трудового законодательства распространяется на муниципальных служащих с учетом особенностей, предусмотренных Законом о муниципальной службе, а также ст. 11 и 70 ТК РФ, представитель нанимателя (работодатель) не вправе устанавливать испытательный срок при заключении трудового договора с муниципальным служащим, если этому предшествовало проведение конкурса. В этой связи вызывает сомнение позиция Е. А. Ершовой, которая указывает, что к отношениям, связанным с поступлением на муниципальную службу в части установления испытательного срока, в соответствии со ст. 5 Закона о муниципальной службе применяются правила об установлении испытательного срока в соответствии с положениями Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» [13, с. 406]. Как представляется, принцип взаимосвязи государственной гражданской службы и муниципальной службы не означает прямого действия законодательных актов, регламентирующих прохождение государственной гражданской службы, в отношении вопросов, связанных с прохождением муниципальной службы.

Стоит отметить, что среди проанализированных нами нормативных правовых актов различных муниципальных образований ЮФО, посвященных регулированию муниципальной службы, только в ст. 21 Решения Ростовской-на-Дону городской Думы «О принятии «Положения о муниципальной службе в городе Ростове-на-Дону» в новой редакции» содержится норма, согласно которой для граждан, впервые принимаемых на должности муниципальной службы, может быть установлено испытание сроком до трех месяцев. Возникает вопрос о правомерности регулирования муниципальным образованием тех вопросов, которые не отнесены Законом о муниципальной службе к компетенции правотворчества муниципалитетов.

Анализ положений федерального законодательства, обобщение опыта правового регулирования поступления на муниципальную службу в различных субъектах Южного федерального округа позволяют сформулировать следующие выводы:

1. В законодательстве о муниципальной службе должен быть закреплён дифференцированный подход к регламентации процедуры поступления на муниципальную службу в различных видах муниципальных образований. В частности, представляется возможным введение обязательного конкурсного порядка замещения вакантных должностей муниципальной службы в муниципальных районах, городских поселениях, городских округах, городских округах с внутригородским делением, внутригородских районах и внутригородских территориях городов федерального значения. Что касается сельских поселений, то представляется целесообразным оставить за представителем нанимателя право приема граждан на муниципальную службу без проведения конкурсного отбора.

2. Ч. 3 ст. 17 Закона о муниципальной службе содержит, на наш взгляд, коррупциогенные факторы, позволяя представителю нанимателя (работодателю) назначать на должность «одного из кандидатов, отобранных конкурсной комиссией». Представляется необходимым в данной статье четко указать, что представитель нанимателя (работодатель) обязан назначить на должность муниципальной службы победителя конкурса.

3. В ряде субъектов (Краснодарский край, Ростовская об-

ласть) муниципальное правотворчество выходит за пределы, которые установлены федеральным законодателем, что является недопустимым и требует внесения соответствующих изменений. Примерами тому могут являться утверждение по-

ложения о конкурсе актом исполнительно-распорядительного органа муниципального образования (город Краснодар), регулирование испытательного срока при приеме на муниципальную службу (Ростовская область).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коростелева М. В., Абезин Д. А. Правовой статус главы муниципального образования в Российской Федерации: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2012. 84 с.
2. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 4 марта 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 10. Ст. 1152.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 10. Ст. 1084.
4. О муниципальной службе в муниципальном образовании город Краснодар: Решение городской Думы Краснодара от 29.10.2009 № 63 п. 6 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
5. О проведении конкурса на замещение вакантной должности муниципальной службы в отраслевых, функциональных и территориальных органах администрации муниципального образования город Краснодар: Постановление администрации муниципального образования город Краснодар от 23.05.2012 № 3958 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
6. О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 6. Ст. 439.
7. База данных показателей муниципальных образований // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 01.09.2013).
8. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 10. Ст. 1084.
9. Братановский С. Н., Епифанов А. Е., Глейкин В. А. Проблемы совершенствования муниципальной службы в России. Саратов: Ореон, 2008. 189 с.
10. Комментарий к Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации» / Под ред. С. Е. Чаннова. М.: Ось-89, 2008. 320 с.
11. Устав города Ростова-на-Дону // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
12. О местном самоуправлении в Ростовской области: Областной закон Ростовской области от 28.12.2005 № 436-ЗС // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
13. Ершова Е. А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России. М.: Статут, 2008. 668 с.

REFERENCES

1. Korosteleva M. V., Abezin D. A. Legal status of the head of municipal entity in the Russian Federation: textbook. Volgograd: Publishing house of the Volgograd branch of RANEPFA, 2012. 84 p.
2. On municipal service in the Russian Federation: Federal law dated March 2, 2007. № 25-FZ (as amended on March 4, 2014) // On anti-corruption examination of the legal-regulatory enactments and drafts of enactments. № 10. Article 1152.
3. On anti-corruption examination of the legal-regulatory enactments and drafts of enactments: resolution of the government of the Russian Federation dated 26.02.2010. № 96 // Collection of the Russian Federation legislation. 2002. № 10. Article 1084.
4. On Municipal Service in the municipal entity of Krasnodar: Decision of City Council of Krasnodar of 29.10.2009. № 63, item 6 // Legal-reference ConsultantPlus system [Electronic resource].
5. On carrying-out the competition to fill the vacant post of municipal service in the industrial, functional and regional authorities of the municipal entity of Krasnodar: resolution of administration of the municipal entity of Krasnodar dated 23.05.2012. № 3958 // Legal-reference ConsultantPlus system [Electronic resource].
6. On competition to fill the vacant post of the public civil service of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation as of 01.02.2005. № 112 // Collection of the Russian Federation legislation. 2005. № 6. Article 439.
7. Database of indicators of municipal entities // Official site of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (date of viewing: 01.09.2013).
8. On anti-corruption examination of the legal-regulatory enactments and drafts of enactments: resolution of the government of the Russian Federation as of 26.02.2010. № 96 // Collection of the Russian Federation legislation. 2002. № 10. Article 1084.
9. Bratanovsky S. N., Yepifanov A. E., Gleykin V. A. Problems of improvement of municipal service in Russia. Saratov: Oreon, 2007. 189 p.
10. On municipal service in the Russian Federation: comment to the Federal law / Under the editorship of S. E. Channov. M.: Os'-89, 2008. 320 p.
11. Articles of association of Rostov-on-Don // Legal-reference ConsultantPlus system [Electronic resource].
12. On the local self-government in Rostov region: the regional law of Rostov region of 28.12.2005. № 436-ZS // Legal-reference ConsultantPlus system [Electronic resource].
13. Yershova E. A. Labor legal relationship of the civil and municipal servants in Russia. M.: Statute, 2008. 668 p.

12.00.03 ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

12.00.03 CIVIL LAW; ENTREPRENEURSHIP LAW; FAMILY LAW; INTERNATIONAL PRIVATE LAW

УДК 347.19

ББК 67.404.013

Kvitsiniya Natalia Vyacheslavovna,
candidate of law, associate professor of the department
of civil law of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: maksim20777@yandex.ru

Квициния Наталья Вячеславовна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: maksim20777@yandex.ru

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

NEW TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF LEGAL ENTITIES INSTITUTION IN KEEPING WITH THE CHANGES OF THE CONTEMPORARY CIVIL LEGISLATION

Статья содержит мнение автора относительно изменений, внесенных в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 05.05.2014 года № 99-ФЗ. Основное внимание уделено исследованию понятия юридического лица в свете внесенных изменений, а также проблемам определения обособленного имущества юридического лица. Автором исследована правоспособность юридического лица, момент ее возникновения и пределы, которые должны определяться в соответствии с внесенными изменениями. Автором была оспорена позиция законодателя в отношении изменений, внесенных в положения об учредительных документах юридического лица.

The article contains opinion of the author concerning the changes incorporated into the Civil code of the Russian Federation by the Federal law dated 05.05.2014 № 99-FZ. The major attention is paid to the research of the concept of the legal entity in keeping with the incorporated changes, as well as to the problems of definition of the solitary property of the legal entity. The author has investigated the legal capacity of the legal entity, the moment of its occurrence and its limits, which should be defined according to the incorporated changes. The author has challenged a position of the legislator regarding the changes incorporated in the provisions on the constituent documents of the legal entity.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, юридическое лицо, понятие юридического лица, признак юридического лица, правоспособность юридического лица, гражданское законодательство, учредительные документы, устав, учредительный договор, руководитель юридического лица, местоположение юридического лица, уставной капитал юридического лица.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, legal entity, concept of the legal entity, indicator of the legal entity, legal capacity of the legal entity, civil legislation, constituent documents, articles of associations, deed of incorporation, head of the legal entity, location of the legal entity, authorized capital of the legal entity.

Федеральным законом от 05.05.2014 года № 99-ФЗ [1] (далее – ФЗ № 99) были внесены изменения в действующую редакцию главы 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

Законодателем были кардинально пересмотрены как общие положения о юридических лицах, так и частноправовые вопросы конкретных организационно-правовых форм юридических лиц, порядок создания, управления, ликвидации, а также привлечения к материальной ответственности их учредителей. В настоящей статье невозможно рассмотреть все изменения, внесенные в ГК РФ ФЗ № 99, в связи с чем автором будут рассмотрены только понятие, признаки и правовое положение юридических лиц, складывающиеся в свете последних корректировок гражданского законодательства.

По мнению А.Е. Черноморца, сущность юридического лица заключается в том, что оно представляет собой особый механизм или средство организации общественного производства новой продукции, выполнения работ, оказания услуг, необходимых обществу для продолжения его жизнедеятельности [3].

В настоящее время значительное изменение претерпело само определение юридического лица (ст. 48 ГК РФ в редакции ФЗ № 99): «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». Тем самым изменилась и его сущность.

Как видно из определения, законодатель исключил обязательное владение имуществом на праве собственности либо хозяйственном ведении или оперативном управлении, которые по своей правовой сути (в связи с особым правовым отношением к этому имуществу титульных собственников) также являлись формой собственности на данное имущество, тем самым позволив включать в состав обособленного имущества юридического лица имущество, которое находится в аренде, является предметом залога либо обременено иными правами третьих лиц. На наш взгляд, данное решение не может быть поддержано, так как такое размытое определение может привести к злоупотреблению отдельными лицами правами в ка-

кой-либо форме. Так, если учредителю юридического лица предоставлено право передавать в качестве вклада в уставной капитал обремененное залогом имущество, то в случае несостоятельности данного лица такое имущество подлежит распределению исключительно в пользу залогодержателя, и в это же время иные кредиторы данного лица могут полностью лишиться возможности получить даже часть причитающегося им имущества, так как абз. 2 ч. 2 ст. 64 рассматриваемой редакции ГК РФ установлено право преимущественного удовлетворения требований, обеспеченных залогом.

Действующая редакция ГК РФ выделяет в качестве признака юридического лица наличие баланса и (или) сметы. ФЗ № 99 отменил данный признак, исключив тем самым из ведения гражданского законодательства вопросы налогового права. На наш взгляд, такой подход должен получить всецелую поддержку, так как это позволит избежать множества проблем в правоприменительной практике, а также позволит налоговым органам более эффективно выявлять налоговые правонарушения в связи с отсутствием необходимости сравнения сметы и баланса и ускорит проведение проверки конкретных юридических лиц данными органами.

Внесенные изменения устранили неопределенность в наименовании лиц, участвующих в юридическом лице, приравняв тем самым учредителей данного лица как первых его создателей с участниками данного лица, которые приобрели обязательственные права в отношении данного лица после его регистрации. Данное положение, на наш взгляд, является положительным, так как лицо, получившее по каким-либо основаниям обязательственные права в отношении юридического лица, лишается возможности ссылаться на то, что оно не знало о каких-либо нарушениях при создании или деятельности данного лица, и должно отвечать по обязательствам данного лица наравне со всеми его учредителями в порядке, установленном законом.

ФЗ № 99 придал статус особого юридического лица Центральному банку РФ, указав, что его правовое положение определяется Конституцией РФ и принятым на ее основе федеральным законом. Указание в ГК РФ на особый статус ЦБ РФ является обоснованным, так как ЦБ РФ напрямую не участвует в гражданском обороте, однако в силу его особого положения регулятора финансовой стабильности рубля он может в меру своих полномочий значительно изменять экономическое поле России, тем самым оказывая влияние на большинство юридических лиц, зарегистрированных на территории РФ, при этом сама организационная структура ЦБ РФ полностью соответствует признакам юридического лица, хотя при этом он имеет все признаки государственного органа исполнительной власти РФ, что могло создавать определенные пробелы в правоприменительной практике РФ в области допустимости использования разъяснений ЦБ РФ при толковании того или иного нормативного акта.

Значительные изменения в свете принятия ФЗ № 99 претерпела правоспособность юридических лиц. Так, ч. 3 ст. 49 ГК РФ установлено, что «правоспособность юридического лица возникает в момент внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении». Изменение формулировки момента создания юридического лица с «в момент его создания» на «момент внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании» сняло множество правоприменительных, а также хозяйственных проблем, так как ранее существовало большое количество споров о моменте

создания юридического лица (а следовательно, и о моменте возникновения у него правоспособности), при этом не было единой практики не только в применении материального права, но даже в порядке обращения за судебной защитой (не было однозначных законодательных разъяснений о том, какому суду (общей юрисдикции или арбитражному) подсудно дело об оспаривании решения налоговых органов об отказе в государственной регистрации создания юридического лица). С момента внесения записи в единый государственный реестр юридических лиц у юридического лица возникает лишь общая (универсальная) правоспособность, однако для осуществления некоторых видов деятельности законом предусмотрена обязанность получения специального разрешения (лицензии), в связи с чем специальная правоспособность юридического лица, которое желает заниматься лицензируемыми видами деятельности, возникает лишь с момента получения соответствующей лицензии. ФЗ № 99 внес изменения в части приобретения юридическим лицом специальной правоспособности, а именно установил, что «в случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности только на основании <...> членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ». Схожее положение содержится во многих действующих законодательных актах [4], и научное сообщество неоднократно указывало на спорность положения об обязательном членстве в СРО либо получении от СРО свидетельства о допуске к определенному виду работ, так как в настоящий момент действует только один законодательный акт о порядке получения специальных разрешений, а именно ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [5]. Ч. 3 ст. 12 данного закона установлено, что «введение лицензирования иных видов деятельности возможно только путем внесения изменений в предусмотренный настоящим Федеральным законом перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии», однако законодатель, по существу, не желая по каким-либо причинам расширять указанный перечень, создает дополнительные барьеры для осуществления предпринимательской деятельности и пытается ввести дополнительные меры контроля за предпринимательской деятельностью путем введения обязательного членства в СРО и получения от саморегулируемой организации специального допуска. В данном случае внесенные изменения, на наш взгляд, не будут способствовать стабилизации экономической системы России, при этом может значительно возрасти уровень коррупции в сфере предпринимательской деятельности, повысятся цены на услуги, поставщики которых вынуждены тратить деньги на внесение членских взносов в СРО, а также за получение соответствующих свидетельств о допуске к определенным видам работ.

Еще одним изменением является дополнение ст. 49 ГК РФ частью 4, которая устанавливает, что «гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте (ст. 2) регулируются настоящим Кодексом. Особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах, определяются в соответствии с настоящим Кодексом, другими законами и иными правовыми актами». Введение данного положения, на наш взгляд, будет способствовать унификации правоприменительной практики, определяющей правоспособность юридического лица.

Существенные изменения были внесены ФЗ № 99 в по-

ложения об учредительных документах юридического лица. Данные изменения содержат как положительные, так и крайне отрицательные новшества. Так, ФЗ № 99 установил, что учредительным документом хозяйственных товариществ является учредительный договор, а для всех остальных юридических лиц — устав, при этом к учредительному договору полностью подлежат применению правила об уставе. С одной стороны, ФЗ № 99 снял неопределенность в правоприменительной практике о том, какой документ следует считать учредительным — устав или учредительный договор, в случаях когда в организации существовали оба документа, но, с другой стороны, не поддается объяснению, почему законодатель выделил учредительный договор для хозяйственных товариществ, а не оставил единственным учредительным документом устав, так как ст. 50.1. ГК РФ установлено, что любое юридическое лицо создается на основании решения его учредителей, что само по себе представляет форму договора, а ст. 52 ГК РФ установлено, что к учредительному договору применяются правила об уставе юридического лица. На наш взгляд, необходимость в разделении устава и учредительного договора полностью отсутствовала.

Однако наиболее спорным моментом ФЗ № 99 в части учредительных документов юридического лица является снятие обязанности указывать сведения о наименовании юридического лица, месте его нахождения, порядке управления деятельностью юридического лица при условии использования типовых уставов, утверждаемых уполномоченным органом. Данное законодательное ноу-хау, на наш взгляд, является непродуманным и подлежащим исключению из ГК РФ, так как оно лишает контрагентов юридического лица возможности достоверно установить правомочие руководителя постоянно действующего исполнительного органа юридического лица на совершение сделки, место нахождения данного контрагента, а также соответствие наименования данного лица, представленного контрагентом, сведениям, содержащимся в ЕГРЮЛ, иначе кроме как посредством запроса выписки из ЕГРЮЛ в налоговом органе. Данное положение может дестабилизировать экономическое положение субъектов малого предпринимательства, так как они не в состоянии заказывать выписки из ЕГРЮЛ на каждого своего контрагента в силу отсутствия не только физических ресурсов, но и недостаточности денежных средств для этого, так как за получение каждой выписки из ЕГРЮЛ в отношении стороннего юридического лица подлежит уплате государственная пошлина, которая в настоящий момент составляет не менее 200 рублей за каждый экземпляр выписки, а при необходимости срочного получения — 400 рублей. Помимо названных последствий на практике, однозначно, появится проблема надлежащего уведомления юридическим лицом контрагентов о юридически значимых событиях. Так как в уставе, представленном контрагентом при заключении сделки, не будет указан его юридический адрес, сообщения, отправленные по адресу, указанному данным лицом в договоре, могут быть признаны судом ненадлежащими, что может послужить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований и, как следствие, повлечь причинение значительных убытков для одной из сторон, а в случае признания надлежащими — для другой стороны. При этом остается вопрос: если контрагентом не были

предоставлены сведения о своем месте нахождения, то у его кредитора не остается иного выбора, кроме как оплачивать государственную пошлину и заказывать выписку из ЕГРЮЛ? Полагаем, что в данном случае законодатель рассчитывает на то, что юридические лица будут проводить более тщательную проверку контрагентов при заключении сделок, однако это значительно затруднит оперативную деятельность юридического лица по закупке различных расходных материалов, оргтехники и прочих оперативных вопросов, необходимых для обеспечения его нормальной деятельности. Возможно, законодатель рассчитывает на то, что контрагенты будут опираться на данные, полученные на официальном сайте налоговой службы РФ. Однако сведения, формируемые на данном сайте, не являются официальными сведениями, предоставляемыми государственными органами, и юридически не могут служить основанием для их использования контрагентами.

Думается, что сохранение данного положения в ГК РФ может привести к образованию иных негативных последствий для правоприменительной практики.

Еще одним нововведением ФЗ № 99 является предоставление права участникам юридического лица утверждать «регулирующие корпоративные отношения и не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние документы юридического лица». В данном случае законодатель хочет придать официальный статус различным инструкциям, издаваемым юридическим лицом, которые с 01.09.2014 года будут порождать различные правовые последствия для его работников и третьих лиц. В целом данное положение следует признать положительным, так как подавляющее большинство компаний в России издает различные внутренние документы, которые используются как его рядовыми работниками, так и контрагентами данного лица. Однако законодатель исключил обязанность юридического лица включать в учредительные документы сведения о филиалах и представительствах, которые отныне должны быть указаны только в ЕГРЮЛ, а не в учредительных документах юридического лица, при этом, исходя из формулировки ч. 3 ст. 55 ГК РФ, сведения о создании (закрытии) филиала (представительства) должны подаваться в орган регистрации в порядке уведомления, а не заявления.

Изменения, внесенные ФЗ № 99, на наш взгляд, не в полной мере являются конструктивными, носят глобальный характер. Пересмотру подверглись практически все положения о юридических лицах, при этом некоторые из них, например введение понятия аффилированности, предоставление законной возможности юридическому лицу издавать внутренние документы, являются положительными и свидетельствуют о совершенствовании концепции гражданского законодательства России, но большинство из них, такие как введение фактического лицензирования деятельности посредством обзывания лица вступать в СРО, исключение из учредительных документов указания на наименование и место нахождения лица, расширение круга имущества, которое может быть передано в качестве вклада в уставной капитал, и многое другое является неэффективным, может повлечь серьезные проблемы в правоприменительной практике, а также злоупотребление правами. Думается, что внесенные изменения имеют недоработанный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 года № 99-ФЗ //

Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 230.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014 года, с изм. от 23.06.2014 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014 года) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 230.

3. Гончаров А. И., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Модернизация законодательства о юридических лицах в контексте обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 214—220.

4. О кредитной кооперации: Федеральный закон от 18.07.2009 года № 190-ФЗ (ред. от 21.12.2013 года, с изм. от 28.06.2014 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014 года) // Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3627; Собрание законодательства РФ. 23.12.2013. № 51. Ст. 6683; Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 года № 190-ФЗ (ред. от 05.05.2014 года) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 2336; Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 года № 135-ФЗ (ред. от 12.03.2014 года) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3813; Собрание законодательства РФ. 17.03.2014. № 11. Ст. 1098; а также иные законные и подзаконные акты.

5. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 года № 99-ФЗ (ред. от 02.07.2013 года) // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. № 19. Ст. 2716; Собрание законодательства РФ. 08.07.2013. № 27. Ст. 3477.

REFERENCES

1. On incorporation of changes in chapter 4 of part one of the Civil code of the Russian Federation and on recognizing of some provisions of the legal enactments of the Russian Federation as invalid: Federal law dated 05.05.2014 № 99-FZ // Collection of the RF legislation. 12.05.2014. № 19. Article 230.

2. Civil code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 51-FZ (revision as of 05.05.2014, revised and amended on 23.06.2014) (revised and amended on 01.09.2014) // Collection of the RF legislation. 05.12.1994. № 32. Article 3301; Collection of the RF legislation. 12.05.2014. № 19. Article 230.

3. Goncharov A. I., Ryzhenkov A. Ya., Chernomorets A. E. Modernization of the legal entities legislation in the terms of providing for production safety of the Russian Federation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 214—220.

4. On credit cooperation: Federal law dated 18.07.2009 № 190-FZ (revision as of 21.12.2013, revised on 28.06.2014) (revised and amended on 01.07.2014) // Collection of the RF legislation. 20.07.2009. № 29. Article 3627; Collection of the RF legislation. 23.12.2013. № 51. Article 6683; Urban development code of the Russian Federation dated 29.12.2004 № 190-FZ (revision as of 05.05.2014) // Collection of the RF legislation. 03.01.2005. № 1 (part 1). Article 16; Collection of the RF legislation. 12.05.2014. № 19. Article 2336; On appraisal activity in the Russian Federation: Federal law dated 29.07.1998 № 135-FZ (revision as of 12.03.2014) // Collection of the RF legislation. 03.08.1998. № 31. Article 3813; Collection of the RF legislation. 17.03.2014. № 11. Article 1098; as well as other legal and by-law enactments.

5. On licensing of some types of activity: Federal law dated 04.05.2011 № 99-FZ (revision as of 02.07.2013) // Collection of the RF legislation. 09.05.2011. № 19. Article 2716; Collection of the RF legislation. 08.07.2013. № 27. Article 3477.

УДК 347.44:351.75

ББК 67.404.213:67.404.133

Sharonov Sergey Alexandrovich,
candidate of law, assistant professor
of the department of the civil law
of Volzhsky Humanitarian Institute (branch)
of Volgograd State University,
Volzhsky,
e-mail: Sharonov345@mail.ru

Шаронов Сергей Александрович,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Волжского гуманитарного института (филиала)
Волгоградского государственного университета,
г. Волжский,
e-mail: Sharonov345@mail.ru

СРЕДСТВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ, НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

MEANS OF LEGAL REGULATION OF SECURITY SERVICE: CONCEPT, NEED OF APPLICATION AND CLASSIFICATION

В статье обосновывается необходимость применения средств правового регулирования охранной деятельности. Сущность таких средств заключается в их влиянии на возникновение, изменение или прекращение отношений этого вида предпринимательской деятельности. На основании проведенного анализа дается классификация средств

по следующим элементам: нормативный правовой акт, правовой институт лицензирования, правовой институт надзора и контроля, в некоторых случаях административные и судебные акты, договор охраны.

Результатом исследования является авторский проект федерального закона «Об охранной деятельности в Российской Федерации».

ской Федерации», представляющий собой одно из средств правового регулирования рассматриваемого вида предпринимательства.

The article substantiates the necessity of application of the means of legal regulation of security activity. The essence of such tools consists in their influence on emergence, modification or termination of relations of this type of entrepreneurial activity. On the basis of the conducted analysis, the classification of means according to the following elements is provided: regulatory-legal enactment, legal institution of licensing, legal institution of supervision and control, and in some cases, administrative and judicial acts, and contract of protection.

The author's draft of the Federal law «On the security activity in the Russian Federation» results from the research, which represents one of the means of the legal regulation of the entrepreneurial activity under consideration.

Ключевые слова: средства правового регулирования, охранная деятельность, предпринимательская деятельность, частноправовые средства, публично-правовые средства, классификация, нормативный правовой акт, лицензирование, надзор и контроль, договор охраны.

Keywords: means of legal regulation, security activity, entrepreneurship, private-legal means, public-legal means, classification, regulatory-legal enactment, licensing, supervision and control, contract for protection.

Актуальность темы публикации связана с возросшей активностью охранной деятельности в решении социально-экономических задач государства [1, с. 263]. Проведенный анализ показывает, что юридическим фактом возникновения этого вида предпринимательства является договор охраны. Однако, будучи комплексной гражданско-правовой категорией, этот договор не только приводит к возникновению отношений, обусловленных охранной деятельностью, но и является их правовым регулятором [2, с. 269].

Вместе с тем современное состояние охранной деятельности нуждается в комплексном правовом регулировании, которое выходит за пределы действия договора охраны. В классическом цивилистическом понимании оно представляет собой имеющее результат «нормативно-организационное воздействие на общественные отношения», осуществляемое с целью их упорядочивания и развития в соответствии с потребностями гражданского оборота [3, с. 288—289].

Целью настоящей публикации является определение системы средств гражданско-правового регулирования охранной деятельности. Для достижения этой цели необходимо: 1) проанализировать опыт накопленных знаний в исследуемой сфере; 2) установить необходимость применения средств; 3) на основе проведенного анализа сформулировать понятие «средства правового регулирования охранной деятельности» и провести их классификацию; 4) внести предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Для решения поставленных задач воспользуемся методом сравнительно-правового анализа и определим содержание термина «правовые средства».

С этой целью обратимся к опыту полученных знаний в изучаемой сфере. При этом методологией изучения будет выступать анализ базовых цивилистических подходов, со-

временных доктринальных исследований, предметом которых в той или иной степени выступала интересующая нас категория.

В настоящее время понятие «правовые средства» носит дискуссионный характер. С одной стороны, это обусловлено его содержательной близостью с категорией «механизм правового регулирования», с другой стороны, стремительной динамикой общественных отношений, требующей выявления новых и совершенствования имеющихся правовых средств. Например, С.С. Алексеев полагает, что «механизм» может быть представлен «как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [4, с. 9].

Н.А. Баринин рассматривает правовые средства как «юридические возможности», находящиеся «в нормах права и его отдельных институтах» с целью обеспечения «условий для удовлетворения потребностей нормальной жизнедеятельности человека и организаций» [5, с. 19].

Цивилисты выделяют в правовых средствах частные и публичные начала, подчеркивая их целенаправленный характер, обусловленный соответствующей сферой применения. Например, В.Ф. Попондопуло в контексте воздействия публично-правовых средств на экономику государства в качестве таковых отмечает государственную регистрацию в сфере предпринимательства, регулирование государством цен на продукцию, работы, услуги и др. [6, с. 234].

Публично-правовые средства имеют и свои особенности, обусловленные характером действия и формой их оформления. Так, наибольшее распространение получило издание ненормативных (правоприменительных) актов и заключение «административных» договоров, которые приобретают ярко выраженную специфику. Однако, несмотря на свою внешнюю публично-правовую природу, эти средства все же имеют гражданско-правовые свойства. Например, К. Анненков отмечал, что «административное распоряжение» является «особым источником норм гражданского права», на издание которых уполномочены соответствующие государственные органы (например, министерства) [7, с. 57]. Применительно к отношениям охранной деятельности таким министерством может выступать МВД России, акты которого могут приводить к возникновению, изменению и (или) прекращению отношений охранной деятельности. Например, выдача охранной организации лицензии на выполнение охранных работ (услуг) является основанием для заключения соответствующего договора охраны и, как следствие этого, юридическим фактом возникновения охранной деятельности. В свою очередь, приостановление действия такой лицензии приводит к изменению и (или) прекращению отношений.

Для проведения дальнейшего исследования обратимся к доктринальным работам, выполненным в последние годы. Под ними понимаются докторские диссертации, выполненные средствами наук гражданского права.

Ю.Г. Лескова, исследуя институт «саморегулирования», отмечает, что взаимодействие публичных и частных интересов в этой сфере порождает взаимосвязь частноправовых и публично-правовых средств: функции контроля, корпоративные (локальные) акты, договор как средство регулирования предпринимательских отношений [8, с. 12—13, 44, 46—47].

Е.П. Губин считает, что «Программа» — это средство государственного регулирования, поскольку она представ-

ляет собой «плановый акт» [9, с. 12]. Это средство находит полноценное применение и в охранной деятельности. Например, обеспечение состояния защищенности жилых помещений содействует реализации Федеральной целевой программы «Жилище», а предпринимательский характер охранной деятельности способствует выполнению федеральных, региональных, муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства.

Среди других средств следует обратить внимание на «лицензию», которая представляет собой «средство государственного регулирования», закрепленного «в праве с помощью таких способов правового регулирования, как дозволения и позитивные обязывания» [Там же. С. 13].

Резюмируя сказанное об опыте накопленных знаний, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, под средствами правового регулирования понимаются не противоречащие закону возможности субъектов, использование которых позволяет им достигнуть соответствующих целей деятельности.

Во-вторых, правовые средства представляют собой своеобразную систему, элементами которой выступают реальные обстоятельства жизнедеятельности субъектов, приемы и методы деятельности, вещи, служащие достижению цели. Например, реальным обстоятельством для осуществления охранной деятельности является ее гражданско-правовое содержание, приемами и способами — осуществление охранных работ (услуг), а средствами-предметами — источники повышенной опасности (оружие, технические средства охраны и др.).

В-третьих, универсальным правовым средством является гражданско-правовой договор.

В-четвертых, выбор системы правовых средств обусловлен содержанием видов деятельности и достижением целей (благ), которые преследуют соответствующие субъекты. По своей сути средство (от слов «средний», «серединный») представляет «связующее звено между субъектом и объектом деятельности» [10, с. 6—15], необходимое для достижения цели и получения соответствующего материального результата деятельности.

В-пятых, использование правовых средств основано на синтезе их частноправового и публично-правового характера. При этом публичный характер обусловлен контролем государства за осуществлением предпринимательских видов деятельности, введением соответствующих разрешений (лицензий) на их осуществление и установлением запретов и ограничений. В этом случае формой государственных средств могут выступать нормативные правовые акты, а в контексте корпоративных отношений — санкционированные государством локальные акты.

На основании полученных результатов становится возможным установить необходимость применения средств правового регулирования охранной деятельности.

Правовые средства необходимы в охранной деятельности, поскольку они: 1) являются инструментом для практического осуществления охранной деятельности и достижения ее целей; 2) раскрывают функциональную сторону охранной деятельности; 3) усиливают правовое регулирование и устраняют препятствия в осуществлении рассматриваемого вида предпринимательства; 4) позволяют определить роль охранной деятельности в системе общественных отношений в целом и в предпринимательской деятельности в частности, а также выявить соотношение частноправовой сущности охранной деятельности

и публичных функций государства; 5) органически входят в гражданско-правовое содержание охранной деятельности; 6) позволяют дифференцированно и своевременно реагировать на происходящие в обществе и в охранной деятельности изменения с целью адекватного правового регулирования исследуемых отношений; 7) позволяют участникам охранной деятельности становиться участниками нормотворческого процесса в контексте локального и договорного регулирования.

На основании результатов проведенного анализа можно сформулировать понятие «средства правового регулирования охранной деятельности». Полагаем, что ввиду комплексного подхода к правовым средствам оно должно быть представлено в широком и узком смысле слова.

В широком смысле средства правового регулирования охранной деятельности — это система, представляющая собой совокупность правовых категорий.

Система средств правового регулирования охранной деятельности включает в себя три элемента: 1) юридические возможности и действия участников охранной деятельности; 2) вещи и иное имущество; 3) источники права и правовые институты.

Например, юридически значимые действия заказчика и исполнителя заключаются в оформлении и выполнении охранных работ (услуг), направленных на защиту объектов охраны от противоправных посягательств. К вещам и иному имуществу относятся предметы материального мира, необходимые для совершения определенных действий (оружие, технические средства охраны и др.). В свою очередь, источники права могут быть классифицированы как публично-правовые (лицензирование, контроль и др.), частноправовые (договор) и локальные (корпоративные). Как и источники права, правовые институты могут носить публично-правовой (запреты, ограничения и др.) и частноправовой характер (юридические лица, подряд, возмездное оказание услуг и др.).

Сформулированное понятие имеет теоретическое значение. Его сущность проявляется в том, что сама охранная деятельность является гражданско-правовым средством в достижении ее участниками целей, связанных с обеспечением состояния защищенности материальных и нематериальных благ и извлечением прибыли от выполнения охранных работ (услуг).

Однако в практике охранной деятельности средства ее правового регулирования должны иметь конкретные формы, а их применение должно влиять на динамику исследуемого вида предпринимательства. Заметим, что кратким содержанием средств в широком смысле является синтез «правовых возможностей» и «действий», а само правовое регулирование осуществляется с целью упорядочивания динамики отношений. Применительно к гражданскому праву в целом и к охранной деятельности в частности под термином «действия» следует понимать возникновение, изменение или прекращение соответствующих правоотношений.

С этой целью предлагается формулировка изучаемого понятия в узком смысле: «средства правового регулирования охранной деятельности в узком смысле — это санкционированная государством совокупность (система) правовых элементов, использование которых приводит к установлению, изменению или прекращению отношений охранной деятельности».

Система средств правового регулирования охранной

деятельности представляют собой совокупность следующих элементов: 1) нормативный правовой акт; 2) правовой институт лицензирования; 3) правовой институт надзора и контроля; 4) в некоторых случаях — административные и судебные акты; 5) договор охраны.

Применение именно этих элементов позволяет наиболее полно и эффективно реализовать цели участников охранной деятельности.

Резюмируя сказанное в публикации, можно сделать следующие выводы.

1. Доказано, что комплексное правовое регулирование охранной деятельности возможно только при использовании системы средств ее правового регулирования, необходимость применения которых обусловлена стремительным развитием этого вида предпринимательства.

2. Сформулированное в широком и узком смысле слова понятие «средства правового регулирования охранной дея-

тельности» обладает научной новизной, поскольку является: 1) комплексным, то есть воздействующим на все виды охранной деятельности и обусловленные ею отношения; 2) динамичным, так как позволяет регулировать отношения в контексте развития охранной деятельности; 3) практическим, то есть позволяющим участникам охранной деятельности регулировать соответствующие отношения в практике выполнения охранных работ (услуг).

3. Проведенная классификация позволяет участникам охранной деятельности выбрать те средства правового регулирования, которые наиболее эффективно содействуют достижению целей рассматриваемого вида предпринимательства.

Полагаем, что исследованные в статье средства правового регулирования должны найти применение в авторском проекте Федерального закона «Об охранной деятельности в Российской Федерации», который, в свою очередь, и сам выступает в качестве одного из таких средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шаронов С. А. Динамика договора охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 263—265.
2. Шаронов С. А. Юридическая обязанность охранной организации в контексте исполнения обязательств по договору охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 269—272.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
4. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
5. Баринов Н. А. Значение услуг как правовой категории // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспектива: сб. ст. по мат. всерос. науч.-практ. конф. (Волгоград, 29—30 ноября 2013 г.). Волгоград: ООО «Арт линия», 2013. С. 16—19.
6. Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. изд. / Санкт-Петербургский государственный университет. Юридический факультет. М.: Юристъ, 2003. 668 с.
7. Анненков К. Система русского гражданского права. Т. I. Введение и общая часть. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: тип. «М. М. Стасюлевича», 1899. 672 с.
8. Лескова Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 61 с.
9. Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 47 с.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 528 с.

REFERENCES

1. Sharonov S. A. Dynamics of the contract of protection // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 263—265.
2. Sharonov S. A. Legal obligation of the security agency in the context of performance of obligations under the contract of protection // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 269—272.
3. Alekseev S. S. General theory of law. In 2 volumes. V. I. M.: Legal literature, 1981. 361 p.
4. Alekseev S. S. General theory of law. In 2 volumes. V. II. M.: Legal literature, 1982. 360 p.
5. Barinov N. A. Value of services as legal category // Social and legal mechanisms of rendering public services: theory, practice, prospect: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference (Volgograd on November 29—30, 2013). Volgograd: Art line LLC, 2013. P. 16—19.
6. Popondopulo V. F. Commercial (entrepreneurship) law: textbook. / St. Petersburg State University. Department of law. M.: Urist, 2003. 668 p.
7. Annenkov K. System of the Russian civil law. V. 1. Introduction and general part. 2nd edition, revised and amended. SPb., printing house of M. M. Stasyulevich, 1899. 672 p.
8. Leskova Yu. G. Self-regulation as the legal way of arrangement of business relations: issues of theory and practice: abstract of the dissertation of the doctor of law. M., 2013. 61 p.
9. Gubin E. P. Legal problems of state regulation of the market economy and business: abstract of the dissertation of the doctor of law. M., 2005. 47 p.
10. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook. 4 edition, revised and amended. M.: Publishing house Delo of RANE and PA, 2011. 528 p.

12.00.06 ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

12.00.06 LAW OF NATURAL RESOURCES; AGRARIAN LAW; ECOLOGICAL LAW

УДК 349.6
ББК 67.407

Anisimov Aleksey Pavlovitch,
doctor of jurisprudence, professor,
professor of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
e-mail: anisimovap@mail.ru

Анисимов Алексей Павлович,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
e-mail: anisimovap@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL-LEGAL CULTURE IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье сформулировано современное понимание эколого-правовой культуры, а также исследованы меры экологического образования и просвещения, влияющие на ее развитие. Автор рассматривает существующие достижения в сфере формирования эколого-правовой культуры, анализирует практический опыт России и некоторых стран СНГ. Анализируется деятельность субъектов экологического просвещения, то есть лиц, могущих осуществлять просветительскую деятельность, для которой присущи эколого-нормативные черты (государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц, церковь, СМИ, коммерческие и некоммерческие организации граждан). Обращается внимание на недостаточные меры по экологическому просвещению населения от новейших угроз, связанных с появлением территорий экологического неблагополучия, а также потенциальной опасности нанотехнологий.

The modern understanding of ecologic-legal culture is formulated in the article, as well as the measures of ecological education and enlightenment influencing its development are investigated. The author examines the existing achievements in the area of formation of the ecologic-legal culture, analyzes practical experience of Russia and some CIS countries. Activity of the subjects of ecological education is analyzed, that is the persons able to carry out educational activity, for which the ecologic-regulatory features are inherent (the state represented by authorized authorities and officials, church, mass media, commercial and not-for-profit organizations of citizens). The attention is paid to insufficient measures of ecological education of population against the newest threats connected with emergence of the areas of ecological trouble, as well as potential danger of nanotechnologies.

Ключевые слова: экологическая культура, окружающая среда, экологическое образование, экологическое просвещение, информация, знания, природные объекты, природные комплексы, нанотехнологии, зоны экологического бедствия, заповедники.

Keywords: ecological culture, environment, ecological education, ecological enlightenment, information, knowledge,

natural objects, natural complexes, nanotechnologies, zones of ecological catastrophe, reserves.

Защита экологических прав и исполнение экологических обязанностей требуют высокого уровня эколого-правовой культуры граждан России. Однако в юридической науке до сих пор нет единого понимания данного термина.

В самом общем виде под экологической культурой как родовым понятием в российской науке понимается «неотъемлемая часть общечеловеческой культуры, включающая систему социальных отношений, моральных ценностей, норм и способов взаимодействия общества и окружающей природной среды, преемственно формируемая в общественном сознании и поведении людей на протяжении жизни и деятельности поколений непрерывным экологическим образованием и просвещением, способствующая здоровому образу жизни, духовному росту общества, устойчивому социально-экономическому развитию, экологической безопасности страны и каждого человека» [1].

В рамках данной общетеоретической категории можно выделить несколько составных элементов, главным из которых является категория «эколого-правовая культура». Под ней обычно понимается «такое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется соответствием любой экологически значимой деятельности правовым нормам» [2].

Другие авторы считают, что эколого-правовая культура — «это совокупность устойчивых убеждений, знаний и представлений населения об основных направлениях взаимодействия природы и общества, реализуемых в поощряемых государством и обществом формах экологически значимого поведения, ориентированных на сохранение и восстановление природных объектов и комплексов в интересах настоящего и будущего поколений людей» [3].

Не возражая против приведенных выше определений эколого-правовой культуры, замечу, что их авторы обращают внимание лишь на статические аспекты эколого-правовой культуры — соблюдение требований экологического законодательства как в ходе ведения хозяйственной или иной экологически опасной деятельности, так и в быту. Однако наряду с соблюдением экологических требований

гражданин, обладающий высоким уровнем эколого-правовой культуры, должен уметь использовать знания в области права для судебной или административной защиты окружающей среды или ее компонентов, а также индивидуальных и коллективных экологических интересов. И тогда это уже будет понимание эколого-правовой культуры в динамике.

Для формирования общей экологической культуры населения существует система всеобщего и комплексного экологического образования, которая включает в себя все ступени, начиная от дошкольного до вузовского образования, переподготовку и повышение квалификации специалистов, распространение экологических знаний через средства массовой информации, музеи, библиотеки, спортивные и туристические организации.

Первые представления детей о природе закладываются в семье и детском саду. Дошкольники получают конкретные представления о растениях и животных, учатся их распознавать и классифицировать, ведут наблюдения за погодой и т. д. В начальной школе (1—4-й классы) важнейшую роль в процессе экологического воспитания играет изучение учебного предмета «Окружающий мир». В основной школе (5—9-й классы), а также старшей школе (10—11-й классы) экологическое воспитание осуществляется в ходе преподавания таких учебных предметов, как химия, окружающий мир, природоведение, биология, основы безопасности жизнедеятельности, география и др.

Однако при всей важности этой стадии формирования экологических знаний следует с сожалением констатировать, что в российских школах совершенно не формируются знания, умения и навыки в сфере правовой защиты природы. Школьников не знакомят с международными документами в области охраны окружающей среды, судебной практикой Европейского суда по правам человека, равно как и с экологическим законодательством Российской Федерации и ее субъектов, практикой его применения.

Нет такой подготовки и в рамках большинства вузовских программ. В российских вузах (технических, сельскохозяйственных, педагогических и т. д.) студентам читается курс «Правоведение», в рамках которого предполагается формирование у них за несколько занятий представлений обо всех отраслях права. При этом преподаватель просто не вправе выйти за рамки учебной программы и государственного стандарта, уделив повышенное внимание вопросам правовых знаний в области охраны окружающей среды.

Несколько лучше обстоит дело в системе юридического образования. В России учебный предмет «Экологическое право» в обязательном порядке читается на бакалавриате, а кроме того, в ряде вузов страны созданы специализированные магистратуры по экологическому и природоресурсному праву (например, на юридическом факультете Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы). В отдельных вузах предпринимались попытки создания специализированных юридических клиник, в которых студенты под руководством преподавателей проводили бесплатное консультирование населения по вопросам охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Однако все эти направления развиваются совершенно бессистемно, без всякой поддержки со стороны государства, исключительно на энтузиазме преподавателей.

Такая ситуация вызвана тем, что в настоящий момент у руководства государства экологические проблемы (в том числе формирование эколого-правовой культуры) не являются приоритетными, а потому не существует ни финансирования та-

ких проектов, ни разработки нормативно-правовой базы либо хотя бы общей концепции развития экологической культуры населения.

Игнорирование значимости проблем формирования эколого-правовой культуры влечет и декларативность норм действующего законодательства в части повышения уровня образования должностных лиц. Согласно ст. 73 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года руководители организаций и специалисты, ответственные за принятие решений при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, должны иметь подготовку в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. Однако до сих остаются открытыми как минимум два вопроса: отсутствие четкого перечня категорий таких должностных лиц и направленность такой подготовки, поскольку экологические знания и учебные заведения, предоставляющие подобные образовательные услуги, не определены ни в экологическом законодательстве, ни в иных нормативно-правовых актах Российской Федерации. Из этого вытекает необходимость разработки Правительством России нормативного акта, где должны быть определены категории чиновников, которым требуется специальное эколого-правовое образование, а также уровень (степень) владения ими эколого-правовыми знаниями.

Наряду с экологическим образованием в формировании экологической правовой культуры большая роль принадлежит экологическому просвещению и воспитанию. Под экологическим воспитанием следует понимать не только формирование у человека экологических взглядов и экологического стиля мышления, но и целенаправленное формирование у людей юридических и нравственных позиций, научного понимания проблем экологии.

В свою очередь, экологическое просвещение — это распространение знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов в целях формирования экологической культуры населения. Значение эколого-правового просвещения состоит в непрерывном контакте с проблемами охраны природы посредством как повышения теоретической подготовки граждан, так и привлечения их к решению конкретных экологических проблем. Основной целью таких мероприятий является усвоение навыков к самостоятельному наблюдению, оценке и прогнозу возможных изменений в окружающей среде под воздействием хозяйственной и иной деятельности человека.

Субъектами экологического просвещения можно признать лиц, могущих осуществлять просветительскую деятельность, для которой присущи эколого-нормативные черты. В числе таких субъектов выступают государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц, церковь, СМИ, коммерческие и некоммерческие организации граждан, осуществляющие деятельность в сфере эколого-правового просвещения. Так, протестантские церкви активно сотрудничают с природоохранными организациями и образовательными учреждениями в защите природы и эколого-просветительской работе, поощряя личное участие своих членов в деле охраны природы. Верующим разрешается участвовать в судебных процессах и других акциях против нарушения природоохранного законодательства, используя исключительно ненасильственные методы отстаивания экологических прав. Церкви призывают к повышению юридической ответственности за вред, наносимый природе, выступают за объединение сил по защите

окружающей среды на базе широкого международного взаимодействия. В вопросах экологии церкви исходят из принципа единства и целостности сотворенного богом мира.

Приоритетная же задача природоохранного служения протестантских церквей состоит в изменении отношения людей к богу, природе и самим себе. Этому способствуют специальные занятия с детьми, подростками, молодежью (особенно в летних лагерях и походах), богослужения на лоне природы, миссионерская и пастырская проповеди, духовная литература. Важнейшую же роль в экологическом воспитании играет семья. Способствуя укреплению семей и распространению духовности, церкви вносят свой уникальный вклад в формирование экологической культуры жителей России [4].

Немаловажную роль в процессе экологического просвещения играют музеи и библиотеки. Научные библиотеки, библиотеки образовательных учреждений и общественных организаций, краеведческие музеи являются важными центрами распространения и пропаганды экологических знаний, комплектуют соответствующие фонды, целенаправленно проводят мероприятия по экологическому просвещению населения в соответствии с их профилем.

Процессы эколого-правового просвещения, воспитания и образования широко осуществляются в заповедниках, национальных и природных парках. Например, в государственном природном заповеднике «Оренбургский» такая деятельность осуществляется по следующим направлениям:

1) работа со СМИ, в том числе путем передачи журналистам сведений о деятельности заповедника, происходящих на его территории природных процессах, экологических конкурсах с выездом на территорию заповедника;

2) ведение рекламно-издательской деятельности в целях формирования положительного отношения населения к заповеднику. Данный вид деятельности осуществляется путем распространения плакатов, буклетов и т. д.;

3) создание кино- и видеопродукции позволяет вести работу с молодым поколением, проводить тематические занятия, знакомить их с красотой и богатством заповедной природы. На решение этой же задачи нацелены передвижные фотовыставки, размещаемые в школах, библиотеках и больницах;

4) весьма эффективной формой работы заповедника является проведение экскурсий, позволяющих гражданам непосредственно знакомиться с миром природы. Вместе с тем посещение территории заповедника строго регламентируется, а на посетителей возлагается обязанность соблюдать специальные правила поведения на такой особо охраняемой территории;

5) проведение экологических праздников и акций («Марш парков», «Покормите птиц зимой» и т. д.);

6) осуществление взаимодействия с образовательными учреждениями проявляется в совместном проведении занятий с участием учителей биологии и географии из сельских школ, близлежащих к заповеднику. Дополнительно учителям предоставляется методическая, научно-популярная литература, а также видеоматериалы. В течение года для школьников проводятся тематические занятия на темы: «Заповедник «Оренбургский», «Красная книга», «Животный и растительный мир заповедника», «Пожары в степи» и др. [5].

Аналогичные мероприятия проводятся в других странах СНГ. Например, в Республике Беларусь имеются уникальные музеи природы в Национальном парке «Беловежская пуща», в школе деревни Домжерицы Лепельского района Витебской области, где находится дирекция Березинского биосферного заповедника. Сам факт созерцания практически исчезнувшего

беловежского зубра оставляет незабываемые воспоминания у большинства людей и лучше всякой агитации стимулирует к соблюдению экологических требований в повседневной деятельности [6].

Огромная роль в решении задач экологического просвещения принадлежит органам местного самоуправления, что в ряде муниципальных образований стало сегодня реальностью. Так, в городе Бронницы Московской области рядом с озером Бельским действует детский экологический парк, регулярно проводятся дни защиты от экологической опасности. При проведении таких акций в муниципальных образованиях Московской области ликвидируются несанкционированные свалки, локальные загрязнения почв и вод. В этом направлении по Московской области наибольшая активность отмечается в Ступинском, Коломенском, Пушкинском, Балашихинском, Подольском, Одинцовском, Истринском, Мытищинском районах. Органы местного самоуправления организуют экологические выставки, на которых представляют перспективные экологические технологии и экспонаты [7].

Таким образом, в настоящий момент в России хорошо развито экологическое просвещение относительно охраны отдельных природных ресурсов: лесов от пожаров, водных объектов от загрязнения, животного мира посредством ведения Красных книг и т. д. Наряду с этим общественные экологические организации и органы публичной власти занимаются экологическим просвещением в границах особо охраняемых природных территорий (например, организовывая экскурсии по экологическим тропам в заповедниках).

Вместе с тем такой подход имеет два изъяна. Во-первых, граждане мало информированы о правовом статусе экологически неблагоприятных территорий, а также о существующих правовых мерах по защите своей жизни и здоровья от воздействия неблагоприятной окружающей среды в их границах. Следствием такого подхода является отсутствие позитивной динамики в улучшении состояния окружающей среды России в последние годы. Например, в 2012 и 2013 годах сохраняется количество городов (всего их 126) с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха, в которых проживает 53,3 млн человек. Численность населения, проживающего на территориях с неблагоприятной экологической ситуацией, подверженных негативному воздействию, связанному с прошлой хозяйственной и иной деятельностью, также не уменьшается и стабильно составляет 927,4 тыс. человек [8]. И это несмотря на решения Европейского суда по правам человека по жалобам ряда граждан России, в которых Правительству России было указано на недопустимость сохранения подобной угрозы их здоровью.

В деле Fadeyeva против России (Жалоба № 55723/00) заявитель утверждала, что проживание в санитарно-защитной зоне ОАО «Северсталь» в городе Череповце причинило существенный вред ее здоровью. Следовательно, в отношении нее имело место нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод по причине неисполнения государством своих обязанностей защиты ее частной жизни и ее жилища от серьезной экологической угрозы в результате хозяйственной деятельности металлургического предприятия «Северсталь». Постановлением Европейского суда по правам человека от 9 июня 2005 года был установлен факт нарушения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и на Российскую Федерацию была возложена обязанность выплатить заявителю в порядке возмещения морального вреда 6000 евро, а также возместить судебные расходы.

В деле Ledyayeva and others против России (Жалоба

№ 53157/99) жители города Череповца, проживающие около металлургического завода, утверждали, что из-за загрязнения окружающей среды нарушается их право на защиту частной жизни и неприкосновенность жилища.

Рассматривая данное заявление, Европейский суд по правам человека сослался на дело Фадеевой и пришел к аналогичным выводам, сочтя, что государство-ответчик не предприняло никаких шагов, чтобы реально защитить заявителей от загрязнения окружающей среды: не отселило их в безопасную зону, не предоставило компенсацию для возможности переселиться самостоятельно. Кроме того, власти в разумное время не реализовали эффективных программ по снижению выбросов. Европейский суд по правам человека счел, что ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод была нарушена, и присудил заявителям компенсацию морального вреда [9].

Подобную негативную динамику с ухудшением (либо отсутствием улучшений) состояния окружающей среды мы видим не только в России, но и в других странах бывшего СССР. Самый типичный пример — это ситуация, сложившаяся по поводу Аральского моря. Повсеместное расширение площадей под орошение в долинах рек Сырдарья и Амударья сопровождалось не только изъятием воды, нарушением гидрологического режима рек, засолением плодородных земель, но и внесением в окружающую среду громадного количества химических веществ. Усыхание Аральского моря вызвало ряд негативных последствий. Прежде всего исчезли дельтовые озера и тростниковые плавни, а иссушение территории привело к формированию громадных солончаковых пустошей, ставших поставщиками солей и пыли в атмосферу. Большая часть территории региона используется в качестве естественных кормовых угодий. Пастбища подвержены значительным нагрузкам и процессам антропогенного опустынивания, что приводит к их деградации, сведению растительного покрова, формированию перевиваемых песков [10].

В идеале данные проблемы должны решаться посредством проведения комплекса природоохранных и природовосстановительных мероприятий, а в случае критической ситуации — создания зон экологического бедствия. Однако в настоящий момент правовой статус таких зон нормативно не определен, а население не готово ставить вопрос об их создании.

Во-вторых, в ходе экологического просвещения в России чрезвычайно мало уделяется внимания разъяснению гражданам специфики охраны окружающей среды в отдельных сферах деятельности. Это направление появилось еще в прошлом веке, когда, например, авария на Чернобыльской АЭС высветила проблему охраны окружающей среды в энергетике, а последствия испытаний ядерного оружия на Семипалатинском

полигоне — охрану окружающей среды в сфере военно-оборонной деятельности.

В XXI веке уже появился ряд новых угроз, связанных с экологическим терроризмом, неконтролируемым развитием технологий производства продуктов питания с использованием генно-модифицированных организмов (ГМО) или последствиями нанотехнологий. В отношении последних стоит заметить, что наибольший интерес представляет использование нанотехнологий при производстве электронной техники, строительных материалов, пищевых продуктов, парфюмерно-косметической продукции, причем как при непосредственном их использовании и употреблении, так и при воздействии наночастиц и наноматериалов на окружающую среду в процессе производства. Проблема в том, что возможные биологические эффекты поступления наноматериалов в организм человека изучены недостаточно, хотя уже есть данные о том, что различные вещества при переводе их в форму наночастиц могут значительно изменять свои физико-химические свойства, что может негативно отразиться на здоровье человека в процессе их усвоения в организме.

Неисследованным является и вопрос о последствиях вступления наночастиц в реакции с другими веществами, а также экологические последствия такого совокупного эффекта. Особую тревогу ученых-биологов вызывает воздействие наночастиц на состояние объектов дикой природы — животных, растений и насекомых. Риск косвенного воздействия нанотехнологий на природу и здоровье человека заключается, например, в последствиях воздействия нанопестицидов и наноагрохимикатов на растения и домашних животных, а также человека, потребляющего соответствующую продукцию [11].

Между тем этим вопросам в ходе экологического просвещения уделяется мало внимания. Думается, что смещение акцента с экологической культуры на эколого-правовую культуру позволит придать общественному экологическому сознанию комплексный характер. Экологически мыслящий человек сможет учитывать взаимосвязь не только отдельно взятых явлений природы, но и всей сложной экологической системы в целом. Восприятие правовой составляющей природоохранных процессов позволит сформировать способность видеть как ближайшие, так и отдаленные последствия производимых в природе изменений [12]. При этом важную роль в решении данной проблемы представляет изучение и обмен опытом в сфере формирования экологического правосознания между представителями эколого-правовой науки различных стран, что позволит не только воспринять педагогические или законотворческие технологии, но и выявить влияние менталитета населения на восприятие эколого-правовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барулина А. В. Правовые и гуманитарные аспекты формирования экологического здоровья и экологической культуры // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 4. С. 213—215.
2. Буркин Д. О. Правовое образование в механизме формирования эколого-правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 33 с.
3. Фокин А. В. Экологические права и обязанности человека и гражданина (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 174 с.
4. Уральские Церкви Христа. Социальная позиция протестантских церквей России // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uralcoc.ru/library-articles-18.html#17> (дата обращения: 19.09.2014).
5. Государственный природный заповедник «Оренбургский» // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://orenzap.ru/ob-uchrezhdenii/ekologicheskoe-prosveshhenie.html> (дата обращения: 18.09.2014).
6. Вершок И. Л. Об экологическом правосознании // Государство и право. 2003. № 3. С. 42—49.
7. Акмалова А. А. Правовые основы деятельности муниципальных органов: учеб. пособие. М., 2000. 156 с.

8. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134296> (дата обращения: 18.09.2014).

9. Обзор решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за октябрь 2006 года (подготовлен юристами Центра содействия международной защите и Центра «Демос») // Справочная правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] (дата обращения: 16.09.2014).

10. Гибель Арала [Электронный ресурс]. URL: <http://animalworld.com.ua/news/Gibel-Arala> (дата обращения: 16.05.2014).

11. Анисимов А. П., Кодолова А. В. Охрана окружающей среды от негативного воздействия нанотехнологий: правовой аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4. С. 32—36.

12. Шеяфетдинова Н. А. Правосознание в механизме обеспечения экологической безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 17 с.

REFERENCES

1. Barulina A. V. Legal and humanitarian aspects of formation of ecological health and ecological culture // Bulletin of the Saratov State Academy of the Law. 2010. № 4. P. 213—215.

2. Burkin D. O. Legal education in the mechanism of formation of the ecologic-legal culture: abstract of the thesis of the candidate of jurisprudence. Krasnodar, 2014. 33 p.

3. Fokin A. V. Ecological rights and duties of the individual and citizen (theoretical-legal aspect): abstract of the thesis for the scientific degree of the candidate of jurisprudence. Volgograd, 2006. 174 p.

4. Ural Churches of Christ. Social position of the Protestant churches in Russia // Official site [Electronic resource]. URL: <http://www.uralcoc.ru/library-articles-18.html#17> (date of viewing: 19.09.2014).

5. National natural park Orenburg // Official site [Electronic resource]. URL: <http://orenzap.ru/ob-uchrezhdenii/ekologicheskoe-prosveshhenie.html> (date of viewing: 18.09.2014).

6. Vershok I. L. On the ecological legal awareness // State and law. 2003. № 3. P. 42—49.

7. Akmalova A. A. Legal bases of activity of municipal entities: textbook. M., 2000. 156 p.

8. Annual report on implementation and assessment of efficiency of the state program of the Russian Federation «Environment protection» // Official site of the Ministry of Natural Resources and Environmental Protection of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134296> (date of viewing: 18.09.2014).

9. Review of decisions of the European Court of Human Rights on the Russian complaints for October, 2006 (prepared by lawyers of the Center for assistance to the international protection and the Demos Center) // Reference legal system «Guarantor» [Electronic resource] (date of viewing: 16.09.2014).

10. The Aral Sea death [Electronic resource]. URL: <http://animalworld.com.ua/news/Gibel-Arala> (date of viewing: 16.05.2014).

11. Anisimov A. P., Kodolova A. V. Environment protection against negative impact of nanotechnologies: legal aspect // Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 4. P. 32—36.

12. Sheyafetdinova N. A. Legal awareness in the mechanism of ensuring ecological safety: abstract of the thesis for the degree of the candidate of law. M., 2003. 17 p.

УДК [338.48:502.4]:34

ББК [65.433:20.18]:67

Ryzenkov Anatoly Yakovlevich,

doctor of law, professor,
professor of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 4077778@list.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,

д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 4077778@list.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LEGAL REGULATION OF THE ECOLOGICAL TOURISM DEVELOPMENT IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье исследуется понятие экологического туризма, под которым предлагается понимать преимущественно эколого-предпринимательскую деятельность, направленную на ознакомление граждан с природными достопримечательностями в границах особо охраняемых природных территорий или вне таковых в целях реализации экономических, социальных, образовательных и иных общепольных

целей при участии местного населения и гарантиях прав коренных малочисленных народов. Выделено шесть признаков экологического туризма. Особое внимание уделено современным правовым проблемам, препятствующим развитию экотуризма. В их числе обращено внимание на отсутствие четко утвержденных границ многих категорий особо охраняемых природных территорий, на которых

осуществляется экотуризм, а также на слабую разработку нормативов предельно допустимой антропогенной нагрузки на природные объекты.

The article examines the concept of ecological tourism, which primarily meant the ecological-business activity aimed at people seeing the natural sights within the borders of the preserved natural areas and outside them for implementation of economic, social, educational and other publicly useful goals with participation of the local population and with the guarantees of the indigenous people rights. Six signs of ecological tourism were identified. The special attention was paid to the modern legal issues preventing development of ecological tourism. Lack of clearly identified borders of many categories of the specifically preserved natural areas was underlined, as well as poorly developed regulations of the maximum allowed anthropogenic load of the natural objects.

Ключевые слова: экологический туризм, органы местного самоуправления, туристическая инфраструктура, заповедники, экологическая культура, инвестор, туристический маршрут, рабочие места, экологические нормативы.

Keywords: ecological tourism, local self-government authorities, tourist infrastructure, reserves, ecological culture, investor, tourist route, workplaces, ecological standards.

В настоящий момент доля экологического туризма в общей структуре российского туристического рынка составляет около 1%. Серьезным ограничением для развития данного вида туризма является высокая чувствительность многих экосистем России к антропогенным воздействиям, а также слабое развитие туристической инфраструктуры и низкое качество оказываемых услуг. В случае устранения этих препятствий экологический туризм сможет обеспечить дополнительный туристический поток свыше 1,6 млн человек в год. В 2009 году Россию посетило 21,3 млн иностранных граждан, из которых около 15% прибыли с туристскими целями, тогда как, согласно прогнозу Всемирной туристской организации, Россия (при соответствующем уровне развития туристской инфраструктуры) способна принимать в год до 40 млн иностранных туристов. Потенциально к 2020 году Россия могла бы войти в десятку самых популярных стран, посещаемых туристами [1].

Необходимость разработки стратегии развития экологического туризма в России обуславливает интерес к выявлению понятия и признаков экологического туризма, а также его отличий от других видов туризма.

По одной из существующих научных версий, термин «экологический туризм» был предложен в 1980 году мексиканским экономистом Гектором Цебаллос-Ласкурейном (Ceballos Lascurain). В тот момент смысл данной разновидности туризма сводился к щадящему отношению к местным объектам флоры и фауны, а также неживой природы. По другой версии, впервые рассматриваемый термин был использован Миллером в 1978 году для обозначения одного из вариантов устойчивого развития туризма. Непосредственно в России термин «экологический туризм» стал использоваться в научной доктрине, а потом и в законодательстве начиная с середины 80-х годов XX века, когда специалистами бюро международного молодежного туризма «Спутник» Иркутского обкома ВЛКСМ был разработан и внедрен ряд туристических маршрутов (например, эколо-

гический тур по долине реки Голоустной). Именно тогда эти маршруты впервые в СССР были официально названы маршрутами экологического туризма и вошли в каталоги бюро «Спутник». Соответственно под словосочетанием «экологический туризм» тогда подразумевались маршруты, оборудованные таким образом, чтобы присутствие туристов минимально отражалось на природной среде, а сами они бы не только отдыхали, но и знакомились с экологическими проблемами Байкала [2].

Последующий этап развития страны не дал однозначной доктринальной или нормативной формулировки экологического туризма. Между тем точное понимание данного термина если не на международном, то хотя бы на национальном уровне позволяет подготовить территорию и транспорт к массовым перевозкам, спрогнозировать ситуацию с занятостью населения и доходностью бизнеса. Все это требует специфического комплекса мер по планированию развития регионов и муниципалитетов, в том числе на уровне документов территориального планирования (например, разработка возможных вариантов развития территорий для экологического туризма посредством планирования создания особо охраняемых природных территорий местного значения в генеральных планах городских округов или поселений). Это позволит осуществить прокладку туристических маршрутов, постройку объектов инфраструктуры и определить информационную стратегию властей.

Несмотря на отсутствие однозначности в терминологии, различные ученые и международные экологические организации предлагают ряд определений. Например, Международный Союз охраны природы определяет экологический туризм как путешествие с ответственностью перед окружающей средой по отношению к ненарушенным природным территориям с целью изучения и наслаждения природой и культурными достопримечательностями, которое содействует охране природы, оказывает мягкое воздействие на окружающую среду, обеспечивает активное социально-экономическое участие местных жителей и получение ими преимуществ от этой деятельности [3].

Всемирный фонд дикой природы понимает под экотуризмом туризм, включающий путешествия в места с относительно нетронутой природой с целью получить представление о природных и культурно-этнографических особенностях данной местности, который не нарушает при этом целостности экосистем и создает такие экономические условия, при которых охрана природы и природных ресурсов становится выгодной для местного населения [4].

При сравнении этих определений можно обнаружить три ключевые особенности экологического туризма: наличие нетронутых экологических систем; тесная связь природных объектов с культурной и этнографической средой местности; получение местным сообществом выгоды от развития экологического туризма. Наличие этих факторов в концепции экологического туризма не вызывает сомнений, однако кроме желания местных жителей принимать туристов необходима еще и туристская инфраструктура, которую местные жители, скорее всего, не смогут создать самостоятельно. В свою очередь, это требует создания государством условий для развития экологического предпринимательства и выдачи местным жителям необходимых субсидий.

Аналогичные недостатки можно обнаружить и при обращении к российским доктринальным определениям экологического туризма.

Н. И. Миронова считает экотуризмом «посещение уникальных природных территорий, мало затронутых хозяйственной деятельностью, сохранивших традиционный уклад жизни местного населения; это повышение уровня экологической культуры всех участников туристского процесса и повышение жизненного уровня местного населения, соблюдение природоохранных норм и технологий при выполнении экологических туров и программ» [5].

С. В. Злобин полагает, что экотуризм — это «разновидность предпринимательской деятельности, связанной с организацией туристических маршрутов, ориентированных на познание и сохранение окружающей среды» [6, с. 147].

При всех преимуществах обеих формулировок вторая из них носит исключительно экономический характер, а основной акцент первой сделан на вопросах законности и экологической культуры. Между тем экологический туризм — это сложное и комплексное явление, имеющее как экономическую, так и важную социальную, культурную и образовательную ценность.

Попробуем сформулировать признаки экологического туризма:

1. Нормы права об экологическом туризме занимают двойственное положение в системе экологического права, поскольку он является как видом экологического предпринимательства, так и способом экологического просвещения. Это налагает свою специфику на его правовое регулирование.

2. Экологический туризм выполняет ряд важных социальных функций, связанных с поддержкой жизнедеятельности местного населения, нередко проживающего на депрессивных территориях. При реализации программ экологического туризма достигается не только коммерческий или образовательный, но и социальный эффект, особенно важный, когда речь идет об общинах коренных и малочисленных народов, права которых требуют защиты.

Социальная функция экотуризма заключается в создании новых рабочих мест для местного населения, стимулировании традиционных форм природопользования; производстве экологически чистых продуктов питания; увеличении инвестиций как в инфраструктуру и сервис, так и в охрану природы; росте благосостояния местного населения и развитии специального образования, направленного на приобретение туристических и природоохранных профессий; развитии ремесел и местного самоуправления и т. д. [7, с. 44].

3. Развитие экологического туризма является стимулом к соблюдению норм экологического законодательства для жителей населенных пунктов, задействованных в программах экологического туризма. На наш взгляд, охрана природы наиболее эффективна не посредством установления запретов и наказаний, а посредством создания эффективной экономической системы, направленной на обеспечение устойчивого развития не отдельных земельных участков, а больших территорий. В этом случае решаются не только экологические задачи (местные жители не устраивают свалок мусора на туристических маршрутах, не сливают ядовитые вещества в реки и т. д.), но и экономические. Последнее важно потому, что многие экологические правонарушения происходят от бедности (граждане не покупают мусорные контейнеры и не оплачивают вывоз мусора не потому, что им не жалко природу, а в силу нехватки денежных средств, поэтому в России многие овраги в сельской местности — это одна большая свалка). Если же охранять природу становится выгодно всем (поскольку в районах

массового экологического туризма большинство местных жителей участвует в торговле, питании, гостиничном бизнесе и т. д.), то загрязнений земель и иных природных объектов будет меньше. Это невыгодно, иначе экологические туристы больше не приедут.

4. Экологический туризм — это совершенно не обязательно предпринимательская деятельность, осуществляемая туристическими фирмами или иными специализированными предпринимательскими структурами. Любая поездка граждан на автомобиле за город для знакомства с природными достопримечательностями уже есть экологический туризм и природопользование. Другое дело, что, реализуя в такой форме свое право на благоприятную окружающую среду, граждане не вступают в правовые отношения с органами власти, бизнесменами или другими гражданами, а следовательно, такая деятельность не требует какой-либо особой правовой регламентации.

5. Экологический туризм может осуществляться, во-первых, в границах особо охраняемых природных территорий (национальные парки, заповедники, ботанические сады и т. д.); во-вторых, на землях, не находящихся под режимом особой охраны; в-третьих, при скоплении туристических объектов на одной территории (или необходимости строительства на ней туристической инфраструктуры) там могут создаваться особые экономические зоны. Во всех трех случаях экологический туризм может осуществляться как в естественных (нетронутых), так и в модифицированных (культурных) ландшафтах.

6. Экологический туризм должен осуществляться на территориях, располагающих уникальными природными ландшафтами, но никак не на землях, зараженных опасными веществами. Речь в данном случае идет о существовавших в 2011 году (хотя и не массовых) туристических маршрутах в зону Чернобыльской АЭС, в «мертвый город» Припять, где время остановилось в апреле 1986 года. Организаторы уверяли, что такое путешествие не причинит вреда здоровью туристов [8]. Но это, скорее, антиэкологический туризм. Отсюда следует, что важным признаком экологического туризма является его легальный характер, то есть нахождение граждан на определенной территории с разрешенным доступом. В этом смысле не будет легальным и экологический туризм, осуществляемый в национальном парке, но за границами разрешенной зоны туристического обслуживания посетителей.

Таким образом, экологический туризм — это преимущественно эколого-предпринимательская деятельность, направленная на ознакомление граждан с природными достопримечательностями в границах особо охраняемых природных территорий или вне таковых в целях реализации экономических, социальных, образовательных и иных общепользовательских целей при участии местного населения и гарантии прав коренных малочисленных народов.

Следует особо подчеркнуть важность в таком определении образовательных целей, поскольку многие ученые с сожалением отмечают упущение образования из определений экологического туризма. Такое упущение показывает отсутствие приоритета образования не только в теории, но и в практике осуществления стабильного экологического туризма [9, с. 88].

Наряду с этим наше определение, которое мы предложили бы принять за основу при разработке национальных законодательных актов о регулировании и поддержке экологического туризма, сможет способствовать и более

четкому территориальному социально-экономическому и градостроительному планированию развития территорий регионов и муниципалитетов.

В настоящий момент в России не существует сколько-нибудь законченной классификации видов туризма. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 года (в редакции от 3 мая 2012 года) упоминает внутренний, въездной и выездной туризм, а также международный, социальный и самодельный туризм.

В Концепции Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2016 годы)» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 июля 2010 года № 1230-р) упоминаются въездной и внутренний туризм, а также пляжный туризм, культурно-познавательный туризм, деловой туризм, активный туризм (горнолыжный, пешеходный, водный, горный, велотуризм, парусный, конный), оздоровительный туризм, экологический, сельский и круизный туризм.

В других подзаконных актах, посвященных развитию отдельных регионов, видов туризма меньше. Так, Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства России от 6 октября 2011 года № 1757-р) отмечает, что в Ямало-Ненецком автономном округе имеются хорошие предпосылки для развития спортивного, охотничьего и рыболовного, водного, историко-познавательного, этнографического и экологического туризма. Отдельно выделяется событийный туризм, который должен развиваться за счет реализации региональной целевой программы «Дед Мороз Ямала».

Несмотря на обилие видов туризма, нет единого мнения (ни в доктрине, ни в законодательстве) относительно соотношения этих видов туризма между собой. Например, М. Н. Андрейко считает, что «экотуризм — понятие, включающее в себя этнографический и агротуризм» [10, с. 79]. Не видят разницы между экологическим и аграрным туризмом и коллеги из Беларуси [11]. В Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий (утверждена распоряжением Правительства России от 22 декабря 2011 года № 2322-р) отмечается, что «познавательный туризм является одним из специализированных видов экологического туризма, основной целью которого является ознакомление с природными и культурными достопримечательностями».

К этому следует добавить, что в научной доктрине детально не исследованы не только отличия одного вида туризма от другого (например, неясно, чем отличается водный туризм от экологического или экологический туризм от сельского), но и правовые последствия таких отличий.

Из этого следует, что существующая в России оживленная дискуссия о видах туризма и соотношении экологического туризма с теми или иными элементами классификаций туризма носит пока скорее доктринальный (познавательный), чем практический характер. Прикладное ее значение заключается в определении видов туристической деятельности, имеющих право на меры государственной поддержки (например, субсидии малому бизнесу). Однако здесь следует иметь в виду, что экологический туризм может быть идентифицирован лишь по заявляемой цели и мотивации туриста — знакомство с уникальными природными ландшафтами.

Вместе с тем данная цель довольно условна, поскольку между различными видами туризма трудно провести четкую грань (да и у самого туриста может быть несколько целей), поэтому здесь можно вести речь лишь о приоритетной цели деятельности туриста и экологических предпринимателей, позволяющей последним претендовать на государственную поддержку.

Каковы же проблемы, препятствующие развитию экологического туризма в России? Выделим лишь некоторые из них.

В настоящий момент можно говорить как минимум о четырех блоках проблем, препятствующих эффективно-му развитию туристической деятельности: во-первых, это экономический кризис, обуславливающий недостаточное развитие экологического предпринимательства и его слабую государственную поддержку путем выдачи субсидий и кредитов; во-вторых, это организационно-технические проблемы, связанные со слабым развитием туристической инфраструктуры, недостатками в подготовке кадров, трудностями получения визы иностранными туристами, неэффективной борьбой с преступностью и т. д. Эти проблемы бизнес и местное население не в состоянии решить самостоятельно. В-третьих, есть ряд проблем в сфере развития экологической культуры населения и туристов, участвующих в экологических турах. В-четвертых, существует ряд правовых проблем, связанных с недостатками действующего законодательства, наличием в нем пробелов и коллизий.

Ввиду ограниченности объема данной статьи сконцентрируем свое внимание лишь на нескольких правовых проблемах развития экотуризма.

1. Экологический туризм в России осуществляется на всех категориях ООПТ. При этом на одних ООПТ он выглядит логично и обоснованно (например, в специальных зонах национальных парков или в ботанических садах), на других ООПТ его осуществление не является приоритетным, но все равно допустимо (в границах памятников природы), а вот в границах третьей разновидности ООПТ осуществление экологического туризма должно являться недопустимым. Речь в последнем случае идет о заповедниках.

Суть проблемы заключается в том, что согласно классической концепции заповедования, в течение многих десятилетий разрабатываемой в СССР и России, смысл создания заповедника заключается в исключении уникальных природных комплексов из любого хозяйственного использования в целях его сохранения в естественном виде и проведения научных исследований (см., например, [12]). Несколько лет назад в законодательную формулировку о задачах заповедников были внесены изменения, указавшие вместо задачи «экологическое просвещение» задачу «экологическое просвещение и развитие познавательного туризма».

Между тем осуществление туристической деятельности в заповедниках (а тем более строительство в заповедниках объектов недвижимости для туристической инфраструктуры, что теперь тоже разрешено) влечет большую угрозу сохранению уникальных природных комплексов и объектов. В рамках российской модели и традиций заповедного дела это совершенно неприемлемо. Вместе с тем жизнь не стоит на месте, и может возникнуть необходимость осуществления той или иной деятельности в заповеднике. Для этого должна быть создана четкая процедура изменения границ заповедника либо изменения его эколого-правового статуса (например, реорганизация заповедника в национальный парк). Однако законодательство и практика пошли, к сожа-

лению, другим путем. Между тем предлагаемый выше механизм куда в большей степени отвечал бы целям и задачам охраны природы.

2. Экологический туризм, как и любая иная деятельность, связанная с потреблением природных богатств, не может осуществляться произвольно и в любых количествах. В России и многих других странах бывшего СССР такие пределы воздействия на природу определяются посредством экологического нормирования. При этом если нормативы предельно допустимых выбросов и сбросов вредных веществ в атмосферу или воду давно и достаточно подробно разработаны и используются на практике, то с нормативами предельных рекреационных нагрузок на экологические системы дело обстоит хуже.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года предусмотрены нормативы предельно допустимой антропогенной нагрузки на природные объекты (ст. 27), которые должны определять степень антропогенного воздействия (с учетом действия природных факторов) на природные объекты, при превышении которой происходят нарушения устойчивого состояния экосистемы, ее естественного развития и ухудшение условий использования природных объектов. Данный норматив должен определять уровень возможного негативного воздействия на окружающую среду на определенной территории еще на стадии планирования определенных видов деятельности (размещение объектов промышленности, энергетики, транспорта, строительства туристических объектов и т. д.) с учетом каждого вида антропогенных воздействий и их совокупности. Из этого следует, что деятельность по разработке документов территориального планирования федерального, регионального и муниципального уровня должна осуществляться с учетом данных нормативов, отсутствующих на практике. Это затрудняет расчет антропогенного воздействия на окружающую среду при планировании долгосрочного социально-экономического развития страны [13, с. 190].

На сегодняшний день нормативы допустимой антропогенной нагрузки установлены только для уникальной экологической системы озера Байкал [14]. Например, в 500-метровой прибрежной полосе измененные в результате рекреационной деятельности локальные экосистемы (места

размещения рекреационных комплексов, временных стоянок, туристских троп) должны затрагивать не более 1% территории естественных экосистем на западном и 2% — на юго-восточном побережье озера Байкал. При всех плюсах этого решения стоит заметить, что система ООПТ России озером Байкал не исчерпывается.

Фактически в настоящий момент не существует нормативного акта, содержащего базовую методику расчета антропогенной нагрузки на уникальные природные комплексы и территории. Между тем есть интересные разработки специалистов в России и США, в том числе опробованные на практике. Так, еще в 1973 году сотрудником Тебердинского заповедника Павлом Александровичем Утяковым было посчитано, что заповедник может безболезненно для экосистемы пропустить 400—500 тыс. человек в год. Если бы данные расчеты вошли в нормативный акт, то такой расчет пропускной способности позволил бы эффективно планировать и контролировать состояние охраняемой территории заповедника в долгосрочной перспективе [15].

В 2008 году в российском национальном парке «Самарская Лука» для туристов закрыли ряд маршрутов и участков, где была вытоптана ценная растительность. В США известен случай, когда Земельная комиссия штата Колорадо добилась, чтобы местные власти отменили свой план по созданию рекреационной зоны у озера Катамаунт. Предполагаемая зона отдыха была известна богатством обитаемой там дичи, и наплыв отдыхающих, естественно, должен был ликвидировать этот оазис живой природы [16].

Из этого следует, что для эффективного использования рекреационного потенциала особо охраняемых природных территорий и развития на них экологического туризма необходима разработка методики соотношения количества посещений ООПТ туристами и их рекреационной емкости. При этом расчет рекреационной емкости территории следует проводить не только для ООПТ, но и для иных уникальных экологических систем (водных, степных и т. д.). Это и будет реализацией предусмотренных законом нормативов предельной допустимой антропогенной нагрузки на природные объекты. Разработка и внедрение данных нормативов позволит как обеспечить сохранение экологических систем, так и развить объекты туристской инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2016 годы)» (Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 июля 2010 года № 1230-р) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 4146.
2. Есина Е. А., Осадчий С. С. Некоторые аспекты правовых основ эколого-туристической деятельности государственных природных заповедников и особо охраняемых природных территорий Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6 (приложение «Юридические науки») [Электронный ресурс]. URL: <http://online.rae.ru/828> (дата обращения: 30.08.2014).
3. Международный Союз охраны природы: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iucn.ru/> (дата обращения: 30.08.2014).
4. Всемирный фонд дикой природы: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wwf.ru/> (дата обращения: 30.08.2014).
5. Миронова Н. И. Развитие экологического туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 115—129.
6. Злобин С. В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 199 с.
7. Экологический туризм на пути в Россию. Принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт. Тула: Гриф и К., 2002. 284 с.
8. На Украине легализовали черныбыльский туризм [Электронный ресурс]. URL: <http://news.rambler.ru/9116671/> (дата обращения: 27.08.2014).

9. Tinelle D. Bustam, Natalia Buta and Taylor V. Stein The role of certification in international ecotourism operators' internet promotion of education // *Journal of Ecotourism*. 2012. Vol. 11. № 2. P. 85—101.
10. Андрейко М. Н. Рекомендации по улучшению нормативно-правовой базы развития экологического туризма // Актуальные проблемы защиты социально-экономических прав человека в России, СНГ и странах Европейского Союза: мат. междунар. науч. конф., Волгоград, 6—7 июня 2014 года. Т. 2. Волгоград, 2014. С. 77—81.
11. Шундалова Л., Пахоменко Е. Агрэкотуризм в Беларуси: юридические аспекты деятельности // *Агрэкотуризм: первые шаги*. Справочные материалы. Могилев, 2013. С. 11—18.
12. Демина С. А. Правовые формы заповедной охраны природы в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 171 с.
13. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» (постатейный) / Под ред. д-ра юрид. наук А. П. Анисимова. М.: Деловой двор, 2010. 600 с.
14. Об утверждении нормативов предельно допустимых воздействий на уникальную экологическую систему озера Байкал и перечня вредных веществ, в том числе веществ, относящихся к категориям особо опасных, высокоопасных, опасных и умеренно опасных для уникальной экологической системы озера Байкал: Приказ Минприроды РФ от 5 марта 2010 года № 63 (Зарегистрировано в Минюсте России 7 июня 2010 года № 17490) // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2010. № 26. С. 64—72.
15. Крюкова О. В., Печорина О. К. Развитие экологического туризма на особо охраняемых природных территориях России // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/116-12029> (дата обращения: 30.08.2014).
16. Евсегнеева Т. В. Эколого-правовые вопросы дисциплины туристов // *Экологическое право*. 2011. № 1. С. 13—16.

REFERENCES

1. The concept of the federal target program «Development of internal and entrance tourism in the Russian Federation (2011—2016)» (approved by the order of the Government of the Russian Federation of July 19, 2010 № 1230-r) // *Collection of the legislation of the Russian Federation*. 2010. № 30. Article 4146.
2. Yesina E. A., Osadchy S. S. Some aspects of the legal bases of ecological tourist activity of the national natural parks and specifically protected natural territories of the Russian Federation // *Modern problems of science and education*. 2011. № 6 (Appendix Legal sciences) [Electronic resource]. URL: <http://online.rae.ru/828> (date of viewing: 30.08.2014).
3. International Union of nature conservation. Official site [Electronic resource]. URL: <http://www.iucn.ru/> (date of viewing: 30.08.2014).
4. World fund of the wild nature. Official site [Electronic resource]. URL: <http://www.wwf.ru/> (date of viewing: 30.08.2014).
5. Mironova N. I. Development of ecological tourism in Russia // *Service in Russia and abroad*. 2009. № 4. P. 115—129.
6. Zlobin S. V. Legal regulation of ecological business in the Russian Federation: thesis of the candidate of law. Volgograd, 2011. 199 p.
7. Ecological tourism on the way to Russia. Principles, recommendations, Russian and foreign experience. Tula: Grif and Co., 2002. 284 p.
8. Chernobyl tourism is legalized in Ukraine [Electronic resource]. URL: <http://news.rambler.ru/9116671/> (date of viewing: 27.08.2014).
9. Tinelle D. Bustam, Natalia Buta and Taylor V. Stein The role of certification in international ecotourism operators' internet promotion of education // *Journal of Ecotourism*. 2012. Vol. 11. № 2. P. 85—101.
10. Andreyko M. N. Recommendations for improving the regulatory-legal basis of development of ecological tourism // *Actual problems of protection of social and economic human rights in Russia, the CIS and the countries of the European Union: materials of the international scientific conference, Volgograd, June 6—7, 2014*. Vol. 2. Volgograd, 2014. P. 77—81.
11. Shundalova L., Pakhomenko E. Agro-ecotourism in Belarus: legal aspects of activity // *Agroecotourism: first steps*. Reference materials. Mogilyov, 2013. P. 11—18.
12. Dyomina S. A. Legal forms of reserved nature conservation in the USSR: Thesis of the candidate of law. M., 1980. 171 p.
13. The scientific and practical comment to the Federal law «On environment protection» (itemized) / Under the editorship of the doctor of law A. P. Anisimov. M.: Business yard, 2010. 600 p.
14. On the approval of standards of the maximum allowed impacts on the unique ecological system of the Lake Baikal and the list of harmful substances, including the substances relating to the categories of especially dangerous, highly hazardous, dangerous and moderately dangerous to the unique ecological system of the Lake Baikal: the order of the Ministry of the Environment and Natural Resources Protection of the Russian Federation of March 5, 2010 № 63 (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on June 7, 2010, № 17490) // *Bulletin of regulations of the federal executive authorities*. 2010. № 26. P. 64—72.
15. Kryukova O. V., Pechorina O. K. Development of ecological tourism in specifically protected natural territories of Russia // *Modern problems of science and education*. 2014. № 2 [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/116-12029> (date of viewing: 30.08.2014).
16. Evsegneeveva T. V. Ecological-legal issues of the discipline of tourists // *Ecological law*. 2011. № 1. P. 13—16.

12.00.08 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

12.00.08 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

УДК 343.24
ББК 67.408.022

Bohanov Alexander Vladislavovich,
post-graduate student
of the department of criminal law and process
of Astrakhan State Technical University,
Astrakhan,
e-mail: bohanov19@mail.ru

Боханов Александр Владиславович,
аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса
Астраханского государственного
технического университета,
г. Астрахань,
e-mail: bohanov19@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК ОДНОГО ИЗ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ

PROBLEMS OF EXECUTION OF COMPULSORY LABOR AS ONE OF THE ALTERNATIVES TO IMPRISONMENT

Статья посвящена рассмотрению проблем исполнения нового вида уголовного наказания — принудительных работ. Автором исследуются различные мнения правоведов, занимающихся изучением данного института. При этом среди исследователей нет единого мнения относительно применения принудительных работ. В статье анализируются нормы УК РФ и УИК РФ о принудительных работах, выявляются пробелы в уголовном законодательстве и практике его применения, рассматривается вопрос о целесообразности функционирования исправительных центров для отбывания принудительных работ. На основе проведенного исследования автор делает выводы и формулирует конкретные предложения, направленные на совершенствование института принудительных работ.

The article examines the problems of execution of the new form of criminal punishment — compulsory labor. The author investigates different views of the legal professionals involved in the study of this institution. However, there is no consensus regarding the use of compulsory labor among researchers. The article analyzes the provisions of the Criminal code and the Penal Execution code of the RF regarding compulsory labor; the gaps in the criminal legislation and its practical execution are identified; the expediency of correctional centers operation for serving compulsory labor is studied. Based on the conducted research, the author makes conclusions and formulates specific proposals aimed at improving the institution of compulsory labor.

Ключевые слова: уголовное наказание, принудительные работы, лишение свободы, ограничение свободы, назначение уголовного наказания, отбывание уголовного наказания, исправительный центр, исполнение принудительных работ, пробелы уголовного законодательства, условное осуждение.

Keywords: criminal punishment, compulsory labor, imprisonment, restriction of freedom, imposition of criminal punishment, serving criminal punishment, correctional centre, implementation of compulsory labor, gaps in the criminal law, probation.

Федеральным законом от 07.12.2011 года № 420-ФЗ (ред. от 30.12.2012 года) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] в Уголовный кодекс Российской Федерации [2] (далее УК РФ) была включена ст. 53.1, в которой законодатель предусмотрел новый вид уголовного наказания — принудительные работы. Согласно названному закону положения ст. 53.1 УК РФ должны вступить в силу 01.01.2017 года.

По замыслу законодателя, принудительные работы должны применяться как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые. При этом, если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами (ч. 2 ст. 53.1 УК РФ).

Согласно ч. 3 и 5 ст. 53.1 УК РФ рассматриваемый вид уголовного наказания заключается в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. При этом из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы, в размере, установленном приговором суда, но в пределах от 5 до 20%.

В специальной литературе отмечается значительное количество проблем, связанных с природой исполнения этого уголовного наказания. В частности, указывается на соединение в нем разных уголовно-правовых институтов, а именно: сближение принудительных работ с исправительными работами — по признаку удержания из заработной платы осужденного в доход государства от 5 до 20%, с ограничением свободы — поскольку при определенных условиях возможно проживание с семьей, но в условиях фактического ограничения свободы передвижения [3]. Также Е. Благов отмечает «несамостоятельность» этого наказания и фактическую, но не совсем удачную

трансформацию принудительных работ из условного осуждения, что привело к проблемам как уголовно-правового, так и уголовно-исполнительного характера [4].

Такое свойство принудительных работ, как альтернативность лишению свободы, и соотношение один к одному при определении сроков наказаний согласно ст. 71 УК РФ приводят к значительному нивелированию отличий между этими наказаниями, особенно если говорить об отбывании лишения свободы в таком виде исправительного учреждения, как колония-поселение, где степень карательных притязаний к осужденному даже меньше, чем в исправительном центре.

В то же время в некоторых европейских государствах, в частности во Франции, для применения неоплачиваемых общественно полезных работ необходимо согласие самого подсудимого. Соответственно в целях гармоничного сочетания этого наказания с международными требованиями в области труда и зарубежного опыта использования труда осужденных целесообразно переименовать это наказание, заменив его на следующее наименование — «содержание в исправительном центре». И, как правильно предлагает П.В. Тепляшин [5], переименовать ст. 53.1 УК РФ, а также соответствующие статьи УИК РФ и подзаконные правовые акты, регламентирующие порядок исполнения рассматриваемого наказания, заменить на следующее: «Содержание в исправительном центре». В свою очередь, в ч. 2 ст. 53.1 УК РФ после слов «заменить осужденному» добавить слова «изъявившему желание добровольно отбыть наказание в виде содержания в исправительном центре».

В продолжение рассмотрения проблем исполнения принудительных работ следует отметить, что порядок исполнения таких работ регулируется Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации [6] (далее УИК РФ) в главе 8.1, которая была введена вышеуказанным Федеральным законом от 07.12.2011 года № 420-ФЗ.

Ст. 60.1 УИК РФ предусматривает, что осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях — исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. В случае если на территории конкретного региона исправительного центра нет или осужденный по каким-либо причинам не может быть размещен (привлечен к труду) в имеющемся центре, по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы осужденный может быть направлен в исправительный центр, расположенный на территории другого субъекта РФ.

Как видно из всего вышеизложенного, в нашей стране имеется законодательная основа для исполнения принудительных работ осужденными. Но, несмотря на то что этот вид наказания суды скоро могут назначать, возникает вопрос о том, есть ли в Российской Федерации исправительные центры, где осужденные должны отбывать данное наказание. Ведь об этом прямо говорится в ст. 60.1 УИК РФ.

Согласно финансово-экономическому обоснованию к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» для строительства одного исправительного центра с ориентировочной наполняемостью до 200 человек потребуется 72217,7 тыс. рублей для Крайнего Севера и приравненных к нему районов и 67623,5 тыс. рублей для иных регионов России [7]. В целях оптимизации бюджетных расходов предполагается создавать исправительные центры на базе типового проекта с использованием инвентарных

зданий контейнерного типа, изготавливаемых предприятиями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Кроме того, УИК РФ допускает создание изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях (ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ).

Для обеспечения штатной численности сотрудников одного исправительного центра в количестве 30 единиц в соответствии с финансово-экономическим обоснованием потребуется 9948,6 тыс. рублей.

По предварительным расчетам, среднегодовая численность осужденных к принудительным работам может составить около 30 тыс. человек. В первый год введения в действие данного вида наказания численность осужденных к исправительным работам может составить 5,5—6 тыс. человек.

Расходы исправительных центров на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества, согласно замыслу законодателя, предполагается осуществлять за счет доходов, полученных в результате удержаний из заработной платы осужденных к принудительным работам.

Вместе с тем создание исправительных центров и содержание их администраций предусматривается за счет средств федерального бюджета.

Надзор за осужденными к принудительным работам будет осуществляться администрацией исправительного центра и заключаться в наблюдении и контроле за осужденными в исправительном центре и по месту работы, а также в иных местах их пребывания. Для организации надзора в исправительных центрах планируется создать дежурные смены в составе оперативного дежурного, его помощника и младших инспекторов по надзору за осужденными. На первоначальном этапе для обеспечения деятельности 30 исправительных центров понадобится как минимум 900 штатных единиц сотрудников. Всего потребуется 4500 штатных единиц сотрудников.

Для обеспечения штатной численности сотрудников одного исправительного центра в количестве 30 единиц денежным довольствием и прочими выплатами, установленными законодательством Российской Федерации, согласно расчетам, произведенным в параметрах затрат 2011 года, потребуются бюджетные ассигнования в размере 9,9 млн рублей в год.

Всего на создание 30 исправительных центров с учетом необходимой штатной численности потребуется от 2,325 до 2,463 млрд рублей [8].

Таким образом, финансовых средств для создания исправительных центров в нашей стране потребуется немало.

Если немного отойти от излишней конкретизации принудительных работ, то целесообразно вспомнить еще один вид уголовного наказания, который также может быть альтернативой лишению свободы. Речь идет об ограничении свободы. До 2009 года, в частности до принятия Федерального закона от 27.12.2009 года № 377-ФЗ (ред. от 07.12.2011 года) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [9], осужденные тоже должны были отбывать это наказание в исправительных центрах. Однако ввиду отсутствия финансовых возможностей государства строительство указанных учреждений так и не было начато, и законодатель был вынужден внести изменения в ст. 53 УК РФ и изменить место отбывания этого наказания.

Спустя два года в УК РФ вводится новый вид наказа-

ния — принудительные работы, по существу полностью переписанный со старой редакции ст. 53 УК РФ (до 2009 года) «Ограничение свободы». Совершенно очевидно, что перед государством встанет «старая» проблема: где взять деньги на строительство исправительных центров для исполнения принудительных работ. Из первоначально намеченных восьми исправительных центров к концу 2012 года, насколько нам известно, не было создано ни одного. Именно поэтому срок начала реализации нового вида наказания был законодательно изменен и перенесен с 1 января 2013-го на 1 января 2014 года. И в настоящее время неизвестно, созданы исправительные центры или нет, поскольку на официальном сайте ФСИН РФ нет подтверждающей информации.

Хотя деятельность по созданию нового вида учреждений уже планируется. Если первоначально представители Федеральной службы исполнения наказаний говорили о предполагаемом создании 7—8 подобных центров (по одному на каждый федеральный округ), то теперь речь идет уже о нескольких десятках учреждений по всей стране [10]. Территориальное размещение исправительных центров предполагается привязать к массовым стройкам, крупным предприятиям и сельхозугодиям, то есть к местам, где явно есть работа. К примеру, в исправительном центре на базе колонии № 10 в Краснокаменске Забайкальского края осужденных планируют занять на швейном производстве и в изготовлении строительных материалов (потенциальные работодатели уже найдены, а на само создание центра из бюджета выделено около 40 млн рублей) [11].

Таким образом, полагаем, что если принудительные работы в нашей стране будут назначаться, то явно не в ближайшее время. Возможно, со временем законодатель поступит так же, как со ст. 53 УК РФ, регламентирующей наказание в виде ограничения свободы, то есть изменит место отбывания наказания принудительных работ.

Говоря о проблемах исполнения принудительных работ, следует сказать и еще об одной из них. Так, в соответствии ст. 60.1 УИК РФ значительная часть осужденных самостоятельно должна следовать к месту отбывания принудительных работ. Аналогичная норма уже действует в отношении осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении (ст. 75.1 УИК РФ). Опыт ее применения показал, что осужденные нередко не стремятся полу-

чить предписание территориального органа УИС о направлении к месту отбывания наказания, а получив его, не всегда вовремя прибывают к назначенному месту, а то и уклоняются от отбывания наказания. Психологически это объясняется просто: за подобные отступления от законодательной нормы, построенной на доверии к осужденному, ему ничего не грозит, кроме объявления в розыск и последующего принудительного направления в колонию-поселение.

Представляется, что мы столкнемся с этой проблемой и при исполнении принудительных работ как самостоятельного вида наказания. Не случайно некоторые исследователи [12] весьма критически отнеслись к анализируемой норме уголовно-исполнительного законодательства. С учетом практики самостоятельного следования осужденных в колонии-поселения, очевидно, назрела необходимость рассмотрения вопроса об ответственности за уклонение от отбывания уголовного наказания при самостоятельном следовании осужденных к месту его отбывания.

Такая ответственность может наступать в рамках производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. В частности, в п. 18.1 ст. 397 УПК РФ следовало бы внести поправку, обязывающую суд в случае уклонения осужденного к принудительным работам рассматривать вопрос об их замене первоначально назначенным наказанием, а в отношении осужденного к лишению свободы с его отбыванием в колонии-поселении — о замене места отбывания наказания. Такой подход мог бы играть двоякую превентивную роль: осужденных предупредил о том, что гуманность закона безгранична, а судей предостерегал от неосмотрительного и необоснованного назначения наказания в виде принудительных работ и лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Таким образом, на основании вышеизложенного представляется возможным сделать вывод о том, что введение в правоприменительную практику принудительных работ как одного из альтернативных лишению свободы вида уголовного наказания требует серьезной проработки множества вопросов, связанных с надлежащим обеспечением исполнения и отбывания этого наказания. Представляется, что для недопущения проблем, которые могут возникнуть в процессе реализации рассматриваемого института уголовного права, его повсеместному введению должна предшествовать соответствующая экспериментальная проверка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27.12.2009 года № 377-ФЗ (ред. от 07.12.2011 года) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ (ред. от 05.05.2014 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 32—34.
4. Благоев Е. Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 15—18.
5. Тепляшин П. В. Новый Закон об уголовном наказании в виде принудительных работ // Законность. 2013. № 9. С. 43—44.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 года № 1-ФЗ (ред. от 23.06.2014 года) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
7. Шевелева С. В. Перспективы назначения и исполнения наказания в виде принудительных работ // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2012. № 1 (8). С. 55—58.
8. Бутенко Т., Петров М., Татауров О. Принудительные работы: самостоятельный вид уголовного наказания или альтернатива лишению свободы? // Уголовное право. 2012. № 4. С. 22—24.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 года № 420-ФЗ (ред. от 30.12.2012 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

10. Куликов В. Работа как наказание // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/12/sizo.html> (дата обращения: 20.06.2014).
11. Куликов В. Какие люди без охраны // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/14/turma.html> (дата обращения: 20.06.2014).
12. Капитонова Е. А. Принудительные работы как новый вид уголовного наказания // Законность. 2013. № 2. С. 20—23.

REFERENCES

1. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with outing in force of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Execution code of the Russian Federation regarding the penalty in the form of restriction of liberty: Federal law dated 27.12.2009. № 377-FZ (as amended on 07.12.2011) // Collection of the RF legislation. 2009. № 52 (part 1). Article 6453.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996. № 63-FZ (as amended on 05.05.2014) // Collection of the RF legislation. 1996. № 25. Article 2954.
3. Krylov N. To the issue of harmonization and humanization of the criminal law // Criminal law. 2011. № 6. P. 32—34.
4. Blagov E. Compulsory labor // Criminal law. 2012. № 2. P. 15—18.
5. Tipyashin P. V. New Law on criminal punishment in the form of compulsory labor // Legality. 2013. № 9. P. 43—44.
6. Penal Execution code of the Russian Federation dated 08.01.1997. № 1-FZ (as amended on 23.06.2014) // Collection of the RF legislation. 1997. № 2. Article 198.
7. Sheveleva S. V. Prospects of imposition and execution of punishment in the form of compulsory // Vector of Sciences of TSU. Series: Legal sciences. 2012. № 1 (8). P. 55—58.
8. Butenko T., Petrov M., Tataurov O. Compulsory labor: independent type of criminal punishment or an alternative to imprisonment? // Criminal law. 2012. № 4. P. 22—24.
9. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal law dated 07.12.2011 № 420-FZ (as amended on 30.12.2012) // Collection of the RF legislation. 2011. № 50. Article 7362.
10. Kulikov V. Work as a punishment // The Russian newspaper [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/12/sizo.html> (date of viewing: 20.06.2014).
11. Kulikov V. People without any guard // The Russian newspaper [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/14/turma.html> (date of viewing: 20.06.2014).
12. Kapitonova E. A. Compulsory labor as a new type of criminal punishment // Legality. 2013. № 2. P. 20—23.

12.00.09 УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

12.00.09 CRIMINAL PROCESS, CRIMINALISTICS; CRIMINAL INVESTIGATION

УДК 343.11+342.565.2
ББК 67.410.116+67.400.12

Trifonova Kristina Alekseyevna,
candidate of jurisprudence,
associate professor of the department of the criminal
law and process of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: trikri2008@rambler.ru

Трифонова Кристина Алексеевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: trikri2008@rambler.ru

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

LEGAL INSTITUTION OF RETURN OF THE CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR THROUGH THE PRISM OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье исследуются вопросы изменений сущности правового института возвращения уголовного дела прокурору, произошедших на основании решений Конституционного Суда РФ и федеральных законов. Автор приходит к выводу, что содержание правового института возвращения уголовного дела прокурору составляют нормы,

не только регулирующие устранение формальных нарушений, но и затрагивающие фактическую сторону расследования. Указанное проявляется в возможности продолжения обвинительной деятельности и усиления обвинительного тезиса органами предварительного расследования по уголовному делу, возвращенному судом прокурору, следо-

вательно, можно говорить о восстановлении института дополнительного расследования. Анализируется роль суда, который в процессе доказывания по уголовному делу может и должен принимать меры к установлению истины, к выяснению обстоятельств преступления такими, какими они были в действительности.

The issues of changing the essence of the legal institution of returning the criminal case to the prosecutor occurred on the basis of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the federal laws are investigated in the article. The author makes conclusion that the content of the legal institution of returning the criminal case to the prosecutor consists of the norms regulating elimination of formal violations, as well as affecting the actual side of investigation. The mentioned above is manifested in the possibility of continuing the accusatory activity and strengthening of the accusatory thesis by authorities of preliminary investigation in the criminal case returned to the prosecutor by the court; therefore, it is possible to speak about recovery of the institution of additional investigation. The role of the court, which can and must take measures for establishment of truth in the course of the criminal case proving, as well as for determination of the actual circumstances of the crime, is analyzed.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, правовой институт, Конституционный Суд РФ, дополнительное расследование, обеспечение прав потерпевшего, неполнота расследования, более тяжкое обвинение, состоятельность, судебные инстанции, обвинительная деятельность.

Keywords: return of criminal case to the prosecutor, legal institution, the RF Constitutional Court, additional investigation, ensuring rights of the victim, incompleteness of investigation, heavier charge, competitiveness, judicial instances, accusatory activity.

До принятия УПК РФ уголовно-процессуальные нормы, образующие правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, имели сквозной характер и регулировали отношения, являющиеся предметом правового регулирования подотраслей «Предварительное расследование» и «Судебное разбирательство». Правом возвращать уголовное дело для доследования наделялись прокурор и суд. Изменившиеся правовая обстановка и роль суда в современном состязательном уголовном процессе повлекли исключение института возвращения дела для производства дополнительного расследования из судебных стадий. Однако характерный для отечественного уголовного судопроизводства механизм контроля на последующих стадиях качества процессуальной деятельности предыдущих стадий сохранился, так как названный институт гармонично трансформировался в правовой институт возвращения уголовного дела прокурору. Тем не менее сущность данного правового института в период времени с 2002 по 2014 год радикальным образом изменилась. Первоначально содержание института возвращения уголовного дела прокурору составляли нормы, регулирующие деятельность по выявлению и устранению только формальных нарушений. Указанное повлекло множество препятствий на пути к обеспечению прав и законных интересов потерпевшего и, следовательно, неблагоприятным образом

сказалось на реализации назначения уголовного судопроизводства. В связи с изложенным цель настоящей работы составляет анализ изменившейся сущности института возвращения уголовного дела прокурору в противоречивых позициях КС РФ, что позволяет утверждать о восстановлении возможности возвращения уголовного дела прокурору из судебных стадий для продолжения обвинительной деятельности.

Первоначально правовые позиции КС РФ касались сущности института дополнительного расследования из судебных инстанций и были изложены в его постановлениях от 20 апреля 1999 года № 7-П [1], от 14 января 2000 года № 1-П [2] и от 8 декабря 2003 года № 18-П [3], согласно которым возвращение дела для производства дополнительного расследования и проведения дополнительных следственных действий (в том числе следственного эксперимента, повторной экспертизы, установления и допроса новых свидетелей) — это инициация «продолжения следственной деятельности по обоснованию обвинения» [4]. В связи с дальнейшим реформированием уголовно-процессуального законодательства радикальной корректуре подвергся и институт доследования. Суду было запрещено возвращать на дополнительное расследование уголовные дела по вышеуказанным основаниям, а также в связи с принятием УПК РФ и введением его в действие институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование из судебных инстанций прекратил свое существование. На смену институту доследования из судебных стадий пришел институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), однако на этом законодательная трансформация не прекратилась. Сущность данного института неоднократно менялась не только на основании федеральных законов, но и немалое влияние на сущность возвращения уголовного дела прокурору оказала неоднозначная позиция Конституционного Суда РФ относительно механизма исправления следственных и судебных ошибок.

Первоначальная редакция ст. 237 УПК РФ не предусматривала запрета на производство следственных действий по возвращенному уголовному делу. Федеральным законом от 04.07.2003 года № 92-ФЗ [5] ст. 237 УПК РФ была дополнена положениями, которые запретили производство каких-либо следственных и иных процессуальных действий, не предусмотренных указанной статьей; доказательства, полученные по истечении пятисуточного срока либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных статьей, признавались недопустимыми.

В дальнейшем постановлением КС РФ от 8 декабря 2003 года № 18-П положение ч. 4 ст. 237 УПК РФ как не позволяющее осуществлять необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия и исключающее какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допустившими эти нарушения органами расследования, но и при последующем разбирательстве дела судом было признано неконституционным [4]. Пленум ВС РФ в постановлении от 5 марта 2004 года № 1 дал аналогичные разъяснения [6]. Возможность проводить следственные и процессуальные действия, а также отмена пятисуточного срока устранения нарушения была воспринята практическими сотрудниками как возрождение института дополнительного расследования из суда.

Далее КС РФ в определении от 2 февраля 2006 года № 57-О [7] отметил, что срок, установленный ч. 5

ст. 237 УПК РФ (5 суток), не распространяется на случаи возвращения уголовного дела прокурору в порядке п. 1 ч. 2 ст. 237 УПК РФ. При этом в определении была сделана маленькая оговорка: «Возвращение, в такого рода случаях, уголовного дела прокурору с последующим проведением по нему необходимых процессуальных действий не должно быть связано с решением задачи восполнения неполноты произведенного дознания или предварительного следствия в качестве самостоятельной задачи».

16 мая 2007 года в постановлении № 6-П КС РФ [8] отменил запрет на поворот к худшему после вступления приговора в законную силу. Анализ указанного постановления применительно к ст. 237 УПК РФ показал, что запрет на возвращение уголовного дела прокурору в случае выяснения в судебном заседании факта совершения лицом более тяжкого преступления позволяет виновному избежать справедливого наказания. Потерпевшая сторона должна быть наделена необходимыми возможностями для отстаивания своей позиции в суде, поскольку иное означает умаление чести и достоинства личности.

Стоит напомнить, что основным аргументом ликвидации данного института была недопустимость возложения на суд несвойственной ему функции уголовного преследования, которая проявляла себя в случае, когда суд выступал инициатором возвращения уголовного дела на дополнительное расследование в случаях, связанных с дальнейшим обоснованием обвинительного тезиса. При этом КС РФ в ряде постановлений [9] отметил, что если инициатором продолжения обвинительной деятельности выступает сторона обвинения либо защиты, то суд сохраняет статус-кво.

Федеральным законом № 226-ФЗ от 2 декабря 2008 года были исключены из текста закона ч. 2, 4 и 5 ст. 237 УПК РФ, устанавливающие ограничения на сроки и характер процессуальных действий, осуществляемых по возвращенному прокурору уголовному делу. Это предоставило значительные возможности органам расследования для устранения нарушений закона по возвращенному из судебных стадий уголовному делу. Отказ от конкретного срока устранения нарушений, а также от признания недопустимыми доказательств, полученных в ходе устранения нарушений в научных кругах и среди практических работников был воспринят как возрождение процедуры дополнительного расследования. Н. А. Колоколов в этой связи поясняет, что дополнительное расследование восстановлено и будет существовать до тех пор, пока мы не поймем, что окончательное обвинение формируется не у следователя за несколько лет до судебного разбирательства, а в суде [10, с. 26].

Возврат к проверенной схеме устранения нарушений правоприменители наблюдали в решениях Пленума ВС РФ. Так, решение о возвращении уголовного дела прокурору может быть принято не только на стадии подготовки к судебному разбирательству. Принятие указанного решения возможно в ходе судебного разбирательства исходя из положений ч. 2 ст. 256 УПК РФ и разъяснений Пленума ВС РФ в постановлении № 1 от 5 марта 2004 года [6]. Кардинальные изменения в уголовное судопроизводство внес ФЗ от 29.12.2010 года № 433-ФЗ: с 1 января 2013 года ст. 237 УПК РФ обрела сквозной характер, возвращать уголовное дело прокурору возможно напрямую из судов апелляционной (п. 7 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ), кассационной (п. 3 ч. 1 ст. 401.14, ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ) и надзорной инстанций (п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ). Не вступая в дискуссию о положительных и отрицательных моментах

оптимизации контрольных стадий судопроизводства, хотелось бы обратить внимание на одну особенность. Возвращение уголовного дела прокурору из апелляционной стадии нареканий не вызывает, так как при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционной жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме. В рамках кассационной и надзорной инстанции, которая носит исключительный характер, заявитель может ходатайствовать о проверке уже вступившего в силу приговора на предмет нарушений закона, при этом вопросы фактической стороны дела не затрагиваются. Однако часть оснований ст. 237 УПК РФ, как показывает сложившаяся практика, затрагивают именно фактическую сторону расследования. Вероятно, эта серьезная проблема произошла из-за того, что законодатель не учел изменившейся сути положений ст. 237 УПК РФ и по-прежнему видит возвращение уголовного дела прокурору как механизм устранения формальных нарушений уголовно-процессуального закона.

В научных кругах особо много нареканий вызвал законопроект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», который был разработан в 2012 году под руководством председателя СК РФ А. И. Бастрыкина. Данный законопроект призван решить важнейший вопрос о возможности существования принципа всесторонности, полноты и объективности расследования, возможности возвращения уголовного дела на дополнительное расследование судом в условиях состязательного уголовного процесса, и это далеко не все изменения, предложенные в законопроекте. Так, расширяется активность суда и сторон в уголовном процессе. Суд не связан мнением сторон и при наличии сомнений в его истинности принимает необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения справедливого правосудия.

Представляется, что на данный момент указанные положения законопроекта в ракурсе возвращения уголовного дела прокурору не должны вызывать столь негативных эмоций. В первую очередь это обусловлено изменениями ст. 237 УПК РФ в период времени с 2012 по 2014 год. Особенно способствовала «падению последних преград» на пути к восстановлению возможности возвращения дела для предъявления более тяжкого обвинения позиция КС РФ, а также принятые на ее основе ряд федеральных законов: ФЗ от 26.04.2013 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и ФЗ от 21.07.2014 года № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Согласно ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ возвращение уголовного дела в данном случае возможно только по ходатайству сторон. Сформулировано два вида специфических оснований, сущность которых заключается в том, что ключевыми словами, характерными для исключительной стадии уголовного процесса — возобновления дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, являются «новые общественно опасные последствия», «новые или вновь открывшиеся обстоятельства», тем самым как бы отрицается неполнота ранее проведенного расследования (хотя обычно предъявление лицу обвинения в совершении более тяжко-

го преступления свидетельствует о неполноте расследования, о допущенных ошибках). Указанные основания влекут продолжение обвинительной деятельности, дальнейшее обоснование обвинительного тезиса и в конечном счете — дополнительное расследование. Однако эти основания законодатель не связывает с ситуациями, когда необходимость изменения обвинения обусловлена ошибочной квалификацией, неверной интерпретацией обстоятельств уголовного дела следователем.

Переоценить сущность возвращения уголовного дела прокурору и, возможно, ответить на вопрос «Можно ли ставить интересы правосудия в зависимость от воли сторон?» позволило постановление КС РФ от 02.07.2013 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» [11]. Так, поводом к рассмотрению дела явились жалоба гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запрос Курганского областного суда. Предметом рассмотрения явились положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ, на основании которых решается вопрос о возвращении судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, применительно к случаям, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. КС РФ указал, что, возвращая в этих случаях уголовное дело прокурору, суд не подменяет сторону обвинения — он лишь указывает на выявленные нарушения, ущемляющие процессуальные права участников уголовного судопроизводства, требуя их восстановления.

Логичным продолжением позиции КС РФ, сформулированной в вышеуказанном постановлении, стала новая редакция ст. 237 УПК РФ. Так, согласно п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ суд вправе как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон вернуть уголовное дело прокурору, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указываю-

щие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния.

Буквальное толкование данного положения позволяет прийти к выводу, что речь идет о двух ситуациях. Первая ситуация связана с проведенным предварительным расследованием, когда следствием или дознанием дана неправильная юридическая оценка установленных фактов преступной деятельности обвиняемого.

Вторая ситуация связана уже с установлением фактических обстоятельств в ходе судебного производства. Формулировка положения не имеет ничего общего с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, указанными в п. 1.2 ст. 237 УПК РФ. В науке уголовного процесса давно присутствует мнение, что необходимость предъявления более тяжкого обвинения является случаем неполноты расследования. Можно констатировать, что в данном случае речь идет о неполно проведенном расследовании, пробелы следствия были выявлены в суде, так как фактические обстоятельства выяснены путем производства допроса свидетелей, потерпевших, путем назначения и производства экспертиз в судебном заседании и т. д.

При этом суд стал обладать настолько широкими полномочиями, что обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния, но не вправе указывать статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого, о совершении общественно опасного деяния лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что расширение полномочий суда, наличие у него рычагов воздействия на органы предварительного расследования и прокурора с целью устранения препятствий рассмотрения дела в суде свидетельствует о том, что суд в процессе доказывания по уголовному делу может и должен принимать меры к установлению истины, к выяснению обстоятельств преступления такими, какими они были в действительности. Важная роль в этой деятельности отведена правовому институту возвращения уголовного дела прокурору, в том числе для продолжения обвинительной деятельности. Названное будет способствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого решения. Можно утверждать, что законодатель фактически вернул суть ст. 237 УПК РФ к проверенной схеме устранения нарушения — дополнительному расследованию из судебных стадий. Тем не менее возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования из судебных инстанций должно стать не обыденным явлением, а исключительной мерой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.
2. Собрание законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 611.
3. Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление КС РФ от 8 декабря 2003 года № 18-П // Рос. газ. 2003. 25 декабря.

5. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон РФ № 92-ФЗ от 4 июля 2003 года // Рос. газ. 2003. 10 июля.

6. О применении судами норм УПК РФ (с изменениями, внесенными Постановлением Пленума ВС РФ № 26 от 9 декабря 2008 года): постановление Пленума ВС РФ № 1 от 5 марта 2004 года // Рос. газ. 2004. 25 марта.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей второй и пятой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение КС РФ от 2 февраля 2006 года № 57-О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/61/30098.html> (дата обращения: 15.08.2014).

8. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление КС РФ от 16 мая 2007 года № 6-П // Рос. газ. 2007. 2 июня.

9. Постановлением КС РФ от 20 апреля 1999 года № 7-П положения пунктов 1 и 3 части первой статьи 232 УПК РСФСР как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признаны не соответствующими Конституции РФ; Постановлением КС РФ от 14 января 2000 года пункт 4 части первой статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в той части, в какой он предусматривает или допускает полномочия суда возбуждать уголовное дело, в том числе в отношении нового лица, и применять к нему меру пресечения, а также возвращать в связи с этим дело для дополнительного расследования, признан не соответствующим Конституции РФ.

10. Лупинская П., Воскобитова Л., Рогова С. Доказывание в уголовном процессе. Материалы круглого стола // Мировой судья. 2009. № 9. С. 25—28.

11. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление КС РФ от 2 июля 2013 года № 16-П // Рос. газ. 2013. 2 июля.

REFERENCES

1. Collection of the legislation of the Russian Federation. 1999. № 17. Art. 2205.
2. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2000. № 5. Art. 611.
3. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2003. № 51. Art. 5026.
4. On the case of checking the constitutionality of the provisions of articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as chapters 35 and 39 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation in connection with the inquiries of the courts of law and complaints of citizens: resolution the RF CC dated December 8, 2003 № 18-P // Russian newspaper. 2003. December 25.
5. On incorporation of revisions and amendments into the Code of criminal procedure of the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation № 92-FZ of July 4, 2003 // Russian newspaper. 2003. July 10.
6. On application by the courts of the standards of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (with revisions incorporated by the Resolution of the Plenum of the Russian Federation SC № 26 dated December 9, 2008): resolution of the Plenum of the Russian Federation SC № 1 dated March 5, 2004 // Russian newspaper. 2004. March 25.
7. On refusal in acceptance for consideration of the inquiry of Vsevolozhsk city court of the Leningrad region regarding checking the constitutionality of the parts two and five of article 237 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation: definition of the RF CC dated February 2, 2006 № 57-О [Electronic resource]. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/61/30098.html> (date of viewing: 15.08.2014).
8. On the case of checking the constitutionality of provisions of articles 237, 413 and 418 of the RF Code of criminal procedure in connection with the inquiry of presidium of Kurgan regional court: resolution of RF CC dated May 16, 2007 № 6-P // Russian newspaper. 2007. June 2.
9. Provision of items 1 and 3 of part one of the article 232 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR assigning the court with a duty to return the criminal case to the prosecutor on its own initiative of incompleteness of investigation irreplaceable during the court session, as well as in case of availability of the bases for lodging of different charges to the accused, or for replacing the charge with the heavier one or significantly different in the actual circumstances from the charge containing in the indictment, are declared non-complying with the Constitution of the Russian Federation by the decree of the RF CC dated April 20, 1999 № 7-P; item 4 of part one of article 232 of the Code of criminal procedure of the RSFSR in that part, in which it provides for or permits the authorities of the court to open a criminal case, including against a new person, and apply pre-trial restrictions, as well as to return the case for additional investigation in this regard, is declared non-complying with the Constitution of the Russian Federation by the decree of the RF CC dated January 14, 2000.
10. Lupinskaya P., Voskobitova L., Rogova S. Proof in criminal trial. Materials of a round table // World judge. 2009. № 9. P. 25—28.
11. On the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of article 237 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B. T. Gadayev and the inquiry of Kurgan regional court: resolution of the RF CC dated July 02, 2013 № 16-P // Russian newspaper. 2003. July 2.

12.00.10 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**12.00.10 INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW**

УДК 349.6:341.1:342.7

ББК 67.407:67.911.11

Soltsev Alexander Mikhailovich,
candidate of law, associate professor,
deputy head of the international law department
of Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow,
e-mail: a.soltsev@gmail.com

Солнцев Александр Михайлович,
канд. юрид. наук, доцент,
зам. зав. кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов,
г. Москва,
e-mail: a.soltsev@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

**INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENTAL HUMAN RIGHTS:
REGIONAL SPECIFICS**

В статье рассмотрены методические и практические аспекты защиты экологических прав человека на региональном уровне в рамках таких организаций, как Совет Европы, Организация американских государств и Африканский союз. Обоснованы методические и организационные подходы к защите экологических прав в различных региональных системах защиты прав человека. Определены специфические черты, присущие различным региональным системам защиты прав человека по отношению к защите экологических прав. Уделено особое внимание прецедентной практике региональных правозащитных органов (судов и комиссий): Европейскому суду по правам человека, Африканской комиссии по правам человека и народов, а также Межамериканскому суду и комиссии по правам человека.

The article examines the methodical and practical aspects of protection of the ecological human rights at the regional level within the frame of such organizations as the Council of Europe, the Organization of American States and the African Union. Methodical and organizational approaches to protection of ecological rights in various regional systems of the human right protection are substantiated. The specific features of different regional systems of the human rights protection are determined in relation to the protection of environmental rights. The special attention is paid to the precedent practice of the regional human rights authorities (courts and commissions): European Court of Human Rights, the African Commission on Human and Peoples Rights, and the Inter-American Court and Commission of Human Rights.

Ключевые слова: права человека, международное экологическое право, регионализм, прецеденты, Европейский суд по правам человека, Африканская комиссия по правам человека и народов, Межамериканский суд по правам человека, Совет Европы, Африканский союз, Организация американских государств.

Keywords: human rights, international environmental law, regionalism, precedents, European Court of Human Rights,

African Commission on Human and Peoples Rights, Inter-American Court of Human Rights, Council of Europe, African Union, Organization of American States.

В мире существуют три региональные системы защиты прав человека: европейская (в рамках Совета Европы), американская (в рамках Организации американских государств) и африканская (в рамках Африканского Союза) [1]. В некоторых региональных организациях правозащитная компетенция в сфере экологических прав только начинает развиваться. Например, Арабская хартия о правах человека 2004 года, принятая в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ), включает право на здоровую окружающую среду как часть права на достаточный уровень жизни, который обеспечивает благополучие и достойную жизнь (ст. 38). Аналогичным образом Декларация прав человека, принятая в ноябре 2012 года Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), включает «право на безопасную, чистую и устойчивую окружающую среду» в качестве одного из элементов права на достаточный жизненный уровень (п. 28 f). Вместе с тем в ЛАГ и АСЕАН в настоящее время не созданы суд или комиссия по правам человека, которые могли бы рассматривать жалобы на нарушения прав человека.

Вынесение решений по делам, связанным с насильственным перемещением, загрязнением окружающей среды или неустойчивой добычей природных ресурсов, привело к определению расширяющегося перечня обязанностей государства в отношении процессов принятия решений, касающихся политики в области окружающей среды и защиты лиц и общин, затрагиваемых экологической опасностью.

В ходе производства по индивидуальным и коллективным жалобам в региональных системах были истолкованы экологические аспекты защищаемых прав, таких как право на жизнь, право на здоровье, право на частную и семейную жизнь, право на собственность и право на развитие.

Совет Европы. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — ЕКПЧ), разработанная в рамках Совета Европы, считается одной

из наиболее совершенных региональных правозащитных конвенций, исполнение положений которой гарантирует Европейский суд по правам человека. Тем не менее положения об экологических правах человека отсутствуют и в ЕКПЧ, и в дополнительных протоколах к ней. Перед тем как говорить о возможности закрепления экологических прав в дополнительном протоколе к ЕКПЧ, проанализируем то, что уже было сделано на пути к этому.

Косвенная и неполная защита экологических прав через прецедентное право Европейского суда по правам человека. Хотя ЕКПЧ напрямую и не закрепляет экологические права человека, Суд косвенным образом признает экологические права, которые могут повлиять: на право на жизнь (ст. 2 ЕКПЧ); право на уважение личной и семейной жизни, а также жилища (ст. 8); право на справедливое судебное разбирательство и на доступ к суду (ст. 6); свободу выражения мнения (ст. 10); право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13) и защиту собственности (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ). Рассмотрим практику по указанным статьям Конвенции [2].

Статья 2 ЕКПЧ. Йонерйолдыз (Oneryildiz) против Турции (подход к понятию «деградация окружающей среды» с точки зрения ст. 2 Конвенции, закрепляющей право на жизнь). Основная цель ст. 2 заключается в предупреждении государств от умышленного лишения жизни, кроме случаев, прямо предусмотренных статьей. Это положение носит негативный характер, что необходимо для предотвращения совершения государствами определенных действий. Однако Суд выработал доктрину «позитивных обязательств», в соответствии с которой ст. 2 распространяет на публичную власть обязанность предпринимать меры для того, чтобы гарантировать право на жизнь, когда ей угрожают лица или деятельность, напрямую не связанные с государством.

Если говорить об окружающей среде, то ст. 2 применяется в случаях, когда определенные действия, подвергающие опасности окружающую среду, настолько критичны, что ставят под угрозу и жизнь человека.

Суд постановил, что в деле Йонерйолдыз против Турции имелось нарушение ст. 2. Обстоятельства дела таковы: на месте муниципальной мусорной ямы произошел взрыв, повлекший смерть 39 человек, которые нелегально построили жилища вокруг этого места. 9 членов семьи заявителя погибли в этом происшествии. Хотя доклад экспертов, составленный за два года до этого случая, акцентировал внимание муниципальных властей на опасности метанового взрыва в яме, власти не предприняли никаких действий. Суд признал, что, так как власти знали или должны были знать о реальном и непосредственном риске для жизни людей, живущих около мусорной ямы, они обязаны были по ст. 2 Конвенции предпринять превентивные меры для защиты этих людей. Суд также обвинил власти в том, что они не информировали население о рисках, которым оно подвергалось, проживая в этом месте.

Свои доводы Суд подтвердил и в деле Будаева и другие против России. Обстоятельства дела заключались в следующем. Шестеро заявителей по этому делу проживали в г. Тырныауз Республики Кабардино-Балкария (район Приэльбрусья). После схода селевой лавины 18 июля 2000 года органы власти объявили о срочной эвакуации жителей, однако заранее не уведомили население о предполагаемом сходе селя, хотя обладали достаточной информацией. Когда жители вернулись домой на следующий день,

второй, более мощный сход селя разрушил плотину и повредил большую часть домов, убив и покалечив некоторых местных жителей. Квартиры и все имущество заявителей были уничтожены. Муж первой заявительницы погиб, а ее младший сын получил серьезные травмы.

Данные факты послужили основанием для обращения в Европейский суд с жалобой на нарушения ст. 2, 8 и 13, а также ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Однако Суд признал лишь нарушение права на жизнь и права на беспрепятственное пользование своим имуществом. Суд также повторил, что ст. 2 возлагает на государства позитивное обязательство по принятию соответствующих мер, направленных на охрану жизни людей, находящихся под их юрисдикцией. Это позитивное обязательство влечет за собой первоочередную ответственность государства по внедрению процессуальных мер, направленных на эффективное разрешение любых ситуаций, представляющих угрозу для права на жизнь. Что касается материального аспекта этого положения, то в контексте деятельности, опасной для жизни, особый акцент должен делаться на нормах, снижающих уровень возможного риска для человеческой жизни.

Статья 8 ЕКПЧ. Одной из первых попыток выявить «экологическое измерение» Конвенции стало дело Пауэлл и Райнер против Великобритании. Заявители утверждали, что шум самолетов, взлетающих и садящихся в аэропорте Хитроу, нарушает их право на частную жизнь (ст. 8 ЕКПЧ). Комиссия признала их жалобу приемлемой, но Суд единогласно не нашел нарушения Конвенции, обосновав это экономическими интересами государства. Тем не менее это дело показало, как можно пробить брешь в конвенционном режиме с целью защиты экологических прав человека.

Для того чтобы вопрос касался сферы применения ст. 8 ЕКПЧ, экологические факторы должны иметь непосредственное и серьезное влияние на личную и семейную жизнь и жилище. Другими словами, негативный эффект должен достигать определенного минимального уровня. Оценка данного уровня зависит от всех обстоятельств дела, таких как интенсивность и длительность вреда, физического и психического эффекта, а также общего состояния окружающей среды. Суд подтвердил данное положение в решении по делу Лопез Остра (Lopez Ostra) против Испании. Заявительница жаловалась, что дым и шум от очистительного завода, расположенного около ее дома, делали условия для проживания ее семьи невыносимыми. Она терпела неудобства, причиняемые заводом, на протяжении трех лет, но, поняв, что такие неудобства будут продолжаться еще неопределенное время, по рекомендации педиатра дочери заявительницы семья решила переехать. Государство признало, что шум и запах негативно влияют на уровень жизни заявительницы, но оспаривало, что они подвергают серьезному риску здоровье и достигают уровня опасности, при котором фундаментальные права заявительницы были бы нарушены. Однако Суд признал, что сильное загрязнение окружающей среды может влиять на благополучие человека и препятствовать его праву на уважение личной и семейной жизни, жилища, даже если оно не несет серьезной угрозы его здоровью.

Статья 8 Конвенции предусматривает возможность вмешательства со стороны публичных властей, но такое вмешательство должно иметь законную цель, служащую интересам общества, например, экономическому благополучию страны. Меры, принимаемые государством, должны быть законными, соизмеримыми и разумно необходимыми.

По делу Лопез Остра государство не нашло справедливого баланса между экономическим благополучием города в нахождении на его территории очистительного завода и здоровьем и условиями жизни заявительницы и членов ее семьи.

Заявительница по делу Фадеева против России проживала в г. Череповце рядом с территорией металлургического комбината «Северсталь». Суд признал, что в течение длительного времени концентрация различных токсичных элементов в воздухе рядом с домом заявительницы серьезно превышала безопасный уровень и что здоровье заявительницы ухудшилось в результате того, что она долго подвергалась воздействию промышленных выбросов с металлургического комбината. Следовательно, Суд признал нарушение ст. 8 Конвенции. Суд также заключил, что, несмотря на свободу усмотрения, российские власти не смогли найти справедливого баланса между интересами общества и соблюдением прав заявительницы по ст. 8 Конвенции. Кроме этого Суд указал, что власти не предложили заявительнице помощи в переезде из опасной зоны, а также не приняли эффективных мер, чтобы остановить загрязнение, оказываемое металлургическим комбинатом на окружающую среду в нарушение национальных природоохранных стандартов.

Филипп Лич, директор лондонского Европейского центра защиты прав человека и один из представителей Н. М. Фадеевой в Суде, так резюмировал исход дела: «Это важное решение устанавливает, что все правительства должны осуществлять эффективное регулирование частного сектора, чтобы предотвратить загрязнение окружающей среды в тех случаях, когда существует серьезный потенциальный риск здоровью» [3].

Ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Папаставроу (Papastavrou) и другие против Греции. Заявители и администрация спорили о праве собственности на участок земли. В соответствии с решением префекта было постановлено, что на месте, где находился оспариваемый участок, должно проводиться восстановление леса. Заявители утверждали, что решение префекта не отвечает интересам общества, ссылаясь на то, что геологические характеристики делают это место неподходящим для восстановления леса. Суд учел сложность вопроса и факт того, что решение префекта основывалось только на постановлении Министерства сельского хозяйства, принятом 60 лет назад, без переоценки ситуации. Суд также отметил, что законы Греции не предусматривали компенсации за участок.

Таким образом, Суд постановил, что власти не смогли найти справедливого баланса между интересами общества и правами заявителей и, соответственно, нарушили ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Ст. 10 ЕКПЧ. Вопрос о праве активистов по защите окружающей среды на распространение материалов был поднят в деле Стил и Моррис против Великобритании. В это дело были вовлечены два активиста, которые участвовали в экокампании против McDonald's. Как часть кампании была выпущена и распространена рекламная листовка с надписью «Что не так с McDonald's?» («What's wrong with McDonald's?»). McDonald's подал иск на двух заявителей о клевете. Судебный процесс длился 313 дней, и заявители не получили никакой юридической помощи, несмотря на то что в то время они были безработными или получали низкую заработную плату. McDonald's выиграл у них дело. Европейский суд по правам человека признал, что такие большие межнациональные компании, как McDonald's,

имеют право защищать свою репутацию в суде, но Суд в то же время подчеркнул, что маленькие неформальные группы, организующие кампанию, должны быть способны эффективно выполнять свою деятельность. Суд посчитал существенным, чтобы в судебном процессе, включающем и большие компании, и маленькие группы, организующие кампанию, было равноправие сторон. Иначе говоря, возможен «сковывающий эффект» интересов в продвижении свободного обращения информации и идей о деятельности мощных коммерческих предприятий. Не предоставив юридической помощи заявителям, Великобритания не обеспечила справедливости и присуждение фактических убытков заявителям означает, по мнению Суда, что свобода заявителей в выражении их мнения была нарушена.

П. 1 ст. 6 ЕКПЧ. В данном случае можно указать на одно из первых российских дел — решение по делу Бурдов против России. Заявитель в 1986 году был мобилизован для ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, где получил дозу радиоактивного излучения, что было подтверждено экспертным заключением. Назначенная компенсация так и не была выплачена, тогда заявитель обратился в российский суд. Шахтинский суд несколько раз выносил решения в его пользу, но компенсация так и не была выплачена. Власти объясняли это отсутствием денежных средств. Европейский суд признал российские власти виновными, указав: «Немыслимо, что п. 1 ст. 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон — справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство, — не предусматривал бы защиты процесса исполнения судебных решений <...> Исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно рассматриваться как составляющая «судебного разбирательства» по смыслу ст. 6 Конвенции».

Ст. 13 ЕКПЧ. Ст. 13 гарантирует каждому право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах. Суд вывел процессуальные требования из определенных положений Конвенции, а также подчеркнул важность права на доступ к правосудию в контексте ст. 8 Конвенции. Когда речь идет о сложных вопросах экологической или экономической политики, процесс принятия решений, затрагивающий вопросы вмешательства, должен быть справедливым и учитывать интересы вовлеченных лиц. В деле Хаттон и другие против Великобритании Суд признал, что право на доступ к правосудию — это часть справедливого процесса принятия решений по экологическим вопросам в соответствии с требованиями ст. 8 Конвенции.

В деле Хаттон и другие против Великобритании Суд рассматривал, получили ли заявители соответствующую защиту в национальных судах. Заявители жаловались на чрезмерный шум по ночам от приземляющихся и взлетающих самолетов аэропорта Хитроу. Они заявляли, что судебный надзор Англии слишком ограничен. В то время суды могли только оценивать деятельность государств: действовало ли государство нерационально, незаконно или явно необоснованно. Английские суды не могли рассматривать вопрос о том, являлось ли увеличение ночных полетов справедливым ограничением права на уважение частной и семейной жизни или жилища тех, кто жил вблизи аэропорта Хитроу. Соответственно суд вынес постановление о наличии нарушения ст. 13 Конвенции.

Проанализировав практику Суда по рассмотрению дел, связанных с защитой экологических прав, можно констати-

ровать следующее. Отсутствие формального закрепления в тексте Конвенции права на благоприятную окружающую среду и на возмещение экогенного вреда не стало препятствием для признания за публичными властями обязанностей в этой сфере даже в тех случаях, когда вред причиняется не имеющими прямой связи с государством субъектами экономической деятельности. Число зарегистрированных и рассмотренных жалоб по данной категории дел носит не единичный характер, а представляет собой множество, позволяющее анализировать развитие прецедентной практики. Однако, несмотря на амбициозность и динамичность прецедентного права Европейского суда по правам человека, оно остается неполным в том, что касается гарантий прав человека на благоприятную окружающую среду. Хотя Суд может иногда толковать положения Конвенции, он не может изменять ее содержание, и поэтому право на благоприятную окружающую среду будет защищено только в конкретном случае нарушения права, четко определенно Конвенцией. Следовательно, то, что мы можем наблюдать, является непрерывающимся процессом дополнения шаг за шагом содержания некоторых «традиционных» прав, гарантированных Конвенцией, результатом растущей осведомленности и обеспокоенности вопросами окружающей среды, воплощения в жизнь классического утверждения о том, что Европейская конвенция — живой инструмент, который может быть истолкован и применен в контексте современных условий [4].

Так, к концу 1990-х в Совете Европы напрямую заговорили об отсутствии признания права на благоприятную окружающую среду в ЕКПЧ, но до сих пор этот вопрос не решен [5]. На наш взгляд, специальное включение права на благоприятную окружающую среду в Конвенцию позволит в будущем подавать иски на основании такого права независимо от других прав человека, закрепленных Конвенцией. Суд должен будет решать дела непосредственно по нарушению данного права, тогда и его защита будет более адекватной. Также возможно, что признание экологических прав Конвенцией заставит государства предпринимать больше усилий в вопросах охраны окружающей среды (в частности, усилить защиту права на благоприятную окружающую среду, уже признанного в конституциях многих стран, посредством подачи иска в Суд, одобрения соблюдения международных обязательств, взятых на себя государством). Представляется целесообразным поддержать мысль Е. С. Алисиевич: «Расширение каталога прав и свобод человека, гарантируемых ЕКПЧ, за счет права на здоровую и жизнеспособную окружающую среду представляется своевременным и целесообразным, поскольку направлено на закрепление *de jure* того, что давно существует *de facto*. Протокол свидетельствовал бы о новом уровне развития права Совета Европы как в области защиты окружающей среды, так и в сфере обеспечения прав человека, закрепив их очевидную взаимосвязь в основополагающем европейском акте о правах человека — ЕКПЧ» [6].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что дополнительный протокол к ЕКПЧ должен быть принят, это просто вопрос времени. Конгресс местных и региональных властей стоит на стороне Парламентской Ассамблеи, которая уже более 20 лет говорит о необходимости создания такого протокола. Однако Комитет министров по объективным причинам откладывал решение этого вопроса, ведь при принятии протокола увеличится поток жалоб в ЕСПЧ, который и так перегружен делами. Однако в связи с проводимой

реформой Суда, принятием новых протоколов (№ 14—16) к ЕКПЧ вероятность создания протокола по экологическим правам к ЕКПЧ увеличивается. На наш взгляд, при разработке дополнительного протокола к ЕКПЧ необходимо учесть практику такого квазисудебного органа, как Комитет по вопросам соблюдения Орхусской конвенции. Комитет за 10 лет работы рассмотрел более 50 жалоб по вопросам нарушения государствами экологических прав в Европе. Эти решения представляют собой толкование важных вопросов, связанных с защитой экологических прав человека.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы. Европейский суд по правам человека внес свой вклад в истолкование взаимосвязи между правами человека и окружающей средой, особенно в решениях по делам, связанным с загрязнением окружающей среды. Суд пришел к выводу, что загрязнение окружающей среды может служить помехой для пользования несколькими защищаемыми правами, в особенности правом на жизнь и правом на частную и семейную жизнь. Суд также установил, что государство несет позитивные обязанности по защите лиц от экологических рисков. В данном своде правовой практики были разъяснены обязанности государства по противодействию экологическим рискам, как только о них становится известно, в том числе посредством надлежащего и действенного регулирования, мониторинга и правоприменения, а также обязанности государства по обнародованию информации, касающейся экологических рисков.

В своем подходе к взаимосвязи между правами человека и экологическими вопросами Европейский суд руководствовался понятиями экологической демократии. Суд отметил, что необходимо обеспечивать баланс между позитивной обязанностью действовать в интересах защиты индивидуальных прав и коллективными интересами общества. Разрабатывая свою политику в области окружающей среды, государство пользуется свободой оценки. Однако эта свобода оценки не является безграничной, так как сдерживается принципом соразмерности любого конкретного ограничения защищаемых прав. Определяя соразмерность, Европейский суд подчеркнул важность соблюдения национального законодательства и процессуальных гарантий, позволяющих вести в обществе диалог по экологической политике, таких как доступ к информации [7], возможность участвовать в принятии решений и возможность запрашивать судебный надзор за решениями правительства. В тех случаях, когда национальное законодательство не соблюдается или процессуальные гарантии являются недостаточными, справедливый баланс соразмерности отсутствует и может возникнуть ответственность государства за вмешательство в экологические права и права человека.

Организация американских государств (ОАГ) — международная организация, созданная 30 апреля 1948 года на 9-й Межамериканской конференции в Боготе (Колумбия) на базе Панамериканского союза, существовавшего с 1889 года. В состав ОАГ входит 35 государств. В межамериканской системе защиты прав человека, проходящей в рамках ОАГ, экологические жалобы рассматриваются в свете нарушения права на жизнь и прав коренных народов [8].

Для обеспечения защиты прав человека в ОАГ созданы Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека. Оба межгосударственных органа созданы на основе Американской конвенции о правах человека (22.11.1969). Любое лицо или группа лиц,

неправительственная организация, государство могут подавать петиции в Комиссию, содержащие обвинения о нарушении Конвенции государством-членом. В Суд могут обращаться только государства — стороны спора и Комиссия. Суд может рассмотреть спор только после рассмотрения дела Комиссией.

В Дополнительном протоколе к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав (Сан Сальвадор, 17.11.1988) содержится положение о защите экологических прав человека.

Охрана окружающей среды требует, чтобы люди имели доступ к информации, участию в процессах принятия соответствующих решений и к суду по вопросам, касающимся защиты окружающей среды. Эти экологические права опосредованно представлены в Американской конвенции. Право на экологическую информацию содержится в ст. 13 Американской конвенции: каждый имеет право на свободу мнения и его выражения, что означает свободу искать, получать и распространять информацию независимо от границ, как устно, так и в письменном и печатном виде. Участие общественности в процессе принятия решений по экологически значимым вопросам заключено в ст. 23 Американской конвенции: каждый гражданин обладает правом принимать участие в ведении государственных дел непосредственно или через свободно избранных представителей. И наконец, право на доступ к средствам судебной защиты имеется в ст. 25 Американской конвенции: каждый имеет право на прямое и быстрое обращение или любое другое действенное обращение в компетентные суды за защитой нарушенных основных прав.

В деле «Коренное сообщество Сумо против Никарагуа» было признано, что распоряжение государством природными ресурсами коренных народов без их согласия влечет нарушение права собственности (ст. 21 Американской конвенции). Правительство Никарагуа предоставило иностранной компании концессию на вырубку леса на родной земле Сумо без консультации с сообществом Сумо. Комиссия установила в 1998 году, что правительство нарушает права коренного народа, и передала дело в Американский суд. 31 августа 2001 года Американский суд постановил, что государство Никарагуа нарушило положения Американской конвенции, в том числе право собственности. По решению Суда Никарагуа должны были принять внутренний закон для защиты прав коренных народов и выплатить 50 тыс. долл. США в качестве компенсации за моральный вред и 30 тыс. долл. США на покрытие судебных издержек и расходов.

В деле против Бразилии в 1985 году Комиссия установила правовую связь между качеством окружающей среды и правом на жизнь. Власти Бразилии нарушили положения Американской декларации прав и обязанностей человека 1948 года при строительстве шоссе через территорию проживания племени яномани. Эти действия привели к притоку некоренных народов, принесших инфекционные заболевания. Комиссия пришла к выводу, что правительство нарушило право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность и право на сохранение здоровья.

В деле *Samaraka People v Suriname* Межамериканский суд по правам человека рассмотрел вопрос о нарушении правительством Суринама права народа самарака в результате предоставления компании концессии на исконной территории этого народа. Суд перечислил ряд обязательств в экологической сфере правительства и подтвердил эти

обязательства за правительством Суринама. Суд призвал правительство Суринама обеспечить эффективные консультации с народом самарака и указал на необходимость получения от него предварительного и письменного согласия на эксплуатацию его земель, на обеспечение гарантий в том, чтобы данный народ также пользовался выгодой от любого проекта и не проводились никакие работы без предварительной экологической экспертизы и оценки.

В 2005 году Межамериканский суд по правам человека рассмотрел также первое дело о нарушении прав человека в результате изменения климата. Группа канадских эскимосов-инуитов подала жалобу в Межамериканскую комиссию по правам человека на то, что США игнорируют международные требования о необходимости сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу и в результате глобального потепления от этих выбросов они страдают от ряда негативных последствий, вследствие чего правительство США ответственно за нарушение прав инуитов. Комиссия не смогла единогласно признать жалобу неприемлемой (то есть голоса разделились), этому предшествовало открытое слушание дела в 2007 году.

Помимо принятия индивидуальных жалоб Межамериканская комиссия по правам человека имеет право исследовать ситуации в области прав человека в целом либо в отношении конкретных проблем в государстве — члене ОАГ. В 1997 году были опубликованы исследования Комиссии, где уделено особое внимание экологическим правам коренных народов в Эквадоре и Бразилии. При расследовании ситуации в Эквадоре Комиссия установила, что процесс добычи нефти влечет загрязнение воды, воздуха и почвы, в результате чего население региона Ориенте подвержено риску серьезных заболеваний (кожные заболевания, сыпь, хронические инфекции и заболевание желудочно-кишечного тракта). Кроме того, загрязнение рек повлекло гибель большого количества рыбы. Комиссия признала нарушение права на жизнь (ст. 11) и права на личную свободу и безопасность (ст. 7), поскольку загрязнение и деградация окружающей среды создает постоянную угрозу для жизни и здоровья людей. В заключении Комиссия постановила, что загрязнение окружающей среды, влекущее болезни для людей и угрозу здоровью, несовместимо с правами человека.

Межамериканский суд по правам человека содействовал установлению важных норм защиты коренных и племенных народов в связи с окружающей средой. Суд признал, что коренные и племенные народы имеют право собственности на традиционно занимаемые ими земли и территории. Суд пришел к этому заключению путем толкования Американской конвенции о правах человека в свете других соответствующих международных договоров по правам человека. Например, право на исконные земли, территории и природные ресурсы подкрепляется правом на самоопределение, признаваемым как Международным пактом о гражданских и политических правах и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, так и нормами, установленными Конвенцией № 169 Международной организации труда 1989 года о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах.

Таким образом, можно констатировать следующее. Межамериканский суд также разработал систему гарантий, применяемых, когда государство рассматривает вопрос об одобрении проектов в области развития или инвестици-

онных проектов, которые могут препятствовать осуществлению коренными народами своих прав. В таких случаях, чтобы гарантировать выживание затрагиваемых народов, от государства требуется: провести независимые экологические и социальные оценки; обеспечить надлежащие схемы распределения выгод; провести результативные и приемлемые с культурной точки зрения консультации, а также в некоторых случаях получить свободное и предварительно обоснованное согласие. Данные гарантии, несомненно, помогают прояснить связь между правами человека и окружающей средой. Одновременно с этим для осуществления этих гарантий требуются дальнейшие руководящие указания.

Африканский Союз — региональная международная межправительственная организация, объединяющая 54 государства Африки. Африканский Союз является правопреемником Организации Африканского Единства (ОАЕ), созданной в Аддис-Абебе в 1963 году.

Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 26.06.1981) — региональный правозащитный договор, принятый ОАЕ в 1981 году и вступивший в силу 21 октября 1986 года, — содержит широкий спектр как социально-экономических, так и гражданских прав, а также ряд обязанностей человека. Среди международных договоров в области прав человека лишь в Африканской хартии провозглашаются коллективные экологические права: право народов «на общий удовлетворительный уровень окружающей среды, благоприятствующий их развитию» (ст. 24). Отметим, во-первых, здесь речь идет о коллективных, а не индивидуальных правах, а во-вторых, акцент все же делается на промышленном развитии, нежели на благоприятном уровне окружающей среды. Надзор за выполнением Хартии — рассмотрение докладов государств о ее выполнении и заявлений о ее нарушениях — осуществляет созданная согласно Хартии Африканская комиссия по правам человека и народов. В 1998 году был принят и в 2004 году вступил в силу Протокол к Африканской Хартии, создавший Африканский суд по правам человека и народов. 15 декабря 2009 года Суд вынес свой первый приговор.

Индивидуальные экологические права Африканская хартия защищает опосредовано через право человека на здоровье (ст. 16). Так, в деле против Заира Африканской комиссией по правам человека и народов было установлено, что невозможность государства обеспечить такие базовые услуги, как доступ к чистой питьевой воде, говорит о нарушении ст. 16 Хартии.

В деле Ogoniland Африканская комиссия по правам человека и народов пришла к выводу, что «загрязненная и обезображенная окружающая среда, не может рассматриваться как соответствующая удовлетворительному жизненному уровню и развитию, этот провал концепции экологического равновесия вреден как физическому, так и моральному здоровью» [9]. Также в этом деле Комиссия постановила, что ст. 24 Хартии возлагает обязанность на государства принимать разумные меры «для предотвращения загрязнения и экологической деградации, с целью содействия сохранению и обеспечения экологически устойчивого развития и использования природных ресурсов». Отметим, что это решение уникально тем, что впервые право народов свободно распоряжаться своими природными ресурсами получило подтверждение в международном судебном органе (далее это дело будет рассмотрено подробнее).

Африканская комиссия по правам человека и народов

в своем другом решении в 2010 году по делу Сообщество Индоройс (Endorois Community) в Кении затронула вопрос о переселении народа индоройс с их исконных земель правительством Кении с целью строительства на этой территории спортивных объектов. Африканская комиссия зафиксировала нарушение права на землю данного народа, включая право на свободное распоряжение природными и полезными ископаемыми, и признала ответственность правительства Кении за нарушение прав этого народа. Африканская комиссия зафиксировала факт того, что народ индоройс не получил адекватной компенсации или реституции за их земли. С точки зрения Комиссии, это составляет еще одно нарушенное правительством Кении право, закрепленное в Африканской хартии прав человека и народов.

Африканская комиссия по правам человека и народов уделяла особое внимание правам коренных и племенных народов, которые затрагиваются ухудшением состояния окружающей среды, вызванным добычей полезных ископаемых и насильственным вытеснением этих народов с их исконных земель. Африканская комиссия конкретизировала значимость права на здоровую окружающую среду, признаваемого в Африканской хартии прав человека и народов, подчеркнув важность проведения оценки воздействия на окружающую среду и независимой научной оценки до начала такой деятельности. Африканская комиссия также подробно охарактеризовала право на использование природных ресурсов и право на развитие, сформулировав важные нормы в отношении проведения обстоятельных консультаций и получения свободного и предварительно обоснованного согласия.

В 2003 году Африканский Союз принял Протокол к Африканской хартии о правах человека и народов, касающийся прав женщин в Африке («Протокол Мапуту»), согласно которому женщины «имеют право жить в здоровой и устойчивой окружающей среде» (ст. 18) и «право в полной мере пользоваться своим правом на устойчивое развитие» (ст. 19).

Важное значение для соблюдения экологических прав имеет Африканская конвенция по сохранению природы и природных ресурсов 1968 года (вступила в силу 16 июня 1969 года). При этом стоит отметить, что 11 июля 2003 года была принята пересмотренная версия Африканской конвенции по сохранению природы и природных ресурсов, но она еще не вступила в силу. В новой конвенции напрямую зафиксированы экологические права: право народов на благоприятную окружающую среду (ст. 3), процедурные экологические права (ст. 16).

Непреходящее значение для поддержания экологической безопасности Африки имеет Бамакская конвенция о запрещении ввоза в Африку и контроле за трансграничной перевозкой и утилизацией в Африке опасных отходов 1991 года (вступила в силу 22 апреля 1998 года, на сентябрь 2014 года 34 государства ратифицировали).

Таким образом, можно констатировать следующее. Устойчивое развитие и охрана окружающей среды могут способствовать повышению благополучия человека и осуществлению прав человека [10; 11; 12]. Во многих международных договорах по правам человека, заключенных после Стокгольмской конференции 1972 года, содержатся прямые указания на окружающую среду или признается право на благоприятную или здоровую окружающую среду. Аналогичным образом цели многих международных экологических договоров сформулированы с прямым указанием

на охрану здоровья человека, окружающей среды и общего наследия человечества. Кроме того, значительное число государств включили права и обязанности по отношению к окружающей среде в свои национальные конституции.

Ущерб окружающей среде может иметь как прямые, так и косвенные негативные последствия для эффективного

осуществления прав человека, что было отмечено на универсальном и региональном уровне. В этой связи региональные комиссии и суды по правам человека разъясняли экологические аспекты защищаемых прав человека, включая право на жизнь, здоровье, собственность, частную и семейную жизнь и доступ к информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2012. 400 с.
2. Ramnewash-Oemrawsingh Sangini T. The Human Right to a Viable Environment. Cambridge, 2010. 550 p.
3. Голубок С. Экологическое измерение права на уважение частной жизни // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42. (СПС «Консультант плюс»).
4. Копылов М. Н., Солнцев А. М. Экологические права человека в системе международно признанных прав человека // Государство и право. 2010. № 3. С. 23—32.
5. Дерендяева Э. Б., Солнцев А. М. Эволюция защиты экологических прав человека в Совете Европы // Правоведение. 2010. № 3. С. 162—172.
6. Алисиевич Е. С. Право на благоприятную окружающую среду: перспективы принятия Протокола № 15 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Юридические науки». 2010. № 2 (6). С. 10—16.
7. Анисимов А. П., Кодолова А. В. Правовой режим экологической информации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1 (16). С. 69—75.
8. Абашидзе А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 55—75.
9. Конева А. Е. Нигерийская трагедия в Огониланд: международно-правовые последствия // Актуальные вопросы международного права в Африке: мат. круглого стола X ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современного международного права», посв. памяти проф. И. П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 года. М.: РУДН, 2012. С. 247—254.
10. Гассий В. В. Организационные эколого-экономические инструменты управления социально-экономическими системами региона в контексте концепции устойчивого развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3 (16). С. 93—97.
11. Скитер Н. Н. Реализация международной эколого-экономической политики с использованием квот на загрязнение // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 182—186.
12. Брижань И. А. Основные направления и задачи экологически ориентированного управления развитием промышленного производства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 25—28.

REFERENCES

1. Regional systems of the human rights protection: textbook / Editor-in-chief A. H. Abashidze. M.: PFUR, 2012. 400 p.
2. Ramnewash-Oemrawsingh Sangini T. The Human Right to a Viable Environment. Cambridge, 2010. 550 p.
3. Golubok S. Ecological measurement of law for the private life respect // EJ-Lawyer. 2005. № 42. (SPS Consultant Plus).
4. Kopylov M. N., Solntsev A. M. Human ecological rights in the system of the internationally accepted human rights // State and law. 2010. № 3. P. 23—32.
5. Derendyaeva E. B., Slntsev A. M. Evolution of protection of the human ecological rights in the European Council // Legal sciences. 2010. № 3. P. 162—172.
6. Alisievitche E. S. The right for favorable environment: prospects of adoption of Protocol № 15 to the European convention regarding protection of human rights and major freedoms // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series Legal sciences. 2010. № 2 (6). P. 10—16.
7. Anisimov A. P., Kodolova A. V. Legal regime of ecological information // Bulletin of Volgograd academy of the RF Ministry of Internal Affairs. 2011. № 1 (16). P. 69—75.
8. Abashidze A. H. Inter-American system of the human rights protection and the issues of protection of the indigenous people rights // Moscow journal of international law. 2004. № 1. P. 55—75.
9. Koneva A. E. Nigerian tragedy in Ogoniland: international-legal consequences // Urgent issues of the international law in Africa: materials of the round table of the X annual All-Russia scientific-practical conference «Urgent issues of modern international law» in commemoration of professor I. P. Blishchenko. Moscow, October 12, 2012. M.: PFUR, 2012. P. 247—254.
10. Gassiy V. V. Organizational ecological-economic tools of management of the socio-economic systems of the region in the context of the stable development concept // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 3 (16). P. 93—97.
11. Skiter N. N. Implementation of the international ecological-economic policy using quotes for pollutions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 182—186.
12. Brijan I. A. Main directions and objectives of the ecologically-friendly management of industrial production development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 25—28.

УДК 341.3
ББК 67.911.14

Khaled M. M. Miari,
post-graduate student of the department of international
law of People's Friendship University of Russia,
Moscow,
e-mail: rudn_mp@mail.ru

Халед Миари,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
г. Москва,
e-mail: rudn_mp@mail.ru

СТЕПЕНЬ ПРИМЕНИМОСТИ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ПАЛЕСТИНСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

APPLICABLE PRINCIPLES AND NORMS OF THE INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AT THE OCCUPIED PALESTINIAN TERRITORIES

В статье освещается современный статус оккупированных Израилем палестинских территорий, особое внимание уделяется специфике правового статуса сектора Газа. Анализируются применимые принципы и нормы международного гуманитарного права на оккупированных палестинских территориях (в том числе в секторе Газа), указываются случаи их нарушения со стороны Израиля. Делается вывод о необходимости проработки вопроса об обращении в Международный уголовный суд для восстановления справедливости на Ближнем Востоке. Раскрывается международно-правовой статус Государства Палестина. Особый акцент в статье делается на анализе последствий присоединения Государства Палестина к ряду международных договоров в сфере международного гуманитарного права весной 2014 года.

The article highlights the current status of the Israeli-occupied Palestinian territories focusing on the specifics of the legal status of the Gaza Strip. The applicable principles and rules of the international humanitarian law in the occupied Palestinian territories (including Gaza) are analyzed; the cases of their violation by Israel are identified. The author made conclusion about necessity of development of application to the International Criminal Court for recovery of justice in the Middle East. The international legal status of the State of Palestine is revealed in the article. Particular emphasis is made on the analysis of the consequences of joining by the State of Palestine to a number of international agreements in the field of the international humanitarian law in spring of 2014.

Ключевые слова: международное право, режим оккупации, международное гуманитарное право, международное уголовное право, Международный уголовный суд, Женевские конвенции, Израиль, Государство Палестина, Организация освобождения Палестины (ООП), оккупированные палестинские территории, сектор Газа.

Keywords: international law, regime of occupation, international humanitarian law, international criminal law, International Criminal Court, Geneva Conventions, Israel, State of Palestine, Palestine Liberation Organization (PLO), the occupied Palestinian territories, the Gaza Strip.

Палестинский вопрос с момента создания ООН прочно занял постоянное место в повестке дня мирового сообщества в силу своего сложного характера, накаляющего международную обстановку на Ближнем Востоке и в целом в мире.

Ситуация сегодня на оккупированных палестинских территориях выглядит следующим образом. Государство Палестина — государство на Ближнем Востоке, официально признанное 134 государствами — членами ООН и находящееся в процессе создания. Формирование палестинского государства предусматривается на территории Западного берега реки Иордан (или его части, в том числе на территории Восточного Иерусалима) и сектора Газа. Сектор Газа и Западный берег реки Иордан представляют собой два эксклава, разделенных территорией Израиля.

При этом 15 августа 2005 года в рамках плана одностороннего размежевания израильское правительство начало принудительную эвакуацию жителей Газы — граждан Израйля и вывод израильских войск из сектора. И, хотя израильское присутствие в секторе Газа прекратилось, тем не менее Израиль продолжил осуществлять контроль над территориальными водами Газы и ее воздушным пространством. Таким образом, складывается двойственная ситуация: с точки зрения международного права (о чем ниже мы подробно будем говорить) оккупация продолжается, хотя Израиль ее и отрицает.

Палестинская национальная администрация (ПНА) была создана в 1994 году в соответствии с базовыми соглашениями между Израилем и Организацией освобождения Палестины, подписанными 13 сентября 1993 году в Осло [1]. ПНА — это руководящие органы, созданные для управления территориями сектора Газа и частью территорий Западного берега реки Иордан. 5 января 2013 года был издан указ председателя ПНА Махмуда Аббаса, предписывающий впредь вместо названия «Палестинская национальная администрация» использовать в официальных целях исключительно название «Государство Палестина». Сегодня Государство Палестина является государством — членом ЮНЕСКО и Лиги арабских государств, а 29 ноября 2012 года получило статус государства-наблюдателя при Организации Объединенных Наций [2].

Несмотря на предпринимаемые мировым сообществом усилия, ситуация мало меняется применительно к последствиям оккупации палестинских территорий. Продолжают иметь место нарушения международных норм на этих территориях. Согласно данным, полученным в результате мониторинга Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) и другими структурами ООН на оккупированной палестинской территории, Израиль совершает систематические нарушения международного права, в том числе вследствие чрезмерного применения силы и проведения военных операций, в результате чего среди палестинских мирных жителей, включая детей, женщин

и участников мирных демонстраций, имеются убитые и раненные; применением коллективного наказания; закрытием районов; конфискацией земель; созданием и расширением поселений; строительством на оккупированной палестинской территории стены, маршрут прокладки которой отклоняется от линии перемирия 1949 года; уничтожением имущества и инфраструктуры и всеми другими предпринимаемыми им действиями с целью изменить правовой статус, географический характер и демографический состав оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим [3].

Так, в связи с обострением палестино-израильского конфликта летом 2014 года Верховный комиссар ООН по правам человека Нави Пиллэй заявила, что атаки Израиля против сотрудников гуманитарных миссий и объектов, используемых для гуманитарных операций, — это нарушение международного гуманитарного права, которое может быть расценено как военное преступление [4]. Нави Пиллэй отметила, что с 7 июля после начала израильской операции сектор Газа подвергается ежедневным интенсивным бомбардировкам. Военные действия привели к гибели 600 палестинцев. В числе жертв 147 детей и 74 женщины. Согласно предварительным оценкам, 74% всех жертв в Газе — гражданские лица [5].

Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость проведения международно-правового анализа применимых на оккупированных палестинских территориях, в том числе в секторе Газа, норм и принципов международного права, особенно международного гуманитарного права, в целях квалификации нарушений соответствующих норм и принципов международного права.

Напомним, что международное гуманитарное право (МГП) содержит принципы и нормы, применимые к ведению военных действий, и предусматривает ограничения на ведение военных действий в целях защиты гражданских лиц и лиц, переставших участвовать в военных действиях. Оно применяется также к ситуациям военной оккупации. Все стороны вооруженного конфликта связаны нормами международного гуманитарного права.

Израиль является стороной четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, но не ратифицировал Дополнительные протоколы I и II к ним, касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов. Кроме того, Израиль является стороной Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими повреждения или имеющими неизбирательное действие, а также Протокола I к данной Конвенции о необнаруживаемых осколках, оба документа от 10 октября 1980 года.

Стоит отметить, что в международном праве кроме договорных норм большое значение имеют обычные нормы, которые налагают обязательства на государства вне зависимости от того, ратифицировали ли они тот или иной международный договор. Так, многие из норм, содержащихся в четвертой Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны и в прилагаемых к ней Правилах, а также четыре Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним в настоящее время стали частью обычного международного права [6]. Высокий суд правосудия Израиля подтвердил, что Израиль должен придерживаться норм и правил, отраженных в четвертой Женевской конвенции, Правил, прилагаемых к четвертой Гагской конвенции, и принципов обычного международного права, отраженных

в некоторых положениях Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года. Правительство Израиля признает, что, хотя оно не является стороной Дополнительного протокола I, некоторые из его положений точно отражают обычное международное право [7]. В частности, согласно ст. 29 четвертой Женевской конвенции «находящаяся в конфликте сторона, во власти которой находятся покровительствуемые лица, ответственна за обращение своих представителей с покровительствуемыми лицами, причем это не снимает личной ответственности с этих представителей».

Правовая основа, применимая к ситуациям оккупации, включает положения, содержащиеся в Гагских правилах (в особенности ст. 42—56), четвертой Женевской конвенции (в особенности ст. 47—78) и Дополнительном протоколе I, и обычное международное право. Последовательные шаги в развитии этой правовой основы представляют попытки международного сообщества лучше защитить людей от последствий войны при должном учете военной необходимости.

Ст. 42 Гагских правил, рассматриваемых как обычное международное право [8, para. 172; 9, п. 78], устанавливает, что «территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии». Занявшие таким образом территорию власти обязаны принять все зависящие от них меры к тому, «чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь» на занятой территории (ст. 43). Эти положения требуют изучения вопроса о том, осуществляет ли Израиль власть в секторе Газа после создания ПНА.

В то время как составители Гагских правил были столь же обеспокоены защитой прав государства, территория которого оккупирована, сколь и защитой жителей этой территории, составители четвертой Женевской конвенции стремились гарантировать защиту гражданских лиц («покровительствуемых лиц») во время войны независимо от статуса оккупированных территорий [9, п. 95]. В соответствии с четвертой Женевской конвенцией под защитой состоят лица, которые в какой-либо момент и каким-либо образом находятся во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются. То, что четвертая Женевская конвенция содержит требования, во многих отношениях более гибкие, чем Гагские правила, и, таким образом, обеспечивает большие меры защиты, было признано Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле Налетелича, в котором Судебная палата применила критерий, содержащийся в ст. 6 четвертой Женевской конвенции: меры защиты, предусмотренные в четвертой Женевской конвенции, вступают в действие, как только покровительствуемые лица оказываются в руках армии противника или оккупирующей державы, что понимается не в физическом смысле, а в более широком смысле пребывания во власти армии противника. Судебная палата пришла к заключению о том, что применение норм, регулирующих режим оккупации, в отношении «отдельных лиц» в качестве гражданских лиц, находящихся под защитой в соответствии с четвертой Женевской конвенцией, не требует, чтобы оккупирующая держава обладала фактической властью [10, paras. 219—222].

Израиль, несомненно, осуществлял и в настоящее время осуществляет фактический контроль над сектором Газа. Обстоятельства этого контроля означают, что сектор Газа

остаётся под оккупацией Израиля. Вследствие этого положения четвертой Женевской конвенции применимы в любой соответствующий период к обязательствам Израиля в отношении населения сектора Газа.

Несмотря на заявленное намерение Израиля отказаться от своего положения оккупирующей державы посредством вывода войск и поселенцев из сектора Газа во время «разъединения» 2005 года [11, пара. 2 (i) (3)], международное сообщество по-прежнему считает его оккупирующей державой [12; 13].

С учетом специфического геополитического положения сектора Газа полномочия, которые Израиль осуществляет на границе, позволяют ему определять условия жизни в секторе Газа. Израиль контролирует пункты пересечения границы (в том числе в значительной степени переход в Египет в Рафахе в соответствии с условиями Соглашения о передвижении и доступе 2005 года [14]) и решает, что и кто перемещается в сектор Газа и в обратном направлении. Это Соглашение от 15 ноября 2005 года представляет собой обязательства правительства Израиля и Палестинской автономии. Его осуществлению и дальнейшей разработке содействуют Специальный посланник «Четверки» по вопросу о разъединении и его сотрудники и/или Координатор по вопросам безопасности Соединенных Штатов и его сотрудники. Израиль контролирует также территориальное море, прилегающее к сектору Газа, и объявил фактическую блокаду и границы рыболовной зоны, регулируя тем самым хозяйственную деятельность в этой зоне. Он осуществляет также полный контроль над воздушным пространством сектора Газа, в частности посредством постоянного наблюдения с использованием воздушных судов и беспилотных летательных аппаратов, или беспилотников. Он осуществляет военные вторжения и время от времени поражает цели в секторе Газа. В секторе Газа рядом с границей там, где находились израильские поселения, объявлены запретные зоны, режим которых обеспечивается израильскими вооруженными силами. Кроме того, Израиль регулирует местный денежный рынок, основанный на израильской валюте (новом шекеле), и контролирует налоги и таможенные пошлины.

Верховная ответственность за оккупированную палестинскую территорию по-прежнему лежит на Израиле. В соответствии с нормами и практикой оккупации установление оккупирующей державой временного управления оккупированной территорией не является существенным требованием для понятия «оккупация», хотя это могло бы быть одним из элементов, указывающих на существование такой оккупации [10, пара. 217]. По сути, как показано в случае Дании во время Второй мировой войны, оккупант может оставить существующую местную администрацию или разрешить создание новой администрации, пока он сохраняет за собой верховную ответственность. Хотя Израиль передал ПНА ряд функций в обозначенных зонах, он поступил так на основании Соглашений Осло и соответствующих договоренностей, сохранив за собой «не переданные таким образом полномочия и обязанности» [15, art. I (1)]. Когда Израиль в одностороннем порядке вывел войска и поселения из сектора Газа, он оставил там палестинскую местную администрацию. Не имеется местного управляющего органа, которому была бы передана полная ответственность. В этом отношении важно напомнить, что Международный Суд в своем консультативном заключении «Правовые последствия строительства стены на оккупированной пале-

стинской территории» [16] полагает, что передача полномочий и обязанностей Израилем в соответствии с различными соглашениями с Организацией освобождения Палестины (ООП) «ничего не сделала» для изменения природы Израиля как оккупирующей державы [9, п. 76—78].

Хотя в секторе Газа присутствуют основные элементы режима оккупации, необходимо учитывать тот факт, что внутри Газы фактически существует местная администрация, которая осуществляет функции и обязанности в различных районах, переданных ПНА в соответствии с Соглашениями Осло, в той мере, в которой она может это делать в свете закрытий и блокады, установленных Израилем.

События, происшедшие за последние два десятилетия, в частности посредством судебной практики международных трибуналов, привели к выводу о том, что материальные нормы, применимые либо к международным, либо к немеждународным вооруженным конфликтам, сближаются. Тем не менее существуют определенные различия в отношении режима принудительного осуществления, установленного договорным правом, в частности режима «серьезных нарушений», содержащегося в Женевских конвенциях.

Военные действия происходят между вооруженными силами Израиля и военным крылом движения ХАМАС (бригады «Аль-Кассам») и других палестинских группировок, включая «Бригады мучеников аль-Аксы», которые связаны с движением ФАТХ, контролирующим Палестинскую администрацию. Верховный суд Израиля счел конфронтацию между вооруженными силами Израиля и тем, что он называет «террористическими организациями», действующими на оккупированной палестинской территории, международным вооруженным конфликтом по двум причинам: существующий контекст оккупации и трансграничный характер конфронтации [17]. Тем не менее, как указывает правительство Израиля, классификация соответствующего вооруженного конфликта как международного или немеждународного может не иметь слишком большого значения, поскольку «многие аналогичные нормы и принципы регламентируют оба вида конфликтов» [7, пара. 31].

Обычно вооруженные конфликты содержат элементы как международного, так и немеждународного характера. Нормы, содержащиеся в ст. 3, которая является общей для четырех Женевских конвенций, рассматриваемых как обычное международное право, являются базовыми нормами, применимыми ко всем конфликтам [18, р. 14]. Стремление к защите гражданских лиц и лиц, переставших участвовать в военных действиях, во всякого рода конфликтах привело к нарастающему сближению принципов и норм, применимых к международным и немеждународным конфликтам, как официально установила Апелляционная палата Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в деле Тадича. Действительно, «то, что бесчеловечно и, соответственно, запрещено в международных войнах, не может не быть бесчеловечным и недопустимым в гражданских беспорядках» [19, пара. 96, 119]. Это относится не только к защите гражданских лиц, но и как к методам, так и к средствам ведения войны.

Происходит также сближение мер защиты в рамках прав человека и мер защиты в рамках гуманитарного права. Нормы, содержащиеся в ст. 75 Дополнительного протокола I, который отражает обычное право, определяют ряд основных гарантий и мер защиты, таких как запрет на пытки, убийство и негуманные условия содержания под стражей, признанные также в соответствии с правом прав человека.

Эти меры защиты применяются ко всем лицам, пребывающим во власти одной из сторон, находящихся в конфликте, «которые не пользуются более благоприятным отношением» в соответствии с Женевскими конвенциями и протоколами к ним.

Следует отметить, что с целью укрепления международно-правовой ситуации Палестина приняла беспрецедентное решение 2 апреля 2014 года присоединиться к ряду международных договоров, в том числе к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948), Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973), I, II, III и IV Женевским конвенциям, касающимся защиты жертв (1949), Дополнительному протоколу I к Женевским конвенциям (1977) и Гаагской конвенции (IV) о законах и обычаях сухопутной войны и приложению к ней: Правила в отношении законов и обычаев наземной войны (1907) [20].

В заключение отметим, что ответственность за расследование нарушений международного гуманитарного права, осуществление преследования в необходимых случаях и судебное преследование виновных являются прежде всего прерогативой внутренних властей и институтов [21; 22; 23]. В данных обстоятельствах возможность обеспечить ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права посредством внутригосударственных институтов в Израиле очень мала, а в Газе она еще меньше. Давнишняя безнаказанность является ключевым фактором сохранения в регионе насилия и повторного совершения нарушений, а также исчезновения уверенно-

сти среди палестинцев и многих израильтян в возможности установления справедливости и мирного урегулирования конфликта. Часть из упомянутых в настоящей статье нарушений составляют серьезные нарушения четвертой Женевской конвенции. Все высокие договаривающиеся стороны обязаны по Женевским конвенциям вести поиск ответственных за предположительные нарушения и отдавать их под суд. Серьезные нарушения международного гуманитарного права, о которых говорилось в настоящей статье, подпадают под юрисдикцию Международного уголовного суда. Совет Безопасности ООН давно признает то воздействие, которое оказывает положение на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, на международный мир и безопасность, и он регулярно рассматривает и проводит обзор этого положения. В свете затяжного характера этого конфликта, частых и последовательных утверждений о нарушениях международного гуманитарного права применительно ко всем сторонам, явно возросшей интенсивности подобных нарушений в ходе недавних военных операций и вызывающей сожаление возможности возврата к дальнейшему насилию конструктивные и практические шаги, направленные на то, чтобы положить конец безнаказанности за подобные нарушения, явились бы эффективным способом предупреждения повторного совершения подобных нарушений в будущем. Преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, способствовало бы прекращению подобных нарушений, защите гражданских лиц и восстановлению и поддержанию мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению («Договоренности Осло») (13.09.1993 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (дата обращения: 01.09.2014).
2. «Статус Палестины в Организации Объединенных Наций». Резолюция ГА ООН 67/19 от 29.11.2012 года
3. Совет по правам человека. Проект резолюции «Положение с правами человека на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим». 19 марта 2013 года. Док. ООН A/HRC/22/L.44.
4. ООН: число свидетельств военных преступлений в секторе Газа растет [Электронный ресурс]. URL: ria.ru/world/20140805/1018873510.html (дата обращения: 01.09.2014).
5. Нави Пиллэй: обеспечение ответственности — первый шаг к прекращению нарушений прав человека в Газе и в Израиле [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=22037#.U_sYBfnV_3Q (дата обращения: 01.09.2014).
6. Абашидзе А. Х. Обычное международное гуманитарное право: монография / Под ред. Жан-Мари Хенкертс, Луиза Досвальд-Бек; Международный Комитет Красного Креста. М.: МККК, 2006. 820 с.
7. The operation in Gaza: Factual and legal aspects, July 2009 // Веб-сайт Министерства иностранных дел Израиля [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.il/MFA/Terrorism+Obstacle+to+Peace/Terrorism+and+Islamic+Fundamentalism/Operation_in_Gaza-Factual_and_Legal_Aspects.htm (дата обращения: 01.09.2014).
8. Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment of 19 December 2005, I.C.J. Reports 2005/[Электронный ресурс]. URL: www.icj-cij.org/docket/files/116/10455.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
9. Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории: консультативное заключение от 9 июля 2004 года/I.C.J. Reports 2004 [Электронный ресурс]. URL: www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_2004-07-09.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
10. Prosecutor v. Naletilić, case No. IT-98-34-T, Decision of 31 March 2003 [Электронный ресурс]. URL: www.icty.org/x/cases/naletilic_martinovic/tjug/en/nal-tj030331-e.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
11. Disengagement Plan — General Outline, Prime Minister's Office, 15 April 2004 [Электронный ресурс]. URL: www.pmo.gov.il/PMOEng/Archive/Press+Releases/2004/Disengagement+Plan (дата обращения: 01.09.2014).
12. Резолюция 1860 (2009) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refworld.org.ru/country,,UNSC,,PSE,,496c522d2,0.html> (дата обращения: 01.09.2014).
13. Резолюция S-9/1 Совета ООН по правам человека [Электронный ресурс]. URL: ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_10_21.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
14. Соглашение о передвижении и доступе 2005 года [Электронный ресурс]. URL: <http://unispal.un.org/unispal.nsf/b9>

87b5db9bee37bf85256d0a00549525/c9a5aa5245d910bb852570bb0051711c/\$FILE/Rafah%20agreement.pdf (дата обращения: 01.09.2014).

15. Israeli-Palestinian Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip, 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unsco.org/Documents/Key/Israeli-Palestinian%20Interim%20Agreement%20on%20the%20West%20Bank%20and%20the%20Gaza%20Strip.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).

16. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. 2-е изд. М.: РУДН, 2012. 307 с.

17. The Public Committee against Torture in Israel v. The Government of Israel (Targeted Killings case) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.upenn.edu/institutes/cerl/conferences/targetedkilling/papers/IsraeliTargetedKillingCase.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).

18. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment// I.C.J. Reports 1986 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&p1=3&p2=3&case=70&p3=5> (дата обращения: 01.09.2014).

19. Prosecutor v. Tadić, case No. IT-94-1-AR72, Decision on the defense motion for interlocutory appeal on jurisdiction of 2 October 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&p1=3&p2=3&case=70&p3=5> (дата обращения: 01.09.2014) (дата обращения: 01.09.2014).

20. United Nations High Commissioner for Human Rights. Regular press briefing by the information service. OHCHR Palestine. 2 May 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/D9DDFE6EBE6E5D6985257CCF004DAE76> (дата обращения: 01.09.2014).

21. Ионов М. О. Утрата военного имущества: вопросы квалификации и совершенствования уголовного закона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 251—253.

22. Ионов М. О. Ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества по законодательству зарубежных стран // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 254—258.

23. Федор А. И., Тимошенко М. А. Современные аспекты экономической безопасности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 207—209.

REFERENCES

1. Declaration of principles regarding temporary measures of self-government (Oslo arrangements) (13.09.1993) [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (date of viewing: 01.09.2014).

2. «Status of Palestine in the United Nations Organization». Resolution of UNGA 67/19 dated 29.11.2012

3. Human Rights Council. Draft of resolution «State of human rights at the occupied Palestinian area, including Eastern Jerusalem». March 19, 2013. UN document A/HRC/22/L.44.

4. UNO: the number of evidences of the military crimes in the Gaza Strip is growing [Electronic resource]. URL: ria.ru/world/20140805/1018873510.html (date of viewing: 01.09.2014).

5. Navi Pillay: providing for responsibility – the first step towards termination of the human rights violation in the Gaza Strip and Israel [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=22037#U_sYBfnV_3Q (date of viewing: 01.09.2014).

6. Abashidze A. H. Common international humanitarian law: monograph / Edited by Jan-Mary Henkerts, Luisa Dosvald-Beck; International Committee of the Red Cross. M.: RCIC, 2006. 820 p.

7. The operation in Gaza: Factual and legal aspects, July 2009 // Web-site of Israel Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.gov.il/MFA/Terrorism+Obstacle+to+Peace/Terrorism+and+Islamic+Fundamentalism-/Operation_in_Gaza-Factual_and_Legal_Aspects.htm (date of viewing: 01.09.2014).

8. Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment of December 19, 2005//I.C.J. Reports 2005 [Electronic resource]. URL: www.icj-cij.org/docket/files/116/10455.pdf (date of viewing: 01.09.2014).

9. Legal consequences of the wall construction at the occupied Palestinian area: consultation conclusion dated July 9, 2004//I.C.J. Reports 2004 [Electronic resource]. URL: www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_2004-07-09.pdf (date of viewing: 01.09.2014).

10. Prosecutor v. Naletilić, case № IT-98-34-T, Decision of March 31, 2003 [Electronic resource]. URL: www.icty.org/x/cases/naletilic_martinovic/tjug/en/nal-tj030331-e.pdf (date of viewing: 01.09.2014).

11. Disengagement Plan — General Outline, Prime Minister's Office, April 15, 2004 [Electronic resource]. URL: www.pmo.gov.il/PMOEng/Archive/Press+Releases/2004/Disengagement+Plan (date of viewing: 01.09.2014).

12. Resolution 1860 (2009) of the UN Security Council [Electronic resource]. URL: <http://www.refworld.org.ru/country,,UNSC,,PSE,,496c522d2,0.html> (date of viewing: 01.09.2014).

13. Resolution S-9/1 of the UN Human Right Council [Electronic resource]. URL: ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_10_21.pdf (date of viewing: 01.09.2014).

14. Agreement on movement and access of 2005 [Electronic resource]. URL: [http://unispal.un.org/unispal.nsf/b987b5db9bee37bf85256d0a00549525/c9a5aa5245d910bb852570bb0051711c/\\$FILE/Rafah%20agreement.pdf](http://unispal.un.org/unispal.nsf/b987b5db9bee37bf85256d0a00549525/c9a5aa5245d910bb852570bb0051711c/$FILE/Rafah%20agreement.pdf) (date of viewing: 01.09.2014).

15. Israeli-Palestinian Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip, 1995 [Electronic resource]. URL: <http://www.unsco.org/Documents/Key/Israeli-Palestinian%20Interim%20Agreement%20on%20the%20West%20Bank%20and%20the%20Gaza%20Strip.pdf> (date of viewing: 01.09.2014).

16. Abashidze A. H., Solntsev A. M. Peaceful resolution of international disputes: modern issues: monograph. 2nd edition. M.: PFRU, 2012. 307 p.

17. The Public Committee against Torture in Israel v. The Government of Israel (Targeted Killings case) [Electronic resource]. URL: <https://www.law.upenn.edu/institutes/cerl/conferences/targetedkilling/papers/IsraeliTargetedKillingCase.pdf> (date of viewing: 01.09.2014).

18. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment//I.C.J. Reports 1986 [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&p1=3&p2=3&case=70&p3=5> (date of viewing: 01.09.2014).

19. Prosecutor v. Tadić, case № IT-94-1-AR72, Decision on the defense motion for interlocutory appeal on jurisdiction of October 2, 1995 [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=367&p1=3&p2=3&case=70&p3=5> (date of viewing: 01.09.2014) (date of viewing: 01.09.2014).

20. United Nations High Commissioner for Human Rights. Regular press briefing by the information service. OHCHR Palestine. May 2, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/D9DDFE6EBE6E5D6985257CCF004DAE76> (date of viewing: 01.09.2014).

21. Ionov M. O. Loss of military property: issues of qualification and improvement of the criminal law // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 251—253.

22. Ionov M. O. Responsibility for crimes against procedure of the military property keeping according to the foreign legislation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 254—258.

23. Fedor A. I., Timoshenko M. A. Modern aspects of economic safety // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3 (20). P. 207—209.

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES

13.00.01 ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА; ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

13.00.01 GENERAL PEDAGOGIC; HISTORY OF PEDAGOGIC AND EDUCATION

УДК 377.015.3:316.46

ББК 74.57 60.524

Лепаев Роман Олегович,
post-graduate student of the department
of education methodology of the Saratov State University
named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov,
e-mail: roman-lepaev@yandex.ru

Лепаев Роман Олегович,
аспирант кафедры методологии образования
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов,
e-mail: roman-lepaev@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SCIENTIFIC APPROACHES TO EXAMINATION OF THE FORMATION PROCESS OF THE STUDENTS' LEADERSHIP POSITION IN THE SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

В статье исследованы научные подходы к изучению процесса формирования лидерской позиции студентов средних профессиональных учебных заведений. В настоящее время в нашей стране существует проблема подготовки специалистов рабочих профессий, которая не направлена на развитие всего комплекса знаний, умений и навыков, необходимых для самостоятельной трудовой деятельности. В научной статье рассмотрены основные методологические подходы, применяемые в педагогической науке. Автор акцентирует внимание на системно-функциональном подходе, основанном на работах Н.М. Таланчука; раскрывает сущность данного подхода как функций, осуществляемых педагогом во время решения педагогической задачи. В статье освещается возможность построения модели процесса формирования лидерской позиции студентов средних профессиональных учебных заведений на основе системно-функционального подхода.

The scientific approaches to studying the formation process of the leadership position of students of the secondary professional educational institutions are examined in the article. Currently, there is the problem of the blue collar professional training, which is not aimed at the development of the entire complex of knowledge, abilities and skills required for self-employment. This scientific article describes the main methodological approaches used in pedagogical science. The author focuses on the system-functional approach based on the works of N.M. Talanchuk; he reveals the essence of this approach as the functions performed by the teacher during pedagogical problem solving. The article elucidates the possibility of constructing a model of the formation of a students' leadership position at the secondary professional educational institutions on the basis of the system-functional approach.

Ключевые слова: лидерство, лидерская позиция, среднее специальное образование, педагогика, научный подход, системно-синергетический подход, системно-функциональный подход, воспитательная деятельность, педагоги-

ческие функции, методы воспитательной деятельности.

Keywords: leadership, leadership position, secondary professional education, pedagogy, scientific approach, system-synergetic approach, system-functional approach, upbringing activity, pedagogic functions, upbringing activity methods.

В настоящее время в российском обществе происходят глубокие социально-экономические перемены, затрагивающие все стороны жизни. Общество остро нуждается в специалистах — амбициозных, конкурентоспособных, адаптированных к современным условиям рынка труда профессионалах, имеющих навыки взаимодействия в коллективе, а также организаторские способности [1, с. 200].

Проведенный анализ научно-методической литературы и опыта практической деятельности всех составляющих системы среднего профессионального образования свидетельствует о наличии проблемы подготовки специалистов рабочих профессий, готовых к дальнейшей активной самостоятельной профессиональной деятельности. Данная проблема берет свое начало в результате осуществления методической, воспитательной работы и учебно-производственной практики без применения педагогических инноваций, учета социального заказа общества, новейших достижений современной профессиональной педагогики [2, с. 144].

В условиях среднего профессионального учебного заведения возможно построение благоприятных условий для подготовки выпускников к профессиональному самоопределению и самостоятельной трудовой деятельности. Совокупность различных видов деятельности при эффективном управлении призвана обеспечить удовлетворение потребностей студентов в приобретении всего многообразия знаний, умений и навыков, которые будут необходимы в дальнейшей профессиональной деятельности [3, с. 81]. Педагогический состав и руководство учебного учреждения должны предпринять шаги для развития самоуправленческих начал в коллективной

жизнедеятельности, воспитании у студентов организаторского мастерства, коммуникативных умений и навыков, а также лидерской позиции.

Психолого-педагогическим аспектам лидерства посвятили свои исследования такие ученые, как С. А. Багрецов, А. А. Ершов, Б. Д. Парыгин, А. С. Чернышев и др. Произведя анализ научных исследований по данной проблематике, мы установили, что лидерство определяется как:

— степень ведущего влияния личности члена группы на группу в целом в направлении оптимизации решения общегрупповой задачи (Багрецов) [4, с. 38];

— ведущее положение одного из членов группы, который обладает необходимыми организаторскими способностями, занимает центральное положение в структуре межличностных отношений и способствует своим примером, организацией и управлением группой достижению групповых целей наилучшим образом (Ершов) [5, с. 54];

— один из процессов организации и управления малой социальной группой, который способствует достижению групповых целей в оптимальные сроки и с оптимальным эффектом (Парыгин) [6, с. 122].

Базируясь на данных определениях лидерства, лидерскую позицию можно определить как активную позицию индивида, направленную на оптимизацию решения общегрупповой задачи.

Термин «подход» определяется как «совокупность приемов, способов» [7, с. 545] в познании реальности. В. В. Маткин [8, с. 38] считает, что подход — это особая форма познавательной и практической деятельности; стратегия изучения исследуемого процесса; рассмотрение явлений педагогики под определенным ракурсом рассмотрения; базовая ценностная ориентация, формирующая позицию педагога.

В педагогической науке используются такие методологические подходы, как личностно-ориентированный подход (А. Н. Алексеев, Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, Ю. И. Турчанинова, И. С. Якиманская и др.); полисубъектный (диалогический) подход (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Г. С. Трофимова и др.); антропологический подход (К. Д. Ушинский, Б. М. Бим-Бад и др.); аксиологический (ценностный) подход (М. М. Рубинштейн, С. И. Гессен, П. Ф. Каптерева, А. П. Нечаев, П. П. Блонский и др.); этнопедагогический подход (Э. И. Иванова, Г. И. Ибрагимовна и др.); креативный подход (В. Ю. Башакина, О. С. Булатова, Е. П. Ильин, Г. П. Капустина и др.); герменевтический подход (М. М. Бахтин, А. А. Брудный, А. Ф. Лосев и др.) и пр.

С точки зрения нашего исследования особый интерес представляют личностно-деятельностный, культурологический, компетентностный и системно-функциональный. Рассмотрим их подробнее.

Личностно-деятельностный подход (Б. Г. Ананьев, И. А. Зимняя, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), в рамках которого личность предстает как носитель культуры и результат общественно-исторического развития. Личность выступает как цель, субъект, результат и доминирующий показатель эффективности педагогического процесса. Данный подход рассматривает деятельность как основное средство и условие развития качеств личности учащегося. С точки зрения нашего исследования личностно-деятельностный подход интересен тем, что задачей воспитателя является построение необходимых условий для развития задатков и реализации творческого потенциала личности: подбор и создание благоприятных условий для деятельности учащегося с точки зрения субъекта познания трудовой и коммуникативной деятельности (выдвижение целей, планирование, организация и контроль деятель-

ности, анализ и оценка ее результатов), что позитивно отражается на формировании лидерской позиции студентов средних профессиональных учебных заведений.

Культурологический подход (Б. М. Бим-Бад, Е. В. Бондаревская, М. С. Каган, Н. Б. Крылова) основан на аксиологии, представляющей собой учение о ценностной структуре социума. Культурологический подход основывается на объективной связи индивида с культурой, представляющей собой развитую систему ценностей, созданную человечеством, освоение которой индивидом являет собой развитие самого человека и утверждение его как творческой личности (в результате освоения культуры и привнесения в нее принципиально нового человек становится творцом новых элементов культуры). Культурологический подход интересен нам в силу того обстоятельства, что включение студентов средних профессиональных учебных заведений в культурный поток, освоение ими культурных ценностей человечества, активация творческой деятельности позволяют достичь высокого уровня личностного развития, что является неотъемлемой частью процесса формирования лидерской позиции.

Компетентностный подход (О. Е. Лебедев, Г. Н. Сериков, А. С. Хуторской) в образовании устанавливает новый тип образовательных результатов, не сводимый к комбинации сведений и навыков, а ориентированный на способность и готовность личности к решению разного рода проблем, к деятельности. Эти образовательные результаты, называемые компетентностями, рассматриваются в нашем исследовании как становление лидерской позиции студентов средних специальных учебных заведений, как способности решать сложные реальные задачи в профессиональной и социальной деятельности: мировоззренческие, коммуникативные, личностные.

Системно-функциональный подход (Н. М. Таланчук) является основным в нашем исследовании. Данный подход основан на системно-синергетическом подходе (В. М. Яковлева, Л. Н. Ревягин, В. П. Корсунов и др.), который являет собой форму применения теоретического познания и диалектики к исследованию явлений, имеющих место в природе, обществе, мышлении. С точки зрения педагогики сущность системно-синергетического подхода состоит в осуществлении следующего принципа: обособленные элементы рассматриваются как совокупность таких взаимосвязанных компонентов, как постановка целей образования, содержание образовательной деятельности, субъекты педагогического процесса (педагог, учащийся), его методы, формы и средства. Задача воспитателя в рамках системно-синергетического подхода — учет взаимосвязи компонентов.

С точки зрения исследуемой нами проблемы особый интерес представляют модели профессионально-педагогической деятельности, созданные на основе системно-синергетического подхода. Такая модель педагогической деятельности была разработана Н. М. Таланчуком [9, с. 76]. Его исследования в области синергетики начали осуществляться более двадцати лет назад и проводились в рамках педагогики, исследования воспитательного процесса в средних профессиональных учебных заведениях. Он определил, что педагогическая деятельность представляет собой синергетическую систему, в которой все «подчиняется законам системного синергетизма, действие которых проявляется в системно-функциональной закономерности» [10, с. 30]. По мнению Н. М. Таланчука, этим условиям удовлетворяют следующие законы: закон систем, закон гармонии, закон системогенеза, закон движения, закон развития и саморазвития, закон сообразности, закон синергетизма. Таким образом, Н. М. Таланчук разработал теорию педагогической деятельности на основе системно-функционального подхода.

Системно-функциональный подход изучает деятельность педагога как процесс реализации системы педагогических функций. В соответствии с данным подходом система исследуется с позиции ее взаимоотношений со средой, то есть с другими объектами, находящимися за ее пределами. Отсюда мы делаем вывод, что функцией системы является все то, что можно узнать о системе, абстрагируясь от ее внутреннего содержания. С опорой на функциональный подход целое нам видится как результат отношений системы и среды, как свойство отношений между системой и средой, вне которых разрушается целостность системы.

Основными функциями, выполняемыми педагогом во время решения любой педагогической задачи, являются: диагностическая (изучение педагогом учащихся и среды воспитания), целевой ориентации (определение воспитательных целей и задач), планирования (подбор содержания и методов организации воспитательного процесса, организаторов и участников планируемых воспитательных мероприятий), организаторская (организационное обеспечение процесса воспитания), мобилизационно-побудительная (формирование готовности учащихся к достижению поставленных целей), коммуникативная (обеспечение психологического контакта и сотрудничества педагога и учащихся), формирующая (переориентация целей воспитания в цели деятельности учащихся), контрольно-аналитическая и оценочная (контроль, анализ и оценка эффективности воспитательных действий, процесса формирования личности), координации и коррекции (координация воспитательных действий всех участников воспитательного процесса и коррекция воспитательных действий), совершенствования (творческий поиск новых форм и методов воспитательной деятельности).

По мнению Н.М. Таланчука, в процессе осуществления данных функций педагог может использовать такие методы воспитательной деятельности, как:

- диагностические (наблюдение, анкетирование, интервью, беседа, тестирование, социометрия, факторное и лонгитюдное изучение);
- целеориентационные (отбор, ранжирование, распределение воспитательных задач);
- планирования (структурирование, персонификация, нормирование, моделирование деятельности, отбор форм воспитательного взаимодействия);
- организаторские (построение коллектива учащихся и аппарата его самоуправления, деятельности в коллективе, распределение ролей, делегирование ответственности и полномочий учащимся и ее регуляция);
- мобилизационно-побудительные (постановка актуальных целей, социального субъектного опыта, мотивация деятельности и поведения, психологическое подкрепление, внушение);
- коммуникативные (адаптирование взаимоотношений и установка их норм, построение отношений взаимной ответ-

ственности и их поэтапное усложнение, ориентация на доверие и сотрудничество);

— формирующие (формирование сознания учащихся и опыта жизнедеятельности, стимулирующие и направляющие методы);

— контрольно-аналитические и оценочные (контроль протекания воспитательного процесса, накопление и обработка данных о качестве воспитания, систематизация, классификация, типизация, сравнительный анализ, обобщение, экспертная оценка, групповая и индивидуальная самооценка);

— координационно-коррекционные (определение и разработка единых индивидуальных и групповых требований к учащимся, к построению воспитательного процесса, корректировка применяемых действий).

Структура представленных педагогических функций является инвариантной, а их содержание вариативным, поскольку в ходе решения любых воспитательных задач реализуются одни и те же функции, но их содержание в каждом конкретном случае специфично и соответствует поставленной задаче и уровню профессионального мастерства учителя.

С точки зрения нашего исследования данный подход интересен тем, что, основываясь на системно-функциональном подходе к воспитательной деятельности, мы можем объективно подойти к выделению содержания и методов деятельности педагогического состава среднего профессионального учебного заведения по формированию лидерской позиции студентов, построить и теоретически обосновать модель этой деятельности.

Таким образом, из всего многообразия научных методологических подходов к изучению процесса формирования лидерской позиции студентов средних профессиональных учебных заведений наиболее правомерно применение системного и синергетического подходов. На основе системно-синергетического подхода Н.М. Таланчуком разработан системно-функциональный подход, который рассматривает педагогическую деятельность как процесс реализации педагогом системы педагогических функций: диагностической, целевой ориентации, планирования, организаторской, мобилизационно-побудительной, коммуникативной, формирующей, контрольно-аналитической и оценочной, координации и коррекции, совершенствования. Данные функции реализуются посредством соответствующих методов воспитательной деятельности педагогов по формированию лидерской позиции студентов: диагностических, целеориентационных, планирования, организаторских, мобилизационно-побудительных, коммуникативных, формирующих, контрольно-аналитических и оценочных, координации и коррекции, совершенствования. Опираясь на системно-функциональный подход, объективно определив содержание и методы деятельности педагогического состава средних профессиональных учебных заведений, мы можем спроектировать и теоретически доказать состоятельность модели процесса формирования лидерской позиции студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сибирякова Т. Б. Повышение качества профессионального образования — важное условие обеспечения социально-экономического развития России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 200—203.
2. Глущенко М. Е., Нарезнева О. В. Теоретические аспекты анализа эффективности менеджмента // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3 (16). С. 144—152.
3. Рахимбаева И. Э. Становление субъектности студентов в образовательном пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 80—83.
4. Багрецов С. А., Оганян К. М., Львов В. М. Диагностика социально-психологических групп с внешним статусом. СПб.: Лань, 1999. 640 с.
5. Ершов А. А. Маркетинг. Курс лекций. М.: ПРИОР, 2007. 271 с.

6. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. 796 с.
8. Маткин В. В. Теория и практика развития интереса к профессионально-творческой деятельности у будущих учителей: Ценностно-синергетический подход: дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2002. 255 с.
9. Таланчук Н. М. Начала неофилософии. Казань: ИСО РАО, 1995. 135 с.
10. Таланчук Н. М. Системно-синергетическая философия и концепция неопедагогика: Стратегемы развития педагогической теории и практики. Казань: ИСО РАО, 1996. 71 с.

REFERENCES

1. Sibiryakova T. B. Improving the quality of vocational education is an important condition for ensuring socio-economic development of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 200—203.
2. Glushchenko M. E., Narineh O. V. Theoretical aspects of the analysis of efficiency of management // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 3 (16). P. 144—152.
3. Rahimbaeva I. E. Formation of subjectivity of students in the educational space // News of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2011. Book 11. Vol. 1. P. 80—83.
4. Bagrecof S. A., Oganjan K. M., L'vov V. M. Socio-psychological groups with external status. SPb.: Lan', 1999. 640 p.
5. Ershov A. A. Marketing. Course of lectures. M.: Prior, 2007. 271 p.
6. Parygin B. D. Fundamentals of socio-psychological theory. M.: Idea, 1971. 352 p.
7. Ozegov S. I. Dictionary of the Russian language. M., 1986. 796 p.
8. Matkin V. V. The theory and practice of development of interest to professional and creative activity of future teachers: Valuable and synergetic approach: thesis of the doctor of pedagogical sciences. Ekaterinburg, 202. 255 p.
9. Talanchuk N. M. Fundamentals of neo-philosophy. Kazan: ISE RAE, 1995. 135 p.
10. Talanchuk N. M. System and synergetic philosophy and neo-pedagogic concept: Strategema of development of the pedagogical theory and practice. Kazan: ISE RAE, 1996. 71 p.

13.00.08 ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

13.00.08 THEORY AND METHOD OF VOCATIONAL EDUCATION

УДК 371.13:[377+378]
ББК 74Р:[74.57+74.58]

Dneprov Sergei Antonovich,
doctor of pedagogical sciences, professor
of the department
of pedagogy of the Russian State Vocational
Pedagogical University,
Ekaterinburg,
e-mail: colokol@olympus.ru

Днепров Сергей Антонович,
д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики
Российского государственного
профессионально-педагогического университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: colokol@olympus.ru

Zareeva Tatyana Vladimirovna,
senior lecturer of the department of management
of the Russian State Vocational Pedagogical University,
Ekaterinburg,
e-mail: tatyana-val@mail.ru

Зарева Татьяна Владимировна,
ст. преподаватель кафедры менеджмента
Российского государственного
профессионально-педагогического университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: tatyana-val@mail.ru

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПАРТНЕРСТВЕ ВУЗА И МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

STRUCTURAL MODEL OF FORMATION OF COMPETITIVENESS OF THE FUTURE TEACHERS OF VOCATIONAL TRAINING IN SOCIAL PARTNERSHIP OF THE UNIVERSITY AND SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES

В статье представлена структурная модель формирования конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения в социальном партнерстве вуза и малых инновационных предприятий. Рассмотрены и обобщены понятия «корпоративный» (базируется на признании личностью приоритетности удовлетворения групп-

повых или коллективных потребностей личности) и «индивидуальный» (нацеливает личность на преимущественное удовлетворение своих потребностей) типы конкурентоспособности. Раскрыто противоречие между индивидуальным и корпоративным типами конкурентоспособности. Сделан вывод о том, что предложенная структур-

ная модель позволяет реализовать педагогические условия трансформации учебной деятельности в профессиональную за счет изменения потребностей и мотивов, целей, действий, поступков, средств, предмета и результатов деятельности.

The article presents the structural model of formation of competitiveness of the future teachers of vocational training in the social partnership of the University and small innovative enterprises. The concepts of «corporate» (based on recognition by the individual of the priority of satisfaction of the group or collective demands of the individual) and «individual» (directs the individual to preferential satisfaction of his demands) types of competitiveness are reviewed and substantiated. The contradiction between individual and corporate types of competitiveness is revealed. The conclusion is made that the proposed structural model allows implementing pedagogical conditions of transformation of educational activity into the professional one by means of changing demands, motives, goals, activities, actions, means, subject and results of operations.

Ключевые слова: педагог профессионального обучения, конкурентоспособность, профессиональное образование, личность, работодатель, вуз, социальное партнерство, малое инновационное предприятие, индивидуальный тип конкурентоспособности, корпоративный тип конкурентоспособности, структурная модель.

Keywords: teacher of professional training, competitiveness, professional education, individual, employer, higher educational institution, social partnership, small innovative enterprise, individual type of competitiveness, corporate type of competitiveness, structural model.

В современных условиях глобальной конкуренции многие страны рассматривают перспективы своего развития, свою безопасность с качеством образования, с его способностью формировать и поддерживать высокий профессиональный уровень персонала. Профессиональное образование — основной фактор роста экономического и культурного потенциала страны, определяющий векторы как международного сотрудничества, так и соперничества. У будущих педагогов профессионального обучения необходимо формировать не только индивидуальный, но и корпоративный тип конкурентоспособности, так как именно это качество личности работника особо востребовано работодателями. Им требуются профессионалы, готовые к активной защите их предприятий от конкурентов.

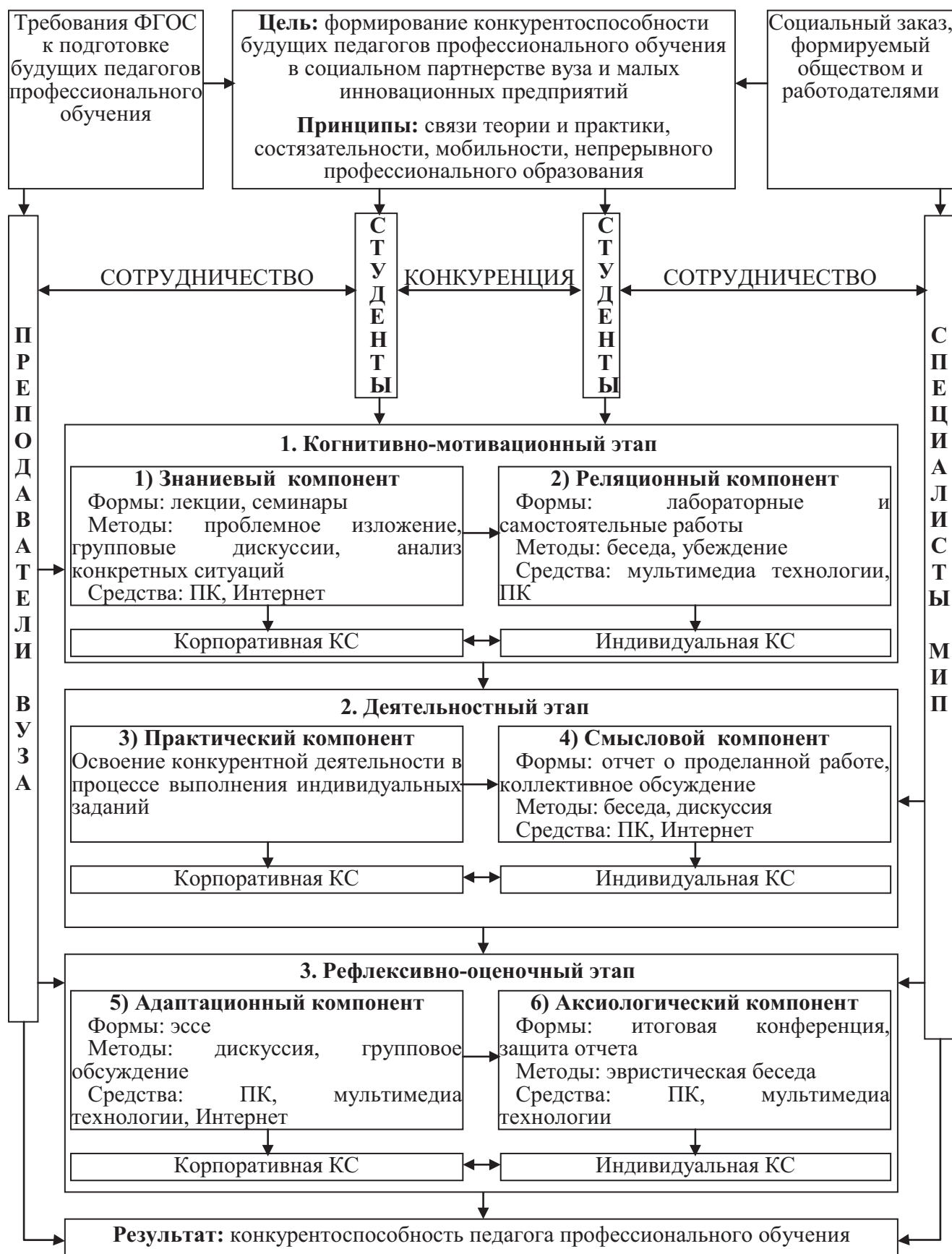
Корпоративный тип конкурентоспособности базируется на признании личностью приоритетности удовлетворения групповых или коллективных потребностей по сравнению с индивидуальными для более полного удовлетворения своих потребностей в будущем. Индивидуальный тип конкурентоспособности нацеливает личность на преимущественное удовлетворение своих потребностей путем реализации профессиональных притязаний.

В вузах традиционно формируются качества гармоничной личности, которые облегчают взаимодействие с окружающими, а конкурентоспособность — качество личности, неизбежно порождающее конфликты с окружающими. Поэтому формирование этого качества личности должно быть перенесено из вузовской среды в малые инновационные

предприятия, которые находятся с вузами в отношениях социального партнерства [1].

Конкурентоспособность педагогов профессионального обучения, отвечающая современным требованиям рыночной экономики, может быть сформирована только в их деятельности на предприятиях, которые работают в реальных конкурентных отношениях, при условии установления стратегического партнерства с будущими работодателями. В Российском государственном профессионально-педагогическом университете такие предприятия создавались не только для осуществления венчурной деятельности, экономической поддержки вуза, но прежде всего для педагогического обеспечения подготовки будущих педагогов профессионального обучения.

Анализ существующей модели взаимоотношений вуза и малых инновационных предприятий (на примере РГППУ и малого инновационного предприятия «Бизнес-элемент») позволил выделить негативные факторы, тормозящие процесс формирования конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения: недостаточно организованное взаимодействие, отсутствие у руководителей и работников необходимых экономических знаний, опыта и достаточной мотивации, рост которой сдерживается отсутствием предпринимательского опыта, экономических знаний, ошибками в оценке рынка, неконкурентным поведением на нем, отсутствием квалифицированной команды. Все это приводит к бюрократизации, формальной деятельности малого инновационного предприятия и устойчивому негативному отношению к нему. Такую модель формирования конкурентоспособности мы назвали демонстративной, поскольку она развивается в «тепличных условиях» и существует, скорее, для отчетности вуза. Демонстративная модель не способствует развитию конкурентоспособности во взаимоотношениях вуза и малых инновационных предприятий. Поэтому нами была разработана и обоснована структурная модель формирования конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения в социальном партнерстве вуза и малых инновационных предприятий (рис.) [2]. Она учитывала важнейшие потребности четырех основных потребителей конкурентоспособного специалиста: вузов, которые заинтересованы в постоянном совершенствовании содержания и методов обучения и воспитания, укреплении преемственности образовательных программ, развитии своей конкурентоспособности на рынке образовательных услуг и представлении интересов студентов на рынке труда; студента как потребителя образовательных услуг, которому в будущем предстоит стать инициатором инноваций, основным носителем и экспертом качества полученного образования, важнейшей действующей силой, продвигающей инновации в науке, технике, экономике, политике, духовной культуре в условиях глобализации; работодателей, нуждающихся в работниках различных уровней образования и квалификации, способных активно осваивать новейшие технологии и технические системы, самостоятельно приобретать новые профессиональные знания и умения, успешно решать проблемы инновационного развития региона, страны; общества, заинтересованного в творческом развитии и образовании своих граждан, обеспечивающем не только экономическое развитие, но и оздоровление населения, укрепление гуманистических и демократических начал.

Структурная модель формирования конкурентоспособности будущего педагога профессионального обучения в условиях социального партнерства вуза и малых инновационных предприятий

КС – конкурентоспособность; ПК – персональный компьютер; МИП – малое инновационное предприятие

Социальный заказ общества выражается в требованиях работодателей, в значимом для них качестве личности — конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения. Социальный заказ конкретизирует, дополняет требования федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), который трактует понятие «конкурентоспособность выпускника» как совокупность личностных и профессиональных характеристик, обеспечивающих преимущества данного выпускника с точки зрения его успешной социализации [3].

Модель предусматривает три этапа формирования конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения: когнитивно-мотивационный, деятельностный и рефлексивно-оценочный — и опирается на общепедагогические и специфические принципы, среди которых важнейшим является принцип связи обучения с жизнью, нацеливающий обучающихся на приобретение знаний не только от преподавателей и из книг, но и из личной практики. Преподавание в рамках дисциплины «Практическое (производственное) обучение» направлено на сознательное включение обучающихся в производственную деятельность.

Принцип состязательности (агонистики) проявляется во время практических занятий на малом инновационном предприятии, когда студенты узнают, как конкурируют их коллеги между собой, а вузы и предприятия — с аналогичными организациями и учреждениями отрасли.

Принцип профессиональной мобильности предусматривает развитие способности быстро осваивать технические средства, технологические процессы и новые специальности на основе потребности постоянно повышать свой образовательный уровень и квалификацию, возможности реализовать индивидуальный образовательный маршрут, что заметно повышает их конкурентоспособность.

Принцип непрерывности детерминирует процесс формирования конкурентоспособности и предполагает такое построение практического обучения студентов, которое осуществляется через последовательность постепенно усложняющихся учебных задач, преемственность различных видов практик в структуре практического обучения будущих педагогов профессионального обучения.

Главная задача первого, когнитивно-мотивационного этапа формирования конкурентоспособности заключается в том, чтобы добиться становления у студентов знаниевого и реляционного компонентов, как индивидуального, так и корпоративного типов конкурентоспособности. Знаниевый компонент формируется при помощи лекций, семинаров, дискуссий; анализа конкретных ситуаций; проблемного изложения; Интернета и мультимедиа технологий. Реляционный компонент в первую очередь формировал индивидуальный тип конкурентоспособности в процессе лабораторных работ, деловых игр, зачетов и экзаменов, выполнения студентами самостоятельных работ (в виде презентаций). Знаниевый компонент прежде всего развивал корпоративный тип конкурентоспособности, когда студенты совместно решали поставленные задачи, взаимодействуя друг с другом.

На втором, деятельностном этапе формировался практический компонент, развивающий у студентов конкурентоспособность в профессиональной деятельности и смысловой структурный компонент, определяющий место, роль и принятие различных явлений, связанных с конкуренцией и конкурентоспособностью. Важнейшая форма обучения — индивидуальные занятия со студентами. Во время прохождения практики на рабочем месте студенты составляли отчет о проделанной работе. При этом выявлялся смысл, который

они вкладывали в различные экономические понятия. Он актуализировался в практической реализации связи теоретических и практических знаний и умений. На этом этапе активно формировался актуальный социальный опыт. Теоретическое обучение осуществлялось в рамках образовательного учреждения или самостоятельного изучения учебного материала студентами на основе предоставляемых (рекомендуемых) учебно-методических источников, а практические занятия — на базе малого инновационного предприятия. Формирование практического и смыслового компонентов на деятельностном этапе происходило в процессе проведения специалистами малого инновационного предприятия индивидуальных занятий со студентами с целью решения конкретных производственных задач. Использовались разнообразные методы и средства, которыми владеют специалисты малого инновационного предприятия (выполнение заданий в программе «1С», звонки клиенту и обоснование коммерческого предложения, анализ рынка аналогичных услуг и др.). По итогам прохождения практики на реальном рабочем месте студенты составляли отчет о проделанной работе. Дополнительно с целью выяснения смысла, который они вкладывали в понятия «конкуренция» и «конкурентоспособность», обсуждалась тема, сформулированная в виде вопроса «Какую роль в современном мире играет конкуренция и конкурентоспособность?». Взаимодействие преподавателей и специалистов малого инновационного предприятия способствовало формированию у студентов корпоративного типа конкурентоспособности. Им пришлось совместно решать поставленные задачи, находить пути их решения, обсуждать, принимать решение, рефлексировать совместно с другими участниками процесса и т. д. Смысловой компонент связан прежде всего с индивидуальным типом конкурентоспособности, поскольку в отчетах студентов отражался «пропущенный через себя» полученный ими актуальный социальный опыт, который для них обретал личностный смысл.

На третьем, рефлексивно-оценочном этапе произошло формирование адапционного (включающего мобилизацию факторов, форм, механизмов социального партнерства, мотивацию взаимодействия в развитии конкуренции и конкурентоспособности) и аксиологического (подразумевающего оценку конкурентоспособности как особо значимого качества личности и важности его формирования в вузе для личности) структурных компонентов конкурентоспособности. Был осуществлен процесс формирования адапционного и аксиологического структурных компонентов конкурентоспособности, так как данный этап был направлен на мобилизацию факторов, форм, механизмов социального партнерства и мотивацию взаимодействия в целях развития конкуренции и конкурентоспособности. На этом этапе произошла оценка конкурентоспособности как особо значимого качества личности и осознание важности приобретения этого качества для личности в вузе в ходе дискуссий, группового обсуждения, подготовки эссе на темы «Какие формы сотрудничества бизнеса и образования, на Ваш взгляд, наиболее эффективны?», «Малое инновационное предприятие — связующее звено между наукой и производством?» и др. Также применялись методы эвристической беседы, групповой рефлексии и т. д. Проходили дискуссии и диспуты, групповое обсуждение, готовились эссе, были проведены итоговая конференция и защита отчета. Выяснилось, что адапционный компонент формирует корпоративный тип конкурентоспособности, а аксиологический — индивидуальный тип. Рефлексивно-оценочный этап позволял реализовать обратную связь и корректировать процесс формирования конкурентоспособности

будущих педагогов профессионального обучения на основе анализа получаемой ими информации.

Для подтверждения полученных результатов сравнения показателей в экспериментальной ($n = 111$) и контрольной ($n = 110$) группах мы сравнили их между собой после формирующего этапа опытно-поисковой работы по уровням развития компонентов структуры представлений студентов

о конкурентоспособности (см. табл.). Очевидно, что появились различия почти во всех компонентах конкурентоспособности. Нет различий только в количестве студентов, находящихся на высоком уровне развития адапционного компонента, что, возможно, связано с несовершенством трех факторов его формирования: организационного, информационного, мотивационного.

Таблица

Сравнение по критерию χ^2 Пирсона показателей экспериментальной ($n = 111$) и контрольной ($n = 110$) групп после формирующего этапа опытно-поисковой работы по уровням развития компонентов структуры представлений студентов о конкурентоспособности, %

Компоненты	Высокий уровень				Средний уровень				Низкий уровень			
	ЭГ	КГ	χ^2	p	ЭГ	КГ	χ^2	p	ЭГ	КГ	χ^2	p
Знаниевый	34	21	4,91	0,027*	66	48	6,97	0,008*	0	31	40,55	0,001*
Реляционный	25	15	3,95	0,047*	64	46	6,92	0,009*	11	39	23,64	0,001*
Практический	18	7	5,77	0,016*	57	43	4,35	0,037*	25	50	14,46	0,001*
Смысловой	19	5	9,34	0,002*	62	45	6,61	0,010*	19	49	22,43	0,001*
Адаптационный	23	15	1,79	0,181	77	48	18,99	0,001*	1	36	45,98	0,001*
Аксиологический	20	8	6,21	0,013*	73	53	9,7	0,002*	7	39	31,64	0,001*

* Различия значимы.

Таким образом, гипотеза опытно-поисковой работы подтвердилась. Анализ результатов реализации разработанной нами модели формирования конкурентоспособности в социальном партнерстве вуза и малых инновационных предприятий доказал, что организация занятий в соответствии с данной программой активно влияет на формирование у студентов представлений о конкуренции и конкурентоспособности, положительного к ним отношения и актуального социального опыта участия в конкуренции. Мы считаем, что данная модель организации социального партнерства создает возможности для гармоничного сочетания индивидуального и корпоративного типов конкурентоспособности за счет активного взаимодействия студентов с педагогами и специалистами малых инновационных предприятий и потенциальными работодателями. У будущих работников сознательно формируется личностный смысл, отношение к феномену конкурентоспособности как к ценности и соответствующее понимание этого феномена.

Таким образом, проведенное исследование позволило

определить педагогические условия формирования конкурентоспособности, в частности [2; 4]:

— организация практических занятий непосредственно на малых инновационных предприятиях;

— нацеленность работы на малых инновационных предприятиях на выявление и развитие у студентов личного интереса и мотивации к формированию конкурентоспособности;

— применение учебных кейс-стади, помогающих анализировать сложившуюся ситуацию и прогнозировать появление новых возможностей, дающих конкурентные преимущества будущим участникам рыночных отношений;

— изменение отношения студентов к конкуренции и конкурентоспособности с негативного на позитивное;

— развитие у студентов умения устанавливать контакт с клиентом, располагать его к себе и создавать в общении с ним доверительные взаимоотношения, в то же время понимая и принимая всю ответственность, которая лежит на будущем работнике данного предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Валежанина Т. В. О социальном партнерстве в подготовке бакалавров профессионального обучения // В мире научных открытий. Красноярск, 2011. № 6.1 (18). С. 335—348.
2. Валежанина Т. В. Формирование конкурентоспособности будущих педагогов профессионального обучения в социальном партнерстве вуза и малых инновационных предприятий: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2014. 218 с.
3. Глоссарий Федерального государственного образовательного стандарта. Конкурентоспособность выпускника [Электронный ресурс]. URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 19.02.2013).
4. Ларина Е. В. Компетентностный подход к оценке потенциала преподавателя высшей школы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1. С. 282—284.

REFERENCES

1. Valezhanina T. V. On social partnership in training the bachelor of vocational education // In the world of scientific discoveries. Krasnoyarsk, 2011. № 6.1 (18). P. 335—348.
2. Valezhanina T. V. Formation of competitiveness of the future teachers of vocational education in the social partnership of the University and small innovative enterprises: dissertation of the candidate of pedagogy. Ekaterinburg, 2014. 218 p.
3. Glossary of the Federal state educational standard. The competitiveness of a graduate [Electronic resource]. URL: <http://standart.edu.ru> (date of viewing: 19.02.2013).
4. Larina E. V. Competence-based approach to assessing potential of a higher school teacher // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 1. P. 282—284.

УДК 811:316.77
ББК 81:60.524.224

Tsoy Alla Ignatievna,
candidate of pedagogy, associate professor,
head of the foreign languages department
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: alights@mail.ru

Цой Алла Игнатъевна,
канд. пед. наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: alights@mail.ru

БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЭМОТИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ В СФЕРЕ СЕРВИСА)

BUSINESS-COMMUNICATION IN EMOTIOLOGY (ON COMMUNICATIVE SITUATIONS IN SERVICE)

В статье бизнес-коммуникация как вид профессиональной деловой коммуникации рассматривается в аспекте эмотиологии (лингвистика эмоций). Дается авторское определение понятия «бизнес-коммуникация». Изложены результаты сравнительного исследования данного понятия в аспекте различных наук. Доказывается, что языковое оформление эмоций участников бизнес-общения специфично в силу жанрово-стилевой ограниченности. В статье представлены примеры коммуникативных ситуаций в сфере современного сервиса, в которых показана вербализация эмоций и чувств коммуникантов. Эмотивность рассматривается как одно из важнейших составляющих процесса бизнес-коммуникации в сфере сервиса. Предложено учитывать лингвистические особенности деловой коммуникации в процессе подготовки бакалавров в области сервиса.

This article is about business-communication in emotiology (linguistics of emotions). There is a theory of an emotive business-communication. An emotive business-communication is specific as it is limited by its genre and style. There is an author definition of the concept business-communication. The article includes some results of the comparative research this concept in different sciences. There are some example of communicative situations in modern service. The verbalization of emotions and feelings of speakers is shown. The emotive component of business-communication in modern service is considered to be one of the most important ones. There is an idea of consideration of linguistic characteristics of business-communication in process of training of bachelors in service.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, сфера сервиса, коммуникативная ситуация, эмотивность в коммуникации, эмоция коммуниканта, эмотиология как наука, вербализация эмоций, жанрово-стилевые особенности, лингвистическая теория эмоций, эмотивный компонент.

Keywords: business-communication, service sphere, communicative situation, emotive communication, emotion of speakers, emotiology as a science, verbalization of emotions, genre and style features, linguistic theory of emotions, emotive component.

В современных активно развивающихся социально-экономических условиях развития общества актуальность приобретает такое понятие, как бизнес-коммуникация (далее БК). Данный термин зародился в экономической науке, а именно в коммуникационном менеджменте. Этому спо-

собствовало понимание важности учета коммуникативных процессов в предпринимательстве для достижения экономического успеха (А. В. Зверинцев, Ф. А. Кузин, Д. М. Лэйхифф, В. А. Спивак и др.). Важность коммуникативной составляющей в современном бизнес-образовании не вызывает сомнения [1]. Помимо экономики БК была предметом изучения социологии, социальной философии, психологии и др. (В. С. Агеев, В. А. Безгодов, Т. И. Заславская, З. В. Кадохова, А. В. Соколов, П. Штомпка и др.). Не освещая подробно указанные аспекты, отметим, что они объединены идеей о том, что в БК важную роль играет «человеческий фактор», под которым понимаются психологические особенности коммуникантов, в том числе их эмоционально-волевые характеристики. В целом можно констатировать, что представители различных научных парадигм признают важность эмоционально-воздействующего компонента БК как стратегического средства эффективного бизнес-управления. Данное утверждение согласуется с предлагаемой нами лингвистической концепцией языкового оформления эмоциональности в БК и требует ее детального рассмотрения.

Аксиоматично, что язык, будучи инструментом человеческого общения, делает возможным и коммуникацию на уровне эмоций и чувств человека. Осознание приоритета аффективного в языке (Ш. Балли, В. И. Шаховский и др.) лежит в основе развивающейся отрасли языкознания — лингвистики эмоций (эмотиология). Концептуальным положением эмотиологии является осознание того, что эмоции и чувства человека находят свое языковое выражение в любом типе коммуникации. В большей степени оно проявляется в межличностном общении, в меньшей — в профессиональных коммуникациях. Понимание важности и необходимости лингвистического исследования человеческой эмоциональности и чувственности приводит к появлению различных аспектов исследования эмотивности: например, влияние эмоциональности человека на формирование его языковой картины мира, функционирование эмотивности на всех языковых уровнях, коммуникация эмоций и чувств и их проявление в различных дискурсивных практиках (В. В. Жура, С. В. Ионова, Н. А. Красавский, Т. В. Ларина, Н. А. Сребрянская, О. Е. Филимонова, Е. К. Черничкина, В. И. Шаховский и др.). Коммуникативная направленность изучения эмотивности языка не вызывает сомнений.

Напомним, что эмоциональность, будучи психологической категорией и становясь предметом изучения лингвистов, трансформируется в эмотивность. В самом общем смысле эмотивность трактуется как языковое оформление эмоциональности человека. Эмотивность коммуникации приобре-

тает свои специфические черты в зависимости от типа коммуникации, от ее стилиевой принадлежности. Несомненно, что межличностная коммуникация, реальная или в художественной интерпретации [2], в отличие от профессионального общения эмотивно маркирована всегда. Участники межличностной коммуникации, например влюбленные, члены семьи, друзья и т. д., открыто проявляют свои эмоции и чувства в зависимости от коммуникативного климата и паттерна, что находит свое отражение в языковом оформлении. Так, эксплицитное проявление эмотивов разных уровней — аффективов и коннотативов — является одной из типовых черт межличностного общения (см. типологию эмотивов В. И. Шаховского) [3].

Качественно иную картину мы обнаруживаем в ситуации профессионального делового общения, когда его статус и регламент ограничивают вербализацию эмоций и демонстрацию чувств. Опираясь на мнение ученых в области лингвистики эмоций (Ш. Балли, В. Г. Гак, Г. Гийом, В. И. Шаховский, С. С. Тахтарова, Н. С. Солодовникова и др.) о том, что любая коммуникация людей эмоциональна и эмотивна, выдвигаем предположение, что эмотивность есть неотъемлемый компонент БК, отличающийся своей спецификой. Определение особенностей проявления эмоционально-чувственного компонента БК на языковом уровне является целью исследования, проводимого в настоящее время.

Для целостного понимания сути изучаемого явления прежде всего необходимо определить само понятие БК. Анализ работ лингвистов в области деловой коммуникации позволил установить следующие важные моменты. Во-первых, отмечается синонимичность указанных понятий, подмена которых объясняется буквальным переводом слова «бизнес» с английского языка: *business* — дело. В большинстве случаев ученые не разграничивают термины «деловая коммуникация» и «бизнес-коммуникация» (Т. В. Анисимова, С. П. Кушнерук, С. В. Мкртычян, Т. А. Милехина, В. А. Митягина, О. П. Сологуб и др.).

Во-вторых, исследователи рассматривают БК с позиции дискурсивных практик (З. И. Гурьева, Ю. В. Данюшина и др.), отдавая предпочтение понятиям «бизнес-дискурс», «бизнес-текст». Здесь возникает проблема многоаспектности БК. В БК отражается речевая практика в контексте управления персоналом, взаимодействия на международном уровне, организации бизнеса в целом, общения и сотрудничества с партнерами по бизнесу и т. п. Следовательно, в понятие БК можно включить предпринимательскую коммуникацию, корпоративную коммуникацию, переговорную коммуникацию, организационную коммуникацию, управленческую коммуникацию, эпистолярную коммуникацию и др. Данная мысль отражена в определении БК, предложенном З. И. Гурьевой. БК понимается как «совокупность всех видов речевой деятельности, существенными признаками которых является получение, обработка, передача, хранение и использование информации на различных этапах проведения бизнес-операций» [4].

В-третьих, в лингвистических работах, касающихся коммуникации в сфере предпринимательства, менеджмента, корпоративного управления, одним словом, того, что касается бизнес-деятельности, отсутствует эмотивный аспект изучения данного типа общения. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что БК в большинстве случаев предстает как формализованное общение, построенное по всем правилам регламента и стиля. Однако, как показывает исследование, в БК все чаще и глубже проникает «человеческий фактор», трансформирующий бизнес-общение в транзактное социальное взаимодействие [5].

Принимая во внимание вышесказанное, предлагаем следующее определение БК, в котором отражается ее эмотивный компонент. БК — это коммуникативное взаимодействие участников бизнес-деятельности, основанное на интересе — получении материальной выгоды. Интерес положен в основу мотивации общающихся. Мотивы участников БК всегда сопровождаются эмоциями и чувствами. Триада «интерес — мотив — эмоция» позволяет говорить об эмотивности БК. Под эмотивностью в данном случае будем понимать способность любой языковой единицы либо выражать эмоции и чувства адресанта, либо воздействовать на эмоционально-чувственную сферу адресата.

Сделаем оговорку, что соотношение понятий «бизнес-коммуникация», «деловая коммуникация» и «профессиональная коммуникация» в рамках настоящего исследования представлено следующим образом: деловая коммуникация — профессиональная коммуникация — бизнес-коммуникация. Иными словами, БК есть частный вид деловой профессиональной коммуникации.

Анализируя фактический материал (тексты документов, деловой переписки, деловых разговоров, используемых в БК), приходим к выводу, что особенность функционирования эмотивности в БК состоит прежде всего в различных формах ее проявления — имплицитной и эксплицитной. Далее кратко охарактеризуем указанные формы эмотивности.

Экспликация эмоций коммуникантов частично превращает бизнес-общение в разговорно-бытовое взаимодействие, при этом нарушаются все традиционные стилиевые признаки БК, как то: логичность высказывания, рациональность использования языковых средств, унифицированность и стандартизированность в оформлении и т. п. Как показывает исследование, в устной форме общения предпринимателей и других работников сферы сервиса, независимо от статуса фирмы, наблюдается экспликация эмотивов, а именно частое употребление ругательств и мата, сопровождаемое соответствующей жестикой и кинетикой, что ведет к обеднению языковой культуры бизнесменов, к девербализации [6]. Приведем в качестве примера отрывок из записи реального разговора продавца-консультанта с покупателем в салоне мебели.

— Добрый день. Вам показать что-нибудь?

— *(Покупатель молчит и недовольно обводит взглядом выставочные образцы)* Что за убогая у вас мебель! И какой ХХХХ это покупает! Вы что, для ХХХХ это изготавливаете?!

— Извините, но я ничем не смогу вам помочь.

Низкая речевая культура, несоблюдение элементарных правил социального поведения и этики, а также индивидуально-психологические черты участников делового общения в сфере сервиса приводят к тому, что деловая коммуникация превращается в бытовую за счет стремительного проникновения матерных выражений, сквернословия и ругани. Это актуализирует проблему лингвоэкологического использования эмотивов в речевой практике бизнесменов, что является лишь малой частью эмотивной лингвоэкологии [7].

Функционирование имплицитной эмотивности в БК объясняется жанрово-стилевыми ограничениями в использовании тех или иных средств языка при выражении эмоций или побуждении к конкретным действиям. Исследование показывает, что скрытая эмотивность реализуется с помощью языковых средств выражения, исключая употребление явных эмотивов — аффективов и коннотативов (по классификации В. И. Шаховского). Эмотивность присутствует в смысловой структуре при отсутствии ее формального выражения. Одним из установленных нами средств имплицитной эмотивности

являются ссылки на закрепленные законом документы: Гражданский кодекс, федеральный закон, уставы, приказы и т. п. Примером может служить уведомление правления садоводческого товарищества «Жемчуг-2», отправленное одному из своих задолжников, в котором излагаются действия и намерения в отношении задолжника.

Настоящим уведомляем Вас, что сумма вашей задолженности по уплате членских и целевых взносов по состоянию на январь 2010 года составляет 12000 рублей.

В соответствии с Уставом «Жемчуг-2» член товарищества обязан «п. 4.21. ежемесячно до 20-го числа уплачивать земельный налог, вступительные, целевые, членские взносы и другие платежи в размерах и в сроки, установленные общим собранием садоводов, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления. За несвоевременную сдачу и отказ от сдачи вышеперечисленных платежей член садоводческого товарищества подвергается штрафным санкциям, устанавливаемым решением общего собрания».

На общем собрании членов «Жемчуг-2» (протокол № 3 от 23.01.2010 г.) установлен максимальный срок задолженности по членским взносам — 2 года. По истечении указанного срока правление инициирует взыскание задолженности в судебном порядке.

Напоминаем, что в случае принятия судом положительного решения по иску правления на ответчика помимо оплаты задолженности с учетом пени возлагается оплата издержек по судебному производству, услуг адвоката истца и других возможных расходов по делу.

Правление «Жемчуг-2» просит Вас погасить имеющуюся задолженность до 15.02.2010 г.

В данном тексте формально отсутствуют эмотивы и коннотативы, то есть исключено прямое указание на эмоции и их выражение. Адресант прибегает к использованию скрытой формы воздействия на эмоции адресата, так как прямое воздействие недопустимо с точки зрения стиля и жанра деловой коммуникации. Имплицированная эмотивность представлена в виде ссылок на официальное положение, упоминаний о суде, обозначении штрафа в виде конкретной суммы, которые призваны вызвать у адресата чувство важности и неотложности дела, эмоции опасения и страха.

Несомненный интерес в контексте проводимого исследования заслуживает такая особая форма проявления эмотивности в письменной БК, как эмотивная вкрапленность в бизнес-тексты [8]. В письменном деловом общении непроизвольно открыто проявлять свои эмоции и чувства. Общение бизнес-коммуникантов требует от них соблюдения

строгости и сдержанности при составлении писем. Приоритет отдается рационально-логической тональности текстов. Однако эмотивность той или иной ситуации на практике приводит к тому, что в деловые тексты вкрапливаются эмотивы разных уровней.

Стоит подчеркнуть, что особенностью эмотивных вкраплений является минимальность их употребления, вкрапленность в рациональную ткань БК. Чем меньше плотность эмотивных средств, тем менее незаметно их употребление, тем более эффективна воздействующая сила эмотивных вкраплений. Эмотивность вкрапливается в рационально-логические высказывания, не нарушая при этом жанрово-стилевую особенность. Продемонстрируем сказанное на примере. Контракт по своему назначению является документом рациональным, логически выдержанным. Однако и в таких текстах иногда проявляется эмотивная вкрапленность. Ниже представлен отрывок из контракта международного формата.

Особые условия

Заказчик должен организовать для специалистов исполнителя доступ на завод-изготовитель в Германии для проведения работ, указанных в пп. 1.1.1 и 1.1.2 настоящего контракта, а также предоставить исполнителю необходимую нормативную и техническую документацию (с переводом ее на русский язык в разумном объеме).

Эмотивная вкрапленность представлена в данном случае в словах «в разумном объеме». Адресант старается акцентировать внимание адресата на важности оптимального объема указанного перевода. Для этого используется эмотив «разумный».

Таким образом, бизнес-общение эмоционально и эмотивно, несмотря на традиционную стилевую принадлежность этого типа коммуникации к нейтральным. Проявление эмотивности в БК объясняется психологической особенностью взаимодействия мотивов и интересов ее участников, находящего свое выражение в языковом оформлении. Ограниченность статусом и регламентом делового общения приводит к появлению новых форм эмотивности в ситуации бизнес-общения, а именно имплицитной эмотивности и эмотивной вкрапленности.

Указанные в статье лингвистические особенности деловой коммуникации необходимо учитывать в процессе подготовки бакалавров в области сервиса. Профессионал должен знать специфику речевой коммуникации и помнить, что человеческое общение эмоционально всегда, что и проявляется на языковом уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сибирякова Т. Б. Комплексный подход к профессиональной подготовке менеджеров в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 246—249.
2. Ренц Т. Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотической парадигме: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2011. 413 с.
3. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 418 с.
4. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на рус. и англ. яз.): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. 446 с.
5. Матьяш О. И., Погольша В. М., Казаринова Н. В., Биби С., Зарицкая Ж. В. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
6. Карасик В. И. Девербализация // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. С. 166—174.
7. Шаховский В. И. Роль эмотивности в медиа-экологии // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире — 5: сб. ст. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. С. 223—226.
8. Цой А. И. Лексические средства эмотивных вкраплений в бизнес-коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 25—28.

REFERENCES

1. Sibiryakova T. B. The complex approach to professional training of managers in the modern conditionals. // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 246—249.
2. Rents T. G. Romantic communication in the communicative and semiotic paradigm: Dissertation of the doctor of philology. Volgograd, 2011. 413 p.
3. Shahovsky V. I. Linguistic theory of emotions. M.: Gnosis, 2008. 418 p.
4. Gurieva Z. I. Speech communication in the sphere of business: establishing integrative theory (on examples of Russian and English texts): Dissertation of the doctor of philology. Krasnodar, 2003. 446 p.
5. Matiash O. I., Pogolsha V. M., Kazarinova N. V., Bebe S., Zaritskaya Z. V. Interpersonal communication: theory and life. SPb.: Speech, 2011. 560 p.
6. Karasik V. I. Deverbalization // Language and emotions: nominative and communicative aspects: collection of scientific works. Volgograd: Volgograd scientific edition, 2009. P. 166—174.
7. Shahovsky V. I. The role of emotivity in media ecology // Changing communication in changing world — 5. Volgograd: Publishing house of FSEI of HPE «Volgograd academy of state service», 2010. P. 223—226
8. Tsoy A. I. Lexical assets of emotive impregnations in business communication // News of Volgograd State Pedagogical University. 2012. № 2 (66). P. 25—28.

УДК 37.014

ББК 74.04

Leskova Inna Alexandrovna,
 candidate of pedagogical sciences,
 assistant professor of the department
 of theory and methodology of training in fine arts
 and costume design
 of the Institute of Art Education
 of Volgograd State Socio-Pedagogical University,
 working on the scientific degree of the doctor of pedagogy
 at the department of pedagogy
 of Volgograd State Socio-Pedagogical University,
 Volgograd,
 e-mail: innaleskova@yandex.ru

Лескова Инна Александровна,
 канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики
 обучения изобразительному искусству
 и дизайна костюма
 Института художественного образования
 Волгоградского государственного
 социально-педагогического университета,
 соискатель степени д-ра пед. наук кафедры педагогики
 Волгоградского государственного
 социально-педагогического университета,
 г. Волгоград,
 e-mail: innaleskova@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИ ЗАКРЫТАЯ И СЕМАНТИЧЕСКИ ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА ЗНАНИЙ

COGNITIVE-INFORMATION COMPONENT OF THE EDUCATION CONTENT AS A SEMANTICALLY CLOSED AND SEMANTICALLY OPEN SYSTEM OF KNOWLEDGE

В статье анализируется содержание образования как системы закрытого типа с точки зрения его соответствия нормам постнеклассической действительности, выявляется противоречие двух систем знаний: системы знаний, представленных в среде обучения, и системы знаний, функционирующих и востребованных в современной общественной практике; сравниваются семантически закрытая и семантически открытая система знаний, дается анализ соответствующих этим системам соответственно пассивного и активного способов получения информации, рассматривается субъектоориентированный подход к организации содержания образования, предлагается инновационная форма организации предметного содержания как семантически открытой системы знаний.

In the article the author analyzes the content of education as a system of closed type with regard to its compliance with the norms of postnonclassical reality; the contradiction of two systems of knowledge is revealed: system of knowledge presented in the educational environment, and the system of knowledge functioning required in contemporary social

practice; semantically closed and semantically open systems of knowledge are compared; the passive and active methods of obtaining information relevant to these systems are analyzed; the subject-oriented approach to arrangement of the education content is discussed; the innovative form of arrangement of the subject content as the semantically open system of knowledge is proposed.

Ключевые слова: субъектоориентированность, бессубъектные знания, содержание образования, целостность, предметное содержание, субъектная детерминированность, постнеклассическая модернизация образования, субъектность, бессубъектность, механизм субъективации знания.

Keywords: subject orientation, subjectless knowledge, content of education, integrity, subject content, subject determinism, postnonclassical modernization of education, subjectivity, subjectlessness, mechanism of knowledge subjectification.

Постнеклассическая реальность современной жизни,

предложив совершенно новые формы жизнедеятельности, кардинально изменила и внешнюю технологическую жизнь общества, и его духовную жизнь. В этой связи остро встал вопрос не просто о модернизации образования, а о необходимости его обновления в соответствии с нормами постнеклассической действительности, то есть вопрос постнеклассической модернизации образования.

Сущностной характеристикой постнеклассики является субъектоориентированность. Она проявляет себя в обусловленности процессов, объектов, деятельности целями и ценностями субъекта, то есть в интеграции объектных и субъектных измерений (в субъектной детерминированности). Онтологически субъектоориентированность обоснована представлением о существовании зависимости детерминизма внешнего мира от возможностей субъекта. Это представление — центральное звено доминирующей на современном этапе развития науки и культуры парадигмы целостности. Ей также присуще представление о неотрывности субъекта от объекта, о невозможности исключить субъективное из объективного, что предполагает наличие аксиологических аспектов в объективно истинном.

Таким образом, постнеклассическая модернизация образования подразумевает интеграцию объектных и субъектных измерений всех элементов образовательного процесса (цель, содержание, практически реализуемые формы, средства и методы обучения).

Основным компонентом образовательного процесса является содержание образования как основной повод педагогического взаимодействия. Все формы, средства и методы обучения разрабатываются для его изучения. В содержании образования выделяют четыре базовых компонента: когнитивно-информационный компонент (система знаний), опыт учебной деятельности, опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений и креативность (опыт творческой деятельности). Четыре компонента связаны между собой только информационно. Они образуют систему с иерархической структурой: в ее основе — когнитивно-информационный компонент, три других компонента (опыт учебной деятельности, опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений и опыт творческой деятельности) формируются в процессе его освоения и тем самым занимают подчиненное по отношению к нему положение. Между компонентами нет обратной связи. Основа системы — когнитивно-информационный компонент — недоступна для воздействия извне, она не может измениться в ответ на воздействие других базовых компонентов, таких как опыт учебных действий или опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений. Потому содержание образования бессубъектно, оно представляет собой систему закрытого типа, предопределяя тем самым пассивность позиции студента в процессе обучения: гносеологически емкую информацию, которую представляет собой когнитивно-информационный компонент, он воспроизводит в ситуации нормативного контроля, соответственно его деятельность и творчество носят репродуктивный характер.

Бессубъектность содержания образования обусловлена бессубъектностью когнитивно-информационного компонента, то есть системы знаний, представленных в среде обучения, включающей в себя информационные единицы (порции знаний). В этом качестве на уровне учебного заведения выступает совокупность предметного содержания учебных дисциплин, изучаемых в данном учебном заведении; на уровне учебной дисциплины информационными

единицами являются компоненты предметного содержания. В систему информационные единицы тоже объединяет только информационная связь, обратная связь между ними отсутствует. Потому система знаний, представленных в среде обучения (когнитивно-информационный компонент), бессубъектна и является системой закрытого типа.

Бессубъектность содержания образования предопределяет пассивность позиции студента в процессе обучения: гносеологически емкую информацию, которую представляет собой когнитивно-информационный компонент, он воспроизводит в ситуации нормативного контроля, соответственно его деятельность и творчество носят репродуктивный характер.

Закрытый тип системы знаний, доминирующий в настоящее время в российском образовании, опирается на содержательную парадигму, основной ценностной ориентацией которой является энциклопедизм [1, с. 13]. Данная парадигма, будучи продуктом классической науки с ее жесткой дихотомией объективного и субъективного, имманентного и трансцендентного, предполагает выхолащивание из содержания образования посредством последовательной редукции нередуцируемой специфичности субъекта. Это противоречит целям и ценностям современного общества и субъектной детерминированности современной общественной практики, которым адекватен открытый тип системы знаний, то есть системы, в которой составляющие ее компоненты связаны только информационно, а между ними есть обратная связь, что определяет ее человекомерность.

Следующая метафора поможет проиллюстрировать разницу между системами знаний. В этом качестве используем диалог Мальвины и Буратино из сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (в свободном пересказе).

Мальвина учит Буратино арифметике. Она предлагает ему задачу: «У тебя было два яблока, сколько останется яблок, если Некто заберет себе одно яблоко?» Буратино отвечает: «Два яблока». Это крайне удивляет Мальвину, так как, с ее точки зрения, такой ответ неправилен. Она ждет, что Буратино скажет: «Одно яблоко», потому что единственно возможным и правильным для Мальвины является такой ход мысли: два минус один равно один. Но Буратино поясняет, что если этот Некто захочет у него забрать второе яблоко, то он его не отдаст и будет драться, если понадобится, за свое яблоко.

В данном диалоге наглядно представлено столкновение логик разных типов: бессубъектной (Мальвина) и субъектной (Буратино). Долгое время общепринятой была бессубъектная логика Мальвины, и ошибочность ответа Буратино и его рассуждений сомнений не вызывала. Однако в контексте современной жизни все выглядит иначе. Правы оба (и Буратино, и Мальвина), однако каждый прав, но в своей системе знаний. Рассуждения Мальвины полностью укладываются в систему смысловых координат классической науки, из которой выхолащен субъект и все, что с ним связано, то есть в систему знаний закрытого типа, где отсутствует обратная связь. Тогда как Буратино рассуждает в системе смысловых координат постнеклассической науки и современной общественной практики, которым присуща субъектная детерминированность, то есть в системе знаний открытого типа, где есть обратная связь. Потому для него действие «взять яблоко» не единичный акт, обоснованный формальной логикой, а процесс взаимоотношений между людьми (субъект-субъектные отношения). Правда Мальви-

ны формальна, а правда Буратино соответствует реалиям жизни. В реальной жизни два минус один не всегда равно один. Если логика рассуждений господина Некто будет бес- субъектна, как у Мальвины, то его усилия не увенчаются успехом, результат (одно яблоко) он не получит. Для Некто формализация и бессубъектность способа мысли и действия станет тем, что сейчас в экономике называют институциональными ловушками образования, под которыми имеют в виду неэффективные устойчивые нормы, создающие типичные ситуации для решения стоящих задач.

Для современных выпускников вузов полученные знания часто становятся такими институциональными ловушками, потому что в процессе обучения они осваивают бес- субъектные знания (типовые интеллектуальные методики, типовые модели профессионального поведения). Однако, окончив вуз, выпускники очень быстро осознают, что в современных социально-гуманитарных условиях такого рода типовые и бессубъектные знания обладают низкой производительностью, потому что все сферы деятельности, в том числе профессиональной, субъектно детерминированы.

Таким образом, налицо противоречие двух систем знаний (а соответственно логики рассуждения и способов работы с ними): системы знаний, ныне представленных в среде обучения, и системы знаний, функционирующих и востребованных в современной общественной практике. На чем основано это утверждение? Специфика системы определяет диапазон ее возможностей, соответственно и средств их реализации. Логично предположить, что возникновение институциональных ловушек образования является симптомом того, что диапазон возможностей и средств из реализации, обусловленный спецификой системы знаний, представленных в настоящий момент в среде обучения, не соответствует потребностям современного общества.

Сравним две вышеназванные системы, уже не прибегая к метафоре.

Систему знаний закрытого типа, ныне представленную в среде обучения, назовем семантически закрытой, потому что она структурируется независимо от субъекта и не учитывает его личностную систему знаний, то есть основана на тождестве исходного и искомого знания. Ее неявной предпосылкой служит представление о разделении внешней реальности (исходно полностью определенной) и действующего в ней субъекта. В процессе обучения система знаний — носитель коллективного опыта представляет ту внешнюю реальность, в которой действует субъект. Соответственно параметры этой реальности определяют характер и спектр методов, способов действия. Ее универсальная определенность предполагает стабильность, следовательно, деятельность легко формализуется и типизируется.

Систему знаний открытого типа, функционирующих и востребованных в современной общественной практике, назовем семантически открытой, потому что в ее основе, наоборот, отсутствует тождество исходного и искомого знания, так как искомое знание появляется как результат субъектно детерминированного преобразования исходного знания. Это значит, что изменение исходного знания происходит посредством его дополнения личностным, субъектным содержанием. Неявной предпосылкой семантически открытой системы знаний служит представление о реальности как исходно не полностью определенной, а потому требующей для своего доопределения преобразующей активности человека.

Представим различие двух систем в табличной форме.

Таблица

№	Семантически открытая система знаний	Семантически закрытая система знаний
1	Система децентрализована	Система централизована
2	Сетевая и многопозиционная архитектура	Иерархия каузально связанных элементов
3	Субъектность знания	Бессубъектность знания
4	Знание как когнитивный процесс, специфика и параметры которого могут меняться в зависимости от системы их обусловившей	Знание как информационно-логическая структура, обладающая универсальной определенностью
5	Знание онтологически целостно (единство теории и практики)	Знание как онтологически разорванная целостность (противопоставление теории и практики)
6	Между исходным и искомым знанием расстояние в субъектности	Тождество исходного и искомого знания
7	Активный способ получения информации	Пассивный способ получения информации

Таблица наглядно представляет качественное различие двух систем знаний, диапазон их эффективности (пункты 1 и 2) и характер способа работы с ними (пункт 7). Необходимо отметить, что различие диапазонов эффективности двух систем предопределяет их равноценность, следовательно, они в равной мере могут быть востребованы в жизни современного общества. Потому, чтобы быть конкурентоспособным на рынке труда и чтобы иметь возможность эффективной самореализации, студенту в процессе обучения необходимо овладеть сразу двумя системами знаний, соответственно и способами, методами работы с ними.

Семантически закрытая система знаний продуктивна в работе с объектами, структура которых неизменна и которые хорошо поддаются формализации и типизации. Такая система предполагает пассивный способ получения информации, то есть способ, при котором информация передается в форме уже готового опыта, готового знания, а субъект и его субъектный опыт выхолены изначально. Пассивный способ получения информации предполагает, что:

— преобразованию подвергается изучаемый объект (одностороннее преобразование);

— студент учится действовать в исходно полностью определенной внешней реальности, получая хорошо прогнозируемые результаты;

— используются типовые знания и типовые методы решения, при этом типизация ограничивает внутреннюю активность субъекта, так как его деятельность определяется четко фиксированными способами, нормами, целевыми ориентирами (студент фактически совершает разного уровня сложности манипуляции с учебным материалом, и при этом его субъектный опыт задействован настолько, чтобы обеспечить эти манипулятивные действия).

Семантически открытая система, наоборот, продуктивна в работе с объектами, не поддающимися формализации и типизации и обладающими субъектной структурой. Это значит, что в такой системе между исходным и искомым знанием есть расстояние в субъектность, что предопределяет активный способ получения информации, то есть через субъектно определенное применение знаний и умений.

Этот способ предполагает, что:

— преобразованию подвергается и субъект, и изучаемый объект (двойное преобразование);

— студент учится действовать в ситуации с большой долей неопределенности, с плохо прогнозируемыми результатами;

— есть необходимость разработки новой программы действий, адекватной текущим условиям и конкретной ситуации, что актуализирует внутреннюю активность субъекта, его творческий потенциал.

В словарной литературе слово «способ» определяется как образ, система, порядок действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо, возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо. Следовательно, активный способ получения информации с учетом вышеизложенного — это порядок действий, подчиняющийся человекообразной логике, то есть это субъектно детерминированный порядок действий. Соответственно пассивный способ получения информации — это порядок действий, подчиняющийся формальной логике.

Применительно к сфере образования вышеизложенное служит основанием для следующих выводов: одним из важнейших условий экономической эффективности высшего образования в современных условиях жизни является соответствие системы знаний, представленных в среде обучения, системе знаний, функционирующих в общественной практике; в современной общественной практике преобладает семантически открытая система знаний, которой присущ активный способ получения информации (то есть порядок действий, подчиняющийся человекообразной логике), тогда как в настоящий момент процесс профессиональной подготовки основан на семантически закрытой системе знаний, которой присущ пассивный способ получения информации (то есть порядок действий, подчиняющийся формальной логике); есть необходимость в том, чтобы в основу профессиональной подготовки были положены две системы знаний — семантически открытая и семантически закрытая, сочетающиеся по принципу дополненности.

Субъектная детерминированность (человекомерность) системы знаний, представленных в среде обучения, то есть ее семантическая открытость, имеет возможность обеспечить соединение по принципу дополненности двух вышеназванных систем знаний.

Организация предметного содержания как семантически открытой системы знаний обеспечивается идеями и подходами, присущими постнеклассической системе знаний. Среди них в качестве основных выделим модельный и гипертекстовый подход, а также предложенный Г. П. Щедровицким механизм субъективации знания, разработанный им в контексте идеи человекомерности истории [2]. Далее излагаем их применительно к организации предметного содержания.

В соответствии с ними в качестве исходного выступает представление, что система знаний, представленных в среде обучения, является целостным образованием. Это дает возможность выделить параметры ее целостности — система идей, раскрывающих разные аспекты целостности изучаемой области знаний, она образует рефлексивную рамку («обвод всего», по выражению Г. П. Щедровицкого). Выделение рефлексивной рамки фактически является моделированием предметного содержания, если под моделью понимать «вероятностно упорядоченную смысловую структу-

ру — инвариант, обладающий свойством переноса и потому способный инкорпорироваться в семантически разнородное содержание, выявляя его общий смысл». Идеи, образующие рефлексивную рамку, являются архитектурно-структурными точками гипертекстового пространства. Каждая такая точка представляет собой исходный текст и соединенный с ним посредством внутритекстовых гиперссылок информационный ресурс (учебная и научная литература, медиафайлы, таблицы, схемы и пр.). Информационные единицы предметного содержания оказываются помещенными в смысловое пространство рефлексивной рамки. У студента появляется возможность и необходимость обнаружить взаимосвязь между сегментами (информационными единицами) предметного содержания и рефлексивной рамкой, что осуществляется посредством рефлексивных переходов между ними. Рефлексия по определению субъектна, потому рефлексивные переходы предопределяют:

а) субъектность, а вместе с ней и семантическую открытость системы знаний, представленных в среде обучения;

б) человекообразность логики учебно-познавательной деятельности студента, то есть активный способ получения информации;

в) использование большого спектра связей между сегментами системы знаний: причинно-следственная, ассоциативная, аналоговое расширение, резонансная связь (по определению И. Пригожина, она представляет собой взаимное усиление двух направлений мысли [3, с. 90]).

Полученное в итоге знание имеет характеристики «живого знания», в нем есть открытость, недосказанность [4, с. 25], что обеспечивает субъектную присвоенность когнитивно-информационного компонента содержания образования.

Выше было дано очень краткое описание структуры нелинейно организованного предметного содержания. В рамках статьи невозможно сделать это более детальное описание, равно как рассмотреть преимущества обучения с использованием семантически открытой системы знаний, потому ограничимся перечислением. Предмет изучения предстает для студента в двойном масштабе: на уровне целого (рефлексивная рамка) и на уровне частного (изучаемая тема, факт). Двойной масштаб позволяет видеть единичное в контексте общего и, наоборот, выявляет управляющее присутствие целого в конкретном. Это позволяет: а) освоить умение контекстуализации знания (умение понимать широкий контекст исследуемой проблемы); б) накапливает навыки и способности к быстрому поиску, созданию новых или использованию уже известных знаний; в) формирует когнитивную структурированность мышления (извлечение смысла из множества разноуровнево расположенных сведений) и творческое мышление. Обобщая перечисленные возможности, подводя их к общему знаменателю, можно сказать, что все перечисленные возможности формируют компетентность, понимаемую как «самообразующаяся форма существования деятельности, психологический механизм непрерывного самообразования, продуцирования новых знаний и умений, выявления и принятия задач» (В. В. Сериков); как «владение целостной ситуацией действия» [5]; как «состоявшееся личностное качество (совокупность качеств) и минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере» (А. В. Хуторской). Это способствует решению задач, стоящих перед современным высшим образованием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мясников В. А., Найденова Н. Н., Тагунова И. А. Стандартизация общего образования в зарубежной педагогике. М.: ИТИП РАО, 2008. 144 с.
2. Никитин В. А. Проблема объективации, субъективации и онтологизации в историческом подходе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/grant/grant2005/works/0> (дата обращения: 13.07.2012).
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
4. Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. М.: Тривола, 1995. 64 с.
5. Сериков В. В. Обучение как вид педагогической деятельности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 256 с.

REFERENCES

1. Myasnikov V. A., Naydenov N. N., Tagunova I. A. Standardization of general education in foreign pedagogy. M.: ITIP RAO, 2008. 144 p.
2. Nikitin V. A. Problem of objectification and subjectification and ontologization in historical approach [Electronic resource]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/grant/grant2005/works/0> (date of viewing: 13.07.2012).
3. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos: Man's new dialogue with nature: translated from English / Edited by V. I. Arshinov, Yu. L. Klymontovich and Yu. V. Sachkov. M.: Progress, 1986. 432 p.
4. Zinchenko V. P. Affect and intelligence in education. M.: Trivola, 1995. 64 p.
5. Serikov V. V. Education as a type of pedagogical activity: textbook for students of higher schools. M.: Academy, 2008. 256 p.

УДК 37.014**ББК 74.04**

Ganicheva Antonina Valerianovna,
candidate physical.-mat. sciences, associate professor,
head of the department of mathematics
and computer engineering
of Tver State Agricultural Academy,
Tver,
e-mail: alexej.ganichev@yandex.ru

Ганичева Антонина Валериановна,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
зав. кафедрой математики и вычислительной техники
Тверской государственной
сельскохозяйственной академии,
г. Тверь,
e-mail: alexej.ganichev@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ**ASSESSMENT OF THE TRAINING PROCESS EFFECTIVENESS**

В статье на основе компетентностного подхода и соответствующего дерева компетенций для четкой и нечеткой информации предложена оценка эффективности процесса обучения. В качестве коэффициента эффективности рассматривается отношение объема полученных знаний к объему планируемых знаний за данный промежуток времени. Рассмотрена оценка риска планирования и организации обучения, выраженная через степень неэффективности. Степень неэффективности вычисляется на основе геометрической вероятности зоны неэффективности. Предложены определения портфеля компетенции, а также его риска и эффективности, связанные с эффективностью обучения.

The assessment of educational process effectiveness is proposed based on the competence approach and appropriate tree of competences for distinct and indistinct information. The ratio between the volume of obtained knowledge and the volume of planned knowledge for the given time period is examined as an effectiveness factor. The assessment of risk of education planning and arrangement expressed as a degree of ineffectiveness is studied. The degree of ineffectiveness is calculated based on ineffectiveness area geometric probability. Definitions of the

competences portfolio are proposed, as well as definitions of its risk and effectiveness connected with educational effectiveness.

Ключевые слова: дерево компетенций, компетентность, информационный поток, плотность информационного потока, свертка критериев, объем планируемых (полученных) знаний, коэффициент эффективности, портфель компетенции, риск и эффективность портфеля, риск планирования и организации.

Keywords: tree of competences, competence, information stream, density of information stream, folding of criteria, volume of the planned (gained) knowledge, effectiveness ratio, competence portfolio, risk and efficiency of a portfolio, risk of planning and the arrangement.

Известно, что, несмотря на большую работу преподавателей по обучению школьников, гимназистов, студентов, широкое внедрение в процесс обучения современных инновационных и информационных технологий, далеко не все учащиеся показывают стабильно хорошие успехи в процессе обучения. Причины здесь разные: недостаточная школьная подготовка, низкая мотивация, недостаточно

развитая способность к обучению, негативные примеры друзей и знакомых, неблагоприятная обстановка в семье и т.д. Следовательно, имеется торможение процесса обучения, выраженное через перечисленные негативные явления. Одна из важных задач, которая здесь возникает, — задача численной оценки эффективности обучения. В [1] предложен метод оценки компетентности обучаемых на основе дерева компетенций, в [2] приведены формульные оценки наиболее важных показателей качества учебного процесса, в [3] предложен алгоритм многокритериальной экспертной оценки управления оказанием образовательных услуг на основе модифицированного метода анализа иерархий. Задача оценки эффективности процесса обучения связана с задачей оценки эффективности и риска портфеля компетенции, а также с задачей оценки риска процесса планирования и организации обучения. Цель предлагаемой работы заключается в разработке методик получения этих оценок.

В [1] построено дерево компетенции ПК-5 по дисциплине «Математический анализ» (направление подготовки 080100 «Экономика») (рис. 1). Компетенция ПК-5 формулируется следующим образом: способность выбрать инструментальные средства для обработки экономических данных в соответствии с поставленной задачей, проанализировать результаты расчетов и обосновать полученные выводы. Перечислим соответствующие уровни дерева компетенции. Первый уровень: A_1 — формирование данной компетенции; второй уровень: A_2 — развитие способности выбрать инструментальные средства для обработки экономических данных в соответствии с поставленной задачей, A_3 — развитие способности анализировать результаты расчетов и обосновывать полученные выводы; третий уровень: A^2_{ijk} — формирование способности выбрать i -е инструментальное средство (формулу, уравнение, систему, метод, методику, алгоритм и т.п., $i = \overline{1, n_1}$) для обработки экономических данных j -го типа (зависимости, предельной величины, линии уровня, экономической модели и т.п., $j = \overline{1, m_1}$) в соответствии с поставленной задачей t -го типа (вычисление предела, производной, интеграла, решения системы, дифференциального уравнения и т.д., $t = \overline{1, s_1}$), A_4 — формирование навыков анализа результатов расчетов, A_5 — развитие способности обосновывать полученные выводы; четвертый уровень: A^4_{ij} — анализ с применением i -го математического аппарата ($i = \overline{1, n_2}$) j -го результата ($j = \overline{1, m_2}$) t -го расчета ($t = \overline{1, s_2}$), A^5_{ij} — обоснование с применением i -го математического аппарата ($i = \overline{1, n_3}$) j -го вывода ($i = \overline{1, n_3}$).

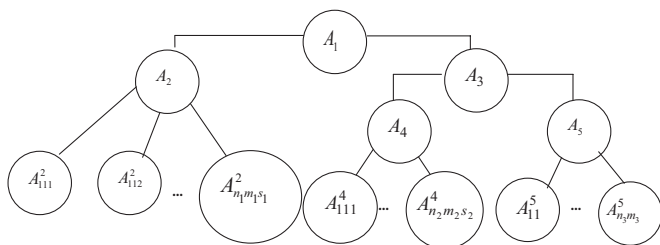

Рис. 1. Дерево компетенции ПК-5

Превратим ребра дерева в дуги, направленные сверху вниз, — получим оргграф 1, связанный с планируемой учебной информацией. При ориентации ребер снизу вверх получаем оргграф 2, связанный с практическим усвоением учебного материала данным учащимся (данной группой учащихся). Каждый из этих оргграфов, равно как и их объ-

единение, можно рассматривать как граф состояний системы, в которой протекает процесс планирования и управления формированием компетенций и компетентности данного учащегося (данной группы учащихся).

Одним из возможных показателей процесса обучения является информационный поток ключевых понятий, примеров, задач, доказательств, таблиц, схем, рисунков, так называемых информативных единиц. Информационный поток характеризуется плотностью, которая может быть определена следующим образом. Каждой дуге соответствует определенный временной интервал прохождения по этой дуге, что соответствует изучению данного учебного материала. Этот временной интервал разбивается на единичные временные интервалы. Для каждого единичного интервала плотность информационного потока представляет собой среднюю арифметическую взвешенную информативных единиц, соответствующих данному единичному интервалу времени. Весовые коэффициенты определяются через свертку критериев сложности, важности и степени усвоения учебного материала. Для оценки сложности учебного материала можно использовать, например, метод, разработанный в [2], для оценки степени усвоения — метод из [1], оценка важности — экспертная оценка, где в качестве экспертов выступают преподаватели, руководители соответствующих структур, а также, возможно, будущие работодатели. Поставим в соответствие каждой дуге оргграфа 1 планируемую плотность информационного потока, переводящего систему из одного состояния в другое, равную взвешенной сумме плотностей составляющих потоков. Аналогично каждой дуге оргграфа 2 поставим в соответствие реализованную плотность информационного потока, связанную с процессом изучения и усвоения данного учебного материала данным учащимся, и среднюю плотность информационного потока для группы учащихся.

Для оргграфа 1 для любого пути $L = A^1 A^2 \dots A^S$ находится общий объем V^T планируемых знаний как взвешенная сумма произведений соответствующих планируемых плотностей информационных потоков данного пути на отводимое время изучения учебного материала с данной плотностью потока. Для оргграфа 2 находится соответствующий объем полученных знаний V^II как взвешенная сумма произведений соответствующих усвоенных плотностей информационных потоков пути $L' = A^S \dots A^2 A^1$, отличающегося от L противоположным направлением движения, на практическое время изучения данного учебного материала. При этом планируемое время прохождения пути $L' = A^1 A^2 \dots A^S$ из вершины A^1 в вершину A^S для оргграфа 1 равно практическому времени прохождения соответствующего пути L' из вершины A^S в вершину A^1 при обучении данного учащегося (данной группы учащихся). В качестве коэффициента эффективности обучения можно рассматривать коэффициент ρ , равный отношению объема V^II к объему V^T , то есть:

$$\rho = \frac{V^II}{V^T} .$$

В общем случае $0 \leq \rho \leq 1$, причем чем ближе значение ρ к 1, тем успешнее идет процесс обучения, и чем меньше ρ отличается от 0, тем хуже усваивается данный учебный материал данным обучаемым (данной группой обучаемых), то есть тем менее эффективное обучение. Однако возможна такая ситуация, когда $\rho > 1$. Это говорит о том, что учащийся (группа учащихся) имеет высокую степень подготовленности, а поэтому планируемые показатели для этого учащегося (группы учащихся) оказываются заниженными. Сле-

довательно, в данной ситуации необходима корректировка программ и планов обучения либо переход таких учащихся на индивидуальную форму обучения.

Можно провести градацию относительно плано-организационной работы по изучению данного учебного материала, связанного с прохождением любого пути L оргграфа 2. Будем считать, например, что значение коэффициента ρ , большее, чем 0,9, соответствует отличной плано-организационной работе, значение в границах от 0,8 до 0,9 означает хорошую работу, если ρ находится в границах от 0,7 до 0,8, то работу можно считать удовлетворительной. В противном случае работа неудовлетворительная.

Дуги оргграфа 1 (орграфа 2) нумеруются, и определяется портфель данной компетенции, составляющими которого являются весовые коэффициенты дуг. Аналогично тому, как это сделано в [4] для портфеля оценочных баллов, определяется риск и эффективность портфеля компетенции. Можно определить портфель компетенции по-другому, взяв в качестве составляющих портфеля, например, показатели плотности, степени сложности и степени усвоения. Такие портфели определяются как для одного учащегося, так и для группы учащихся. Если речь идет о группе, то в качестве составляющих портфеля рассматриваются средние значения соответствующих показателей. Очевидно, чем больше эффективность портфеля для достигнутых показателей, тем ближе коэффициент ρ к максимальному значению; чем меньше риск портфеля, определяемый через среднее квадратическое отклонение, тем точнее результаты.

Для оценки явлений с большой долей неопределенности используется теория нечетких множеств. Так, в [1] предложен метод оценки компетентности учащихся для нечетко сконструированных исходных данных с применением функций и $sg\ x = \begin{cases} 0, & x \leq 0, \\ 1, & x > 0 \end{cases}$ и $\overline{sg\ x} = \begin{cases} 0, & x > 0, \\ 1, & x \leq 0 \end{cases}$, а также нечеткого декартова произведения нечетких оценок компетенций, в [5] построена модель оценки технической составляющей инновационного потенциала предприятия с учетом фактора неопределенности, которая с точностью до смыслового содержания показателей качества переносится на учебный процесс.

Рассмотрим задачу оценки риска планирования и организации учебного процесса при нечетких условиях. Пусть c — нечеткое число. В этом случае можно воспользоваться треугольным представлением [6]: $c = [c'_1, \bar{c}, c'_2]$, здесь левая граница соответствует минимально возможному значению данного числа, правая граница — максимально возможному значению, среднее число — наиболее ожидаемому значению, определяемому как среднее арифметическое границ (рис. 2).

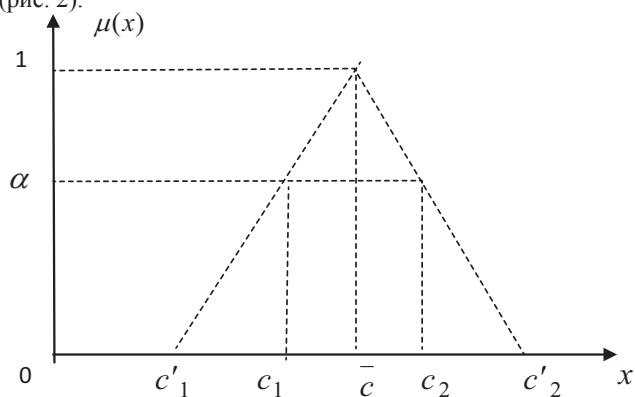

Рис. 2. Треугольное представление нечетких чисел

При фиксированном уровне принадлежности α указанный сегмент преобразуются соответственно в более узкий сегмент с тем же центром. Границы нечеткого числа будут соответствовать абсциссам точек пересечения прямой, соответствующей уровню α , с функцией принадлежности данного нечеткого числа.

Тогда число c можно представить в виде $[c_1, c_2]$, и показатели будут определяться через исходные нечеткие числа применением алгебраических над их границей, что сводится к соответствующим операциям над их границами.

Для оргграфа 1 вводится понятие оценки риска неэффективности процесса планирования и организации обучения на данном пути (этапе) дерева компетенции (компетенций). Для оргграфа 2 данное понятие вводится для процесса изучения соответствующего учебного материала. Делается это на основе метода оценки риска неэффективности проекта [6] применительно к нечеткому числу $[p_1, p_2]$, интерпретирующему коэффициент эффективности ρ , и критериальному значению $G = [G_1, G_2]$. Проверяется условие $\rho \geq G$. Для этого графически при разных соотношениях p_1, p_2, G_1, G_2 находится площадь зоны неэффективности. Степень неэффективности определяется через геометрическую вероятность для данного уровня α принадлежности с последующим интегрированием полученной функции на участке изменения α . В одном важном частном случае оценка риска осуществляется совсем просто. Пусть интервально-симметричные расплывчатые параметры характеризуются двумя действительными числами — средним значением параметра и разбросом от среднего. Среднее значение равно среднему арифметическому левой и правой границ нечеткого числа, разброс определяется как разность между правой границей и средним значением (или разностью между средним значением и левой границей). В этом случае вводится коэффициент λ устойчивости процесса планирования и организации обучения по объединенному критерию плотности, сложности и степени усвоения, определенному через свертку этих критериев, равный частному при делении среднего значения коэффициента ρ на его разброс. В [6] для случая $0 \leq \lambda \leq 1$ получено выражение для риска R проекта, которое полностью переносится для рассматриваемого в данной статье риска планирования и организации изучения учебного материала на данном пути дерева компетенции, а именно:

$$R = \frac{1}{2} + \frac{\lambda}{2} (\ln \lambda - 1).$$

При этом можно считать, что приемлемый риск составляет менее 10%, от 10 до 20% — пограничная ситуация, свыше 20% — неприемлемый риск.

Итак, задача оценки эффективности процесса обучения является крайне важной и актуальной в различных сферах жизни общества. Об этом свидетельствуют самые новые работы [7; 8] по этой теме. В работе [7] определена возможность использования модели компетенций как способа определения эффективности обучения и развития персонала промышленного предприятия, а работа [8] связана с инновационным подходом к построению критерия качества образования и предложением использовать математическое моделирование для установления количественной связи критерия качества образования со всеми параметрами образовательного процесса. В данной работе «Оценка эффективности процесса обучения» предложена методика оценки эффективности процесса обучения, выраженной через ко-

эффицент эффективности, методика оценки эффективности и риска портфеля компетенции, а также оценки риска процесса планирования и организации обучения. Полученные результаты дают возможность осуществлять управление процессом планирования и организации обучения,

а поэтому и эффективности образовательного процесса; могут быть использованы также в любом социально-производственном процессе, связанном с проявлением действия негативных факторов, тормозящих протекание рассматриваемого процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ганичева А. В. Метод определения оптимальных модулей и компетентности обучаемых // Качество. Инновации. Образование. 2013. № 10. С. 19—23.
2. Ганичева А. В. Показатели качества учебного процесса // Материалы 5-й Междун. науч.-практ. интернет-конф. «Новые технологии в образовании». Таганрог. М.: Изд-во «Спутник+», 2010. С. 23—27.
3. Процюк М. П., Токарев К. Е. Разработка алгоритма повышения эффективности управления оказанием образовательных услуг и их качественных характеристик // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3. С. 61—63.
4. Ганичева А. В. Оптимальное решение и оценка эффективности организационных вопросов // Ярославский педагогический вестник. Т. 3 (Естественные науки). 2011. № 2. С. 53—59.
5. Игольникова О. С., Копылов А. В. Нечетко-множественная модель оценки технической составляющей инновационного потенциала предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (27). С. 222—225.
6. Нечеткие гибридные системы. Теория и практика / Под ред. Н. Г. Ярушкиной. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2007. 208 с.
7. Киселева Г. С. Модель компетенций как инструмент оценки эффективности переподготовки и повышения квалификации кадров // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (13). С. 124—131.
8. Берднова Е. В. Инновационный подход к построению качества образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 61—64.

REFERENCES

1. Ganicheva A. V. Method of definition of optimum modules and competence of trainees // Quality. Innovations. Education. 2013. № 10. P. 19—23.
2. Ganicheva A. V. Indicators of quality of educational process // Materials of the 5th International scientific and practical Internet conference «New Technologies in Education». Taganrog. M.: Publishing house Sputnik+, 2010. P. 23—27.
3. Protsyuk M. P., Tokarev K. E. Development of algorithm for increasing management efficiency of rendering educational services and their qualitative characteristics // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3. P. 61—63.
4. Ganicheva A. V. Optimum decision and assessment of efficiency of organizational questions // Yaroslavl pedagogical bulletin. Vol. 3 (Natural sciences). 2011. № 2. P. 53—59.
5. Igolnikova O. S., Kopylov A. V. Fuzzy-multiple model of assessment of a technical component of the company innovative capacity // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 124—131.
6. Indistinct hybrid systems. Theory and practice / Under the editorship of N. G. Yarushkina. M.: FIZMATLIT, 2007. 208 p.
7. Kiselyova G. S. Model of competences as a tool of assessment efficiency of the personnel retraining and professional development // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (13). P. 124—131.
8. Berdnova E. V. Innovative approach to creation of quality of education // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 61—64.

УДК 331.361

ББК 65.24

Lobyzenkova Vera Alexandrovna,
candidate of sociological sciences,
senior lecturer of the department
of humanitarian and socio-economic disciplines
of Volgograd branch
of Moscow State University
of Technologies and Management
named after K. G. Razumovsky,
Svetly Yar settlement, Volgograd region,
e-mail: FeklaCat@ya.ru

Kovalenko Nadezhda Viktorovna,
candidate of political sciences,
assistant professor of department of philosophy and sociology
of the Russian Presidential Academy of Nation Economy
and Public Administration,
Volgograd,
e-mail: nkoval12@mail.ru

Лобызенкова Вера Александровна,
канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Волгоградского филиала
Московского государственного университета
технологий и управления им. К. Г. Разумовского,
р. п. Светлый Яр, Волгоградской обл.,
e-mail: FeklaCat@ya.ru

Коваленко Надежда Викторовна,
канд. полит. наук, доцент кафедры
философии и социологии
Волгоградского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Волгоградский филиал),
г. Волгоград,
e-mail: nkoval12@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МЕТОДИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ АНАЛИЗА ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОБРАЗОВАНИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE METHODOLOGICAL ISSUES OF ANALYSIS OF GENDER DIFFERENCES IN THE EDUCATION OF DISABLED PEOPLE

Рассматриваются актуальные проблемы, связанные с социализацией, социальной реабилитацией, профессиональным становлением, образованием и трудоустройством инвалидов. Анализируются причины, сдерживающие повышение экономического и социального статусов инвалидов. В основу социализации людей с ограниченными возможностями положена идеология доступности образования для всех и создание образовательного пространства, соответствующего различным потребностям всех обучаемых. Отмечается, что необходимо принимать в расчет и гендерный анализ уровня знаний в сфере образования, который позволит выявить различные потребности женщин и мужчин в получении образования. Предлагается перечень конкретных задач, актуальных с точки зрения современной социальной политики.

The urgent issues connected with socialization, social rehabilitation, professional development, education and employment of disabled people are discussed in the article. The reasons preventing improvement of economic and social status of disabled people are analyzed. Socialization of disabled people is based on the philosophy of education accessibility for everybody and establishing of educational environment that meets different demands of trained people. It is underlined that the gender analysis of the knowledge level should be taken into consideration, which will allow identifying different demands of women and men in getting education. The list of specific tasks urgent in terms of the modern social policy is proposed.

Ключевые слова: социальная политика, экономическая политика, гендерное неравенство, инвалиды, проблемы образования инвалидов, задачи социальной политики, рынок труда, доступность образования, социальный статус, гендерный индикатор.

Keywords: social policy, economic policy, gender inequality, disabled person, issues of education of disabled persons, objectives of social policy, labor market, accessibility of education, social status, gender indicator.

Социально-экономические трансформации в России времен перестройки привели к изменению форм собственности, появлению новых экономических структур, дифференциации доходов и статусов различных социальных групп, ломке менталитета и традиционных ценностей российского общества. Эти процессы привели к серьезным изменениям во многих важных для жизни людей социальных отраслях, в том числе в образовании. Одной из важнейших проблем в сфере образования является фактическое неравенство в получении образовательных услуг. В современной России для многих людей, особенно молодежи, получение качественного образования становится недоступным.

Это явление, важное для всего общества, особое значение приобретает для инвалидов — людей, и без того обделенных многими возможностями, привычными для здорового человека. Образование инвалидов: и общее, и профессиональное, и дополнительное — является, по сути, основным каналом социальной и профессиональной мобильности личности. Образование в значительной мере повышает возможности восхождения по социальной лестнице, а в целом ряде случаев (например, трудоустройство) является его условием.

Уровень депривации инвалидов значительно выше, чем в других социальных группах. Поэтому в настоящее время возрастает актуальность проблем, связанных с социализацией, социальной реабилитацией, профессиональным становлением, образованием и трудоустройством инвалидов. Этому способствует несколько причин.

Одна из них — постоянный рост численности людей с психическими, физическими и интеллектуальными отклонениями

(в 1995 году в Российской Федерации их было 6,3 млн чел., в 2004-м — 11,4 млн чел.). Ежегодно признаются инвалидами около 3,5 млн чел., в том числе более 1 млн — впервые. Увеличивается число детей-инвалидов (с 453,7 тыс. чел. в 1995 году до 613 тыс. чел. в 2004-м) [1]. Негативные тенденции в состоянии здоровья населения, ухудшение экологической обстановки, рост травматизма, алкоголизации и наркотизации населения не позволяют надеяться на улучшение ситуации в ближайшие годы. Тем не менее за последние пять лет количество инвалидов в целом сокращается. Только за последние полгода 2013-го общее число инвалидов в РФ сократилось с 13,1 млн чел. до 12,85 млн. Качественные изменения медицины направлены на то, чтобы не росла инвалидизация населения.

Вторая причина усиления внимания общества к проблеме профессионального становления инвалидов — изменения на рынке труда. Сокращение предложения рабочей силы при увеличении спроса на нее как следствие негативных демографических процессов (суженое воспроизводство, быстрое демографическое старение населения, высокая смертность в трудоспособном возрасте, трудовая эмиграция и т. д.) заставляют работодателей обращать внимание на потенциальные трудовые возможности инвалидов. Информатизация общества, ценность индивидуального ручного труда, интернет-технологии открывают новые возможности для людей с физическими недостатками в поисках подходящей для них работы [2, с. 40].

Третья причина — снижение уровня жизни населения с низкими доходами, а к ним по определению относятся инвалиды. Инфляция постепенно съедает социальные трансферты государства для этой группы населения, принуждая ее выбирать стратегию выживания и приспособления. Система социальной защиты с ее традиционными формами поддержки инвалидов не справляется с проблемами, решать которые необходимо уже не индивидуально, а на уровне общества в целом [3, с. 149].

Возможность получить образование — одно из конституционных прав граждан Российской Федерации. Общедоступность и бесплатность специального образования для лиц с ограничениями по состоянию здоровья гарантирована федеральными законами «Об образовании» 1992 года и «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» 2001 года, подтверждены Национальной доктриной образования в Российской Федерации 2000 года [4; 5].

Создана разветвленная система учреждений профессионального становления молодежи и лиц среднего возраста, желающих получить профессиональное образование или переподготовку. Эта система включает в себя совокупность органов исполнительной власти и реабилитационных учреждений, центров социальной помощи, учебных заведений, центров профессиональной ориентации и занятости.

Однако на практике реализация основных направлений профессионального становления инвалидов (профессиональная ориентация, обучение и трудоустройство) имеют много проблем. Ограниченные возможности здоровья, специфика ситуации социального развития обуславливают необходимость использования специальных технологий профессионального становления инвалидов. Необходимо признать, что современная отечественная система образования, призванная способствовать выравниванию статусных позиций, часто воспроизводит неравенство, существующее в обществе, устанавливает достаточно жесткие барьеры для представителей социальных групп, которые не располагают нужными ресурсами: финансами, связя-

ми в административных структурах, социальным статусом.

Для инвалидов эти барьеры еще выше, так как их способность учиться и трудиться определяется не только состоянием их здоровья, физическими и умственными возможностями, но и условиями, которые создает общество, учебное заведение, окружающие преподаватели и студенты для инклюзивного обучения инвалидов в безбарьерной среде [6, с. 45—53; 7, с. 158—159].

Однако анализ включенности инвалидов в образовательную среду нельзя ограничивать только учетом факторов социального исключения инвалидов из общества. Необходимо принимать в расчет и системные характеристики, в частности гендерные особенности российской жизни и российского образования.

Необходимо признать, что гендерные аспекты жизнедеятельности различных сфер и институтов общества пока не привлекают достаточного интереса специалистов, остаются маргинальной частью исследовательских практик. На наш взгляд, необходимость гендерного анализа положения инвалидов в обществе, их вхождения в определенную среду, в нашем случае образовательную, совершенно очевидна и актуальна.

Существует тенденция отождествлять гендерный анализ с анализом положения женщин в той или иной сфере, выявлением различий в поведении, статусе, возможностях мужчин и женщин. Такой подход как начальный этап вполне возможен. Статистические данные о распределении инвалидов по полу, дифференцированные по полу результаты социологических исследований просто необходимы для описания реальной ситуации.

Однако практически все публикации в научных журналах, материалы конференций по проблемам инвалидов касаются жизни инвалидов вообще независимо от пола. Хотя ясно, что иной раз одна и та же проблема и осознается, и решается мужчинами и женщинами совершенно по-разному. Можно сказать, что гендерные аспекты в исследованиях, посвященных инвалидам, практически не присутствуют (например, ни в одном из использованных автором для статьи источников о различиях полов нет даже упоминания, хотя результаты научных работ достаточно интересны). Справедливости ради необходимо отметить, что такая картина достаточно типична. Методы гендерного анализа пока не стали привычным инструментом социолога.

Содержание гендерного анализа в образовании шире демографического, его цель — выявить и идентифицировать системное неравенство в этой сфере, обусловленное принадлежностью к полу или неодинаковыми возможностями мужчин и женщин в получении образования. В целом в основании неравенства инвалидов в обществе лежит неравенство здоровья, которое, в свою очередь, связано с атрибутами социальной иерархии (власть, богатство, престиж). Разновидностью социальной иерархии в современном обществе является гендерная иерархия. В Российской Федерации так же, как и в других странах, гендер — значимый маркер социальной и экономической уязвимости, которая наряду с прочими выражается в различии позиций мужчин и женщин как потребителей образовательных услуг. В этом смысле гендерные различия в отношении образования являются системными и проявляются как гендерное неравенство.

Гендерное неравенство может создавать и усиливать преграды на пути получения образования, накладываясь на проблемы, связанные с депривацией инвалидов, а также воздействовать на доступность услуг, распределение ресурсов, включая процесс принятия решений в отно-

шении обучения инвалидов и образования как отрасли.

Не вызывает сомнений, что большинство экономических и социальных отношений имеют гендерное измерение. Гендерный анализ должен предшествовать разработке и реализации политики равных возможностей в сфере образования. Для этого необходимо идентифицировать значимые гендерные различия и неравенство в отношении образования.

Можно выделить две группы факторов, под воздействием которых формируется гендерное неравенство. Первая группа факторов связана с особенностями построения и функционирования самой системы образования для инвалидов, когда механизмы ее функционирования оказываются прямо или косвенно дифференцированными в отношении мужчин и женщин. В основе таких различий лежат стереотипы гендерных социальных ролей: женщины как хранительницы семейного очага и мужчины как кормильца семьи, физической слабости женщин и силы мужчин и т. п.

В системе образования эти стереотипы сказываются, например, в выборе формы дополнительного образования. Женщины чаще выбирают досуговое образование (музыкальные и художественные кружки, рукоделие, клубы, студии), а мужчины — профессиональное (курсы переподготовки, обучение новым специальностям и т. д.). Гендерные стереотипы влияют и на выбор профиля вуза или ссуза. Женщины предпочитают чаще гуманитарные направления, мужчины — технические, хотя свою роль играют и физические возможности инвалида, и доступность учебного заведения (близость к дому, приспособленность технической базы учебного заведения к обучению в нем инвалида (наличие пандусов, лифтов), наличие системы прямого и заочного сопровождения обучения и т. д.). Такие предположения сделаны на основе изучения обычных студентов, специальных данных об инвалидах нет.

Ко второй группе факторов гендерного неравенства относятся факторы, внешние для системы образования: изменение системы государственного финансирования образования; существующее гендерное разделение труда; особенности экономической активности мужчин и женщин; гендерные различия в источниках и размерах доходов; связанные с традиционными гендерными ценностями особенности образа жизни и стратегии адаптации.

Примером действия этих факторов могут служить гендерные последствия трансформации системы финансирования системы образования в сторону сокращения реальных объемов государственных расходов на эту сферу и роста индивидуальных материальных затрат на обучение. При внешней гендерной нейтральности этого процесса увеличение объема платных образовательных услуг формирует две основные проблемы гендерного неравенства в сфере образования.

Одна из проблем состоит в том, что расширение платных услуг в большей степени коснулось женщин, чем мужчин. Речь идет не о дифференциации платы за обучение по признаку пола, а соответствии доли женщин, оплачивающих свое образование, их доле среди учащихся. То есть платными стали преимущественно уровни образования и специальности, где женщины составляют большинство.

Другая проблема связана с разной отдачей затрат на образование у мужчин и женщин. Материальные выгоды от инвестиций в образование у мужчин выше, чем у женщин. Эти выгоды формируются сначала в сфере занятости, а потом — в сфере пенсионного обеспечения, где, несмотря на законодательное запрещение дискриминации, женщины имеют значительно менее выигрышные позиции. Все это позволяет предположить, что женщинам го-

раздо сложнее обрабатывать свои запросы на образование.

Свою роль в условиях платности образования может сыграть и отношение родителей к финансированию обучения юношей и девушек. В условиях выбора усиливается тенденция к оплате обучения мальчиков, а не девочек, хотя пока в массе своей россияне практически одинаково относятся к необходимости оплаты высшего образования сыновей и дочерей.

Таким образом, гендерные отношения в сфере получения знаний и образования (в них наравне со всеми участвуют и инвалиды) образуют сложную многоуровневую социальную систему. Эту систему поддерживают ценности, правила поведения, а также доступность материальных, информационных и административных ресурсов.

Гендерные различия проявляются по-разному в зависимости от времени и места, социально-экономической и политической ситуации. Они ставят в невыгодное положение и женщин, и мужчин, в зависимости от комбинированного эффекта и сочетания с другими формами социальной дифференциации: по социально-экономическому статусу, состоянию здоровья, физическим возможностям, возрасту, этнической и религиозно-культурной принадлежности.

Несмотря на очевидность идеи обеспечения полной доступности образования для инвалидов, в том числе с учетом гендерного фактора, ее практическая реализация вызывает ряд сложностей методического плана. На наш взгляд, эти сложности связаны, во-первых, с недостаточной разработанностью методологии и методики гендерного анализа, отсутствием общепринятой системы гендерных индикаторов в той или иной сфере жизнедеятельности общества; во-вторых, с отсутствием надежных статистических данных о системе образования инвалидов по всей цепочке их профессионального становления: профессиональная ориентация — обучение — трудоустройство. Практически нет исследований о специальных технологиях профессионального становления инвалидов (например, о профессионально-трудовой реабилитации). Третье — ограничены и малодоступны сведения о возможностях вузов по интегрированному обучению инвалидов.

Поэтому важно сформировать систему гендерно-чувствительных индикаторов, которые могли бы стать измерителями изменений, проходящих в течение определенного периода времени в системе образования. В литературе по гендерному анализу два типа гендерных индикаторов: количественные и качественные. Количественные основываются на информации, получаемой в результате переписей, опросов, подсчетов и ведомственной статистики, они учитывают экономические и другие аспекты уровня и качества жизни. Качественные индикаторы используют информацию об уровне удовлетворенности или неудовлетворенности личными и социально-экономическими условиями жизни гендерных групп. Качественные индикаторы пока недостаточно используются, но они очень важны, поскольку гендерное неравенство во многих областях не столь очевидно и не имеет количественного выражения. Если статистические данные не обнаруживают гендерных различий, они, как правило, вскрываются на уровне убеждений и норм, повседневной деятельности. Например, в России, как уже указывалось, пока не отмечается значительных гендерных различий в доступности образовательных услуг. Однако социологические исследования с качественной методологией, изучающие индивидуальный опыт бедности, бюджет времени, удовлетворение потребностей в обучении и их доступность для разных гендерных групп, делают такие различия более очевидными. С помощью качественных индикаторов можно понять, каким образом гендерные различия реакции на бед-

ность сказываются на стратегии поведения в отношении образования на высоких профессиональных ступенях. Женщины чаще выбирают вуз с учетом будущей работы, позволяющей выполнять привычные роли и сочетать семью и работу.

Можно выделить три направления, в рамках которых должна формироваться система гендерных индикаторов:

— гендерно дифференцированные показатели уровня образованности, характеризующие объект политики в сфере образования, а также реальные потребности гендерных групп в оказании образовательных услуг;

— показатели экономических и организационных отношений в системе образования, предоставления обучающих услуг;

— показатели правового обеспечения в сфере образования равных прав и возможностей как инвалидов вообще, так и с учетом их гендерных характеристик.

Гендерные анализ уровня знаний и политики в сфере образования позволит выявить различные потребности женщин и мужчин в получении образования, а также определить способы удовлетворения этих потребностей на основе принципов социальной справедливости и отсутствия дискриминации не только по инвалидности, но и по признаку пола [8, с. 30; 9, с. 216—217; 10, с. 32—34].

Разработка системы конкретных гендерных индикаторов — тема дальнейших исследований. Ясно одно: дальнейшее включение инвалидов в реальную жизнь, формирование безбарьерной среды их существования, формирование политики инклюзии и реализация принципов справедливости — это задачи, решить которые без учета гендерного фактора, без использования принципов и подходов гендерного анализа затруднительно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальная поддержка инвалидов на 2006—2010 годы: Федеральная целевая программа (с изм. от 21 июня 2010 года № 470) // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 января 2006 года. № 2. Ст. 199 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/189069/> (дата обращения: 08.05.2014).
2. Курченков В. В. Об основных подходах к формированию наукоемкой экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 40—45.
3. Бородин О. И. Модернизация экономики России: этнические и региональные аспекты // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 149—154.
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ (с изм. от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ) // Российская газета. 2 декабря 1995 года. № 234.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Российская газета. 31 декабря 2012 года. Федеральный выпуск № 5976.
6. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости // СОЦИС. 2005. № 2. С. 44—55.
7. Цыганков В. А. Экономика труда: прошлое, настоящее, будущее // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 158—160.
8. Лобызенкова В. А. Инновационные технологии в повышении качества контроля и оценки самостоятельной работы студентов вуза // Образование и общество. 2014. № 84. Т. 1. С. 29—31.
9. Лобызенкова В. А. Мотивационные факторы профессиональной ориентации молодежи на рынке труда // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 3. С. 213—217.
10. Коваленко Н. В. Инновационные аспекты преподавания гендерной социологии в вузе // Грани познания. 2010. № 2 (7). С. 32—34.

REFERENCES

1. Social support of disabled people in 2006—2010: Federal targeted program (with amendments as of June 21, 2010 № 470) // Collection of RF legislation dated January 9, 2006, № 2. Art. 199 [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/189069/> (date of viewing: 08.05.2014).
2. Kurchenkov V. V. On the main approaches to formation of a knowledge-based economics // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 40—45.
3. Borodin O. I. Modernization of the Russian economics: ethnic and regional aspects // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 149—154.
4. On the social protection of invalids in the Russian Federation: Federal law of November 24, 1995, № 181-FZ (with amendments as of 02.07.2013 № 185-FZ) // Russian newspaper dated December 2, 1995 № 234.
5. On education in the Russian Federation: Federal law of December 29, 2012 № 273-FZ // Russian newspaper as of December 31, 2012. Federal issue № 5976.
6. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Disability Policy. Problems of accessible environment and employment opportunities // SOCIS. 2005. № 2. P. 44—55.
7. Tsygankov V. A. Labor Economics: past, present, future // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 158—160.
8. Lobyzenkova V. A. Innovative technologies in improving the quality of monitoring and evaluation of independent work of students of the University // Education and society. 2014. № 84. Vol. 1. P. 29—31.
9. Lobyzenkova V. A. Motivational factors of professional orientation of the youth at the labor market // Bulletin of Economics, law and sociology. 2013. № 3. P. 213—217.
10. Kovalenko N. V. Innovative aspects of teaching gender sociology at the University // Verge of knowledge. 2010. № 2 (7). P. 32—34.

УДК 37.043:159.98

ББК 74.04:87.77

Sevostianov Yuriy Olegovich,
candidate of psychological sciences, associate professor
of the department of philosophy, history, sociology
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: stingrey@aport2000.ru

Севостьянов Юрий Олегович,
канд. психол. наук, доцент кафедры
философии, истории, социологии
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: stingrey@aport2000.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГОТОВНОСТИ РАБОТАТЬ В КОМАНДЕ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ «ТЕХНОЛОГИЯ» И «СЕРВИС»

CHANGE OF PSYCHO-SEMANTIC STRUCTURE OF WILLINGNESS TO WORK IN A TEAM OF STUDENTS OF DIRECTION «TECHNOLOGY» AND «SERVICE»

В статье рассматриваются проблемы формирования аспектов социальной компетентности, в частности изучается готовность работать в команде, у специалистов в области сервиса и технологии. Раскрывается проблема команды и командообразования. Выделяются недостатки стихийного освоения студентами такого аспекта социальной компетентности, как готовность к работе в команде. Обосновывается необходимость специального обучения навыкам работы в группе. В статье представлены некоторые особенности и итоги обучения, а также результаты изучения психосемантической структуры сознания студентов, прошедших и не прошедших курс обучения психологии малых групп и командообразованию, полученные с помощью факторного анализа.

This article discusses the formation of aspects of social competence, in particular, willingness to work in a team of the experts in the field of service and technology. It reveals problems of teams and team building. The shortcomings of spontaneous mastering by the students of such aspect of social competence as willingness to work in a team are outlined. The necessity of special training of skills of the group-working is justified. This article presents some of the features and learning outcomes, as well as the results of studying the psycho-semantic structure of students' consciousness who have and have not taken training in psychology of small groups and team building obtained by means of factor analysis.

Ключевые слова: команда, командообразование, малая группа, группа-команда, работа в команде, обучение, развитие компетенции, сервис, социальная компетентность, психосемантическая структура, психосемантические методы.

Keywords: team, team-building, small group, group-team, team working, training, development of competence, service, social competence, psycho-semantic structure, image of the world, signification, psycho-semantic methods.

В современном мире рынок труда стал предъявлять все более согласованные требования к сотрудникам. Одним из таких требований является способность решать задачи, решить которые в одиночку невозможно. Работодателю необходим работник, в послужной список которого должны входить и такие ключевые компетентности, как умение общаться с людьми, способность работать в команде. Но специалисты не всегда обладают подобной компетенцией, особенно если

ее развитию в учебных заведениях не уделялось должного внимания. Современные технологии (социальные сети, мобильная связь и др.) больше рассчитаны на диадное взаимодействие, чем на командные решения задач, что препятствует естественному фону выработки навыков работы в команде. Учебные заведения, хотя и предлагают групповые формы работы (например, проектная деятельность), не всегда акцентируют внимание на психологической составляющей развития соответствующей компетенции.

В современной психологии существует несколько точек зрения на то, что же является командой и каким образом должен проходить процесс командообразования [см., например: 1; 2; 3]. Общими для всех команд являются следующие факторы: наличие общей цели для всех участников, открытые и ясно понимаемые всеми участниками нормы взаимодействия и выполнения деятельности, нацеленность на общий результат, достижение которого зависит от каждого участника, максимальное использование ресурсов участников, проработанные и осознанные роли, наличие структурированного и открытого взаимодействия. Наличие данных факторов дает возможность участникам решать наиболее сложные задачи и достигать такого результата, который не может быть достигнут поодиночке.

Основой процесса командообразования является прохождение группы-команды через четыре основные стадии: стадия ориентации и проверки (forming); стадия позиционирования (storming); стадия организации (norming); стадия эффективной работы и дифференциации (performing). Прохождение команды через эти стадии называют групповой динамикой. Почему именно данный процесс лежит в основе командообразования? Большинство специалистов считает, что настоящая команда может стать таковой, лишь преодолев препятствия, стоящие в начале ее развития, такие как недоверие людей друг другу и медлительность в принятии на себя ответственности за общее дело. Но именно борьба с трудностями развивает доверие и сплачивает группу. Кульминационной точкой командообразования является переход группы на продуктивный этап своей деятельности, где предмет работы становится главной фигурой профессионального восприятия каждого члена группы. Подобную группу уже можно называть командой [3].

Часто процесс перехода группы с одной стадии на другую происходит стихийно, без управления и организации как руководителем, так и самими участниками команды. Неудивительно, что большинство учебных и профессиональных групп годами существуют на начальных стадиях, хотя про-

фессиональные задачи требуют от них более высокого уровня развития. Наши наблюдения за студенческими группами и их функционированием при решении сложных задач показывают, что эта проблема особо актуальна для них. С одной стороны, студенческие группы часто сталкиваются с необходимостью решать задачи совместно, на командном уровне. Наиболее часто подобные задачи встают перед ними на практике, семинарах и практических занятиях. С другой стороны, в рамках профессионального обучения студенты должны овладевать компетенцией в создании, управлении командой, умением сотрудничать в рамках командного взаимодействия, так как это является важной компетенцией в большинстве профессий. Однако такого опыта студенты в рамках обучения в вузе получают недостаточно. Это происходит и выражается в том, что большинство студенческих групп к выпуску находятся либо на первой, начальной стадии, либо на второй, конфликтной. Для этого есть важное объективное условие. Как мы указывали выше, одним из важнейших элементов в процессе командного построения является наличие общей для всех участников цели. В обучении это явно не проявляется, так как каждый студент нацелен на свое обучение (или имеет какие-то другие цели) и никак не связан с результатом образования других студентов. Субъективными условиями «зависания» группы на ранних стадиях являются отсутствие навыков структурированного взаимодействия, проработанных ролей и других необходимых для построения команды элементов.

Данные особенности обучения приводят к тому, что студенты в процессе подготовки в вузе чаще всего не овладевают такой важной компетенцией, как способность работать в команде. По крайней мере, для этого целенаправленно не создаются условия. Компетентность — совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определенной социальной и личностно значимой сфере [4]. Хотелось бы отметить, что под компетенцией мы понимаем набор моделей поведения, которые человек должен использовать для эффективного решения встающих перед ним задач. Компетенции — это обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное выполнение профессиональной деятельности. Компетентность представляет собой язык высококачественного выполнения работы [5; 6].

Исходя из изложенных проблем мы построили свой курс «Психология групп и командообразование», состоящий из девяти практических занятий. Данный курс входит в учебный план подготовки бакалавров направления «Технология» Волгоградского социально-педагогического университета в соответствии с ФГОС ВПО. Курс был разработан в соответствии с требованиями компетентностного подхода в процессе прохождения автором повышения квалификации по программе «Компетентностный подход в работе преподавателя высшей школы» на факультете повышения квалификации и переподготовки работников образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Все блоки рабочей программы структурированы в соответствии с главной целью — создать среду по освоению студентами рассматриваемой нами компетенции. Проблему общей цели мы предполагаем решить с помощью групповых дискуссий, кейсов и упражнений. Если раньше они использовались как отдельные элементы на занятиях, то теперь эти способы стали ключевыми в организации занятий. Только полное включение всех студентов в работу позволит каждому из них достичь результата. Те студенты, которые подходят к занятию

без образовательных целей, станут инициаторами групповой динамики, что станет хорошим дополнительным материалом для работы.

Следующей проблемой при разработке курса с поставленной целью, заключающейся в освоении студентами компетенции на предмет ее структуры. Теоретический анализ литературы по вопросам командообразования [1; 2; 3; 7], управления персоналом [8; 9] позволил выделить структуру рассматриваемой компетентности, которая легла в основу курса.

Результативность работы кроме стандартных методов оценки в вузе мы измерили с помощью психосемантических методов. С помощью данных методов реконструируются структуры субъективного опыта (систем значений и смыслов), на основе которого строится образ мира человека [10]. Различия в системах значений, отражающих психологию группы у студентов, изучающих соответствующий курс и не прошедших его, могут свидетельствовать о формировании компетентности работы в команде. Наше исследование основывалось на положении отечественных специалистов в сфере развития значения, что с развитием форм значений изменяется их структура [11]. Мы предполагаем, что усложнение системы значений (появление большего числа факторов) является результатом процесса обучения и отражает развитие соответствующей компетенции.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение у студентов психосемантической системы, отражающей компетентность работы в команде. В своем психолого-педагогическом исследовании мы сравнили две группы студентов очного отделения. В первую группу вошли 16 человек, обучающихся на третьем курсе по направлению «Технология» на факультете технологии и сервиса Волгоградского государственного социально-педагогического университета. У данных студентов был проведен курс по выбору «Психология группы и командообразование». Во вторую группу вошли 16 студентов третьего курса направления «Сервис» экономического факультета Волгоградского института бизнеса. Их обучение осуществлялось по стандартной программе дисциплин «Психодиагностика» и «Психологический практикум». Данные направления подготовки, конечно, существенно различаются по учебному плану. Однако стоит заметить, что общепсихологическая подготовка у них примерно одинаковая, включающая в себя прохождение курса «Психология». Студенты-технологи кроме общепсихологических знаний получили знания по психологии развития и педагогической психологии. Однако эти курсы практически не содержат материала по психологии малых групп и командной работы. Мы выбрали данные направления в связи с тем, что у студентов сервисных специальностей вопрос о развитии рассматриваемой нами компетенции стоит наиболее остро в соответствии с предъявляемыми профессиональными требованиями. С другой стороны, программы подготовки по направлениям «Технология» и «Сервис» имеют существенное сходство. В частности, рассматриваемая нами компетенция представлена у технологов как ОК-7 (готов к взаимодействию с коллегами, к работе в коллективе), а у студентов направления «Сервис» — ОК-9 (способность к работе в коллективе, в том числе применяя принципы и методы организации и управления малыми и средними коллективами). Это позволяет провести сравнительное исследование, хотя и с пониманием, что имеются существенные различия в обучении.

Студентам в конце занятий (у технологов это была дис-

циплина «Психология групп и командообразование», а у направления «Сервис» — «Психологический практикум») предлагалось заполнить бланк репертуарной решетки (методика Дж. Келли) [12]. В бланк входил ряд групп, опыт участия в которых был у студентов. Данные группы студенту необходимо было оценить по 7-балльной шкале, предварительно выделив 15 параметров для оценки. Параметры студенты выделяли сами, исходя из своего опыта описания групп. Данная процедура была призвана изучить семантическую структуру студентов в области психологии группы.

Параметров для анализа результатов репертуарной решетки существуют множество. В данной статье предлагаются для анализа количественные результаты факторного анализа. С помощью U-критерия Манна — Уитни мы обнаружили, что структура значений у студентов двух групп различается. Среднее количество факторов, включающих в себя разнообразные психологические группы, в которых студенты принимали участие, у студентов-технологов было равно 3,1. У студентов направления «Сервис» — 2,3 (различие значимо на уровне $p < 0,01$). Среднее количество факторов, полученных при анализе самой системы конструкторов (характеристик, выделяемых студентами при описании групп), у студентов-технологов составляло 3,9, а у студентов направления «Сервис» — 3,1 (различие значимо на уровне $p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что обучение психологии групп повышает сложность структуры значений в сознании студента, что является основой развития у него компетентности работы с группой.

Конечно, нельзя думать, что навыки работы в команде будут полностью сформированы в ходе данных занятий. С одной стороны, студенты уже приходят с индивидуальным

опытом работы в команде, который необходимо учитывать. С другой стороны, ключевая компетентность предполагает ее формирование в течение длительного времени и в рамках различных курсов. Мы в данном курсе лишь закладываем основы формирования компетенции как научно-практического способа преобразования социальной реальности, которая в дальнейшем должна найти свой выход в других дисциплинах и деятельности студентов.

Другой проблемой становится вопрос о способах оценки уровня сформированности таких сложных компетенций, как социально-психологические. Хотя мы и рассматриваем компетенцию как набор поведенческих признаков, мы понимаем, что продемонстрировать напрямую такие компетенции не всегда возможно, что приводит к трудностям в оценке. В условиях вуза создать необходимую ситуацию, в которой студент продемонстрирует свою компетенцию, возможно разными способами. Метод кейсов, решения ситуаций — наиболее часто применяемый. Однако он оценивает лишь вербальный, осознанный уровень значения. Мы же предлагаем методы, позволяющие изучить более глубинные уровни семантического пространства, которое лежит в основе нашего поведения. Мы понимаем, что данные методы психосемантики также несовершенны и полностью не раскрывают компетентность человека, но очевидно, что возможно использовать их в диагностике компетенций будущих специалистов, в том числе таких сложных навыков, как работа с группой.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо включить в подготовку специалистов направления «Сервис» обучение работе с группой либо в виде отдельных дисциплин, либо изменить их общепсихологическую подготовку, включив в нее формирование рассматриваемой нами компетенции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жуков Ю. М. Технологии командообразования: учеб. пособие для студентов вузов / Ю. М. Жуков, А. В. Журавлев, Е. Н. Павлова. М.: Аспект Пресс, 2008. 320 с.
2. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Эффективная команда: шаги к созданию. Руководство для тех, кто хочет создать свою команду. СПб.: Речь, 2003. 128 с.
3. Сартан Г. Н. Тренинг командообразования. СПб.: Речь, 2005. 187 с.
4. Хуторской А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Хуторского. М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. С. 12—19.
5. Данилькевич А. В., Данильчук Е. В. Проблемы формирования информационно-коммуникативной компетентности при подготовке специалистов эстетико-гуманитарного направления в системе среднего профессионального образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 245—249.
6. Киселева Г. С. Модель компетенций как инструмент оценки эффективности системы переподготовки и повышения квалификации кадров // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 222—225.
7. Геллерт М., Новак К. Все о командообразовании: руководство для тренеров / Пер. с нем. М.: Вершина, 2006. 352 с.
8. Самоукина Н. В. Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах. М.: Вершина, 2006. 224 с.
9. Красностанова М. В. Assessment Center для руководителей. Опыт реализации в российской компании, упражнения, кейсы / М. В. Красностанова, Н. В. Осетрова, Н. В. Самара. М.: Вершина, 2007. 208 с.
10. Серкин В. П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.
11. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
12. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструкторов. СПб.: Речь, 2000. 256 с.

REFERENCES

1. Zhukov Yu. M. Technology of teambuilding: training manual for students / Yu. M. Zhukov, A. V. Zhuravlev, E. N. Pavlova. M.: Aspect Press, 2008. 320 p.
2. Zinkevich-Evstigneeva T. D. Effective team: steps to creation. Guide for those who want to create their own team. St. Petersburg: Rech, 2003. 128 p.
3. Sartan G. N. Training teambuilding. St. Petersburg: Rech, 2005. 187 p.
4. Hutorsky A. V. Definition of the general subject content and core competencies as a characteristic of a new approach to

the design of educational standards // Competence in Education: Experience of design: Collection of scientific work. / Ed. by A. V. Khutorskoy. M.: Research and Innovation Enterprise INEC, 2007. P. 12—19.

5. Danilkevitch A. V., Danilchuk E. V. Problems of formation of information-communicative competence while teaching the specialists of the aesthetic-humanitarian specialty in the system of secondary professional education // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 245—249.

6. Kiseleva G. S. Competency model as a tool for evaluation of effectiveness of the personnel re-training and raising the skill level system // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 222—225.

7. Gellert M., Nowak K. All of teambuilding: a guide for trainers: Translated from the German M.: Vershina, 2006. 352 p.

8. Samoukina N. V. Effective motivation of personnel with minimal financial costs. M.: Vershina, 2006. 224 p.

9. Krasnostanova M. V. Assessment Center for executives. Experience of implementation in the Russian company, exercises, case studies / M. V. Krasnostanova, N. V. Osetrova, N. V. Samara. M.: Vershina, 2007. 208 p.

10. Serkin V. P. Methods of psycho-semantic. M.: Aspect Press, 2004. 207 p.

11. Petrenko V. F. Fundamentals of psycho-semantic. 2nd ed., amended. St. Petersburg: Piter, 2005. 480 p.

12. Kelly G. Personality Psychology. The theory of personal constructs. St. Petersburg: Rech, 2000. 256 p.

УДК 811.111-26:372.881.111.1

ББК 81.2

Shirokikh Anna Yurievna,

candidate of philology, associate professor,
associate professor of the foreign languages department-4
of Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: ashirokikh@mail.ru

Широких Анна Юрьевна,

канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки-4»
Финансового университета
при Правительстве РФ,
г. Москва,
e-mail: ashirokikh@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК И СИСТЕМАТИКА АСПЕКТОВ УЧЕБНОЙ СИТУАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

TYOLOGY OF ERRORS AND SYSTEMATIZATION OF ENGLISH CLASSROOM ASPECTS

В статье обсуждаются ошибочные действия по овладению лингвистической, социокультурной, прагматической и стратегической компетенциями. Основой дихотомии ошибок автор считает статус коммуникантов в речевом акте, то есть продуцирование речи или ее восприятие. На этой основе выделяются репрезентативные и перцептивные ошибки. Пробелы в знаниях о языке, культуре, особенностях дискурса и прагматике высказывания, по мнению автора статьи, ведут к языковым, социокультурным, дискурсивным и прагматическим погрешностям. Особое внимание уделяется интонации и паузации в произношении, вариативности нормы языка, контекстуальной полисемии, переводу, межъязыковой омонимии и социокультурной обусловленности текстов. Выработаны ситуативный, социальный и когнитивный аспекты в подходе к учебной ситуации с целью устранения возможных ошибок в речи студентов.

The article looks upon errors in mastering linguistic, social and cultural, pragmatic and strategic competencies. The status of communicants in a speech act is seen as a basis for the first dichotomy of representational vs. perceptual mistakes. Lack of knowledge about the language, culture, peculiarities of a discourse and utterance pragmatics, in the author's point of view, may cause language, social and cultural, discourse and pragmatic errors. Special attention is paid to intonation and pausing in pronunciation, variability of language norms, contextual polysemy, translation, inter-language homonymy, social and cultural conditionality of texts. Situational, social and cognitive approaches to English classroom

situation are worked out in order to prevent possible errors.

Ключевые слова: репрезентация, перцепция, дискурс, прагматика, вариативность нормы, перевод, когнитивия, фонетика, лексика, семантика, морфология, синтаксис.

Keywords: representation, perception, discourse, pragmatics, variability of language norms, translation, cognition, phonetics, lexis, semantics, morphology, syntax.

Успешность профессиональной деятельности и востребованность специалиста на рынке труда зависит от сформированности межкультурной коммуникативной компетенции и языковых навыков. Данные исследования Министерства образования и науки РФ 2003 года, так же как и последующие опросы общественного мнения, подтверждают, что «35% выпускников планировали международную миграцию, 25% всех опрошенных за год до окончания высшего учебного заведения предпринимали активные действия по организации выезда за рубеж для работы», и данная тенденция растет [1, с. 200]. «Иноязычная подготовка, согласно новым стандартам третьего поколения, рассматривается как неотъемлемая составляющая подготовки специалистов и одновременно как совокупность взаимодействующих компонентов педагогической системы, обеспечивающей выпускникам получение знаний, формирование навыков и умений в различных видах профессиональной деятельности, а также комплекса компетенций, необходимых для дальнейшего развития личности профессионала» [2, с. 223].

Овладение межкультурной компетенцией, являющейся

неотъемлемой частью профессиональной компетенции современного специалиста, «медиатора культур» [3, с. 236], осуществляется экспериментальным путем через просветительскую деятельность педагога и познавательную деятельность студента. Содержание межкультурной компетенции включает дискурсивные, этические, коммуникативные стратегии, толерантность по отношению к изучаемой культуре и сохранение собственной национальной идентичности. Лингвистический, социокультурный, прагматический, дискурсивный и стратегический аспекты межкультурной компетенции, то есть знание правил языка и умение адекватно их использовать в соответствии с социокультурными нормами, владение нормами коммуникативного поведения и способность связно, логично и функционально излагать мысли, а также желание постоянно компенсировать пробелы в знаниях являются наиболее важными аспектами межкультурной компетенции.

Анализ учебной работы позволяет выделить несколько системно значимых подклассов погрешностей в овладении вышеперечисленными стратегиями речевого общения. Представляется, что основой первой дихотомии речевых ошибок должен стать статус коммуниканта в речевом акте, то есть перцепция или репрезентация как противопоставление восприятия языкового сообщения продуцированию речи. Репрезентативные ошибки могут быть связаны с неправильным толкованием мотивов речевого действия, условий коммуникации и статуса коммуникантов. Репрезентативные ошибки — это всегда те, которые продуцируют высказывание, формируют его содержание и оформление. Перцептивные ошибки — это ошибки психосоциального характера, связанные с отсутствием умений критического осмысления фактов и явлений инокультуры [4, с. 56], то есть ошибки на уровне интерпретации языковой информации. Репрезентативные ошибки — это слова-действия, реализующие коммуникативный потенциал в высказывании.

Недоработки учебной деятельности по освоению иностранного языка могут также вести к ошибкам, которые представляют собой пробелы в знаниях о языке, культуре, особенностях дискурса и прагматике высказывания, то есть собственно языковые, социокультурные, дискурсивные и прагматические ошибки. Языковые ошибки включают фонетические/фонологические, морфосинтаксические, лексико-семантические и орфографические ошибки. Социокультурные ошибки вызваны недостатком знаний истории, культуры и коммуникативных норм языка [5, с. 33]. Дискурсивные ошибки характеризуются неспособностью студента определить стилистическую принадлежность своего высказывания или связно и логично изложить речевое сообщение. Прагматические ошибки связаны с нарушением функциональности речи или неверной интерпретацией высказываний.

Фонетические ошибки, или «акцент», изучающих английский язык студентов могут вызывать негативные реакции представителей англоязычной культуры. По С.И. Бернштейну, эти негативные реакции являются формой «протеста против принуждения к непродуктивной затрате умственной энергии» [6, с. 18]. Однако вариативность нормы произношения признается авторами многих аутентичных учебных пособий по английскому языку. Так, например, учебник *Market Leader, In Company* и другие зарубежные пособия предлагают для прослушивания тексты, начитанные людьми,

для которых английский язык не является родным.

Практика учебной работы показывает, что студенты, изучающие английский язык, находят аутентичную интонацию, темп речи и логичность паузации наиболее трудными не только для восприятия на слух, но и для продуцирования из-за интерферирующих аспектов произношения родного языка. С одной стороны, в общении с носителями языка информационный посыл сообщения важнее, чем, скажем, интонационное отхождение от нормы, так как целью общения всегда является адекватная реакция слушающего. С другой стороны, погрешности произношения вызывают неравномерные состояния сознания реципиента и могут вызвать культурно-языковой шок. Для преподавателя, таким образом, выбор языкового материала для прослушивания, соответствующего или не соответствующего стандарту, обилие фонетико-коммуникативных упражнений на любом уровне овладения навыками иноязычной речи является первоочередной и требующей дополнительных усилий задачей.

Лексико-синтаксический уровень изучаемого языка, так же как и фонетика, полон «неожиданностей» для «неискушенного» студента. Так, например, в терминологии юриспруденции мы находим много единиц речи, объяснить значение которых можно, лишь обратившись к истории и культуре британской нации. Термины *Queen's counsel* (звание адвоката, консультанта государственного уровня), *direct action* (форма уголовного, агрессивного подстрекательства к внеправовым действиям) — яркие примеры социокультурных лексико-семантических ошибок. Знание о том, что многие общеупотребительные слова переходят в разряд терминов в регистре профессиональной речи, например, *consideration* — «денежные выплаты или иная форма вознаграждения», в общем английском значении — «рассмотрение, обсуждение», еще одна трудность восприятия. Осведомленность о различиях между британским и американским вариантом английского языка позволяет исключить непонимание в общении с представителями разных англоязычных наций, например, *Competition Law (Br) = Antitrust Law (Am)* (антимонопольный закон), *abuse of a dominant position (Br) = abuse of monopoly power (Am)* (злоупотребление монопольной властью). Разница в коллокациях родного и изучаемого языка слов с международными, латинскими корнями вносит путаницу в воспринимающие модули сознания, например, *minor* (несовершеннолетний). Повторения номинаций одного и того же понятия, явления, действия, лица или предмета, например, *breaking and entering* (взлом), *acknowledge and confess* (признать) озадачивают, так как студент ошибочно ищет дополнительные значения для второй составляющей словосочетания.

Письменная речь, как и устная, вариативна по своей природе. Вариативность нормы письменной речи тесно связана со стилистикой текстов. Например, если студенты вступают в переписку с представителями другой лингвокультуры в неофициальной обстановке, в чатах Интернета, ошибки в правописании, грамматической структуре предложения, в морфосинтаксической и лексико-семантической сочетаемости слов привычны и не вызывают неравномерных состояний сознания по той же причине — коммуникативный замысел сообщения первичен в речи. Однако при переходе в другой регистр речи, например, при написании реферата или подготовке аннотации к какому-либо текстовому материалу, культура письменной речи приобретает первичное значение. Некоторые ошибки письменных видов речи (например, правописание или морфосинтаксическая

сочетаемость слов) легко устранимы благодаря современным компьютерным технологиям. Другие ошибки требуют знаний коллокационной сочетаемости лексических единиц и употребительности этих единиц в том или ином регистре речи, что позволяет рассматривать их как пограничный вид языковых и дискурсивных ошибок. Еще один вид ошибок письменной речи касается синтаксического строя языка и способности адекватно сопоставлять англоязычные и русскоязычные структуры. Интерференция на уровне словосочетаний и предложений, которая обнаруживается в использовании нетипичных, «переводных» структур (то есть студент «мыслит» по-русски, а затем переводит свою мысль на английский язык, не задумываясь о разнице языкового строя), является не только языковой, но и социокультурной ошибкой.

Обращаясь к проблеме перевода в контексте учебной работы по овладению иностранным языком, следует заметить, что перевод неизбежен хотя бы на подсознательном уровне для иноязычной аудитории — это способ ухода «на определенный глубинный уровень — смысла, содержания, абстрагируясь от поверхностных средств языкового выражения» [7, с. 76—77]. Ошибки, связанные с неадекватным переводом англоязычных слов и высказываний, носят чисто перцептивный характер в отличие от вышеупомянутых перцептивно-репрезентативных ошибок речи. Ошибки, связанные с неадекватностью перевода или его стратегий, можно разделить на социолингвистические, вызванные недостатком страноведческой информации, контекстные, касающиеся полусемии и размытости границ между специальной и общеупотребительной лексикой, и структурные, относящиеся к межъязыковой омонимии, лакунарности и калькированию.

Например:

— Chapter 11 — «свод законов о реорганизации компании в случае банкротства» — возможна социолингвистическая ошибка в случае недостатка знаний о правовой системе США;

— liability — «финансовая ответственность, долги» (в финансовых текстах) и «правовая ответственность» (в текстах юриспруденции) — возможна ошибка, связанная с неумением разграничить первостепенные и второстепенные смысловые элементы в контексте употребления слова;

— special — особенный, alternate forms — дополнительные формы, list — список — «ложные друзья переводчика» или creative accounting — «манипуляции с бухгалтерской отчетностью» (с целью скрыть или приукрасить реальное положение дел) — «неискушенный» студент может начать калькировать вследствие незнания правильного перевода термина.

Прагматические ошибки связаны прежде всего с неправильным толкованием функциональной направленности высказывания и погрешностями речевой интерпретации в определенной ситуации общения. Например, глагол *would* может быть использован в функции *to make a polite request* (вежливый вопрос) или в функции *to express a wish* (выражение желания). Скажем, в ситуации обеда в ресторане недобросовестный студент английского языка, желая рассчитаться по счету, говорит официанту: «*Would you like a bill?*» Ситуация парадоксальна, так как произошла подмена функции желания на функцию вопроса. Вероятно, студент хотел сказать «*Could you give me the bill?*» Этот пример — демонстрация нарушения коммуникации в результате неправильно истолкованной прагматики высказывания.

Еще раз обратимся к различным типам дихотомии ошибок, совершаемых иноязычными пользователями языка, и вспомним, что мы выделили репрезентативные и перцептивные, языковые, социокультурные, дискурсивные и прагматические ошибки, ошибки, приводящие к нарушению коммуникации, и ошибки, не приводящие к нарушению коммуникации. Возможно также разграничить речевые и поведенческие ошибки. Поведенческие ошибки демонстрируют нетипичное для представителей культуры поведение, например, нежелание отвечать на дополнительные вопросы после презентации или *jumping the queue*, желание нарушить очередность в получении каких-то благ.

Все вышеперечисленные типы носят пограничный характер, так как различные аспекты речевой деятельности постоянно пересекаются между собой, продуцируя хаотичность воспринимающих модулей сознания и демонстрируя несовершенство наших знаний об изучаемом языке. Вопрос о том, как минимизировать количество ошибок, не дать им перейти из разряда случайных *slip of the tongue* в разряд «окаменелых» *fossilized errors*, волнует преподавателей английского языка. Необходим комплексный подход, сочетающий когнитивный, социальный и ситуационный аспекты в преподавании языковых дисциплин.

Социальный подход предполагает социализацию внутри группы студентов, их способность помочь (с помощью языковых навыков) другим распознать и воспринять явления, идеи и концепты иноязычной картины мира. Социальный подход также означает обеспечение студентов такими внеклассными типами заданий, которые требуют общения с представителями иноязычной культуры с целью получения определенной информации или практики общения. Например, проектная деятельность, различного вида опросы, переписка, участие в тематических чатах Интернета и т. д. Социальный подход нацелен на выработку стратегической компетенции, то есть способности самостоятельно повышать уровень языковых навыков.

Когнитивный аспект рассматривается как способность классифицировать, сравнивать, сопоставлять, предвидеть развитие языковой ситуации, выбирать, логически выстраивать ход суждения, использовать догадку и логику в работе с текстами. Способность интерпретировать тексты, выделять социально и культурно значимую информацию, копировать типичные модули аутентичного общения как следствие наблюдения за языковым поведением представителей англоязычной культуры развивают познавательные навыки студентов и способствуют развитию не только чисто языковой компетенции, но и социокультурной, прагматической, дискурсивной и общепрофессиональной компетенций.

Ситуационный аспект зависит от конкретной аудитории, уровня языковой и специальной профессиональной подготовки студентов, текста сообщения и является основой выбора тех или иных педагогических технологий в отработке языкового материала. Речь зависит от ситуации общения, статуса коммуникантов, времени и места речевого акта, и только в контексте этих факторов возможно получение знаний о лексическом и грамматическом строе изучаемого языка.

Задачей преподавателя, таким образом, является создание такой учебной ситуации, которая отражала бы оптимальное сочетание трех аспектов с целью приобретения перцептивных и репрезентативных навыков работы с печатными и звучащими монологическими и диалогическими текстами. Адекватная перцепция содержания и уместность последующей

репродукции — основа успешного межкультурного общения и готовности к сотрудничеству на международном уровне.

Ошибки, совершаемые студентами как вследствие объективных причин, например, различий в социокультурном восприятии мира, так и вследствие субъективных факторов, таких как неразвитость языковых или когнитивных навыков, труднее устранить, чем предотвратить. Условием достижения объективных условий для познания иноязычной культуры является комплексный подход к учебному про-

цессу, развитие навыков социализации и когниции в различных ситуациях общения. Обеспечение учебного процесса большим количеством аутентичного материала, погружение в языковую среду, общение в диалоге и полилоге, использование инновационных интерактивных методов обучения иностранным языкам, обращение не только к чисто языковым, но и к речевым и поведенческим моментам иноязычной культуры — вот те аспекты учебной ситуации, которые способны предотвратить ошибки в речи студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сибирякова Т. Б. Повышение качества профессионального образования — важное условие обеспечения социально-экономического развития России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 200—203.
2. Локтюшина Е. А. Из истории становления отечественной теории и практики языкового образования в профессиональных целях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 221—224.
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 352 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Сафонова В. В., Кузьмина Л. Г. Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучающихся // Иностранный язык в школе. 1998. № 5. С. 31—34; № 6. С. 10—18.
6. Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению (Применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучения произношению / Под ред. А. А. Леонтьева, Н. И. Самойловой. М., 1975. С. 5—61.
7. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. М.: Наука, 1985. 200 с.

REFERENCES

1. Sibiryakova T. B. Increasing the Professional Education Quality is an Important Condition of Providing Social and Economic Development of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 200—203.
2. Loktyushina E. A. From the History of Establishing the National Theory and Practice of the Language Education for Professional Purposes // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 221—224.
3. Elizarova G. V. Culture and Foreign Language teaching. St. Petersburg: KARO, 2005. 352 p.
4. Veszbitskaya A. Language. Culture. Cognition. M.: Russian dictionaries, 1997. 416 p.
5. Safonova V. V., Kuzmina L. G. Typology of Socio-cultural Mistakes in English Written Speech of Russian Students // Foreign Languages at School. 1998. № 5. P. 31—34; № 6. P. 10—18.
6. Bernstein S. I. Problems of Teaching Pronunciation (on the material of teaching Russian to foreigners) // Issues of Phonetics and Teaching Pronunciation / Under the editorship of A. A. Leontiev, N. I. Samoilova. M., 1975. P. 5—61.
7. Marchuk Yu. N. Methods of Translation Modeling. M.: Nauka, 1985. 200 p.

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ**SURVEYS. REVIEWS**

УДК 378
ББК 74.58

Vashchenko Andrey Alexandrovich,
doctor of economics, assistant professor,
rector of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: rectoru@volbi.ru

Ващенко Андрей Александрович,
д-р экон. наук, доцент, ректор
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: rectoru@volbi.ru

Ladauscas Sergey Viktorovich,
candidate of philosophy,
deputy rector in charge of scientific research
of Volgograd Business Institute,
e-mail: kol_ins@rambler.ru

Ладаускас Сергей Викторович,
канд. филос. наук, проректор по науке
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: kol_ins@rambler.ru

**ОБЗОР СОВМЕСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И АССОЦИАЦИИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ РОССИИ**

**REVIEW OF THE JOINT MEETING OF THE INTERREGIONAL ASSOCIATION OF THE HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS AND THE ASSOCIATION OF NON-GOVERNMENTAL HIGHER
EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIA**

С 6 по 8 октября 2014 года в городе Сочи состоялась совместное заседание Межрегиональной ассоциации образовательных организаций высшего образования (МАООВО) и Ассоциации негосударственных вузов России (АНВУЗ) с участием представителей Рособнадзора. Мероприятие прошло в рамках научно-исследовательского форума «Реализация высокотехнологичных инновационных систем регионального развития» в период проведения XX Международной научно-практической конференции «ИННОВАТИКА-2014». В работе заседания приняли участие ректоры и представители более 30 негосударственных вузов из различных субъектов РФ. Основной тематикой встречи стала проблематика повышения эффективности негосударственных вузов России на современном этапе развития образовательной системы в целом.

The joint meeting of the Interregional association of the higher education institutions and the Association of non-governmental higher educational establishments involving representatives of the Federal Science and Education Supervision Agency was held in Sochi on October 6–8, 2014. The event was conducted within the frame of the scientific-research forum «Implementation of high-tech innovative systems of regional development» during the XX International Scientific Conference «Innovation-2014». Rectors and representatives of more than 30 Russian non-governmental higher schools from different RF entities participated in the meeting. The meeting was focused on the problems of increasing efficiency of Russia non-governmental higher educational institutions at the current stage of the entire educational system development.

Ключевые слова: негосударственное образование, негосударственные вузы, частное образование, частные образовательные организации, Ассоциация негосу-

дарственных вузов России, Межрегиональная ассоциация образовательных организаций высшего образования.

Keywords: non-governmental education, non-governmental higher educational institutions, Association of non-governmental higher educational establishments of Russia, Interregional association of the higher educational institutions.

Открыл заседание ректор Российского нового университета, профессор, доктор технических наук, председатель Совета Ассоциации негосударственных вузов России, член Аккредитационной коллегии Рособнадзора Владимир Алексеевич Зернов. В своем выступлении, как и ряде предыдущих, он отметил, что основная проблема, которая стоит сейчас перед российской системой образования, — это крайне слабая конкуренция внутри образовательного пространства [1; 2]. Первостепенная задача негосударственного сектора состоит в том, чтобы создать реальную конкурентную среду и показывать большую эффективность использования ресурсов, чем в государственном секторе. При этом, подчеркнул докладчик, до сих пор в освещении деятельности негосударственных вузов со стороны ряда средств массовой информации в качестве сюжетов репортажей можно встретить эксплуатацию мифов о том, что: качество образования в негосударственном секторе ниже, чем в государственном; в негосударственных вузах отсутствуют научные достижения; негосударственные вузы демпингуют по стоимости обучения и баллам ЕГЭ. Это уже не соответствует реалиям и требует изменения оценок как со стороны государственных органов, так и со стороны общественности.

Выходом из сложившейся ситуации с проблемами развития частного образования в России является, с одной стороны, усиление интеграционных процессов между негосударственными вузами в форме консорциумов, холдингов

и других форм объединения вузов с целью усиления их конкурентоспособности. С другой стороны, полномасштабно должна идти интеграция частных образовательных организаций в экономику региона. При этом подходе особое внимание вузы должны уделять своим программам, связанным с развитием прикладного бакалавриата, среднего профессионального образования, дополнительного образования.

В. А. Зернов подчеркнул, что требуется конструктивное отстаивание интересов негосударственного сектора в образовании. В соответствии с решением Межведомственной комиссии по проведению мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования от 3 июня 2014 года Ассоциации негосударственных вузов России было поручено организовать проведение мониторинга мероприятий по повышению эффективности деятельности частных образовательных организаций высшего образования и предоставить результаты на следующее заседание Межведомственной комиссии, которое состоится 30 октября 2014 года. По решению Коллегии Рособнадзора РФ от 13 мая 2014 года при АНВУЗ России создан Совет по общественной оценке эффективности деятельности негосударственных образовательных организаций высшего образования. АНВУЗ инициировала ряд процедур, связанных с выработкой показателей и критериев общественной оценки деятельности вузов. Результатом подобной оценки могло бы стать усиление устойчивости негосударственных вузов путем поддержки состоявшихся вузов в виде мнения независимого профессионального сообщества. В настоящее время идет выработка критериев подобной оценки, которые позволяют выявить слабые вузы, дискредитирующие весь негосударственный сектор.

При этом мониторинг достижений негосударственных вузов не рассматривается как альтернатива мониторингу Минобрнауки, который, безусловно, является положительным явлением в системе российского образования. Однако ряд критериев мониторинга Минобрнауки, как отмечалось многими экспертами, не отвечают интересам развития системы образования, лоббируют интересы тех вузов, которые имеют мощную государственную поддержку и сильное бюджетное финансирование. Как пример, критерий эффективности научной деятельности вуза в мониторинге оценивается по количеству освоенных ресурсов. Во всем мире наука оценивается по полученным результатам, и не важно, сколько денег вуз потратил на научные открытия. Мы уже сейчас наблюдаем, что результаты мониторинга государственных и негосударственных вузов примерно равны. Это говорит о том, что в стране уже есть достаточно большое количество негосударственных вузов, которые обеспечивают качество образования, сопоставимое с качеством в государственных вузах. При этом объемы государственной поддержки сравнивать трудно, не говоря уже о том, что частные вузы уплачивают налоги с недвижимости и земли (государственным вузам эти налоги компенсируются, или они освобождаются от налогов).

В. А. Зернов подчеркнул необходимость дальнейшего конструктивного сотрудничества всех представителей негосударственного сектора образования с Министерством образования и науки РФ и Рособнадзором. Для этого требуется разработка дорожной карты развития сектора, учитывающей программы развития вузов на 4—5 лет и квотирование, соотносимое с реальным приемом программ развития. При этом следует и в дальнейшем отстаивать равнодоступность вузов всех организационно-правовых форм учредительства к государственным ресурсам для развития системы образования

РФ, что уже предусмотрено законом «Об образовании в РФ», решениями Госсоветов по образованию Правительства РФ и т. д. с учетом устранения дискриминации участия частных вузов в конкурсах, проводимых Министерством образования и науки РФ.

Завершая выступление, докладчик сделал вывод, что единственный правильный путь частного высшего образования в России на современном этапе — это создание им конкурентоспособных структур по любым параметрам (в частности, участие вузов в международных и российских рейтингах, повышение уровня привлекательности для вложений серьезных финансовых ресурсов и т. д.).

Продолжением обсуждения поставленных проблем стало выступление Президента ОО «МАООВО», ректора НОУ ВПО «Институт управления, бизнеса и права», доктора экономических наук, профессора Имрана Гурруевича Акперова. Он представил доклад о первых результатах работы инициативной группы под его руководством по формированию «Дорожной карты развития негосударственных образовательных организаций». В работе этой группы принимают участие руководители 34 вузов из 14 субъектов Российской Федерации. В состав рабочей группы входят 13 ректоров вузов и 25 представителей вузов. 11 сентября 2014 года в Астрахани состоялось обсуждение материалов дорожной карты с руководителем Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки С. С. Кравцова. Деятельность рабочей группы была в целом поддержана.

В результате интерактивных консультаций с членами рабочей группы в предложенный план дорожной карты было внесено более 150 предложений, которые разбиты по направлениям и входят в состав 5 приложений. В настоящее время разрабатываются следующие пять направлений:

1. Программа оптимизации региональных образовательных систем частного высшего образования.

— Внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты с целью оптимизации процедур переоформления лицензии и свидетельства о государственной аккредитации в случае интеграции (реорганизации) вузов в различных формах (слияние, присоединение).

— Принятие нормативно-правовых актов, регламентирующих соответствующие процедуры.

— Оптимизация сети частных образовательных организаций России.

— Определение целевых показателей состояния региональных образовательных систем (количество вузов, количество студентов, структура направлений подготовки, уровней образования и т. д.) и способов их достижения.

2. Программа включения частных образовательных организаций в существующие федеральные и региональные программы поддержки и развития системы образования.

— Разработка программы оптимизации региональных образовательных систем.

— Определение целевых показателей состояния региональных образовательных систем (количество вузов, количество студентов, структура направлений подготовки, уровней образования и т. д.) и способов их достижения.

— Создание консультационных центров поддержки студентов в случае прекращения деятельности образовательных организаций.

— Объединение ресурсной базы вузов с целью обеспечения качества образования.

3. Разработка принципов формирования совместных

с государственными структурами «образовательных технологических платформ».

— Разработка принципов и механизмов формирования «образовательных технологических платформ» в форме государственно-частного партнерства.

— Разработка программы создания конкретных «образовательных технологических платформ» в регионах на базе общих принципов и механизмов формирования совместных технологических платформ.

— Создание конкретных «образовательных технологических платформ» в регионах.

4. Программа развития системы частного высшего образования в Российской Федерации на период до 2020 года.

— Определение целевых показателей состояния системы частного высшего образования по состоянию на 1 сентября 2020 года и способов их достижения.

— Разработка предложений по внесению изменений в действующие нормативно-правовые акты с целью включения частных образовательных организаций в существующие федеральные программы поддержки и развития системы образования.

— Создание организационно-правовых условий реализации программы с целью оптимизации сети образовательных организаций частного образования.

— Принятие нормативно-правовых актов, регламентирующих участие частных образовательных организаций в существующих федеральных программах поддержки и развития системы образования.

— Разработка предложений по внесению изменений в действующие нормативно-правовые акты субъектов РФ с целью включения частных образовательных организаций в существующие региональные программы поддержки и развития системы образования.

— Определение перечня региональных программ поддержки и развития системы образования, к участию в которых должны быть допущены частные образовательные организации высшего образования.

5. Программа дополнительных мероприятий для развития системы частного образования.

— Формирование региональных экспертных центров с целью активизации экспертного потенциала образовательных организаций частного образования в существующих федеральных программах поддержки и развития системы образования.

— Аккредитация региональных экспертных центров.

— Формирование графика обучения экспертов совместно с Рособрнадзором, аккредитация экспертов.

— Включение в состав комиссий по аккредитации и комиссий Рособрнадзора по проверкам вузов представителей экспертного сообщества системы частного высшего образования.

— Разработка программы общественного мониторинга деятельности частных образовательных организаций высшего образования.

Особое внимание участников заседания вызвал доклад

заместителя начальника Управления надзора и контроля за организациями, осуществляющими образовательную деятельность, Рособрнадзора Андрея Юрьевича Петрова по теме «Реструктуризация сети вузов через механизмы государственного контроля и надзора». В своем выступлении он охарактеризовал такие различные инструменты контрольно-надзорной деятельности, как аккредитация, постлицензионный контроль, плановые и внеплановые проверки, пороговые значения ЕГЭ при приеме и мониторинг сферы образования (профессиональный и общественный), и раскрыл их роль в процессе оптимизации сети вузов в России.

Завершилось совместное заседание круглым столом по теме «Перспективы развития частного образования в России», на котором участники обсудили предыдущие выступления. Модератором дискуссии выступил Исполнительный директор ОО «МАООВО», доктор физико-математических наук, профессор Сергей Олегович Крамаров.

В ходе дискуссии были рассмотрены вопросы усовершенствования методик определения эффективности негосударственных вузов для разработки дополнительных критериев их качественной оценки. В качестве таковых А. А. Ващенко, доктор экономических наук, ректор Волгоградского института бизнеса, предложил:

1. Остепененность и штатность.
2. Материальная база.
3. Экономическая эффективность.
4. Экономическая эффективность в части стоимости образовательных услуг.
5. Наличие положительных заключений от общепризнанных организаций общественной аккредитации.
6. Наличие системы управления качеством.
7. Качество ЕГЭ в сравнении со средним по региону и специальности у абитуриентов, поступивших на платные отделения.
8. Процент трудоустройства выпускников-бюджетников на основе материалов самообследования вуза, информации службы занятости, рейтинговых компаний, контрольных звонков выпускникам.
9. Уровень заработной платы преподавателей в сравнении со средней по отрасли в регионе.
10. Наличие студентов — победителей региональных и всероссийских олимпиад и профессиональных конкурсов.
11. Введение института самоуправляемых организаций в образовательном сообществе, несущих субсидиарную ответственность за входящих в них членов [3; 4].

Участники круглого стола сошлись во мнении, что использование таких дополнительных критериев может снизить нагрузку на Рособрнадзор в части проведения проверок и позволит более емко подходить к оценке вуза, а также снизит формальность показателей мониторинга.

Итогом заседания стала выработка конкретных предложений для дорожной карты развития частных образовательных организаций высшего образования России, направленных на усиление влияния негосударственных образовательных организаций как в социально-экономическом развитии регионов, так и Российской Федерации в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зернов В. А. Конкурентоспособность отечественной системы высшего образования // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 4. С. 8—11.
2. Зернов В. А. Негосударственные вузы России: современное состояние, тенденции и перспективы // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 3—11.

3. Ващенко А. А., Ващенко А. Н. Эффективность высшего учебного заведения в современных условиях развития России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 4 (36). С. 17—21.

4. Ващенко А. А., Кузеванова А. Л. Модель развития частного образования в современных российских условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 136—142.

REFERENCES

1. Zernov V. A. The Competitiveness of domestic Higher Educational System // Issues of theory and practice of management. 2014. № 4. P. 8—11.

2. Zernov V. A. Non-governmental higher educational establishments of Russia: modern state, tendencies and perspectives // Higher Education in Russia. 2013. № 4. P. 3—11.

3. Vashchenko A. A., Vashchenko A. N. Effectiveness of a higher educational institution in the modern conditions of Russia development // Journal of Altai Academy of Economics and Law. 2014. № 4 (36). P. 17—21.

4. Vashchenko A. A., Kuzevanova A. L. Model of development of private education in the modern Russian conditions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 136—142.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Редакция Журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы — научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико–прикладных исследований по следующим областям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

Редколлегия принимает решение о принятии материалов или отказе в публикации исключительно на основе их актуальности, новизны и научной значимости.

Материалы, не соответствующие по тематике перечисленным предметным областям исследования, к рассмотрению не принимаются.

Согласно своему заявлению автор разрешает редакции размещать его научное произведение в журнале, библиотеках, любых информационных средствах печати, интернете с целью распространения в научном сообществе и в обществе сведений о его научных идеях, достижениях, результатах.

Автор (соавторы) несет ответственность за достоверность представляемой информации, точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр и других данных, приведенных в материалах.

Редколлегия проверяет научную работу на наличие заимствований на сайте antiplagiat.ru и извещает автора (-ов) о результатах экспресс–оценки рукописи (отклоняется или принимается рукопись для дальнейшего рецензирования).

С целью экспертной оценки поступившие в редакцию статьи направляются на внутреннее рецензирование согласно **Положению о порядке рецензирования авторских статей.**

К рецензии допускаются научные статьи, оформленные в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, размещенными на сайте журнала: <http://vestnik.volbi.ru/>

В случае, если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке научного материала, автору направляются замечания и/или предложения рецензента (без указания фамилии, имени, отчества, должности, места работы рецензента) для их устранения или доработки.

Доработанная статья, представляется автором в редакцию Журнала, рассматривается в общем порядке и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Исправления орфографического и стилистического характера вносятся в статью корректором без согласования с автором (-ами). При необходимости серьезных исправлений правка согласовывается с автором (-ами).

Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с произведенными изменениями и исправлениями в тексте в электронном виде.

Электронные файлы статей после их опубликования в журнале могут в формате PDF предоставляться автору (-ам) по их запросу на указанный e-mail.

Полученная авторами электронная версия может быть использована ими только для персональных научных нужд (выступлений, лекций, обсуждений, дальнейших разработок и пр.). **Ссылка на оригинал публикации обязательна.** Все требования от третьих сторон на использование этой работы должны направляться в редакцию (*e-mail: meon_nauka@mail.ru*).

Статьи, не принятые к опубликованию, возврату не подлежат. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам в ВАК.

TERMS AND CONDITIONS OF ARTICLES PUBLICATION

The Journal editorial board accepts scientific articles, reviews, surveys, comments reflecting scientific opinions, results and achievements of fundamental and theoretical and applied researches, which have never been published in any other printed or electronic issues in the following areas: **economic sciences (main trends), legal sciences and pedagogical sciences.**

The editorial board makes decision regarding acceptance of articles or rejection of the article based on their urgency, novelty and scientific value.

Materials that do not correspond to the listed areas of research are not accepted for review.

In compliance with his statement the author permits the editorial board to publish his scientific article in the journal, libraries, any information mass media, Internet in order to distribute scientific ideas, achievements and results in the scientific community and society.

The author (co-authors) takes responsibility for the trustworthy of provided information, accuracy of names, quotations, formulas, numbers and other data presented in the article.

The editorial board reviews the scientific article for borrowing using the site antiplagiat.ru and notifies the author(s) about results of the article assessment (whether it is rejected or accepted for further review).

For the purpose of expert review, the articles received by the editorial board shall be sent for internal review in accordance with the **Procedure of the articles review.**

The scientific articles executed in full compliance with the requirements to publications specified at the journal web site: <http://vestnik.volbi.ru/> are approved for review.

In case the review contains recommendation for revision or further development of the scientific article, the author shall be sent comments and/or proposals of the reviewer (without indicating last name, name, patronymic, title and the work place of the reviewer) for their incorporation or further development.

The finished article shall be submitted by the author to the editorial board of the Journal; shall be studied and sent for the repeated review together with author's response for each comment.

The editorial board keeps the right for revision of the articles without changing the scientific content of the original article. Corrections of spelling and style shall be incorporated in the article by the proof-reader without approval of the author(s). If serious corrections are required, they shall be made upon coordination with the author(s).

The articles submitted to the authors for further development shall be re-sent to the editorial board in the electronic format at the recommended date with incorporated changes and revisions.

Electronic files of the articles after their publication in the journal can be returned to the authors in PDF format upon their requests to the specified email.

Electronic copy received by the authors can be used by them only for personal scientific demands (speeches, lectures, discussions, further developments, etc.). **Original publication shall be mandatory referenced.** All requests from the third parties for the article use shall be sent to the editorial board at *e-mail: meon_nauka@mail.ru*.

The articles not accepted for publication shall not be returned. In case of the article rejection, the editorial board shall send the reasoned response to the author.

The editorial board provides reviews to the expert committees of the Higher Attestation Committee upon request.

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: <http://vestnik.volbi.ru>, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

Адрес издателя, учредителя, редколлегии:
400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, 63, каб. 107,
тел. (8442) 22 35 47.
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: <http://vestnik.volbi.ru>

Подписано в печать 10.11.2014. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35, 87. Тираж 200. Заказ 650.
Отпечатано: ИП «Березюк», 400117, г. Волгоград,
ул. Землячки, 29, тел. (8442) 54 53 13

Выпуск № 4 (29) ноябрь 2014

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Цена свободная

П. П. РАДОВИЋ И КОМПАНИЈА